This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

COLUMBIA UNIVERSITY
THE
LIBRARIES
IN THE CITY OF NEW YORK

Digitized by Google

ОБЪ

ИНОРОДЦАХЪ АМУРСКАГО КРАЯ.

Сочиненіе **Л. Шренка,**

Д. ЧЛ. ИМП. АКАД. НАУКЪ.

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ. ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА: ГЛАВНЫЯ УСЛОВІЯ И ЯВЛЕНІЯ ВНѢШНЯГО БЫТА.

(СЪ 37-Ю ЛИТОГРАФИРОВАННЫМИ ТАБЛИЦАМИ И 18-Ю ПОЛИТИПАЖАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.)

БИБЛИОТЕКА
35595
СО АН СССР

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1899.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Н. Глазунова, М. Эггерса Комп. и **К. Л. Риккера** въ С.-Петербургѣ.
Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ.
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ.
М. В. Клюкина въ Москвѣ.
Н. Киммеля въ Ригѣ.
Фоссъ (Г. Гэссель) въ Лейпцигѣ.

Цѣна 14 руб. = 35 Mrk.

Digitized by Google

38658

982.7

M 2143/2

Buth. Stax
DK
771
.A3
S33
v. 2

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, іюнь 1899 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Библиотека АН СССР
Восточное отделение
2356/356 8/60

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ТОМА.

III. Этнографическая часть. Первая половина: главныя условія и явленія внѣшняго быта.

Глава 4.

Стр.

Скудость и неравномѣрное распредѣленіе туземнаго населенія въ Амурскомъ краѣ. Слѣдствія прежнихъ опустошительныхъ войнъ и новѣйшихъ болѣзней. Выборъ и перемѣна жилищъ по временамъ года. Зимники и лѣтники. Охотничьи и ночлежные шалаши. Запасные магазины и склады . . . . . 2—75

Ограниченіе параллельнаго обзора амурскихъ инородцевъ. Сосредоточеніе этого обзора главнымъ образомъ на нижне-амурскихъ инородцахъ, преимущественно на Гиляках. Упоминаніе лишь вскользь, ради сравненія, о туземномъ населеніи Верхне-Амурскаго и Сунгарійскаго края и объ Аинах, стр. 1. — Объясненіе причинъ скудости населенія въ Амурскомъ краѣ. Главныя изъ нихъ: беззаботность, лѣнь, неуваженіе къ женщинѣ и дурное съ нею обращеніе, стр. 2. — Малое вліяніе русскихъ набѣговъ въ XVII вѣкѣ на условія народнаго быта въ Нижне-Амурскомъ краѣ, стр. 3. — Распространеніе среди туземцевъ эпидемій въ связи съ вторичнымъ и окончательнымъ занятіемъ Амурскаго края Русскими, стр. 4. — Послѣдствія для Верхне-Амурскаго края русскихъ набѣговъ въ XVII вѣкѣ, стр. 5. — Вліяніе соприкосновенія Амурскаго края съ Маньчжурами и Китайцами на ростъ его туземнаго населенія. Объясненіе, этимъ соприкосновеніемъ и острымъ характеромъ столкновенія съ Русскими въ XVII вѣкѣ, убыли въ населеніи Верхне-Амурскаго края, стр. 6. — Существенная разница въ распредѣленіи народонаселенія на Сахалинѣ, стр. 7. — Недостовѣрность числовыхъ данныхъ относительно населенности Амурскаго края, стр. 8.

Гиляки: Мѣстоположеніе гиляцкихъ селеній, стр. 9. — Выборъ и перемѣна мѣстности для этихъ селеній, соотвѣтственно временамъ года. Лѣтнія и зимнія деревни, стр. 10. — Зимнія жилища. Устройство подземной юрты, стр. 11, 12. — Сооруженіе временныхъ шалашей для укрытія отъ ненастья, по образцу подземной юрты, стр. 13, 14. — Преимущества и недостатки подземной юрты, стр. 15. — Устройство зимника китайскаго образца, стр. 16, 17 и 18. — Преимущества и недостатки зимника китайскаго образца, стр. 19. — Распредѣленіе подземныхъ и китайскихъ зимнихъ юртъ на материкѣ и на Сахалинѣ, стр. 20, 21 и 22. — Подземная юрта у другихъ палеазіатскихъ народовъ: Аиновъ и Камчадаловъ, стр. 23, 24. — Подземная юрта сидячихъ Коряковъ, стр. 25. — Кочевые Коряки и Чукчи, нѣкогда тоже сидячіе и жившіе въ подземныхъ юртахъ, стр. 25, 26. — Остатки

Digitized by Google

Стр.

подземныхъ жилищъ «Онкилоновъ», т. е. нѣкогда сидячихъ Чукчей, стр. 27, 28. — Доказательства принадлежности Онкилонскихъ землянокъ осѣдлымъ нѣкогда Чукчамъ, стр. 29, 30. — Подземное жилище Юкагировъ, потомковъ исчезнувшихъ нынѣ Омоковъ, стр. 31. — Подземная юрта Эскимосовъ въ Азіи и въ Америкѣ, стр. 31, 32. — Большая общая подземная юрта или *кажимъ* у Эскимосовъ на сѣверо-западѣ Америки, стр. 32, 33, 34. — Предѣлы существованія кажима на востокѣ, стр. 34—35. Подземная, снѣжная, каменная и костяная юрты у Эскимосовъ на востокѣ Америки, стр. 35, 36. — То же, у гренландскихъ Эскимосовъ, стр. 37. — Остатки подземныхъ юртъ у Эскимосовъ въ Гренландіи и на крайнемъ американскомъ сѣверѣ, стр. 37, 38. — Заключеніе на этомъ основаніи о странствованіяхъ Эскимосскаго племени, стр. 38, 39. — Удаленіе Эскимосовъ на сѣверъ, стр. 40. — Подземная юрта у Алеутовъ, стр. 40, 41. — Китайское происхожденіе гиляцкаго зимника, стр. 42, 43. — Соотвѣтственное употребленіе Гиляками наръ, стр. 44. — Быстрое вытѣсненіе у Камчадаловъ подземной юрты русскою избою и лишь медленное распространеніе китайскаго зимника внизъ по Сунгари и Амуру до Охотскаго моря и на Сахалинѣ, стр. 44, 45. — Побудительныя причины къ оставленію весною зимнихъ жилищъ и къ переселенію въ лѣтнія на сваяхъ, стр. 46. — Устройство лѣтника, стр. 47, 48. — Устройство кладовыхъ, стр. 49. — Подобныя этимъ постройки на сваяхъ у другихъ палэазіатскихъ народовъ, стр. 50. — Національное, статистическое и этнографическое значеніе зимника у Гиляковъ, стр. 50, 51. Перечень гиляцкихъ деревень и число зимнихъ жилищъ, стр. 51, 52, 53. — Мѣньшее, среднее и бо́льшее количество юртъ въ гиляцкихъ деревняхъ. Главные центры въ странѣ Гиляковъ, стр. 54, 55. — Среднее число жителей въ одной юртѣ, стр. 55. — Число жителей въ отдѣльныхъ частяхъ страны Гиляковъ и на всемъ пространствѣ ея въ общей сложности, стр. 56.

Ороки: Отсутствіе постоянныхъ жилищъ. Палатки изъ жердей съ покрышкой изъ рыбьихъ шкуръ, стр. 56. — Устройство такихъ палаткообразныхъ жилищъ, стр. 57. — Сходство послѣднихъ съ жилищами другихъ амурскихъ инородцевъ. Кладовыя, стр. 58.

Ольчи, Негидальцы, Самагирцы, Гольды и Орочи: Зимники, устроенные на основаніи того же принципа, какъ у Гиляковъ. Болѣе опрятное содержаніе ихъ у Ольчей. Изготовленіе тростниковыхъ циновокъ для наръ, стр. 58, 59. — Маленькій зимникъ у Ольчей. Болѣе просторные и свѣтлые зимники Самагирцевъ. Болѣе замѣтные слѣды китайскаго вліянія въ зимнихъ жилищахъ Гольдовъ, стр. 59, 60. — Убогость, неопрятность зимнихъ юртъ у Орочей. Замѣна ихъ отчасти палатками. Радикальное различіе между ихъ лѣтниками и зимниками, стр. 60, 61. — Лѣтнія жилища или *дауро* у Ольчей и Самагирцевъ, стр. 61, 62. — То же, у Негидальцевъ и Гольдовъ на Амурѣ, стр. 62, 63. — То же, у Гольдовъ на Сунгари и у Орочей, стр. 63, 64. — Частыя перемѣны лѣтнихъ мѣстопребываній, стр. 64. — Малые временные лѣтники, стр. 65. — Кладовыя, зимніе охотничьи шалаши, ночныя убѣжища, стр. 66, 67.

Дауры: зимники китайскаго образца, стр. 68. — Существованіе такихъ зимниковъ уже въ XVII вѣкѣ, стр. 68. — Принятый подъ ихъ вліяніемъ этотъ родъ жилищъ у сидячихъ Орочоновъ, осѣдлыхъ Бираровъ и у якутскихъ торговцевъ на Становомъ хребтѣ, стр. 69, 70.

Бирары, Манегирцы, Орочоны: Употребленіе палаткообразныхъ юртъ и зимою, и лѣтомъ, стр. 70. — Устройство манегирскихъ палаткообразныхъ жилищъ, стр. 71. — Важное значеніе брезента изъ березовой коры для всѣхъ амурскихъ тунгусовъ и его изготовленіе, стр. 72. — Палатки и кладовыя у Орочоновъ, стр. 73.

Общее заключеніе о жилищахъ амурскихъ инородцевъ, стр. 73. — Черта основнаго различія въ характерѣ жилищъ у Гиляковъ и у окружающихъ ихъ тунгусскихъ племенъ, стр. 74. — Соотвѣтствіе жилищъ амурскихъ инородцевъ съ общимъ складомъ ихъ жизни, стр. 75.

Digitized by Google

Стр.

Глава 5.

Одежда. Головной уборъ. Украшенія. Татуировка. . . . . . 76—114

Гиляки: Тѣсная связь одежды съ образомъ жизни, со способами пропитанія и съ занятіями: рыболовствомъ, охотой и торговлей, стр. 76. — Лѣтняя одежда мужчинъ и женщинъ, стр. 77. — Женскія платья изъ рыбьей шкуры и украшенія на нихъ, стр. 78. — Зимняя одежда. Предпочтеніе къ собачьему мѣху, стр. 79. — Уваженіе къ рысьему мѣху и причины этого, стр. 80, 81. — Зимнія части одежды: передникъ *(коська)* изъ тюленьей шкуры, стр. 82. — Наручники, рукавицы, боа *(толпъ)*, мужская мѣховая шапка, стр. 82, 83. — Нагрудникъ и кофта для ношенія подъ шубой, стр. 84. — Обувь и трава въ ней, употребляемая для тепла. Поясъ и привѣски къ нему, стр. 84, 85. — Женская зимняя одежда, стр. 86. — Женская мѣховая шапка. Рысья шапка, стр. 87. — Подобный этимъ зимній головной уборъ изъ мѣха наиболѣе цѣнимыхъ звѣрей у другихъ первобытныхъ народовъ. Форма убора, напоминающая голову животнаго, изъ мѣха котораго онъ сдѣланъ, стр. 88. — Подражаніе въ одеждѣ звѣрямъ. Вышивки. Своеобразный характеръ ихъ у Гиляковъ, совершенно отличный отъ вышивокъ у Тунгусовъ, стр. 89.—Вкусъ къ орнаментовкѣ и широкое развитіе ея, подъ вліяніемъ древне-китайскихъ и древне-японскихъ образцовъ, стр. 90. — Соотвѣтственное вліяніе политическихъ условій на развитіе орнаментовки у амурскихъ инородцевъ. Швейныя орудія у Гиляковъ, стр. 91. — Отсутствіе у Гиляковъ ткацкаго искусства, особенно по сравненію ихъ въ этомъ отношеніи съ Аинами, стр. 92, 93.

Ольчи, и Негидальцы: Тождественность въ общемъ ихъ одежды и служащихъ для ея изготовленія швейныхъ орудій съ гиляцкими. Частныя измѣненія въ одеждѣ, на основаніи бо́льшей или мѣньшей отдаленности отъ моря и усиленія охоты на лѣсныхъ звѣрей, стр. 93, 94.

Ороки: Полное подчиненіе ихъ одежды въ покроѣ, матеріалѣ и въ украшеніяхъ гиляцкимъ обычаямъ и вкусу, за единственнымъ исключеніемъ платья изъ оленьей шкуры, стр. 95. — То же, относительно швейныхъ и другихъ орудій. Отсутствіе вліянія со стороны Аиновъ, стр. 96.

Аины: Одежда ихъ, по матеріалу однородная съ гиляцкой, въ покроѣ ясно обнаруживаетъ зависимость отъ другого центра модъ, а именно, отъ японскаго, стр. 96.

Самагирцы: Существенное различіе съ Ольчами въ матеріалѣ и въ покроѣ одежды у Самагирцевъ на Горинѣ, на основаніи преобладанія у нихъ охотничьяго промысла, стр. 96.

Гольды: Тождественность одежды въ нижней части ихъ страны съ одеждой Ольчей. Распространенное употребленіе одежды изъ рыбьей шкуры среди женщинъ и дѣтей, стр. 97.—Возрастающее вверхъ по рѣкѣ употребленіе разнообразныхъ мѣховъ для одежды и усиленіе китайскаго вліянія на нее, стр. 98.

Орочи: Тождественность ихъ одежды на сѣверѣ съ одеждой Ольчей и Гиляковъ, на югѣ съ одеждой Гольдовъ и Китайцевъ, стр. 98.

Бирары, Манегирцы, Орочоны: Сибирско-тунгусскій характеръ ихъ одежды съ болѣе или менѣе сильнымъ отпечаткомъ китайскаго, якутскаго и русскаго вліянія, стр. 99.

Головной уборъ—еще болѣе сильная, чѣмъ одежда, отличительная черта разныхъ національностей у амурскихъ инородцевъ, стр. 100.

Гиляки: Головной уборъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Отвращеніе къ стрижкѣ волосъ. Неопрятное содержаніе волосъ, стр. 100.

Негидальцы, Ольчи, Ороки: Головной уборъ, однородный съ гиляцкимъ, стр. 101.

Аины: Измѣненіе головного убора по японскому образцу, стр. 101. — Возвращеніе къ первобытной, естественной уборкѣ волосъ, по мѣрѣ освобожденія отъ японскаго гнета: коса — знакъ политической независимости отъ японскаго ига, стр. 102.

Самагирцы, Гольды: Головной уборъ по маньчжуро-китайскому образцу, стр. 102. — Введеніе этого убора маньчжурской династіей въ Китаѣ и на Амурѣ, стр. 102, 103.—Отсутствіе стрижки и бритья волосъ на головѣ у нижне-амурскихъ инородцевъ какъ знакъ независимости отъ Маньчжуро-Китайцевъ, стр. 104.

Digitized by Google

Стр.

Орочи: Маньчжуро-китайскій головной уборъ на югѣ ихъ страны и ольче-гиляцкій на сѣверѣ, стр. 105.

Бирары, Манегирцы: Общій способъ уборки волосъ по маньчжуро-китайскому образцу, стр. 105.

Орочоны: Господство головного убора по маньчжуро-китайскому образцу на южныхъ склонахъ Хинганскаго хребта и первобытный, естественный способъ ношенія волосъ на сѣверѣ страны по верхнему Амуру, стр. 105.

Заключеніе: Предѣлы распространенія маньчжуро-китайскаго способа уборки волосъ на Амурѣ и японскаго на Сахалинѣ — не этнографическая, а чисто политическая пограничная линія, стр. 106.

Украшенія, какъ и прическа, одно изъ условій отличія разныхъ національностей въ Амурскомъ краѣ. Серьги — украшеніе, общее всѣмъ амурскимъ инородцамъ и единственное для головы и лица у Гиляковъ, Ольчей, Ороковъ и Негидальцевъ, стр. 107.—Носовое кольцо у Гольдовъ, Самагирцевъ и южныхъ Орочей. Отсутствіе его у сѣверныхъ Орочей и у всѣхъ инородцевъ Верхне-Амурскаго края, стр. 107. — Браслеты. Кольцо для большого пальца и его назначеніе, стр. 107, 108.

Раскрашиваніе и татуировка отдѣльныхъ частей тѣла у Айновъ на Сахалинѣ и на Ессо, стр. 109. — То же, у Курильцевъ, Коряковъ, Чукчей и Эскимосовъ, стр. 110. — Татуировка у Алеутовъ. Отсутствіе татуировки у Гиляковъ и Ительменовъ, единственныхъ въ этомъ отношеніи палеазіатскихъ народовъ, стр. 111. — Общее распространеніе татуировки у сибирскихъ тунгусовъ и ея настоящее постепенное исчезновеніе среди нихъ. Различіе въ способахъ татуировки у тунгусскихъ и у палеазіатскихъ народовъ, стр. 112. — Предполагаемое автохтоническое возникновеніе татуировки въ разныхъ мѣстахъ и распространеніе ея изъ разныхъ центровъ. Остатки татуировки у Орочоновъ и Гольдовъ, стр. 113. — Отсутствіе, или вѣрнѣе, исчезновеніе обычая татуировки у остальныхъ амурскихъ инородцевъ тунгусскаго племени, подъ вліяніемъ Маньчжуро-Китайцевъ и Гиляковъ, стр. 113, 114.

Глава 6.

Пища: животная и растительная. Домашняя и столовая утварь. Водка и табакъ. . . 115—160

Соотношеніе животной и растительной пищи у амурскихъ инородцевъ съ ихъ главными занятіями и со степенью торговыхъ сношеній съ Китайцами и Японцами, стр. 115.

Гиляки: Изо всѣхъ амурскихъ инородцевъ самые опредѣленные ихтіофаги. Рыба — условіе ихъ существованія. Преимущества и значеніе лососевой рыбы, а именно *Salmo lagocephalus* и *S. Proteus*, стр. 116. — Заготовленіе изъ нея зимнихъ запасовъ: ворвани и юколы для людей и собакъ (*ма* и *харкъ*). Два разные сорта юколы: *лыш* и *тенги-ма*, стр. 116. — Юкола — основа хозяйства. Способъ ея употребленія. Передвиженія съ цѣлью составленія наибольшихъ запасовъ юколы, стр. 117. — Употребленіе въ пищу свѣжей рыбы. Самыя благопріятныя въ странѣ Гиляковъ мѣста для рыбной ловли — на Амурѣ, и тамъ же самое густое населеніе этихъ инородцевъ и развитіе ихъ самобытности. Амурскій осетръ (*Acipenser Schrenckii*) и амурская бѣлуга (*Acip. orientalis*) — крупнѣйшія и наиболѣе цѣнимыя рыбы въ рѣкѣ, стр. 118. — Употребленіе ихъ въ пищу для людей и собакъ. Рѣка Тымы — самая рыбная и самая оживленная водная артерія Сахалина, стр. 119. — Важное значеніе *вахни* (*Канги-чо*, *Gadus Wachnja*) для береговыхъ Гиляковъ въ качествѣ пищи для людей и собакъ. Суевѣрія, связанныя съ приготовленіемъ и употребленіемъ этой рыбы. Вмѣстѣ съ рыбою, и тюлень главное средство къ пропитанію, стр. 120. — Употребленіе въ пищу тюленя и бѣлухи, ихъ мяса и жира, людьми и собаками. Отвращеніе къ жареному мясу и рыбѣ, стр. 121. — Отвращеніе къ мясу и жиру кита, по сравненію съ другими палеазіатскими народами, стр. 122.—Неважное значеніе живущихъ на сушѣ млекопитающихъ въ

Digitized by Google

качествѣ средствъ пропитанія, за исключеніемъ медвѣдя и собаки. Отвращеніе къ мясу крысы. Пристрастіе къ медвѣжьему мясу и жиру, стр. 123. — Употребленіе въ пищу собакъ. Способъ ихъ употребленія въ пищу, стр. 124. — Распространеніе кинофагіи у сѣверныхъ народовъ въ связи съ употребленіемъ собакъ для ѣзды, стр. 125. — Отвращеніе къ употребленію въ пищу собачьяго мяса у тѣхъ народовъ, которые пользуются для своего передвиженія другими животными, стр. 126. — Пригодныя и непригодныя для пищи птицы, стр. 127. — Употребляемыя въ пищу безпозвоночныя животныя. Употребленіе растительной пищи большею частію лишь въ видѣ приправы, стр. 128. — Употребляемыя въ пищу растенія: ягоды, особенно брусника и ежевика (*Vaccinium Vitis idaea* и *Empetrum nigrum*), стр. 129. — Плоды дикой розы и черемухи. Луковичныя. Коренья, стр. 130. — Листья, мхи, лишаи, водоросли, стр. 131. — Заимствованныя у сосѣднихъ культурныхъ народовъ хлѣбныя растенія и ихъ значеніе въ качествѣ пищевого продукта, въ сравненіи съ употребляемыми въ пищу произведеніями туземной почвы, стр. 132. — Изготовленіе разныхъ яствъ изъ растеній, съ приправой рыбьяго или тюленьяго жира. Отвращеніе къ соли, стр. 133. — Особенное отвращеніе къ соли на медвѣжьихъ празднествахъ, стр. 133. — Источники перваго знакомства Гиляковъ съ солью. Пристрастіе къ сахару, стр. 134, 135. — Домашняя и столовая утварь для приготовленія и принятія пищи, стр. 135, 136. — Орудія и матеріалы, употребляемыя для изготовленія этой утвари: исключительно дерево и березовая кора. Почти полное отсутствіе туземной или привозной глиняной посуды, стр. 137. — Свѣдѣнія объ употребленіи и изготовленіи глиняной и фарфоровой посуды въ Нижне-Амурскомъ краѣ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Исчезновеніе ея и послѣдствія этого, стр. 137, 138. — Возникновеніе и быстрое процвѣтаніе глинянаго и фарфороваго производства на Сунгари. Недавнее японское происхожденіе горшечнаго производства у Аиновъ на Сахалинѣ, стр. 138, 139. — Отсутствіе глиняной посуды у остальныхъ палеазіатскихъ народовъ въ моментъ перваго знакомства съ ними, за единственнымъ исключеніемъ Эскимосовъ, стр. 140. — Глубокая древность горшечнаго мастерства у сѣверо-западныхъ американскихъ Эскимосовъ. Отсутствіе этнологической связи у того или другого первобытнаго народа съ нахожденіемъ у него черепковъ древней посуды и каменныхъ орудій въ Нижне-Амурскомъ краѣ и на Сахалинѣ, стр. 141.

Аины: Вліяніе географическихъ условій ихъ страны на пищу, стр. 142. — Море — главный источникъ добыванія животной и растительной пищи, стр. 143, 144. — Водоросли и ловля трепанга. Употребленіе въ пищу медвѣдя и собакъ, какъ у Гиляковъ, стр. 144. — Совсѣмъ иное, чѣмъ у Гиляковъ, значеніе хлѣбныхъ растеній, имѣющее связь съ японской культурой, стр. 144, 145.

Ороки: Полукочевой образъ жизни — въ противоположность Гилякамъ и Аинамъ, обусловливающій измѣненія въ пищѣ: мѣньшая потребность въ зимнихъ запасахъ; бо́льшее количество мясной пищи, стр. 145.

Ольчи, Негидальцы, Самагирцы и Кили на Курѣ: Постепенное возрастаніе въ перевѣсѣ мясной пищи надъ рыбной, по мѣрѣ уменьшенія рыбныхъ богатствъ вверхъ по рѣкѣ и въ долинахъ по притокамъ Амура, и по мѣрѣ увеличенія лѣсныхъ богатствъ, стр. 146.

Гольды: Возрастаніе вверхъ по Амуру и по Уссури употребленія, помимо рыбной, и мясной пищи, въ связи съ возрастаніемъ количества тамъ крупной дичи. Употребленіе въ пищу амурской черепахи (Trionyx Maackii). Первые опыты разведенія хлѣбныхъ растеній и овощей Первые примѣры содержанія домашнихъ животныхъ для употребленія въ пищу, стр. 147. — Первые опыты разведенія свиней и птицы — куръ. Возрастаніе употребленія разнообразныхъ хлѣбныхъ растеній, пріобрѣтаемыхъ посредствомъ торговли съ Китайцами, стр. 148.

Орочи: Соотношеніе пищи Орочей на сѣверѣ ихъ страны съ пищей Ольчей и Гиляковъ, а на югѣ съ пищей Гольдовъ, стр. 149.

Бирары, Манегирцы, Орочоны: Въ противоположность нижне-амурскимъ инородцамъ, сильный перевѣсъ у нихъ мясной пищи надъ рыбной, стр. 149, 150. — Такой же перевѣсъ и на сторонѣ культурныхъ произведеній растительнаго царства надъ пищевыми продуктами дикой туземной флоры, стр. 150, 151. — Возрастающее употребленіе соли, въ связи съ увеличеніемъ употребленія въ пищу растительныхъ веществъ, стр. 152.

Средства къ наслажденію, водка и табакъ. Недостатокъ у Гиляковъ напитковъ, въ видѣ настоекъ, или иначе изготовляемыхъ изъ растеній. Отсутствіе употребленія чая. Общее знакомство амурскихъ инородцевъ съ водкой начиная съ самыхъ первыхъ ихъ

Digitized by Google

Стр.

соприкосновеній съ Китайцами. Ея распространеніе на Сахалинѣ и предпочтеніе, ей оказываемое предъ японскимъ саки, стр. 152, 153. — Изготовленіе водки въ Сунгарійскомъ краѣ и сбытъ ея амурскимъ инородцамъ. Заимствованный у Китайцевъ способъ ея употребленія, стр. 153, 154. — Благотворное вліяніе Китайцевъ на употребленіе водки. Первоначальная умѣренность Гиляковъ въ употребленіи водки и обнаруженное ими притомъ самообладаніе, стр. 154, 155. — Измѣненіе въ этой умѣренности, въ связи съ усиленнымъ ввозомъ водки въ ихъ страну и съ колонизаціей края Русскими, 155.

Общій обычай куренія табака у амурскихъ инородцевъ. Распространеніе изъ Японіи черезъ Корею въ Маньчжурію и изъ нея въ Китай табачнаго растенія, его разведенія и употребленія для куренія. Предпочтеніе, оказываемое въ Китаѣ маньчжурскому табаку, стр. 155, 156. — Его распространеніе изъ Маньчжуріи въ Амурскій край. Позднѣйшее проникновеніе туда и предпочтеніе тамъ русскому, такъ называемому черкасскому, табаку. Всеобщее употребленіе среди инородцевъ этого края китайскихъ, изготовляемыхъ въ Маньчжуріи трубокъ, за единственнымъ исключеніемъ Аиновъ, стр. 157, 158. — Способъ куренія табака у Гиляковъ. Суррогаты у нихъ табака, стр. 159. — Отсутствіе у амурскихъ инородцевъ обычая жевать и нюхать табакъ. Слабое распространеніе послѣдняго обычая въ Китаѣ. Незнакомство амурскихъ инородцевъ съ опіемъ, стр. 159, 160.—Начало и быстрое распространеніе разведенія и употребленія опія въ Сунгарійскомъ краѣ, грозящее опасностью амурскимъ инородцамъ, стр. 160.

Глава 7.

Способы передвиженія по сушѣ и по водѣ: лыжи, сани, рабочія, верховыя и вьючныя животныя — собаки, олень, лошадь; лодки, челноки . . . . . 161—203

Гиляки: Усиленное по сравненію съ лѣтомъ передвиженіе по сушѣ зимой. Облегченіе передвиженія по сушѣ и расширеніе его района зимой, благодаря снѣжному покрову и ледяной корѣ на водныхъ пространствахъ, стр. 161. — Оживленіе зимою недоступныхъ лѣтомъ сѣверныхъ первобытныхъ лѣсовъ. Посѣщеніе ихъ промышленниками и охотниками. Необходимость лыжъ. Два рода ихъ. Устройство и мѣстныя отличія малыхъ лыжъ, стр. 162. — Ихъ примѣненіе къ разнымъ цѣлямъ. Большія лыжи, стр. 163. — Ихъ главныя преимущества и недостатки. Посохъ, употребляемый при хожденіи на лыжахъ, стр. 164. — Амурско-тунгусскія лыжи у Ольчей, Гольдовъ и Самагирцевъ, стр. 165, 166. — Преимущество амурско-тунгусскихъ лыжъ передъ гиляцкими, стр. 166.—Распространеніе ихъ до крайнихъ предѣловъ Нижне-Амурскаго края и дальше въ Уссурійскомъ краѣ и въ Кореѣ. Способы болѣе отдаленныхъ передвиженій по сушѣ. Гиляки — изо всѣхъ амурскихъ инородцевъ народъ наиболѣе употребляющій для передвиженія собакъ. Важная у нихъ роль собаки, стр. 166, 167. — Уходъ за собаками и ихъ пища, стр. 167. — Кормленіе ихъ дома и во время дальнихъ путешествій, стр. 168. — Болѣе тщательный уходъ за щенками на Сахалинѣ, обусловливающій превосходство тамошнихъ собакъ. Низкая степень культуры рабочей собаки, по сравненію съ охотничьей или сторожевой, стр. 169. — Видъ и устройство гиляцкихъ саней, стр. 170, 171. — Ихъ основныя свойства: легкость и упругость. Нагрузка и снаряженіе ихъ для пути. Гиляцкій способъ запряжки собакъ. Его преимущества и недостатки въ сравненіи съ русско-сибирскимъ способомъ запряжки собакъ. Задержка и остановка саней во время ѣзды, стр. 172, 173.—Способъ подстреканія собакъ и помощь, имъ оказываемая при утомленіи и дурныхъ дорогахъ, стр. 174. — Обращеніе съ собаками на ночныхъ привалахъ. Обычай содержать собакъ для ѣзды въ саняхъ — обычай, изстари присущій Гилякамъ, въ противоположность другимъ амурскимъ инородцамъ. Ѣзда на собакахъ у другихъ палэазіатовъ: у Аиновъ и Ительменовъ, стр. 175. — То же, у Юкагировъ, у сидячихъ Коряковъ и у сидячихъ предковъ нынѣшнихъ Чукчей (Онкилоновъ), стр. 176. — Собака — единственное домашнее и употребляемое для ѣзды животное какъ

Digitized by Google

Стр.

типическая бытовая черта палэазіатскихъ народовъ. Перекочеваніе собаки съ Эскимосами въ Америку. Объясненіе факта отсутствія въ Америкѣ народовъ, которые содержали бы въ своемъ хозяйствѣ ручныхъ оленей. Причины невозможности прирученія дикаго оленя палэазіатскими народами. Его предполагаемое прирученіе Тунгусами. Тунгусы — по преимуществу оленный народъ, стр. 178. — Единственный примѣръ въ сѣверо-восточной Америкѣ употребленія собакъ въ качествѣ вьючнаго животнаго у Эскимосовъ. Позднѣйшее усвоеніе тунгусскими племенами Нижне-Амурскаго края обычая ѣзды на собакахъ, въ противоположность палэазіатскимъ народамъ, у которыхъ обычай этотъ относится къ самымъ отдаленнымъ временамъ и является кореннымъ. Заимствованіе этого обычая первыми у вторыхъ, стр. 179.

Ороки: Ихъ положеніе, среднее между оленными кочевниками и осѣдлыми рыболовами, съ собакою въ качествѣ домашняго животнаго. Старѣйшія сказанія объ употребленіи Ороками оленя въ качествѣ домашняго животнаго для ѣзды, стр. 179. — Ѣзда на Сахалинѣ въ орокскихъ саняхъ, запряженныхъ оленями. Устройство орокскихъ саней, стр. 180. — Сравненіе ѣзды на оленѣ у Ороковъ съ ѣздой на нихъ у жителей полярныхъ странъ, Чукчей, Коряковъ, Самоѣдовъ и Лапландцевъ. Аналогія въ способѣ употребленія оленя для ѣзды въ саняхъ на крайнемъ востокѣ азіатскаго материка со способомъ того же употребленія на крайнемъ западѣ его, на рубежѣ Европы. Подтвержденіе двоякаго употребленія оленя Ороками для ѣзды верхомъ или въ саняхъ и для переноски тяжестей, стр. 181.— Возникновеніе обычая употреблять оленя для ѣзды лишь со времени переселенія Ороковъ на Сахалинъ и подъ вліяніемъ Гиляковъ. Совпаденіе интересовъ обоихъ народовъ и проистекающія отсюда дружелюбныя отношенія между ними, стр. 182. — Причины, обусловливающія употребленіе Ороками для ѣзды между прочимъ и собакъ. Существованіе у нихъ, такимъ образомъ, троякаго способа передвиженія по сушѣ. Скудное количество у нихъ оленей, по сравненію съ другими кочующими племенами на материкѣ, стр. 183. — Обусловливаемая этимъ для нихъ опасность утраты своей самобытности, стр. 184.

Ольчи: Полная тождественность ихъ способа ѣзды на собакахъ съ такою же ѣздою у Гиляковъ. Заимствованіе ими этого способа у послѣднихъ, стр. 184.

Негидальцы, Самагирцы и Гольды: Тождественность ихъ способа передвиженія съ гиляцкимъ. Заимствованіе ими этого способа у Гиляковъ отчасти при посредствѣ Ольчей, стр. 184. — Меньшее количество у нихъ собакъ, меньшая заботливость въ уходѣ за ними, а, слѣдовательно, и болѣе ограниченная доброкачественность собакъ и способность ихъ приносить пользу. Ѣзда на собакахъ у Гольдовъ на всемъ протяженіи ихъ страны. Первыя лошади вверхъ по теченію на Нижнемъ Амурѣ и распространеніе ихъ въ качествѣ домашняго скота и вьючнаго животнаго Манегирцами и изъ Сунгарійскаго края. Уменьшающійся у тунгусскихъ племенъ по верхнему теченію Амура обычай употреблять собакъ для ѣзды и одновременно возрастающій у нихъ обычай употреблять собакъ для охоты, стр. 184, 185.

Орочи: Болѣе рѣдкое употребленіе собаки для ѣзды по мѣрѣ удаленія на югъ. Южный предѣлъ, за которымъ ѣзда на собакахъ прекращается, стр. 185, 186. Животныя, употребляемыя для передвиженія въ Сунгарійскомъ краѣ среди маньчжуро-китайско-даурскаго населенія, неизвѣстныя туземнымъ жителямъ Нижне-Амурскаго края, стр. 186.

Бирары, Манегирцы, Орочоны: Оленные кочевники. Ѣзда на лошадяхъ. Употребленіе собаки исключительно для охоты. Лошадь, и обращеніе съ нею у Манегирцевъ. Монгольское происхожденіе ихъ знакомства съ лошадью, стр. 187.

Заключительные выводы: употребленіе для ѣзды лошади — типическая бытовая черта у жителей Верхне-Амурскаго края, а собаки — жителей Нижне-Амурскаго края. Распространеніе употребленія оленя въ качествѣ домашняго животнаго по всей сѣверо-восточной окраинѣ Амурскаго края, вдоль Хинганскаго и Станового хребтовъ, до Охотскаго моря и дальше на сѣверъ Сахалина до залива Терпѣнія. Различіе между употребленіемъ оленя на материкѣ и на о. Сахалинѣ: на материкѣ, въ вышеуказанныхъ мѣстностяхъ, олень служитъ только вьючнымъ животнымъ и для ѣзды верхомъ, а на Сахалинѣ употребляется еще и для ѣзды въ упряжи, стр. 188.

Разнообразіе судовъ, употребляемыхъ для передвиженій по водѣ, и лишь небольшое количество ихъ съ отпечаткомъ отдѣльныхъ національностей, стр. 188.

Digitized by Google

Стр.

Гиляки: Несмотря на частое пребываніе на водѣ, Гиляки не искусные и смѣлые мореплаватели и охотники за морскими звѣрями, но лишь осторожные рѣчные и береговые плаватели, стр. 188, 189. — Устройство гиляцкой или амурской лодки. Орудія для постройки этихъ лодокъ, стр. 189—191. Весла, руль, мачта, стр. 192. — Способъ плаванія и причаливанія на амурской лодкѣ, стр. 193. — Размѣры гиляцкой лодки средней величины. Суда на Сахалинѣ, выдолбленныя изъ одного древеснаго ствола, стр. 194.

Ольчи, Гольды: Однородное у нихъ строеніе лодки съ амурской или гиляцкой. Разнаго рода выдолбленныя изъ одного куска дерева лодки, употребляемыя для плаванія по притокамъ Амура, стр. 195, 196. — Тѣ же лодки въ употребленіи и у Орочей, стр. 196. — Долбильный топоръ, употребляемый всѣми амурскими инородцами и сахалинскими Ороками для выдалбливанія древесныхъ стволовъ, стр. 196, 197. — Двоякій родъ берестовыхъ челноковъ, стр. 197, 198. — Смѣлость и ловкость въ употребленіи ихъ амурскими Тунгусами и сибирскими одноплеменниками послѣднихъ. Берестовый челнокъ — типическая, характерная лодка Тунгусовъ, стр. 199.

Бирары, Манегирцы: Ихъ выдолбленныя изъ одного куска дерева и берестовыя лодки весьма значительныхъ размѣровъ, стр. 199, 200. — Ограниченіе употребленія гольдо-гиляцкой лодки исключительно въ Нижне-Амурскомъ краѣ и ея полное отсутствіе вверхъ отъ устья Уссури, стр. 220. — Строеніе употребляемой на Сунгари и нижнемъ Амурѣ маньчжуро-китайской лодки и ея существенное сходство съ гольдо-гиляцкой, стр. 200, 201. — Происхожденіе послѣдней отъ первой. Меньшая степень изобрѣтательности нижне-амурскихъ инородцевъ въ строеніи ихъ судовъ, стр. 201, 202. — Причина отсутствія гольдо-гиляцкой лодки въ Верхне-Амурскомъ краѣ.

Общіе выводы и заключеніе: бо́льшее развитіе способовъ передвиженія въ Нижне-Амурскомъ краѣ, чѣмъ въ Верхне-Амурскомъ, стр. 202, 203.

Глава 8.

Ловля рыбы, преимущественно лососевой, осетра и бѣлуги. Рыболовные снаряды. Ловля морскихъ животныхъ: тюленя и бѣлухи . . . . . 204—236

Краткій обзоръ ранѣе сказаннаго въ предыдущихъ главахъ о рыбной ловлѣ и указаніе на вопросы, еще подлежащіе разсмотрѣнію, стр. 204.

Гиляки: Время, предшествующее вскрытію Амура — самое бѣдное рыбою и тяжелое въ жизни амурскихъ Гиляковъ. Жертвоприношеніе при вскрытіи Амура, стр. 205. — Подобное же жертвоприношеніе осенью при замерзаніи Амура. Осетръ (Acipenser Schrenckii) и бѣлуга (Ac. orientalis) — самыя крупныя, наиболѣе цѣнимыя и наиболѣе усердно ловимыя рыбы въ Амурѣ и его большихъ притокахъ, стр. 206. — Ловля осетра и бѣлуги Гиляками въ лѣтнее время сѣтями, стр. 206. — Ловля тѣхъ же рыбъ зимой подо льдомъ, стр. 206. — Ловля осетра и бѣлуги крюками и гарпуномъ, стр. 206, 207, 208, 209. — *Salmo Proteus* и *Salmo lagocephalus* — самая важная изъ лососевыхъ рыбъ, проникающихъ въ рѣки, стр. 210. — Время ихъ перваго появленія на южномъ берегу Охотскаго и вдоль сѣверныхъ береговъ Японскаго моря, стр. 210. — Время ея прохожденія въ Императорской гавани, стр. 210, 211. — То же, въ заливѣ де-Кастри и вдоль южнаго побережья Охотскаго моря, стр. 211, 212. — То же, въ устьѣ Амура, стр. 212, 213. — Наименованіе мѣсяцевъ отъ мая по августъ, согласно времени появленія и массоваго прохожденія названныхъ породъ лососевой рыбы, стр. 214. — Время прохожденія *S. Proteus* и *Salmo lagocephalus* вдоль восточнаго берега Сахалина, и соотвѣтственное наименованіе мѣсяцевъ этого времени года у Гиляковъ на р. Тымы, стр. 215. — Ловля лососевой рыбы въ Амурѣ и въ его притокахъ и употребляемыя для того сѣти, стр. 216. — Ловля *S. lagocephalus* въ Амурѣ посредствомъ устраиваемыхъ въ рѣкѣ заколовъ, стр. 217. — Ловля лососевой рыбы на Саха-

Digitized by Google

линѣ, въ р. Тымы и ея устьѣ, стр. 218. — Ловля вахни *(Gadus Wachnja)* вдоль восточныхъ и западныхъ береговъ Сахалина. Матеріалъ для рыбныхъ сѣтей и обработка его, стр. 219. — Наиболѣе употребительныя сѣти большихъ размѣровъ; соотвѣтственная въ нихъ величина петель и толщина веревокъ, стр. 220. — Орудія для плетенія сѣтей, стр. 220, 221. — Способъ постановки сѣтей. Бережливое обращеніе съ ними, стр. 221, 222.

Ольчи, Гольды: Вышесказанное о рыбной ловлѣ у Гиляковъ въ примѣненіи къ сосѣднимъ съ ними тунгусскимъ племенамъ на Амурѣ, съ нѣкоторыми измѣненіями, обусловливаемыми образомъ жизни этихъ племенъ и количествомъ у нихъ рыбы. Постепенно уменьшающіяся вверхъ по Амуру и въ прилежащихъ къ нему долинахъ усердіе, заботливость и энергія въ рыбной ловлѣ. Ущербъ, наносимый рыбной ловлѣ зимой, соотвѣтственно возрастающей страсти къ охотѣ. Почти полное прекращеніе рыбной ловли зимой у Гольдовъ на Уссури, стр. 222. — Первенствующая, какъ и у Гиляковъ, роль въ хозяйствѣ Ольчей и Гольдовъ осетра и бѣлуги, стр. 223, 224. — Ловля осетра и бѣлуги гарпуномъ — наиболѣе любимый способъ ловли ихъ. Польза отъ осетра и бѣлуги, стр. 224, 225. — Бо́льшая или менѣе важная роль разныхъ породъ лососевой рыбы въ хозяйствѣ Ольчей и Гольдовъ. Распространеніе и ловля *Salmo Lycaodon*, стр. 225, 226. — Время прохожденія и ловля *Salmo lagocephalus* въ Нижне-Амурскомъ краѣ, стр. 227. — Ловля и употребленіе рыбы, постоянно водящейся въ Амурѣ. Недостатокъ склонности къ рыбной ловлѣ у Ольчей и Гольдовъ, по сравненію съ Гиляками. Матеріалъ у нихъ для рыбныхъ сѣтей другой чѣмъ у Гиляковъ, стр. 227, 228. — Второстепенная роль рыболовства, по сравненію съ охотой у верхнеамурскихъ инородцевъ. Уменьшеніе лососевыхъ породъ вверхъ по рѣкѣ. Предѣлы распространенія *Salmo lagocephalus*, стр. 229. — *Salmo lagocephalus* въ качествѣ выдающейся бытовой черты, составляющей одно изъ главныхъ отличій Нижне-Амурскаго края отъ Верхне-Амурскаго; осетръ же и бѣлуга — соединяющая черта, стр. 229, 230.

Бирары, Манегирцы, Орочоны: Охота за осетромъ и бѣлугой посредствомъ гарпуна. Расчлененіе и потрошеніе добычи. Связанныя съ этимъ суевѣрныя представленія. Скудные запасы рыбы для зимы, стр. 230.

Ловля тюленя и бѣлухи — отличительное занятіе нижне-амурскихъ инородцевъ, въ противоположность верхне-амурскимъ, стр. 231.

Гиляки: Ловля тюленя — послѣ ловли рыбы главное занятіе приморскихъ Гиляковъ на морскомъ побережьѣ и на Лиманѣ, стр. 231. — Мѣстности, особенно посѣщаемыя ради ловли тюленей. Породы тюленей на Амурскомъ Лиманѣ и въ рѣкѣ Амурѣ. Употребленіе тюленя въ пищу. Изготовленіе изъ его шкуры одежды. Ловля тюленей подо льдомъ, стр. 231, 233. — Ловля тюленя въ водѣ, свободной отъ льда. Время самой оживленной ловли въ обоихъ случаяхъ, стр. 232, 233. — Связанное съ ловлей тюленя суевѣрное представленіе, стр. 233.

Аины: Тѣ же способы ловли тюленя какъ у Гиляковъ, стр. 234.

Орочи: Ловля тюленя для собственнаго употребленія и съ цѣлью мѣновой торговли съ Гольдами, стр. 234.

Ольчи: Рѣдкіе случаи возможности ловли тюленя въ предѣлахъ собственной страны стр. 235.

Негидальцы: Временная ловли тюленя въ Охотскомъ морѣ, стр. 235.

Распространеніе въ Амурскомъ краѣ бѣлухи, ограничивающееся приблизительно страной Гиляковъ, стр. 235. — Гиляки — единственный въ Амурскомъ краѣ народъ, занимающійся ловлей бѣлухи. Способъ этой ловли. Господствующее притомъ суевѣріе, стр. 236. — Совпаденіе такого суевѣрія съ подобнымъ же у нѣкоторыхъ жителей полярныхъ странъ: у Остяковъ и Самоѣдовъ, стр. 236.

Digitized by Google

Стр.

Глава 9.

Охота на лѣсныхъ звѣрей. Охотничьи снаряды. Желѣзное охотничье оружіе: его изготовленіе. Оборонительное и почетное оружіе . . . . . 237—275

Увеличивающееся въ обратномъ отношеніи къ рыболовству вверхъ по рѣкѣ значеніе охоты, стр. 237.

Гиляки: изо всѣхъ амурскихъ инородцевъ наименѣе преданные охотѣ на лѣсныхъ звѣрей. Почти исключительное ограниченіе ихъ охоты преслѣдованіемъ пушныхъ звѣрей. Цѣли и характеръ этой охоты, стр. 237. — Ограниченіе охоты предѣлами собственной страны и ближайшими окрестностями отъ зимнихъ жилищъ. Главнѣйшіе пушные звѣри, подлежащіе охотѣ. Самая употребительная ловушка для соболя, *ха*, стр. 237, 238. — Ловля соболей капканами и другими ловушками, стр. 238, 239, 240. — Самострѣлъ для охоты на пушныхъ звѣрей. Его устройство, стр. 241. — Приспособленіе его для соболя, рѣчной выдры, лисицы и зайца, стр. 241, 242. — Самострѣлъ не въ употребленіи для охоты за болѣе крупными звѣрями, стр. 242. — Капканы для ловли лисицъ и волковъ и изготовленіе для той же цѣли ядовитыхъ пилюль, стр. 243, 244. — Малое знакомство съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Своеобразныя названія его отдѣльныхъ частей и его принадлежностей, стр. 244. — Лукъ и стрѣла — единственное стрѣльное оружіе у Гиляковъ. Матеріалъ, изъ котораго изготовляются луки, стр. 245. — Разнаго рода стрѣлы и ихъ наконечники, стр. 246. — Отсутствіе у Гиляковъ, въ различіе отъ большинства другихъ палеазіатскихъ народовъ, отравленныхъ стрѣлъ. Колчаны, стр. 246, 247. — Рогатины, копья и пики. Охота на лося и оленя, стр. 247. — Охота за медвѣдемъ и захватъ его живымъ, стр. 248, 249. — Суевѣріе, связанное съ охотой на соболя. Охота за пернатой дичью, стр. 250, 251. — Ловля и воспитаніе орловъ *(Haliaetos pelagicus* и *Haliaetos albicilla)*, стр. 251, 252. — Искусная отдѣлка гиляцкой желѣзной утвари и оружія. Свидѣтельство о томъ старинныхъ преданій, стр. 252. — Главное мѣсто изготовленія желѣзной утвари и оружія. Способъ ковать желѣзо, стр. 253. — Металлы, вмѣстѣ съ желѣзомъ употребляемые при изготовленіи вышеназванной утвари и оружія, стр. 254. — Японское происхожденіе знакомства Гиляковъ и Ольчей съ желѣзомъ и его обработкой и напротивъ маньчжуро-китайское происхожденіе этого знакомства у Гольдовъ, стр. 255. — Посредническая роль въ данномъ случаѣ Аиновъ между Японцами и Гиляками, стр. 255. — Позднѣйшій упадокъ кузнечнаго искусства у Аиновъ и процвѣтаніе его у Гиляковъ, стр. 256. — Знакомство Ороковъ съ желѣзнымъ производствомъ Гиляковъ и Аиновъ. Ороки въ данномъ случаѣ поставщики сырого матеріала Гилякамъ. Аины только посредники въ дѣлѣ поставки сырого матеріала. Ительмены — третій палеазіатскій народъ, обязанный своимъ знакомствомъ съ желѣзомъ Японцамъ и опять таки при посредствѣ Аиновъ (Курильцевъ), стр. 256, 257. — Заимствованіе знакомства съ желѣзомъ Аинами, Гиляками и Ительменами изъ Японіи въ связи съ географическимъ положеніемъ ихъ странъ. Время знакомства, относящееся къ моменту, когда они сдѣлались краевыми народами, стр. 258. — Старинное оружіе для самозащиты у Гиляковъ: маньчжурскій желѣзный панцырь, и его фиктивная цѣнность, стр. 258, 259. — Высокая цѣнность этого панцыря у Маньчжуровъ. Изготовленіе желѣзныхъ латъ у Гольдовъ какъ доказательство заимствованія ими желѣзнаго производства у Маньчжуро-Китайцевъ. Веревочный панцырь, стр. 259, 260. — Деревянное или почетное оружіе *мунче*, стр. 260, 261.

Аины: Тождественность ихъ способовъ охоты съ гиляцкими, стр. 262. — Гибельное вліяніе японскаго ига на охоту Аиновъ за пушными звѣрями, стр. 262.

Ороки: Соотвѣтственно основнымъ чертамъ своего характера, они кочевые охотники, страстно предающіеся охотѣ за пушными звѣрями, искусные въ погонѣ за оленями и храбрые въ преслѣдованіи медвѣдя, стр. 263.

Нижне-Амурскіе Тунгусы: Возрастающая вверхъ по Амуру и его притокамъ склонность къ охотѣ и производство ея въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій природы, стр. 263. — Возрастаніе богатствъ млекопитающей фауны вверхъ отъ устья Амура и дальше на материкѣ въ тѣхъ частяхъ его, которыя населены Негидаль-

Digitized by Google

Стр.

цами, Ольчами, Самигирцами и Гольдами. Страна Орочей въ лучшихъ условіяхъ для охоты, чѣмъ страна Гиляковъ. Бо́льшая распространенность и продолжительность охоты за пушными звѣрями, за красною и черною дичью. Образъ жизни охотниковъ, стр. 263, 264. — Неопредѣленность охотничьихъ площадей. Международныя охотничьи площади на нижнемъ Горинѣ. Постоянные и временные, большіе и малые охотничьи шалаши, стр. 265, 266, 267. — Охота за пушными звѣрями на Горинѣ, и посѣщеніе этой мѣстности китайскими купцами. Тамъ же охота за красной дичью, преимущественно за лосемъ, стр. 268. — Охота за дикимъ оленемъ, за изюбремъ, козулей и дикимъ кабаномъ. Охотничьи площади верхнихъ Гольдовъ на правыхъ притокахъ Амура и Уссури. Употребленіе для охоты собакъ, стр. 269. — Охота за *Canis procyonoides* и за другими звѣрями, не существующими на сѣверѣ Амурскаго края. Охота за пушными звѣрями и за дичиной на притокахъ Уссури, стр. 270. — Аналогія между способомъ тамъ ловли козули съ погоней за сѣвернымъ оленемъ у Ледовитаго океана въ Сибири. Предусмотрительность и осторожность на охотѣ за вепремъ и лишь случайное преслѣдованіе тигра. Выгоды доставляемыя тигромъ, стр. 271. — Охота какъ существенная часть жизни Орочей, и вліяніе ея на весь общественный бытъ ихъ. Ихъ постоянное кочеваніе по охотничьимъ площадямъ. Ограниченіе охоты ближайшими окрестностями отъ жилищъ, вслѣдствіе обособленности ихъ страны и недостатка пути сообщенія, вродѣ ледяного покрова на большихъ рѣкахъ. Производство охоты тѣми же способами, какъ и у другихъ тунгусскихъ племенъ. Преслѣдованіе мускусной кабарги по способу Аиновъ, стр. 271, 272.

Заключеніе: измѣненія въ условіяхъ жизни нижне-амурскихъ инородцевъ и, такъ сказать, перемѣщеніе этихъ условій, по мѣрѣ той степени, въ какой охота или рыбная ловля играютъ у нихъ главную роль, стр. 273.

Разныя степени значенія охоты у верхне-амурскихъ и нижне-амурскихъ инородцевъ. Противоположность, проявляющаяся и по отношенію къ звѣрямъ, составляющимъ главный предметъ ихъ охоты. Уменьшеніе числа пушныхъ звѣрей, преимущественно соболя, въ Верхне-Амурскомъ краѣ, вслѣдствіе черезчуръ ревностной погони за ними и частыхъ лѣсныхъ пожаровъ, стр. 274. — По мѣрѣ исчезновенія соболей въ Верхне-Амурскомъ краѣ, размноженіе тамъ бѣлки. Уменьшеніе числа пушныхъ звѣрей въ Верхне-Амурскомъ краѣ еще также и въ связи съ распространеніемъ тамъ огнестрѣльнаго оружія. Съ занятіемъ и колонизаціей края русскими распространеніе огнестрѣльнаго оружія также и въ Нижне-Амурскомъ краѣ. Въ связи съ этимъ постоянно возрастающее число охотниковъ. Опасность, какою это грозитъ въ будущемъ звѣринымъ богатствамъ края, а, слѣдовательно, и благосостоянію туземнаго населенія, главный источникъ существованія котораго именно въ этихъ богатствахъ, стр. 275.

Глава 10.

Торговля. Оцѣнка главныхъ предметовъ торговли, хозяйственныхъ и другихъ. Торговыя сношенія амурскихъ инородцевъ между собой, съ Маньчжуро-Китайцами, Японцами и съ Русскими. Историческій обзоръ торговли и маньчжуро-китайскаго владычества въ Нижне-Амурскомъ краѣ въ ближайшее къ намъ время . . . . . 276—314

Торговля, вслѣдъ за рыболовствомъ и охотой, третій источникъ существованія амурскихъ инородцевъ, стр. 276.

Гиляки: Самые промышленные изо всѣхъ амурскихъ инородцевъ, наиболѣе склонные и способные къ торговлѣ и ведущіе ее въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ, стр. 266. — Центральное положеніе Гиляковъ благодаря ихъ торговому посредничеству не только между другими амурскими инородцами и сосѣдними культурными народами, но и между послѣдними. Благопріятныя для торговли географическія условія страны Гиляковъ. Сильно развитый въ нихъ коммерческій духъ, стр. 277. — Практическій смыслъ, смѣтливость, стойкость и ловкость.

Digitized by Google

Стр.

Почти исключительно мѣновой характеръ торговли Гиляковъ. Существованіе у нихъ тѣмъ не менѣе не только относительной, но и абсолютной оцѣнки торговыхъ предметовъ и обусловливаемая этимъ общепринятая у нихъ оцѣночная единица, стр. 277, 278. — Трудность ознакомленія съ оцѣночной единицей Гиляковъ и ея полная опредѣленность и ясность у Гольдовъ, стр. 279. — Заимствованная у Китайцевъ единица (серебряная унція, по гил. *я*), не изображаемая никакою монетою и являющаяся у амурскихъ инородцевъ исключительно фиктивной величиной, стр. 279, 280. — Нормировка этою единицею мѣновой торговли, стр. 280. — Оцѣнка главныхъ товаровъ и другихъ предметовъ, стр. 281, 282, 283. — Общее заключеніе относительно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ предметовъ торговли, стр. 284, 285. — Сравненіе гиляцкой оцѣночной таблицы съ гольдскою, стр. 285. — Торговыя сношенія Гиляковъ съ ихъ болѣе предпріимчивыми и искусными въ охотѣ сосѣдями, въ видахъ пополненія недостаточности своей собственной охотничьей добычи. Недопущеніе въ страну Гиляковъ китайскихъ купцовъ. Замѣнъ этихъ послѣднихъ амурскими Гиляками и Гиляками изъ Чоми въ роли торговыхъ посредниковъ между остальными Гиляками, стр. 286, 287. — Торговыя путешествія амурскихъ Гиляковъ къ Негидальцамъ на р. Амгуни и къ Самагирцамъ на озерѣ Удылѣ, стр. 287. — Торгово-посредническая дѣятельность амурскихъ Гиляковъ у собственныхъ соотечественниковъ на Охотскомъ побережьѣ и путешествія ихъ туда. Путешествія амурскихъ Гиляковъ и Гиляковъ изъ Чоми на Сахалинъ для торговли со своими тамошними одноплеменниками, а также и съ Ороками и съ Аинами, стр. 288. — Торговля сахалинскихъ Гиляковъ съ сосѣдними племенами на островѣ, стр. 288, 289. — Китайскіе купцы на нижнемъ Амурѣ и ихъ обращеніе съ туземцами, стр. 289, 290. — Малый успѣхъ китайскихъ купцовъ у Гиляковъ, стр. 290. — Торговыя путешествія Гиляковъ къ Маньчжурамъ на Сунгари, стр. 290, 291. — Ихъ образъ дѣйствій по отношенію къ маньчжуро-китайскому правительству. Обращеніе маньчжурскихъ чиновниковъ и китайскихъ купцовъ съ являющимися для торговли въ Санъ-Синъ Гиляками, Ольчами и Гольдами, стр. 291, 292. — Товаръ, составляющій предметъ торговли съ обѣихъ сторонъ. Обратное путешествіе съ Сунгари, стр. 293. — Старѣйшія свѣдѣнія о торговлѣ Гиляковъ и Ольчей съ Японцами, стр. 293, 294. — Торговыя путешествія Гиляковъ къ «Сизамамъ» или Японцамъ на Сахалинѣ, стр. 294, 295. — Торговля мимоѣздомъ, а именно въ Найоро, съ Аинами. Обращеніе Японцевъ въ Сиранусси съ путешественниками въ страну Сизамовъ, стр. 295, 296. — Предметы торговли съ обѣихъ сторонъ. Часто продолжительное пребываніе гиляцкихъ купцовъ на Сахалинѣ и ихъ обратное путешествіе, стр. 296, 297. — Позднѣйшее закрытіе торговыхъ центровъ въ Японіи, стр. 297.

Заключеніе: Гиляки торговые посредники между Китайцами и Японцами. Параллель ихъ съ Чукчами — торговыми посредниками въ полярныхъ странахъ между Европой, Азіей и Америкой, стр. 298.

Ольчи: Однородный съ Гиляками кругъ ихъ торговой дѣятельности и отчасти въ одномъ съ ними направленіи. Торговля съ Орочами по естественнымъ путямъ сообщенія въ ихъ странѣ, стр. 298. — Болѣе ограниченная, по сравненію съ Гиляками, торговая и посредническая дѣятельность Ольчей. Ограниченіе этой дѣятельности Гольдами. Болѣе широкая, по сравненію съ Гиляками, эксплоатація ихъ китайскими купцами, пребывающими въ предѣлахъ ихъ страны, стр. 299, 300. — Торговыя путешествія Ольчей, однородныя съ путешествіями Гиляковъ къ Маньчжуро-Китайцамъ на Сунгари и къ Японцамъ на Сахалинѣ. Ольчи, единственное племя тунгусскаго происхожденія, усердно занимающееся торговой дѣятельностью. Вліяніе на нихъ въ этомъ отношеніи продолжительнаго соприкосновенія съ Гиляками, стр. 300.

Гольды: Распространеніе въ данномъ случаѣ вліянія Гиляковъ при посредствѣ Ольчей и на Гольдовъ. Менѣе оживленная торговая дѣятельность послѣднихъ. Стѣсненіе торговой дѣятельности Гольдовъ притѣсненіями и грабительствомъ маньчжурскихъ чиновниковъ и китайскихъ купцовъ. Усиливающееся оживленіе торговой дѣятельности у жителей Нижне-Амурскаго края по мѣрѣ ихъ удаленія отъ главнаго торговаго рынка на Сунгари и большей степени ихъ независимости отъ Маньчжуро-Китайцевъ, стр. 300, 301.

Сравненіе вышеописанныхъ торговыхъ сношеній съ тѣмъ, что въ этомъ отношеніи существовало въ Нижне-Амурскомъ краѣ около полувѣка тому назадъ. Параллель между

Digitized by Google

Стр.

этимъ прошлымъ и ближайшимъ къ намъ временемъ. Посѣщеніе торговаго центра въ Деренѣ японскимъ путешественникомъ Мамиа Ринсо и его описаніе нравовъ и обычаевъ посѣщенной имъ страны, стр. 301, 302. — Нынѣшнее состояніе мѣстности, гдѣ нѣкогда находился Деренъ. Закрытіе торговаго центра въ Деренѣ и перемѣщеніе оффиціально-торговой маньчжуро-китайской дѣятельности съ Амура на Сунгари, стр. 303, 304. — Въ связи съ ослабленіемъ торговли и ослабленіе маньчжуро-китайскаго могущества въ большей части Нижне-Амурскаго края. Описаніе японскимъ путешественникомъ Мамиа Ринсо подчиненія и обложенія данью сахалинскихъ Гиляковъ Маньчжурами, стр. 304. — Описаніе тѣмъ же путешественникомъ того же самаго у Аиновъ, стр. 305. — Подтвержденіе наблюденій Ринсо показаніями европейскихъ путешественниковъ, стр. 306. — Теперешняя независимость Аиновъ, Гиляковъ и Ольчей отъ Маньчжуровъ. Причина отступленія Маньчжуро-Китайцевъ и удаленіе ихъ правительства съ Сахалина и изъ Нижне-Амурскаго края, стр. 307. — Запустѣніе страны вокругъ Кидзи и уничтоженіе тамъ фарфороваго производства, стр. 308, 309. — Обѣднѣніе и запустѣніе верхней части страны Ольчей, стр. 309, 310.

Бирары, Манегирцы, Орочоны: Однородность предметовъ ихъ торговли съ предметами торговли нижне-амурскихъ инородцевъ, стр. 310. — Обусловленная географическими условіями торговая обособленность между верхне-амурскими и нижне-амурскими инородцами. Существенная разница въ торговыхъ сношеніяхъ съ сосѣдними культурными народами, стр. 311. — Сбытъ охотничьей добычи Орочоновъ въ русскую Даурію. Торговля Манегирцевъ и Бираровъ съ Якутами, стр. 311, 312. — Главное направленіе ихъ торговли по Зеѣ и Буреѣ на югъ къ среднему Амуру. Сосредоточеніе ея въ Айгунѣ, играющемъ для верхняго и средняго Амура роль Сан-сина. Большая ярмарка въ Цицикарѣ, стр. 312, 313.

Дауры: главный торговый народъ въ Верхне-Амурскомъ краѣ по отношенію къ Орочонамъ вдоль большого Хинганскаго хребта и къ Манегирцамъ и Бирарамъ по Зеѣ и Буреѣ до Станового хребта. Соприкосновеніе съ Негидальцами и Гиляками въ торговомъ мѣстечкѣ Буруканѣ. Покровительство, оказываемое имъ маньчжурскими чиновниками предпочтительно передъ Китайцами. Параллель между Даурами и Гиляками: Дауры — главные представители торговли Верхне-Амурскаго края, Гиляки — Нижне-Амурскаго, стр. 313, 314.

Digitized by Google

УКАЗАТЕЛЬ ТАБЛИЦЪ.

Такъ какъ таблицы изготовлялись за долго до напечатанія текста, то порядокъ изображенныхъ на нихъ рисункахъ не всегда соотвѣтствуетъ порядку изложенія въ текстѣ. Поэтому, во избѣжаніе недоразумѣній при объясненіи таблицъ, мы указываемъ страницы текста, относящіяся къ тому или другому рисунку.

Таблица X.

Внутренность гиляцкаго зимника на Сахалинѣ (см. стр. 12).

Таблица XI.

Гиляцкіе зимники въ Тебахѣ на Амурѣ, разукрашенные для медвѣжьихъ празднествъ (см. стр. 16, 17). Увеселенія передъ ними.

Таблица XII.

Внутренность гиляцкаго зимника китайскаго образца. Кормленіе въ немъ собакъ (см. стр. 18, 79, 168).

Таблица XIII.

Гиляцкій лѣтникъ въ деревнѣ Мэо на Амурѣ (см. стр. 47, 48).

Таблица XIV.

1. Лѣтникъ Ольчей (см. стр. 61); 2. Амурскихъ Гольдовъ (см. стр. 62).

Digitized by Google

Таблица XV.

1. Манегирскій шалашъ (см. стр. 72). 2. Лѣтникъ Сунгарійскихъ Гольдовъ (см. стр. 63).

Таблица XVI.

Лѣтникъ Орочей въ Императорской гавани (см. стр. 63).

Таблица XVII.

Гиляки въ лѣтнемъ одѣяніи. Мужчина и женщина (см. стр. 77, 78).

Таблица XVIII, XIX.

Гиляки въ зимнемъ одѣяніи (см. стр. 78, 79, 84).

Таблица XX.

Гиляцкая одежда: 1 и 2 — лѣтняя шляпа изъ бересты (см. стр. 77); 3 и 4 — рукавицы (см. стр. 83); 5 — наушникъ (см. стр. 83).

Таблица XXI.

Гиляцкія зимнія шапки: 1 — мужская (см. стр. 83); 2 — женская, простая (см. стр. 86); 3 — женская, нарядная изъ китайской матеріи (см. стр. 87); 4 — тоже, рысья съ собольей опушкой (см. стр. 87).

Таблица XXII.

Гиляцкая одежда: 1 и 2 — наушники (см. стр. 83); 3 — нагрудникъ (см. стр. 84); 4 и 5 — нарукавники (см. стр. 82).

Таблица XXIII.

Гиляцкіе узоры для шитья (см. стр. 78, 89); тунгусскіе фиг. 1 (см. стр. 89).

Таблица XXIV.

Образцы гиляцкихъ вышивокъ; тунгусскихъ фиг. 5 и 6 (см. стр. 89).

Digitized by Google

Таблица XXV, XXVI, XXVII.

Гиляцкіе образцы звѣриныхъ фигуръ и арабесокъ изъ березовой коры (см. стр. 89).

Таблица XXVIII.

Предметы гиляцкаго обихода: 1 и 2 — желѣзное орудіе для чистки трубки (см. стр. 87); 3 — тоже, костяное (см. стр. 86); 4 — трутница изъ осетровой кожи (см. стр. 86); 5 — тоже, изъ тюленьей кожи (см. стр. 85); 6 — мѣшечекъ для храненія табачнаго сока (см. стр. 159).

Таблица XXIX.

Предметы гиляцкаго обихода: 1 — огниво (см. стр. 86); 2 — игольникъ (см. стр. 91); 3 — снарядъ для разглаживанія матерій (см. стр. 92); 4 и 5 — деревянная пуговица (см. стр. 82); 6 — большая серьга (см. стр. 106); 7 — малая серьга (см. стр. 106); 8 и 9 — браслеты (см. стр. 107).

Таблица XXX.

Гольды въ лѣтнемъ одѣяніи передъ шалашемъ изъ березовой коры *(чомора)* (см. стр. 14, 65, 97 и 98).

Таблица XXXI.

Гиляцкіе ножи: 1 — поясной, простой (см. стр. 85); 2 — поясной, накладной работы (см. стр. 85); 3 — ножны къ нему (см. стр. 85); 4 — ножъ для рѣзанія дерева (см. стр. 85); 5 — ножны къ нему (см. стр. 85); 6 — ножъ для пластованія рыбы (см. стр. 116).

Таблица XXXII.

Гиляцкіе инструменты: 1 — 5 — ножи (см. стр. 116, 137); 6 — большой буравъ (см. стр. 190); 7 — желѣзный прутикъ къ нему (см. стр. 190); 8 — буравчикъ (см. стр. 190).

Таблица XXXIII.

Гиляцкая домашняя утварь: 1 — берестяное ведро (см. стр. 135); 2 — коромысло (см. стр. 135); 3 — желѣзный котелъ, японскій (см. стр. 136); 4 — тоже, маньчжурскій (см. стр. 136); 5 — желѣзный уполовникъ (см. стр. 136); 6 и 7 — деревянныя чаши съ палочками, замѣняющими вилку (см. стр. 136); 8 — берестяная чаша (см. стр. 136).

Digitized by Google

Таблица XXXIV.

Гиляцкая домашняя утварь: 1 — деревянное корыто (см. стр. 136); 2 — большая деревянная чаша (см. стр. 136); 3 — она же, снизу (см. стр. 136); 4 — ручной столикъ (см. стр. 117); 5 и 6 — деревянные уполовники (см. стр. 136); 7 — простая деревянная ложка (см. стр. 117); 8 — доска для крошенія табаку (см. стр. 158); 9 — доска, которая кладется подъ колыбель.

Таблица XXXV.

Лыжи: 1 — 3 — гиляцкія малыя (см. стр. 162); 4 — 6 — гиляцкія большія (см. стр. 163); 7 — 9 — гольдскія большія (см. стр. 165).

Таблица XXXVI.

1 — гиляцкая нарта (см. стр. 170, 171); 2 и 3 — собачья упряжь (см. стр. 172); 4 и 5 — нарядные собачьи ошейники (см. стр. 173).

Таблица XXXVII.

Зимняя ѣзда Гиляковъ (см. стр. 172).

Таблица XXXVIII.

1 — обыкновенная гиляцкая лодка (см. стр. 189); 2 — гребное весло (см. стр. 191); 3 — рулевое весло (см. стр. 192); 4 — лодка, сдѣланная изъ одного куска дерева (Гольдовъ, Орочей) (см. стр. 195); 5 — оморочка (Ольчей, Гольдовъ) (см. стр. 198); 6 — бирарская лодка, сдѣланная изъ одного куска дерева (см. стр. 199).

Таблица XXXIX.

Празднованіе Гиляками вскрытія Амура (см. стр. 205).

Таблица XL.

Гиляцкія рыболовныя орудія: 1 — крючокъ для ловли вахни (см. стр. 219); 2 — крюкъ для вытаскиванія крупной рыбы (см. стр. 206); 3 — сѣтка для очищенія прорубей (см. стр. 208); 4 — конецъ шеста *одиъ*, называемый *одн-чонгръ*, (см. стр. 208).

Digitized by Google

Таблица XLI.

Рыболовныя принадлежности: 1—6—орудія для вязанія сѣтей (см. стр. 220); 7—мотовило (см. стр. 220); 8—острога (см. стр. 209, 225); 9—самоловъ (см. стр. 209); 10—якорь къ нему (см. стр. 208).

Таблица XLII.

Гиляцкія охотничьи орудія: 1 и 2—орудіе, которымъ бьютъ тюленей (см. стр. 233, 232); 3 и 4—орудіе, которымъ бьютъ бѣлухъ (см. стр. 236).

Таблица XLIII.

Гиляцкіе охотничьи снаряды: 1—самострѣлъ (см. стр. 241); 2—брусокъ къ нему (см. стр. 241); 3—прицѣльная палочка (см. стр. 241); 4—ловушка для мелкихъ звѣрей (см. стр. 239).

Таблица XLIV.

1—древняя гиляцкая кольчуга (см. стр. 260); 2—древній маньчжурскій шлемъ (см. стр. 258); 3—часть древней маньчжурской кольчуги (см. стр. 258); 4—гиляцкій лукъ (см. стр. 245); 5—онъ же, снизу (см. стр. 245).

Таблица XLV.

Гиляцкія охотничьи орудія: 1—3—стрѣльныя желѣзки (см. стр. 246); 4—нижняя часть стрѣльнаго древка (см. стр. 246); 5—кольцо для натягиванія тетивы (см. стр. 108); 6—колчанъ (см. стр. 247); 7 и 8—Орочскіе колчаны (см. стр. 247).

Таблица XLVI.

Гиляцкія охотничьи орудія: 1—стрѣла для стрѣлянія птицъ (см. стр. 246); 2—пальма (см. стр. 247). 3—Деревянное почетное оружіе (см. стр. 260). 4 и 5—Рогатинныя желѣзки накладной работы (см. стр. 247).

Digitized by Google

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ.

		стр.
1.	Планъ гиляцкой подземной юрты *(торыфъ)*	12
2.	» гиляцкаго зимника китайскаго образца *(чадрыфъ)*	16
3.	» » лѣтника *(керыфъ)*	47
4.	» гиляцкой кладовой *(ньё, ньо)*	49
5.	» маленькаго зимника у Ольчей	59
6.	Гиляцкій посохъ для хожденія на лыжахъ *(кысь)*	165
7.	Украшенная *рюскомъ* голова собаки	173
8.	Орокскія сани	180
9.	Постройка лодки у Гиляковъ	190
10.	Долбильные топоры Ороковъ; туземныхъ жителей о. Таити и Папуасовъ.	197
11.	Образецъ болѣе широкаго, плоскаго и къ тому же совсѣмъ открытаго челнока изъ березовой коры *(дзаи)* у Гольдовъ	198
12.	Заколъ *(мырг)* для лососевой рыбы на Амурѣ	217
13.	Способъ употребленія Гиляками гарпуна, *лыха*, для ловли тюленей	234

Digitized by Google

Digitized by Google

III. ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ.

Первая половина: главныя условія и явленія внѣшняго быта.

Глава 4.

Скудость и неравномѣрное распредѣленіе туземнаго населенія въ Амурскомъ краѣ. Слѣдствія прежнихъ опустошительныхъ войнъ и новѣйшихъ эпидемическихъ болѣзней. — Выборъ и перемѣна жилищъ по временамъ года. Зимники и лѣтники. Охотничьи и ночлежные шалаши. Запасные магазины и склады.

Приступая къ описанію жизни и нравовъ амурскихъ инородцевъ, я долженъ предпослать ему слѣдующую замѣтку о способѣ изложенія моего предмета. На первомъ планѣ здѣсь мои личные опыты и наблюденія. Знакомство мое съ разными амурскими инородцами — какъ я уже упоминалъ въ предисловіи — было очень неравномѣрное и потому параллельный обзоръ всѣхъ амурскихъ народовъ, котораго я строго держался въ первыхъ двухъ частяхъ моего труда, въ настоящемъ случаѣ долженъ подвергнуться ограниченію. Съ иными изъ инородцевъ я находился въ крайне поверхностныхъ сношеніяхъ и потому они не подлежатъ здѣсь частнымъ обозрѣніямъ: упоминать о нихъ я буду только вскользь, ради сравненія. Это прежде всего относится къ Аинамъ, жизнь и нравы которыхъ въ новѣйшее время, съ тѣхъ поръ какъ Японія сдѣлалась доступною европейцамъ, были подробно описаны. Я же, въ бытность мою на Сахалинѣ, лишь мимоходомъ успѣлъ съ ними ознакомиться. Затѣмъ сюда надо отнести жителей по берегамъ Сунгари и по верхнему теченію Амура, которые мнѣ попадались только въ одиночку, а также и нѣкоторыя племена по лѣвымъ притокамъ нижняго Амура. Такимъ образомъ, на послѣдующихъ страницахъ обзоръ нашъ будетъ все больше и больше сосредоточиваться на инородцахъ, населяющихъ страну по низовьямъ Амура, и между ними преимущественно на Гилякахъ.

Пространство, занимаемое отдѣльными амурскими инородцами, согласно нашей картѣ, очень обширно. Тѣмъ не менѣе общая цифра туземныхъ жителей этого края всетаки не-

Digitized by Google

высока и населеніе тамъ вездѣ распредѣлено болѣе или менѣе скудно. Амуръ, слѣдовательно, не измѣняетъ общему правилу, что поголовное число дикихъ или полудикихъ племенъ никогда и нигдѣ не бываетъ высоко. Причину тому обыкновенно ищутъ въ тѣхъ или другихъ неблагопріятныхъ условіяхъ окружающей природы[1]). Въ странахъ, гдѣ, какъ на Амурѣ, царствуетъ продолжительная, суровая зима, человѣку необходимы разныя культурныя средства для успѣшной борьбы съ жестокимъ климатомъ. Возрастанію населенія, впрочемъ, препятствуетъ еще не столько недостатокъ этихъ внѣшнихъ культурныхъ средствъ, сколько особенности характера и воззрѣній, болѣе или менѣе свойственныя всѣмъ первобытнымъ народамъ; эти послѣднія, вопреки присущей человѣку способности примѣняться ко всякому климату, и затрудняютъ имъ, прежде всего, борьбу съ природой.

Главныя изъ такихъ особенностей — беззаботность и лѣнь, свойства, не дающія первобытнымъ людямъ, при добываніи средствъ къ жизни, заглядывать дальше ближайшаго будущаго и задумываться надъ лишеніями, голодомъ и даже самой смертью въ случаяхъ, когда природа, противъ ихъ ожиданій, временно отказываетъ имъ въ своихъ дарахъ. Менѣе прочихъ грѣшатъ въ этомъ отношеніи народы по низовьямъ Амура, занимающіеся преимущественно рыбнымъ промысломъ, какъ-то Гиляки, Ольчи, Гольды. Однако мнѣ и ихъ случалось заставать съ весьма скудными запасами, несмотря на колоссальныя по временамъ рыбныя богатства рѣки Амура и его притоковъ или рѣки Тымы на о. Сахалинѣ. Гораздо хуже въ этомъ отношеніи поставлены народы, главнымъ образомъ живущіе охотой. Имъ приходится имѣть дѣло съ матеріаломъ, менѣе правильно и равномѣрно предлагаемымъ природою, и который, къ тому же, обусловливаетъ непостоянный кочевой образъ жизни, неблагопріятный для собиранія и заготовленія въ прокъ припасовъ. Изъ амурскихъ инородцевъ таковы Орочи приморскаго края, Бирары, Манегирцы и Орочоны.

Но помимо всего этого, мы можемъ указать еще на одно обстоятельство, которое оказываетъ даже болѣе сильное, потому что глубже захватывающее, вліяніе на скудость населенія и его медленное возрастаніе у первобытныхъ народовъ: это столь обычное у нихъ пренебреженіе къ женщинѣ и дурное съ нею обращеніе. Степень развитія народа, главнымъ образомъ, познается по тому положенію, какое онъ отводитъ у себя женщинѣ. Всѣ погруженные въ невѣжество народы, на основаніи меньшей физической силы женщины, видятъ въ ней существо низшаго разряда, съ которымъ и обращаются соотвѣтственно. У Гиляковъ, какъ и у всѣхъ первобытныхъ народовъ, суевѣрныя представленія главнымъ образомъ связаны съ рожденіемъ и со смертью человѣка. Вслѣдствіе этого они, въ то самое время, когда женщина всего больше нуждается въ уходѣ и въ заботахъ — именно въ родильный и въ ближайшій за тѣмъ періодъ, несмотря на непогоду, безжалостно выгоняютъ ее изъ дома. Мужчина у нихъ большую часть своей жизни проводитъ въ бездѣйствіи, на женщинѣ лежатъ всѣ самыя тяжелыя работы по устройству домашняго быта и по всему,

1) Ср. напр. G. Gerland, Ueber das Aussterben der Naturvölker, Leipzig 1868, p. 82.

Digitized by Google

что къ нему относится. При такой напряженной дѣятельности, часто превышающей ея силы, туземная амурская женщина большей частью имѣетъ изнуренный, удрученный видъ. Она быстро старѣетъ и даже преждевременно теряетъ плодовитость. Немыслимо, чтобы пренебреженіе, оказываемое женщинѣ, и дурное съ нею обращеніе оставались безъ важнаго вліянія на численность и крѣпость потомства. Такимъ образомъ, я, не отрицая значенія окружающей природы, полагаю, что малочисленность и медленное возрастаніе населенія среди первобытныхъ народовъ главнымъ образомъ находится въ связи съ этой послѣдней причиной.

Все вышесказанное, само собой разумѣется, относится къ народамъ, живущимъ исключительно среди условій, созданныхъ для нихъ природою, и которые еще не подвергались соприкосновенію или столкновенію съ какимъ либо культурнымъ народомъ. Но наступаетъ столкновеніе, и первоначальная численность туземнаго населенія быстро измѣняется. Тогда начинается тотъ процессъ распаденія и разложенія первобытнаго народа, объ отдѣльныхъ фазисахъ котораго мы упоминали раньше [1]). Процессъ этотъ, состоящій въ матеріальномъ оскудѣніи, въ убыли народонаселенія, въ нравственномъ и физическомъ упадкѣ, въ утратѣ оригинальности, въ вымираніи языка и наконецъ самого племени, еще неизмѣнно ускоряется опустошительными эпидемическими болѣзнями, а часто и войнами. Такой процессъ, говорилъ я [2]), наступилъ въ настоящее время и для амурскихъ инородцевъ. Но въ бытность мою на Амурѣ этого еще не было. Правда, они уже давно находились въ соприкосновеніи и въ столкновеніи съ окружающими ихъ культурными народами — Русскими, Китайцами и Японцами. Но соприкосновенія эти были отчасти иного, болѣе миролюбиваго свойства, а отчасти, если и носили на себѣ разрушительный характеръ, то продолжались недолго. Къ тому же, они не въ одинаковой мѣрѣ коснулись разныхъ амурскихъ инородцевъ, а потому и вліяніе ихъ на численность туземнаго населенія Амурскаго края было не одинаковое для всѣхъ частей его.

Что касается Нижне-Амурскаго края, то грабительскіе набѣги русскихъ казаковъ и промышленниковъ въ XVII вѣкѣ пронеслись по немъ только кровавымъ метеоромъ, а о. Сахалина даже вовсе не коснулись. Населеніе отдѣльныхъ мѣстечекъ у Гольдовъ (Натковъ), Ольчей (Ачанъ) и Гиляковъ конечно могло тогда понести значительный уронъ. Но набѣги не замедлили прекратиться и названные инородцы скоро оправились отъ нанесеннаго имъ удара. Неизвѣстно, да и врядъ ли правдоподобно, чтобы это первое столкновеніе нижне-амурскихъ инородцевъ съ европейцами — если только можно такъ назвать шайки вырвавшихся изъ Сибири хищниковъ — занесло къ нимъ какія нибудь опустошительныя болѣзни: оно повидимому имѣло слишкомъ острый характеръ. Такія болѣзни лишь два столѣтія спустя появились среди нижне-амурскихъ инородцевъ, а именно, послѣ второго, окончательнаго занятія края Русскими. Тифозная эпидемія впервые посѣтила Гольдовъ

1) См. Т. I, стр. 2 настоящаго труда.

2) См. тамъ же, стр. 3.

Digitized by Google

поздней осенью 1856 года, тотчасъ по моемъ отъѣздѣ съ Амура. Она была къ нимъ занесена русскими войсками, возвращавшимися за Байкалъ изъ Кидзи. Войска нѣсколько дней отдыхали въ Кэурми. Платья и другія вещи умершихъ отъ тифа солдатъ, перейдя въ руки туземцевъ, распространили между ними заразу. Эпидемія особенно свирѣпствовала на устьѣ рѣки Горина, но пошла и дальше вверхъ до устья рѣки Сунгари[1]). Скоро потомъ страну по низовьямъ Амура посѣтила сильная оспенная эпидемія. Но послѣднюю уже не Русскіе занесли: она явилась сюда съ юга, изъ Маньчжуріи[2]) и шла въ обратномъ направленіи, отъ Сунгари внизъ по Амуру. Здѣсь она нашла самую благопріятную для себя почву, равно какъ и на островѣ Сахалинѣ, гдѣ русская колонизація уже во многихъ отношеніяхъ вывела туземцевъ изъ ихъ первобытнаго состоянія. Въ концѣ декабря 1856 года эпидемія, слѣдуя внизъ по Сунгари, достигла устья этой рѣки[3]). Продолжая путь по нижнему Амуру, она въ іюнѣ 1857 года проникла въ Кидзи, въ іюлѣ въ Ухтръ, въ сентябрѣ въ Николаевскъ, а въ теченіи зимы 1857—1858 года свирѣпствовала на устьѣ Амура, на Лиманѣ, на Охотскомъ побережьи до деревни Куль и на о. Сахалинѣ. По свѣдѣніямъ, которыми я обязанъ очевидцу, доктору Пфейферу, болѣзнь рѣшительно имѣла характеръ жестокой эпидеміи, впервые проявляющейся на новой почвѣ. Замѣчательно, что болѣзнь, едва коснувшись иныхъ гиляцкихъ деревень, какъ-то: Тебаха, Аллофа, въ другихъ, напримѣръ въ Кулѣ, въ Лангрѣ, унесла половину населенія, иногда опустошая цѣлыя юрты. Такой высокій процентъ смертности обусловливался полнымъ невѣжествомъ и безпомощностью туземцевъ передъ ужасной гостьей. Они, для утоленія лихорадочнаго жара, часто полунагіе, искали прохлады на снѣгу и на вѣтрѣ. Докторъ Пфейферъ, на основаніи собранныхъ имъ статистическихъ данныхъ, полагаетъ, что эта эпидемія унесла около 20% всего гиляцкаго населенія. Немного лѣтъ спустя, весною 1863 года, среди Гольдовъ разразилась корь, которая, однако, по свидѣтельству доктора Пфейфера, не имѣла злокачественнаго характера и поражала исключительно дѣтей. Всѣ же оспенныя эпидеміи, напротивъ, повидимому отличались крайней жестокостью. Тѣ, которыя въ 1877 и 1881 годахъ свирѣпствовали на Уссури и ея притокахъ, на Бики, Имѣ и т. д., по свѣдѣніямъ, собраннымъ на мѣстѣ подполковникомъ Надаровымъ, гдѣ на треть, а гдѣ и на три четверти произвели убыль въ населеніи Гольдовъ и Орочей[4]).

---

1) Паргачевскій, Поѣздка зимн. пут. вверхъ по р. Амуру, соверш. въ 1856—57 г.г. (Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ., Ч. XXI, С.-Петербургъ, 1858, Отд. II, стр. 165, 167). А также по письменнымъ сообщеніямъ, полученнымъ мною отъ доктора Пфейфера изъ Николаевска.

2) Въ Маньчжуріи оспа, вѣроятно благодаря Китайцамъ, уже давно пустила корни. Миссіонеръ Де-ла-Брюньеръ упоминаетъ о ней въ числѣ болѣзней, которыя, по его мнѣнію, «вслѣдствіе горячительнаго свойства рыбной пищи», въ лѣтнюю пору появляются на Уссури среди «Юпи-тацзе» (Гольдовъ). Оспа тамъ, повидимому, производитъ сильное опустошеніе. Она не щадитъ даже 70—80-лѣтнихъ стариковъ, а иногда по 4 и по 5 разъ повторяется у одного и того же субъекта. (De la Brunière, Excurs. en Mandchourie en 1845. — Nouv. Annal. des Voyages, Ve Sér. T. XVI, 1848 [T. IV], p. 113).

3) Какъ разъ въ бытность тамъ купца Паргачевскаго, который въ это время спускался внизъ по Амуру.

4) И. Надаровъ, Сѣверно-Уссурійскій край (Зап.

Digitized by Google

Но оставимъ эти позднѣйшія событія и возвратимся къ первому столкновенію нижнеамурскихъ инородцевъ съ Русскими. Нашествіе Русскихъ въ XVII вѣкѣ имѣло гораздо болѣе важныя и прочныя послѣдствія для населенія Верхне-Амурскаго, чѣмъ Нижне-Амурскаго края. Во второй главѣ настоящаго труда[1]) уже было описано, какъ сильно пострадало отъ набѣговъ Русскихъ, тогда еще весьма многочисленное, Даурское населеніе по верхнему Амуру, какъ оно сдѣлалось добычей врага, значительно превосходившаго его отвагой и вооруженіемъ, и какъ быстро шло оно по пути къ истребленію. Не лучше жилось и Гогулямъ и уже осѣдлымъ въ Нижне-Амурскомъ краѣ, книзу отъ устья Сунгари, Дючерамъ, пока китайское правительство, желая положить конецъ грабительскимъ набѣгамъ Русскихъ, не переселило всѣхъ этихъ инородцевъ съ Амура на рѣки Нонни и Хурху[2]). Взамѣнъ спустились на Амуръ кочующіе охотничьи племена, какъ-то — Бирары, Манегирцы, Орочоны, но ихъ было немного[3]). А если съ теченіемъ времени сюда и возвратилась часть Дауровъ, то лишь въ маломъ количествѣ. Да и китайское правительство мѣшало имъ снова упрочиться въ странѣ, которую они нѣкогда занимали кверху отъ устья рѣки Зеи[4]). Такимъ образомъ, благодаря вышеупомянутымъ набѣгамъ, условія народной жизни на Амурѣ измѣнились какъ бы въ обратномъ смыслѣ. Въ былое время Верхне-Амурскій край представлялся всего гуще населеннымъ. Его многочисленное, осѣдлое, земледѣльческое населеніе широко раскидывалось сплошною массой до устьевъ рѣкъ Сунгари и Уссури и только по самымъ низовьямъ Амура уступало мѣсто нѣсколькимъ скудно распредѣленнымъ рыболовнымъ племенамъ. Напротивъ, позже эта часть нижняго Амура, населенная ихтіофагами, превращается въ самую оживленную во всемъ краѣ. Вверхъ же по теченію рѣки, страна становится все болѣе пустынной и тамъ лишь изрѣдка встрѣчаются кочующія охотничьи племена, за исключеніемъ, впрочемъ, небольшого уголка съ маньчжурокитайскимъ культурнымъ населеніемъ, который возникъ уже много времени спустя послѣ перваго нашествія Русскихъ.

Имп. Русск. Геогр. Общ. По общ. Геогр., Т. XVII, № 1, стр. 25, 29, 73). Въ этомъ сочиненіи, содержащемъ много драгоцѣнныхъ этнографическихъ свѣдѣній о Маньцзахъ, Гольдахъ и Орочахъ Уссурійскаго края, г. Надаровъ постоянно примѣняетъ къ Орочамъ названіе «Орочоновъ», хотя, какъ онъ самъ замѣчаетъ, они у всѣхъ нашихъ писателей называются «Орочами». Основаніе для этого онъ видитъ, во первыхъ, въ томъ, что иногда Орочи сами называютъ себя «Орочонами», и во вторыхъ, что нѣкоторые Китайцы, всѣ Гольды и наконецъ всѣ уссурійскіе казаки обозначаютъ ихъ этимъ именемъ. Послѣднему я охотно вѣрю: разница между названіемъ «Орочей» и «Орочоновъ» легко можетъ ускользнуть отъ казаковъ съ Шилки и Аргуни. Но первыя показанія вполнѣ ошибочны, какъ то уже достаточно доказываютъ мои подробныя разъясненія по этому предмету (см. Т. I, стр. 140—143). Въ настоящее время Орочи могутъ называть себя «Орочонами», но только въ сношеніяхъ съ казаками или съ другими Русскими и для того, чтобы быть ими понятыми; съ тою же цѣлью могутъ это дѣлать и Китайцы и Гольды. Но естественное и вполнѣ объяснимое въ устахъ казаковъ смѣшеніе оправдываетъ-ли соединеніе въ одно — какъ это дѣлаетъ г. Надаровъ — двухъ столь различныхъ племенъ или народныхъ отраслей, каковы Орочи, живущіе на берегахъ Уссури и на морскомъ побережьи, и Орочоны, населяющіе страны по верхнему теченію Амура съ его притоками? Распространяться объ этомъ считаю лишнимъ.

1) См. Т. I, стр. 178.
2) См. Т. I, стр. 155, 162.
3) См. Т. I, стр. 181.
4) См. Т. I, стр. 179.

Digitized by Google

Также точно, хотя гораздо менѣе быстро и замѣтно, должно было отразиться на численности туземнаго населенія въ разныхъ частяхъ Амурскаго края соприкосновеніе его съ Маньчжурами и Китайцами. Но эти послѣдніе не войной одолѣвали амурскихъ инородцевъ, а непрерывнымъ гнетомъ, непомѣрными данями и вообще всякаго рода притѣсненіями и грабежемъ. Ни маньчжурскій чиновникъ, который на сторожевыхъ постахъ и въ окружныхъ объѣздахъ при сборѣ даней, не забывалъ, рядомъ съ казенной кассой наполнять и собственный карманъ лучшимъ, что попадало ему подъ руку — ни китайскій купецъ, умѣющій мнимо-законнымъ образомъ обирать своего полудикаго покупщика, конечно не содѣйствовали благосостоянію амурскихъ инородцевъ. Всѣ эти постоянныя, какъ бы узаконенныя временемъ и обычаемъ насилія, а равно и случайное обложеніе данью охотничьяго промысла туземцевъ, посредствомъ взиманія съ нихъ драгоцѣнныхъ мѣховъ, естественно, порождали въ нихъ сознаніе непрочности своей судьбы. Опасность во всякое время лишиться своего имущества всегда умаляетъ радость пріобрѣтенія и еще усиливаетъ врожденную лѣнь и нерадивость. Все это вмѣстѣ съ испорченностью, вносимой чужеземцами въ семейный бытъ инородцевъ, и болѣзни и пороки, какіе они имъ прививаютъ, дѣйствуя продолжительно и постоянно, какъ медленная отрава, само собой разумѣется, не могли не отразиться значительной убылью и на численномъ ростѣ этихъ народовъ. И такъ численность, физическое и нравственное благосостояніе послѣднихъ находится въ прямой зависимости отъ степени вліянія на нихъ въ прошломъ, да и въ настоящемъ еще Маньчжуро-Китайцевъ. Всего больше въ этомъ отношеніи потерпѣли страны, непосредственно прилегающія къ главнымъ селеніямъ Маньчжуровъ и Китайцевъ, къ рѣкѣ Сунгари, къ Верхне-Уссурійскому краю и къ ихъ культурному участку на верхнемъ Амурѣ, — т. е. всѣ народы Верхне-Амурскаго края, а также Гольды и Тацзы или южные Орочи. Ольчамъ и Негидальцамъ, къ которымъ не проникали Маньчжуры, напротивъ, жилось гораздо легче — тѣмъ болѣе Гилякамъ, не допускавшимъ въ свою страну не только маньчжурскихъ чиновниковъ, но и китайскихъ купцовъ. Этимъ и объясняется скорѣе приростъ, чѣмъ убыль въ народонаселеніи послѣднихъ.

Слѣдовательно, два обстоятельства: кровавое столкновеніе амурскихъ инородцевъ съ Русскими въ XVII вѣкѣ и еще отчасти и нынѣ продолжающаяся хроническая борьба ихъ съ Маньчжурами и Китайцами, объясняютъ на первый взглядъ странное явленіе, почему самая нижняя часть Амурскаго края, несмотря на свои менѣе благопріятныя климатическія условія, всего гуще населена. Вверхъ по рѣкѣ, напротивъ, и къ югу, гдѣ климатъ мягче, растительность богаче и разнообразнѣе, рыбныя богатства, правда, бѣднѣе, за то звѣриныя еще обильнѣе, населеніе, тѣмъ не менѣе, становится все скуднѣе, а страна все пустыннѣе. Итакъ, какъ ни скудно распредѣлено по низовьямъ Амура гиляцкое народонаселеніе, оно, всетаки, является самымъ многочисленнымъ и сравнительно наиболѣе густымъ въ краѣ, особенно на рѣкѣ Амурѣ, тогда какъ на Лиманѣ и на Охотскомъ побережьи оно снова рѣдѣетъ. За Гиляками слѣдуютъ Ольчи, несмотря на то, что занимаютъ лишь небольшой уголокъ въ Амурскомъ краѣ. Болѣе многочисленные въ общей сложности Гольды, напротивъ, разсѣяны по обширному пространству и потому вездѣ скудно распредѣлены —

Digitized by Google

всего же скуднѣе между устьями Уссури и Сунгари. Самыя южныя окраины Амура между устьемъ Сунгари и Буреинскими горами представляютъ почти совсѣмъ безлюдную луговую равнину. Затѣмъ по среднему и верхнему теченію его тянется страна, которая, за исключеніемъ пространствъ, населенныхъ Маньчжурами, Китайцами и Даурами, а немного выше Буреинскаго хребта и осѣдлыми Бирарами — лишь періодически посѣщается кочующими охотничьими племенами.

Соотношеніе въ распредѣленіи народонаселенія на островѣ Сахалинѣ въ общихъ чертахъ представляется намъ инымъ, чѣмъ на материкѣ. Южная часть острова, гдѣ живутъ Аины, повидимому гуще населена, чѣмъ сѣверная съ ея гиляцкимъ народонаселеніемъ. Правда, эта южная часть острова, съ обѣихъ сторонъ омываемая рукавами теплаго теченія, и въ климатическомъ отношеніи значительно превосходитъ сѣверную, которая особенно на восточномъ берегу, обращенномъ къ Охотскому морю, отличается суровымъ, почти полярнымъ климатомъ. Но главная причина такого неравномѣрнаго распредѣленія жителей и здѣсь тоже кроется больше въ историческихъ и политическихъ, чѣмъ въ вышеупомянутыхъ физическихъ условіяхъ. Давно побѣжденные Японцами на югѣ своего отечества и съ тѣхъ поръ постоянно ими тѣснимые, Аины постепенно уходили на сѣверъ. Наконецъ они нашли себѣ убѣжище на Сахалинѣ, гдѣ и жили нѣкоторое время, — не дальше, какъ еще за нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, относительно спокойно и независимо [1]). Немудрено, значитъ, если въ здѣшнемъ народонаселеніи съ теченіемъ времени состоялся приростъ. Въ сѣверной, гиляцкой части Сахалина, напротивъ, произошла убыль въ немъ. Руководясь лингвистическими данными, я уже доказывалъ раньше, что часть сахалинскихъ Гиляковъ, можетъ быть, именно вслѣдствіе этого вторженія Аиновъ, покинула островъ и удалилась на материкъ, на нижній Амуръ и на Охотское побережье [2]). Фактъ, что гиляцкое населеніе Сахалина нѣкогда было гораздо многочисленнѣе, находитъ себѣ, между прочимъ, подтвержденіе и въ существованіи на западномъ берегу острова двухъ деревень, съ названіемъ «Пиля-во», то есть «Большая деревня»: одна изъ нихъ на Охотскомъ морѣ, другая на Сѣверо-японскомъ, но въ настоящее время обѣ очень незначительны [3]). Во всякомъ случаѣ и теперь западный берегъ Сахалина, обращенный къ материку и къ устью Амура, представляется самой населенной — послѣ долины рѣки Тымы — частью острова. Восточный берегъ, гдѣ климатъ суровѣе, понятно, гораздо пустыннѣе.

---

1) См. Т. I, стр. 75 и слѣд., 127 и слѣд.

2) См. Т. I, стр. 221.

3) Первая, согласно Глену (Reiseber. von der Insel Sachalin. — Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reiches, Bd. XXV, p. 233), теперь состоитъ всего изъ одной юрты. Что же касается второй, съ тремя юртами, см. Т. I, стр. 17, прим. 2 моего труда объ инородцахъ Амурскаго края. Утверждая, на основаніи еще сохранившихся остатковъ этихъ деревень, что гиляцкая часть Сахалина была нѣкогда больше населена, Глен упоминаетъ и объ оспѣ, которая въ 50-хъ годахъ произвела сильное опустошеніе. Она, однако, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ уменьшеніемъ населенія, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь: то была та самая зимняя эпидемія 1857 и 1858 годовъ, о которой говорено выше и память о которой была еще у всѣхъ свѣжа; деревня же Пиля-во опустѣла задолго до того. Зато оспа оставила другіе слѣды опустошенія, о которыхъ рѣчь еще впереди.

Digitized by Google

Мы должны ограничиться этими общими положеніями о бо́льшемъ или меньшемъ числѣ жителей въ отдѣльныхъ частяхъ Амурскаго края и, за недостаткомъ надлежащихъ данныхъ, отказаться отъ болѣе опредѣленныхъ цифръ. Если послѣднія иногда и встрѣчаются въ иныхъ показаніяхъ, то на нихъ нельзя полагаться. Само собой разумѣется, что цифры, приводимыя въ старинныхъ китайскихъ переписяхъ, не имѣютъ никакой цѣны; да онѣ, къ тому же, при тогдашнемъ недостаткѣ свѣдѣній объ отдѣльныхъ народностяхъ, велись слишкомъ обще и неопредѣленно[1]). Больше значенія могли бы имѣть данныя въ сообщеніяхъ европейскихъ путешественниковъ во время занятія края Русскими или скоро послѣ того, пока русская колонизація еще не успѣла слишкомъ измѣнить условій туземнаго населенія. Данныя такого рода дѣйствительно существуютъ. Такъ, напримѣръ, Коллинсъ, совершившій въ 1857 году плаваніе внизъ по Амуру, слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ число туземцевъ разныхъ народностей въ береговой полосѣ края[2]). Онъ насчитываетъ:

Гиляковъ	въ	39	деревняхъ	(изъ	нихъ	26	на	правомъ	и	13	на	лѣвомъ	берегу)	1400 душъ
Мангунцевъ (Ольчей)	въ	40	»	»	»	36	»	»	»	4	»	»	»	1300 » [3])
Гольдовъ	въ	114	»	»	»	77	»	»	»	37	»	»	»	3200 »
Кочевыхъ и разсѣянныхъ племенъ														2000 »

По свидѣтельству Шмидта въ 1862 году общая цифра Негидальцевъ на рѣкѣ Амгуни и на озерахъ Орель и Чля не достигала и 1000 душъ[4]). Рудановскій въ своихъ сообщеніяхъ, составленныхъ въ 1854 году и пополненныхъ въ 1857, общую цифру Аиновъ доводитъ до 2479 душъ[5]). Брылкинъ въ 1861 г. насчитываетъ ихъ не болѣе 2200[6]). Эти показанія, относящіяся къ Сахалину, основаны на довольно точныхъ данныхъ, собранныхъ во время многочисленныхъ путешествій по острову. Сообщенія же Коллинса, въ настоящемъ случаѣ болѣе для насъ интересныя, такъ какъ касаются материка, напротивъ, къ сожалѣнію, мало достовѣрны. Они, очевидно, основаны не на ревизіяхъ, а собраны у Русскихъ, которые въ то время проживали на Амурѣ, на что указываетъ и

---

1) Такъ о. Іакинѳъ, на основаніи китайской переписи 1812 года, показываетъ, что число Тунгусовъ Нижне-Амурскаго края къ востоку и къ сѣверо-востоку отъ Уссури до устья Амура, слѣдовательно въ томъ числѣ и Гиляковъ, простиралось до 2398 семействъ (о. Іакинѳъ, Китай, С.-Петербургъ, 1840, стр. 19; его же: Статист. Опис. Китайск. Имп. С.-Петерб., 1842, Ч. II, стр. 30).

2) Petermann, Geogr. Mittheil. 1859, p. 25. Изъ отчета, представленнаго Коллинсомъ правительству Соединенныхъ Штатовъ (35th Congress, 1st Session. Ex Doc. № 98. Explor. of Amoor River. Letter from the Secret. of State, in answer to a resolution of the House, calling for inform. relat. to the explorat. of Amoor River. April 7, 1858).

3) Въ другомъ мѣстѣ (въ «San Francisco Herald», см. Petermann, Geogr. Mitth. 1858, p. 437) Коллинсъ при томъ же количествѣ деревень опредѣляетъ число Гиляковъ цифрой 1680 душъ, а Ольчей («Мангунцевъ») цифрой 1320 душъ.

4) Histor. Ber. über den Verlauf der Physikal. Abtheil. der Sibir. Exped. der Kais. Russ. Geogr. Gesellsch. in d. J. 1859—1862 (Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reiches, Bd. XXV, p. 148).

5) Рудановскій, Обзоръ мѣстности о. Сахалина (Восточное Поморье, 1866, стр. 99).

6) Brylkin, Statist. u. topogr. Nachr. über das südl. Sachalin (Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reiches, Bd. XXV, p. 279). Ходжсонъ (Account of four Excurs. in the Japanese Island of Jesso, въ Literary Gazette отъ 16 марта 1861, см. Petermann, Geogr. Mittheil. 1861, стр. 241) одновременно доводитъ число Аиновъ на Ecco до 80.000 (!).

Digitized by Google

спеціально русское наименованіе Ольчей «Мангунцами». Добываніе такимъ путемъ свѣдѣній, на которыя можно было бы положиться, кромѣ отсутствія ревизій, затруднялось еще тѣмъ, что Русскіе невѣрно проводили границы между областями разныхъ инородцевъ, напримѣръ Ольчей и ихъ южныхъ и сѣверныхъ сосѣдей[1]). Въ тѣ времена, къ тому же, еще не было дознано, что почти въ каждой изъ этихъ областей находятся поселенія и другихъ національностей[2]). Поэтому, а также въ силу необходимости сообразоваться съ раздѣленіемъ туземныхъ поселеній на зимнія и лѣтнія, нельзя полагаться на сообщаемыя Коллинсомъ цифры относительно деревень разныхъ національностей. Да и вообще количество деревень здѣсь не можетъ служить масштабомъ при опредѣленіи численности народонаселенія потому еще, что размѣры ихъ крайне разнообразны: иныя, напримѣръ, состоятъ всего изъ одной юрты[3]). За отсутствіемъ прямыхъ ревизій, численность туземнаго народонаселенія могла-бы еще быть довольно вѣрно показана развѣ только по количеству зимниковъ, если-бы возможно было его съ точностью опредѣлить. Въ справедливости этого положенія легко убѣдиться при ближайшемъ знакомствѣ съ устройствомъ туземныхъ жилищъ на Амурѣ, къ описанію которыхъ мы теперь и переходимъ.

Народъ, который, какъ **Гиляки**, почти исключительно живетъ рыбнымъ и тюленьимъ промысломъ и въ немъ находитъ непосредственное удовлетвореніе своихъ ближайшихъ потребностей, естественнымъ образомъ всегда старается селиться по главнымъ и самымъ рыбнымъ бассейнамъ своей страны и притомъ какъ можно ближе къ водѣ. Такимъ образомъ, всѣ гиляцкія селенія расположены въ непосредственной близости къ Амуру, къ Лиману, къ морю или по теченію рѣки Тымы — этой главной артеріи сѣвернаго Сахалина. Тщетно было-бы искать ихъ селеній среди горъ или вдали отъ вышеназванныхъ бассейновъ. Мѣстность всегда избирается по возможности благопріятная: если на морѣ — не-

---

1) Подробнѣе см. объ этомъ въ Т. I, стр. 26, 27.

2) Такъ, напримѣръ, въ гиляцкой области деревни Ольчей Чыльви и Тыръ, см. Т. I, стр. 16.

3) Всѣ позднѣйшія поголовныя исчисленія туземныхъ жителей Амурскаго края, который, вслѣдствіе занятія и колонизаціи его Русскими, подвергся сильнымъ измѣненіямъ, конечно не входятъ въ рамки настоящаго труда. Однако, я всетаки коснусь мимоходомъ одного изъ этихъ исчисленій, а именно въ этнографическомъ очеркѣ доктора Зеланда: «Die Ghiljaken, eine ethnographische Skizze» (Russische Revue, herausg. v. Carl Röttger, Bd. XXI, St. Petersburg 1882, p. 99), такъ какъ оно спеціально относится или по крайней мѣрѣ должно относиться къ Гилякамъ, которые въ моемъ обзорѣ занимаютъ первое мѣсто. Докторъ Зеландъ собиралъ свои свѣдѣнія у русскихъ исправниковъ и у разъѣзжавшихъ по Сахалину торговцевъ мѣхами. Онъ приходитъ къ заключенію, что «численность всего гиляцкаго народонаселенія простирается до 8000 душъ». Распредѣляя эту цифру по отдѣльнымъ округамъ, онъ какъ бы поясняетъ высокую цифру, которую приводитъ, но на самомъ дѣлѣ окончательно лишаетъ ее достовѣрности. Около 4000 душъ онъ относитъ на долю Гиляковъ въ Николаевскомъ округѣ (начиная отъ морского прибрежья вверхъ по Амуру до Маріинска), на заливѣ де-Кастри и въ Императорской гавани; около 1000 душъ на долю Гиляковъ Софійскаго округа, отъ Маріинска до устья Горина, а остальныя 3000 къ Сахалинскимъ Гилякамъ. Изъ этого слѣдуетъ, что докторъ Зеландъ причисляетъ къ Гилякамъ не только Ольчей, — которыхъ русскіе простолюдины на Амурѣ, а по ихъ примѣру, къ сожалѣнію, и русскіе путешественники (см. Т. I, стр. 106) обыкновенно принимаютъ за Гиляковъ — но и Орочей, проживающихъ на морскомъ прибрежьѣ между заливомъ де-Кастри и Императорской гаванью. Читателя его статьи, спеціально трактующей о Гилякахъ, не можетъ не удивлять такое смѣшеніе этихъ инородцевъ съ сосѣдями, рѣзко отличающимися отъ нихъ, какъ по языку, такъ отчасти и по образу жизни.

Digitized by Google

большая бухта или береговая излучина, которая скалистыми уступами защищается отъ бурь, здѣсь свирѣпствующихъ; если на рѣкѣ — сухой, высокій, недоступный половодью берегъ, съ достаточно глубокимъ причаломъ для лодокъ, окаймленный высокимъ лѣсомъ или густымъ кустарникомъ для прикрытія отъ зимнихъ бурь и метелей. Въ мѣстностяхъ, одинаково соотвѣтствующихъ требованіямъ зимы и лѣта, располагаются постоянныя селенія съ разными, для обоихъ временъ года, постройками и приспособленіями. Въ противномъ случаѣ зимнія и лѣтнія помѣщенія возводятся въ различныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, возникаютъ отдѣльныя зимнія и лѣтнія селенія, жители которыхъ два раза въ годъ совершаютъ соотвѣтственную перекочевку. Часто лѣтники и зимники съ однимъ и тѣмъ же населеніемъ располагаются въ непосредственной близости одни отъ другихъ. Такъ, напримѣръ, я и на материкѣ и на островѣ Сахалинѣ встрѣчалъ приморскія селенія, въ которыхъ лѣтники находились на самомъ берегу, а зимники были только нѣсколько отодвинуты въ глубь страны, гдѣ подъ прикрытіемъ лѣса и горъ они больше защищены отъ непогоды и гдѣ легче добывать необходимое топливо. Но иногда разстояніе между соотвѣтственнымъ лѣтнимъ и зимнимъ жильемъ бываетъ очень значительное. На Амурѣ, напримѣръ, случается, что такія деревни находятся на двухъ противоположныхъ берегахъ. Такова на правомъ берегу Амура деревня Мэо; это не иное что, какъ лѣтнее мѣстопребываніе жителей деревни Куика (или, какъ ее называютъ Русскіе, Куегды), расположенной на лѣвомъ берегу, которая въ свою очередь не иное что, какъ зимнее мѣстопребываніе лѣтнихъ обывателей первой. Все населеніе Куика цѣликомъ перебирается на лѣто въ Мэо, мѣстоположеніе котораго представляетъ больше удобства для рыбной ловли. Мѣстечко это лежитъ на самой рѣкѣ, какъ разъ тамъ, гдѣ обыкновенно проходитъ лососевая рыба, поднимаясь вверхъ по теченію. Кромѣ того, оно на высокомъ берегу и съ удобнымъ причаломъ. А осенью туземцы возвращаются въ свои зимники по ту сторону рѣки, наискось отъ Мэо. Тамъ, въ глубинѣ небольшой бухты обширный лѣсъ защищаетъ ихъ отъ холоднаго пронзительнаго вѣтра, который здѣсь преимущественно дуетъ съ запада и съ сѣверо-запада и нагоняетъ снѣжныя метели. Вдобавокъ мѣсто это представляетъ еще и широкую, изобилующую пушными звѣрями площадь, болѣе удобную для охоты, чѣмъ горные склоны праваго берега[1]). Иногда жители одной и той-же гиляцкой деревни на лѣто расходятся въ разныя стороны, но осенью снова соединяются для совмѣстнаго зимняго житья. Когда лѣтники и зимники находятся рядомъ, какъ, напримѣръ, въ деревнѣ Вайръ (или, какъ она называется у Русскихъ, Вайтъ), селеніе на первый взглядъ кажется гораздо обширнѣе и многолюднѣе, чѣмъ оно на самомъ дѣлѣ. Въ такихъ деревняхъ бо̀льшая половина построекъ приходится на долю лѣтниковъ, которые по размѣрамъ своимъ значительно уступаютъ

1) Осенью 1854 года переселеніе Гиляковъ изъ Мэо въ Куикъ произошло на второй недѣлѣ октября (н. ст.), незадолго до покрытія Амура льдомъ. А весной 1855 года я уже 16-го (28-го) мая засталъ гиляцкихъ жителей деревни Сабахъ, первой вверхъ отъ Николаевска, въ ихъ лѣтнихъ помѣщеніяхъ, рядомъ съ зимними. Но дальше вверхъ по рѣкѣ, вплоть до Тахта, туземцы еще не трогались изъ своихъ зимниковъ.

Digitized by Google

зимникамъ, вообще прочнѣе выстроеннымъ и лучше прибраннымъ. Кромѣ того кладовыя при послѣднихъ такъ схожи своей постройкой съ лѣтниками, что легко могутъ быть приняты за жилыя помѣщенія. Этимъ объясняется большое количество жилищъ, насчитываемыхъ иными путешественниками въ гиляцкихъ деревняхъ[1]). А когда зимники и лѣтники лежатъ отдѣльными группами — это опять обманываетъ глазъ непосвященнаго зрителя и онъ получаетъ впечатлѣніе, что страна гораздо населеннѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Позже я еще возвращусь къ этому вопросу, а теперь поближе познакомимся съ постройкою и внутреннимъ устройствомъ гиляцкихъ зимниковъ и лѣтниковъ.

Гиляки строятъ отдѣльно свои лѣтнія и зимнія помѣщенія, главнымъ образомъ на основаніи климатическихъ условій. Зимой они ищутъ защиты отъ холода, часто сопровождаемаго бурями и метелями, а лѣтомъ отъ сырости, которая обусловливается сосѣдствомъ съ моремъ, постоянными морскими вѣтрами, туманами, дождями. Въ первомъ случаѣ требуется жилье по возможности плотно закрытое, со стѣнами, которыя могли-бы успѣшно сопротивляться напору вѣтра; во второмъ — постройки, доступныя вліянію внѣшняго воздуха и которыя легко провѣтривались бы. Соединеніе того и другого въ одномъ и томъ-же помѣщеніи недоступно силамъ и средствамъ первобытнаго народа. Но посмотримъ, какимъ образомъ Гиляки удовлетворяютъ этимъ двойнымъ требованіямъ своего климата.

Зимнія жилища Гиляковъ двоякаго рода: болѣе простыя, своеобразныя и первобытныя землянки или подземныя юрты и болѣе сложныя, которыя сооружаются по китайскому образцу и скорѣе заслуживаютъ названіе дома, чѣмъ юрты[2]). Землянка или подземная юрта — гиляцкій *торыфъ* — сооружается на подобіе палатки. И дѣйствительно, она не иное что, какъ болѣе или менѣе просторная, плотная, до половины ушедшая въ землю, съ покрышкой изъ бревенъ палатка. Для большой юрты этого рода вырываютъ въ землѣ углубленіе отъ 20-ти до 22-хъ футовъ въ квадратѣ и отъ 3-хъ до 4-хъ футовъ глубины. Стѣнки углубленія плотно укалачиваются или, по крайней мѣрѣ въ верхней части, обшиваются деревомъ. Вокругъ воздвигается пирамидальная, со всѣхъ сторонъ одинаково по-

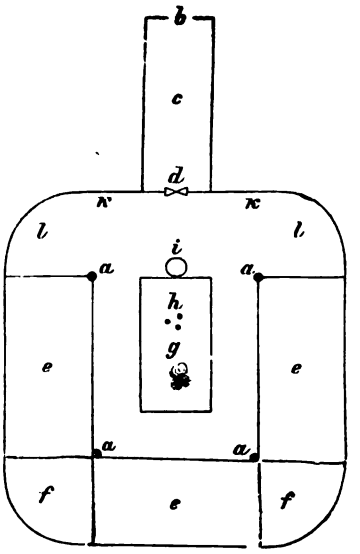
---

1) По свидѣтельству Крузенштерна (Путешествіе вокругъ свѣта, Спб. 1810, Ч. II, стр. 170) въ одной гиляцкой (по его мнѣнію «татарской») деревнѣ на сѣверѣ Сахалина, между мысами Елизаветы и Маріи, въ его время было 27 домовъ, а въ другой, на заливѣ Надежда, отъ 15 до 18. Изъ описанія его однако ясно, что онъ сюда включаетъ и лѣтнія и зимнія помѣщенія, изъ которыхъ послѣднія пустовали (тамъ-же, стр. 188, 192). Орловъ въ первое свое посѣщеніе Гиляковъ на Охотскомъ побережьѣ (въ іюлѣ 1849 г.) насчиталъ въ деревнѣ Кулѣ до 46 жилищъ (ср. Тихменевъ, Истор. Обозр. образ. Росс.-Амер. Комп. Ч. II, С.-Петерб. 1863, стр. 64), но въ это число вѣроятно попали и нѣкоторыя кладовыя.

2) Этимъ словомъ (юрта) финско-татарскаго происхожденія (см. Ahlqvist, Die Culturwörter der westfinnischen Sprachen, Helsingfors 1875, p. 105) Русскіе первоначально обозначали исключительно палаткообразныя жилища сибирскихъ инородцевъ. Но постепенно они стали примѣнять его вообще ко всѣмъ туземнымъ постройкамъ въ Сибири, въ отличіе отъ бревенчатаго дома или избы русскаго мужика и отъ другихъ европейскихъ жилищъ. Въ этомъ болѣе широкомъ смыслѣ слово юрта обыкновенно употребляется и въ путешествіяхъ по Сибири. Точно такъ-же и гиляцкіе зимники на Амурѣ по русски всегда называются юртами. Въ томъ-же смыслѣ слово это употребляется и въ нашемъ настоящемъ трудѣ.

Digitized by Google

катая крыша изъ тонкихъ, плотно прилаженныхъ одно къ другому бревенъ, покоящихся на четырехъ поперечныхъ бревенчатыхъ перекладинахъ, которыя въ свою очередь поддерживаются четырьмя бревенчатыми же столбами (*a*) внутри юрты. Только на самой верхушкѣ крыши оставляется отверстіе для дыма. Снаружи крыша для бо́льшей плотности покрывается еще сухой травой и землей. Осенью и зимой, вся осыпанная снѣгомъ, юрта представляется снѣжнымъ холмомъ съ верхушкой, слегка почернѣвшей отъ проходящаго сквозь нее дыма. Съ той стороны юрты, которая наиболѣе защищена отъ господствующаго въ данной мѣстности вѣтра, расположенъ входъ (*b*). Послѣдній, однако, ведетъ не прямо въ жилое помѣщеніе, а сначала въ довольно длинный, низкій проходъ (*c*), крытый сверху жердями или прутьями и сухой травой. Проходъ образуетъ пологій спускъ. По обѣимъ сторонамъ его разставляется домашняя утварь, или устраивается логовище для собакъ. Въ концѣ прохода дверь, которая или, какъ наша обыкновенная, ходитъ на петляхъ, или состоитъ изъ горизонтальной подвижной доски (табл. X)[1]). Немедленно за дверью нѣсколько ступенекъ спускаются къ полу юрты, изъ плотно уколоченной земли. По обѣ стороны жилья и въ глубинѣ его между подпорочными столбами и земляной стѣной тянутся нары (*e*) въ 5—6 футовъ ширины и въ $1^1/_2$ фута вышины: на нихъ спятъ и сидятъ. Только въ двухъ заднихъ углахъ юрты между нарами остаются промежутки. Эти задніе углы (*f*, *f*), также какъ и передніе, бо́льшею частью закруглены и служатъ складочнымъ мѣстомъ для разной утвари, ящиковъ, бауловъ, корзинъ, салазокъ и т. д. Такимъ образомъ, между обѣими боковыми нарами и заднею, которая считается лучшимъ и самымъ почетнымъ мѣстомъ въ юртѣ, образуется нѣчто вродѣ неполной перегородки. Супротивъ внутренняго края скамьи, немного выше человѣческаго роста, между отвѣсными подпорочными столбами тоже тянутся поперечныя жерди, на которыхъ между прочимъ вѣшаютъ платья. Среди юрты, между тремя нарами и всего на разстояніи трехъ футовъ отъ каждой изъ нихъ, очагъ (*g*), въ видѣ площадки шириной въ четыре фута, длиною вдвое больше и одинаковой вышины со скамьями. Устройство очага самое простое: онъ состоитъ изъ деревянной, сколоченной



Планъ гиляцкой подземной юрты (*торырѣ*).

a — Отвѣсные подпорочные столбы. *b* — Входъ. *c* — Низкій проходъ. *d* — Дверь. *e* — Нары. *f* — Задніе углы безъ наръ. *g* — Очагъ. *h* — Треугольникъ изъ камней для большого котла. *i* — Водохранилище. *k* — Передняя стѣна. *l* — Передніе углы юрты.

---

1) На этой таблицѣ, изображающей внутренность подземной гиляцкой юрты, даны слишкомъ большіе размѣры двери, черезъ которую на самомъ дѣлѣ, проходятъ только сильно согнувшись.

Digitized by Google

изъ досокъ рамы, наполненной плотно утрамбованной землей. Надъ очагомъ, немного выше человѣческаго роста, нѣсколько поперечныхъ жердей — двѣ надъ переднею и одна надъ заднею частью очага — которыя поддерживаются вышеупомянутыми поперечными бревнами между отвѣсными подпорочными столбами. Къ этимъ поперечнымъ жердямъ надъ очагомъ прикрѣплены палки съ крючьями на концахъ: на нихъ вѣшаютъ котлы надъ разводимымъ на очагѣ огнемъ. На передней части очага выдается плотно вставленный въ него треугольникъ изъ камней (*h*): на немъ большой котелъ для варки похлебки собакамъ. Въ болѣе обширныхъ юртахъ встрѣчается и по два такихъ котла. Въ нихъ впрочемъ иногда приготовляютъ пищу и для людей, какъ я это, напримѣръ, видѣлъ въ деревнѣ Тыкѣ, гдѣ я неоднократно проводилъ по нѣсколько дней: тамъ-же снялъ я и предлагаемый здѣсь планъ. На задней части очага, и слѣдовательно ближе къ серединѣ юрты, между тремя нарами разводится огонь для отопленія и для вечерняго освѣщенія жилья. Передъ очагомъ одинъ или нѣсколько крупныхъ сосудовъ (*i*) — бо́льшею частью кадки изъ березовой коры — съ водой для питья. А у передней стѣны (*k*), справа и слѣва отъ входа, или въ одномъ изъ переднихъ угловъ юрты (*l*, *l*) обыкновенно хранится запасъ сухого топлива. Вверху, прямо надъ очагомъ отверстіе для дыма въ видѣ удлиненнаго четырехугольника, который своимъ продольнымъ и поперечнымъ разрѣзомъ соотвѣтствуетъ очагу.

Малая подземная юрта устроена по тому-же образцу, только въ меньшихъ размѣрахъ. Такъ, напримѣръ, углубленіе для нея въ землѣ въ иныхъ случаяхъ бываетъ настолько мелко, что за нарами вовсе не оказывается стѣны, а немедленно начинаются бревна, образующія крышу. Въ такой юртѣ, съ цѣлью выиграть мѣсто, обыкновенно и оба задніе угла снабжаются нарами: тогда въ ней, за исключеніемъ передней стѣны и двухъ переднихъ угловъ, кругомъ тянется скамья, на которой спятъ и сидятъ. Иногда размѣры подобной юрты до того умаляются, что она едва поднимается надъ землей. Очагъ и нары, въ такомъ случаѣ окаймленные узкими досками, очень мало возвышаются надъ земляномъ поломъ — нары лишь насколько того требуетъ толщина настилки изъ древесныхъ вѣтвей для ложа. Дымовое отверстіе очень низко надъ очагомъ. Проходъ, ведущій къ двери, исчезаетъ, или умаляется до размѣровъ двухъ предохранительныхъ выступовъ. Однимъ словомъ, юрта превращается въ шалашъ изъ тонкихъ бревенъ. Такова была маленькая юрта въ деревнѣ Тафиц-во, въ долинѣ рѣки Тымы на Сахалинѣ. Въ ней я провелъ ночь на 16-ое февраля (1-ое марта) 1856 года. Проснувшись утромъ, я увидѣлъ, что ртуть въ моемъ термометрѣ замерзла. Но можетъ быть это была только временная постройка. Во всякомъ случаѣ въ юртѣ проживала цѣлая семья Гиляковъ съ дѣтьми, а рядомъ находилось и соотвѣтственное лѣтнее помѣщеніе. Вообще эта маленькая юрта въ Тафиц-во только болѣе прочнымъ строительнымъ матеріаломъ и нѣсколько бо́льшими размѣрами отличалась отъ временнаго шалаша, на скорую руку сооружаемаго Гиляками въ случаяхъ, когда ихъ во время зимнихъ странствованій застигаютъ сильныя снѣжныя метели. Въ 1855 году я ѣхалъ вдоль западнаго берега Сахалина. Ночь на 6/18-ое февраля застала меня въ лѣсу на

Digitized by Google

высокомъ морскомъ берегу къ югу отъ мыса Ванги[1]). Тамъ столкнулся я съ Гиляками, которые путешествовали въ одномъ направленіи со мной. Четверо изъ нихъ были съ рѣки Тымы, пятый изъ деревни Тыка. Падалъ сильный снѣгъ при умѣренномъ сѣверномъ вѣтрѣ. Гиляки расположились на ночлегъ. Они вырыли въ снѣгу яму около двухъ футовъ глубины; дно ея и стѣнки выложили ельникомъ, а сѣверную сторону, какъ занавѣской, затянули брезентомъ изъ рыбьихъ шкуръ, размѣстивъ ихъ на косо воткнутыхъ въ снѣгъ жердяхъ. Скоро по срединѣ запылалъ огонь и зашипѣлъ повѣшенный надъ нимъ котелъ. Ночью вѣтеръ усилился и къ утру до того разбушевался, что о продолженіи пути нечего было и думать. Тогда Гиляки приступили къ сооруженію убѣжища менѣе доступнаго метели. Они вырыли въ снѣгу другое, круглое углубленіе, обставили его косо воткнутыми въ снѣгъ жердями, которыя, соединяясь вверху въ одинъ центръ, образовали родъ конуса, и покрыли все это брезентомъ изъ рыбьихъ шкуръ: только наверху оставалось небольшое отверстіе для дыма. Откидной уголъ одной изъ шкуръ замѣнялъ входную дверь. Стѣнки и дно углубленія были выложены еловыми вѣтками съ раскинутыми поверхъ медвѣжьими шкурами, безъ которыхъ Гиляки не обходятся въ своихъ зимнихъ поѣздкахъ. Оставалось соорудить очагъ. Надо было приготовить твердое ложе для огня: такъ какъ разведенный непосредственно на снѣгу, онъ быстро въ него погружается и перестаетъ грѣть присутствующихъ. Гиляки сложили рядомъ вплотную нѣсколько плоскихъ деревянныхъ плитокъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ окружили ихъ другими, болѣе толстыми, и деревянными клиньями укрѣпили послѣднія на мѣстахъ. Такимъ образомъ получилось четырехугольное, продолговатое и нѣсколько углубленное ложе для очага. Оно было выложено слоемъ лиственничной коры и по самые края наполнено мелко раздробленнымъ мерзлымъ пескомъ, который Гиляки натаскали съ обрыва на морскомъ берегу. Дробили они мерзлый песокъ топорами, неизмѣнно сопровождающими ихъ въ зимнихъ странствованіяхъ, чтобы рубить топливо для ночныхъ костровъ. Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что самые обыкновенные у Гиляковъ и ихъ сосѣдей топоры, употребляемые ими и для постройки жилищъ и прочаго, въ бытность мою среди нихъ были на Сахалинѣ — японскаго, а на материкѣ — китайскаго происхожденія: такой топоръ изображенъ у насъ въ рукахъ гольдскаго мальчика на табл. XXX: у него длинная, прямая рукоять и толстый клинокъ, почти по самый край одинаково широкій. Русскій топоръ, имѣющій короткую, съ легкой выемкой рукоять и значительно расширяющійся къ низу клинокъ, въ то время еще почти вовсе не употреблялся среди амурскихъ инородцевъ. Такимъ образомъ быстро возникъ пріютъ, который достаточно укрывалъ Гиляковъ отъ непогоды и своимъ видомъ и способомъ сооруженія живо напоминалъ ихъ землянку: одинъ предлагаетъ убѣжище отъ вѣтра въ снѣгу, другая — въ землѣ. Можетъ быть эти временные пріюты отъ зимнихъ бурь и навели первоначально

---

1) Гиляки называютъ этотъ мысъ «Пиля-Ванги», т. е. «Большой-Ванги», а другой маленькій, болѣе южный выступъ «Мачъ-Ванги», т. е. «Малый-Ванги», на которомъ мы и находились.

Digitized by Google

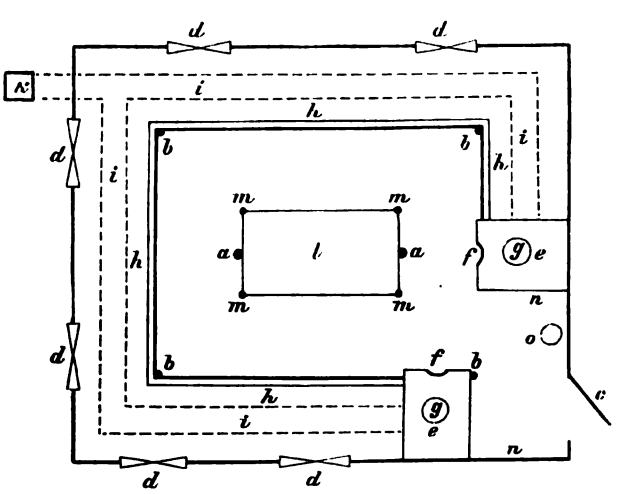
Гиляковъ на мысль о подземной юртѣ въ ея настоящемъ видѣ. Во всякомъ случаѣ сходство послѣдней въ формѣ, планѣ и способѣ сооруженія съ первыми несомнѣнно свидѣтельствуетъ о ея первобытномъ характерѣ.

Несмотря на всю свою простоту и первобытность, гиляцкая землянка, особенно большая, всетаки представляетъ нѣкоторыя преимущества передъ зимникомъ китайскаго образца. Углубленіе нижней части ея въ землю, тщательно и плотно прилаженная крыша, снаружи покрытая толстымъ слоемъ снѣга, отсутствіе оконныхъ отверстій — все это, при затворенныхъ дверяхъ, отлично защищаетъ отъ стужи даже при сильномъ вѣтрѣ. Огонь, который постоянно поддерживается на очагѣ, нагрѣвая и вентилируя маленькое пространство, особенно пріятно дѣйствуетъ. Помѣщающійся въ самомъ центрѣ юрты очагъ сообщаетъ ей своеобразную уютность. Тамъ, вокругъ огня, который пылаетъ на равномъ разстояніи отъ всѣхъ трехъ наръ, обыкновенно собираются обитатели юрты: всѣ обращены лицомъ другъ къ другу и всѣ изъ одного и того-же источника заимствуютъ свѣтъ и тепло. Это невольно вызываетъ общительность, располагаетъ къ взаимному обмѣну мыслей, наблюденій. Я часто заставалъ Гиляковъ въ этомъ положеніи: они сидѣли и до глубокой ночи бесѣдовали надъ огнемъ. Трубка неутомимо переходила у нихъ изъ рукъ въ руки. Не разъ и я самъ, насколько могъ, участвовалъ въ ихъ бесѣдѣ. Но рядомъ съ этими преимуществами, землянка представляетъ и значительныя неудобства. Самое ощутительное — это частое, быстрое колебаніе въ ней температуры. Съ открытіемъ двери въ юрту всякій разъ врывается струя холоднаго воздуха и стелется по полу. Крытый проходъ передъ дверью едва умѣряетъ силу этой струи. А если дверь остается продолжительно открытой, между ней и отверстіемъ для дыма устанавливается тяга, которая пронизываетъ насквозь всю юрту. Тепло быстро исчезаетъ и температура въ ней почти сравнивается со внѣшней. Между тѣмъ открывать дверь необходимо по крайней мѣрѣ нѣсколько разъ въ день, особенно при бурной непогодѣ. Тогда въ отверстіе для дыма часто попадаетъ масса холоднаго воздуха, или въ него врывается крутящійся вихрь и гонитъ дымъ внизъ, временно препятствуя его выходу. Все пространство юрты мгновенно наполняется ѣдкимъ дымомъ, который кусаетъ глаза и, проникая въ горло и легкія, не даетъ свободно дышать: поневолѣ приходится открыть двери и впустить въ юрту струю сквозного вѣтра, который очищаетъ воздухъ. Оттого всѣ бревна въ юртѣ покрыты копотью, а въ верхней части своей толстымъ слоемъ сажи. Пониженіе температуры въ землянкахъ всего ощутительнѣе въ ночное время, когда тухнетъ огонь, зажигаемый съ вечера, передъ отходомъ ко сну. Юрту тогда быстро наполняетъ холодный воздухъ, который проникаетъ въ нее сквозь дымовую скважину. Послѣднюю, правда, можно закрывать, но сколько разъ ни ночевалъ я среди Гиляковъ, они никогда этого не дѣлали. И чѣмъ меньше юрта и чѣмъ ближе въ ней къ очагу и къ нарамъ дымовое отверстіе, тѣмъ сильнѣе это неудобство. Въ маленькой юртѣ въ Тафиц-во, напримѣръ, дымовое отверстіе находилось такъ низко, что его можно было достать рукой. Въ ней нельзя было надолго разводить огня и потому тамъ, при содѣйствіи сквозного вѣтра, очень скоро устанавливалась внѣшняя температура. При такихъ условіяхъ

Digitized by Google

гораздо пріятнѣе ночевать на открытомъ воздухѣ у пылающаго костра, гдѣ непрерывно поддерживается огонь — но конечно только въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ метели.

Иначе устроенъ зимникъ китайскаго образца, или гиляцкій *чадрыфъ*. Онъ похожъ на настоящій домъ со стѣнами и съ крышей. Это четырехугольное, обыкновенно продолговатое зданіе, отъ 6 до 7 саженъ длины и около 5—6 ширины, съ низкими стѣнами и съ массивной крышей, слегка покатой со стороны продольныхъ стѣнъ (табл. XI)[1]. Стѣны состоятъ изъ тонкихъ горизонтально расположенныхъ бревенъ, оконечности которыхъ не связаны между собою, но заострены и впущены въ боковой желобъ болѣе толстыхъ, отвѣсно стоящихъ бревенъ. Поперечныя стѣны подняты выше продольныхъ и въ нихъ отвѣсныя бревна — особенно среднія — весьма значительной толщины. Скважины между бревнами законопачены мохомъ и снаружи замазаны глиной. Массивная, отлогая крыша, которая зимой обременяется снѣгомъ и такимъ образомъ должна выносить большую тяжесть, требуетъ для своего сооруженія и для своей поддержки довольно сложной системы балокъ. Кровельная скамья, очень прочная, состоитъ изъ продольныхъ и поперечныхъ бревенъ. Кровельный конь покоится на среднихъ отвѣсныхъ бревнахъ обѣихъ поперечныхъ стѣнъ и кромѣ того поддерживается столбами внутри дома (*a*, на прилагаемомъ планѣ). У двухъ послѣднихъ и на очень близкомъ разстояніи отъ нихъ иногда водружаютъ еще по одному такому-же столбу. По сторонамъ кромѣ того высятся другіе, меньшихъ размѣровъ и болѣе тонкіе столбы (*b*). Они, вмѣстѣ съ двумя ближайшими отвѣсными бревнами поперечной стѣны, служатъ опорой для средины крыши, нижняя часть которой покоится на продольныхъ стѣнахъ юрты. Между расположенными внутри столбами туда и сюда тянутся продольныя и поперечныя бревна, иныя изъ которыхъ достигаютъ верхняго края продольныхъ стѣнъ: это составляетъ систему балокъ, служащую для взаимной связи, а слѣдовательно и для скрѣпленія и поддержки стѣнъ. Нижнія балки, находясь немного выше человѣческаго роста, приспособлены для склада



Планъ гиляцкаго зимника китайскаго образца (*чадрыфъ*).
a — Большіе, *b* — малые отвѣсные столбы, поддерживающіе кровельную скамью. *c* — Дверь. *d* — Окна. *e* — Очаги. *f* — Отверстіе для огня. *g* — Углубленія для большого котла. *h* — Скамьи для сидѣнья и спанья или нары. *i* — Трубы, ихъ нагрѣвающія. *k* — Дымовая труба. *l* — Столъ для кормленія собакъ. *m* — Столбы, на которыхъ покоится доска этого стола. *n* — Мѣсто для склада домашней утвари. *o* — Вмѣстилище для воды.

1) Эта таблица должна служить также иллюстраціей и для обычныхъ украшеній дома во время медвѣжьихъ празднествъ и нѣкоторыхъ, происходящихъ тогда передъ домомъ, увеселеній, о которыхъ рѣчь впереди.

Digitized by Google

разныхъ вещей, для вѣшанья платья. На табл. XI мы видимъ, что концы вышеупомянутыхъ продольныхъ бревенъ значительно выдаются изъ поперечной стѣны, а равно и у конька и у боковыхъ окраинъ крыши, причемъ боковыя бревна послѣдней у фронтона скрещиваются между собой и съ кровельнымъ конькомъ. Переплетъ крыши состоитъ изъ тонкихъ, накрестъ и поперекъ проложенныхъ перекладинъ, покрытъ еловой корой и въ заключеніе слоемъ сухой травы или соломы растенія *Calamogrostis*, который въ свою очередь плотно нажимается и придерживается двумя рядами жердей, расположенныхъ параллельно съ конькомъ. Входъ съ обыкновенной дверью (*c*) всегда у одного изъ угловъ дома, а именно: если мы станемъ лицомъ къ той или другой изъ его продольныхъ стѣнъ, то входъ этотъ непремѣнно окажется у насъ справа въ той-же продольной или въ ближайшей поперечной стѣнѣ. Дверь сколочена изъ нѣсколькихъ досокъ, скрѣпленныхъ двумя поперечными брусьями. При ней высокій порогъ, чтобы по возможности защищать полъ отъ притока холоднаго воздуха, или отъ вторженія гонимаго вихремъ снѣга и сточной дождевой воды. Со всѣхъ четырехъ или, по крайней мѣрѣ, съ трехъ сторонъ домъ снабженъ окнами (*d*): ихъ по два въ каждой продольной и задней поперечной стѣнахъ и одно въ передней поперечной. Больше семи оконъ я не видалъ даже въ самыхъ просторныхъ гиляцкихъ домахъ[1]). Но случается, что въ передней поперечной стѣнѣ окно совсѣмъ отсутствуетъ, какъ напримѣръ въ Тебахскомъ домѣ, который изображенъ у насъ на табл. XI. Нерѣдко и другая поперечная стѣна, а также и задняя продольная имѣютъ всего по одному окну, но тогда они не симметрично расположены, а сдвинуты больше къ тому или другому углу дома. Въ жилищахъ меньшаго размѣра еще и задняя продольная стѣна часто бываетъ безъ оконъ: тогда ихъ во всемъ домѣ оказывается только три. Но благодаря величинѣ этихъ оконъ, жилища всетаки еще весьма сносно освѣщаются. Окна бываютъ то квадратныя въ 3—4 фута, то продолговатыя въ длину или въ ширину. Они безъ переплета, который у нихъ замѣняется рядомъ вертикально и на равномъ разстояніи расположенныхъ жердочекъ. Вмѣсто стекла они затянуты рыбьей кожей, а именно кожей *Salmo lagocephalus* (по гиляцки *лыги-* или на островѣ Сахалинѣ, *лаги-чо*) — этой самой обыкновенной въ Амурѣ рыбы изъ породы лососевыхъ[2]). Кожу колотятъ и скребутъ и такимъ образомъ дѣлаютъ по возможности тонкой и прозрачной. Отдѣльные куски ея сшиваются, такъ что швы образуютъ множество продольныхъ и нѣсколько поперечныхъ извилистыхъ линій. Окна не открываются, но вынимаются вмѣстѣ съ рамой. Полъ въ домѣ изъ плотно уколоченной глинистой земли. Справа и слѣва отъ входа по очагу (*e*) (по гиляцки *ченкъ*), сооруженному изъ глины. Каждый очагъ имѣетъ въ передней части четырехугольное отверстіе (*f*) для топки, а на верхней площадкѣ круглую дыру (*g*) для большого котла, въ которомъ варится рыбная похлебка для собакъ, а при случаѣ готовится и пища для людей. Къ очагу примы-

1) Въ жилищахъ другихъ Амурскихъ инородцевъ мнѣ случалось встрѣчать и больше оконъ, но объ этомъ послѣ.

2) У Русскихъ въ Сибири извѣстной подъ именемъ *кеты*.

2356/356 89

Digitized by Google

Библиотека АН СССР

каютъ нары или скамьи для спанья и сидѣнья (*h*), (по гиляцки *тижкы*). Онѣ нѣсколько ниже очага, который слегка выдается впередъ, и тянутся вдоль стѣнъ. Ширина ихъ около сажени, вышина полтора фута. Главное отличіе этихъ наръ въ томъ, что онѣ нагрѣваются снизу деревянными трубами (*i*), смазанными внутри глиной. Трубы выходятъ изъ обоихъ очаговъ, тянутся подъ скамьями, соединяются въ углу, діагонально противоположномъ входу, и тамъ сливаются въ еще другую, общую обоимъ очагамъ трубу, которая одновременно служитъ для отвода дыма. Отсюда эта послѣдняя спускается въ землю подъ домъ, затѣмъ неподалеку отъ него опять выходитъ наружу и впадаетъ въ отвѣсную, высокую — обыкновенно выше самаго дома — дымовую трубу (*k*), (по гиляцки *кла*). На скамьяхъ разостланы и по стѣнамъ кое-гдѣ развѣшаны цыновки, которыя большею частью изготовляются самими Гиляками изъ особаго рода тростника. Посреди дома, между обоими столбами, поддерживающими кровельный конекъ, возвышается большой, массивный, около двухъ саженей длины и въ одну сажень ширины столъ (*l*), предназначенный для кормленія собакъ: впередъ я буду называть его попросту собачьимъ столомъ (по гиляцки *кыль*). Площадка стола, продольные края которой оканчиваются грубо вырѣзанными удлиненіями въ формѣ пирамиды, кегли или крюка, покоится на четырехъ прочно укрѣпленныхъ въ земляномъ полу столбахъ (*m*). Столъ можно удалять въ тѣхъ случаяхъ, когда въ домѣ требуется больше простора, какъ напримѣръ при медвѣжьихъ празднествахъ. Съ средняго продольнаго бревна юрты надъ обоими концами собачьяго стола спускаются двѣ своеобразныя деревянныя перекладины: въ нихъ просовывается жердь, къ которой привязываютъ собакъ, когда ихъ кормятъ. Такой моментъ именно изображенъ на табл. XII, которая одновременно даетъ намъ понятіе и объ общемъ устройствѣ внутри гиляцкаго зимника. Замѣчу, однако, что столъ для собакъ на таблицѣ нѣсколько малъ, а пространство между нимъ и нарами напротивъ преувеличено. Таблицы, относящіяся къ медвѣжьимъ празднествамъ и къ обряду погребенія, даютъ болѣе вѣрные размѣры юрты и представляютъ еще много другихъ подробностей въ постройкѣ и во внутреннемъ устройствѣ гиляцкаго зимника. По стѣнамъ (*n*) у входа съ обѣихъ сторонъ поставцы для домашней утвари. Тамъ же и мѣсто для одного или нѣсколькихъ крупныхъ сосудовъ съ запасомъ воды для питья и для приготовленія пищи. На стѣнѣ немедленно за очагомъ родъ висячихъ полокъ съ разной посудой для стряпни. Въ заключеніе замѣтимъ еще, что въ передней поперечной стѣнѣ дома, по сосѣдству съ крышей находится круглое отверстіе, закрывающееся соломенной цыновкой. Отверстіе это служитъ для вентиляціи, когда домъ, при варкѣ похлебки собакамъ, наполняется паромъ и чадомъ или дымомъ, вслѣдствіе недостаточной тяги въ дымовыхъ трубахъ. Впрочемъ, я всегда видѣлъ его открытымъ втеченіе дня и закрытымъ только ночью. Нары вдоль передней поперечной стѣны, ближайшія къ дымовому отверстію, особенно подвержены вліянію сквозного вѣтра, почему и считаются худшимъ мѣстомъ въ домѣ: на нихъ соотвѣтственно не тратятъ и цыновокъ. Напротивъ, нары у передней продольной стѣны и вдоль задней поперечной слывутъ за самыя удобныя. Здѣсь никогда не бываетъ недостатка въ цыновкахъ, а въ честь гостя разстилается еще небольшой коврикъ китайскаго издѣлія.

Digitized by Google

Китайская зимняя юрта, конечно, тоже имѣетъ свои и даже большія преимущества передъ гиляцкой землянкой. Она просторнѣе, свѣтлѣе и, благодаря системѣ трубъ подъ нарами, вообще теплѣе и менѣе подвержена быстрымъ измѣненіямъ температуры. Но съ другой стороны она представляетъ и такіе недостатки, какими подземная юрта или вовсе не страдаетъ, или въ гораздо меньшей степени. Тонкія наружныя стѣны и большія окна китайской юрты не достаточно защищаютъ ее отъ сильныхъ морозовъ и снѣжныхъ метелей. Сквозь нихъ сильно дуетъ, мѣстами пробивается иней и даже образуются ледяные налеты. Еще больше дуетъ съ полу, такъ какъ дверь выходитъ прямо на воздухъ, а не въ промежуточный крытый проходъ, какъ въ подземныхъ юртахъ. Дверь эту къ тому же часто приходится держать открытою для удаленія чада и дыма. Холодъ и тяга съ полу здѣсь тѣмъ ощутительнѣе, что температура на нарахъ, наоборотъ, бываетъ даже слишкомъ высока. Сами Гиляки отъ того мало страдаютъ, потому что большей частью сидятъ на нарахъ, скрестивъ ноги. Но я на собственномъ опытѣ убѣдился до какой степени эти нары иногда нагрѣваются и какъ онѣ тогда становятся неудобными. То было въ 1856 году въ Тебахѣ, гдѣ я провелъ нѣсколько дней на медвѣжьихъ празднествахъ. Гиляки, съ цѣлью получше принять своихъ многочисленныхъ гостей, поддерживали непрерывный огонь на обоихъ очагахъ. Температура на нарахъ дошла до того, что у меня въ ручномъ кожаномъ чемоданѣ растаяли находившіяся тамъ про запасъ стеариновыя свѣчи. Эти теплыя нары имѣютъ еще одно большое неудобство: онѣ способствуютъ разведенію разныхъ паразитовъ. Такъ въ недоступныхъ потаенныхъ уголкахъ подъ ними, вдоль трубъ гнѣздится множество крысъ (*Mus decumanus*). Животныя эти выходятъ на добычу по ночамъ. Сколько разъ, когда вокругъ всѣ уже спали, а я еще сидѣлъ за моимъ дневникомъ, видѣлъ я, какъ онѣ выбѣгали изъ своихъ норъ и располагались неподалеку отъ меня. Иногда онѣ взбираются и вверхъ по бревнамъ внутри дома. Однажды, спасаясь отъ другихъ паразитовъ на нарахъ, я вздумалъ провести ночь въ койкѣ, подвѣсивъ ее къ балкамъ. Но Гиляки отсовѣтовали мнѣ, предупредивъ, что крысы не преминутъ перегрызть ремни койки и я упаду на землю. Между тѣмъ паразиты, отъ которыхъ я думалъ такимъ образомъ избавиться, еще нестерпимѣе. На теплыхъ нарахъ кишмя кишатъ блохи, таящіяся въ углубленіяхъ и складкахъ грубыхъ цыновокъ. Попробуйте войти лѣтомъ въ опустѣлый зимникъ: вы мгновенно будете, буквально, осыпаны блохами. Мнѣ пришлось убѣдиться на опытѣ, какъ неудобно даже временно располагаться лѣтомъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ такимъ зимникомъ, т. е. на одной съ нимъ гладкой и твердой земляной площадкѣ. Это множество паразитовъ, особенно блохъ, вмѣстѣ съ невозможностью продолжать и лѣтомъ жить на сильно разогрѣтыхъ нарахъ, безъ сомнѣнія и побуждаетъ Гиляковъ съ приближеніемъ весны покидать свои зимники и укрываться въ иначе устроенныхъ жилищахъ.

Постараемся теперь опредѣлить: который изъ двухъ вышеописанныхъ зимниковъ можно считать наиболѣе обыкновеннымъ въ той или другой части страны Гиляковъ. Во время моего пребыванія на Амурѣ (1854—1856 г.г.) землянка встрѣчалась почти исключительно на Сахалинѣ и тамъ значительно преобладала надъ китайскимъ зимникомъ. На

Digitized by Google

восточномъ берегу острова и въ долинѣ р. Тымы туземцы не знали другихъ жилищъ, кромѣ подземныхъ юртъ [1]). Также точно и на западномъ берегу, омываемомъ Сѣверо-Японскимъ моремъ, т. е. начиная съ Пиля-во, который составляетъ самый южный пунктъ гиляцкой области, и вплоть до Погоби, попадались однѣ только подземныя юрты [2]). Но дальше на сѣверъ — на Лиманѣ и на Охотскомъ побережьѣ, подземныя юрты чередовались съ китайскими, а иногда встрѣчались и смѣшанныя селенія съ зимниками того и другого рода. Самъ я не былъ въ этой части Сахалина, но я располагаю подробными свѣдѣніями о деревняхъ, тамъ находившихся въ мое время, и о числѣ и устройствѣ въ нихъ юртъ. Свѣдѣнія эти я имѣю отъ тамошнихъ Гиляковъ, которые посѣщали меня въ Николаевскомъ постѣ [3]) вмѣстѣ съ Чхарбахскими, раньше мнѣ знакомыми. Нѣсколько лѣтъ спустя (въ 1861 г.), часть этого берега была изслѣдована Гленомъ, который составилъ перечень всѣхъ находившихся тамъ селеній съ описаніемъ въ нихъ юртъ [4]). Сравнивая его показанія съ моими, я нахожу, что они почти вездѣ сходятся въ главныхъ чертахъ. Тѣ же разногласія, которыя иногда попадаются между ними, очевидно происходятъ отъ убыли въ народонаселеніи, состоявшейся за этотъ промежутокъ времени въ той части Сахалина. Въ моемъ перечнѣ, напримѣръ, число деревень, а именно самыхъ мелкихъ, всего съ одной землянкой, показано больше, чѣмъ у Глена. У него, правда, встрѣчаются всѣ тѣ же имена, но иногда они бываютъ слиты два въ одно. Нѣчто подобное повторяется и съ иными изъ болѣе крупныхъ деревень: у меня въ нихъ почти вездѣ насчитано больше юртъ, чѣмъ у Глена. Должно полагать, что послѣ меня въ мѣстномъ народонаселеніи произошла значительная убыль, которая, впрочемъ, вполнѣ объясняется вышеупомянутою оспенною эпидеміей, свирѣпствовавшей именно въ этой части Амурскаго края зимой 1857—58 года. Въ эту эпидемію многія юрты, какъ уже сказано выше, совсѣмъ вымерли, а отъ иныхъ селеній съ одной юртой остались только названія, которыя и могли быть приняты послѣдующими путешественниками за синонимы именъ ближайшихъ сосѣднихъ деревень. Что же касается нашего разногласія съ Гленомъ въ опредѣленіи къ какому роду построекъ — къ подземнымъ или къ китайскимъ юртамъ — принадлежатъ перечисляемыя имъ и мною жилища въ гиляцкихъ деревняхъ, то оно всегда проявляется лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о мѣстностяхъ, гдѣ самъ Гленъ не бывалъ и о которыхъ говоритъ съ чужихъ словъ. Я же держусь только того, что самъ видѣлъ или

---

1) Свѣдѣніе, сообщаемое Мицулемъ (Очеркъ остр. Сахалина въ сельско-хоз. отнош. С.-Петерб. 1873, стр. 134), что Гиляки въ долинѣ рѣки Тымы живутъ въ домахъ китайской (маньчжурской) постройки, совсѣмъ невѣрно и можетъ покоиться только на весьма недостаточныхъ разспросахъ.

2) Въ 1861 году Гленъ (Reiseber. von der Ins. Sachalin. — Beitr. zur Kenntn. d. Russ. Reiches, Bd. XXV, p. 234) видѣлъ въ Погоби одну «большую маньчжурскую» юрту (или 2?), которая, однако, въ мое время еще не существовала: это я могу съ достовѣрностью утверждать, такъ какъ въ 1855 и 1856 годахъ былъ тамъ не меньше четырехъ разъ.

3) То были именно Гиляки Яфтунъ и Прынганъ изъ деревни Джонги и Танскинъ изъ селенія Нгань-во на Лиманѣ.

4) Тамъ же, стр. 232 и слѣд.

Digitized by Google

слышалъ на мѣстѣ, и поэтому всѣ мои показанія, какъ предыдущія, такъ и послѣдующія, относятся исключительно ко времени моего пребыванія на Амурѣ. Такъ и при опредѣленіи въ разныхъ мѣстностяхъ Сахалина числа китайскихъ или подземныхъ юртъ, я руководствуюсь лишь собственными наблюденіями и опытомъ. При мнѣ къ сѣверу отъ Погоби еще существовали три деревни съ исключительно подземными юртами. Въ Джонги, идя съ юга, встрѣчалась первая китайская зимняя юрта, но за ней опять слѣдовало четыре селенія, каждое съ одной подземной юртой. Къ сѣверу отъ Тальвант-тигр-во [1]), гдѣ были одна подземная и одна китайская юрты, начиная отъ Тулькса, тянулся рядъ деревень съ постройками только послѣдняго рода. Это, какъ уже сказано выше, одна изъ населеннѣйшихъ частей Сахалина, съ самыми крупными деревнями, съ Тамля-во въ томъ числѣ, гдѣ по указаніямъ Гиляковъ было больше 12 юртъ [2]) и жители которой въ мое время пользовались дурной славой разбойниковъ. Послѣдняя деревня изъ этого ряда селеній съ однѣми китайскими юртами или чадрыфами лежитъ на Охотскомъ морѣ и называется Помыр- или Помыт-во. Дальше на сѣверъ Гленъ не проникалъ. Тѣмъ не менѣе онъ утверждаетъ, что на остальной части западнаго побережья острова Сахалина до самой сѣверной оконечности его встрѣчаются однѣ только землянки. Однако, насколько мнѣ извѣстно, и тамъ тоже преобладаетъ китайская зимняя юрта. За небольшой деревней съ торыфами Муйзиб-во (по Глену Мусь-во) слѣдуетъ въ этомъ направленіи селеніе Пиля-во — нѣкогда очень большое, а теперь состоящее изъ одной подземной и одной китайской юртъ. Дальше слѣдуютъ еще двѣ деревни съ чадрыфами, Туми-во и Нгывр-во (по Глену Нгыдъ), — послѣдняя весьма значительная (5 юртъ) и лежитъ уже неподалеку отъ сѣверной оконечности острова или «конца земли» (*миф-ыхъ*), какъ выражались Гиляки. Судя по положенію Нгывр-во въ открытой бухтѣ, названной Крузенштерномъ заливомъ Надежды, это и должно быть то самое селеніе, которое нашъ путешественникъ посѣтилъ въ 1805 году. Изъ его описанія видно, что Гиляки («Татары») въ то время, 15-го (27-го) августа, пребывали въ своихъ лѣтникахъ. Нѣсколько въ сторонѣ стояли однако другія, лучшаго вида строенія съ очагами и съ дымовыми трубами, но они пустовали [3]). Вѣроятно это и были гиляцкіе зимники вышеописаннаго образца, изъ чего слѣдуетъ, что и въ этой части Сахалина существуютъ деревни съ китайскими юртами (чадрыфами) [4]).

---

1) По Глену Іордент-тигр-во.

2) Гленъ засталъ ихъ только девять. На многочисленность домовъ и жителей этого мѣстечка указываетъ и самое названіе его: *тамля*, *тамлячъ* или *тамлячъ* значитъ по гиляцки «многочисленно».

3) Крузенштернъ, Путеш. вокр. свѣта. Ч. II, стр. 188, 192.

4) Съ цѣлью пополнить и подкрѣпить вышеприведенныя мною свѣдѣнія и дать читателю возможность поближе сравнить ихъ съ данными, сообщаемыми Гленомъ, привожу здѣсь полный списокъ деревень, имена которыхъ я собралъ на Сахалинѣ къ сѣверу отъ Погоби. Одновременно показываю число въ нихъ юртъ и опредѣляю родъ построекъ послѣднихъ. У насъ съ Гленомъ, правда, не всегда одинаково произносятся названія деревень, тѣмъ не менѣе тождественность ихъ не трудно опредѣлить. Притомъ я считаю не лишнимъ присоединить въ скобкахъ къ моимъ даннымъ цифры Глена. Сопоставленіе это отчасти поможетъ намъ судить о степени убыли въ народонаселеніи, которая тамъ произошла вслѣдствіе оспенной эпидеміи 1857—58 года. Это особенно относится къ той части

Digitized by Google

На материкѣ, напротивъ, преобладаетъ китайскій зимникъ и притомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ землянка на Сахалинѣ. Въ мое время тамъ существовала всего одна подземная юрта, но съ тѣхъ поръ вѣроятно и та уже исчезла. То была маленькая землянка въ Пэтахѣ на Лиманѣ, къ сѣверу отъ устья Амура. Я посѣтилъ ее въ мартѣ 1856 года. Она лежала на небольшомъ разстояніи отъ китайскаго зимника того же имени и была устроена точь въ точь, какъ Сахалинскія подземныя юрты. На всемъ остальномъ протяженіи Лимана, Амура и Охотскаго побережья между Лиманомъ и самой большой на этомъ берегу деревней Куль, состоящей изъ десяти (?) зимниковъ — очевидно не существуетъ больше подземныхъ юртъ. На Тугурскомъ и Ульбанскомъ заливахъ, гдѣ впервые познакомился съ Гиляками Миддендорфъ, они, судя по его рукописнымъ замѣткамъ, живутъ въ такихъ же точно постройкахъ, какъ Гиляки на Лиманѣ и на Амурѣ [1]). Нѣтъ повода полагать, чтобы иначе было и на всемъ дальнѣйшемъ протяженіи между деревней Куль и Ульбанскимъ заливомъ — этомъ единственномъ пространствѣ, о которомъ мы не имѣемъ свидѣтельства очевидцевъ. Сами Гиляки, сколько я ихъ ни разспрашивалъ, не могли указать мнѣ на существованіе здѣсь другой землянки, кромѣ вышеупомянутой въ Пэтахѣ.

Изъ этого слѣдуетъ, что китайская юрта въ настоящее время является единственнымъ зимнимъ жилищемъ Гиляковъ, на всемъ пространствѣ, которое они занимаютъ на материкѣ. На Сахалинѣ, напротивъ, она встрѣчается только на западномъ, обращенномъ къ материку, побережьѣ острова, на Лиманѣ и на Охотскомъ морѣ, но и тамъ въ перемѣшку съ подземной юртой. Во всей же остальной части острова существуетъ исключительно землянка. Такое распредѣленіе среди гиляцкаго населенія двоякаго рода зимниковъ ихъ свидѣтельствуетъ, что именно подземная юрта или емлянка составляетъ первобытное свое-

---

берега, которая тянется къ югу отъ Помыр-во, гдѣ Гленъ самъ посѣтилъ большинство деревень и считалъ юрты. Итакъ, къ сѣверу отъ Погоби лежатъ слѣдующія деревни:

Висмерыфъ	1	подземная юрта
Варсь	1 (1)	»
Нгыйтъ	1 (4)	»
Джонги	1	китайская юрта
Локчи	1 (1)	подземная юрта
Югдама	1 (1)	»
Пырки	1 (1)	»
Чегнги	1 (1)	»
Тальвант-тигр-во	1 (1)	» и 1 китайская юрта
Тулькъ	2 (3)	китайскія юрты
Лангри (лѣтнее селеніе жителей Тулькса)		
Мач-во	2	китайскія юрты
Мангаль-во	1 (1)	»
Нгань-во	4 (3)	»
Тылент-тигр-во	1 (2?)	»
Матент-тигр-во	3 (2)	китайскія юрты
Тамля-во	больше 12 (9)	»
Лыркр-во	4	»
Виск-во	5 (5)	»
Нгыль-во	1 (1)	»
Помыр-во	3 (3)	»
Муйзиб-во	1 (2)	подземная юрта
Пиля-во	1 (1)	» и 1 китайская юрта
Туми-во	2	китайскія юрты (1 подземная юрта)
Нгывр-во	5	китайскихъ юртъ (3 подземныхъ юрты).

1) Впрочемъ, Миддендорфъ и въ печатномъ отчетѣ о своемъ путешествіи (Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reichs, Bd. IX, 2. Abthl., p. 619) упоминаетъ о «цѣлесообразности проложенныхъ подъ нарами трубъ, служащихъ проводниками тепла въ жилищахъ тамошнихъ Гиляковъ».

Digitized by Google

образное жилище Гиляковъ. Сначала она и на материкѣ была у нихъ въ повсемѣстномъ употребленіи. Но съ теченіемъ времени ее оттуда постепенно вытѣснилъ новый родъ постройки — чужеземной и занесенной съ верховьевъ Амура. То же въ значительной мѣрѣ повторилось и на ближайшемъ къ материку западномъ берегу Сахалина, гдѣ подземная юрта теперь встрѣчается у Гиляковъ только въ самыхъ отдаленныхъ отъ материка частяхъ острова. Но и кромѣ простого, первобытнаго, палаткообразнаго характера постройки подземной юрты, въ пользу того, что именно она и есть первоначальный гиляцкій зимникъ, говоритъ еще существованіе ея у всѣхъ остальныхъ палэазіатскихъ народовъ.

У ближайшихъ сосѣдей Гиляковъ, у Аиновъ, подземная юрта во всеобщемъ употребленіи. На югѣ Сахалина они, по свидѣтельству Маміа Ринсо[1]), вырываютъ въ землѣ яму, глубиной въ 3—4 кена[2]), вбиваютъ по угламъ столбы и на нихъ укрѣпляютъ крышу изъ древесной коры и вѣтвей. Крыша далеко выдается надъ входомъ и образуетъ передъ нимъ родъ крытой площадки или сѣней со ступеньками, ведущими внутрь жилища. Внутри устройство точно такое же, какъ и въ гиляцкихъ подземныхъ юртахъ, только очагъ расположенъ ближе къ лѣсенкѣ. Надъ нимъ въ крышѣ отверстіе для дыма. Въ сильные холода огонь иногда разводится и просто на землѣ посреди юрты, между боковыми нарами. Но это въ рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ жилища Аиновъ, по увѣренію Маміа Ринсо, чрезвычайно теплы. Рудановскій[3]), Буссе[4]), Добротворскій[5]) и др. даютъ намъ еще болѣе подробныя описанія этихъ жилищъ. Изъ ихъ показаній слѣдуетъ, что скамьи, расположенныя по обѣимъ сторонамъ юрты, образуютъ низкія нары, какъ у Гиляковъ. При нарахъ ящики и въ этомъ я вижу уже японское вліяніе. У начала наръ, съ обѣихъ сторонъ по очагу. Но въ юртахъ меньшаго размѣра очагъ, какъ въ гиляцкихъ землянкахъ, находится по серединѣ. Надъ каждымъ очагомъ отверстіе въ крышѣ для прохода дыма — для чего, впрочемъ, въ иныхъ случаяхъ существуетъ еще и труба: она идетъ отъ очага въ сѣни, надъ которыми поднимается на поларшина вверхъ. Аины на Ессо, какъ и на Сахалинѣ, живутъ зимой въ землянкахъ[6]).

Другой палэазіатскій народъ, Камчадалы, тоже жилъ зимой исключительно въ подземныхъ юртахъ. По крайней мѣрѣ такъ было при посѣщеніи его Стеллеромъ и Крашенинниковымъ. У обоихъ путешественниковъ мы находимъ подробное описаніе, а у

---

1) Tô-tats kiko (Siebold, Nippon, VIII, p. 184).

2) По свидѣтельству Зибольда въ 6—8 метровъ, что намъ кажется слишкомъ глубоко.

3) Въ рукописномъ описаніи путешествія по южному Сахалину зимой 1853—54 года, бывшемъ у меня въ распоряженіи. См. также: Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ на крайнемъ востокѣ Россіи 1849—1857 года, посмертныя записки адмир. Невельскаго, изданныя подъ редакціей В. Вахтина, С.-Петербургъ, 1878 г., стр. 296.

4) Н. Буссе, Остр. Сахалинъ и Экспед. 1853 и 54 г.г., дневникъ съ 25-го августа 1853 г. по 19-ое мая 1854 г., С.-Петербургъ, 1872 г., стр. 97, 98.

5) М. Добротворскій, Южная часть остр. Сахалина, извлеч. изъ его военно-медиц. отчета за 1868 г. (Изв. Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. Т. 1, № 2 и 3, Иркутскъ, 1870 г., стр. 29); Его же: Аинско-русскій словарь, Казань, 1875 г. (Прилож. къ Учен. Зап. Имп. Каз. Унив. 1875 г.), стр. 35.

6) Головнинъ, Зап. о прикл. его въ плѣну у Японцевъ въ 1811, 1812 и 1833 г.г. С.-Петерб. 1816 г., Ч. III, стр. 164.

Digitized by Google

Стеллера еще и планъ внутренняго расположенія камчадальской землянки [1]). Помимо другихъ подробностей внутренность камчадальской подземной юрты представляла еще слѣдующее любопытное уклоненіе отъ гиляцкаго образца. Наружный крытый проходъ у гиляцкой землянки, въ камчадальской превращался въ подземный, узкій какъ труба, конецъ которой внутри юрты примыкалъ къ расположенному посреди нея очагу, съ цѣлью усиливать тягу при разведеніи огня. Когда огонь на очагѣ тушился, наружное отверстіе этого трубообразнаго прохода плотно закрывалось. Выходить черезъ него или вѣрнѣе выползать изъ юрты и возвращаться въ нее тѣмъ же путемъ, согласно Стеллеру [2]), дозволялось только дѣтямъ [3]). Взрослымъ же предоставлялось входить и выходить черезъ дымовое отверстіе по приставленному къ нему вкось бревну съ глубокими зарубинами. Оленные Коряки на Охотскомъ (Пенжинскомъ) морѣ, по свидѣтельству Стеллера [4]), именно на основаніи такихъ подземныхъ юртъ, называютъ своихъ сосѣдей Камчадаловъ «Намалау» или «Намаланъ», что значитъ: обитающіе въ подземныхъ жилищахъ. Отсюда Герландъ производитъ названіе Намолло, примѣняемое къ Эскимосамъ, или, какъ они сами себя называютъ, Юитамъ, обратно перекочевавшимъ изъ Америки на азіатскую сторону Берингова моря [5]).

---

1) Steller, Beschr. von dem Lande Kamtschatka, Frankf. u. Leipzig, 1774, p. 212. Крашенинниковъ, Опис. земли Камчатки (Полн. собр. учен. путеш. по Россіи, издав. Имп. Акад. Наукъ, Т. II, С.-Петербургъ, 1819 г., стр. 37).

2) Тамъ же, l. c., стр. 214.

3) А по словамъ Крашенинникова (тамъ же, стр. 40), также и женщинамъ и *коекучамъ* или *коякчичамъ* (Steller, тамъ же, стр. 351, Прим.), т. е. мужчинамъ, играющимъ роль женщинъ. Если же это дѣлалъ мужчина, то онъ подвергался насмѣшкамъ всѣхъ присутствующихъ. Русскіе казаки, искажая камчадальское названіе этого наружнаго отверстія (*шопочъ*), называли его *жупаномъ*.

4) L. c., p. 8 и 240.

5) G. Gerland, Zur Ethnogr. des äussersten Nordostens von Asien (Zeitschr. der Gesell. für Erdkunde zu Berlin. Bd. XVIII, 1883, p. 221). Насколько это производство основательно, я не берусь рѣшать, но Герландъ очевидно совсѣмъ не понялъ вышеупомянутаго сообщенія Стеллера: онъ полагаетъ, что Коряки первымъ изъ этихъ именъ (Намалау) обозначали Камчадаловъ, живущихъ на р. Камчаткѣ, а вторымъ (Намаланъ) — Тунгусовъ, тоже на основаніи ихъ подземныхъ юртъ. Согласно Стеллеру, оба эти названія не имѣютъ отношенія ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, но одинаково распространяются на всѣхъ Камчадаловъ (Ительменовъ) Охотскаго (Пенжинскаго) побережья. О тѣхъ, которые живутъ на р. Камчаткѣ, онъ прямо говоритъ, что Коряки называютъ ихъ «Ютилитанъ», не давая на то никакой особенной причины (стр. 8). О Тунгусахъ же, которые къ тому же не имѣютъ никакихъ подземныхъ юртъ, Стеллеръ замѣчаетъ только (стр. 240), что они, несмотря на свои частые набѣги, еще до прибытія Русскихъ простиравшіеся до р. Пенжины, ничего не знаютъ о Камчадалахъ. Такое извращеніе Герландомъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Стеллеромъ, должно быть приписано отчасти устарѣлому способу изложенія Стеллера, а отчасти (какъ и въ данномъ случаѣ на стр. 8) недостатку знаковъ препинанія и крайне неправильной разстановкѣ ихъ въ данномъ изданіи его труда. Я уже приводилъ въ другомъ мѣстѣ (Reis. und Forsch. im Amur-Lande, Bd. II, p. 762, Anm. 3) мнѣніе объ этомъ изданіи Палласа, который говоритъ, что «оно было напечатано съ черновой рукописи автора, вышло изъ рукъ издателя (J. B. S.) обремененное непростительными типографскими опечатками, вмѣстѣ съ ошибками и промахами переписчика, обнаруживающими грубое невѣжество» (Neue Nord. Beytr., Bd. II, p. 255). Читая Стеллера, не трудно убѣдиться въ справедливости сужденія Палласа. На этомъ основаніи я полагаю, что и мнимое разногласіе между двумя вышеприведенными коряцкими наименованіями въ примѣненіи къ Камчадаламъ должно быть приписано лишь типографской опечаткѣ. Стеллеръ кромѣ того еще говоритъ, что оленные кочующіе Коряки называютъ своихъ осѣдлыхъ соплеменниковъ на Охотскомъ морѣ

Digitized by Google

Что касается Коряковъ, тоже принадлежащихъ къ числу палеазіатскихъ народовъ, то часть ихъ, а именно сидячіе Коряки, въ тѣхъ случаяхъ, когда они еще не усвоили себѣ русскихъ нравовъ и жилищъ, и по сихъ поръ еще живутъ въ подобныхъ землянкахъ. Таковы, по свидѣтельству Дитмара[1]), осѣдлые на Пенжинской губѣ Каменцы, Паренцы, Паланцы (на крайнемъ сѣверѣ губы въ Пусторѣцкѣ и Подкагерной) и бо̀льшая часть Олюторцевъ на сѣверо-восточномъ берегу Камчатки. Коряцкая подземная юрта, по свидѣтельству Дитмара, весьма простого устройства. Она состоитъ изъ углубленія въ землѣ отъ 3—4 саженей въ квадратѣ, выложена внутри грубыми деревянными брусьями и крыта такою же грубой деревянной крышей. Входъ въ нее, какъ и въ старинной камчадальской землянкѣ, черезъ дымовое отверстіе[2]). Но Майдель утверждаетъ, что коряцкая землянка имѣетъ еще другой входъ сбоку, вырытый въ землѣ въ видѣ узкаго, слегка наклоннаго канала, который, впрочемъ, употребляется только разъ въ годъ. Возвращаясь осенью въ свою зимнюю юрту, хозяинъ ползкомъ пробирается въ нее черезъ этотъ своеобразный проходъ и вслѣдъ затѣмъ замыкаетъ его рамкой, затянутой тюленьей кожей. Остальное время года входъ въ юрту и выходъ изъ нея совершаются исключительно черезъ дымовое отверстіе[3]). Кочевые Коряки, само собой разумѣется, не имѣютъ никакихъ постоянныхъ жилищъ, но не имѣли ли таковыхъ предки ихъ, т. е. не были ли они тоже нѣкогда осѣдлыми? Вообще, правда, думаютъ, что нынѣшніе сидячіе Коряки нѣкогда были оленными кочевниками и только, лишившись стадъ своихъ, основались на морскомъ берегу, гдѣ и занялись, для пропитанія себя, рыбнымъ и звѣринымъ промысломъ. Изъ этого слѣдовало бы, что они подверглись такому же превращенію, какому отчасти и понынѣ еще подвергаются Чукчи[4]). На самомъ же дѣлѣ между осѣдлыми или береговыми Чукчами и сидячими Коряками большая разница. Коряки дѣйствительно осѣдлы и

«Нюмала акалила», т. е. сидячими, мирными. Но не имѣетъ ли и это названіе «Нюмала», такъ же какъ и слово «Намалау», отношенія къ подземнымъ жилищамъ Коряковъ?

1) Ditmar, Ueber die Korjaken und die ihnen sehr nahe verwandten Tschuktschen (Bull. de la cl. hist.-phil. de l'Acad. Imp. des sc. de St. Pétersb., T. XIII, p. 104, 107, 109; Mél. russes, T. III, p. 8, 12, 16).

2) Крашенинниковъ (Опис. земли Камчатки. — Полн. собр. путеш. и пр. Т. II, стр. 195), Müller (Geogr. und Verfass. von Kamtschatka; im Anhang zu Steller's Beschreib. von dem Lande Kamtsch., p. 24), Ditmar (l. c.), Bush (Reindeer, dogs and snow-shoes; a journ. of siber. travels and explor. made in the years 1865—1867, London, 1871, p. 352), Kennan (Tent life in Siberia and Adventures among the Koraks and oth. tribes in Kamtschatka and North Asia, London, 1871, p. 153, 178) и др. Послѣдній очень рельефно описываетъ это путешествіе Коряковъ сквозь дымовое отверстіе и связанныя съ тѣмъ неудобства.

3) На основаніи устныхъ сообщ. г. Г. Майделя.

4) Уже Крашенинниковъ (тамъ же, Т. II, стр. 204) высказывалъ мнѣніе, что сидячіе Коряки нѣкогда были оленными кочевниками. То же предполагаютъ: Эрманъ (Reise um die Erde, 1. Abth., Histor. Bericht., Bd. II, Berlin, 1838, p. 423, Anm.), Дитмаръ (Bull. etc. l. c., p. 103, 127; Mél. l. c., p. 7, 36) и Кеннанъ (l. c., p. 159). Согласно Дитмару, потеря эта должно быть состоялась въ давно прошедшее время — по преданію при столкновеніяхъ съ Чукчами. Сарычевъ (Путеш. по сѣверо-вост. части Сибири, Ледов. морю и Вост. ок., Ч. II, стр. 105) предполагалъ то же о Чукчахъ, но притомъ смѣшивалъ береговыхъ Чукчей съ Намоллами. Не подлежитъ сомнѣнію, что настоящіе береговые Чукчи происходятъ отъ кочевниковъ того же племени, которые лишились своихъ оленей. Это мнѣніе раздѣляютъ также Врангель (Путеш. по сѣв. бер. Сиб. и по Ледов. морю, Ч. II, стр. 335), Дитмаръ (l. c.) и др.

Digitized by Google

имѣютъ постоянныя зимнія и лѣтнія жилища. Чукчи же и послѣ потери своихъ оленей, и послѣ водворенія на морскомъ берегу, продолжаютъ вести полукочевой образъ жизни и соотвѣтственно не сооружаютъ никакихъ постоянныхъ жилищъ, но по прежнему живутъ въ подвижныхъ палаткахъ [1]). Образъ жизни сидячихъ Коряковъ, такимъ образомъ, мнѣ представляется стародавнимъ, какъ бы первобытнымъ, а Чукчей, напротивъ, позднѣйшимъ, иногда просто временнымъ возвратомъ къ старому быту. На этомъ основаніи я полагаю, что вышеупомянутое превращеніе въ образѣ жизни этихъ инородцевъ должно разсматривать въ обратной послѣдовательности. Предки нынѣшнихъ и сидячихъ и бродячихъ Коряковъ и одноплеменныхъ съ ними Чукчей [2]), которые отъ нихъ нѣсколько отличаются только языкомъ, нѣкогда имѣли постоянныя жилища и именно точно такія подземныя юрты. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока сосѣди ихъ — должно полагать тѣснившіе ихъ съ юга и съ запада Тунгусы — не познакомили ихъ съ домашнимъ оленемъ, вообще чуждымъ палэазіатскимъ народамъ. Въ силу этого имъ пришлось отказаться отъ осѣдлости и начать кочевую жизнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и промѣнять свои постоянныя землянки на подвижныя палатки. Съ этимъ согласно и показаніе Врангеля [3]), который, описывая Чукчей, говоритъ, что они, несмотря на свою кочевую жизнь, больше всѣхъ другихъ кочевыхъ племенъ отличаются чертами характера, свойственными преимущественно осѣдлымъ народамъ. Переходить съ мѣста на мѣсто ихъ побуждаетъ только скудость пастбищъ и недостатокъ корма для оленей. Склонность ихъ къ осѣдлой жизни проявляется еще и въ томъ, что они дѣлаютъ запасы, обнаруживаютъ бережливость, даже скупость — что вовсе не свойственно кочующимъ народамъ. Самая одежда ихъ, широкая, неуклюжая кухлянка и длинные мѣховые шаровары, гораздо болѣе приспособлена къ осѣдлой жизни [4]).

---

1) Врангель (Пут. и пр., Ч. II, стр. 336). Nordenskiöld (Die Umsegel. Asiens und Europas auf der Vega, Deutsche Uebers., Leipzig, 1882, Bd. II, p. 82). Въ послѣднемъ сочиненіи мы находимъ снимокъ съ фотографическаго изображенія палатки осѣдлыхъ или береговыхъ Чукчей, воспроизведенный Л. Паландеромъ (Bd. I, p. 394). Тамъ же многократно идетъ рѣчь о числѣ и устройствѣ отдѣльныхъ палатокъ въ селеніяхъ, которыя были посѣщаемы участниками экспедиціи съ парохода «Вега» во время ихъ зимнихъ экскурсій, а также и о перекочевкахъ береговыхъ Чукчей, совершаемыхъ иногда и въ зимнее время (Напр. Bd. I, p. 443 и др.). То же встрѣчаемъ мы и у Нордквиста (см. Petermann's Geogr. Mittheil., 1881, p. 42).

2) Стеллеръ (l. c., p. 8, Anm. a) и Крашенинниковъ (тамъ же, Т. II, стр. 197) уже указывали на близкое племенное родство обѣихъ народностей, что впослѣдствіе нашло себѣ многократное подтвержденіе — напримѣръ у Сарычева (Путеш. кап. Биллингса черезъ Чукотскую землю, извлеч. изъ разныхъ журнал., С.-Петерб., 1811 г., стр. 67, Прим.). Литке (Voyage aut. du monde sur la corv. Le Séniavine, dans les ann. 1826—1829, Partie histor., T. II, Paris, 1835, p. 262; см. о томъ же въ Ermann's Archiv für wiss. Kunde von Russland, Bd. III, 1843, p. 449) и др.

3) Тамъ же, стр. 332.

4) Врангель подчеркиваетъ вышеупомянутыя свойства Чукчей, особенно по сравненію ихъ съ Тунгусами — этимъ по преимуществу кочевымъ народомъ, о которомъ Адамъ Брандтъ (Neuverm. Beschreib. seiner gross. Chines. Reise, welche er anno 1692 von Moscau aus über Gross-Ustiga, Siberien, Dauren und die grosse Tartarey bis in Chinam und von da wieder zurück nach Moscau innerhalb 3 Jahren vollbracht, 3. Druck. Lübeck, 1734, p. 99) сообщаетъ слѣдующую характеристическую въ этомъ отношеніи черту: они не знаютъ худшаго пожеланія врагу, какъ: «жить тебѣ съ Русскими, да пахать тебѣ поле».

Digitized by Google

Но если правда, что всѣ Коряки и Чукчи нѣкогда имѣли постоянныя жилища въ видѣ подземныхъ юртъ, то въ нетронутой, почти всегда мерзлой почвѣ ихъ страны и понынѣ должны были бы находиться остатки такихъ жилищъ, именно чукотскихъ. Коряки же и теперь еще живутъ въ подобныхъ землянкахъ. Кромѣ того, о нихъ должны были бы сохраниться и намеки въ сказаніяхъ и преданіяхъ этихъ народовъ. И то и другое на самомъ дѣлѣ существуетъ, но до сихъ поръ иначе толковалось. Почти всѣ путешественники по Чукотской землѣ упоминаютъ объ остаткахъ тамъ старинныхъ подземныхъ юртъ, въ которыхъ дерево нерѣдко замѣнялось китовыми ребрами. По свидѣтельству Врангеля, такіе остатки встрѣчаются на всемъ побережьѣ Ледовитаго океана между Беринговымъ проливомъ и Шелагскимъ мысомъ[1]). Экспедиція съ парохода «Вега» тоже нападала на слѣды ихъ, напримѣръ у мыса Иркайпія (сѣвернаго) и въ другихъ мѣстахъ. Въ иныхъ изъ такихъ юртъ были найдены старинныя каменныя и костянныя орудія, а нѣкоторыя служили нынѣшнимъ Чукчамъ погребами для храненія мяса и сала[2]). Сарычеву онѣ попадались и дальше на западъ у Баранова камня[3]). Эти старинныя жилища приписываются народу Онкилонъ. Но что это былъ за народъ? Мнѣнія о томъ различны. Врангель полагалъ, что Онкилоны, которые, согласно преданію, нѣкогда занимали все пространство до самаго Шелагскаго мыса, тѣ же Эскимосы и понынѣ живущіе въ такихъ же точно юртахъ на азіатской сторонѣ Берингова пролива и Берингова моря — однимъ словомъ, тѣ же Намоллы или Юиты[4]). Норденшельдъ видитъ въ нихъ народъ, вытѣсненный Чукчами съ береговъ Ледовитаго Океана на отдаленные острова этого бассейна. Не слѣдуетъ ли, однако, подразумѣвать подъ Онкилонами скорѣе предковъ Чукчей того періода, когда и они, подобно Корякамъ на Пенжинской губѣ и Беринговомъ морѣ, жили въ постоянныхъ землянкахъ на берегу Ледовитаго Океана? Подтвержденіе тому мы, между прочимъ, находимъ въ слѣдующемъ.

Врангель слышалъ, что Чукчи называли Онкилонами жителей вышеупомянутыхъ древнихъ подземныхъ юртъ, и пришелъ къ заключенію, что имя это, равно какъ и вышеприведенное сказаніе, относятся къ азіатскимъ Эскимосамъ. Нордквистъ, который изъ всѣхъ участниковъ въ экспедиціи съ парохода «Вега» ближе всѣхъ познакомился съ Чукчами и съ ихъ языкомъ, сообщаетъ[5]), что на ихъ нарѣчіи имя азіатскихъ Эскимосовъ произносится «Айгванъ»[6]). Сами же береговые Чукчи прозываютъ себя Ангкадли, что,

---

1) Врангель, Путеш. и пр., Ч. II, стр. 295, 333.

2) Nordenskiöld, Die Umsegelung Asiens und Europas auf der Vega. Autorisir. deutsche Ausgabe. Bd. I, Leipzig, 1882, p. 403—406, 456 и др. Тамъ же помѣщены изображенія остатковъ такого древняго жилища и многихъ, найденныхъ въ немъ орудій, воспроизведенныхъ съ рисунковъ Нордквиста.

3) Сарычевъ, Путеш. по сѣверо-вост. части Сибири, Ледовит. морю и Вост. океану, Ч. II, стр. 95, 96.

4) Въ I. Т. моего сочиненія объ инородцахъ Амурскаго края (стр. 261, прим. 1) уже была рѣчь о мнѣніи Врангеля насчетъ пространства, которое нѣкогда занимали азіатскіе Эскимосы. Но теперь я больше не раздѣляю его мнѣнія, какъ это будетъ видно изъ послѣдующаго.

5) Osc. Nordqvist, Bidrag till kännedomen om tschuktschorna (Ymer, 1882, p. 29—31). См. также Petermann's Geogr. Mittheil., 1881, p. 41.

6) Какъ уже о томъ сообщалъ и Майдель. См. Т. I наст. соч., стр. 254, прим. 2.

Digitized by Google

безъ сомнѣнія, тождественно съ Онкилонами[1]) и имѣетъ одинаковый смыслъ, а именно означаетъ «приморскихъ жителей», какъ это подтверждаетъ и Врангель. Но одновременно они, заодно со своими кочующими одноплеменниками, выдаютъ себя и за «Чаучей» (Чукчей)[2]). На показаніяхъ Чукчей, значитъ, вовсе нельзя основывать заключенія, что Онкилонскія землянки принадлежатъ Эскимосамъ. Скорѣй должно полагать, что то были жилища ихъ собственныхъ, нѣкогда прочно осѣдлыхъ у моря одноплеменниковъ и предковъ. Безъ сомнѣнія, объ этихъ же самыхъ постоянныхъ береговыхъ жилищахъ говорится и въ томъ сказаніи, о которомъ упоминаетъ Врангель. Вѣроятно Чукчи нѣкогда занимали страну и дальше на западъ, за Шелагскій мысъ, какъ на это указываютъ остатки землянокъ, найденныхъ Сарычевымъ у Баранова камня. По свидѣтельству Врангеля[3]), Чукчи когда-то жили и на западъ отъ Колымы, въ то время именно, когда Русскіе уже простерли туда свои набѣги — слѣдовательно въ XVII столѣтіи. На то, между прочимъ, указываютъ и русскія названія двухъ лѣвыхъ притоковъ Колымы («Большой и Малой Чукотской»), впадающихъ въ нее неподалеку отъ устья. Кромѣ того, среди жителей Колымскаго округа сохранилось воспоминаніе, что первыя поселенія тамъ Русскихъ подвергались частымъ и опустошительнымъ набѣгамъ со стороны Чукчей, что подтверждаютъ и нѣкоторыя названія мѣстностей, какъ-то «Погромное», «Убіенное». Въ то время Чукчи уже безъ сомнѣнія вели свой теперешній кочевой образъ жизни.

Мое мнѣніе, что такъ называемыя Онкилонскія землянки принадлежатъ прежнимъ осѣдлымъ Чукчамъ, а не Эскимосамъ, мнѣ кажется, подтверждается еще тѣмъ, что остатки ихъ встрѣчаются на всемъ протяженіи страны до самаго Берингова пролива — слѣдовательно и на томъ пространствѣ, гдѣ послѣднее изъ вышеупомянутыхъ племенъ по сихъ поръ живетъ въ такихъ же точно подземныхъ юртахъ[4]). Если бы онѣ принадлежали Эскимосамъ, то было бы просто непостижимо, почему эти Эскимосы покинули ихъ и тутъ же рядомъ соорудили себѣ новыя землянки. Но это становится вполнѣ понятнымъ, если допустить, что Эскимосы, какъ уже сказано выше[5]), несмотря на азіатское происхожденіе всего своего племени, только гораздо позже отчасти перекочевали черезъ Беринговъ проливъ обратно въ Азію. Перекочевка эта состоялась подъ вліяніемъ давленія,

---

1) Согласно Нейману (см. тамъ же) оно произносится «Анг-кали».

2) По свидѣтельству братьевъ Краузе (Deutsche Geograph. Blätter, herausgegeb. von der Geogr. Gesellsch. in Bremen, Bd. V, 1881, p. 119) оленные Чукчи сами себя называютъ «Чаучуатсъ», а тѣ, которые обитаютъ на морскомъ берегу—«Анкадліэнъ» или «Айгванъ» — именами, которыя, однако, какъ тамъ же (p. 132) указано, выражаютъ скорѣе разницу въ положеніи обитаемой страны и въ нравахъ, чѣмъ въ происхожденіи.

3) Тамъ же, стр. 331.

4) Таковы напримѣръ остатки давно покинутой подземной юрты, найденной Хупером (Hooper, Ten months among the tents of the Tuski, London, 1853, p. 18) на берегу Пловерскаго залива, недалеко отъ Чукотскаго носа. И Уимперъ видѣлъ тамъ же остатки подобныхъ юртъ («underground houses» — Whymper, Travel and adventure in the territ. of Alaska, London, 1868, p. 89), принадлежавшихъ какому-то, нынѣ уже больше не существующему народу. То же самое читаемъ мы и у Далля (Dall, Alaska and its resources, Boston, 1870, p. 375).

5) См. выше, Т. I наст. соч., стр. 260.

Digitized by Google

которому, съ открытіемъ и колонизаціей Америки европейцами, подверглись Индѣйцы, а съ ними вмѣстѣ и Эскимосы[1]). Но, возвратясь въ свое прежнее отечество, они, очевидно, не воспользовались найденными тамъ остатками древнихъ жилищъ, а соорудили себѣ новыя, впрочемъ на тѣхъ же началахъ въ видѣ землянокъ и изъ того же матеріала, а именно изъ китовыхъ реберъ и другихъ костей — отчего между обоими жилищами и могло произойти нѣкоторое сходство.

Новымъ подтвержденіемъ моего мнѣнія о происхожденіи Онкилонскихъ землянокъ является еще и то обстоятельство, что экспедиція съ парохода «Вега» рядомъ съ ними находила старинные жертвенники, очевидно принадлежавшіе тому же племени и которые и нынѣшнимъ оленнымъ Чукчамъ служатъ для религіозныхъ обрядовъ[2]). Это употребленіе однихъ и тѣхъ же жертвенниковъ сначала Онкилонами, потомъ береговыми Чукчами рѣшительно говоритъ въ пользу тождественности двухъ народовъ: едва ли можно допустить, чтобы одинъ народъ пользовался жертвенниками другого, да еще ему враждебнаго, который онъ покорилъ и взаключеніе вытѣснилъ.

Между прочимъ и показаніе Далля въ мою пользу[3]). Мы встрѣчаемъ у него преданіе, слышанное имъ въ Чукотской землѣ и которое съ перваго взгляда какъ бы меня опровергаетъ, но при ближайшемъ обсужденіи вполнѣ оправдываетъ. Обратимъ прежде всего вниманіе на то, у какого именно племени въ Чукотской землѣ выслѣдилъ Далль свое преданіе. Путешественникъ этотъ соединяетъ въ одну группу всѣ народы, которые живутъ въ Америкѣ на сѣверъ и на западъ отъ Индѣйцевъ и отчасти распространяются и въ Азію. На основаніи ихъ распространенія по береговымъ окраинамъ страны, онъ называетъ ихъ «Ораріанской (orarian) группой»[4]), а въ ней опять видитъ три подраздѣленія или народности: 1) Иннуитовъ, или Эскимосовъ, населяющихъ страну между Гренландіей и западнымъ берегомъ Америки до острововъ близъ Берингова пролива[5]); 2) Алеутовъ, или жителей Аляски и Алеутскихъ острововъ, и 3) Тусковъ, или жителей береговой части Чукотской земли отъ Колючина залива до Анадырской губы. Слѣдовательно, подъ крайне неудачное названіе Тусковъ[6]) («Tuski») Далль подводитъ и береговыхъ Чукчей и На-

---

1) И Далль тоже, какъ я вижу изъ его вышеприведеннаго, но до тѣхъ поръ мнѣ неизвѣстнаго сочиненія, держится мнѣнія, что Эскимосы лишь въ позднѣйшее время, а именно всего три вѣка тому назадъ, перекочевали обратно въ Азію.

2) Nordenskiöld, Die Umsegelung Asiens und Europas, p. 406.

3) Alaska, p. 375.

4) Т. е. «береговыми» или «краевыми» народами, какъ и я назвалъ, съ географической точки зрѣнія, этихъ и рядъ другихъ азіатскихъ и соотвѣтственныхъ имъ европейскихъ народовъ (см. выше, Т. I наст. соч., стр. 256).

5) «Иннуитъ» называютъ себя сами Эскимосы (Dall, Alaska, p. 136. H. Klutschak, Als Eskimo unter den Eskimo, eine Schilder. der Schwatkaschen-Franklin-Aufsuchungs-Exped., in den J. 1878—1880, Wien, Pest, Leipz. 1881, p. 201).

6) Далль заявляетъ, что остановился на этомъ названіи потому, что эти жители, по свидѣтельству Хупера, сами себя такъ называли. Однако Хуперъ (Ten months among the tents of the Tuski, p. 34 ff.) примѣняетъ это названіе ко всѣмъ Чукчамъ вообще, утверждая, что слово Чукчи произносится: «Туски». На этомъ основаніи онъ дѣлитъ ихъ на собственно Чукчей, «Tuski Proper», или оленныхъ, и на Чук-

Digitized by Google

молловъ, соединяя ихъ въ одинъ народъ. На основаніи же ихъ собственнаго подраздѣленія, онъ называетъ ихъ также «Bowhead men», китовыми людьми, въ отличіе отъ «deer men», оленныхъ людей или собственно Чукчей. Къ одному изъ такихъ, по его опредѣленію, Тусковъ съ Пловерскаго залива, Нокуму, Далль обратился съ вопросомъ: кто были строители каменныхъ жилищъ, однородныхъ съ землянками Иннуитовъ (Эскимосовъ) на Нортонскомъ заливѣ и остатки которыхъ попадаются въ разныхъ частяхъ страны. Въ такихъ жилищахъ, отвѣчалъ Нокумъ, нѣкогда обиталъ его народъ, но это было давно — такъ давно, что и дѣдъ его (Нокума), зналъ о томъ только по преданію. Лишь позже народъ его сталъ строить для себя новыя жилища — такія, въ какихъ живутъ оленные люди и которыя болѣе приспособлены къ мѣстнымъ требованіямъ. Но какого именно племени былъ этотъ Туска Нокумъ? Принадлежалъ ли онъ къ береговымъ Чукчамъ или къ Намолламъ? Въ послѣднемъ случаѣ разсказъ его прямо опровергалъ бы мое мнѣніе о происхожденіи Онкилонскихъ землянокъ. Оно такъ и кажется съ перваго взгляда, особенно въ связи съ дальнѣйшимъ разсказомъ Нокума. Онъ еще говорилъ Даллю, что оленные люди были первоначальными жителями страны, а китовые люди, напротивъ, къ которымъ и онъ принадлежитъ, явились послѣ. Они въ давнее время переселились сюда съ острововъ (Діомидовыхъ), гдѣ оказались слабѣйшими въ борьбѣ съ народомъ, носящимъ продернутыя въ губахъ костяныя пластинки. Далль прибавляетъ, что полное сходство этого разсказа съ такимъ же преданіемъ у оленныхъ Чукчей было ему подтверждено и однимъ изъ нихъ. Возможно, конечно, что нѣкогда и на близь лежащихъ островахъ существовали береговые Чукчи, которые потомъ были вытѣснены Эскимосами на материкъ. Но я, не сливая, какъ Далль, въ одно обѣихъ народностей, считаю Туску Нокума не Намолломъ, а береговымъ Чукчей и согласно этому отношу разсказъ о прежнихъ жилищахъ его народа къ береговымъ Чукчамъ главнымъ образомъ на томъ основаніи, что эти послѣдніе дѣйствительно издавна живутъ зимой въ такихъ точно палаткахъ (ярангахъ), какъ и ихъ кочующіе съ оленями одноплеменники. А Намоллы, напротивъ, еще въ 1828 году, при знакомствѣ съ ними Литке, жили исключительно въ подземныхъ юртахъ. Если бы они уже послѣ Литке промѣняли эти юрты на вышеупомянутыя палатки, то событіе, столь важное и характеристическое для народной жизни, конечно, еще у всѣхъ было бы свѣжо въ памяти въ моментъ посѣщенія Далля, всего 37—38 лѣтъ спустя[1]), и не могло бы быть предметомъ преданія изъ далекаго прошлаго. Слѣдовательно Нокумъ, на котораго ссылается Далль, былъ бе-

---

чей иноземныхъ, «Tuski Alien», подъ которыми подразумѣваетъ береговыхъ жителей, можетъ быть въ очень давнее время переселившихся сюда изъ Америки — слѣдовательно береговыхъ Чукчей или Намолловъ, которыхъ онъ никогда и не раздѣляетъ. Почему Далль примѣняетъ названіе Тусковъ именно къ послѣднимъ, тогда, какъ оно гораздо больше подходитъ къ первымъ — это непонятно. Впрочемъ Хуперъ, какъ это видно изъ его сочиненія, всегда имѣлъ дѣло съ одними Чукчами, которые болѣе или менѣе были перемѣшаны съ Эскимосами, но не съ Намоллами, которые сами навѣрное и не называли бы себя «Тусками».

1) Изслѣдованія Далля относятся къ 1865 и 1866 годамъ.

Digitized by Google

реговой Чукча—и въ такомъ случаѣ сообщенное имъ преданіе вполнѣ подтверждаетъ мое мнѣніе, что и этотъ народъ нѣкогда жилъ въ подземныхъ юртахъ и промѣнялъ ихъ на палатки лишь позже, когда обзавелся оленями.

Къ западу отъ Чукчей мы находимъ еще одинъ палэазіатскій народъ — нынѣ вымирающихъ Юкагировъ, которые считаются потомками теперь уже исчезнувшихъ Омоковъ или древнихъ Юкагировъ[1]). Не подлежитъ сомнѣнію, что они тоже жили въ подземныхъ юртахъ. Когда въ 1639 г. казакъ Елисей Буза, проникнувъ изъ Ледовитаго Океана въ р. Яну, поплылъ вверхъ по ея теченію, онъ встрѣтилъ на устьѣ р. Чендоны Юкагировъ, которые жили въ подземныхъ юртахъ[2]). Спутникъ Врангеля Козьминъ нашелъ близъ устья Индигирки много полуразвалившихся землянокъ съ очагами и съ разнаго рода каменными орудіями. Остатки эти приписываются древнимъ Юкагирамъ или Омокамъ[3]). Уступая натиску новѣйшихъ сибирскихъ инородцевъ, Тунгусовъ и Якутовъ, а послѣ и Русскихъ, быстро пролагавшихъ себѣ путь впередъ, часть Юкагировъ принуждена была даже совсѣмъ покинуть материкъ. Согласно распространенному въ Усть-Янскѣ и на Индигиркѣ сказанію, Юкагиры около половины XVII вѣка, спасаясь отъ оспенной эпидеміи, въ большомъ количествѣ удалились на острова, расположенные къ сѣверу отъ материка[4]). И дѣйствительно, на островахъ Медвѣжьихъ и Ново-Сибирскихъ попадаются остатки землянокъ и старинныхъ орудій изъ камня и мамонтова зуба, которые Русскіе прямо называютъ Юкагирскими[5]).

Подземная юрта существуетъ не у однихъ только оставшихся на азіатской почвѣ палэазіатскихъ народовъ, но и у тѣхъ, которые были вытѣснены въ Америку — у Эскимосовъ и у Алеутовъ. Выше мы уже говорили, что немногіе изъ вернувшихся въ позднѣйшее время въ Азію Эскимосовъ живутъ въ такихъ точно юртахъ. О нихъ упоминается уже въ стариннѣйшихъ свѣдѣніяхъ, какія мы имѣемъ о Чукотской землѣ[6]); только тамъ юрты эти неправильно приписывались береговымъ Чукчамъ до тѣхъ поръ,

---

1) Геденштромъ, Путеш. по Ледовит. морю и островамъ онаго, лежащ. отъ устья Лены къ востоку (Сибирск. Вѣст., издав. Григ. Спасскимъ, 1822 г., Ч. 18, Отд. III, стр. 105); его же, Отрывки о Сибири, С.-Петерб. 1830 г., стр. 97.

2) Врангель, Путеш. и пр., Ч. I, стр. 6.

3) Врангель, тамъ же, Ч. II, стр. 141.

4) Геденштромъ, тамъ же. То же самое подтверждаютъ Санниковъ и Пшеницынъ (Сиб. Вѣстн., 1822 г., Ч. 20, Отд. III, стр. 176) въ своихъ сообщеніяхъ, относящихся къ 1811 году. Согласно имъ, переселеніе это состоялось за полтораста лѣтъ тому назадъ, что совпадало бы со временемъ похода Русскихъ на Яну и Индигирку. См. также мое сочиненіе: «Zur Vorgeschichte der von der Kais. Akad. der Wiss. ausgerüst. Exped. nach den Neusibir. Ins. und dem Jana-Lande» (Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reiches, 3. Folge, Bd. III, p. 14).

5) На Медвѣжьихъ островахъ такіе остатки были открыты уже въ 1724 г. якутскимъ боярскимъ сыномъ Амосовымъ (Müller, Samml. Russ. Gesch., Bd. III, p. 46), позднѣе, въ 1763 году, сержантомъ Андреевымъ (Pallas, Neue Nord. Beytr., Bd. I, 1781, p. 234, 235. О томъ же въ Сибирскомъ Вѣстникѣ 1822 года, Ч. 19, Отд. IV, стр. 123; 1823 года, Ч. 4, Отд. Геогр., стр. 64, 67, 68), а взаключеніе существованіе ихъ подтверждаетъ и Врангель (тамъ же, Ч. I, стр. 100; Ч. II, стр. 45). Что касается Ново-Сибирскихъ острововъ см. источники, указанные въ примѣчаніяхъ 1. и 4.

6) Такъ, напримѣръ, въ записанномъ въ 1811 году въ Анадырскѣ «сказаніи якутскаго казака Петра Ильина, сына Попова», и его обоихъ толмачей (Müller, Samml. Russ. Gesch., Bd. III, p. 58).

Digitized by Google

пока въ жителяхъ ихъ не были признаны Эскимосы[1]), которые, согласно Литке, зовутъ себя: «Намолло»[2]), а по свидѣтельству Далля[3]): «Юитъ»[4]). На американской почвѣ, начиная отъ Берингова моря и Кадьяка до Гренландіи, всѣ многочисленныя эскимосскія племена живутъ исключительно въ подземныхъ юртахъ. Подробное изслѣдованіе жилищъ на этомъ обширномъ пространствѣ у каждаго племени въ отдѣльности завело бы меня слишкомъ далеко. Поэтому мы займемся здѣсь только тѣми изъ нихъ, которыя отличаются колоссальными размѣрами, своеобразіемъ и сложностью постройки, или тѣми, существованіе которыхъ въ данной мѣстности имѣетъ особенную важность при изученіи исторіи странствованій и передвиженій всего эскимосскаго племени.

У всѣхъ эскимосскихъ племенъ сѣверо-западной Америки, напримѣръ, у Коняговъ на Кадьякѣ, у жителей на рр. Кускоквимѣ, Квихпакѣ или Юконѣ съ ихъ притоками, у Эскимосовъ на Нортонскомъ заливѣ, на Беринговомъ проливѣ и даже на берегахъ Ледовитаго Океана существуютъ для отдѣльныхъ семей маленькія холмообразныя подземныя юрты съ очагомъ по серединѣ и дымовымъ отверстіемъ надъ нимъ, съ нарами вдоль стѣнъ и съ выходомъ или черезъ дымовое отверстіе, или черезъ узкій, тоже на половину подземный ходъ. Но рядомъ съ ними возвышаются и болѣе обширныя юрты, предназначенныя для общаго употребленія. Это такъ называемые *кажимы,* которые, между прочимъ, служатъ и банею для мужчинъ и мѣстомъ сборищъ для ихъ совѣщаній. Тутъ же происходятъ увеселительныя собранія обоего пола, устраиваются танцы, игры и т. д. Давыдовъ

---

1) Уже Биллингсъ и Сарычевъ замѣчаютъ, что такъ называемые «сидячіе Чукчи» на заливахъ Св. Лаврентія и Мечигменѣ и дальше вдоль Берингова пролива по языку совсѣмъ отличны отъ оленныхъ Чукчей и, напротивъ, близко сродственны съ жителями Кадьяка (Эскимосами). Тѣмъ не менѣе оба изслѣдователя держались первоначальнаго наименованія, которое подразумѣваетъ смѣшеніе съ береговыми Чукчами. (См. Cap. Jos. Billing's Geogr.-astronom. Reise nach den nördl. Gegenden Russlands zur Unters. der Münd. des Kowima-Fl., der ganzen Küste der Tschuktschen und der zwischen dem festen Lande von Asien und Amerika befindl. Inseln, in den J. 1785 bis 1794, nach den Orig.-Pap. herausgeg. v. Sauer, aus dem Englisch. übers., Berlin 1802, p. 370—377; также: Сарычева, Путеш. кап. Биллингса черезъ Чукотскую землю отъ Берингова пролива до Нижнеколымск. острога, извлеч. изъ разн. журн., С.-Петерб. 1811 г., стр. 5, 16, 67; и его же: Путеш. по сѣверовост. части Сиб., Ледов. морю и Восточн. океану, Ч. II, С.-Петербургъ, стр. 105).

2) Lütke, Voyage aut. du monde, Partie hist., T. II, p. 260. Впрочемъ Литке на всемъ протяженіи между Восточнымъ мысомъ и устьемъ Анадыра вовсе не встрѣчалъ береговыхъ Чукчей, а только однихъ Намолловъ, жившихъ въ землянкахъ. На этомъ основаніи онъ иногда и называетъ обитателей послѣднихъ «сидячими Чукчами» или «Чукчами-Намолламиі», вопреки своему собственному замѣчанію, что къ нимъ неправильно примѣняютъ имя «Чукчей». Коцебу (Entdeckungs-Reise, Bd. I, p. 156) и на Восточномъ мысѣ встрѣчалъ много подземныхъ жилищъ, въ видѣ небольшихъ круглыхъ холмиковъ, со множествомъ водруженныхъ въ землю вокругъ нихъ китовыхъ реберъ.

3) Proceed. of the Royal Geograph. Soc. of London, Vol. XLIX, p. 569). Его же: On the so called Chuktchi and Namollo people of Eastern Siberia (The American Naturalist, 1881, p. 866).

4) По примѣру Далля и Нордквистъ (Ymer, 1882, p. 31) и Герландъ (Zeitschr. der Ges. für Erdkunde zu Berlin, Bd. XVIII, 1883, p. 196, 202) и другіе называютъ Намолловъ—Юитами. Впрочемъ уже и Загоскинъ сообщаетъ (Пѣшеходная опись части русск. влад. въ Америкѣ, произвед. въ 1842—1844 г.г., Ч. I, С.-Петербургъ 1847 г., стр. 40), что на свой вопросъ, обращенный къ разнымъ эскимосскимъ племенамъ сѣверо-западной Америки, кто они такіе, онъ получалъ въ отвѣтъ: мы «Юг-гытъ», т. е. люди.

Digitized by Google

упоминаетъ о такихъ кажимахъ на Кадьякѣ [1]), а Васильевъ [2]), Загоскинъ [3]), Даллъ [4]) и

---

1) Двукратное путеш. въ Америку морскихъ офицеровъ Хвостова и Давыдова, С.-Петербургъ 1810 г., Ч. II, стр. 21. Кромѣ главнаго средняго помѣщенія съ очагомъ, подземная юрта Коняговъ, по свидѣтельству Давыдова (стр. 19, 20), имѣетъ еще 2 или 3 боковыя отдѣленія меньшихъ размѣровъ. Въ нихъ проникаютъ изъ перваго ползкомъ черезъ небольшое круглое и замыкающееся отверстіе, которое русскіе, какъ и на Камчаткѣ, называютъ: *жупаномъ*. Въ такой юртѣ обыкновенно живутъ два, три, рѣдко одно семейство. О конягскихъ земляпкахъ упоминается уже въ старинпѣйшихъ сообщеніяхъ о Кадьякѣ, напримѣръ у Брагина (Bericht von einer im J. 1772 angetretenen vierjähr. Seereise zu den zwischen Kamtschatka und Amerika geleg. Inseln, in Pallas' Neuen Nord. Beytr., St. Petersb. und Leipz., B. II, 1781, p. 315), Шелехова (Первое странствованіе съ 1783 по 1787 г. изъ Охотска по Восточн. Океану къ Америк. берег. и пр. Во градѣ Св. Петра 1793 г., стр. 82; въ нѣмецкомъ переводѣ въ сборникѣ Палласа: Neue Nord. Beytr. Bd. VI, 1793, p. 202), у Биллингса (Geogr.-astron. Reise nach den nördl. Geg. Russl. etc., p. 208), равно и у Лангсдорфа (Bemerk. auf einer Reise um die Welt, Bd. II, p. 56). Ссылаясь здѣсь между прочимъ и на Шелехова, я имѣю въ виду только первую половину его вышеназваннаго труда, которую и Палласъ приводитъ въ нѣмецкомъ переводѣ: она одна заслуживаетъ вниманія, такъ какъ заключаетъ въ себѣ собственныя наблюденія Шелехова. Вторая же половина, озаглавленная: «Историческое и Географическое описаніе Курильскихъ, Алеутскихъ, Андреяновскихъ и Лисьевскихъ острововъ, простирающихся отъ Камчатки къ Америкѣ на Восточномъ Океанѣ», предлагаетъ только рядъ заимствованій изъ сочиненій разныхъ другихъ авторовъ въ подстрочномъ переводѣ. А такъ какъ Шелеховъ не дѣлаетъ притомъ никакихъ оговорокъ, и не указываетъ на источники своихъ заимствованій, а все выдаетъ за свои личные опыты и наблюденія, то эта половина его труда вполнѣ заслуживаетъ названіе плагіата. Я уже и раньше указывалъ на это, а именно по поводу той части его сочиненія, гдѣ рѣчь идетъ о Курильскихъ островахъ (см. мою статью: Die Säugethierfauna Süd-Sachalin's und der südlichen Kurilen, въ Bulletin de l'Acad. Imp. des sc. de St. Pétersb. T. IV, p. 428, Anm. 47; Mél. biol. T. IV, p. 116, Anm. 47). Бэръ предполагалъ, что открылъ въ трудѣ Шелехова источникъ, по которому составлено сочиненіе: «Neue Beschreibung der Kurilischen Inseln», включенное Палласомъ въ его сборникъ: Neue Nord. Beytr., Bd. IV. Но это невѣрно во первыхъ, потому — что указанный тамъ сборникъ Палласа уже вышелъ въ свѣтъ въ томъ самомъ году, когда Шелеховъ только еще предпринялъ свое путешествіе изъ Охотска (1783 г.), и, во вторыхъ, потому что въ немъ заключаются многія данныя, которыхъ нѣтъ въ трудѣ Шелехова (2-й половинѣ). Послѣдній трудъ, слѣдовательно, или составленъ по тому же русскому подлиннику, который лежитъ и въ основѣ статьи Палласа — или же является простымъ переводомъ ея, съ нѣкоторыми пропусками. Въ настоящее время едва ли можно сомнѣваться, что эта половина труда Шелехова возникла именно этимъ путемъ, такъ какъ и относящаяся къ Алеутамъ часть его сочиненія есть не иное что, какъ переводъ разныхъ мѣстъ изъ донесеній русскихъ мореплавателей (Лазарева, Соловьева, Креницына, Левашева и др.), которыя впервые были изданы Виль. Коксомъ. — Пользовался ли притомъ Шелеховъ англійскимъ подлинникомъ (Coxe, Account of the Russian Discoveries between Asia and America, London 1780) или нѣмецкимъ переводомъ его (Die neuen Entdeckungen der Russen zwischen Asien und Amerika, Frankf. und Leipz. 1783) — это безразлично. Плагіатъ въ данномъ случаѣ тѣмъ непростительнѣе, что сообщенія вышеупомянутыхъ русскихъ мореплавателей о жителяхъ на Алеутскихъ островахъ, особенно на Уналашкѣ (самомъ большомъ изъ нихъ), Шелеховъ не задумываясь распространяетъ и на Кадьякскихъ Коняговъ, хотя послѣдніе принадлежатъ къ Эскимосскому племени и существенно отличаются отъ первыхъ.

2) См. Wrangell, Statist. und ethnogr. Nachr. über die Russ. Besitz. an der Nordwestküste von Amerika (Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reiches, herausg. v. Baer und Helmersen, Bd. I, St. Petersb. 1839, p. 129, 130). Глазуновъ тоже упоминалъ о кажимахъ на Квихпакѣ (Wrangell, l. c., p. 146).

3) Пѣшеход. опись части русск. влад. въ Америкѣ, С.-Петерб., Ч. I, 1847 г., стр. 95; Ч. II, 1848 г., стр. 9, 12. У Загоскина подробно описана и простая подземная юрта на рр. Квихпакѣ и Кускоквимѣ, которая совсѣмъ сходна съ гиляцкой землянкой на Сахалинѣ. (Тамъ же, Ч. I, стр. 55; Ч. II, стр. 23). По его показаніямъ у Магмютовъ, жителей низменности между рр. Кижуньякомъ и Капнаякомъ, этими двумя притоками Квихпака, выходъ изъ юрты производится тоже черезъ дымовое отверстіе, какъ нѣкогда у Камчадаловъ. (Тамъ же, Ч. II, стр. 18).

4) Alaska and its resources, Boston, 1870, p. 126, 127. Даллъ предлагаетъ рисунки Эскимосской землянки на р. Квихпакѣ и на Нортонскомъ заливѣ (l. c., p. 13, 65);

Digitized by Google

Якобсенъ [1]) даютъ подробное описаніе ихъ на рр. Квихпакѣ, Кускоквимѣ и на Нортонскомъ заливѣ. Далль для болѣе нагляднаго представленія внутренняго устройства кажима предлагаетъ рисунокъ такового въ отвѣсномъ разрѣзѣ. Помимо болѣе крупныхъ размѣровъ кажима его главное отличіе отъ обыкновенной подземной юрты у всѣхъ западно-американскихъ Эскимосовъ состоитъ еще въ томъ, что въ крытомъ проходѣ, ведущемъ въ жилье, неподалеку отъ входа, находится второе отверстіе: оно ведетъ въ пространство подъ досчатымъ поломъ съ люкомъ. Когда въ кажимѣ происходятъ общественныя увеселенія, черезъ этотъ люкъ появляются на полу передъ зрителями исполнители игръ и танцевъ. Случается, что досчатый полъ совсѣмъ удаляютъ, напримѣръ, когда въ кажимѣ устраивается общественная баня для мужчинъ. Тогда въ помѣщеніи кажима остается только одинъ земляной полъ, посреди котораго разводится большой огонь. Въ болѣе населенныхъ мѣстечкахъ, гдѣ кажимы иногда вмѣщаютъ въ себѣ человѣкъ до 500 [2]), вдоль стѣнъ тянутся нѣсколько рядовъ наръ, расположенныхъ амфитеатромъ. Итакъ, въ кажимахъ съ ихъ крупными размѣрами и сложной постройкой, особенно на рр. Квихпакѣ и Кускоквимѣ, достигнута высшая степень развитія тѣхъ особенностей строенія подземной юрты, которыя такъ характеристичны для палэазіатскихъ народовъ.

И остальныя эскимосскія племена сѣверо-западной Америки проводятъ зиму въ такихъ точно, снаружи холмообразныхъ землянкахъ, съ узкимъ, крытымъ, на половину подземнымъ ходомъ. Всѣ существующія описанія подземныхъ юртъ въ Портъ-Кларенсѣ [3]), на Беринговомъ проливѣ [4]), на островахъ Сарычева [5]), на заливѣ Коцебу [6]) вполнѣ согласуются между собой въ своихъ главныхъ чертахъ. То же надо сказать и о землянкахъ дальше на сѣверъ и на востокъ вдоль Американскаго берега Ледовитаго Океана, какъ напримѣръ, на мысахъ Надежды (Норе) [7]), Ледянымъ [8]), Франклина [9]), Барауа [10]) и Токера, который составляетъ одну изъ оконечностей острова Ричардса, расположеннаго противъ устья р. Мэкензи [11]),

---

одинъ изображаетъ ее снаружи въ видѣ маленькаго, зимой покрытаго снѣгомъ, холма, со сколоченнымъ изъ бревенъ входомъ и сѣнями передъ нимъ — другой представляетъ ее въ идеальномъ разрѣзѣ. У Уимпера тоже мы находимъ при описаніи этихъ подземныхъ юртъ снимокъ съ нихъ (Whymper, Travel and adventure in the territory of Alaska, London, 1868, p. 131, 139, 152, 165).

1) Capitain Jacobsen's Reise an der Nordwestküste Amerika's 1881—1883, bearb. von A. Woldt, Leipzig 1884, p. 159, 260 u. a. Въ трудѣ послѣдняго слово «кажимъ» встрѣчается постоянно въ нѣсколько искаженномъ видѣ, какъ-то: «кассигимъ», «кассигитъ».

2) Загоскинъ, Тамъ же, Ч. II, стр. 23.

3) F. W. Beechey, Narrat. of a Voyage to the Pacific and Berings-Strait, perf. in H. M. S. Blossom, London, 1831, P. II, p. 542.

4) Berth. Seemann, Reise um die Welt und drei Fahrten der kön.-brit. Freg. Herold nach dem nördlichen Polarmeere zur Aufs. Sir John Franklin's in d. Jahren 1845—1851, 2-te Aufl., Hannover, 1858, Bd. II, p. 20, 60, 62. По свидѣтельству Земана пребываніе въ этихъ юртахъ зимой довольно удобно и пріятно, также точно, какъ и на Сахалинѣ, гдѣ я самъ могъ въ томъ убѣдиться. Но когда съ приближеніемъ лѣта начинаетъ таять снѣгъ, полъ юрты на нѣсколько дюймовъ покрывается водой и жители тогда ищутъ убѣжища въ палаткахъ (l. c., p. 63).

5) O. v. Kotzebue, Entdeckungs-Reise in die Süd-See und nach der Berings-Strasse, Bd. I, p. 139.

6) Bedford Pim, у Земана, тамъ же, стр. 145.

7) Beechey, l. c., P. I, p. 265.

8) Beechey, l. c., p. 272, 276, 304.

9) Beechey, l. c., p. 274.

10) Hooper, Ten months among the tents of the Tuski, p. 227.

11) Hooper, l. c., p. 343.

Digitized by Google

и т. д. Самое подробное описаніе подземной юрты у Эскимосовъ-Чиглитовъ, живущихъ между р. Кольвиль и мысомъ Батёрста, находимъ мы у Петито [1]). Онъ же предлагаетъ и планъ ея вмѣстѣ съ рисункомъ (въ продольномъ разрѣзѣ), при бѣгломъ взглядѣ на который можно подумать, что онъ изображаетъ маленькій гиляцкій зимникъ на Сахалинѣ — такъ велико въ общемъ сходство между тѣмъ и другимъ. По тому же самому плану сооружаютъ себѣ Эскимосы-Чиглиты и ночлежныя или временныя жилища въ снѣгу [2]). Кромѣ юртъ для отдѣльныхъ семей у Эскимосовъ, живущихъ на Ледовитомъ Океанѣ, существуютъ еще и большія подземныя юрты или «кажимы» [3]) для общаго употребленія: для танцевъ, игръ и проч. Но такъ какъ страна эта гораздо скуднѣе населена и настолько бѣднѣе строительнымъ матеріаломъ, насколько меньше доставляетъ его плавучій лѣсъ, въ сравненіи съ обширными лѣсами на рр. Квихпакѣ и Кускоквимѣ — и кажимы эти меньшихъ размѣровъ, чѣмъ упомянутые въ главныхъ мѣстахъ Эскимосскаго населенія въ сѣверо-западной Америкѣ.

Послѣдній кажимъ по направленію къ востоку отъ р. Мэкензи, согласно Ричардсону, находится у мыса Аткинсона, немного западнѣе мыса Батёрста. У Эскимосовъ, живущихъ еще дальше на востокъ, кажимы уже не встрѣчаются, хотя названіе это и у нихъ извѣстно [4]). Землянка у Эскимосовъ все больше и больше исчезаетъ и въ настоящее время почти совсѣмъ замѣняется снѣжной юртой, которая, какъ уже замѣчено выше, сооружается по тому же плану. Но вмѣсто огня, пылающаго посреди землянки какъ у сѣверо-западныхъ американскихъ Эскимосовъ и у другихъ палэазіатскихъ народовъ, снѣжная юрта нагрѣвается и освѣщается ворванными лампами. Парри, Лайонъ, Галлъ, Ключакъ и другіе даютъ подробныя описанія ея наружнаго вида, способа ея постройки, внутренняго устройства и прилагаютъ къ тому многочисленные рисунки [5]). На Мельвильскомъ полуостровѣ и на сосѣднихъ съ нимъ островахъ Парри и Лайонъ встрѣчали Эскимосовъ почти исключительно въ снѣжныхъ юртахъ. Но на островѣ Иглуликѣ, на проливѣ Фюри (Fury) и Гекла, гдѣ эти путешественники провели зиму 1822/23 г., имъ попадались

---

1) Monographie des Esquimaux Tchiglit du Makenzie et de l'Anderson, Paris, 1876, p. 13, 14. Въ этомъ сочиненіи Петито высказывается въ пользу азіатскаго происхожденія Эскимосовъ.

2) См. Petitot, тамъ же, стр. 9 и рисунокъ.

3) Beechey, l. c., P. I, p. 268; P. II, p. 550, 568. Seemann, l. c., p. 62. Petitot, l. c., p. 22.

4) Sir John Richardson, Arctic. Searching Expedition: a Journal of a boat-voyage through Ruperts Land and the arct. sea, London, 1851, Vol. I, p. 254. Въ описаніи второй полярной экспедиціи Франклина (Narrat. of a sec. Expedit. to the shores of the Polar sea in the years 1825—1827, London, 1828), въ которой, какъ извѣстно, участвовалъ и Ричардсонъ и изслѣдовалъ именно береговую часть страны между рр. Мэкензи и Мѣдныхъ рудъ, находится планъ и описаніе кажима на мысѣ Аткинсона (стр. 215 ff.).

5) Will. Edw. Parry, Journ. of a second voyage for the disc. of a North-West Passage from the Atlantic to the Pacific, perform. in the years 1821—1823 in H. M. S. Fury and Hecla, London, 1824, p. 160, 187, 499 и пр. съ прибавленіемъ соотвѣтственныхъ рисунковъ. Ch. Fr. Hall, Life with the Esquimaux, London, 1864, Vol. I, p. 207, 209, 292 и т. д. Klutschak, Als Eskimo unter den Eskimo, p. 46, 47 и пр. Согласно послѣднему (l. c., p. 151) Эскимосы-Нечиллики въ землѣ короля Вильяма и на полуостровѣ Аделаиды сооружаютъ для праздничныхъ увеселеній особую большую снѣжную юрту, куда, по данному знаку, собирается все населеніе — мужчины, женщины и дѣти.

Digitized by Google

жилища и изъ болѣе прочнаго матеріала, какъ-то земли, камня, китовыхъ костей[1]), вполнѣ заслуживающія названіе подземныхъ юртъ. И въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, на Кальторпскихъ островахъ на томъ же проливѣ, на противоположномъ имъ берегу Бафиновой земли и т. д., были найдены многочисленные слѣды и остатки такихъ жилищъ[2]). Но эти, какъ ихъ называетъ Парри, каменныя и костяныя юрты не уходятъ въ землю, какъ настоящія землянки: здѣшнимъ Эскимосамъ, за недостаткомъ строительныхъ орудій, было бы слишкомъ трудно углублять свои юрты въ почти всегда мерзлую почву, которая у нихъ, если когда нибудь и оттаиваетъ, то развѣ только на самой поверхности. Нижняя часть юрты тѣмъ не менѣе состоитъ изъ кругообразной каменной или земляной стѣны, на которой покоится остовъ крыши, изъ китовыхъ и моржевыхъ костей[3]), соединяющихся вверху въ одну опредѣленную точку. Щели этого остова и вообще все сооруженіе покрываются снаружи землей, торфомъ, дерномъ и т. д. Наконецъ входъ въ жилище тоже крытый, низкій, узкій, черезъ который можно проникать только ползкомъ — на четверенькахъ. Такимъ образомъ все сооруженіе имѣетъ характеръ подземной юрты. Эскимосы въ Бафиновой землѣ, на заливѣ Фробишера, лишь незадолго до посѣщенія ихъ Галлемъ въ 1860—62 г., начали проводить зиму исключительно въ снѣжныхъ юртахъ. Но мѣстами тамъ еще попадались остатки ихъ бывшихъ костяныхъ, земляныхъ и каменныхъ жилищъ, точь въ точь такой постройки, какъ вышеупомянутыя[4]). Боасъ и въ 1883 и 1884 г.г. видѣлъ на Кумберлэндскомъ заливѣ и на Дэвисовомъ проливѣ Эскимосовъ, живущихъ въ снѣжныхъ юртахъ. Но мѣстами онъ встрѣчалъ также ряды старыхъ каменныхъ жилищъ, надъ которыми туземцы осенью возводили новыя крыши и затѣмъ охотно ими пользовались[5]). Причина, побуждающая этихъ Эскимосовъ жить предпочтительно въ снѣжныхъ юртахъ, очевидно кроется въ томъ, что они, въ видахъ своего пропитанія преслѣдуя разные охотничьи промыслы, принуждены и зимой многократно мѣнять положеніе своихъ жилищъ — то приближать ихъ по льду къ водѣ, то располагать подъ прикрытіемъ берега, а иногда переносить ихъ въ болѣе отдаленную мѣстность. Изъ этого слѣдуетъ, что снѣжныя юрты конечно съ давнихъ временъ существовали у Эскимосовъ рядомъ съ ихъ каменными и земляными жилищами. Но послѣднія съ теченіемъ времени все больше и больше вытѣснялись первыми и въ настоящее время встрѣчаются только въ многочисленныхъ остаткахъ. Это объясняется тѣмъ, что страну во множествѣ посѣщаютъ китоловы и заносятъ туда

---

1) Parry, l. c., p. 279.

2) Parry, l. c., p. 285, 349. И Ре находилъ на озерѣ Кристи (Rae, Narrat. of an Exped. to the shores of the Arctic Sea, London, 1850, p. 133) недалеко отъ залива Репюльсъ, Repulse Bay, остатки такихъ старинныхъ Эскимосскихъ жилищъ.

3) Плавучій лѣсъ, который имѣется тамъ лишь въ небольшомъ количествѣ, употребляется Эскимосами на изготовленіе разныхъ орудій, какъ напримѣръ рукоятокъ для копій и т. п., и слишкомъ дорого ими цѣнится, чтобы служить для построекъ.

4) Hall, l. c., Vol. I, p. 131; Vol. II, p. 90, 111, 289. На указанныхъ здѣсь страницахъ рѣчь идетъ объ остаткахъ Эскимосскихъ юртъ, совсѣмъ погруженныхъ въ землю и съ подземнымъ ходомъ.

5) Dr. Franz Boas, Baffin-Land, Geograph. Ergebnisse einer 1883 und 1884 ausgeführten Forschungsreise (Petermann's Geogr. Mittheil., Ergänzungsheft № 80, p. 65, 77).

Digitized by Google

разныя болѣзни и пр., отъ чего Эскимосы сильно страдаютъ и уже начали быстро вымирать[1]). Понятно, что они избѣгаютъ постройки такихъ жилищъ, которыя стоятъ имъ большихъ усилій, и предпочитаютъ сооружать такія, для которыхъ, при меньшей тратѣ труда и времени, всегда имѣютъ подъ руками готовый матеріалъ[2]).

Жилища Гренландскихъ Эскимосовъ устроены такъ же точно, какъ и у Эскимосовъ на Американскомъ материкѣ. Когда Гансъ Эгеде (въ 1721 г.) посѣтилъ ихъ страну, Эскимосы на западномъ берегу Гренландіи проводили зиму исключительно въ земляныхъ и каменныхъ юртахъ, которыя, благодаря тогда еще многочисленному населенію, встрѣчались иногда довольно значительными группами. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстечкѣ насчитывали этихъ юртъ до 30, и одна изъ нихъ была такихъ размѣровъ, что вмѣщала въ себѣ около 50 мужчинъ съ женами и дѣтьми[3]). Подробное описаніе такихъ жилищъ мы находимъ у Кранца, который кромѣ того предлагаетъ изображеніе внутренности ихъ и плановъ[4]). И внѣшній видъ Гренландской Эскимосской юрты и способъ ея постройки изъ камня, земли, торфа и дерна, и внутреннее ея расположеніе, особенно ведущій въ нее крытый, длинный, узкій, низкій ходъ—все это дѣлаетъ ее совсѣмъ однородною съ эскимосскими земляными и каменными юртами на Американскомъ материкѣ. Не менѣе сходны съ ними и жилища тѣхъ Эскимосовъ, которые населяютъ Прюдоландъ или, какъ его называетъ Джонъ Россъ[5]), арктическое плоскогорье и съ которыми находились въ частыхъ сношеніяхъ Кенъ и Хэсъ (Hayes) во время своихъ зимнихъ стоянокъ (въ гавани Ренслера и портѣ Фолькъ) въ 1853—1855 г.г. и 1860—61 г.г.[6]). Послѣднія юрты имѣютъ видъ круглыхъ кучъ камней или земли. Съ длиннымъ, низкимъ проходомъ въ родѣ туннеля онѣ отличаются отъ первыхъ только гораздо меньшими размѣрами. Такъ же точно устроены, отчасти углублены въ землю и снабжены длиннымъ подземнымъ ходомъ, хижины и остатки хижинъ, открытые Скоресбіемъ младшимъ[7]) на восточномъ берегу Гренландіи, въ Джем-

---

1) О быстромъ исчезновеніи Эскимосовъ въ настоящее время на Кумберлэндскомъ заливѣ и на Дэвисовомъ проливѣ см. Boas, l. c., p. 69 ff.

2) Hall (l. c., Bd. II, p. 325, съ приложеніемъ рисунка) полагалъ, что первоначальнымъ образцомъ для Эскимосскихъ снѣжныхъ юртъ служила тюленья нора, которую это животное устраиваетъ себѣ на время вывода дѣтенышей. Нора эта состоитъ изъ дыры во льду съ покрышкою надъ нею въ видѣ свода, вырытаго въ снѣгу. Но я полагаю, что способъ сооруженія снѣжныхъ Эскимосскихъ юртъ объясняется гораздо проще и естественнѣе тѣмъ, что эти временныя жилища попросту строятся по образцу изстари сохранившихся постоянныхъ каменныхъ или земляныхъ юртъ.

3) Hans Egede, Ausführliche und wahrhafte Nachricht vom Anfange und Fortgange der Grönländischen Mission etc. Hamburg, 1740, p. 27, 28.

4) David Cranz, Historie von Grönland, enthaltend die Beschreib. des Landes und die Einwohner etc., insbesond. die Gesch. der dortigen evangel. Brüder, Barby und Leipzig, 1770, 2. Thl., p. 185, Taf. IV.

5) Entdeckungsreise mit den kön. Schiffen «Isabella» und «Alexander», um Baffins-Bay auszuforschen etc., aus dem Englischen übers. v. P. A. Nemnich, Leipzig, 1820, p. 59.

6) Elisha Kent Kane, Arctic Explorations: the second Grinnel Exped. in search. of Sir John Franklin, London, 1861, p. 72, 227, 242, 334. Авторъ этого сочиненія даетъ подробное описаніе и изображеніе Эскимосскихъ юртъ въ Аноатокѣ, въ Итѣ и въ другихъ мѣстахъ.

7) Scoresby, Tagebuch einer Reise auf den Wallfischfang, verbunden mit Untersuch. und Entdeck. an der Ostküste von Grönland, im Sommer 1822; aus dem Englisch. übersetzt und mit Zusätzen und Anmerk. versehen v. Friedr. Kries, Hamburg, 1825, p. 231, 236, 328 u. a., nebst Taf. VIII (тутъ же планъ мѣстности съ покинутымъ селеніемъ на Джемсовой землѣ).

Digitized by Google

совой землѣ, на островѣ Трель и въ другихъ мѣстахъ. Ничѣмъ не отличались отъ нихъ, должно полагать, и юрты, которыя въ 1823 году Клеверингъ встрѣтилъ на островѣ, названномъ его именемъ[1]), и которыя въ 1870 г. были констатированы второй нѣмецкой полярной экспедиціей въ той же и другихъ мѣстностяхъ восточнаго берега Гренландіи[2]).

И на крайнемъ Американскомъ сѣверѣ, на нынѣ необитаемыхъ островахъ, были, какъ извѣстно, тоже выслѣжены остатки юртъ и другіе признаки нѣкогда существовавшихъ тамъ человѣческихъ жилищъ. Маркгамъ въ 1865 году занесъ на карту мѣста съ этими остатками юртъ и на нихъ основалъ своеобразные выводы относительно переселенія народовъ, которое, по его мнѣнію, нѣкогда происходило въ высокоарктическихъ широтахъ Америки и Азіи[3]). Онъ, правда, не отрицаетъ, что Эскимосы переселились въ Америку изъ Азіи черезъ Беринговъ проливъ и распространились тамъ до Гудзонова залива и береговъ Атлантическаго Океана, гдѣ, въ бывшемъ Винландѣ, впервые познакомились съ ними Норманы, которые пришли къ нимъ изъ Гренландіи и за ихъ маленькій ростъ прозвали ихъ Скрелингерами. Но допуская это, Маркгамъ ничего не хочетъ знать о томъ, что Эскимосы могли также проникнуть и въ Гренландію[4]) черезъ Дэвисовъ проливъ или Бафиновъ заливъ. По его мнѣнію южная Гренландія получила свое туземное (Эскимосское) населеніе съ сѣвера, изъ такъ называемаго «арктическаго плоскогорія», которое въ свою очередь получило его съ запада изъ Сибири. Какимъ путемъ состоялось это передвиженіе для Маркгама очевидно на основаніи вышеупомянутыхъ остатковъ юртъ. Пространство съ этими остатками непрерывной полосой тянется отъ Земли Банкса и Мельвильскаго острова по всему архипелагу Парри на востокъ до Бафинова залива и Смитзунда, противъ арктическаго плоскогорія Гренландіи. А на западъ и на югъ отъ архипелага Парри идетъ та часть берега Ледовитаго Океана въ Сибири, гдѣ существуютъ многочисленныя преданія, передаваемыя намъ Врангелемъ и другими путешественниками о разныхъ народахъ, которые прежде тамъ жили, а теперь исчезли, каковы Омоки, Шелаги, Юкагиры, въ настоящее время извѣстные только по имени. Всѣ они, должно быть, нѣкогда перебрались на сѣверъ черезъ Ледовитый Океанъ[5]). Тамъ-то и надо согласно Маркгаму искать колыбель Гренландскихъ Эскимосовъ и исходную точку ихъ странствованій, которыя,

---

1) Petermann's Geogr. Mittheil., 1868, p. 223, nebst Karte, Taf. 17; 1870, p. 325 und Taf. 21.

2) Petermann's Geogr. Mittheil., 1870, p. 414, 418. Клеверингъ еще видѣлъ тамъ нѣсколькихъ туземцевъ, которыхъ нѣмецкая полярная экспедиція уже болѣе не застала.

3) Clem. R. Markham, On the Origin and Migrations of the Greenland Esquimaux (The Journal of the Royal Geogr. Soc., London, Vol. XXXV, 1865, p. 87—99).

4) Маркгамъ не объясняетъ почему считаетъ это невозможнымъ, а только категорически объявляетъ, что «Эскимосы конечно никогда не проникали въ Гренландію черезъ Дэвисовъ проливъ и Бафиновъ заливъ» —«the Esquimaux assuredly never crossed over to Greenland by navigating Davis-Strait or Baffins-Bay» (l. c., p. 89).

5) Къ этимъ нынѣ исчезнувшимъ и только по имени извѣстнымъ народамъ Маркгамъ (l. c., p. 91), непонятно почему, причисляетъ и Тунгусовъ,—которые, какъ извѣстно, въ своихъ многочисленныхъ развѣтвленіяхъ и понынѣ являются самымъ распространеннымъ народомъ въ Сибири; но это конечно только lapsus calami, иначе оно изобличало бы полное незнаніе этнографическихъ условій Сибири.

Digitized by Google

продолжаясь нѣсколько столѣтій, наконецъ привели ихъ въ ихъ настоящее отечество. Противъ гипотезы такого странствованія можно было бы возразить, что обширное пространство между Сибирью и западными частями архипелага Парри хотя еще и мало изслѣдовано, но повидимому занято моремъ. Маркгамъ устраняетъ это возраженіе предположеніемъ, что еще не изслѣдованное пространство также точно можетъ оказаться и обширнымъ материкомъ или грядою острововъ, гдѣ со временемъ могутъ быть найдены остатки, подобные тѣмъ, какіе находятся на архипелагѣ Парри. Всего больше, наконецъ, противорѣчитъ его мнѣнію то, что Эскимосы, и Гренландскіе и населяющіе Американскій материкъ, принадлежатъ къ одному и тому же племени, о чемъ неопровержимо свидѣтельствуютъ ихъ языкъ, физическое сложеніе, нравы и т. д. Странно, но Маркгамъ оставляетъ это безъ вниманія. Д-ръ Ф. Боасъ недавно составилъ еще болѣе подробную и полную карту мѣстъ съ остатками жилищъ и слѣдами населенія, нѣкогда существовавшаго на Американскомъ арктическомъ архипелагѣ[1]). Но онъ притомъ приходитъ къ совсѣмъ другимъ выводамъ чѣмъ Маркгамъ. Изучая карту Боаса, мы видимъ, что эти остатки юртъ, слѣды стоянокъ, очаговъ, оружіе, кости убитыхъ звѣрей, въ западной части указаннаго пространства находятся лишь въ небольшомъ количествѣ и, кажется, даже вовсе отсутствуютъ на самомъ западномъ островѣ архипелага Парри — на островѣ принца Патрика. Напротивъ, восточная часть этого пространства, какъ-то острова Батёрстъ, Корнваллійскій, Сѣверный Девонъ, Земли Элесмира и Гринеля и даже вся самая сѣверо-западная часть Гренландіи очень богаты остатками этого рода — особенно въ мѣстахъ сосѣднихъ съ тѣми, гдѣ и по сихъ поръ еще живутъ Эскимосы. Кромѣ того тѣ изъ этихъ остатковъ юртъ, оружія и орудій, которые всего лучше сохранились и наиболѣе подробно описаны путешественниками[2]), совсѣмъ однородны съ жилищами, съ оружіемъ и орудіями сосѣднихъ Эскимосовъ. Изъ всего этого Боасъ справедливо выводитъ заключеніе, что остатки эти конечно принадлежатъ Эскимосамъ, но вовсе не служатъ доказательствомъ переселенія ихъ сюда съ запада. Они только свидѣтельствуютъ о тѣхъ неправильныхъ кочеваніяхъ, какія Эскимосы по той или другой причинѣ имѣютъ обыкновеніе совершать вдоль границъ обитаемой ими страны — съ охотничьими цѣлями или въ видахъ взаимныхъ сношеній. Впрочемъ нельзя отрицать, что Эскимосы, по мѣрѣ своего распространенія, съ теченіемъ времени вообще подвинулись на сѣверъ. Это становится вполнѣ яснымъ при взглядѣ на все занимаемое ими пространство, въ особенности, если принять въ соображеніе относительно южныя широты, гдѣ въ XI вѣкѣ Норманы впервые познакомились съ Эскимосами, тогдашнее отсутствіе послѣднихъ въ Гренландіи и ихъ теперешнее пребываніе на дальнемъ, отчасти крайнемъ

---

1) Boas, Ueber die ehemalige Verbreitung der Eskimo im arktisch-amerikanischen Archipel (Zeitschr. der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin, XVIII. Jahrg., 1883, p. 118—136, nebst Karte, Taf. 2).

2) Таковы, напримѣръ, обѣ найденныя на заливѣ Милосердія въ Землѣ Банкса хижины, съ остовомъ крыши изъ китовыхъ костей, или каменныя юрты, глубоко погруженныя въ землю по сосѣдству съ мысомъ Пальмеромъ на Мельвильскомъ островѣ (Boas, l. c., p. 126, 127), и др.

Digitized by Google

сѣверѣ. Это постепенное удаленіе Эскимосовъ на сѣверъ было, какъ уже сказано выше [1]), не иное что, какъ вынужденное отступленіе передъ Индѣйцами, которые съ колонизаціей Америки Европейцами стали еще больше тѣснить ихъ. Эскимосы всегда состояли въ кровавой враждѣ съ Индѣйцами, жившими къ югу отъ нихъ, и вражда эта, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, продолжается и по нынѣ. Результаты вышеупомянутаго движенія Эскимосовъ на сѣверъ нигдѣ не выступаютъ такъ ясно, какъ на крайнемъ сѣверо-западѣ и сѣверо-востокѣ Американскаго материка. На сѣверо-западѣ одна вѣтвь ихъ, Намоллы, была силою этого движенія отброшена черезъ Беринговъ проливъ обратно въ Азію [2]), а на сѣверо-востокѣ Эскимосы съ Гудзонова залива были вытѣснены въ Гренландію. Переходъ ихъ въ эту страну могъ состояться или одновременно съ разныхъ сторонъ или, какъ то вѣроятнѣе, постепенно. Должно полагать, что они сперва изъ Бафиновой земли и съ Кумберлэндскаго полуострова направились къ Дэвисову проливу, перебрались черезъ него въ самомъ узкомъ мѣстѣ у мыса Вальзингама, продолжали путь къ Южному заливу [3]), западнымъ берегомъ Гренландіи дошли до крайней южной оконечности полуострова и, обогнувъ ее, по восточному берегу потянулись на сѣверъ. Въ другой разъ они могли изъ Сѣвернаго Девона и Земель Элесмира и Гриннеля черезъ сѣверную часть Бафинова залива и Смитзунда перебраться въ Прюдоландъ или въ такъ называемое арктическое плоскогоріе Гренландіи, гдѣ глетчеры и ледяныя массы Мельвильскаго залива навсегда отдѣлили ихъ отъ южныхъ одноплеменниковъ. Зато къ сѣверу они продолжали распространяться до крайнихъ до сихъ поръ извѣстныхъ сѣверныхъ границъ Гренландіи, т. е. до гавани Thank-God и другихъ мѣстностей на проливѣ Робесона [4]). Переходъ Эскимосовъ въ Гренландію могъ быть отчасти и не произвольный. Путешественники въ полярныя страны разсказываютъ, что нерѣдко затертыя льдами лодки съ Эскимосами или ледяныя глыбы, на которыхъ послѣдніе охотятся за тюленями, бурными волнами отрываются отъ берега и вмѣстѣ съ людьми относятся къ предѣламъ другихъ далекихъ странъ [5]).

Возвращаясь къ зимнимъ жилищамъ палэазіатскихъ народовъ, намъ остается еще упомянуть объ Алеутскихъ зимникахъ. Алеуты на такъ называемыхъ Лисьихъ островахъ,

---

1) См. Т. I этого соч., стр. 259.

2) См. Т. I, стр. 260.

3) То же полагаетъ и Кранцъ (Historie von Grönland, Bd. I, p. 338).

4) Boas, Ueber die ehem. Verbreitung der Eskimo, l. c., p. 134. Боасъ на основаніи новыхъ данныхъ, добытыхъ Гриліемъ (Greely), но до тѣхъ поръ не напечатанныхъ, считаетъ весьма возможнымъ, что Эскимосы съ Робесонова пролива перебрались черезъ сѣверную Гренландію на восточный берегъ ея (Petermann's Geogr. Mittheil., Ergänzungsheft № 80, p. 90). И капитаны Голмъ и Ринкъ склоняются къ мнѣнію, что Эскимосы, нынѣ населяющіе восточный берегъ Гренландіи (Ангмагзаликкеры), по сѣверу ея перекочевали туда съ запада. (H. Rink, Die Ostgrönländer in ihrem Verhältniss zu den übrigen Stämmen.—Deutsche Geograph. Blätter, Jahrg. IX, p. 239).

5) Разсказы о такихъ случаяхъ мы встрѣчаемъ у Галля (Life with the Esquimaux, London, 1864, Vol. I, p. 264, 305), у Кена (Arctic Explorations: the sec. Grinnell Exped., London, 1861, p. 394), у Боаса (Zeitschr. der Gesellschaft für Erdk. zu Berlin, Bd. XVIII, 1883, p. 123) и др. Галль (l. c., I, p. 255) даже прибавляетъ, что ни одна зима не обходится безъ того, чтобы Эскимосы не были жертвами подобныхъ случайностей.

Digitized by Google

на Уналашкѣ, Умнакѣ и на западнѣе расположенныхъ Андреяновыхъ островахъ, по крайней мѣрѣ по первымъ о нихъ свѣдѣніямъ, жили тоже въ землянкахъ. Въ старинныхъ описаніяхъ русскихъ мореплавателей въ Беринговомъ морѣ[1]) говорится, что Алеутская землянка похожа на подземныя юрты Камчадаловъ, сидячихъ Коряковъ и Эскимосовъ. Она, какъ и у помянутыхъ народовъ, состояла изъ глубоко вырытой въ землѣ ямы, надъ которой сооружалась крыша изъ плавучаго лѣса или китовыхъ реберъ, дерна, травы и земли. Въ крышѣ было по одному, а при большихъ размѣрахъ землянки и по нѣсколько отверстій, которыя одновременно служили дымовыми отводами, окнами и входомъ въ жилье, куда надо было спускаться по бревну съ зарубинами. Кромѣ главнаго жилаго покоя по серединѣ юрты устраивались еще другія боковыя помѣщенія меньшихъ размѣровъ съ узкимъ проходомъ наружу въ видѣ канала, который въ случаяхъ опасности служилъ жителямъ вторымъ выходомъ и точь въ точь походилъ на приспособленіе, какое въ юртахъ Камчадаловъ и жителей Кадьяка русскіе называютъ жупаномъ[2]). Описаніе Алеутской юрты мы находимъ у Сарычева[3]), Зауера[4]) и Лангсдорфа[5]), а у перваго еще и изображеніе ея наружнаго вида. Но самое подробное описаніе ея внѣшняго и внутренняго устройства встрѣчаемъ мы у Веніаминова[6]), хотя во время его пребыванія на Алеутскихъ островахъ (1824—1834 г.г.) тамъ уже совсѣмъ исчезли юрты стараго первоначальнаго образца. Въ 1805 году состоялась ревизія Сѣверо-Американской компаніи каммергеромъ Резановымъ, который предписалъ Алеутамъ строить свои юрты по образцу русской избы, съ окнами и дверями, какъ у той, и по возможности надъ поверхностью земли. Съ тѣхъ поръ число большихъ юртъ у нихъ, гдѣ жило по нѣсколько семей, постепенно сокращалось, а взамѣнъ все больше и больше входили въ употребленіе мелкія жилища, вмѣщающія въ себѣ каждое по одной семьѣ. Впрочемъ и самыя просторныя изъ ихъ прежнихъ юртъ, гдѣ иногда происходили праздничныя игры, танцы и т. д., не были помѣщеніями общественными, а тоже просто частными жилищами[7]). Кажимы въ томъ видѣ, какъ у Сѣверо-Американскихъ Эскимосовъ, у Алеутовъ по свидѣтельству

---

1) Такъ, напримѣръ, въ описаніяхъ путешествій Лазарева, Пушкарева, Коровина и Соловьева въ 1761—1764 годахъ. См. Coxe, Die neuen Entdeckungen der Russen zwischen Asien und Amerika, aus dem Englischen übersetzt, Frankfurt und Leipzig, 1783, p. 75, 85, 118, 178; также Pallas, Erläuterungen über die im östlichen Ocean zwischen Sibirien und Amerika geschehenen Entdeckungen (Neue Nord. Beitr., Bd. I, St. Petersburg und Leipzig, 1781, p. 311), и его-же Auszug aus dem Reisebericht des Russischen Steuermanns Saikof über eine bis an das feste Land von Amerika geschehene Schifffahrt (Neue Nord. Beitr., Bd. III, 1782, p. 280).

2) См. выше, стр. 38. Прим. 1.

3) Путешествіе по Сѣверовост. части Сибири и пр., Ч. II, С.-Петерб., стр. 14, 157.

4) Billing's Geograph.-astron. Reise nach den nördl. Geg. Russlands, aus d. Engl. übers., Berlin, 1802, p. 294.

5) Bemerk. auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803—1807, Frankf. a. M., Bd. II, p. 30, 56.

6) Записки объ островахъ Уналашк. Отд., С.-Петербургъ, 1840, Ч. II, стр. 204—211.

7) Такъ, напримѣръ, и Коцебу (Entdeckungs-Reise in die Süd-See und nach der Berings-Strasse, Weimar, 1821, Bd. I, p. 167) присутствовалъ на Уналашкѣ при танцахъ многочисленныхъ Алеутовъ, собранныхъ въ «большомъ подземномъ жилищѣ».

Digitized by Google

Веніаминова никогда не существовали — ни въ его бытность у нихъ, ни въ болѣе отдаленныя времена[1]).

Придя къ окончательному заключенію, что подземная юрта съ разными своими видоизмѣненіями составляетъ первобытное зимнее жилище всѣхъ палэазіатскихъ народовъ, не исключая и тѣхъ, которые пребываютъ въ Гренландіи и на самыхъ сѣверныхъ окраинахъ Америки — вернемся къ нашей исходной точкѣ, къ Амурскому краю и къ Гилякамъ. Мы уже говорили выше, что подземная юрта или торыфъ есть первобытное національное зимнее жилище Гиляковъ, а та юрта, которая сооружается надъ поверхностью земли и снабжена системой нагрѣвательныхъ трубъ, т. е. чадрыфъ была занесена къ нимъ извнѣ, гораздо позже, какъ результатъ сношеній съ другими народами, а именно съ Китайцами. На этомъ основаніи я и назвалъ ее «китайскою». Гленъ[2]), Шмидтъ[3]), Мицуль[4]) и др. называютъ ее «маньчжурскою», вѣроятно вслѣдствіе обычнаго смѣшенія Китайцевъ на Амурѣ съ Маньчжурами[5]). Но на это во всякомъ случаѣ можно возразить, что и Маньчжуры заимствовали свои зимники у Китайцевъ. Въ пользу того, что эта юрта проникла къ Гилякамъ съ юга, съ верховьевъ Амура, какъ уже сказано выше, всего лучше свидѣтельствуетъ распредѣленіе въ странѣ Гиляковъ обоихъ зимниковъ. На Сахалинѣ, — и это самое убѣдительное доказательство, — китайскій зимникъ встрѣчается лишь на западномъ берегу, обращенномъ къ устью Амура. На материкѣ, напротивъ, онъ единственное зимнее жилище у всѣхъ Амурскихъ инородцевъ, по Амуру вверхъ отъ Гиляковъ вплоть до Китайцевъ на Уссури и Сунгари, гдѣ онъ тоже во всеобщемъ употребленіи у Маньчжуровъ, Китайцевъ и Дауровъ[6]). Китаецъ У-ченъ, описывая свой родной городъ Нингуту въ 1722 году, сообщаетъ, что дома тамъ снабжены тремя «кангами», то есть нарами, которые тянутся вдоль стѣнъ и нагрѣваются проложенными подъ ними трубами[7]). Французскій миссіонеръ Вено[8]) и Корякъ Кимаи-кимъ[9]) упоминаютъ о кангахъ въ домахъ Нингуты, Гирина, Санъ-сина и въ другихъ мѣстахъ, которыя посѣтили во время путешествія своего по Маньчжуріи. Позднѣйшіе путешествен-

---

1) Веніаминовъ, Тамъ же, l. c., p. 201.

2) Reisebericht von der Insel Sachalin (Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs, Bd. XXV, 1867, p. 233 ff.).

3) Historischer Bericht etc. — Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs, Bd. XXV, p. 120.

4) Очеркъ остр. Сахалина, С.-Петербургъ, 1873 г., стр. 134.

5) См. Т. I, стр. 73, прим. 2 настоящ. труда.

6) О послѣднихъ еще будетъ говорено дальше.

7) Согласно У-чену, нары тянутся по сѣверной, западной и южной стѣнамъ дома и имѣютъ около 6-ти футовъ ширины и 2-хъ саженей съ 5—6 футами длины. Восточная часть жилья отдѣлена перегородкой, за которою женская половина, а тамъ еще два канга, одинъ вдоль сѣверной и другой вдоль южной стѣны. Канги покрыты тростниковыми или соломенными цыновками, сверхъ которыхъ часто еще разстилается красный войлочный коверъ. Ср. статью У-чена въ русскомъ переводѣ Васильева: Записки о Нингутѣ (Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ., кн. XII, 1857 г., стр. 98).

8) Venault, Excursion dans les parties intér. de la Mandchourie 1850 (Nouv. Ann. des Voyages, Nouv. Sér., T. XXX, Année 1852, T. II, p. 208).

9) Lettre à Mgr. Ferréol, évêque de Belline, 1844 (Nouv. Ann. des Voyages, Nouv. Sér., Année 1847, T. I, p. 71).

Digitized by Google

ники, Вильямсонъ [1]), Барабашъ [2]) и др. находили ихъ вездѣ въ домахъ жителей по рѣкамъ Сунгари, Нонни, Хурхи или Мутуан-хо и т. д. [3]). Но этотъ родъ построекъ съ системою трубъ, которыя, выходя изъ очага, тянутся подъ нарами и сливаются въ одну большую наружную трубу неподалеку отъ дома, вовсе не туземнаго маньчжурскаго, а несомнѣнно китайскаго происхожденія: онъ занесенъ Китайцами въ Маньчжурію и въ другія ихъ колоніи. Подтверждается это еще и тѣмъ, что такой родъ построекъ встрѣчается во всей сѣверной части Китая [4]) и въ другихъ странахъ, подобно Маньчжуріи болѣе или менѣе находящихся подъ владычествомъ китайцевъ — въ Монголіи [5]), Кореѣ [6]) и т. д. Само собой разумѣется, что въ болѣе просторныхъ и чище содержимыхъ домахъ, особливо городскихъ, и способъ нагрѣванія и разныя другія подробности въ постройкѣ подвергаются нѣкоторымъ измѣненіямъ и усложненіямъ. Такъ напримѣръ число въ нихъ канговъ различно, смотря по числу комнатъ [7]), а нагрѣвательныя трубы проходятъ не только подъ нарами, но и подъ поломъ, въ промежуточныхъ между комнатами стѣнахъ [8]). Благодаря этому въ домахъ устанавливается равномѣрная температура, что недостижимо въ первобытныхъ жилищахъ При-Амурскихъ народовъ.

Китайское происхожденіе теплыхъ наръ у Гиляковъ и у другихъ Амурскихъ инородцевъ подтверждается еще тѣмъ, что они ихъ употребляютъ также точно, какъ Китайцы.

---

1) Williamson, Journeys in North China, Manchuria and eastern Mongolia, London, 1870, Vol. II, p. 229.

2) Сунгарійская экспедиція 1872 г. (Военн. Сборн., Т. XVII, 1874 г., № 2, стр. 332).

3) Посреди жилья, примѣрно тамъ, гдѣ у Гиляковъ собачій столъ, находится сооруженіе изъ глины или кирпича, съ углубленіемъ въ величину довольно большой ванны. Въ этомъ углубленіи постоянно горятъ дрова и уголья, отчего оно всегда полно горячей золы. Тамъ стоятъ чаны съ горячей водой для приготовленія чая и тамъ же грѣются въ оловянныхъ сосудахъ пиво, водка и т. д. Williamson, l. c.

4) Врядъ-ли есть сочиненіе о Китаѣ, гдѣ не упоминалось бы о кангахъ, какъ о характеристической чертѣ китайскихъ жилищъ. Укажу на нѣкоторыя изъ самыхъ старинныхъ или самыхъ подробныхъ описаній. Такъ напримѣръ, смотри: Du Halde (Descript. géogr., hist., chronol., polit. et litér. de l'Empire de la Chine et de la Tart. Chinoise, Paris, 1735, T. II, p. 87). Van Braam (Voyage de l'Ambassade de la Comp. des Indes orientales Hollandaises vers l'Empereur de la Chine en 1794 et 1795, publ. par Moreau de St. Mery, Paris, an VI (1798), T. I, p. 346), Davis (La Chine ou descript. génér. des moeurs et des coutumes etc. de l'Empire Chinois, trad. de l'Angl. par Pichard, Paris, 1837, T. I, p. 331), Huc (L'Empire Chinois, Paris, 1854, T. II, p. 380), Fleming (Travels on horseback in Mantchu Tartary, London, 1863, p. 192—194, 251 и. п.), Poussielgue (Voyage en Chine et en Mongolie de M. et de M-me de Bourboulon, Paris, 1866, p. 24), Girard (France et Chine, vie publ. et privée des Chinois, Paris, 1869, T. II, p. 384) и др.

5) Гмелинъ (Reise durch Sibiri n von dem J. 1733—1743. Göttingen, 1751, Bd. I, p. 448). Палласъ (Reise durch versch. Prov. des Russ. Reichs, Bd. III, St. Petersb., 1776, p. 116) и др. даютъ подробныя описанія канговъ и другихъ особенностей въ постройкѣ китайскихъ жилищъ въ Маймачинѣ противъ Кяхты. Гюкъ (Huc) (Souv. d'un Voyage dans la Tart., le Thibet et la Chine. Paris, 1850, T. I, p. 13) предлагаетъ намъ описаніе такихъ же жилищъ въ Монголіи у китайской границы.

6) Williamson, l. c., Vol. II, p. 304. Пржевальскій, Путеш. въ Уссурійск. краѣ. С.-Петерб., 1870 г., стр. 107.

7) Въ Тай-тсинг-хой-тьенъ предписано по сколько канговъ должно находиться въ помѣщеніяхъ разныхъ посольствъ. Pauthier, Chine moderne, Paris, 1843, II. Partie, p. 218.

8) Van Braam, l. c. Reise der Oesterreich. Fregatte «Novara» um die Erde in den J. 1857—1859 unter den Befehlen des Kommod. B. v. Wüllerstorf-Urbair, Anthropol. Theil, 3. Abtheil.: Ethnographie, auf Grund des von Dr. Karl von Scherzer gesammelt. Materials bearb. von Friedr. Müller, Wien, 1868, p. 158. Въ послѣднемъ сочиненіи способъ нагрѣванія жилищъ посредствомъ трубъ названъ «русскимъ», хотя онъ вовсе не національно русскій.

Digitized by Google

Согласно У-чену Китайцы располагаются на кангахъ поперегъ[1]), ногами къ стѣнѣ[2]). То-же самое съ суевѣрною строгостью соблюдается Гиляками и другими Амурскими инородцами. Въ подземныхъ юртахъ, напротивъ, жители спятъ головой къ стѣнѣ. Какъ-то разъ, ночуя въ гиляцкомъ зимникѣ китайскаго образца на Амурѣ, я расположился ко сну, какъ въ подземной юртѣ, прислонивъ подушку къ стѣнѣ. Это привело въ волненіе всѣхъ бывшихъ тутъ Гиляковъ и на меня вдругъ со всѣхъ сторонъ посыпались восклицанія: «у́ичъ, у́ичъ!» — что значитъ: нельзя, нечисто. Китайцы, говорятъ, потому избираютъ такое положеніе на кангахъ, что примыкающая къ стѣнѣ часть наръ особенно сильно нагрѣвается проходящими тамъ трубами и потому болѣе пригодна для ногъ, чѣмъ для головы. Но у Амурскихъ инородцевъ этотъ обычай обусловливается еще другой причиной. Ложась головой къ стѣнѣ, вы подвергаетесь опасности, что у васъ по лицу забѣгаютъ крысы, которыя безпрестанно снуютъ вдоль стѣнъ. Однако, врядъ-ли Гиляки изъ за одного этого не позволяли бы и чужестранцамъ такъ ложиться. Ими въ этомъ случаѣ руководитъ суевѣріе, которое предписываетъ строго держаться стародавняго обычая, изъ опасенія чтобы нарушеніе его кѣмъ бы то ни было не принесло несчастія всѣмъ обитателямъ юрты.

За недостаткомъ историческихъ данныхъ нельзя опредѣлить времени, когда именно китайскій зимникъ проникъ къ Гилякамъ на Амурѣ и, распространяясь внизъ по его теченію, постепенно вытѣснилъ тамъ подземную юрту, а наконецъ упрочился и на Амурскомъ лиманѣ, на Охотскомъ побережьѣ и на лиманскомъ берегу острова Сахалина. Къ сожалѣнію, мы ни у Пояркова, ни у Нагибы, которые въ 1644/45 г. и въ 1652 году зимовали среди Гиляковъ на устьѣ Амура и на Охотскомъ морѣ, не находимъ никакихъ указаній на устройство въ то время гиляцкихъ жилищъ[3]). У другого палэазіатскаго народа, у Камчадаловъ, въ теченіе какихъ нибудь 50 лѣтъ, первобытная подземная юрта была совсѣмъ вытѣснена новымъ родомъ постройки иноземнаго происхожденія. Во времена Стеллера и Крашенинникова (въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія) Камчадалы жили исключительно въ подземныхъ юртахъ вышеупомянутаго образца. И позже въ 1779 году, когда Камчатку посѣтилъ Клерке, принявшій на себя по смерти Кука командованіе его экспедиціею, тамъ все еще существовали подземныя юрты — по крайней мѣрѣ на югѣ полуострова, между Петропавловской гаванью и Большерѣцкомъ[4]). И только немного спустя, въ 1790 г. Сарычевъ сообщилъ въ отчетѣ о своемъ путешествіи по этой странѣ, что подземныхъ юртъ тамъ уже нигдѣ больше не было, а мѣсто ихъ повсюду заняли жилища по образцу русской избы. Лѣтнія же жилища Камчадаловъ, такія же своеобразныя, какъ и зимники ихъ, еще продолжали тамъ существовать[5]). Маміа Ринсо, во время

---

1) Ср. переводъ сочиненія У-чена Васильевымъ тамъ же, стр. 98.

2) Pallas, l. c. Я тоже въ бытность мою на Амурѣ никогда не видѣлъ, чтобы китайцы ложились на кангахъ иначе.

3) См. Т. I, стр. 108 и 110 наст. сочин.

4) Tagebuch einer Entdeckungsreise nach der Südsee in den Jahren 1776—1780, unter Anführ. der Capitäne Cook, Clerke, Core und King, übers. v. J. R. Forster, Berlin, 1781, p. 333.

5) Сарычевъ, Путеш. по Сѣверовост. части Сибири, Ч. I, стр. 179.

Digitized by Google

своего путешествія въ 1809 году отъ Дерена внизъ по Амуру, сдѣлалъ наблюденіе, на основаніи котораго съ перваго взгляда можно было бы заключить, что такому же точно быстрому измѣненію подверглись зимнія жилища и Гиляковъ на Амурѣ. Когда онъ покинулъ страну Сянтовъ (Ольчей), близь Хоро (Хьяре), и вступилъ въ страну Смеренкуровъ (Гиляковъ), ему бросилась въ глаза перемѣна въ наружности туземцевъ, въ ихъ жилищахъ, домашней утвари и въ самыхъ нравахъ, совершенно однородныхъ съ нравами и обычаями на Крафто (Сахалинѣ)[1]). Слѣдовательно можно было бы предположить, что Гиляки въ то время и на Амурѣ, такъ же точно, какъ на Сахалинѣ, жили въ подземныхъ юртахъ. Но этого нельзя допустить потому, что Крузенштернъ, какъ уже сказано выше (стр. 21), еще за четыре года до того видѣлъ китайскія юрты у Гиляковъ на сѣверной оконечности Сахалина, значитъ у крайняго предѣла, до котораго онѣ и понынѣ встрѣчаются. Если мы еще примемъ въ соображеніе, что Маміа Ринсо путешествовалъ лѣтомъ, то окажется несомнѣннымъ, что его замѣчаніе относится не къ зимнимъ, а къ лѣтнимъ жилищамъ, которыя на самомъ дѣлѣ, какъ мы это сейчасъ увидимъ, однородны у Амурскихъ и Сахалинскихъ Гиляковъ и не имѣютъ ничего общаго съ лѣтниками сосѣднихъ съ ними Ольчей и другихъ Амурскихъ инородцевъ Тунгусскаго племени. Замѣтимъ между прочимъ, что Камчатка по сравненію съ Нижне-Амурскимъ краемъ находится въ совершенно иныхъ условіяхъ, а потому и нельзя допустить, чтобы въ обѣихъ мѣстностяхъ могла съ одинаковой быстротой исчезнуть одна изъ національныхъ особенностей, присущихъ каждой изъ нихъ. Въ Камчаткѣ русскіе вели кровопролитную борьбу съ инородцами, число которыхъ отъ того сильно уменьшилось. Покоривъ же страну, русскіе сами въ ней селились, причемъ строили дома на свой собственный ладъ, завязывали съ туземцами мирныя сношенія, даже роднились съ ними и такимъ образомъ постепенно съ ними смѣшивались. Немудрено, если и родъ ихъ построекъ скоро вошелъ тамъ во всеобщее употребленіе. Иное дѣло съ Нижне-Амурскимъ краемъ: онъ никогда не былъ ни покоренъ, ни колонизированъ Китайцами и Маньчжурами. Мы уже говорили выше[2]), что страну эту только по временамъ посѣщали и посѣщаютъ маньчжурскіе чиновники и китайскіе купцы. Прибавимъ теперь, что они, за исключеніемъ двухъ, трехъ мѣстъ, гдѣ имѣютъ свои собственные дома, постоянно располагаются въ жилищахъ туземцевъ — но и то лишь среди Амурскихъ инородцевъ Тунгусскаго племени, между тѣмъ какъ Гиляки китайскихъ купцовъ вовсе не допускали въ свои предѣлы. Такимъ образомъ, конечно, не мало времени прошло, пока китайская зимняя юрта, перейдя отъ Китайцевъ на Сунгари къ ближайшимъ ихъ сосѣдямъ и постепенно распространяясь между народами, живущими внизъ по теченію этой рѣки и Амура, наконецъ успѣли проникнуть къ Гилякамъ. Распространенію и упроченію китайскаго зимника среди Амурскихъ инородцевъ, разумѣется, всего больше способствовали

1) Siebold (Nippon, VII, p. 177). См. также Т. I, стр. 122 настоящ. соч.

2) См. Т. I, стр. 60, 72, 73 настоящ. сочиненія.

Digitized by Google

торговыя поѣздки, которыя съ давнихъ временъ ежегодно предпринимаются Гольдами, Ольчами и Гиляками къ Китайцамъ на Сунгари, гдѣ они имѣютъ случай видѣть китайскія жилища и знакомиться съ ихъ преимуществами.

Съ наступленіемъ весны, въ апрѣлѣ и маѣ, Гиляки покидаютъ свои зимники и перебираются въ лѣтнія жилища. Сначала къ этому приступаютъ обитатели подземныхъ юртъ. Когда начинаетъ таять снѣгъ и мерзлая почва оттаиваетъ, въ юрты эти сверху и съ боковъ проникаетъ вода, отчего онѣ дѣлаются крайне сырыми. Китайскій же зимникъ, построенный надъ поверхностью земли, и съ наступленіемъ весны и лѣта дольше остается годнымъ къ употребленію, хотя и въ него, при быстромъ таяніи снѣга или сильныхъ дождяхъ, черезъ низкій порогъ иногда вторгается вода и размываетъ земляной полъ. Но наконецъ и это жилище становится невыносимымъ отъ теплыхъ паръ, которыя волей-неволей постоянно нагрѣваются вслѣдствіе необходимости разводить на очагахъ огонь для приготовленія пищи. Не мало способствуетъ тому и масса паразитовъ. Да и рыбная ловля, для которой именно тогда наступаетъ время, настоятельно требуетъ переселенія въ лѣтнія жилища, удобнѣе для того расположенныя.

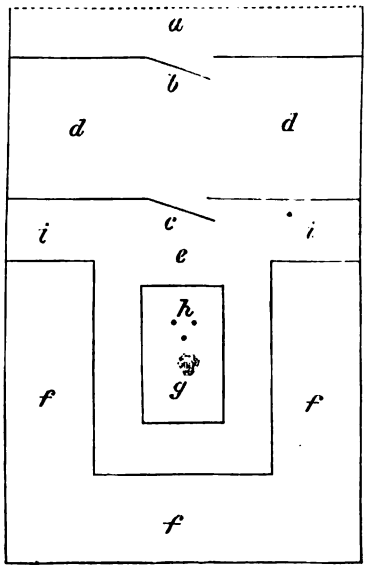
Гиляцкій лѣтникъ одинаково устроенъ и на материкѣ и на Сахалинѣ и въ обѣихъ мѣстностяхъ носитъ одно и то же названіе «*кэрыфа*». Отличительная черта его въ томъ, что онъ покоится на сваяхъ на высотѣ 4-хъ или 5-ти футовъ отъ земли. Только кое-гдѣ на западѣ Сахалина, къ югу отъ Амурскаго лимана, а именно въ Танги, Хои, Аркаи и Дуи видѣлъ я лѣтники, расположенные прямо на поверхности земли. Но все остальное въ нихъ и снаружи и внутри было, какъ въ постройкахъ на сваяхъ[1]). Возводя лѣтники на сваяхъ Гиляки преслѣдуютъ двоякую цѣль. Во первыхъ они стараются оградить себя отъ наводненій, такъ какъ Амуръ при продолжительныхъ дождяхъ нерѣдко выступаетъ изъ береговъ и затопляетъ сосѣднія низменности. Во вторыхъ они, приподнимая свои жилища надъ землею, предохраняютъ ихъ отъ непосредственнаго соприкосновенія съ сырой почвой и какъ бы устраиваютъ подъ ними постоянную вентиляцію. Подъ домомъ происходитъ свободное движеніе воздуха, который сквозь щели пола проникаетъ и во внутренность жилища, осушаетъ его и провѣтриваетъ. Это тѣмъ необходимѣе, что въ лѣтникахъ обыкновенно хранится и часть рыбныхъ запасовъ. Соблюденіе двухъ вышеупомянутыхъ условій не менѣе важно и для приморскихъ Гиляковъ. У моря тоже надо постоянно имѣть въ виду неожиданную прибыль воды, нагоняемой бурными морскими вѣтрами. А воздухъ тамъ, пожалуй, еще больше пропитанъ влагой отъ близости обширнаго пространства водъ и частыхъ тумановъ и дождей. Изъ всего этого слѣдуетъ, что сахалинскіе Гиляки, сооружающіе свои лѣтники прямо на землѣ, безъ сомнѣнія должны считать себя, благодаря условіямъ мѣстности, безопасными отъ первой изъ вышеупомянутыхъ случайностей. Но

1) Большое селеніе на сѣверной оконечности Сахалина въ бухтѣ Надежды (Нгывр-во, см. выше стр. 21), которое посѣтилъ Крузенштернъ, тоже состояло изъ лѣтниковъ на сваяхъ. См. путешествіе Крузенштерна, Путеш. вокр. свѣта, Т. II, стр. 192.

Digitized by Google

вѣроятно они имѣютъ на то еще и другія важныя причины. Одна изъ нихъ, я полагаю, въ томъ, что эти жилища, болѣе защищенныя отъ вѣтра, теплѣе свайныхъ и потому въ нихъ можно раньше перебираться весной и дольше оставаться осенью. Первое обстоятельство какъ разъ имѣетъ значеніе для южной части края, занимаемаго Гиляками на Сахалинѣ, гдѣ таяніе снѣговъ уже ранней весною выгоняетъ жителей изъ зимниковъ. Именно тамъ и я видѣлъ лѣтники, построенные прямо на землѣ. Въ Танги я засталъ въ нихъ жителей уже 8-го (20-го), въ Аркаи 28-го февраля (11-го марта), когда еще стояла совершенная зима; но въ Дуи они 27-го февраля (10-го марта) были еще пусты. Тѣмъ не менѣе я тамъ ночевалъ въ одномъ изъ лѣтниковъ, такъ какъ вслѣдствіе большого стеченія Гиляковъ оба зимника мѣстечка были переполнены. Этотъ лѣтникъ, не въ примѣръ другимъ, находился вдали отъ моря, рядомъ съ соотвѣтственнымъ зимникомъ, именно для того, чтобы хозяинъ могъ оставаться въ немъ до поздней осени и покидать его только глубокой зимой.

Табл. XIII представляетъ намъ гиляцкій лѣтникъ на Амурѣ — въ селеніи Мэо, лѣтнемъ мѣстопребываніи Гиляковъ, проводящихъ зиму въ Куикѣ. Это довольно неуклюжая постройка на сваяхъ, имѣющая до трехъ саженей ширины и отъ 4-хъ до 5-ти саженей длины. Стѣны ея изъ тонкихъ бревенъ, концы которыхъ также точно, какъ въ зимнихъ юртахъ, не прилажены одинъ къ другому, а заострены и впущены въ желобъ у отвѣсныхъ бревенъ. Пологая крыша изъ грубо сколоченныхъ досокъ, скрѣпленныхъ поперечными жердями. Къ лицевой сторонѣ юрты вкось приставлено бревно съ зарубинами, которое ведетъ къ узкой деревянной площадкѣ, простирающейся вдоль всего фасада непосредственно надъ сваями. Слегка выдающаяся здѣсь крыша какъ бы образуетъ надъ нею навѣсъ и даетъ ей видъ узкаго балкона[1]). На предлагаемомъ планѣ гиляцкаго лѣтника балконъ этотъ занимаетъ пространство спереди за линіей точекъ (*a*). По серединѣ передней части юрты или, какъ на нашей табл. XIII, нѣсколько съ боку расположенъ входъ (*b*). Онъ ведетъ сначала въ довольно обширныя сѣни (*d*), которыя служатъ для склада разной домашней утвари, для храненія рыбныхъ запасовъ и т. д., а потомъ уже въ настоящее жилье (*e*)[2]). Устроено послѣднее такъ-же точно, какъ и внутренность под-



Планъ гиляцкаго лѣтника (*керыфа*). *a* — Площадка или узкій балконъ вдоль передней части юрты. *b*, *c* — Двери. *d* — Сѣни для склада домашней утвари и для храненія припасовъ. *e* — Собственно жилье. *f* — Нары. *g* — Очагъ. *h* — Каменный треугольникъ для большого котла. *i* — Уголки для склада мелочей.

1) Крузенштернъ тамъ же называетъ его крыльцомъ.

2) Крузенштернъ засталъ эту часть жилья запертою и принялъ ее за женскую половину, изъ чего онъ заключилъ, что населеніе сѣвернаго Сахалина состоитъ изъ Татаръ. Но на дѣлѣ это не такъ.

Digitized by Google

земной юрты. Въ немъ вдоль трехъ стѣнъ—двухъ боковыхъ и задней противъ входа (*c*)—тянутся низкія широкія скамьи или нары (*f*). И здѣсь, какъ тамъ, посреди возвышается очагъ съ дымовымъ проходомъ надъ нимъ въ крышѣ, который собственно состоитъ изъ двухъ отверстій, расположенныхъ въ обѣихъ половинкахъ крыши и соприкасающихся у самой верхней ея подпорѣ. Подъ отверстіями надъ очагомъ нѣсколько продольныхъ и поперечныхъ жердей, къ которымъ прикрѣпляется деревянная палка съ крюкомъ для котла. Такія же жерди отчасти и надъ нарами, гдѣ служатъ для развѣшиванія платья. Въ углахъ между боковыми нарами и передней стѣной, на право и на лѣво отъ дверей поставцы съ разнаго рода утварью; тутъ же большой сосудъ съ водой для питья, маленькій запасъ дровъ для очага. Плоская крыша въ такихъ лѣтникахъ вообще не высоко поднимается надъ жилымъ покоемъ и потому дымовое отверстіе надъ очагомъ довольно низко. Вслѣдствіе этого и благодаря многочисленнымъ щелямъ въ стѣнахъ и въ полу, воздухъ свободно гуляетъ въ жилищѣ, а если къ тому еще отворить двери въ сѣни и наружу, то устанавливается очень сильная тяга. Лѣтникъ такимъ образомъ всегда свободенъ отъ дыма и, что еще весьма важно, въ значительной мѣрѣ также и отъ комаровъ. Сѣни (*d*) кромѣ того могутъ еще особеннымъ образомъ провѣтриваться, если того требуютъ хранящіеся тамъ припасы: стѣны сѣней устроены такъ, что тонкія отвѣсныя доски въ нихъ могутъ по мѣрѣ надобности выниматься въ какомъ угодно количествѣ—какъ напримѣръ въ Мэо, въ юртѣ, изображенной на нашей табл. XIII. Наконецъ упомянемъ еще объ одномъ, повидимому незначительномъ, но весьма важномъ по своимъ послѣдствіямъ обстоятельствѣ, съ которымъ Гиляки должны сообразоваться при постройкѣ своихъ лѣтнихъ жилищъ. Въ виду хранящихся тамъ рыбныхъ запасовъ необходимо оградить ихъ отъ крысъ, которыя въ такомъ множествѣ осаждаютъ гиляцкіе зимники. Съ этою цѣлью на верхній конецъ каждой изъ поддерживающихъ лѣтникъ свай накладываютъ по большому куску березовой коры, края которой, выдаваясь надъ нею, образуютъ тамъ какъ бы родъ миніатюрнаго навѣса. Опытъ доказалъ, что это лучшее средство предохранить жилье отъ крысъ, которыя, поднимаясь вверхъ по сваямъ, вдругъ натыкаются на непреодолимое препятствіе въ видѣ корявой бересты и обращаются вспять. Къ исподней части такой юрты еще подвѣшиваются между сваями сани для защиты ихъ отъ дождя, и тамъ же какъ подъ крышей находятъ себѣ пріютъ собаки.

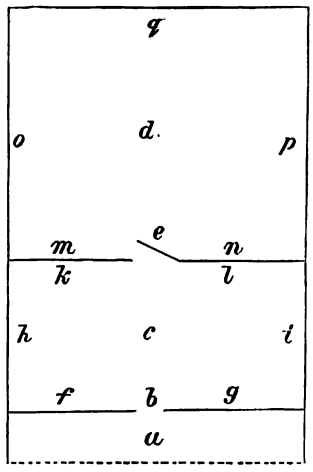
Подъ описаніе этого лѣтника, за исключеніемъ его спеціальной особенности, заключающейся въ сваяхъ, совершенно подходятъ и тѣ лѣтнія жилища Гиляковъ въ разныхъ частяхъ Сахалина, которыя строятся непосредственно на землѣ. Мы уже говорили выше о сходствѣ ихъ съ первыми и потому теперь коснемся только той особенности въ ихъ устройствѣ, которая спеціально имъ принадлежитъ. Въ юртѣ, построенной непосредственно на землѣ, досчатая площадка, выдающаяся съ лицевой стороны и обозначенная на планѣ буквою *a*, приходится тоже прямо на землѣ. Зимою, передъ входомъ въ юрту, по краямъ площадки воздвигается еще нѣчто въ родѣ несовершенной стѣны или перегородки. Для этого съ обѣихъ сторонъ ея и спереди—тамъ, гдѣ на планѣ находится линія точекъ, ставится отвѣсно рядъ жердей и досокъ, связанныхъ между собою переплетенными прутьями, пустыя

Digitized by Google

пространства между которыми еще задѣлываются травой и хворостомъ, причемъ оставляется только небольшое отверстіе для входа. Такимъ образомъ передъ юртой образуется какъ бы родъ другихъ предварительныхъ сѣней. Здѣсь пріютъ для собакъ, которыя, помѣщаясь по обѣ стороны входа, въ то-же время его сторожатъ.

Главное занятіе Гиляковъ въ лѣтнее время рыбная ловля и заготовленіе рыбныхъ запасовъ на зиму. Поэтому возлѣ ихъ лѣтниковъ всегда возвышается еще рядъ построекъ, приспособленныхъ для вяленія и сушенія рыбы на открытомъ воздухѣ и на солнцѣ. Иногда сооруженія эти имѣютъ видъ сарая, открытаго съ боковъ, съ крышей, какъ въ лѣтникахъ, только еще грубѣе сколоченной изъ досокъ и покоящейся на столбахъ. Подъ крышей тянутся поперечныя жерди, а на нихъ рядами виситъ рыба, которая подъ защитой отъ солнца и дождя здѣсь сушится, постоянно обдуваемая вѣтромъ (См. табл. XIII)[1]. Для храненія собираемыхъ въ теченіе лѣта запасовъ существуютъ особыя кладовыя. Но такъ какъ запасы предназначаются преимущественно для зимняго употребленія, то и кладовыя для нихъ обыкновенно сооружаются въ мѣстахъ зимняго пребыванія Гиляковъ. Запасы препровождаются туда по мѣрѣ накопленія.

Гиляцкія кладовыя (*нъё*, а на нарѣчіи Гиляковъ Тро и Гиляковъ по р. Тымы-*нъо*) съ перваго взгляда очень похожи на лѣтники. Онѣ тоже покоятся на сваяхъ (съ неизбѣжнымъ кускомъ бересты наверху)[2]; у нихъ такія же стѣны и крыша, такая же точно площадка на подобіе балкона съ лицевой стороны, куда поднимаются по бревну съ зарубинами, которое легко отставляется. Но и самыя крупныя изъ этихъ кладовыхъ всегда меньше лѣтниковъ. Входъ у нихъ соотвѣтственно ниже и уже: иногда простой, почти квадратный люкъ, куда можно пробраться только ползкомъ. Закрывается люкъ плотно прилаженной доской, которая вмѣсто задвижки замыкается деревяннымъ засовомъ[3]. Внутри кладовая часто раздѣляется перегородкой на двѣ половины, соединяемыя дверью. Такимъ образомъ тамъ, какъ на прилагаемомъ планѣ видно, образуется одиннадцать бо́льшихъ или меньшихъ стѣнныхъ участковъ, возлѣ которыхъ и сваливаются въ кучу рыбные запасы.



Планъ гиляцкой кладовой (*нъё*, *нъо*).
a — Площадка въ видѣ балкона съ лицевой стороны юрты. *b* — Входной люкъ. *c* — Переднее, *d* — Заднее отдѣленіе. *e* — Дверь между ними. *f*, *g* — Одиннадцать стѣнныхъ участковъ.

1) Болѣе подробное описаніе обращенія съ рыбой до сушенія и заготовленія въ прокъ различныхъ частей ея и пр. будетъ предложено нами дальше въ надлежащемъ мѣстѣ.

2) Палласъ (Reise durch versch. Prov. des Russ. Reiches, Bd. III, p. 482) разсказываетъ, что Черемисы на рр. Камѣ и Вяткѣ, также какъ и большинство Казанскихъ Татаръ, спасая свои хлѣбные запасы отъ мышей, складываютъ ихъ въ снопы, въ видѣ круглыхъ заостренныхъ къ верху массъ и поднимаютъ на четыре столба, которые скрѣплены поперечными бревнами и на верхнихъ оконечностяхъ покрыты берестой.

3) На одной изъ послѣдующихъ таблицъ, съ изображеніемъ похоронъ у Гиляковъ, воспроизведена между прочимъ передняя часть такой кладовой.

Digitized by Google

Всѣ вышеупомянутыя свайныя постройки, лѣтники, кладовыя, также точно какъ и подземная юрта, принадлежатъ къ первобытнымъ своеобразнымъ гиляцкимъ постройкамъ. У Тунгусскихъ племенъ на Амурѣ ихъ нѣтъ, но среди палэазіатскихъ народовъ онѣ не у однихъ Гиляковъ встрѣчаются. Таковы, напримѣръ, были и пирамидальной формы лѣтнія жилища Камчадаловъ. По описанію Крашенинникова и Стеллера и согласно рисунку, который предлагаетъ послѣдній, онѣ покоились на высокихъ сваяхъ и прозываются у русскихъ балаганами[1]). Сѣверозападно-американскіе Эскимосы на Квихпакѣ, на Нортонскомъ заливѣ и на Ледовитомъ океанѣ, сооружаютъ свои кладовыя тоже на высокихъ сваяхъ. Цѣль послѣднихъ — не подвергать почвенной сырости хранимые тамъ въ теченіи лѣта запасы рыбы, кожи, шкуръ и оградить ихъ отъ нападенія мышей, лисицъ, волковъ, особенно собакъ, всегда голодающихъ въ это время года[2]).

Такимъ образомъ тѣ изъ Гиляковъ и другихъ палэазіатскихъ народовъ, которые еще сохраняютъ свои первобытныя жилища и постройки, до извѣстной степени могутъ быть приравнены — зимой къ жителямъ пещеръ или троглодитамъ, а лѣтомъ къ людямъ свайнаго періода. Въ этомъ отношеніи они стоятъ на точкѣ, которая на европейской почвѣ принадлежитъ къ далекому прошлому, ко временамъ доисторическимъ. Слѣдовательно и съ этой стороны въ извѣстномъ смыслѣ оправдывается названіе палэазіатскихъ народовъ, которое я предлагаю примѣнить къ остаткамъ стариннаго населенія, нѣкогда очень распространеннаго на азіатской почвѣ.

Но прежде, чѣмъ покончить съ Гиляками, я долженъ еще разъ вернуться къ вопросу, уже выше затронутому, о приблизительномъ опредѣленіи ихъ численности въ общей сложности на основаніи количества ихъ зимниковъ. Дѣйствительно, рѣшеніе этого вопроса можетъ состояться только на основаніи зимнихъ, а никакъ не лѣтнихъ жилищъ, уже по той причинѣ, что число первыхъ гораздо легче опредѣлить съ извѣстной точностью, чѣмъ число послѣднихъ. Большіе зимники съ ихъ отдѣльно стоящими трубами, изъ которыхъ къ тому же нерѣдко струится дымъ, во всякое время года легче бросаются въ глаза путешественнику. Въ зимнее время это упрощается еще тѣмъ, что собаки, запряженныя въ нарту, въ которой путешественникъ совершаетъ свои переѣзды отъ деревни къ деревнѣ, подвозятъ

---

1) Крашенинниковъ, Описаніе земли Камчатки (Полн. собр. учен. путеш. по Россіи, Т. II, С.-Петерб. 1819 г., стр. 37). Steller, Beschreib. von dem Lande Kamtschatka, Frankf. und Leipzig 1774, p. 215. И Стеллеръ тоже побудительную причину къ сооруженію этихъ «воздушныхъ жилищъ» видитъ въ сырости воздуха и почвы въ Камчаткѣ. Это вполнѣ объясняетъ почему эти своеобразныя жилища держались еще и послѣ того, какъ подземная юрта была совсѣмъ вытѣснена постройками русскаго образца.

2) Загоскинъ, Пѣшеходн. опись части русск. влад. въ Америкѣ, С.-Петербургъ 1847, Ч. I, стр. 56. Dall, Alaska and its resources, Boston 1870, p. 27. Jacobsen, Reise an der Nordwestküste Amerikas, Leipzig 1884, p. 173. Seemann, Reise um die Welt, Bd. II, Hannover 1858, p. 62. У Далля (l. c., p. 13 и 65) между прочимъ находятся изображенія этихъ «построекъ на подобіе голубятенъ», какъ ихъ мѣтко характеризуетъ Земанъ. Ихъ тамъ называютъ барабарами. Названіе это, примѣняемое Даллемъ и ко всѣмъ лѣтнимъ и зимнимъ жилищамъ Эскимосовъ (l. c., p. 39, 65), согласно Стеллеру (l. c., p. 218, гдѣ онѣ названы «барабарами»), происходитъ отъ искаженнаго русскими казаками на Камчаткѣ слова «пазапаръ», подъ которымъ Камчадалы подразумѣваютъ временные ночлежные шалаши, сооружаемые изъ высокой травы.

Digitized by Google

его прямо къ тому или другому зимнику. Лѣтники же, напротивъ, большею частью лежатъ въ сторонѣ, иногда на значительномъ разстояніи отъ зимниковъ, вдали отъ торныхъ путей, и потому ихъ легко просмотрѣть или же смѣшать съ кладовыми, которыя съ виду на нихъ похожи. Къ тому же и свѣдѣнія, сообщаемыя самими Гиляками на распросы о численности ихъ жилищъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, всегда относятся исключительно къ зимникамъ. И немудрено: въ этихъ прочныхъ, просторныхъ постройкахъ, сооруженіе которыхъ стоитъ много труда и силъ, сосредоточивается жизнь Гиляковъ въ теченіи большей части года, отъ половины октября до половины мая, слѣдовательно въ теченіи 7 мѣсяцевъ. Всякій находитъ тамъ въ зимнее время радушный пріемъ, теплый уголъ, пищу для себя и кормъ для собакъ; тамъ же при многолюдномъ стеченіи Гиляковъ происходятъ медвѣжьи празднества и т. д. Однимъ словомъ, зимники Гиляковъ — это ихъ настоящія постоянныя жилища. Лѣтомъ же рыбная ловля и заготовленіе въ прокъ разныхъ припасовъ приводятъ все населеніе въ бо́льшее или меньшее движеніе и разбрасываютъ его на большія разстоянія. Да и сравнительно мягкая погода не требуетъ тогда такого теплаго, уютнаго жилья. Зима на основаніи всего этого и представляется самымъ удобнымъ временемъ для этнографическихъ изслѣдованій среди Гиляковъ. Количественная оцѣнка зимниковъ въ отдѣльныхъ гиляцкихъ мѣстечкахъ интересна еще и въ другомъ отношеніи: она служитъ непосредственнымъ мѣриломъ для опредѣленія величины и значенія ихъ и такимъ образомъ указываетъ намъ на главные центры, гдѣ сосредоточивается жизнь Гиляковъ, какъ въ отдѣльныхъ частяхъ, такъ и на всемъ пространствѣ, занимаемомъ ими. Такіе центры всегда имѣютъ большую важность для этнографическаго изслѣдователя. Въ нихъ рѣзче и полнѣе выражается національный характеръ народа, и своеобразные нравы и обычаи труднѣе уступаютъ постороннимъ вліяніямъ. Въ мелкихъ селеніяхъ, напротивъ, легче завязываются сношенія съ сосѣдними племенами и происходятъ смѣшанные браки, вслѣдствіе чего національныя черты сглаживаются и съ теченіемъ времени тамъ постепенно водворяются чужіе нравы и обычаи. Впереди мы еще увидимъ не мало примѣровъ тому.

Къ сожалѣнію, я не могу представить полной цифры зимниковъ на всемъ пространствѣ, занимаемомъ Гиляками. Въ тѣхъ частяхъ страны, которыя я лично посѣтилъ, а именно на материкѣ — на р. Амурѣ и его Лиманѣ, на Сахалинѣ — вдоль его западнаго берега отъ Погоби до Дуи, а внутри острова — по всему теченію р. Тымы и еще немного дальше къ сѣверу отъ устья ея, я самъ могъ сосчитать гиляцкіе зимники. Что касается другихъ, прилежащихъ къ этимъ, мѣстностей на западномъ берегу Сахалина, къ сѣверу отъ Погоби и къ югу отъ Дуи, то я знакомился съ числомъ тамъ зимниковъ посредствомъ многочисленныхъ разспросовъ у Гиляковъ, съ которыми вступалъ въ личныя для того сношенія. О зимникахъ на восточномъ берегу Сахалина мы находимъ кое-какія свѣдѣнія у Глена [1]), и не имѣемъ ровно никакихъ только о той части гиляцкой области, которая

1) Reiseber. von der Insel Sachalin (Beiträge zur Kenntn. des Russ. Reiches, Bd. XXV, p. 235).

Digitized by Google

Списокъ гиляцкихъ селеній и

Материкъ.

Рѣка Амуръ вверхъ отъ устья. Исключительно китайскія юрты.

Лѣвый берегъ.		Правый берегъ.	
Чхарбахъ	3	Нгале-во	3
Чхыркрахъ	2	Вась	3
Патхэ	1	Пыгу	1
Куикъ (Куегри-во)	2	Аллофъ	2
Сабахъ	2	Каки	3(?)
Вайръ (Вайтъ)	16	Ерли	2
Канатифъ	2	Тебахъ	7
Маго	11	Хессь	3
Калго	5	Чыльмъ	3
Паль-во	2(?)	Тахтъ	8
Чля [2])	1	Каберацбахъ	1
Ныкки	1	Кукъ	3
Тляльсъ	1(?)	Ангкальмъ	3
Всего	49	Кальмъ	2
		Хокъ [3])	3
		Таур-во	2
		Тыльмъ	2
		Ахця	1
		Чельмокъ	1
		Мхыль	3
		Палыхъ	1
		Патъ	5
		Хылькъ	2
		Хольмъ	1(?)
		Пульми	1
		Хьяре	1
		Ауре [4])	3
		Всего	70
Итого на		р. Амурѣ	119.

Амурск. Лиманъ отъ сѣв. къ югу. Исключительно кит. юрты [5]).

Лангръ	8
Пуиръ	3
Пэтахъ	2
Пронге	2
Нгалу	1
Хузи	1
Чори	1
Мы	4
Варки	2
Тыми	1
Чоми	11
Всего	36

Въ томъ числѣ 1 подзем. юрта.

Берегъ Охотскаго моря, къ зап. отъ Лимана. Исключит. китайскія юрты.

Абдэ	1
Ольг-во	1
Тэгль	1
Куль (Коль)	10 [6])

Для дальнѣйшаго перечня мы не имѣемъ данныхъ.

Западный берегъ, отъ сѣвера Китайскія и подземныя юр

Нгывр-во	5 кит. юр
Туми-во	2 »
Пиля-во	1 кит. и 1
Муйзиб-во	— — 1
Помыр-во	3 кит. юр
Нгыль-во	1 »
Виск-во	5 »
Лыркр-во	4 »
Тамля-во . больше	12 »
Матент-тигр-во	3 »
Тылент-тигр-во	1 »
Нгань-во	4 »
Мангаль-во	1 »
Мач-во	2 »
Тулксь	2 »
Тальвант-тигр-во	1 кит. и 1
Чегнги	1 подз. юр
Пырки	1 »
Югдама	1 »
Локчи	1 »
Джонги	1 кит. юрт
Нгыйдъ	1 подз. юрт
Варсь	1 »
Висмерыфъ	1 »
Погоби	2 »
Тыкъ	6 »
Вяхту	1 »
Хои	2 »
Танги	1 »
Мыгнай	1 »
Аркай	1 »
Дуи	2 »
Аднги	1 »
Ктеусъ [8])	3 »
Хогрань	1 »
Пиля-во [8]) (Пороко-танъ)	3 »
Всего	48 кит. и 31

Digitized by Google

...хъ зимнихъ жилищъ [1]).

Островъ Сахалинъ.

...Тымы, внизъ отъ ея истоковъ. ...ключительно подземныя юрты.

...й берегъ.		Правый берегъ.	
...о . . .	1	Дзяк-во	1
...во . . .	3	Уд-во	1
...) . . .	2	Пуд-во	3
...во . . .	1	Зиль-во	2
...о . . .	1	Чло-во	2
. . . .	1	Удмк-во	7
...ъ . . .	2	Плуб-во	1
...[9]) . . .	1	Тафиц-во. . . .	1
...ъ . . .	1	Чхар-во	1
. . . .	13	Всего	19
Итого на		р. Тымѣ	32.

Восточный берегъ, отъ сѣв. къ югу. Исключ. подземныя юрты.	
Койбыгр-во [10]) .	1
Ханкесъ	1
Нгёдъ	1
Урдктъ	1
Кэкр-во	3
Харкр-во. . . .	?
Чай-во	10
Лад-во	3
Тырмыцъ . . .	?
Ный	6
Венги	2
Казенгат-во . .	1
Маньчжубафд-во	1
Мильк-во, Тагри [11]) . .	9
Нгабиль	3
Луб-во	?
Лунг-во	?
Пильнги	?
Чамр-во	?
Всего, за исключеніемъ деревень съ сомнительнымъ числомъ юртъ . .	42
вмѣстѣ съ ними, счит. по 2 юрты на деревню (о чемъ дальше).	54.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Большинство приводимыхъ здѣсь мелкихъ селеній, вслѣдствіе малыхъ размѣровъ нашей карты, приложенной къ I Т. настоящаго труда, на ней не обозначены.

2) На соединенномъ съ Амуромъ озерѣ того-же имени (см. Т. I, стр. 16 наст. соч.).

3) Между этою и слѣдующими деревнями лежатъ оба вышеупомянутыя (Т. I, стр. 16 и 27 наст. соч.) селенія Ольчей — Тыръ съ двумя и Чильви съ шестью юртами.

4) Въ I Т. наст. соч. уже было говорено (на стр. 16) объ этой деревнѣ Ольчей расположенной къ сѣверу отъ Кидзи и изъ шести юртъ которой въ трехъ постоянно жили Гиляки.

5) За исключеніемъ одной вышеупомянутой (стр. 22) подземной юрты въ Пэтахѣ.

6) Согласно свѣдѣніямъ, собраннымъ Миддендорфомъ у Гиляковъ на Ульбанской губѣ и сообщеннымъ мнѣ въ рукописи.

7) Перечень деревень, расположенныхъ на этомъ берегу Сахалина, по Лиману и по Охотскому морю, былъ уже нами сдѣланъ выше (стр. 22) при сравненіи показаній о нихъ Глена съ моими собственными: тѣ и другія, какъ мы видѣли, не вездѣ согласны между собой, какъ въ отношеніи числа и рода зимниковъ, такъ и названія деревень. На насъ не посѣтуютъ если мы, ради бо̀льшей наглядности этого общаго обозрѣнія, еще разъ приведемъ ихъ здѣсь. Изъ нашего сравненія очевидно, что въ промежутокъ времени между 1857 и 1861 г.г. на этомъ берегу произошла убыль въ народонаселеніи. Здѣсь имѣется въ виду констатировать положеніе вещей въ Амурскомъ краѣ до этой убыли — въ моментъ моего пребыванія тамъ, и потому въ предлагаемомъ здѣсь спискѣ приведены только тѣ цифры, которыя собраны мною самимъ.

8) Эта деревня и лежащая къ югу отъ нея Пиля-во съ одинаковымъ количествомъ юртъ, обѣ населены на половину Гиляками, на половину Аинами, и потому у насъ здѣсь въ общемъ итогѣ на долю обѣихъ деревень приходится всего три юрты.

9) Деревни Пуд-во и Чхар-во съ указаннымъ здѣсь количествомъ юртъ расположены по обѣ стороны рѣки.

10) Гленъ начинаетъ съ этой деревни счетъ селеній, лежащихъ вдоль западнаго берега Сахалина. Онъ опредѣляетъ положеніе Койбыгр-во на сѣверной оконечности острова, между заливами Елизаветы и Маріи и полагаетъ, что это та самая деревня, которую Крузенштернъ видѣлъ на «Сѣверномъ заливѣ». Но видѣнная Крузенштерномъ деревня была очень большая («съ 27 юртами», изъ которыхъ многія, конечно, были только кладовыя) — гораздо больше той, которую онъ посѣтилъ позже въ заливѣ Надежды (Крузенштернъ, Путеш., стр. 170 и 193). А эта послѣдняя, Нгывр-во, въ мое время еще заключала въ себѣ 5 китайскихъ юртъ. Невѣроятно, чтобы вышеупомянутая деревня на Сѣверномъ заливѣ въ короткій промежутокъ всего нѣсколькихъ лѣтъ могла, какъ думаетъ Гленъ (l. c., p. 232, Anm. 1) сократиться до одной подземной юрты.

11) Должно полагать, что это та самая деревня, о которой говоритъ Гленъ, называя ее Такр-Ный (т. е. Ный по ту сторону) въ противоположность къ упоминаемой выше деревнѣ послѣдняго имени, которую онъ называетъ Тукр-Ный (т. е. Ный по сю сторону). Поэтому число юртъ, сообщаемое Гленомъ для деревни Такр-Ный, я долженъ отнести къ деревнѣ Тагри и сосѣдней съ нею, но лежащей немного сѣвернѣе, деревнѣ Мильк-во — этимъ двумъ первымъ деревнямъ, расположеннымъ къ югу или, если идти по направленію отъ сѣвера, то находящимся по ту сторону р. Тымы.

Digitized by Google

лежитъ на Охотскомъ морѣ, впрочемъ, за исключеніемъ небольшого пространства между Кулемъ и Амурскимъ Лиманомъ, гдѣ я тоже самъ былъ [1]).

Въ теченіи этого труда мнѣ еще много разъ придется упоминать о разныхъ гиляцкихъ селеніяхъ, почему я, для бо́льшей наглядности, прилагаю списокъ ихъ, съ перечнемъ въ нихъ зимниковъ, на основаніи или моего личнаго опыта, или сообщеній Глена (См. стр. 52 и 53).

Изъ прилагаемаго списка видно, что многія гиляцкія селенія состоятъ всего изъ одной зимней юрты — китайской или подземной. Большинство же гиляцкихъ деревень заключаетъ въ себѣ по два или по три зимника, и это, какъ можно убѣдиться по нашимъ даннымъ, и есть среднее число юртъ для гиляцкихъ деревень. Въ общемъ можно сказать, что именно цифра три составляетъ среднее число юртъ въ гиляцкихъ деревняхъ для материка, по Амуру и на Лиманѣ, а цифра два, для острова Сахалина вдоль его западнаго берега и въ долинѣ р. Тымы. На восточномъ берегу Сахалина, съ его шестью гиляцкими деревнями, число юртъ и Глену и мнѣ осталось съ точностью неизвѣстнымъ. Но на основаніи вышесказаннаго я принимаю цифру два за норму количества зимниковъ тамъ въ каждой деревнѣ. Селенія въ четыре и въ пять юртъ повсемѣстно принадлежатъ уже къ значительнымъ въ странѣ Гиляковъ. Однако, въ каждой изъ ея отдѣльныхъ частей встрѣчаются и болѣе крупныя селенія съ 6—10 и больше юртами. Они составляютъ центры отдѣльныхъ частей, а самыя крупныя изъ нихъ и центры всей гиляцкой области въ общей сложности. Самая большая гиляцкая деревня на материкѣ — Вайръ или, какъ ее называютъ русскіе, Вайтъ. Благодаря своему положенію на низовьѣ Амура, приблизительно на равномъ разстояніи отъ мѣстностей, прилегающихъ выше послѣдняго поворота этой рѣки, отъ Амурскаго Лимана, отъ сѣверной части Сахалина и отъ Охотскаго побережья, Вайръ представляется какъ бы центромъ всего пространства, на которомъ живутъ Гиляки и на материкѣ и на островѣ. Его 16 зимниковъ, расположенные въ два ряда на нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки, его многочисленные лѣтники у самой воды, разбросанныя между ними большія и малыя кладовыя, крытыя и не крытыя сушильни — все это производитъ впечатлѣніе обширной, густо населенной деревни, главнаго средоточія гиляцкой жизни. Немного выше Вайра лежитъ другая большая гиляцкая деревня Маго съ 11 юртами, а наискось противъ нихъ Тебахъ, съ 7-ью юртами. Расположенный какъ разъ на послѣднемъ поворотѣ Амура къ востоку, Тебахъ одинаково принадлежитъ и крайнему низовью рѣки, и той части ея, за предѣлами которой уже начинается верхнее теченіе Амура. На этомъ послѣднемъ участкѣ гиляцкой области деревни встрѣчаются всего чаще, но все это небольшія селенія въ двѣ, три юрты, за исключеніемъ двухъ главныхъ центровъ, Тахты и Пата, гдѣ число жилищъ превышаетъ

---

1) Во время пребыванія Миддендорфа на Тугурской губѣ (въ 1844 г.) ему сообщали, что между мысомъ Умелонгте (Муктелья), самымъ крайнимъ на сѣверной оконечности этого берега, и устьемъ Амура существуютъ четыре большія гиляцкія деревни (Beitr. zur Kenntniss des Russ. Reiches, Bd. IX, 2 Abtheilung, St. Petersburg 1855, p. 618).

Digitized by Google

эту цифру. На Лиманѣ первенствующая роль принадлежитъ на сѣверѣ — Лангру, а на югѣ — Чоми. Первый служитъ центромъ сношеній для Гиляковъ по низовью Амура, по Охотскому побережью и на сѣверъ Сахалина; а второй для постоянныхъ сношеній съ западнымъ берегомъ Сахалина, съ Гиляками Тро и Тымимскими, и также черезъ горы съ деревнями на Амурѣ. На Охотскомъ побережьѣ главный центръ Куль или Коль. О существованіи его слышалъ еще Миддендорфъ, когда находился на Тугурской губѣ [1]). Куль по разсказамъ Гиляковъ пользуется тамъ такимъ же значеніемъ какъ Вайръ на Амурѣ. На Лиманскомъ берегу Сахалина главная роль принадлежитъ селенію Тамля-во, которое, какъ сказано выше, пользуется дурной славой, вслѣдствіе склонности къ разбою своего многочисленнаго населенія. Въ той части западнаго берега Сахалина, которая омывается Сѣверо-Японскимъ моремъ, находятся только мелкія селенія, гдѣ деревня Тыкъ съ своими 6-ью подземными юртами является болѣе крупнымъ мѣстечкомъ: она и служитъ главнымъ центромъ всего этого побережья. Въ долинѣ р. Тымы на Сахалинѣ, сѣверная часть которой богата мелкими деревнями, главными являются Пуд-во и Удмк-во, а на восточномъ берегу острова наконецъ Чай-во и Ный.

Для правильнаго сужденія о количествѣ жителей, какъ въ отдѣльныхъ частяхъ, такъ и на всемъ пространствѣ гиляцкой области, на основаніи числа ихъ зимниковъ, надо предварительно опредѣлить сколько среднимъ числомъ приходится обитателей на каждую китайскую или подземную юрту. Въ сооруженіи гиляцкаго зимника участвуетъ обыкновенно не одинъ кто нибудь, а многіе, а то и всѣ мѣстные жители, и потому въ немъ, согласно свойственному первобытнымъ народамъ коммунистическому духу, обыкновенно располагается на житье не одно, а нѣсколько семействъ. Какъ видно изъ приводимаго выше описанія, гиляцкій зимникъ китайскаго образца со своими четырьмя длинными нарами представляетъ довольно обширное и удобное помѣщеніе для совмѣстнаго житья четырехъ семей. Если считать, что каждая семья среднимъ числомъ состоитъ изъ четырехъ членовъ — мужа, жены и двухъ дѣтей, то для всѣхъ обитателей китайскаго зимника въ итогѣ уже получается цифра 16. Само собой разумѣется, бываютъ и такія юрты, которыя укрываютъ всего по одной или по двѣ семьи, какъ я и самъ это неоднократно видѣлъ, а нѣкоторыя въ теченіи всей зимы стоятъ совсѣмъ пустыя и кажутся заброшенными. Зато въ иной юртѣ, рядомъ съ упомянутыми членами семьи, кромѣ того, живутъ еще постороннія лица обоего пола въ качествѣ или одинокихъ родственниковъ, или слугъ. Цифру 2, принятую нами за среднее число дѣтей въ каждой семьѣ во всякомъ случаѣ нельзя считать преувеличенной. Мнѣ кажется, я не погрѣшу въ этомъ смыслѣ, если положу среднимъ числомъ по 16 жителей на каждую китайскую юрту и въ половину меньше, т. е. по 8-ми, на каждую подземную, гдѣ всего только три, притомъ болѣе короткія нары, и вообще гораздо меньше

---

1) Въ рукописныхъ замѣткахъ Миддендорфа о его посѣщеніи Гиляковъ, селеніе это названо «Кволъ», а въ отчетѣ Бэра о своемъ путешествіи «Квель». (Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reiches, Bd. IX, 2. Abthl., p. 620).

Digitized by Google

простора. Эти данныя позволяютъ намъ безъ труда опредѣлить приблизительное число жителей въ вышеупомянутыхъ отдѣльныхъ частяхъ гиляцкой области. Примѣнить ихъ нельзя только къ одной части этого края, а именно къ Охотскому побережью, гдѣ намъ, за исключеніемъ небольшого участка между Кулемъ и Амурскимъ Лиманомъ, до сихъ поръ еще неизвѣстно число гиляцкихъ зимниковъ. Поэтому здѣсь надо прибѣгнуть къ другому способу приблизительнаго исчисленія. Незнакомая намъ полоса этого берега между Кулемъ и Тугурской губой въ шесть или семь разъ превосходитъ величиною тотъ участокъ, который лежитъ между Кулемъ и Лиманомъ. Слѣдовательно, намъ только стоитъ число жителей, добытое нами для этого послѣдняго, на основаніи количества тамъ юртъ, помножить на шесть или на семь, чтобы получить приблизительное число жителей для всего берега вплоть до Тугурской губы. Но такъ какъ можно съ нѣкоторою вѣроятностью предположить, что гиляцкое населеніе становится плотнѣе по мѣрѣ приближенія къ устью Амура, его Лиману и къ Сахалину, и такъ какъ дальше на западъ и по свидѣтельству самихъ Гиляковъ не существуетъ другого Куля — то я, опредѣляя общую цифру всего гиляцкаго населенія на этомъ берегу, считаю себя въ правѣ добытую нами цифру населенія для пространства между Кулемъ и Амурскимъ Лиманомъ увеличить не въ семь или шесть, а только въ пять разъ.

Согласно этому численность населенія въ отдѣльныхъ частяхъ гиляцкой области и на всемъ пространствѣ ея въ общей сложности можетъ быть опредѣлена слѣдующими минимальными цифрами:

На материкѣ:		На островѣ Сахалинѣ:	
По теченію Амура	1904	На западномъ берегу	1016
На Амурскомъ Лиманѣ	568	По теченію р. Тымы.	256
На Охотскомъ побережьѣ . . .	1040	На восточномъ берегу.	432
Всего . . .	3512	Всего . . .	1704

Такимъ образомъ все гиляцкое народонаселеніе на материкѣ и на островѣ Сахалинѣ въ общей сложности доходитъ до 5216 или круглымъ числомъ до 5000 душъ.

Покончивъ съ Гиляками и переходя къ Амурскимъ инородцамъ Тунгусскаго племени, скажемъ прежде нѣсколько словъ о кочующихъ въ гиляцкой области **Орокахъ.** Въ качествѣ оленныхъ кочевниковъ, Ороки не имѣютъ постоянныхъ жилищъ, но на мѣстахъ своихъ болѣе или менѣе продолжительныхъ стоянокъ раскидываютъ палатки крайне простого устройства. Воткнутыя въ землю въ видѣ конуса длинныя жерди образуютъ деревянный остовъ, который со всѣхъ сторонъ охватывается брезентомъ изъ рыбьихъ шкуръ и только у самой верхушки, гдѣ сходятся жерди, оставляется отверстіе для прохода дыма отъ разводимаго въ палаткѣ огня. Кочуютъ Ороки всегда по болѣе или менѣе лѣсистой

Digitized by Google

площади[1]) и періодически возвращаются на тѣ-же мѣста, а потому, покидая свои стоянки, оставляютъ нетронутыми остовы палатокъ и уносятъ съ собой только брезенты. Во время моего путешествія по долинѣ рѣки Тымы и при перевалѣ моемъ оттуда черезъ горы на западный берегъ Сахалина, зимой 1856 года, я не разъ нападалъ на такіе остовы палатокъ. Случалось мнѣ натыкаться и на самихъ Ороковъ, но всегда во время ихъ странствованій, и цѣлой раскинутой палатки мнѣ не пришлось видѣть. Остовы своихъ палатокъ Ороки, повидимому, во всякое время года покрываютъ одними и тѣми-же брезентами изъ рыбьихъ шкуръ. По крайней мѣрѣ Гленъ[2]), 19-го марта 1860 г. посѣтивъ Кекр-во, на сѣверѣ Сахалина, засталъ ихъ тамъ въ «конусообразныхъ палаткахъ изъ рыбьихъ шкуръ». То-же повторилось и со Шмидтомъ въ началѣ февраля 1861 г. въ Чог-бо, на заливѣ Терпѣнія, не смотря на 30-градусный морозъ, причемъ и въ палаткахъ было соотвѣтственно холодно[3]). Согласно Маміа Ринсо[4]) Ороки употребляютъ для покрышки своихъ палатокъ еще и брезенты изъ рыбьихъ шкуръ, пропитанныхъ ворванью, и изъ коры березы («кабы»). При обильномъ снѣгѣ предпочитаются первые, такъ какъ они лучше выдерживаютъ тяжесть его. Зато Ороки, повидимому, вовсе не употребляютъ для покрышки своихъ палатокъ оленьихъ шкуръ, которыми въ зимнее время одѣваютъ свои жилища Верхне-Амурскіе Орочоны и другіе сѣверные инородцы. Брезенты изъ рыбьихъ шкуръ меньше вѣсятъ, слѣдовательно легче переносятся съ мѣста на мѣсто и этимъ, вѣроятно, объясняется предпочтеніе къ нимъ Ороковъ. А съ другой стороны оно обусловливается изобиліемъ на Сахалинѣ рыбы, преимущественно *Salmo lagocephalus*, которая въ большомъ количествѣ доставляетъ необходимый для того матеріалъ. Замѣчательно, что кромѣ конусообразныхъ палатокъ, видѣнныхъ Шмидтомъ и Гленомъ, и на остовы которыхъ я самъ не разъ натыкался, у Ороковъ существуетъ еще другой родъ ихъ, совершенно отличный отъ перваго. Въ бытность свою зимой 1882 года въ Атер-во и въ другихъ мѣстечкахъ на заливѣ Ный, на восточномъ берегу Сахалина[5]), Поляковъ видѣлъ Ороковъ, жившихъ въ продолговатыхъ четырехугольныхъ палаткахъ, которыя только спереди и сзади представлялись конусообразными, а съ боковъ имѣли видъ простой крыши. Остовъ ихъ состоитъ изъ двухъ, вбитыхъ въ землю отвѣсныхъ шестовъ, на которыхъ покоится длинная поперечная жердь. Къ послѣдней съ обѣихъ сторонъ прилажены другія, вкось воткнутыя въ землю, жерди и все сверху до низу покрыто древесной корой. Снаружи кора еще придерживается рядомъ поперечныхъ жердей, которыя, налегая на нее, прижимаютъ ее къ остову.

---

1) См. Т. I, стр. 19 и 20 наст. соч.

2) L. c., p. 196.

3) Schmidt, l. c., p. 114, 116. Упоминая о палаткахъ Ороковъ Шмидтъ указываетъ на изображеніе одной изъ нихъ въ сочиненіи Зибольда о Нипонѣ. Но это очевидно ошибка: Шмидтъ принялъ за Орокскія палатки хижины, изображенныя на заднемъ планѣ таблицы XX, которая во всемъ трудѣ одна посвящена Орокамъ, тогда какъ самъ Зибольдъ (въ своихъ примѣчаніяхъ къ сочиненію Маміа Ринсо To-tats-kiko, Nippon, VII, p. 204) говоритъ, что это «лѣтники, какіе строятъ Аины на Крафто».

4) To-tats-ki ko (Siebold, Nippon, VII, p. 190).

5) И. С. Поляковъ, Путешествіе на островъ Сахалинъ въ 1881—1882 г.г. С.-Петерб. 1883 г. (Прилож. къ XIX тому Извѣст. И. Р. Геогр. Общ.), стр. 81.

Digitized by Google

Спереди и сзади у палатки, рядомъ съ отвѣсными жердями, по входу, но употребляется только тотъ, который расположенъ подъ защитой отъ вѣтра; другой тѣмъ временемъ закрытъ. Внутри, по серединѣ, рядъ короткихъ отвѣсныхъ колышковъ, скрѣпленныхъ между собою поперечными деревяшками, огораживаетъ продолговатую четырехугольную площадку: это мѣсто для огня. Въ такихъ палаткахъ обыкновенно разводятъ по два, по три огня и больше, смотря по числу живущихъ тамъ семействъ. На поперечныхъ жердяхъ вокругъ огня рядами виситъ рыба для сушенія, копченія или для другого какого либо употребленія, а позади огороженнаго пространства вдоль стѣнъ тянутся нары.

Итакъ, хотя Ороки по своему происхожденію не иное что какъ вѣтвь Ольчей, перекочевавшихъ на Сахалинъ[1]), они однако не удержали ни зимнихъ, ни лѣтнихъ жилищъ своего первоначальнаго племени. Сообразно своему кочевому образу жизни они живутъ въ палаткахъ, которыя, какъ мы увидимъ впереди, похожи отчасти на палатки тоже кочевыхъ Верхне-Амурскихъ Орочоновъ и Манегирцевъ, а отчасти на палатки приморскихъ Орочей, преимущественно занимающихся охотою.

Кромѣ палатокъ у Ороковъ, по свидѣтельству Мамія Ринсо, существуютъ еще постоянныя кладовыя не только въ мѣстахъ ихъ болѣе продолжительныхъ стоянокъ, но и въ такихъ, которыя они посѣщаютъ мимоходомъ. Это небольшія сооруженія, какъ бы въ видѣ ларей на сваяхъ, приподнятыя надъ землей съ цѣлью оградить ихъ отъ дикихъ звѣрей. Весьма возможно, что Ороки заимствовали это подобіе кладовыхъ у своихъ сосѣдей Гиляковъ.

Совсѣмъ другое видимъ мы у инородцевъ Тунгусскаго племени, живущихъ на материкѣ по сосѣдству съ Гиляками — у **Ольчей, Негидальцевъ, Самагирцевъ, Гольдовъ и Орочей.** Они, какъ и Гиляки, ведутъ довольно осѣдлый образъ жизни и, подобно имъ, имѣютъ большею частью постоянные лѣтники и зимники. Что касается зимниковъ, мы уже говорили выше, что постройки китайскаго образца, съ нарами, снабженными системою нагрѣвательныхъ трубъ, распространяясь внизъ по Сунгари и Амуру, проникли и ко всѣмъ этимъ народамъ. Поэтому, говоря объ ихъ зимникахъ, мы можемъ сослаться на помѣщенное выше описаніе зимнихъ юртъ китайскаго образца у Гиляковъ и ограничиться здѣсь лишь указаніемъ на отступленія, иногда въ нихъ встрѣчающіяся. Впрочемъ отступленія эти всегда лишь во второстепенныхъ подробностяхъ, главный же принципъ вездѣ одинъ и тотъ-же.

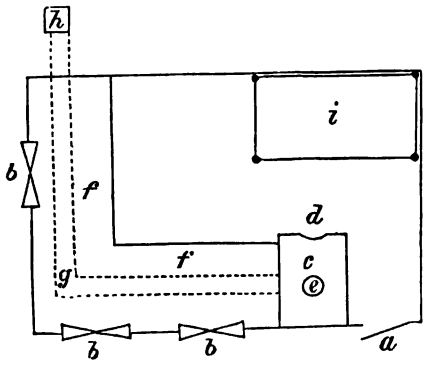
У ближайшихъ сосѣдей Гиляковъ на Амурѣ, у Ольчей, зимникъ (*хагду*) вообще очень похожъ на гиляцкій. Въ деревняхъ, жители которыхъ, какъ напримѣръ въ Ауре, принадлежатъ къ обѣимъ народностямъ, между зимними жилищами тѣхъ и другихъ не замѣтно никакой разницы. А въ нѣкоторыхъ селеніяхъ у Ольчей — именно тамъ, гдѣ временно проживаютъ китайскіе купцы, какъ напримѣръ въ Кидзи, Ади и др., даже встрѣчаются зимники и лучше содержимые и болѣе красивые, чѣмъ у Гиляковъ. Кровельный карнизъ

---

1) Доказательства тому изложены въ I Т. настоящаго труда, на стр. 21, 138, см. также стр. 290.

Digitized by Google

въ иныхъ юртахъ тамъ изукрашенъ рѣзьбой, стѣны снаружи вымазаны глиной, а внутри не только нары, но и стѣны надъ ними увѣшаны тростниковыми цыновками. На скамьяхъ для сидѣнія кромѣ того разостланы коврики китайскаго издѣлія. По вечерамъ юрта освѣщается плошками по четыремъ угламъ: въ плошкахъ горитъ свѣтильня, обмокнутая въ ворвань. Цыновки для наръ и стѣнъ у Ольчей, какъ я самъ это видѣлъ въ деревнѣ Ади, плетутъ женщины изъ особаго рода Амурскаго тростника (*Phragmites communis*, на нарѣчіи Ольчей и Гольдовъ—*хольгохта*), стебель котораго предварительно разрѣзываютъ съ одной стороны, кладутъ подъ гнетъ, затѣмъ сушатъ. У Ольчей на югѣ ихъ страны, а именно къ верху отъ Кидзи, существуютъ кромѣ того еще другія маленькія юрты, какихъ я не видалъ у Гиляковъ. По сравненію съ обычной юртой и на основаніи половиннаго числа въ нихъ наръ, очаговъ, оконъ и пр. ихъ можно бы назвать полуюртами. Въ нихъ, какъ на прилагаемомъ здѣсь планѣ, снятомъ съ одной изъ двухъ такихъ юртъ въ деревнѣ Пульсѣ, всего по двѣ нары вдоль одной изъ продольныхъ и одной изъ поперечныхъ стѣнъ и только по одному очагу, расположенному у начала продольной стѣны рядомъ со входомъ. Собачій столъ, обыкновенно находящійся по серединѣ, здѣсь отнесенъ въ уголъ, діагонально противоположный тому, гдѣ сходятся нары. Окна только въ стѣнахъ надъ нарами — два въ продольной и одно въ поперечной изъ нихъ. Внутри такой юрты очень мало простора и потому она вовсе не пригодна для нѣкоторыхъ цѣлей. Въ ней, напримѣръ, нельзя ни помѣщать, ни водить медвѣдей, что такъ любятъ Гиляки, и въ этомъ, должно полагать, одна изъ причинъ, почему она не въ употребленіи у нихъ.



Планъ маленькаго зимника у Ольчей. *a* — Дверь. *b* — Окна. *c* — Очагъ. *d* — Отверстіе для топки его. *e* — Отверстіе для большого котла. *f* — Нары. *g* — Нагрѣвательныя трубы. *h* — Дымовая труба. *i* — Собачій столъ.

Зимнія жилища Негидальцевъ на р. Амгуни, по сообщеніямъ Шмидта, посѣтившаго ихъ весной 1862 года, ничѣмъ не отличаются отъ зимниковъ Гиляковъ и другихъ Нижне-Амурскихъ инородцевъ[1]). Съ жилищами Самагирцевъ я самъ лично познакомился. Три юрты въ ихъ деревнѣ Нгагѣ на Горинѣ, устроенныя по обычному образцу, меня особенно поразили своей опрятностью. Въ каждой было по десяти оконъ — по три въ продольныхъ и по два въ поперечныхъ стѣнахъ — и онѣ были просторнѣе и свѣтлѣе всѣхъ другихъ, видѣнныхъ мною на Амурѣ. Въ деревнѣ Ольчей Пулу (или Пуль) на Амурѣ юрта одного Самагирца, въ которой впрочемъ временно жили трое китайскихъ торговцевъ, отличалась тѣмъ, что входъ въ нее находился посреди одной изъ поперечныхъ стѣнъ, а два очага внутри жилья были симметрично расположены направо и налѣво отъ входа, на поря-

1) Schmidt, Histor. Ber. etc., l. c., p. 147.

Digitized by Google

дочномъ разстояніи отъ него у концевъ продольныхъ стѣнъ. Кромѣ того наружныя стѣны юрты и двѣ поперечныя внутри были покрыты смѣсью изъ глины и рубленой соломы.

Прямые слѣды китайскаго вліянія еще больше, чѣмъ у Ольчей и Самагирцевъ, замѣтны въ зимнихъ жилищахъ Гольдовъ, и чѣмъ дальше по теченію Амура, и чѣмъ ближе къ устью Сунгари — тѣмъ опредѣленнѣе. Въ деревнѣ Турме, на устьѣ Уссури, напримѣръ, я видѣлъ гольдскій домъ, одна стѣна котораго почти вся состояла изъ оконъ, точь въ точь, какъ въ китайскихъ домахъ въ Цянкѣ на устьѣ Горина. Къ тому-же тамъ совсѣмъ отсутствовалъ просторный собачій столъ, обыкновенно занимающій средину гиляцкихъ юртъ. А выше, въ селеніи Сельгако, въ гольдскихъ жилищахъ попадалась и кое-какая китайская мебель, напримѣръ, на нарахъ небольшіе шкапчики со множествомъ ящичковъ и отдѣленій, какихъ я не видалъ ниже по теченію Амура. Но съ другой стороны, Гольды, какъ и Ольчи, часто живутъ въ маленькихъ полуюртахъ. Такъ же точно устроены и жилища китайцевъ на Уссури, гдѣ, разсѣянные среди Гольдовъ въ одиночку или по двое и по трое, они занимаются мелкой торговлей, а южнѣе собираніемъ корня стосила (женшена).

Однородны съ этими и зимнія жилища Орочей по верхнему теченію правыхъ притоковъ Амура и Уссури, съ тою только разницей, что они еще меньше и всегда бѣднѣе и неопрятнѣе[1]). На притокахъ Уссури, впрочемъ, въ такихъ зимнихъ юртахъ живутъ только тѣ немногіе Орочи, которые, по примѣру разсѣянныхъ среди нихъ китайцевъ, ведутъ болѣе осѣдлый образъ жизни, на основаніи кое-какихъ полевыхъ и особенно огородныхъ занятій. Когда въ началѣ 80-ыхъ годовъ полковникъ Надаровъ посѣтилъ правые притоки Уссури, число такихъ Орочей простиралось тамъ всего до 20: они жили въ трехъ зимнихъ юртахъ или фанзахъ, изъ которыхъ двѣ находились на Имѣ и одна на Бики[2]). Масса же населенія изъ Орочей тамъ, напротивъ, сообразно своему кочевому охотничьему образу жизни, и зимой не имѣла другихъ жилищъ, кромѣ палатокъ или такъ называемыхъ *чукди*[3]), о которыхъ рѣчь еще впереди. То-же самое слышалъ я и объ Орочахъ, живущихъ по верховьямъ Амурскихъ притоковъ — Хонгара, Мунаму и др. Само собой разумѣется, что въ палаткахъ въ зимнее время надо имѣть въ виду сильное пониженіе температуры. Поэтому, для защиты отъ стужи, крыша и стѣны ея тщательно покрываются древесной корой, а на очагѣ постоянно поддерживается огонь. Въ топливѣ у Орочей никогда не бываетъ недостатка: имъ его въ изобиліи доставляютъ обширные лѣса, гдѣ они кочуютъ. Кромѣ того, мѣста, предназначенныя для спанья въ палаткѣ, покрываются циновками изъ нѣсколькихъ слоевъ древесной коры, которая, въ качествѣ дурного проводника тепла, отлично защищаетъ отъ холоднаго земляного пола.

---

1) Венюковъ, Обозр. рѣки Уссури и земель къ востоку отъ нея до моря (Вѣстникъ Геогр. Общ. Ч. 25, 1859 г., Отд. II, Изслѣд. и Матер., стр. 224); его же, Путешест. по окр. русск. Азіи. С.-Петербургъ, 1868 г., стр. 89 и др.

2) И. Надаровъ, Сѣверно-Уссурійскій край (Зап. Импер. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр. Т. XVII, № 1, стр. 73, 77.

3) Nadarof, l. c., p. 74.

Digitized by Google

Но при полномъ сходствѣ между собой зимниковъ, которые строятся по одному и тому-же китайскому образцу, у всѣхъ Тунгусскихъ народовъ, живущихъ по низовьямъ Амура, и у сѣверныхъ ихъ сосѣдей, Гиляковъ, — лѣтники, напротивъ, представляютъ большое разнообразіе. Ни у одного изъ этихъ племенъ не встрѣчается постоянныхъ свайныхъ построекъ вродѣ гиляцкихъ *керыфовъ*. Ихъ лѣтники всегда состоятъ изъ легкихъ палатокъ на поверхности земли и у каждаго изъ этихъ племенъ имѣютъ свои собственныя особенности.

Лѣтнее жилище Ольчей, Самагирцевъ и Гольдовъ, называемое у нихъ *дауро,* болѣе прочихъ напоминаетъ настоящій домъ. Такой лѣтникъ изображенъ на таблицѣ XIV (фиг. 1); это лѣтникъ Ольчей изъ деревни Беллеръ на Амурѣ. Дауро состоитъ изъ очень легкаго деревяннаго остова, одѣтаго березовой корой. Стѣны этого почти квадратнаго сооруженія изъ толстыхъ жердей, воткнутыхъ въ землю на разстояніи около одного фута и соединенныхъ между собой болѣе тонкими поперечными жердями и прутьями. Разстояніе между послѣдними тоже около фута и онѣ равномѣрно переплетены между собою, такъ что въ общемъ получается родъ грубой сѣтки или вязки изъ клѣтокъ. Спереди и сзади, у обѣихъ поперечныхъ стѣнъ, жерди остова, или по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, гораздо толще и похожи скорѣе на тонкія бревна. Онѣ неравномѣрной длины: самыя высокія занимаютъ середину, остальныя по обѣ стороны постепенно спускаются. На нихъ покоятся нѣсколько тонкихъ потолочныхъ балокъ, поддерживающихъ кровельную скамью, которая, какъ и стѣны, состоитъ изъ продольныхъ жердей и прутьевъ, соединенныхъ между собой вязкой въ видѣ клѣтокъ. Стѣны и крыша остова одѣты березовой корой, куски которой на крышѣ еще придерживаются рядомъ продольныхъ и поперечныхъ жердей. Въ продольныхъ стѣнахъ остаются незадѣланными по двѣ клѣтки, которыя образуютъ окна и могутъ завѣшиваться кусками березовой коры или тростниковыми цыновками. Бо̀льшихъ размѣровъ отверстіе въ передней поперечной стѣнѣ образуетъ входъ съ дверью изъ березовой же коры или изъ досокъ. Такимъ образомъ получается нѣчто вродѣ полуюрты, полупалатки. Справа и слѣва отъ входа, во всю длину ея, пролегаютъ два тонкія бревна, отдѣляющія средину отъ боковыхъ пространствъ, которыя собственно и служатъ для спанья и сидѣнія. Иногда боковыя пространства имѣютъ досчатыя нары съ приподнятыми краями и въ одинъ футъ вышины. Въ среднемъ пространствѣ грубый булыжникъ, на которомъ разводится огонь, а надъ нимъ отверстіе въ крышѣ для прохода дыма. Для очистки воздуха кромѣ того, кажется, служитъ еще и другое отверстіе въ передней поперечной стѣнѣ у кровельнаго конька. Благодаря этимъ и оконнымъ отверстіямъ, почти всегда открытымъ, въ юртѣ устанавливается сильный сквозной вѣтеръ, который между прочимъ выгоняетъ оттуда и комаровъ.

Дауро у Самагирцевъ на Горинѣ ничѣмъ не отличаются отъ только что описанныхъ. Во время моего путешествія зимой 1855 года я провелъ ночь въ одномъ такомъ самагирскомъ лѣтникѣ въ Нгаггѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ зимней деревни того-же имени. Устроенный также точно, какъ и дауро Ольчей, этотъ лѣтникъ однако отличался большей прочностью и просторомъ. Средняя потолочная балка, проходящая отъ одной

Digitized by Google

поперечной стѣны къ другой, поддерживалась еще столбомъ въ самомъ центрѣ юрты. Неподалеку отъ послѣдняго находился очагъ съ отверстіемъ для дыма. Вокругъ было такъ просторно, что на очагѣ могъ безопасно поддерживаться постоянный и сильный огонь. Болѣе прочная постройка этого и другихъ, подобныхъ ему, дауро въ окрестностяхъ Нгагги вѣроятно обусловливалась ихъ положеніемъ въ лѣсистой, обильной дичью мѣстности, гдѣ они и зимой продолжали по временамъ служить убѣжищемъ для охотниковъ. Къ клѣткамъ вязокъ внутри дауро, гдѣ я ночевалъ, были привѣшаны разные охотничьи снаряды и трофеи: самострѣлы, луки, колчаны со стрѣлами, копья, черепа и кожи съ головъ козули и кабарги, лоскутъ лосиной шкуры, крыло глухаря, нога крохаля и пр. Въ заднемъ углу были сложены сѣти и другіе снаряды для рыбной ловли, а снаружи близъ дауро, какъ бы въ доказательство того, что оно предназначалось для лѣтняго жилья, лежала лодка. Нары были устланы соломенными цыновками, окна завѣшаны. Такимъ образомъ вся юрта съ пылающимъ по серединѣ огнемъ и въ зимнее время имѣла пріятный уютный видъ.

Лѣтнія жилища сосѣднихъ и родственныхъ съ Самагирцами Негидальцевъ на р. Амгуни по свидѣтельству Миддендорфа[1]) устроены, кажется, также точно. Единственное различіе между лѣтниками обоихъ инородцевъ на мой взглядъ въ томъ, что у послѣднихъ противъ входа съ завѣсой изъ березовой коры вмѣсто двери въ задней стѣнѣ юрты еще другой такой-же. Это даетъ возможность, смотря по направленію вѣтра, закрывать ту или другую дверь или открывать обѣ для лучшаго провѣтриванія жилья. Миддендорфъ встрѣчалъ въ Негидальскихъ лѣтникахъ еще родъ рѣшетки изъ множества тонкихъ прутьевъ, которая служила для копченія рыбы и преимущественно икры; но къ приспособленію этому должно быть только временно прибѣгаютъ.

У Гольдовъ[2]), напротивъ, дауро устроены совсѣмъ иначе. Они всего чаще встрѣчаются на низменныхъ островахъ Амура и изобилующихъ рыбой рукавовъ его. Расположенныя среди тальниковъ, они кажутся издали круглыми холмами или муравьиными кучами гигантскихъ размѣровъ. (См. табл. XIV, фиг. 2). Способъ ихъ постройки, по сравненію съ дауро Ольчей или Самагирцевъ, гораздо проще и первобытнѣе. Остовъ гольдскаго дауро состоитъ изъ ряда воткнутыхъ въ землю длинныхъ, толстыхъ, согнутыхъ въ дугу ивовыхъ прутьевъ, которые связаны между собою переплетенными съ ними болѣе тонкими прутьями и вѣтками. Остовъ, за исключеніемъ одного бокового отверстія для входа и другого вверху для дыма, весь одѣтъ березовой корой, пласты которой снаружи нажимаются и придерживаются поперечными перекладинами и болѣе длинными жердями, косо воткнутыми въ землю. Съ тою же цѣлью къ стѣнамъ дауро приставляется снаружи еще и разная домашняя утварь: весла, сѣти, корзины, деревянные идолы и пр. Отверстіе для входа съ

---

1) Путеш. на сѣв. и вост. Сибири, ч. II, стр. 754.

2) Названіе *дауро* въ примѣненіи къ лѣтнему жилищу употребляется Нижними Гольдами на протяженіи всей страны до Геонгскаго хребта. За этими горами по направленію къ Уссури и на послѣдней рѣкѣ они называются *анцо*, а у Амурскихъ Гольдовъ вверхъ отъ устья Уссури я слышалъ, что ихъ называли также *мьо*.

Digitized by Google

приставленной къ нему на землѣ поперекъ колодой или доской такъ низко и узко, что проникнуть въ жилье можно только сильно согнувшись. Дверь замѣняется берестовой цыновкой, которая свертывается къ верху и придерживается тамъ снуркомъ. Внутреннее устройство жилья здѣсь то-же, что и въ дауро Ольчей, только въ немъ гораздо меньше простора. Справа и слѣва отъ входа мѣста для спанья, а по серединѣ подъ дымовымъ отверстіемъ очагъ. Но на этомъ очагѣ нельзя разводить большого огня, такъ какъ и при слабомъ пламени жилье наполняется дымомъ. Это впрочемъ имѣетъ и свою хорошую сторону: дымъ содѣйствуетъ удаленію изъ жилья комаровъ, которые большими массами водятся въ тальникахъ, покрывающихъ низменные и сырые острова на Амурѣ. И на Амурѣ, и на Уссури я видѣлъ Гольдовъ только въ такихъ лѣтникахъ. Иногда, впрочемъ они предпочитаютъ и лѣтомъ оставаться въ зимникахъ и оттуда посѣщаютъ ближайшія мѣста, наиболѣе пригодныя для рыбной ловли.

Совсѣмъ иное видимъ мы у Гольдовъ на Сунгари. Еще не доходя устья этой рѣки, въ деревнѣ Гайдье я, рядомъ съ туземными зимниками, встрѣчалъ и конусообразные соломенные шалаши. Конической формы остовъ ихъ былъ одѣтъ соломой, пуки которой сверху скрещивались, образуя родъ чаши. Дверь замѣнялась соломенной же цыновкой. Позже я убѣдился, что сооруженія эти были вѣрными снимками съ шалашей при малыхъ маньчжурскихъ сторожевыхъ постахъ къ верху отъ устья Сунгари, напримѣръ въ Сунг-бирѣ и т. д. Подобные этимъ соломенные шалаши встрѣчалъ я кое-гдѣ и на островахъ, поросшихъ тальникомъ при сліяніи Сунгари съ Амуромъ[1]). Два другихъ попались мнѣ и на разстояніи двухъ дней ѣзды вверхъ по Амуру у первыхъ отроговъ Буреинскаго хребта, на лѣвомъ берегу Амура, въ мѣстности, которую мнѣ назвали Кудьюркой. Эти послѣдніе шалаши, по словамъ туземцевъ, принадлежали Гольдамъ, которые съ женами и дѣтьми переселились сюда на лѣто изъ деревни Лахсо на Сунгари для рыбной ловли и для охоты. Шалаши эти, одинъ изъ которыхъ изображенъ на таб. XV (фиг. 2), тоже имѣли остро-коническую форму. Но вмѣсто соломы они были крыты пластами бересты и дверь въ нихъ замѣнялась камышевой цыновкой. Внутри они ничѣмъ не отличались отъ вышеописанныхъ шалашей. И такъ я заключаю, что Сунгарійскіе Гольды проводятъ лѣто не въ низкихъ холмообразныхъ, а въ высокихъ остро-коническихъ дауро, перешедшихъ также къ Амурскимъ Гольдамъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ рѣкой Сунгари.

Еще проще и первобытнѣе, чѣмъ у Гольдовъ, представляются лѣтнія жилища ихъ приморскихъ сосѣдей, Орочей. На таб. XVI изображенъ лѣтникъ послѣднихъ, тотъ самый, который я видѣлъ на заливѣ Хаджи лѣтомъ 1854 года, когда, прибывъ на корветѣ «Оливуца», я впервые вступилъ на берегъ Амурскаго края. Это простой двускатный шалашъ. Остовъ его изъ жердей и крытъ четырехугольными пластами коры лиственницы. Пласты

---

1) Маакъ (Путеш. на Амуръ. С.-Петерб. 1859 г., стр. 143) видѣлъ точно такой же конической формы камышевый шалашъ и въ Сильби, неподалеку отъ устья Сунгари.

Digitized by Google

нажимаются и придерживаются снаружи другими длинными жердями, которыя наклонно воткнуты въ землю и прилажены къ крышѣ. Задняя часть шалаша закрыта, а въ передней входъ съ цыновкой изъ коры, вмѣсто двери. Внутри справа и слѣва вдоль стѣнъ шалаша нары; въ глубинѣ у задней стѣны сложены разные запасы и утварь, а посреди очагъ съ висящимъ надъ нимъ котломъ. Особаго отверстія въ крышѣ для прохода дыма здѣсь нѣтъ: онъ и безъ того легко выходитъ сквозь дверь, почти всегда открытую или пріотворенную, и сквозь многочисленныя щели и скважины въ крышѣ. Впрочемъ, присутствіе дыма въ жильѣ отчасти даже желательно, такъ какъ избавляетъ отъ комаровъ. Но мнѣ онъ казался такимъ ѣдкимъ, что я не долго могъ оставаться въ шалашѣ. Также точно по описанію Надарова[1]) устроены шалаши (*чжди*), въ которыхъ и зиму и лѣто живутъ Орочи внутри страны по правымъ притокамъ Амура и Уссури — на Поорѣ, Бики, Имѣ и т. д. Только остовъ шалаша у нихъ всегда одѣтъ березовой корой, на пласты которой, по мѣрѣ надобности, настилаются ряды еще какой нибудь другой древесной коры. Такъ вдоль конька насаживается рядъ пополамъ перегнутыхъ черезъ него кусковъ коры, причемъ оставляется только небольшое отверстіе надъ очагомъ. Внутри шалашъ обыкновенно состоитъ или изъ одного жилого покоя (на Бики и на Имѣ), или древесной корой раздѣляется на три отдѣленія (на Поорѣ). Въ послѣднемъ случаѣ одно изъ меньшихъ отдѣленій находится у передней, а другое у задней изъ узкихъ стѣнъ и служатъ сѣнями, а также мѣстомъ склада для домашней утвари. Третье, бо̀льшее отдѣленіе, по серединѣ, составляетъ собственно жилье съ очагомъ въ центрѣ и съ нарами по обѣимъ сторонамъ.

Какъ видно изъ вышесказаннаго, лѣтнія жилища Нижне-Амурскихъ инородцевъ Тунгусскаго племени всѣ безъ особеннаго труда сооружаются изъ матеріала, который всегда подъ руками (дерево, преимущественно стволы и прутья ивы) и легко перевозимъ (кора березы, соломенныя или камышевыя цыновки и т. д.). По этому не трудно, въ случаѣ надобности, разобрать ихъ и перенести на другое мѣсто. Лѣтнія мѣстопребыванія этихъ инородцевъ дѣйствительно часто мѣняются и не только изъ года въ годъ, но и неоднократно втеченіе одного и того-же лѣта. Случается, что тамъ, гдѣ вы находили цѣлый рядъ шалашей, въ слѣдующемъ году вы уже ни одного не встрѣчаете, какъ это, между прочимъ, было и со мной. А дауро, которыя вамъ тамъ и сямъ попадались ранней весной, нѣсколько недѣль спустя опять попадаются вамъ на пути, хотя и въ томъ же краю, но уже въ другихъ мѣстностяхъ, на другихъ островахъ и рукавахъ мощной, многократно развѣтвляющейся рѣки. Главную причину такихъ частыхъ перемѣщеній надо искать въ томъ, что кочевники эти всегда избираютъ мѣстности наиболѣе удобныя для рыбной ловли. А благопріятныя условія послѣдней мѣняются не только ежегодно, но даже ежемѣсячно, такъ какъ зависятъ отъ того, какой именно родъ лососей въ данный моментъ поднимается вверхъ по теченію рѣки или вообще какая рыба даетъ наилучшій уловъ.

---

1) Тамъ же, стр. 75, 76.

Digitized by Google

Впрочемъ вышеупомянутые туземцы прибѣгаютъ къ сооруженію дауро лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда предвидятъ болѣе продолжительную стоянку на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Если же предстоитъ кратковременная остановка, на день, на два или всего на одну ночь, тогда, смотря по обстоятельствамъ, раскидываются еще болѣе незатѣйливые и первобытные шалаши для защиты отъ дождя, ненастья или назойливыхъ комаровъ. Ольчи и Гольды въ такихъ случаяхъ сооружаютъ шалашъ, называемый ими *хомора*[1]) или *Адьянгман-а' унда*. Первый—это родъ низкой продолговатой палатки, напоминающей цилиндръ, пополамъ разрѣзанный въ длину и обрѣзомъ поставленный на землю. На таб. XXX изображена передняя часть такой гольдской хоморы. Она сооружается изъ нѣсколькихъ согнутыхъ въ дугу ивовыхъ прутьевъ, воткнутыхъ въ землю въ рядъ одни за другими на разстояніи фута и соединенныхъ между собой вплетеными между ними продольными прутьями. Этотъ остовъ покрывается березовой корой или тонкими соломенными циновками, или же брезентомъ, сшитымъ изъ рыбьихъ шкуръ; а чтобы шалашъ былъ по возможности непроницаемъ для дождя, циновки эти располагаются такъ, что верхняя своимъ краемъ всегда покрываетъ край нижней. Задняя часть хоморы совсѣмъ закрыта тѣмъ же способомъ; а у передней, открытой стороны ея, вмѣсто двери виситъ берестовая или соломенная завѣса, которая свертывается кверху и задерживается тамъ снуромъ. Когда хомора предназначается для цѣлой семьи и ей предстоитъ на продолжительное время замѣнять дауро, то она сооружается въ вышину почти человѣческаго роста. Тогда посреди нея можно разводить небольшой огонь, надъ которымъ устраивается въ крышѣ соотвѣтственной величины отверстіе для пропуска дыма. Если же хомора должна служить всего одному или двумъ людямъ, то такое отверстіе совсѣмъ отсутствуетъ и она бываетъ такъ низко, что оставаться тамъ можно только въ согнутомъ положеніи. Огонь въ такихъ случаяхъ разводится наружи у входа, и дымъ, гонимый тогда вѣтромъ внутрь хоморы или на нее, удаляетъ комаровъ.

Способъ постройки Адьянгман-а' унга еще проще. Это, какъ и самое названіе его показываетъ, не болѣе, какъ ночлежный шалашъ, для одного или двухъ людей, очень похожій на гольдскій дауро, только гораздо меньшихъ размѣровъ. Въ немъ всего одно отверстіе для входа, который не закрывается даже циновкой. Огонь разводится снаружи передъ входомъ.

Такъ же простъ и незатѣйливъ и маленькій шалашъ у Гольдовъ, кверху отъ устья Уссури—такъ называемый *чоро* или *чоло*. Если Адьянгман-а' унга сооружается по образцу гольдскаго сводообразнаго дауро, то чоро устраивается по образцу коническаго. Нѣсколько длинныхъ ивовыхъ прутьевъ, составленныхъ въ видѣ конуса, образуютъ остовъ чоро. Онъ со всѣхъ сторонъ одѣвается соломой или сухой травой, обыкновенно растенія *Calamagrostis*, въ изобиліи произрастающаго въ луговыхъ пространствахъ по Амуру. И только сбоку остается крошечное, точно въ пчелиномъ ульѣ, отверстіе для входа въ жилье, куда проникаютъ ползкомъ. Такіе же чоро встрѣчаются и у Орочей на притокахъ Уссури. Но по-

1) Согласно Максимовичу, болѣе южные Гольды называютъ его также *комбарда*.

Digitized by Google

слѣдніе кромѣ того сооружаютъ себѣ еще и другіе небольшіе шалаши по образцу своихъ же собственныхъ вышеописанныхъ лѣтнихъ и зимнихъ жилищъ, называемыхъ чукди. Если защита отъ ненастья требуется только на одну ночь, въ землю вбиваютъ два небольшихъ шеста съ вилообразными верхушками, которыя соединяются между собой третьимъ поперечнымъ. Къ послѣднему съ одной стороны приставляются вкось нѣсколько небольшихъ же жердей или прутьевъ и получаемый такимъ образомъ остовъ весь покрывается березовой корой. Въ случаѣ же, если непогода затягивается или стоянка вообще почему нибудь продолжается, то къ перекладинѣ на верху и съ другой стороны приставляется покатый навѣсъ и такимъ образомъ получается маленькій двускатный шалашъ [1]).

Кстати упомяну здѣсь еще о приспособленіи для защиты отъ комаровъ, которые такими массами водятся въ тальникахъ на Амурскихъ островахъ. Насъ съ нимъ познакомили наши проводники изъ Ольчей и Гольдовъ. Еще до отправленія въ путь, они, въ счетъ своего будущаго вознагражденія, выпросили себѣ по куску коленкора. Каждый изготовилъ по мѣшку глубиной отъ $2^1/_2$ до 3 футовъ, дно котораго состояло изъ прямоугольника въ длину и ширину человѣческаго роста. Поперечныя стѣнки дна были натянуты на продернутые въ нихъ прутья, на которыхъ весь мѣшокъ, повернутый къ верху дномъ, былъ водруженъ на вбитые въ землю вилообразные колышки. Такимъ образомъ получилась низенькая палатка въ формѣ параллелипипеда, куда проникали, приподымая одну изъ свободно висящихъ сторонъ мѣшка. И наши русскіе спутники поспѣшили, по примѣру туземцевъ, смастерить себѣ для защиты отъ комаровъ такія же убѣжища или, какъ ихъ тамъ называютъ, *майки*.

Лѣтомъ и преимущественно во время прохожденія по Амуру лососевыхъ рыбъ туземцы дѣлаютъ свои рыбные запасы на осень и зиму. Поэтому рядомъ съ ихъ дауро встрѣчаются и разныя сооруженія для сушенія и вяленія рыбы на солнцѣ, а иногда и небольшія пристройки для временнаго храненія запасовъ. Эти своего рода кладовыя (по гольдски *тахто*) всегда нѣсколько приподняты надъ землей, съ цѣлью обезпечить хранящіеся тамъ запасы отъ почвенной сырости, отъ нападенія мышей и другихъ звѣрей. Въ землю вбиваютъ шесть свай, вышиной въ 4 фута, покрываютъ каждую сверху кускомъ бересты, располагаютъ на нихъ поперечныя жерди и настилаютъ помостъ, на которомъ возводятъ стѣны и крышу домика изъ согнутыхъ прутьевъ, крытыхъ соломой или сухой травой.

Въ дополненіе къ описанію лѣтниковъ у Нижне-Амурскихъ инородцевъ Тунгусскаго племени здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще о существующихъ у нихъ также зимнихъ шалашахъ, болѣе или менѣе похожихъ на лѣтніе. Туземцы иногда сооружаютъ ихъ въ лѣсныхъ дебряхъ во время своихъ продолжительныхъ и отдаленныхъ охотничьихъ походовъ. У Ольчей, Самагирцевъ и Гольдовъ такіе шалаши носятъ общее названіе *алько*. Зимой 1855 г. я, перебираясь черезъ горный хребетъ Лангыскъ (или Адара), между Амуромъ и Лиманомъ, набрелъ на одно алько, гдѣ временно жили четверо Ольчей и одинъ Самаги-

1) Надаровъ, тамъ же, стр. 75.

Digitized by Google

рецъ. Этотъ шалашъ и снаружи и внутри былъ устроенъ точь въ точь такъ, какъ вышеописанный лѣтникъ Орочей. Входъ закрывался брезентомъ изъ рыбьихъ шкуръ; посреди жилья пылалъ небольшой огонь, надъ которымъ висѣло два котелка; дальше, въ глубинѣ, лежала разная домашняя утварь — деревянная посуда, охотничьи снаряды, самострѣлы, лыжи и т. п. Много такихъ алько разсѣяно въ богатыхъ дичью лѣсахъ по нижнему теченію Горина и они изъ года въ годъ посѣщаются названными инородцами, стекающимися сюда часто издалека. Я самъ неоднократно останавливался въ томъ или другомъ изъ нихъ для обѣда, а иногда и для ночлега. Первое убѣжище этого рода, которое я встрѣтилъ, идя по направленію отъ устья Горина, отличалось большими размѣрами и прочной постройкой. Мнѣ его назвали Пойонге и сообщили, что оно принадлежитъ Гольдамъ изъ Бичу на Амурѣ. Но въ числѣ его тогдашнихъ временныхъ обитателей были и Гольды изъ деревень Хонгара, Онмой и Цоллаци, еще выше расположенной на Амурѣ: всѣ они промышляли здѣсь охотой. Стѣны этого алько, вышиной въ два, три фута, были сколочены изъ горизонтально сложенныхъ бревенъ. У поперечныхъ стѣнъ съ обѣихъ сторонъ возвышалось по два столба, которые соединялись сверху продольными бревнами и поддерживали досчатую крышу. Параллельно продольнымъ бревнамъ, но нѣсколько ниже ихъ, между тѣми же столбами, тянулись двѣ жерди, которыя служили для развѣшиванія одежды и для просушки ея надъ огнемъ. Вдоль пола пролегали два бревна, отдѣлявшія мѣста для спанья. Въ крышѣ надъ очагомъ было рѣшетчатое отверстіе, откуда спускалась жердь съ многочисленными рожками и зубцами для вѣшанія котловъ надъ огнемъ. Внутри жилья было свалено въ кучу много домашней утвари, охотничьихъ снарядовъ, шкуръ и костей разныхъ звѣрей, бедра кабарги и т. д. Еще больше охотничьихъ трофеевъ висѣло на окружныхъ деревьяхъ и сооруженіяхъ: тутъ были и шкуры кабарги и козули и растянутая лосиная шкура и гигантскіе оленьи рога (съ головы *Cervus elaphus*) и т. д. Другія алько въ странѣ ничѣмъ, кромѣ своихъ размѣровъ, не отличались отъ вышеописаннаго. Я ночевалъ въ одномъ изъ нихъ по названію Ваи; оно принадлежало Самагирцамъ изъ Нгаги и было такъ мало, что въ немъ едва помѣщалось четыре человѣка. Въ крайнихъ случаяхъ, когда требуется немедленная защита отъ непогоды, охотники и въ зимнее время сооружаютъ себѣ хоморы, гдѣ могутъ укрываться по одному и по два человѣка. Я видѣлъ нѣсколько такихъ на Горинѣ. Зимняя хомора устроена совсѣмъ по образцу вышеописанной лѣтней, съ тою разницей, что водруженный въ снѣгу остовъ ея, вмѣсто циновокъ изъ соломы или древесной коры, покрывается еловыми вѣтками. Но въ хорошую погоду туземцы даже и въ зимнее время не строятъ себѣ никакихъ убѣжищъ. Ночь они проводятъ на открытомъ воздухѣ передъ пылающимъ костромъ, причемъ только тщательно выбираютъ мѣсто для стоянки и по возможности комфортабельно устраиваютъ себѣ ложа. Они прежде всего, какъ то дѣлаютъ и Гиляки, измѣряютъ глубину снѣга, затѣмъ лыжами почти дочиста сгребаютъ его съ почвы, причемъ вокругъ образуется болѣе или менѣе высокая снѣжная стѣна. Посрединѣ разводится огонь и предназначенныя для спанья мѣста покрываются толстымъ слоемъ еловыхъ вѣтокъ: ими же одѣваются снутри и снѣжныя стѣны, чтобы предохранить ихъ

Digitized by Google

отъ таянія подъ вліяніемъ пылающаго костра. Наконецъ заготовляется на ночь достаточный запасъ сухого хорошаго топлива. Сколько разъ я самъ, несмотря на весьма низкую температуру воздуха, не безъ удобства проводилъ ночь на такихъ стоянкахъ, если попадалъ на нихъ тотчасъ послѣ ухода туземцевъ.

Въ верхне-амурскомъ краѣ зимники китайскаго образца въ такомъ же всеобщемъ употребленіи, какъ и въ нижне-амурскомъ. Само собой разумѣется, что въ китайскихъ, маньчжурскихъ и даурскихъ деревняхъ, на культурномъ участкѣ по Амуру, внизъ отъ Айгуна, существуютъ жилища только этого рода. Притомъ нѣтъ никакой разницы между жилищами тѣхъ или другихъ изъ этихъ инородцевъ. Даурскіе дома въ Хормольдинѣ, напримѣръ, были и снутри и снаружи совсѣмъ такъ же устроены, какъ и маньчжурскіе въ Торелѣ, Гульсоѣ и другихъ деревняхъ, которыя я посѣтилъ. Входъ всегда ведетъ въ сѣни съ очагомъ, который предназначается для нагрѣванія наръ въ сосѣднемъ покоѣ. Въ очагъ надъ огнемъ вдѣланъ котелъ, закрывающійся при случаѣ деревянной крышкой. Нары устланы тростниковыми циновками и ковриками, на которыхъ расположены извѣстные низенькіе китайскіе столики; по стѣнамъ стоятъ небольшіе шкапчики со множествомъ ящичковъ. Оконныя рамы затянуты китайской бумагой, а въ теплую погоду совсѣмъ вынимаются. На плотно уколоченномъ глиняномъ полу, посреди покоя, сложенная изъ кирпичей жаровня съ угольями для закуриванія трубокъ. Каждый домъ лежитъ среди двора, который окруженъ частью разными службами — амбарами, кладовыми, частью заборомъ отъ прилежащаго огорода. Заборъ состоитъ изъ вертикальныхъ жердей, переплетенныхъ соломой и снабженъ иногда калитками, выходящими на дороги, которыя прорѣзываютъ огородъ и тянутся дальше по полямъ. Службы такъ же, какъ и жилыя помѣщенія, выстроены отчасти изъ дерева, отчасти изъ мятой глины, перемѣшанной съ рубленной соломой. Тамъ хранятся садовыя и земледѣльческія орудія, — плуги, грабли, лопаты, двухколесныя тачки и т. д., а также и собранные уже полевые и садовые плоды. Рядомъ огороженныя пространства для лошадей, рогатаго скота и свиней, низенькій сколоченный изъ жердей курятникъ, голубятня на высокихъ шестахъ и другія хозяйственныя приспособленія.

Съ точностію опредѣлить, когда Дауры начали строить свои жилища по китайскому образцу, нѣтъ возможности. Русскіе казаки и хищники, которые около половины XVII вѣка воевали противъ Дауровъ по верхнему теченію и по истокамъ Амура, къ сожалѣнію ничего не сообщили о томъ, какъ были въ то время устроены жилища туземцевъ. Дауры и на Амурѣ и въ своемъ дальнѣйшемъ распространеніи на р. Нонни, впадающей въ Сунгари, тогда уже были народомъ осѣдлымъ, который жилъ земледѣліемъ, скотоводствомъ и состоялъ въ живыхъ торговыхъ сношеніяхъ съ китайцами. Мало того, ихъ, въ качествѣ китайскихъ данниковъ, еще время отъ времени посѣщали китайскіе чиновники для сбора

Digitized by Google

податей [1]). На основаніи всего этого можно не только заключить, но и съ достовѣрностью утверждать, что жилища ихъ и въ то время уже были устроены по образцу китайскихъ. Дауры, само собой разумѣется, еще больше подпали подъ вліяніе китайцевъ съ тѣхъ поръ, какъ и тѣ изъ нихъ, которые были пощажены русскими, должны были въ 1654 г. по приказу китайскаго правительства переселиться съ Амура на рѣку Нонни [2]). Фактъ китайскаго вліянія на жилища Дауровъ былъ скоро подтвержденъ и европейскими путешественниками. Когда 40 лѣтъ спустя (въ 1693 г.) Исбрантсъ Идесъ и Адамъ Брандъ посѣтили Дауровъ на рѣкѣ Нонни, они застали ихъ въ жилищахъ, совершенно похожихъ на китайскія: тамъ тоже были низкія широкія нары, покрытыя цыновками и нагрѣваемыя проложенными подъ ними трубами и т. д. [3]). Въ недавнее время Кропоткинъ [4]), на основаніи собственныхъ наблюденій, сообщалъ, что Дауры, живущіе на верхнихъ притокахъ рѣки Нонни, на Ганѣ, Гуюлѣ и пр., сооружаютъ свои дома по образцу китайскихъ. Позже, когда китайское правительство, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями, дозволило Даурамъ вернуться на Амуръ, они, благодаря своимъ промышленнымъ наклонностямъ, скоро заняли тамъ выдающееся положеніе. Этому особенно содѣйствовали торговыя сношенія ихъ съ Тунгусскими племенами, съ которыми они были изстари знакомы и которымъ даже отчасти приходились сродни. Такимъ образомъ имъ на верхнемъ Амурѣ до нѣкоторой степени выпала та-же роль, какая принадлежитъ китайцамъ на нижнемъ [5]). Неутомимые, пронырливые торговцы, они даже больше самихъ китайцевъ содѣйствовали распространенію китайскихъ товаровъ, произведеній, нравовъ и т. д. среди верхне-амурскихъ инородцевъ Тунгусскаго племени. Если послѣдніе гдѣ либо становились осѣдлыми, начинали заниматься земледѣліемъ или огородничествомъ и сооружать себѣ жилища по китайскому образцу — то это всегда было благодаря вліянію и посредничеству Дауровъ. Такъ напримѣръ, если Орочоны на восточномъ склонѣ Большаго Хинганскаго хребта, по рѣкамъ Ганѣ, Гуюлѣ и другимъ притокамъ Нонни, нѣкогда столь преданные бродячей охотничьей жизни, мѣстами превратились въ осѣдлыхъ земледѣльцевъ, стали жить совмѣстно въ деревняхъ и приняли китайскій способъ обработки полей и китайскіе нравы — то это несомнѣнно дѣло Дауровъ [6]).

То же самое повторилось и съ Бирарами на Амурѣ, тамъ, гдѣ имъ, какъ напримѣръ у западнаго подножія Буреинскаго хребта, приходилось непосредственно соприкасаться съ Даурами. Не смотря на ихъ прежнее пристрастіе къ бродячей жизни, они здѣсь перешли къ осѣдлости, научились земледѣлію, огородничеству и обзавелись постоянными жилищами китайскаго образца. Я посѣтилъ такой Бирарскій домъ въ деревнѣ Калтѣ.

---

1) См. Т. I, стр. 164 наст. соч.

2) См. Т. I, стр. 178 наст. соч.

3) Isbrants Ides, Driejaar. Reize naar China, Amsterdam 1704, p. 71. Ad. Brand, Neuvermehrte Beschreibung seiner grossen Chines. Reise, welche er anno 1692 etc. innerhalb 3 Jahren vollbracht hat. Lübeck 1734, p. 132.

4) Поѣздка изъ Забайкалья на Амуръ чрезъ Маньчжурію (Русскій Вѣстникъ, Т. LVII, 1865, Іюнь, стр. 669).

5) См. Т. I, стр. 39, 53, 180 наст. соч.

6) Кропоткинъ, тамъ-же, стр. 670.

Digitized by Google

Стѣны его были сколочены изъ тонкихъ бревенъ точь въ точь, какъ въ китайскомъ зимникѣ у нижне-амурскихъ инородцевъ. Расположенный посреди продольной стѣны входъ велъ въ сѣни. Оттуда справа и слѣва открывалось по двери въ жилые покои — по одному съ каждой стороны: то были двѣ почти квадратныя, совсѣмъ одинаковыя комнаты. Въ каждой изъ нихъ по низенькому очагу съ вдѣланнымъ въ него котломъ; вдоль всѣхъ четырехъ стѣнъ низкія и широкія нары; стекла въ окнахъ замѣняла китайская бумага. Соотвѣтственно этимъ двумъ отдѣленіямъ у наружной стороны поперечныхъ стѣнъ дома выдавалось по дымовой трубѣ. По сравненію съ вышеописанными зимниками у нижне-амурскихъ инородцевъ такое Бирарское жилище можетъ быть названо двойной юртой. То, которое я видѣлъ, стояло посреди двора, окруженнаго службами, гдѣ хранились земледѣльческія и садовыя орудія, и заборомъ отдѣлялось отъ прилегавшаго огорода: точь въ точь, какъ въ даурскихъ и маньчжуро-китайскихъ домахъ, съ которыми я скоро послѣ того тоже ознакомился, вверхъ по теченію Амура.

Преслѣдуя торговые интересы, Дауры переносили свою дѣятельность съ верхняго Амура на Бурею, Зею, Силимджи и, стремясь все дальше на сѣверъ, распространили цивилизаторское вліяніе свое до самаго подножія Становаго хребта. Замѣчательно, что жилища Якутскихъ торговцевъ, которые являются сюда съ сѣвера, какъ и Дауры, для торговли, тоже снабжены здѣсь нагрѣвательными трубами подъ нарами, чего никогда не бываетъ въ юртахъ Якутовъ на ихъ родинѣ. Миддендорфъ полагалъ, что принципъ[1]) нагрѣвательныхъ трубъ подъ нарами заимствованъ Якутами у Гиляковъ — но это потому, вѣроятно, что онъ вышеупомянутое приспособленіе видѣлъ только у Гиляковъ (на Охотскомъ морѣ). Мы же не ошибемся, если, на основаніи вышесказаннаго о китайскомъ происхожденіи наръ съ нагрѣвательными трубами, существованіе ихъ у Якутовъ припишемъ вліянію не Гиляковъ, а Дауровъ, которые сталкиваются съ якутскими купцами на южномъ склонѣ Становаго хребта.

Зимникъ китайскаго образца до сихъ поръ еще не проникъ только къ тѣмъ, правда, болѣе многочисленнымъ верхне-амурскимъ инородцамъ Тунгусскаго племени, которые остались вѣрны присущей имъ охотничьей и кочевой жизни — къ Бирарамъ, Манегирцамъ и Орочонамъ. Они и зимой и лѣтомъ помѣщаются въ однѣхъ и тѣхъ же палаткообразныхъ юртахъ, но зимою только покрываютъ ихъ болѣе плотными звѣриными шкурами, послѣ чего въ нихъ можно жить даже въ самые сильные морозы.

Жилища кочующихъ Бираровъ неоднократно попадались мнѣ на пути, когда я лѣтомъ (въ іюлѣ и августѣ) 1856 года шелъ по Амуру вверхъ отъ Буреинскаго хребта. Въ это время года вышеназванные инородцы обыкновенно, ради рыбной ловли, держатся береговъ, какъ главной рѣки, такъ и притоковъ ея. Позже они покидаютъ ихъ и на осень и

---

1) Миддендорфъ (Путеш. на сѣв. и вост. Сибири, Ч. II, стр. 781) говоритъ: «Принципъ провода трубы посреди идущаго вокругъ стѣны глинянаго прилавка». Подъ этимъ я могу подразумѣвать только тѣ нары, которыя нагрѣваются проходящими внутри ихъ трубами.

Digitized by Google

зиму углубляются въ горы (Буреинскія и Морра, то есть, по бирарски — Лошадиныя, на югѣ между притоками Амура и Сунгари), гдѣ предаются охотѣ. Бирарскія юрты на моемъ пути были остро-конической формы, одѣтыя циновками изъ березовой коры, точь въ точь, какъ вышеописанная юрта Сунгарійскихъ Гольдовъ, изображенная на таб. XV, фиг. 2.

Очень похожи на бирарскія и юрты (*джу*) кочующихъ Манегирцевъ. Маакъ, который во время своего путешествія на Амурѣ довольно долго прожилъ среди Манегирцевъ, даетъ подробное описаніе ихъ жилищъ [1]). Остовъ Манегирской юрты, смотря по семьѣ, для которой она предназначается, состоитъ изъ жердей, числомъ отъ 20 до 40, сложенныхъ въ видѣ конуса. Между ними выдаются шесть болѣе толстыхъ съ вилообразной верхушкой. Изъ послѣднихъ четыре распредѣлены по парно, причемъ разстояніе между двумя жердями каждой пары очень невелико, а сами пары стоятъ діаметрально одна противъ другой: двѣ остальныя расположены накрестъ съ четырьмя первыми и тоже діаметрально противопоставлены одна другой. Эти шесть главныхъ жердей крѣпко сцѣплены между собой зубцами своихъ вилообразныхъ верхушекъ и образуютъ основу, на которой покоятся всѣ другія части остова. Остальныя жерди наполняютъ пустыя пространства между главными. Остовъ покрывается циновками изъ березовой коры, крупные куски которой скрѣплены между собой оленьими и лосиными жилами и расположены такъ, что верхніе всегда покрываютъ края нижнихъ. Покрышка юрты прижимается къ остову и придерживается на немъ нѣсколькими шестами или привязывается къ нему веревками, сплетенными изъ конскаго волоса. Зимой нижняя часть остова, вмѣсто березовой коры, одѣвается лосиными шкурами, и чтобы юрта была еще недоступнѣе холоду, вокругъ нея кучами сгребаютъ снѣгъ. Въ жилищѣ этомъ всего два отверстія: одно сверху — для пропуска дыма, другое, боковое, между парою жердей, для входа, который вмѣсто двери завѣшивается кускомъ лосиной или рыбьей шкуры. Внутри палатки тянутся двѣ поперечныя жерди, параллельно расположенныя и поддерживаемыя четырмя вышеупомянутыми парными шестами: къ одной изъ нихъ подвѣшивается котелъ надъ огнемъ, разводимымъ всегда по серединѣ. Если же юрта предназначается только для лѣта, и вообще легче построена, то есть въ ней отсутствуютъ шесть главныхъ жердей и обѣ поперечныя жерди, то для подвѣшиванія котелка надъ огнемъ сооружается особый треугольникъ изъ жердочекъ. На разстояніи 2—3 футовъ отъ очага справа, слѣва и позади, деревянные бруски отдѣляютъ мѣста для спанья, гдѣ устраиваются ложа изъ травы и мелкихъ вѣтокъ, поверхъ которыхъ разстилается коврикъ. Каждый членъ семьи имѣетъ свое опредѣленное ложе. Мѣста слѣва отъ входа и отъ огня принадлежатъ хозяину и его женѣ, справа — остальнымъ членамъ семьи. Мѣсто въ глубинѣ, позади очага и противъ входа, считается почетнымъ и предназначается гостямъ — но исключительно мужескаго пола: надъ нимъ обыкновенно идолъ. Около самаго входа, справа и слѣва, внутри юрты низенькіе поставцы на вбитыхъ въ землю столбикахъ: сюда складывается домашняя утварь для ежедневнаго употребленія.

---

1) Маакъ, Путеш. на Амурѣ въ 1855 г. С.-Петерб. 1859, стр. 70.

Digitized by Google

Манегирцы вообще ведутъ довольно правильную кочевую жизнь: лѣто они, занимаясь рыбной ловлей, проводятъ на берегахъ мощной рѣки, которая орошаетъ ихъ край; а осенью переселяются въ горы для охоты. И тамъ и самъ существуютъ мѣстности, особенно хорошо расположенныя, куда эти туземцы ежегодно стекаются въ большомъ количествѣ. Осенью мѣста эти и послѣ ухода кочевниковъ легко узнаются по многочисленнымъ и прочнымъ остовамъ юртъ, тамъ покинутымъ. Кромѣ того почва тамъ бываетъ изрыта копытами, а луга измяты и общипаны лошадьми, съ помощью которыхъ совершается перекочевка. Во время моего путешествія вверхъ по Амуру я не разъ нападалъ на такія мѣста. Впрочемъ мнѣ и въ эту позднюю пору года иногда приходилось заставать тамъ еще самихъ Манегирцевъ, которыхъ временно задерживали разныя причины — неожиданно удачная охота или особенно богатый уловъ рыбы. Такъ, напримѣръ, въ одномъ случаѣ они поймали колоссальныхъ размѣровъ осетра. Въ такихъ случаяхъ они, какъ я убѣдился, сооружаютъ себѣ временные шалаши на подобіе изображеннаго на таб. XV, фиг. 1. Тутъ дѣло ограничивается коническимъ остовомъ изъ нѣсколькихъ жердей, который охватывается всего одной длинной пластиной изъ березовой коры. Такой шалашъ служитъ защитою только отъ дождя и отъ ослѣпительныхъ лучей солнца. Въ случаѣ же сильной непогоды или болѣе продолжительной стоянки, ряды бересты, смотря по надобности, умножаются. Береста, какъ видно изъ всего вышесказаннаго, является главнымъ и самымъ существеннымъ матеріаломъ при сооруженіи лѣтнихъ жилищъ у всѣхъ инородцевъ Тунгусскаго племени и по верхнему и по нижнему теченію Амура. И только въ безлѣсныхъ луговыхъ пространствахъ она замѣняется травой или соломой растенія *Calamagrostis*, которое тамъ въ изобиліи растетъ. Березовая кора, употребляемая для изготовленія длинныхъ пластинъ, сначала обдѣлывается слѣдующимъ образомъ. Съ дерева сдираютъ куски ея и бросаютъ въ большой котелъ, гдѣ ихъ кипятятъ въ водѣ; затѣмъ ихъ трутъ сухой соломой или сѣномъ, сушатъ на солнцѣ и сшиваютъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ получаются пластины (у Гольдовъ *тойохса*, у Манегирцевъ и Орочонъ *тихса* и у Орочей *тукья*) около 3 саженей длины и въ аршинъ ширины. Благодаря этой обработкѣ, березовая кора утрачиваетъ свою хрупкость, дѣлается мягкой и гибкой, какъ кожа, такъ что длинныя пластины удобно свертываются и всегда въ этомъ видѣ сохраняются и перевозятся. По краямъ ихъ, чтобы онѣ не рвались, нашиваютъ еще по полоскѣ такой же коры. На манегирскую юрту идетъ шесть кусковъ или свертковъ такихъ березовыхъ пластинъ. Но въ крайности и одинъ кусокъ можетъ служить достаточной защитой. Поэтому ни одинъ Амурскій Тунгусъ, будь онъ Гольдъ, Манегирецъ или кто другой, не предприметъ даже маленькой лѣтней поѣздки, не взявъ съ собою про запасъ такой *тойохсы* или *тихсы*.

На подобіе манегирскихъ устроены и юрты Орочоновъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ Маакъ и Герстфельдъ [1]). Все отличіе ихъ отъ первыхъ въ томъ, что зимой

1) Герстфельдъ. О прибрежн. жителяхъ Амура (Вѣстн. Русск. Геогр. Общ. 1857. Отд. II, стр. 298).

Digitized by Google

остовъ ихъ покрывается, вмѣсто лосиныхъ, оленьими шкурами, которыя у этихъ инородцевъ всегда подъ руками, такъ какъ они употребляютъ для своихъ перекочевокъ вмѣсто лошадей — оленей.

Передъ палатками Манегирцевъ и Орочоновъ почти всегда возвышаются еще деревянныя сооруженія изъ отвѣсно и горизонтально расположенныхъ жердей: это приспособленіе для вяленія рыбы и мяса на солнцѣ, для просушки звѣриныхъ шкуръ и т. д. Но по своему кочевому образу жизни инородцы эти могутъ имѣть при себѣ всегда только самое необходимое изъ съѣстныхъ припасовъ, изъ одежды и другихъ принадлежностей домашняго обихода. Припасы же, одежду и вообще предметы, безъ которыхъ въ данное время они могутъ обойтись, они оставляютъ и сохраняютъ для будущаго употребленія въ опредѣленныхъ мѣстахъ, куда въ своихъ странствованіяхъ всегда опять возвращаются. Для этой цѣли сооружаются крайне первобытныя кладовыя *(дёлжаны)*. Въ землю вбиваютъ нѣсколько столбовъ, и на высотѣ 5—7 футовъ отъ нея горизонтально располагаютъ на нихъ родъ досчатой или плетеной изъ прутьевъ площадки. Сюда складываютъ все временно покидаемое добро, покрываютъ его пластинами изъ березовой коры, а на нихъ, чтобы онѣ к рѣпче держались, еще наваливаютъ жерди, камни и т. д.[1]). Такимъ образомъ все это и сверху и снизу предохраняется отъ сырости и отъ нападенія звѣрей. Грабежа рукъ человѣческихъ здѣсь не опасаются — не вслѣдствіе только безлюдья этой пустыни, но еще и на основаніи господствующаго въ краѣ понятія о неприкосновенности такихъ складовъ. Не мало, быть можетъ, содѣйствуетъ этому и суевѣрный страхъ, распространенный далеко вокругъ и среди сосѣднихъ народовъ, которые стоятъ на той же низкой степени культуры.

Окидывая теперь однимъ общимъ взглядомъ жилища всѣхъ туземныхъ инородцевъ на Амурѣ — за исключеніемъ, конечно, Китайцевъ и все болѣе и болѣе сливающихся съ ними Маньчжуровъ, Дауровъ, Солоновъ и т. д. — мы приходимъ къ заключенію, что самый постоянный, прочный и въ то же время самобытный характеръ жилищъ встрѣчается у Гиляковъ. Окружающія ихъ тунгусскія племена, напротивъ, всегда сооружаютъ себѣ только палаткообразныя жилища, которыя легко раскидываются, такъ же легко переносятся и всего больше соотвѣтствуютъ непостоянному, болѣе или менѣе кочевому или бродячему образу жизни. Такъ, напримѣръ, на Сахалинѣ, рядомъ съ Гиляками, которые и зиму и лѣто живутъ въ постоянныхъ жилищахъ — даже въ предѣлахъ ихъ области, попадаются временныя юрты странствующихъ со своими оленями Ороковъ. На материкѣ различіе между этими жилищами все возрастаетъ по мѣрѣ удаленія отъ устья Амура вверхъ по его теченію и отъ морскаго берега вглубь страны. Всего ярче выступаетъ оно въ лѣтнихъ жилищахъ инородцевъ, которые въ этомъ направленіи слѣдуютъ одни за другими. Въ самомъ дѣлѣ, сравнимъ, напримѣръ, сколоченный изъ бревенъ гиляцкій лѣтникъ на сваяхъ съ дауро сосѣднихъ инородцевъ тунгусскаго племени. И дальше: дауро Ольчей,

1) Маакъ, тамъ же, стр. 71. Герстфельдъ, тамъ же, стр. 302.

Digitized by Google

Негидальцевъ и Самагирцевъ хотя и состоятъ изъ легкаго матеріала — деревянныхъ жердей, всего съ парою можетъ быть болѣе толстыхъ между ними, березовой коры и т. д., всетаки еще довольно просторны и снаружи напоминаютъ домъ; у Гольдовъ они умаляются до размѣровъ крошечныхъ шалашей изъ ивовыхъ прутьевъ и березовой коры, которые легко переносятся съ мѣста на мѣсто; а Орочи для своихъ дауро ограничиваются самой простой формой двускатнаго шалаша. Затѣмъ у кочующихъ Бираровъ, Манегирцевъ и Орочоновъ на верхнемъ Амурѣ въ употребленіи шалашъ конической формы. Этотъ послѣдній, вполнѣ приспособленный для кочевой жизни и кратковременныхъ стоянокъ, часто состоитъ всего изъ нѣсколькихъ жердей, крытыхъ берестою. Въ заключеніе скажемъ еще, что и китайскій зимникъ тоже не проникъ къ этимъ инородцамъ — равно какъ и къ Сахалинскимъ Орокамъ на противоположномъ концѣ Амурскаго края, между тѣмъ какъ онъ существуетъ на всемъ промежуточномъ пространствѣ, у Гиляковъ и на Охотскомъ морѣ и на сѣверѣ Сахалина. Что же касается вышеупомянутыхъ инородцевъ, то они, несмотря на суровый климатъ, и зимой живутъ только въ палаткахъ изъ звѣриныхъ шкуръ.

Такимъ образомъ въ характерѣ жилищъ туземнаго населенія на Амурѣ рѣзко выражается черта основнаго различія между Гиляками и окружающими ихъ Тунгусскими племенами. Первые, въ качествѣ палеазіатскаго народа, съ искони вѣковъ были осѣдлыми въ Амурскомъ краѣ, вторые же только позже и отчасти въ очень недавнее время переселились туда и по прежнему сохраняютъ свою склонность къ кочевой жизни. Указанныя различія въ жилищахъ находятся въ самой тѣсной связи именно со всѣми условіями жизни и способами пропитанія названныхъ народовъ. Гиляки по преимуществу рыболовы, а на морскомъ берегу и тюленеловы, и соотвѣтственно этому почти исключительно ихтіофаги, такъ же точно какъ и ихъ единственное домашнее животное—собака. Она имъ необходима для зимнихъ путешествій, которыя они часто совершаютъ съ торговыми цѣлями, а изъ шкуры ея они изготовляютъ себѣ зимнюю одежду. Такимъ образомъ имъ нужны большіе запасы рыбы, чтобы прокормить себя и своихъ многочисленныхъ собакъ въ то время, когда прекращается уловъ рыбы. А цѣль заготовленія рыбныхъ запасовъ всего лучше и вѣрнѣе достигается при постоянномъ пребываніи на тѣхъ мѣстахъ, которыя на опытѣ оказались особенно для того благопріятными—будь то изобилующая рыбой рѣка, какъ Амуръ, или морской берегъ. Охотой же Гиляки занимаются лишь настолько, насколько она доставляетъ имъ драгоцѣнные мѣха, которыми они торгуютъ съ Китайцами и Японцами, вымѣнивая ихъ на матеріи для одежды, на табакъ, водку и другіе предметы роскоши.

Иное дѣло съ окружающими Гиляковъ тунгусскими племенами. Для нихъ охота является необходимымъ и самымъ главнымъ средствомъ къ пропитанію и къ существованію вообще — и это тѣмъ больше, чѣмъ дальше вверхъ по теченію Амура и вглубь страны. Къ тому-же народы эти, въ сравненіи съ Гиляками, далеко не обладаютъ такимъ промышленнымъ духомъ, не совершаютъ такихъ частыхъ и далекихъ зимнихъ путешествій, слѣдовательно не нуждаются и въ такомъ количествѣ собакъ, а соотвѣтственно и въ боль-

Digitized by Google

шихъ запасахъ рыбы, необходимой для прокормленія послѣднихъ. Да и съ удаленіемъ отъ главной рѣки и съ приближеніемъ къ горамъ, окаймляющимъ ея притоки, уловъ рыбы становится все скуднѣе, а богатства звѣринаго царства, напротивъ, соотвѣтственно возрастаютъ и сообщаютъ охотѣ все бо́льшую привлекательность. Но по мѣрѣ того, какъ рыбная ловля удаляется на задній планъ, а на первый выступаетъ охота со своими требованіями частой перемѣны мѣста, жизнь народа становится все менѣе и менѣе постоянной. Мы не разъ указывали выше на то, что Орочи, живущіе въ лѣсныхъ и горныхъ пустыняхъ, по лѣвымъ притокамъ Амура и Уссури, уже гораздо больше охотники, чѣмъ рыболовы. Но это еще въ большей мѣрѣ замѣчается среди верхне-амурскихъ инородцевъ, у кочующихъ Бираровъ, Манегирцевъ и Орочоновъ. Для нихъ, въ противоположность къ Гиляка́мъ, охота составляетъ главный и самый важный источникъ пропитанія, а рыбная ловля является только второстепеннымъ занятіемъ, когда они лѣтомъ покидаютъ свои охотничьи дебри и ради нея переселяются на берега Амура, Зеи или Буреи. Они впрочемъ и не нуждаются въ рыбныхъ запасахъ ни для себя, ни для своихъ домашнихъ животныхъ, такъ какъ собакъ они употребляютъ только для охоты, а никакъ не въ качествѣ рабочаго скота — что возможно лишь при осѣдлой жизни. Ихъ домашнія животныя—лошадь и олень, которые и служатъ имъ для ѣзды и для перевозки тяжестей. Эти животныя при кочевой жизни названныхъ туземцевъ, съ каждой перемѣной мѣста, находятъ для себя новыя пастбища, новую и болѣе обильную пищу — слѣдовательно ими какъ бы также обусловливается кочевая жизнь ихъ хозяевъ.

Digitized by Google

Глава 5.

Одежда, головной уборъ, украшенія, татуировка.

Одежда первобытныхъ народовъ еще больше ихъ жилищъ состоитъ въ тѣсной связи съ образомъ жизни и со способами ихъ пропитанія. Это обусловливается тѣмъ, что матеріалъ, употребляемый ими на одежду, только отчасти доставляется имъ мѣновой торговлей съ культурными народами, главнымъ же образомъ они добываютъ его тѣми же путями, какъ и средства къ пропитанію, а именно — рыболовствомъ, охотой и разведеніемъ домашнихъ животныхъ, которыя одновременно и доставляютъ имъ пищу и служатъ для передвиженій. Къ тому же, пользуясь этимъ матеріаломъ, они даютъ своей одеждѣ покрой, приспособленный къ общему складу ихъ жизни, къ ихъ промыслу и занятіямъ.

Начиная наше настоящее обозрѣніе опять съ **Гиляковъ**, припомнимъ здѣсь еще разъ, что главныя занятія ихъ составляютъ рыбный и тюленій промыслы — охота же занимаетъ у нихъ второстепенное мѣсто; что ихъ единственное домашнее животное — собаки, которыхъ они и содержатъ въ большомъ количествѣ въ качествѣ рабочаго скота, и что они находятся въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ китайцами, какъ то видно уже изъ первыхъ русскихъ свѣдѣній о нихъ[1]). Отсюда понятно, что рядомъ съ бумажными матеріями (по гиляцки *посъ*, по русско-сибирски *дабá*), которыя имъ изстари доставляетъ торговля съ китайцами, а въ послѣднее время и съ русскими, главнымъ матеріаломъ для одежды Гиляковъ служатъ собачьи, тюленьи и рыбьи шкуры. Шкуры же пушныхъ звѣрей, лисицъ, рѣчныхъ выдръ, соболей, бѣлокъ и пр. употребляются ими только на опушку крупной одежды или на изготовленіе болѣе мелкихъ частей ея: шапокъ, перчатокъ, нашейниковъ и пр., и, кромѣ того, служатъ предметомъ мѣновой торговли съ китайцами. Обмѣнъ притомъ происходитъ не только на куски одноцвѣтныхъ или узорчатыхъ

1) См. Т. I, стр. 101 настоящаго сочиненія.

Digitized by Google

матерій, но иногда и на готовое платье — и это, вмѣстѣ съ непрерывными сношеніями Гиляковъ съ этимъ ближайшимъ къ нимъ культурнымъ народомъ, вполнѣ объясняетъ преобладаніе въ покроѣ, въ шитьѣ и въ украшеніяхъ гиляцкой одежды китайскихъ нравовъ и вкуса.

Самое близкое къ тѣлу исподнее платье Гиляковъ — портки, съ которыми они не разстаются даже ночью. Затѣмъ слѣдуютъ штаны (по гиляцки *варшз*), нижняя и верхняя рубахи. Послѣдняя *(маржъ)* спускается до колѣнъ и застегивается на шеѣ и на груди всегда слѣва направо. Эти части одежды обыкновенно состоятъ изъ синей или сѣрой бумажной матеріи китайскаго, а съ недавнихъ поръ и русскаго издѣлія. Иногда онѣ бываютъ и бѣлаго цвѣта, но благодаря тому, что Гиляки никогда не стираютъ своего платья, скоро превращаются въ болѣе или менѣе грязно-темныя. Верхней одежды на лѣто не полагается, но въ случаяхъ частаго и въ это время года ненастья обыкновенно прибѣгаютъ къ одному изъ зимнихъ теплыхъ платьевъ, а именно въ шубѣ изъ собачьяго мѣха. Обувь составляютъ высокіе сапоги изъ тюленьей кожи и шкуры. Нижняя часть сапога (по гиляцки *ки*) вмѣстѣ съ подошвой обыкновенно состоитъ изъ очищенной отъ волосъ шкуры *Phoca barbata* (по гиляцки *кигичъ* или *кигичъ-лангръ*), которая, особенно у старыхъ звѣрей этой породы, толще и прочнѣе, чѣмъ у другихъ тюленей, водящихся въ Амурскомъ краѣ (*Ph. nummularis*, по гиляцки *пыи* и *пыи-лангръ*[1]). Согласно строенію гиляцкой ноги, нижняя часть сапога не велика, имѣетъ красивую форму, съ круглымъ швомъ вдоль высокаго подъема и съ острымъ загнутымъ кверху концомъ, который несомнѣнно обнаруживаетъ вліяніе китайскаго вкуса. Голенище, въ сравненіи съ нижней частью сапога, очень широкое. Оно состоитъ изъ болѣе тонкой и гибкой, обращенной кверху волосомъ, шкуры вышеназванной породы тюленя и доходитъ почти до колѣна, гдѣ въ него запускаются штаны, а затѣмъ оно стягивается пришитымъ къ нему или продернутымъ въ него ремнемъ. Лѣтомъ Гиляки, благодаря сильному росту у нихъ волосъ, большей частью обходятся безъ головныхъ уборовъ. Для защиты отъ дождя и солнца они, впрочемъ, употребляютъ своеобразныя шляпы плосконической формы изъ березовой коры (по гиляцки *хиб-хакъ* — въ буквальномъ переводѣ «берестовая шляпа»). Шляпы обыкновенно изукрашены разнообразными черными и красными арабесками, которыя вырѣзаны тоже изъ бересты, только болѣе тонкой, лучеобразно расположены вокругъ верхушки и пришиты тонкими кишечными волоконцами (см. табл. XVII и табл. XX, фиг. 1 и 2)[2].

У женщинъ исподнее платье точно такое же какъ и у мужчинъ, только рубаха у нихъ спускается гораздо ниже колѣнъ, а поверхъ нея онѣ носятъ еще родъ кафтана изъ такой же матеріи или изъ рыбьихъ шкуръ. Кафтанъ этотъ съ рукавами и застегивается

---

1) См. мое сочиненіе: Reis. und Forsch. im Amur-Lande. Bd. I, p. 180 и слѣд. *Лангръ* означаетъ попросту «тюлень».

2) Краски (черная и красная) не линяютъ отъ дождя, изъ чего я заключаю, что онѣ состоятъ изъ китайской туши или желѣзной охры съ рыбьей или тюленьей ворванью.

Digitized by Google

спереди. Рубаха и верхнее платье часто окаймляются снизу широкой полосой изъ другой матеріи. Вдоль послѣдней, особенно на верхней одеждѣ, въ видѣ украшенія нашиваются на ремешкахъ одинъ или два ряда разной формы мѣдныхъ пластинокъ китайской работы, или же извѣстныхъ китайскихъ мѣдныхъ монетъ съ четыреугольными дырочками (см. табл. XVII и табл. XVIII). Вслѣдствіе этого каждое движеніе, каждый шагъ гиляцкихъ женщинъ сопровождается звономъ отъ сталкивающихся пластинокъ или монетъ. Обычай такимъ образомъ украшать свои одежды несомнѣнно заимствованъ Гиляками у китайцевъ, о чемъ свидѣтельствуетъ и самый родъ украшеній[1]). Рыбью шкуру, изъ которой Гиляки изготовляютъ себѣ одежду, доставляетъ имъ самый обыкновенный въ водахъ Амура родъ лосося — *Salmo lagocephalus* (по гиляцки *лыги-чо*, а на Сахалинѣ *лаги-чо*). Съ рыбъ снимаютъ шкуры и, предварительно расправивъ послѣднія, очищаютъ ихъ отъ чешуи, для чего трутъ въ деревянномъ сосудѣ. Затѣмъ ихъ скребутъ, удаляя съ нихъ частицы жира и мускуловъ, выравниваютъ, вылащиваютъ и сшиваютъ вмѣстѣ. По окончаніи этихъ операцій получается, смотря по тщательности отдѣлки, матеріалъ различной доброты. Будничныя или предназначаемыя для непогоды платья — сѣро-желтаго цвѣта, чаще всего безъ украшеній и мѣстами еще носятъ остатки чешуи (табл. XVIII). Болѣе нарядныя имѣютъ видъ сшитыхъ изъ тонкой желтоватой кожи, которая рѣзко оттѣняется широкими черными полосами, расположенными сверху и снизу на передней части одежды и на рукавахъ въ видѣ наплечій и обшлаговъ. Полосы наведены черной краской, а въ промежуткахъ между ними помѣщаются разнообразныя вышивки. Особенно выдаются узоры на спинѣ, вышитые разноцвѣтными нитками въ видѣ хитропереплетенныхъ между собой арабесокъ, вродѣ тѣхъ, какія изображены на табл. XXIII, фиг. 2, 3 и 4. Вышеупомянутыя металлическія украшенія и здѣсь всегда составляютъ неизбѣжную принадлежность наряда.

Женская обувь ничѣмъ не отличается отъ мужской. Только голенище лѣтнихъ жен-

---

1) Въ бытность мою на Амурѣ я видѣлъ на одной женщинѣ, кажется изъ Вайра, въ числѣ такихъ пластинокъ пару мѣдныхъ крестиковъ со словами: «Souvenir de mission» и одну бронзовую медальку съ изображеніемъ Спасителя и съ китайской (?) надписью. Вещицы эти вѣроятно остались тамъ послѣ французскаго миссіонера Де ла Брюньера, который былъ по истеченіи зимы, проведенной въ Вайрѣ, убитъ въ 1846 году, а имущество его разграблено Гиляками. Въ 1850 году маньчжурскій апостольскій викарій поручилъ сподвижнику Де ла Брюньера, Вено (Venault) изслѣдовать это кровавое дѣло. Совершивъ путешествіе изъ Аше-о на Сунгари къ Гилякамъ на Амурѣ, Вено на многихъ дѣтяхъ тамъ видѣлъ такіе точно крестики и медальки (Nouv. Annales des Voyages, Ve Sér. T. XXX, 1852 [T. II], p. 218). Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Вено объ убійствѣ Де ла Брюньера, прибавимъ еще, что несчастный миссіонеръ, какъ мнѣ разсказывали сами Гиляки, палъ на лѣвомъ берегу Амура, между деревнями Вайромъ и Сабахомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ скалы, сдвигаясь къ рѣкѣ, образуютъ ущелье, которое имѣетъ своеобразную форму воротъ. Я посѣтилъ это мѣсто зимой, 29-го марта (10-го апрѣля), 1855 года. Въ числѣ убійцъ мнѣ указывали и на престарѣлаго Гиляка изъ Вайра, въ юртѣ котораго я именно остановился. На мои распросы о томъ, какъ происходило означенное дѣло, онъ отвѣчалъ уклончиво или отнѣкиваясь. Но среди Гиляковъ существуетъ повѣрье, что уничтоженіе всякихъ бумагъ съ печатными или рукописными знаками приноситъ несчастье (*умчъ*). Поэтому я надѣялся найти и, можетъ быть, даже пріобрѣсти у нихъ кое-какія рукописи Де ла Брюньера, вродѣ его дневника и т. д. Я сулилъ за такія бумаги и большое денежное вознагражденіе, но ничего не добился, кромѣ нѣсколькихъ клочковъ карты Китая д'Анвиля, которые мнѣ были доставлены Гиляками уже по возвращеніи моемъ въ Николаевскій постъ.

Digitized by Google

скихъ сапогъ всегда — тогда какъ у мужскихъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ — состоитъ вмѣсто тюленьей изъ рыбьей же шкуры, именно изъ шкуры не только *Salmo lagocephalus*, но и *Salmo proteus* (по гиляцки *тени-чо*). Такіе сапоги несомнѣнно легче, прохладнѣе и вообще цѣлесообразнѣе въ эту пору года, при отправленіи женщинами хозяйственныхъ обязанностей, которыя требуютъ усиленнаго движенія. Головнаго убора, соотвѣтствующаго лѣтней берестовой шляпѣ мужчинъ, гиляцкія женщины вовсе не имѣютъ.

Гораздо сложнѣе и своеобразнѣе зимняя одежда Гиляковъ. На табл. XVIII изображенъ Гилякъ въ полномъ зимнемъ одѣяніи, готовый отправиться въ путешествіе. Главное зимнее платье Гиляковъ — широкая, доходящая до колѣнъ шуба (по гиляцки *ожъ*). Она состоитъ изъ двухъ слоевъ собачьихъ шкуръ, сложенныхъ волосомъ наружу. Съ этой шубой Гиляки рѣдко разстаются, и даже ночью, раздѣтые до портковъ, покрываются ею на теплыхъ нарахъ. Для наружной стороны шубы Гиляки по возможности подбираютъ всегда одноцвѣтные мѣха — бѣлые, бурые, сѣрые и т. д. Всего больше цѣнятся сплошь черные, или темно-бурые, а затѣмъ и бѣлые мѣха. Менѣе зажиточные Гиляки однако удовлетворяются и пестрыми; для дѣтей же обыкновенно употребляются послѣдніе (табл. XIX). Заботливыя матери, не щадя трудовъ, искусно подбираютъ куски бѣлаго, чернаго и бураго мѣха и располагаютъ ихъ на спинкахъ дѣтскихъ шубокъ въ видѣ шашечной доски (табл. XII). Для внутренней стороны шубы предпочитается болѣе тонкій и мягкій мѣхъ молодыхъ звѣрей или щенковъ.

Можно принять почти за общее правило, что Гиляки носятъ шубы изъ однѣхъ только собачьихъ шкуръ. И лишь на Лиманѣ, гдѣ они главнымъ образомъ занимаются тюленьимъ промысломъ, встрѣчалъ я нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ видѣ исключенія одѣтыхъ — вмѣсто собачьихъ въ тюленьи шкуры. Можно предположить, что то же самое мѣстами повторяется и на Охотскомъ побережьѣ. Столь исключительное предпочтеніе, оказываемое Гиляками собачьимъ шкурамъ, вѣроятно объясняется той же причиной, которая, по свидѣтельству Стеллера[1]), заставляла и древнихъ камчатскихъ Ительменовъ употреблять ихъ для своего верхняго одѣянія, предпочтительно даже передъ лисьими и собольими мѣхами. При консервативномъ духѣ, свойственномъ всѣмъ первобытнымъ народамъ, и въ данномъ случаѣ должно быть не малую роль играетъ однажды вошедшій въ привычку обычай, который передается изъ рода въ родъ. Но затѣмъ слѣдуютъ конечно и испытанныя преимущества вышеупомянутаго мѣха — его «теплота», прочность и крѣпость волоса, сопротивляющагося даже сырости. Все это качества, особенно драгоцѣнныя для человѣка, которому приходится почти постоянно считаться съ дурной погодой. Наконецъ къ этому присоединяется еще одно обстоятельство, въ которомъ можетъ быть и кроется главная причина всеобщаго среди Гиляковъ употребленія собачьяго мѣха — это легкость его добыванія и соотвѣтственная дешевизна его. Собаки, въ качествѣ домашняго животнаго, безъ котораго

1) Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, Frankf. und Leipzig 1774, p. 187.

Digitized by Google

Гиляки не могутъ обойтись, содержатся ими въ большомъ количествѣ, а шкуры ихъ не представляютъ никакой цѣнности ни для китайцевъ, ни для японцевъ, ни для русскихъ, и потому не могутъ служить предметомъ торговли Гиляковъ съ этими народами.

Тѣмъ не менѣе у нѣкоторыхъ Гиляковъ встрѣчаются шубы и изъ другого мѣха. Но онѣ имъ не служатъ для обыкновеннаго употребленія, а только составляютъ рѣдкій, драгоцѣнный предметъ роскоши, который тщательно бережется. Такую роль именно играетъ у нихъ рысій мѣхъ (по гиляцки *члыги-окжъ*). Владѣтель рысьей шубы среди Гиляковъ слыветъ за богача и пользуется особеннымъ почетомъ. Въ бытность мою на Амурѣ мнѣ могли указать только четырехъ такихъ счастливцевъ—трехъ Гиляковъ и одного Ольчу. То были Гиляки: Неньданъ въ деревнѣ Аллофѣ на Амурѣ, Мезгунъ въ Патѣ, имѣвшіе каждый по одной такой шубѣ, Павгунъ въ Тамля-во на Сахалинѣ, обладавшій двумя, и Ольча Тодо въ Чильви, у котораго тоже была одна. Причину, почему именно рысій мѣхъ имѣетъ такую высокую условную цѣнность въ глазахъ Гиляковъ — особенно шубы, которыя состоятъ изъ шести шкуръ этого звѣря — я полагаю, надо искать въ кругу китайскихъ понятій. Правда, рысій мѣхъ имѣетъ для Гиляковъ и значительную реальную цѣну, такъ какъ одна такая шкура въ торговлѣ съ китайцами равняется двумъ шкурамъ рѣчной выдры или десяти собольимъ[1]). Но существуютъ и еще болѣе дорогіе мѣха. Одна шкура чернобурой лисицы, напримѣръ, стоитъ на китайскомъ рынкѣ отъ 15 до 20 соболей. Однако Гиляки не употребляютъ этого мѣха, какъ рысьяго, на свои шубы фиктивной цѣнности. Дальше мы приведемъ таблицу съ оцѣнкою самими Гиляками разныхъ предметовъ ихъ употребленія и увидимъ, что въ домашнемъ обиходѣ ихъ существуютъ нѣкоторыя вещи, цѣнимыя ими еще дороже рысьей шубы. Но обладаніе этими предметами все-таки не окружаетъ ихъ владѣтелей такимъ ореоломъ богатства и значенія, какъ обладаніе рысьей шубой. Слѣдовательно тутъ должны дѣйствовать еще и другія соображенія. При вѣковыхъ и оживленныхъ сношеніяхъ Гиляковъ съ китайцами отъ нихъ не могло ускользнуть, какимъ высокимъ почетомъ пользуется въ Китаѣ, даже на ступеняхъ трона, шкура тигра, этого самаго сильнаго, лютаго и опаснаго звѣря, а равно и шкура другого, ближайшаго къ нему по роду звѣря—барса. Такъ, напримѣръ, сѣдалища высшихъ чиновъ въ государствѣ — губернаторовъ, мандариновъ, полководцевъ и т. п., въ торжественныхъ случаяхъ или шествіяхъ увѣшиваются шкурами тигровъ и барсовъ, ими же покрываются несомыя за ними подушки для сидѣнія[2]). Охотничьи палатки императора тоже одѣваются снаружи тигровыми шкурами[3]). Длинные тигровые и барсовые хвосты развѣваются

---

1) Одинъ только хвостъ и двѣ шкуры съ рысьихъ ногъ уже равняются по цѣнѣ двумъ цѣлымъ соболямъ.

2) Isbrants Ides, Driejaarige Reize naar China, Amsterdam 1704, p. 96. Du Halde, Description de l'Emp. de la Chine et de la Tartarie Chinoise, Paris 1735, T. IV, p. 29.

3) Уже Марко Поло (Reisen. deutsch. von Aug. Bürck, nebst Zusätzen und Verbess. von Fr. Neumann, Leipzig 1845, p. 318, 319) разсказываетъ, что несомый четырьмя слонами павильонъ, въ которомъ китайскій императоръ Кублай-ханъ присутствовалъ на охотахъ въ провинціи Ліао-тонгѣ, ровно какъ и охотничьи палатки, тамъ раскидывавшіяся для него, увѣшивались снаружи тигровыми, или, какъ говоритъ этотъ путешественникъ, «львиными шкурами».

Digitized by Google

на алебардахъ и копьяхъ тѣлохранителей, которые въ торжественныхъ процессіяхъ шествуютъ въ свитѣ императора[1]) и т. д.[2]). Такой же почетъ, благодаря китайскому вліянію, оказывается тигровой шкурѣ и въ Кореѣ[3]). Торговыя путешествія Гиляковъ въ Санъ-синъ на Сунгари даютъ имъ случай видѣть страхъ, внушаемый тигромъ китайцамъ (Мань-цзамъ) и Гольдамъ, и почести, какія тѣ подъ вліяніемъ этого страха, ему воздаютъ. Первые сооружаютъ ему маленькія капища съ его изображеніями[4]), а вторые называютъ его *амбань*, то есть господинъ, и падаютъ ницъ даже передъ его трупомъ[5]). Изъ этихъ путешествій—особенно изъ разсказовъ китайцевъ и Гольдовъ о томъ, сколько человѣческихъ жизней ежегодно бываютъ жертвой тигра[6]) — Гиляки выносятъ впечатлѣніе, которое конечно не мало содѣйствуетъ возбужденію и въ нихъ самихъ паническаго страха къ этому звѣрю и суевѣрныхъ о немъ представленій. Объ этомъ я уже говорилъ прежде[7]) и еще не разъ буду говорить. Но такъ какъ тигръ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ забѣгаетъ съ юга въ гиляцкую область, жителямъ которой почти никогда не удается его одолѣвать[8]), то онъ, а еще больше барсъ, принадлежатъ тамъ къ числу

---

1) Isbrants Ides, l. c., p. 90. Gerbillon y Du Halde, l. c., T. IV, p. 235.

2) Существуетъ еще не мало и другихъ доказательствъ поклоненія въ Китаѣ тигру и его шкурѣ. Но я удовлетворюсь здѣсь указаніемъ лишь на старинныя свидѣтельства этого рода. На основаніи страха, внушаемаго лютостью этого хищнаго звѣря, изображеніе его украшаетъ одежду военныхъ начальниковъ и другихъ лицъ, состоящихъ на военной службѣ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ Барроу (Barrow, Reise durch China im Gefolge der Grossbritan. Gesandtschaft in den Jahren 1793 und 1794; aus dem engl. übersetzt von Hüttner, Wien, 1805, Bd. II, p. 31), Стаунтонъ (Staunton, Des Grafen Macartney Gesandtschaftsreise nach China in den J. 1792—1794, nebst Nachr. über China und einen kleinen Theil der chines. Tartarey; aus dem Engl. übersetzt, Frankfurt und Leipzig 1798, Bd. I, p. 341) и др. Эллисъ (Ellis, Journal of the Proceed. of the late Embassy to China etc. Second Edit. London 1818, Vol. I, p. 130) между прочимъ видѣлъ отряды воиновъ, съ головы до ногъ окутанныхъ въ длинныя, полосатыя, черныя съ желтымъ одѣянія, которыя должны были сообщать имъ видъ тигровъ и тѣмъ самымъ внушать непріятелю страхъ. Съ другой стороны тигръ въ Китаѣ служитъ также предметомъ религіознаго страха. Такъ, напримѣръ, Ванъ-Браамъ (Van-Braam, Voyage de l'ambassade de la Compagnie des Indes orientales Hollandaises vers l'Empereur de la Chine en 1794 et 1795, publ. par Moreau de St. Méry, Paris, an. VI (1798), T. I, p. 270) разсказываетъ, что въ пагодѣ Хуинонъ-тсу въ Пекинѣ, передъ алтаремъ, находились четыре чучела тигровъ въ сидячемъ положеніи. Также точно китайцы (Мань-цзы) на Уссури сооружаютъ капища тигру, помѣщаютъ тамъ его изображенія и приносятъ ему жертвы (Архим. Палладій, Уссур. Маньцзы — Извѣст. Геогр. Общ. Т. VII, 1871, Отд. II, стр. 376). О суевѣрномъ отношеніи китайцевъ не только къ шкурѣ тигра, но и къ мясу, желчи, жиламъ, костямъ и когтямъ, я буду говорить еще впереди.

3) Пржевальскій разсказываетъ (Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ, 1867—1869 г. С.-Петерб. 1870, стр. 116), что при посѣщеніи имъ корейскаго пограничнаго города Кыгенпу на Тумен-улѣ, къ нему явился губернаторъ на носилкахъ, сидя на креслѣ, покрытомъ тигровой шкурой. Когда губернаторъ сошелъ съ кресла, тигровая шкура была разостлана на землѣ и путешественника пригласили занять на ней мѣсто.

4) Архимандр. Палладій, Уссурійскіе Маньцзы (l. c., p. 377). Барабашъ, Сунгар. Экспедиція 1872 г. (Военный Сборн., 1874, № 2, стр. 347).

5) Паргачевскій, Поѣздка зимн. путемъ вверхъ по Амуру, совершенная въ 1856—57 гг. (Вѣстн. Русск. Геогр. Общ., Ч. XXI, 1858, Отд. Изслѣд. и Матер., стр. 171). Palladii, l. c.

6) Пржевальскій сообщаетъ (тамъ же стр. 233), что на одномъ изъ притоковъ верхняго Уссури, на р. Цымухэ, въ 1867 г. было растерзано тиграми не болѣе не менѣе, какъ 21 Мань-цза и 6 ранено.

7) См. мое сочиненіе: Reisen und Forsch. im Amur-Lande, T. I, стр. 90—97, гдѣ, говоря о распространеніи тигра и барса въ Амурскомъ краѣ, я упоминаю и о взглядѣ на нихъ Гиляковъ и другихъ Амурскихъ инородцевъ.

8) Гиляки не могли мнѣ разсказать ни одного подобнаго случая.

Digitized by Google

какъ бы миѳическихъ животныхъ, живущихъ только въ воображеніи населенія. Зато Гиляки въ своихъ лѣсахъ довольно часто наталкиваются на другого звѣря, который своей хищностью и всѣмъ своимъ видомъ: кошачьимъ тѣлосложеніемъ, испещренной крапинами и отчасти полосами шкурой, черной оконечностью хвоста и т. д. сильно напоминаетъ тигра и барса [1]), и шкура котораго высоко цѣнится и дорого оплачивается китайцами [2]). Я говорю о рыси. Благодаря всему этому, Гиляки переносятъ на нее часть своихъ представленій о тигрѣ, какъ о необыкновенно величественномъ, царственномъ звѣрѣ. «Платье дѣлаетъ человѣка» гласитъ поговорка, особенно часто находящая себѣ оправданіе у первобытныхъ народовъ. Немудрено, значитъ, если Гилякъ, обладающій цѣлой рысьей шубой, въ которой можетъ при случаѣ показаться, пренебрегая выгодой, какую могъ бы получить отъ ея продажи, слыветъ за необычайнаго богача и пользуется особеннымъ почетомъ среди своихъ соотчичей.

Пора однако возвратиться къ обычной зимней одеждѣ Гиляковъ. Гиляцкая шуба, какъ и рубаха, застегивается слѣва направо парою металлическихъ пуговицъ китайскаго или русскаго издѣлія, или большой деревянной пуговицей туземнаго происхожденія (табл. XXIX, фиг. 4 и 5). Также точно, то есть слѣва направо, запахиваются и полы шубы. При полномъ зимнемъ одѣяніи полы эти, кромѣ кушака, о которомъ рѣчь впереди, придерживаются еще такъ называемой *коськой*. Это короткій, восходящій снизу до таліи, передникъ изъ тюленьей шкуры, который, чтобы онъ лучше прилегалъ къ стану и въ то же время не стѣснялъ движеній, окаймленъ сверху широкой полосой изъ рыбьей шкуры съ продернутыми въ нее ремнями для снурованія и стягиванія (см. табл. XVIII и XIX). Коська, кажется, составляетъ часть настоящаго первобытнаго одѣянія Гиляковъ, хотя она иногда встрѣчается и у сосѣднихъ съ ними инородцевъ тунгусскаго племени, ведущихъ однородную съ ними жизнь — у Ольчей, Негидальцевъ и др. Когда Гиляки ѣздятъ на собакахъ, всегда сидя верхомъ на низкихъ нартахъ, коська отлично защищаетъ имъ нижнюю часть тѣла отъ дождя, снѣга и вѣтра. Кромѣ того, какъ мы увидимъ впереди, она оказываетъ Гилякамъ большія услуги еще и въ разныхъ другихъ случаяхъ, обусловливаемыхъ нравами этого народа. Чтобы въ рукава не попадалъ снѣгъ, ихъ снизу придерживаютъ полоской кожи или широкой тесьмой въ видѣ свивальника (по гиляцки *торжнбазъ*, см. табл. XXII, фиг. 4, 5),

---

1) Пржевальскій (тамъ же стр. 242) говоритъ, что туземцы въ Уссурійскомъ краѣ (Гольды и Орочи или Та-цзы) на вопросы его о свойствахъ и нравахъ рыси всегда отвѣчали: «*чиаянъ лау-маза*», что значитъ: «все равно, что тигръ».

2) Радде (Radde, Reisen im Süden von Ost-Sibirien in den Jahren 1855—1859, Bd. I. Die Säugethier-Fauna, St.-Petersb. 1862, p. 93) не могъ даже за серебряную монету добыть у Маньчжуровъ и Дауровъ рысьей шкуры и слышалъ отъ нихъ, что мѣхъ этого звѣря, подобно тигровому, пріобрѣтается только китайскими сановниками. Уже Жербильонъ (У Du Halde, Descr. de l'Emp. de la Chine, T. IV, p. 295) сообщаетъ, что звѣрь шулонъ (по французски choulon) доставляетъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ мѣховъ, за который въ Пекинѣ платятъ отъ 15 до 20 червонцевъ, и разсказываетъ, что императоръ Кангхи въ 1692 г. убилъ на охотѣ экземпляръ этого звѣря. По мнѣнію самого Жербильона это была рысь (loup cervier), что, судя по описанію, такъ и должно быть. Въ другомъ мѣстѣ у Дю Гальда (l. c., p. 29) это животное называется также chelason.

Digitized by Google

который нѣсколько разъ обертываютъ у кисти руки и тамъ завязываютъ. Къ концамъ рукавовъ привязаны перчатки (по гиляцки *вом(а)хъ*). Это обыкновенно рукавицы на лисьемъ мѣху (табл. XX, фиг. 3, 4), главное отличіе которыхъ въ прорѣзѣ у кисти руки, на нѣкоторомъ разстояніи отъ большого пальца: прорѣзъ прикрытъ клапаномъ и служитъ для того, чтобы сквозь него, въ случаѣ надобности, просовывать руку [1]).

У гиляцкихъ шубъ никогда не бываетъ капюшона, который, спускаясь между плечъ, употребляется для покрытія головы и составляетъ обычную принадлежность шубъ всѣхъ болѣе или менѣе сѣверныхъ народовъ — Камчадаловъ, Коряковъ, Чукчей, Эскимосовъ, Тунгусовъ и др. Шея и голова имѣютъ свои отдѣльные покровы. Для шеи предназначается боа изъ бѣличьихъ хвостовъ (по гиляцки *тольпъ*, табл. XIX), которое, однако, иногда употребляется и для головы — въ мягкую погоду вмѣсто шапки, а въ холодную поверхъ нея, чтобы предохранять отъ стужи лобъ (табл. XVIII). На тольпъ низшаго достоинства идетъ отъ 30—40 бѣличьихъ хвостовъ, а на болѣе пушистый и роскошный до 50 и больше. Другіе мѣха на боа не употребляются.

Въ дальнихъ путешествіяхъ, при сильной стужѣ и вѣтрѣ, Гиляки прежде всего надѣваютъ на голову наушники (по гиляцки *тапайсъ*), которые состоятъ изъ двухъ клапановъ, сзади и спереди соединенныхъ между собой ремешкомъ или тесемками. Наушники бываютъ иногда просто изъ тюленьей шкуры, а иногда подбиты мѣхомъ лисицы и рѣчной выдры, а снаружи покрыты кускомъ матеріи съ вышитыми на немъ разноцвѣтными арабесками (табл. XX, фиг. 5 и табл. XXII, фиг. 1 и 2). Поверхъ надѣвается большая, охватывающая всю голову мѣховая шапка (по гиляцки *тозн-хакъ*). Она очень простого покроя: снизу прямая, у переднихъ угловъ она оканчивается двумя тесьмами (какъ на предлагаемой табл. XXI, фиг. 1), которыя застегиваются подъ подбородкомъ. Но чаще углы бываютъ соединены одной только тесьмой, концы которой пришиваются къ нимъ снутри. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ сначала кладутъ подъ подбородокъ тесьму и затѣмъ уже всовываютъ голову въ шапку. Внутри она всегда подбита лисьимъ мѣхомъ, который, выступая спереди наружу, опушаетъ ее. Снаружи шапка состоитъ или вся цѣликомъ изъ тюленьей шкуры, или изъ кусочковъ различныхъ шкуръ, часто подобранныхъ съ большимъ вкусомъ. Таковъ, напримѣръ, изображенный на табл. XXI, фиг. 1 тозн-хакъ, принадлежавшій Гиляку изъ Чоми, который посѣтилъ меня въ Николаевскѣ. Средина верхней части шапки — изъ оленьяго мѣха бураго цвѣта; бѣлые арабески на ней изъ собачьяго мѣха съ короткимъ волосомъ; край, отдѣленный отъ середины голубой полоской, составленъ изъ кусочковъ тюленьяго мѣха разныхъ оттѣнковъ; передній край по обыкновенію изъ лисьей опушки, выбивающейся изнутри, а снизу шапка еще окаймлена длинноволосымъ собачьимъ мѣхомъ бѣлаго цвѣта. Это послѣднее украшеніе никогда не отсутствуетъ и на менѣе нарядныхъ, даже самыхъ простыхъ шапкахъ и сообщаетъ имъ въ общемъ крайне своеобразный

1) У Тунгусовъ и у русскихъ въ Сибири не бываетъ предохранительнаго клапана на рукавицахъ, но онъ существуетъ на рукавицахъ изъ собачьяго мѣха у Орочей на заливѣ Хаджи.

Digitized by Google

характеръ. И чѣмъ ниже спускается на затылокъ окаймляющій шапку бѣлый или сѣрый волосъ, тѣмъ красивѣе считаютъ ее Гиляки. Такъ и у древнихъ камчатскихъ Ительменовъ кайма изъ длиннаго собачьяго волоса у ихъ оленьихъ или лисьихъ шубъ, по выраженію Стеллера[1]), во всѣ времена слыла за «лучшее изъ украшеній». Впрочемъ эта кайма у шапокъ служитъ и нѣкоторой защитой затылку отъ вѣтра и снѣгу.

Отправляясь въ дальный путь зимою, въ сильный морозъ, Гиляки надѣваютъ подъ шубу еще нѣсколько нижнихъ одеждъ—такъ, напримѣръ, немедленно подъ шубой короткую ваточную или шерстяную, а иногда и суконную кофту, по гиляцки *сижы*. Одежда эта несомнѣнно китайскаго покроя и при болѣе мягкой погодѣ надѣвается безъ шубы съ однимъ тольпомъ вокругъ шеи или на головѣ, а то и съ мѣховой шапкой (см. табл. XIX). Кромѣ того, Гиляки, скинувъ шубу, и въ юртѣ остаются въ этой кофтѣ. Подъ рубахой, прямо на тѣлѣ, они носятъ еще подбитый мѣхомъ нагрудникъ, такъ называемый *кох-пасъ:* цѣль его держать въ теплѣ грудную и брюшную полости, особенно у мѣста подъ ложечкой. Сверху нагрудникъ придерживается тесьмой вокругъ шеи, а снизу у таліи двумя другими тесьмами. Экземпляръ этого рода, изображенный у насъ на табл. XXII, фиг. 3, гольдскаго происхожденія: я видѣлъ его на Гилякѣ Юдинѣ изъ Тебаха. Онъ имѣетъ форму закругленнаго снизу пятиугольника, снутри подбитъ лисьимъ мѣхомъ, окаймленъ шкурой рѣчной выдры, а сверху покрытъ бумажной матеріей чернаго цвѣта съ разноцвѣтными вышивками, отчасти очень искусными, о которыхъ мы еще будемъ говорить впереди. Упомяну здѣсь еще объ одной своеобразной нижней одеждѣ, видѣнной мною именно у Тро-Гиляковъ въ деревнѣ Ный на взрослыхъ людяхъ и на одномъ семилѣтнемъ мальчикѣ. Это мѣшочекъ привязываемый около бедръ и пригодный только для мужчинъ. Гилякамъ, которые путешествуютъ всегда сидя верхомъ на нартахъ, приходится особенно защищать отъ холода колѣни. Для этого у нихъ существуютъ наколѣнники (по гиляцки *пань*) изъ тюленьей шкуры, которые они крѣпко привязываютъ къ ногѣ сверху и снизу у колѣна.

О гиляцкой обуви мы уже говорили выше. Зимой Гиляки ради тепла кладутъ въ сапоги еще немного сухой травы, какъ то болѣе или менѣе дѣлаютъ всѣ первобытные народы на сѣверѣ[2]). По свидѣтельству китайца У-чена, который въ 1722 году составилъ описаніе города Нингуты, то же самое въ обыкновеніи и у тамошнихъ маньчжуровъ. Послѣдніе употребляютъ для этого особый родъ травы, тонкой, длинной, мягкой, растущей около воды и которую они называютъ *ула*[3]). Трава эта, наряду съ стосиломъ (*жен-шенемъ*) и съ соболемъ, считается въ простонародьѣ одной изъ трехъ драгоцѣнностей, какими

---

1) Steller, Beschr. von dem Lande Kamtschatka, p. 138.

2) Такъ, напримѣръ, кромѣ сибирскихъ инородцевъ, Эскимосы на сѣверо-западѣ Америки и Гренландіи (Rob. Brown, Das Innere von Grönland in Petermann's Geogr. Mittheil. 1871, p. 384).

3) По мнѣнію Максимовича (Primitiae florae amurensis, in d. Mém. prés. à l'Acad. des sc. de St.-Pétersb., T. IX, 1859, p. 500), эта трава изъ семейства *Cyperaceae*. Согласно Брауну, Эскимосы на сѣверо-западѣ Америки и Гренландіи употребляютъ для той же цѣли *Hierochloë alpina* и однородныя съ нею травы.

Digitized by Google

обладаетъ Нингута[1]). Я не берусь сказать, употребляютъ ли Гиляки именно ее для вышесказанной цѣли, или у нихъ вообще существуетъ для того какой-нибудь особый родъ травы, но мнѣ кажется несомнѣннымъ, что и они при томъ руководствуются своего рода выборомъ. По крайней мѣрѣ, когда я зимой 1855 года попросилъ немного такой травы у хозяина юрты въ Погоби на Сахалинѣ, онъ мнѣ отказалъ подъ предлогомъ, что у него самого ея очень мало.

Одну изъ важнѣйшихъ частей гиляцкаго одѣянія наконецъ составляетъ еще поясъ, особенно потому, что къ нему привѣшиваются разныя орудія, которыя повсюду сопровождаютъ Гиляка. Сюда относится прежде всего большой ножъ, такъ называемый *нгавладжакко*, который употребляется при ѣдѣ, а иногда служитъ и для обороны, и для нападенія. Какъ почти всѣ желѣзныя орудія у Гиляковъ, ножъ этотъ ихъ собственнаго издѣлія. Онъ очень простой формы, съ длиннымъ клинкомъ и короткой деревянной рукояткой съ косыми нарѣзами (табл. XXXI, фиг. 1[2]), а иногда и весь желѣзный съ накладными серебряными и мѣдными фигурами и съ разнообразной рѣзьбой (см. тамъ же фиг. 2). Ножны его всегда изъ толстой тюленьей кожи (*Phoca barbata*) и украшены тисненными арабесками. Форма ноженъ очень однообразна: широкія по серединѣ, онѣ съуживаются книзу, но вмѣсто закрытаго конца оканчиваются пучкомъ тонкихъ ремешковъ, которые служатъ защитой для острія (табл. XXXI, фиг. 3 и табл. XIX[3]). Большей частью при поясѣ находится еще и другой ножъ — неизбѣжный у Гиляковъ *ый-джакко* (табл. XXXI, фиг. 4). Это короткій, сильно заостренный клинокъ, всаженный въ крѣпкую деревянную рукоятку, которую для большей прочности снизу охватываетъ костяной ободокъ. Ножны его изъ плотной осетровой шкуры съ деревяннымъ или костянымъ наконечникомъ (табл. XXXI, фиг. 5). Ый-джакко служитъ для вырѣзанія изъ дерева разныхъ какъ грубыхъ, такъ и тонкихъ предметовъ и т. п. Притомъ слѣдуетъ замѣтить, что Гиляки всегда рѣжутъ къ себѣ, а не отъ себя. То же самое говоритъ Мамио Ринсо объ Аинахъ, противопоставляя ихъ японцамъ[4]). Кромѣ этихъ двухъ ножей при гиляцкомъ поясѣ еще всегда находится трутница, содержащая въ себѣ трутъ, кремень и огниво. Такая трутница большей частью имѣетъ видъ мѣшечка и состоитъ изъ тюленьей шкуры съ тисненными арабесками или съ украшеніями изъ мѣховыхъ розетокъ[5]) (по гиляцки *чондакъ*, табл. XXVIII, фиг. 5). А иногда она похожа на коробокъ, крайне своеобразный по формѣ и по матеріалу, изъ кото-

---

1) У-ченъ въ переводѣ Васильева: Записки о Нингутѣ (Записки Русскаго Географическаго Общества, Часть XII, 1857, стр. 95). Переводчикъ отъ себя прибавляетъ въ примѣчаніи, что въ Пекинѣ продаются сапоги, подошвы которыхъ внутри выложены этой травой.

2) Соотвѣтственную подпись *нгавта-джакко* слѣдуетъ читать *нгавла-джакко*.

3) Большой поясной ножъ, безъ котораго Гиляки никогда не обходятся, по ошибкѣ опущенъ на рисункѣ таблицы XVIII.

4) Ср. Mamio Rinsô, Tô-tats kiko, въ Nippon, VII, стр. 188, Зибольда и примѣчаніе послѣдняго стр. 202.

5) Въ деревнѣ Тыкъ на Сахалинѣ, напримѣръ, я видѣлъ экземпляръ, который былъ украшенъ маленькими кусочками шкуры *Otaria ursina* — первыми этого рода, которые я встрѣтилъ на Амурѣ (см. Reisen u. Forsch. im Amur-Lande, T. I, стр. 189).

Digitized by Google

раго дѣлается (по гиляцки *мло*, табл. XXVIII, фиг. 4). Матеріалъ этотъ состоитъ изъ осетровой шкуры, которую для этой цѣли первоначально размягчаютъ, а потомъ подвергаютъ отвердѣнію, послѣ чего она уподобляется дереву. На Амурѣ для этого употребляютъ шкуру такъ называемаго у Гиляковъ *тукки-чо* (*Acipenser Schrenkii* Brandt), а на Сахалинѣ шкуру осетра, который похожъ на перваго, водится въ Сѣверо-Японскомъ морѣ и называется Гиляками *окрасъ*. Мло состоитъ изъ двухъ совершенно одинаковыхъ половинъ, которыя входятъ одна въ другую. Концы верхней половины отогнуты въ видѣ завитковъ, которымъ соотвѣтствуютъ точно такіе же снизу. Весь маленькій приборъ собранъ на ремешкѣ, по которому сверху ходитъ взадъ и впередъ костяная трубочка: съ приподнятіемъ послѣдней обѣ половинки коробка легко раздвигаются. Вмѣстѣ съ трутницей часто и огниво виситъ на прикрѣпленной къ поясу длинной цѣпочкѣ (по гиляцки *кесь-кесь*) съ многочисленными развѣтвленіями въ видѣ подвѣсокъ (табл. XXVIII, фиг. 1 и табл. XXIX, фиг. 1). На цѣпочкѣ иногда виситъ еще кривая, заостренная книзу желѣзная палочка (табл. XXVIII, фиг. 1 и 2), которая также и особо носится и служитъ для различныхъ цѣлей: ею то пробуравливаютъ дырочку въ ремнѣ, то распутываютъ узелъ, то чистятъ трубку и т. д. Этотъ инструментъ (по гиляцки *кедакъ*) часто бываетъ также роговой или костяной, и хотя онъ самъ по себѣ неказистъ, тѣмъ не менѣе его обыкновенно украшаютъ разнаго рода рѣзьбой (табл. XXVIII, фиг. 3). Кромѣ того Гиляки привѣшиваютъ себѣ къ поясу еще много разныхъ другихъ мелочей, смотря по тому, какъ тѣ попадаютъ имъ подъ руки: кабаній зубъ или клыкъ, кусочекъ рога съ головы антилопы или оленя и т. д.

Гиляцкія женщины тоже носятъ зимой собачьи шубы, одинаковаго покроя съ мужскими. Однако онѣ иногда, хотя рѣдко, одѣваются и въ болѣе благородные мѣха. Такъ, напримѣръ, въ 1856 году я видѣлъ въ Танги на Сахалинѣ одну изъ женъ Гиляка Комбрейна въ шубѣ изъ вывороченнаго наружу лисьяго мѣха, изъ подъ которой виднѣлись два нижніе полушубка изъ голубой и пестрой китайскихъ матерій, окаймленные мѣхомъ соболя и рѣчной выдры. Опрятно одѣтыя дѣвушки, дочери зажиточныхъ родителей, носятъ на собачьихъ шубахъ еще узкій воротникъ изъ лисьяго мѣха, такъ называемый по гиляцки *мунгрускъ*. Воротникъ охватываетъ затылокъ и шею, и отъ него спускаются на плечи и на грудь два длинные конца, вышитые стеклянными бусами или бисеромъ.

Зимній головной уборъ гиляцкихъ женщинъ отличается большимъ разнообразіемъ и оригинальностью. Будничная шапка, которую онѣ носятъ и при отправленіи своихъ домашнихъ обязанностей, а именно, когда ходятъ въ кладовую за съѣстными припасами, таскаютъ изъ рѣки воду или носятъ въ юрту дрова, кормятъ собакъ и т. д. называется *тульф-хакъ*, то есть по просту «зимняя шапка» (табл. XXI, фиг. 2). Она крайне своеобразнаго покроя. Приподнятая на макушкѣ, гдѣ украшена кокардой изъ снурковъ, удлиненная съ боковъ и сзади для защиты затылка и ушей и простеганная снаружи соотвѣтствующими ея формѣ кругами и извилинами, шапка эта нѣсколько напоминаетъ шлемъ. Наружная сторона ея изъ простой китайской матеріи — чернаго или синяго сукна; внутренная подбита лисьимъ мѣхомъ, и вся шапка окаймлена еще мѣхомъ рѣчной выдры. Но, отправляясь въ дальнія

Digitized by Google

поѣздки или въ праздничное время, гиляцкія женщины носятъ болѣе нарядный головной уборъ, такъ называемый *чарп-хакъ*, то есть «шелковую шапку» (табл. XXI, фиг. 3). Форма ея почти та же, что и у мужской шапки, только она нѣсколько больше приподнята на макушкѣ и ниже спускается на затылокъ и уши. Согласно своему названію шапка эта изъ китайской шелковой матеріи, по которой разноцвѣтными, а кое-гдѣ и золотыми нитями вышиты драконы и другія фигуры [1]). Внутри эта шапка тоже подбита лисьимъ мѣхомъ, который и снаружи широкой полосой опушаетъ ея переднюю часть, а снизу и сзади она окаймлена шкурой рѣчной выдры. Чарп-хакъ однако еще не составляетъ высшей степени щегольства у гиляцкихъ женщинъ. Самая нарядная и завидная часть ихъ зимней одежды это рысья шапка *члыги-хакъ* (табл. XXI, фиг. 4). Она дѣлается изъ шкурокъ съ головы и съ хвоста рыси. Первая, съ торчащими ушами, образуетъ макушку шапки. Ушныя раковины снутри подбиты шелковой китайской матеріей краснаго цвѣта, а по краямъ усажены пучечками изъ голубыхъ нитокъ или черной овечьей шерсти [2]). Рядъ такихъ же кисточекъ тянется вдоль середины шапки, отъ лба животнаго до его морды. Шкура съ головы рыси вокругъ опушена широкой каймой собольяго мѣха, который на ушахъ, для лучшей защиты ихъ, образуетъ продолговатые углы. Позади, отъ этой каймы въ видѣ косы спускается на спину рысій хвостъ, къ концу котораго привѣшано колечко или одна изъ сквозныхъ мѣдныхъ пластинокъ, какими женщины украшаютъ подолъ своихъ платьевъ. Благодаря такому расположенію хвоста и шкуры съ головы рыси, члыги-хакъ представляетъ какъ бы подражаніе фигуры всего животнаго. Внутри рысья шапка подбита лисьимъ мѣхомъ. Рысья шапка считается самымъ богатымъ и нарядныимъ головнымъ уборомъ, и хотя она такимъ образомъ до нѣкоторой степени соотвѣтствуетъ рысьей шубѣ у мужчинъ, однако, благодаря женскому тщеславію и любви къ нарядамъ, она не хранится, какъ та, подъ спудомъ, но при случаѣ и употребляется. Я самъ во время медвѣжьяго праздника видѣлъ двухъ женщинъ изъ Тебаха въ такихъ шапкахъ, изъ которыхъ одна изображена на таблицѣ XXI, фиг. 4 [3]). Во всякомъ случаѣ рысья шапка служитъ признакомъ того, что обладательница ея жена богатаго Гиляка, который уже владѣетъ рысьей шубой или на пути къ тому.

Быть можетъ, что разные первобытные народы такъ же употребляютъ для головныхъ

---

1) Извѣстно, что китайцы очень любятъ украшать свои матеріи, мебель и разные другіе предметы изображеніями драконовъ. Но одинъ только императоръ въ правѣ имѣть на своей одеждѣ и домашней утвари дракона съ пятью когтями, тогда какъ всѣ другія лица, начиная съ принцевъ крови и мандариновъ, должны удовлетворяться драконами съ четырьмя когтями (Van Braam, Voyage de l'Ambass. de la Comp. des Indes orientales Holland. vers l'Emp. de la Chine en 1794 et 1795, publ. par Moreau de St. Méry, Paris, an VI, T. II, p. 237 [Note de l'éditeur]. Girard, France et Chine, vie publ. et privée des Chinois anc. et modernes, Paris 1869, T. I, p. 59). Послѣдняго рода драконъ вышитъ и на *чарп-хакѣ*, который изображенъ у насъ на таблицѣ XXI, фиг. 3, и принадлежалъ женщинѣ изъ Аллофа.

2) Гиляки называли мнѣ овечьей шерстью матеріалъ, изъ котораго были сдѣланы черныя кисточки. Сами Гиляки не разводятъ овецъ, и потому, должно полагать, матеріалъ этотъ они тоже получаютъ отъ Китайцевъ.

3) Изображеніе этой и двухъ другихъ женскихъ шапокъ на вышеупомянутой таблицѣ были сдѣланы моимъ товарищемъ (впослѣдствіи академикомъ) Максимовичемъ въ то время, какъ мы вмѣстѣ съ нимъ провели нѣсколько дней въ Тебахѣ.

Digitized by Google

уборовъ шкуры съ головъ наиболѣе цѣнимыхъ ими звѣрей, пытаясь приблизительно воспроизводить всю ихъ фигуру. Укажу здѣсь только нѣсколько примѣровъ тому у палэазіатскихъ народовъ. Такъ бродячіе Коряки на Пенжинской губѣ, которые видятъ въ волкѣ самаго опаснаго врага своихъ оленьихъ стадъ, носятъ шапки изъ волчьей шкуры съ торчащими ушами[1]). По свидѣтельству Загоскина то же самое повторяется и у многихъ эскимосскихъ племенъ на сѣверо-западѣ Америки. Мужчины изъ племени Кан-юлитовъ, начиная съ Малейгмютовъ и до Угашенцевъ, носятъ волчьи шапки, а позади, на поясѣ, волчій или россомашій хвостъ, къ которому прикрѣпляютъ еще и конецъ морды россомахи. Щегольскія шапки изъ оленьей шкуры съ опушкой изъ рѣчной выдры или россомахи, какія носятъ эскимосскія женщины на Кускоквимѣ, оканчиваются у затылка волчьимъ или россомашьимъ хвостомъ, который спускается на спину[2]). Можно, кажется, безошибочно заключить, что та одежда, въ которой выражается подражаніе животнымъ, всегда бываетъ древнѣйшаго національнаго происхожденія въ средѣ того первобытнаго народа, который ее носитъ. Она естественнымъ путемъ входитъ въ употребленіе тамъ, гдѣ играетъ важную — полезную или вредную — роль тотъ звѣрь, которому хотятъ подражать. Первобытному человѣку конечно свойственно было стремленіе и дальше въ мелочахъ преслѣдовать сходство, котораго онъ добивался съ тѣмъ или другимъ звѣремъ, одѣваясь въ его шкуру. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, однако, происхожденіе такихъ одеждъ могло обусловливаться еще и суевѣрными представленіями вродѣ того, напримѣръ, что подражаніемъ въ одеждѣ звѣрю пріобрѣтается его благосклонность и вслѣдствіе этого онъ становится безвреднымъ. Немудрено, значитъ, если съ этими древними національными одѣяніями связывается и понятіе объ особенномъ изяществѣ и достоинствѣ. Этимъ объясняется также почему члыгихакъ, изготовляемый почти исключительно изъ туземнаго матеріала, считается гиляцкими женщинами болѣе наряднымъ, чѣмъ чарп-хакъ изъ дорогой китайской шелковой матеріи съ изображеніемъ драконовъ.

Прежде чѣмъ покончить съ этимъ предметомъ, я позволю себѣ сдѣлать еще одно общее, не чуждое дѣлу, замѣчаніе. Обычай носить волосомъ кверху звѣриныя шкуры, котораго держатся всѣ первобытные народы въ нихъ одѣвающіеся, не произошелъ ли первоначально тоже изъ подражанія животнымъ? Не внушила ли его мысль, что для защиты себя отъ суроваго климата всего лучше прибѣгнуть къ тому же способу, какого держалась природа, надѣливъ животныхъ ихъ естественнымъ одѣяніемъ? А затѣмъ уже и опытъ подтвердилъ, что это дѣйствительно самый цѣлесообразный способъ употребленія звѣриныхъ шкуръ. При отсутствіи у первобытныхъ народовъ какой либо другой покрышки на шубахъ, которая могла бы успѣшно сопротивляться вліянію воздуха и воды, звѣриныя шкуры, обращенныя волосомъ кверху, дѣйствительно лучше защищаютъ отъ холода, вѣтра

1) G. Kennan, Tent life in Siberia and adventures among the Koraks and other tribes in Kamtschatka and Northern Asia, London 1871, p. 117.

2) Загоскинъ, Пѣшеходная опись части русскихъ владѣн. въ Америкѣ, С.-Петерб. 1847 и 1848 г.г. Ч. II, стр. 21, 22.

Digitized by Google

и дождя, чѣмъ тѣ же шкуры, повернутыя волосомъ внутрь. А разъ испробовавъ цѣлесообразность звѣриной шкуры въ этомъ положеніи, уже не трудно было додуматься до прибавленія къ ней другого слоя того же или другого мѣха, обращеннаго волосомъ внутрь. Такимъ образомъ, при отсутствіи посторонней покрышки, получается обычная у всѣхъ сѣверныхъ народовъ превосходная двойная шуба.

Вышеприведенныя описанія и изображенія гиляцкихъ одеждъ достаточно доказываютъ, что Гиляки охотно украшаютъ ихъ разноцвѣтными вышивками и разными другими орнаментами. Я видѣлъ у нихъ цѣлыя коллекціи образцовъ для вышивокъ и нѣкоторые привезъ съ собой. Образцы эти состоятъ изъ кусковъ матерій или рыбьихъ шкуръ, на которыхъ или вышиты узоры, или наклеены разныя симметрически расположенныя фигуры, вырѣзанныя изъ тонкой березовой коры (табл. XXIII и XXIV). Между ними есть и болѣе крупные узоры, не предназначаемые для вышивки: они изъ разноцвѣтныхъ составленныхъ вмѣстѣ кусочковъ матерій, на которыхъ разнообразно, пестро, но всегда симметрично расположены и переплетены между собой арабески и фигуры звѣрей (табл. XXV—XXVII). Оставимъ пока эти послѣдніе, о которыхъ я еще буду говорить позже, и займемся теперь только тѣми узорами, которые предназначаются для вышивокъ, какъ на вышеописанныхъ платьяхъ. Въ нихъ выражается своеобразный характеръ и вкусъ, совершенно отличный отъ того, что мы видимъ у сибирскихъ инородцевъ. Такъ напримѣръ, вышивки, которыми сибирскіе Тунгусы украшаютъ свои платья, отличаются крайнимъ однообразіемъ узоровъ и ихъ мотивовъ. Чаще всего они состоятъ изъ послѣдовательныхъ или пересѣкающихся рядовъ несложныхъ фигурокъ: мелкихъ трех- и четырехугольниковъ, круговъ, нескладныхъ крендельковъ и т. п. (какъ то видно на таб. XXIII, фиг. 1 и таб. XXIV, фиг. 5 и 6, гдѣ изображены тунгусскіе образцы). Въ гиляцкихъ узорахъ и орнаментахъ, напротивъ, широкій розмахъ разнообразно переплетающихся линій, искусныя хитросплетенія арабесокъ и роскошные завитки.

Гиляки не только свою одежду, но и другіе предметы домашняго обихода любятъ украшать разными рисунками и орнаментами. Мы уже видѣли это по вышеупомянутымъ орудіямъ, которыя они носятъ у пояса, и впередъ еще неоднократно будемъ имѣть случай въ томъ убѣдиться. Общій характеръ этихъ украшеній всегда тотъ же вышеупомянутый, изъ какого матеріала ни состоялъ бы украшаемый предметъ: изъ дерева, древесной коры, кожи, кости, желѣза и т. д. И только при бо́льшей хрупкости матеріала исполненіе на немъ орнаментовъ бываетъ менѣе тонко и чисто. Тѣмъ не менѣе и между этими предметами всегда встрѣчаются такіе, которые свидѣтельствуютъ о крайней ловкости и умѣніи Гиляковъ управляться съ самыми незатѣйливыми инструментами и достигать съ ними извѣстныхъ результатовъ. Но склонность ихъ къ орнаментикѣ находитъ себѣ самое широкое и свободное примѣненіе въ вышивкахъ, которыми они украшаютъ свои одежды. Въ нихъ всего легче воспроизводятся разнообразныя фигуры и линіи, эффектъ которыхъ, кромѣ того, еще возвышается разными сочетаніями красокъ и оттѣнковъ. Хотя Гиляки, подобно китайцамъ, для своей одежды вообще предпочитаютъ темные

Digitized by Google

цвѣта[1]), какъ-то, синій и сѣрый, въ вышивкахъ они, однако, какъ мы это видимъ на прилагаемыхъ картинкахъ, не скупятся и на яркія краски, но всегда употребляютъ ихъ съ большимъ вкусомъ и чувствомъ мѣры. Средства къ тому имъ доставляютъ китайцы, которые въ изобилін снабжаютъ ихъ разноцвѣтными шелковыми и другими нитками.

Я уже указывалъ выше на своеобразный характеръ гиляцкой орнаментики, совершенно отличной отъ того, что мы видимъ у сибирскихъ инородцевъ. О вліяніи русскаго вкуса, который у послѣднихъ вполнѣ объясняется ихъ постоянными вѣковыми сношеніями съ русскими, у Гиляковъ и помину нѣтъ. Зато многіе изъ гиляцкихъ орнаментовъ, какъ-то: богатые завитки, хитропереплетающіяся между собой ленты, фигуры въ видѣ заостренныхъ зубчатыхъ щитковъ и т. п. — встрѣчаются и на древне-китайскихъ предметахъ: на дорогихъ платьяхъ, на фарфорѣ и на издѣліяхъ изъ слоновой кости, экземпляры которыхъ находятся и въ нашемъ музеѣ. Такія же украшенія отчасти попадаются и на древне-японскихъ предметахъ. Таковы, напримѣръ, украшенія на мѣдныхъ накладкахъ у полусгнившихъ деревяныхъ ноженъ, найденныхъ Поляковымъ въ аинскихъ могилахъ на югѣ Сахалина, и которыя несомнѣнно обнаруживаютъ японское происхожденіе. Изъ этого, мнѣ кажется, слѣдуетъ вывести заключеніе, что гиляцкая орнаментика развилась значительно подъ вліяніемъ древне-китайскихъ, а отчасти и древне-японскихъ образцовъ. Это иначе и быть не могло, благодаря непрерывнымъ вѣковымъ торговымъ сношеніямъ Гиляковъ съ китайцами на материкѣ по теченію Амура и Сунгари, а на Сахалинѣ съ японцами и съ Аинами, подвергнутыми вполнѣ японскому вліянію[2]).

Такимъ образомъ вліяніе китайской культуры, распространяясь внизъ по теченію рѣкъ Сунгари и Амура, которыя являлись естественнымъ путемъ для торговыхъ сношеній китайцевъ съ Гиляками, между прочимъ отразилось и на орнаментикѣ послѣднихъ. Это, кромѣ вышесказаннаго, находитъ себѣ прямое подтвержденіе еще въ томъ фактѣ, что тотъ же характеръ орнаментики встрѣчается на одеждѣ и на разныхъ другихъ предметахъ и у всѣхъ прочихъ нижне-амурскихъ инородцевъ, живущихъ вверхъ отъ Гиляковъ по Амуру и его притокамъ до Сунгари. Хотя эти народы и тунгусскаго происхожденія, однако въ ихъ орнаментикѣ нѣтъ ничего общаго съ характеромъ ея у русско-сибирскихъ Тунгусовъ: она, напротивъ, находится подъ вліяніемъ китайцевъ и Гиляковъ. Но при этомъ замѣчательно, что вкусъ къ орнаментикѣ и развитіе ея въ Амурскомъ краѣ не уменьшаются, а возрастаютъ по мѣрѣ удаленія отъ китайцевъ — этого культурнаго народа, который именно и даетъ ей направленіе — и наконецъ достигаютъ своего высшаго развитія у Гиляковъ, населяющихъ самую отдаленную часть страны. Причина тому, я полагаю, кроется не въ природныхъ наклонностяхъ этихъ народовъ, а въ политическихъ условіяхъ.

---

1) Du Halde, Descr. de l'Emp. de la Chine, T. II, p. 82. Girard, France et Chine, vie publ. et privée des Chinois anc. et mod. Paris, 1869, T. I, p. 59.

2) О роли Гиляковъ въ качествѣ посредниковъ между китайцами и японцами мы еще будемъ говорить впереди.

Digitized by Google

Гиляки съумѣли сохранить свою независимость отъ китайцевъ и маньчжуровъ, не допуская ихъ не только водворяться въ своей странѣ, но даже и посѣщать ее[1]). Такимъ образомъ они, не эксплоатируемые маньчжурскими чиновниками и китайскими купцами, достигли бо̀льшаго благосостоянія, нежели подчиненные маньчжурскому и китайскому владычеству амурскіе инородцы тунгусскаго племени. Обезпеченные въ своей собственности, они могли свободнѣе ею пользоваться и, вслѣдъ за удовлетвореніемъ первыхъ потребностей, стремиться и дальше къ украшенію своихъ одеждъ и утвари—и въ этомъ имъ не мало помогала торговля съ китайцами, которую они вели со свойственной имъ хитростью и осторожностью.

Но возвратимся спеціально къ одеждѣ Гиляковъ и упомянемъ о нѣкоторыхъ орудіяхъ, которыя имъ служатъ для изготовленія ея. Въ настоящее время они употребляютъ для шитья и вышиванія исключительно стальныя иглы, которыя получаютъ — на материкѣ отъ китайцевъ и съ недавнихъ поръ отъ русскихъ, а на островѣ Сахалинѣ отъ японцевъ[2]). Прежде всего укажемъ на своеобразный игольникъ (по гиляцки *нугзисъ*, отъ *нугъ* — игла, см. таб. XXIX, фиг. 2). Гиляцкія женщины носятъ его у пояса, и онъ состоитъ изъ костяной трубочки, сквозь которую проходитъ ремень, съ воткнутыми въ него иголками. Ремень снабженъ двумя пробками, которыми трубочка замыкается снизу и сверху; нижняя пробка прикрѣплена къ ремню, а верхняя можетъ по немъ двигаться. Если послѣднюю вынуть изъ трубочки и поднять на ремнѣ кверху, то ремень съ иголками выдергивается изъ трубочки за нижнюю пробку. Такой же точно замысловатый игольникъ встрѣчается и у Эскимосовъ: Даль видѣлъ подобный у Иннуитовъ на Нортонскомъ заливѣ[3]). Отъ Гиляковъ переняли его и всѣ ихъ тунгусскіе сосѣди: Ороки[4]), Ольчи[5]) и Негидальцы. У послѣднихъ видѣлъ его Миддендорфъ, и снятый имъ съ него рисунокъ[6]) представляетъ на костяной трубочѣ даже точь въ точь тѣ же украшенія, что и на нашихъ гиляцкихъ экземплярахъ. Но я не раздѣляю его мнѣнія насчетъ того, что фигуры этихъ украшеній сродственны съ преобладающими на островахъ южнаго океана и что онѣ должны считаться за отрасли излюбленнаго тамъ изображенія человѣческаго черепа, которое находится въ связи съ людоѣдствомъ и съ трофеями изъ человѣческихъ череповъ. Подобныя же, крайне грубыя и примитивныя изображенія человѣческаго лица изъ двухъ кружковъ съ точкой по серединѣ, вертикальной линіей между и горизонтальной подъ ними, для глазъ, носа и рта, нерѣдко встрѣчаются на гиляцкой утвари. Происхожденіе ихъ, я полагаю, надо приписать суевѣрному представленію, будто воспроизведеніе этой фигуры на какомъ-либо предметѣ устра-

---

1) См. Т. I, стр. 73 наст. соч.

2) Въ I-мъ томѣ (стр. 200) настоящаго сочиненія мы уже подробно говорили о показаніи Стеллера, что Камчадалы получаютъ свои стальныя иглы отъ японцевъ, и о его неправильномъ истолкованіи слова, которымъ Камчадалы называютъ эти иглы.

3) Dall, Alaska and its resources, Boston, 1870, p. 142, съ соотвѣтственной гравюрой на деревѣ.

4) Поляковъ обогатилъ нашъ музей нѣсколькими орокскими экземплярами этого рода, вполнѣ схожими съ гиляцкими.

5) Маакъ, Путеш. на Амуръ, табл. 4, ф. 9.

6) Путеш. на сѣв. и вост. Сиб. Ч. II, стр. 750.

Digitized by Google

няетъ дурное вліяніе на него злого духа и содѣйствуетъ успѣшному употребленію орудія или утвари. О представленіяхъ этого рода у насъ еще будетъ рѣчь впереди.

Соотвѣтственно матеріалу, изъ какого состоитъ гиляцкое платье, для шитья его употребляются и разнаго рода нити. Платье изъ рыбьихъ шкуръ и шляпы изъ березовой коры шьются узкими и тонкими полосками, вырѣзанными изъ рыбьей шкуры. Онѣ называются у Гиляковъ *мыдискъ*, а по роду разныхъ рыбъ, изъ которыхъ получаются, раздѣляются на *пиленгат-мыдискъ, мимк-мыдискъ, кых-мыдискъ* [1]) и т. д. Для шитья шубъ и подобныхъ имъ частей одежды употребляются нити (по гиляцки *куба*), добываемыя Гиляками изъ простой крапивы [2]), и изъ которыхъ они также вьютъ снурки и плетутъ рыбныя сѣти. Выбойчатыя или суконныя платья шьются китайскими бумажными нитками, а для разнообразныхъ вышивокъ и строчекъ Гиляки употребляютъ, смотря по большей или меньшей тонкости и изяществу работы, то эти же самыя бумажныя, то шелковыя нитки, тоже получаемыя отъ китайцевъ. Никогда не видѣлъ я, чтобы гиляцкія женщины, занимаясь шитьемъ или вышиваніемъ, прибѣгали къ помощи ножницъ, хотя, благодаря китайцамъ, и знакомы съ ихъ употребленіемъ и даже имѣютъ для нихъ особое названіе *(хаза);* ихъ единственное орудіе въ такихъ случаяхъ—ножъ. Для разглаживанія матеріи имъ служитъ деревянный снарядъ *(пансъ),* по формѣ нѣсколько напоминающій ножъ, одна сторона котораго косо срѣзана и представляетъ гладкую поверхность. Орудіе это по обыкновенію украшено разными узорами на рукояткѣ, на кончикѣ и на верхней плошадкѣ (таб. XXIX, фиг. 3).

Съ перваго взгляда кажется очень страннымъ, что Гиляки, вообще столь искусные въ ручныхъ работахъ и умѣющіе добывать изъ волоконъ одного туземнаго растенія родъ пряжи, изъ которой вьютъ снурки и плетутъ сѣти — однако вовсе не употребляютъ ее на изготовленіе тканей для одеждъ: однимъ словомъ, они, повидимому, совсѣмъ незнакомы съ ткацкимъ искусствомъ. Это можетъ казаться тѣмъ страннѣе, что ихъ ближайшіе палэазіатскіе сосѣди, Аины на Ессо, Сахалинѣ и Курильскихъ островахъ, носятъ одежду, которую отчасти сами ткутъ изъ волоконъ крапивы и изъ древеснаго луба [3]). Кромѣ того,

---

1) *Pilengat* это — *Cyprinus Carpio* L., *Mimk* — *Hypophtalmichthys Dybowskii* Herz.; родъ рыбы съ названіемъ *кых* остался мнѣ неизвѣстнымъ.

2) Изъ сибирскихъ народовъ то же самое дѣлали древніе Камчадалы (Steller, l. c., p. 83; Крашенинниковъ, тамъ же, Ч. I, стр. 332) и др. О гиляцкомъ способѣ приготовленія снурковъ и сѣтей изъ волоконъ крапивы мы будемъ говорить дальше въ отдѣлѣ о рыбной ловлѣ.

3) Müller, Samml. Russ. Gesch., Bd. III, p. 86, 87, 91. La Pérouse, Voyage aut. du monde, T. III, p. 39. Broughton, A Voyage of discov. to the North Pacific Ocean, p. 88, 105. Крузенштернъ, Путеш. вокругъ свѣта, Т. II, стр. 81. Mamia Rinsô, Tô-tats ki ko (Siebold, Nippon, VII, p. 182, 188, 199, 200). Siebold, Aardr.-en volkenkund. toelicht. 1858, p. 111, прим. 1. Fr. Schmidt, Reisen im Amur-Lande und auf der Insel Sachalin (Mém. de l'Acad. Imp. des sc. de St.-Pétersb. VII Sér., T. XII, № 2, 1868, p. 99, 210 ff). Добротворскій, Южная часть острова Сахалина (Извѣст. Сибир. Отд. Русск. Геогр. Общ. Т. I, 1870, № 2 и 3, стр. 27). Полонскій, Курилы (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по Отд. Этногр. Т. IV, 1871, стр. 379, 390, 392, 500). Н. Буссе, Остр. Сахалинъ и Экспед. 1853 и 54 гг., С.-Петерб. 1872, стр. 70. Мицуль, Очеркъ остр. Сахалина, С.-Петерб. 1873, стр. 31, 132. Недавно докторъ Супруненко доставилъ нашему музею нѣсколько образцовъ одеждъ, сотканныхъ изъ волоконъ вязоваго луба, какія носятъ Аины на Сахалинѣ.

Digitized by Google

это искусство, и употребленіе на тканье волоконъ крапивы, было изстари знакомо и многимъ сибирскимъ инородцамъ, напримѣръ: Остякамъ, Киргизамъ, Башкирцамъ, Вогуламъ на Уралѣ и т. д.[1]). Въ Китаѣ, культурное вліяніе котораго во многомъ отразилось на Гилякахъ и на другихъ амурскихъ инородцахъ, даже разводится на поляхъ особый родъ крапивы (*Urtica nivea*), волокна которой идутъ на изготовленіе тканей[2]). На этомъ основаніи я предполагаю, что и Гиляки, подобно Аинамъ, нѣкогда умѣли изготовлять для своихъ одеждъ грубыя матеріи изъ волоконъ крапивы. Предположеніе мое находитъ себѣ между прочимъ подтвержденіе въ старой кольчугѣ (таб. XLIV, фиг. 1), которая пріобрѣтена мною отъ Гиляковъ въ деревнѣ Сабахѣ, и сплетена изъ снурковъ съ пропущенными между ними пластинками китоваго уса. Между тѣмъ какъ японскій гнетъ надъ Аинами задерживалъ развитіе всякихъ у нихъ промысловъ, и они по своей бѣдности должны были ограничиваться для своей одежды грубымъ матеріаломъ собственнаго издѣлія, независимые Гиляки, напротивъ, состоя въ торговыхъ сношеніяхъ съ китайцами, скоро начали пріобрѣтать отъ нихъ посредствомъ мѣновой торговли и ихъ матеріи болѣе тонкой выдѣлки. При изобиліи въ странѣ драгоцѣнныхъ мѣховъ у нихъ не могло быть недостатка въ матеріалѣ для этого рода торговли, и они естественно не замедлили отказаться отъ изготовленія собственныхъ матерій, которыя стоили имъ больше труда и въ результатѣ оказывались гораздо грубѣе.

Одежда другихъ нижне-амурскихъ инородцевъ вообще тождественна съ одеждою Гиляковъ. Но по мѣрѣ измѣненія естественныхъ условій страны, способовъ къ существованію и главнаго промысла, какимъ занимаются эти народы, и въ одѣяніи ихъ происходятъ тѣ или другія перемѣны. Такимъ образомъ однѣ части одежды становятся преобладающими, другія, не соотвѣтствуя даннымъ потребностямъ, подвергаются измѣненіямъ или совсѣмъ исчезаютъ, а взамѣнъ ихъ появляются другія и т. д.

---

1) Witsen, Noord en Ost Tartarye, Tweede Druk, 1705, p. 630, 632. J. B. Müller, Leben und Gewohnheiten der Ostjaken, Berlin, 1720, p. 30. Castrén, Reisebericht und Briefe aus den J. 1845—49, St.-Petersb. 1856, p. 55. Беляевскій, Поѣздка къ Ледов. морю, Москва 1833, стр. 73, 77. Абрамовъ, Опис. Березовск. края (Зап. Русск. Геогр. Общ. Ч. XII, стр. 406). Archimandrite Platon, Sur les Vogouls (Klaproth, Magasin Asiat., Paris, T. I, 1824, p. 251).

2) Barrow, Reise durch China im Gefolge der Grossbrit. Gesandtsch. in den J. 1793 und 1794, aus d. Engl. übersetzt von Hüttner, Wien, 1805, Bd. I, p. 88. Bazin, Chine moderne, ou descript. hist., géogr. et littér. de ce vaste Emp. 2. Partie, Paris 1843 (L'Univers), p. 610. Huc, l'Emp. Chinois, Paris 1854, T. I, p. 317. Itier, Journ. d'un voyage en Chine en 1843—1846, Paris 1848, T. III, p. 389. Послѣдній пытался акклиматизировать во Франціи крапиву *Urtica nivea* и нѣкоторыя другія, однородныя съ ней растенія. Въ результатѣ онъ отдаетъ предпочтеніе первой, какъ требующей всего меньше ухода. Согласно Рихтгофену (Zeitschrift der Berl. Gesellsch. für Erdkunde, Bd. V, p. 321) и корейцы носятъ платья, ткань которыхъ, судя по ея глянцу, должна быть соткана изъ волоконъ растенія, принадлежащаго къ роду крапивныхъ.

Digitized by Google

Всего ближе къ одеждѣ Гиляковъ подходитъ, можно сказать даже ничѣмъ отъ нея не отличается, одежда Ольчей, живущихъ рядомъ съ ними по теченію Амура. Ольчи находятся въ одинаковыхъ съ Гиляками физическихъ условіяхъ, подобно имъ живутъ главнымъ образомъ рыбной ловлей, а на заливѣ де Кастри тюленьимъ промысломъ и содержатъ многочисленныхъ собакъ — единственныхъ у нихъ домашнихъ животныхъ, которыя зимою служатъ имъ для торговыхъ и другихъ сношеній съ сосѣдними народами. Благодаря продолжительному соприкосновенію, а отчасти и совмѣстному житью съ Гиляками, Ольчи между прочимъ вполнѣ усвоили себѣ и ихъ одежду. Всѣ части ея, не исключая и рысьей шапки, и у Ольчей существуютъ въ неизмѣненномъ видѣ. Также точно и орудія, которыя служатъ Гилякамъ при изготовленіи одежды — всѣ употребляются и Ольчами и имѣютъ свои Ольче-Тунгусскія названія. Тѣмъ не менѣе у Ольчей мѣстами, а именно ближе къ Самагирской и Гольдской границамъ, попадаются также части одежды, совершенно чуждыя Гилякамъ и очевидно заимствованныя у ближайшихъ съ этой стороны сосѣдей. Таковы, напримѣръ, платья изъ оленьихъ и лосиныхъ шкуръ или боа вмѣсто бѣличьихъ хвостовъ изъ мѣха кабарги и т. п.

То же самое повторяется и съ одеждою Негидальцевъ на Амгуни. Когда Миддендорфъ, покинувъ страну тугурскихъ Тунгусовъ, перешелъ къ Негидальцамъ, онъ, несмотря на то, что языкъ послѣднихъ не иное что какъ діалектическая вѣтвь сибирско-тунгусскаго нарѣчія, получилъ впечатлѣніе «какъ будто находился среди новаго народа». Форма и покрой отдѣльныхъ частей одежды, вышитые на нихъ узоры и фигуры, привѣшанныя къ нимъ металлическія украшенія, употребляемыя для изготовленія платьевъ орудія и прочая мелкая утварь, все свидѣтельствовало о томъ, что «исходило изъ другого моднаго центра»[1]). Миддендорфъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что этотъ новый центръ модъ слѣдуетъ искать у Гиляковъ на Амурѣ и что онъ образовался подъ китайскимъ вліяніемъ, которое распространялось, спускаясь внизъ по теченію рѣки. И дѣйствительно, приложенные къ его труду рисунки негидальскихъ одѣяній и домашней утвари всѣ имѣютъ видъ снимковъ съ гиляцкихъ. Большая отдаленность отъ моря Негидальцевъ выразилось у нихъ, какъ и у Ольчей, лишь въ томъ, что они, вмѣсто обычной у Гиляковъ тюленьей шкуры, употребляютъ на свою одежду лосиную[2]).

Но если амурскіе Ольчи, какъ то свидѣтельствуютъ ихъ обычаи и одежда, вполнѣ ассимилировались съ Гиляками, зато жизнь тѣхъ изъ нихъ, которые переселились на Сахалинъ и извѣстны подъ именемъ Ороковъ, сложилась совсѣмъ иначе. Они остались оленными кочевниками, а потому и въ одеждѣ своей сохранили существенное отличіе — то есть, олени же даютъ имъ главный для нея матеріалъ. Ороки, которыхъ я видѣлъ кочующими зимою по долинѣ рѣки Тымы и по сосѣдству съ деревней Ный, на восточномъ берегу Сахалина, были съ головы до ногъ одѣты въ оленьи шкуры: ихъ шубы, шапки и сапоги

1) Миддендорфъ, Путеш. на сѣв. и вост. Сибири. Ч. II, стр. 747 и сл.

2) Миддендорфъ, тамъ же, стр. 752.

Digitized by Google

все состояло изъ этого мѣха. Покрой шубъ былъ у нихъ тотъ же, что и у гиляцкихъ собачьихъ шубъ, безъ капюшона на спинѣ. Сапоги ихъ зато совсѣмъ не походили на гиляцкіе китайскаго образца; болѣе широкіе и вообще менѣе фасонистые, они были гораздо грубѣе. Шапки отличались отъ гиляцкихъ тѣмъ, что имѣли спереди козырекъ, который иногда состоялъ изъ куска вышитой матеріи. Козырекъ вѣроятно необходимъ для защиты глазъ отъ ослѣпительной бѣлизны снѣга во время продолжительныхъ скитаній Ороковъ по горамъ и малолѣсистымъ мѣстностямъ, изобилующимъ мохомъ, который всего нужнѣе для ихъ оленей. Поверхъ шубы я видѣлъ у этихъ Ороковъ обычный у Гиляковъ короткій круглый передникъ изъ тюленьей шкуры (коську). Орокскія женщины, кочевавшія вмѣстѣ со своими мужьями, были одѣты въ шубы, крытыя синей матеріей, которыя придерживались вокругъ таліи широкимъ поясомъ съ металлическими накладками. А шапки на нихъ были точь въ точь такія, какъ обыкновенная зимняя шапка (тульф-хакъ) у гиляцкихъ женщинъ.

Ороки, живущіе на восточномъ берегу Сахалина и особенно при устьѣ изобилующей рыбою рѣки Тымы, обыкновенно проводятъ лѣто и осень въ занятіяхъ рыбной ловлей и тюленьимъ промысломъ. Соотвѣтственно и одежда ихъ, какъ о томъ сообщаетъ уже и Мамія Ринсо[1]), кромѣ оленьихъ состоитъ еще изъ тюленьихъ и рыбьихъ шкуръ, а наконецъ и изъ китайскихъ бумажныхъ матерій, которыми ихъ снабжаютъ Гиляки. Отъ нихъ же получаютъ Ороки и мѣдныя китайскія пластинки и монетки[2]) для украшенія женскихъ платьевъ, а равно и всѣ остальные предметы роскоши. Такимъ образомъ оказывается, что и Ороки, за исключеніемъ вышеупомянутаго платья изъ оленьихъ шкуръ, во всемъ остальномъ, что касается матеріала и покроя ихъ одежды, вышивокъ на ней и другихъ украшеній, находятся въ полной зависимости отъ гиляцкихъ обычаевъ и вкуса. Кромѣ того, они для шитья и для другихъ ручныхъ работъ, употребляютъ тѣ же орудія, что и Гиляки. Такъ, напр., орокское платье изъ рыбьихъ шкуръ, изображенное въ сочиненіи Зибольда о Нипонѣ[3]), представляетъ намъ образцы вышивокъ (фиг. 1 a — 1 d), одинаковыхъ съ гиляцкими. Тамъ же (фиг. 10) находимъ мы изображеніе орокской трутницы, точь въ точь такой, какъ оригинальное гиляцкое *мло*. Затѣмъ и разные другіе предметы домашней утвари (игольникъ, костяныя шилья и т. д.), пріобрѣтенные мною у Ороковъ во время моей мимолетной встрѣчи съ ними въ долинѣ рѣки Тымы, ни формой, ни украшеніями своими не отличаются отъ гиляцкихъ образцовъ этого же рода. Тождественны съ ними и тѣ экземпляры, которые намъ доставилъ Поляковъ послѣ своего болѣе продолжительнаго пребыванія среди Ороковъ (буравы и другіе инструменты, о которыхъ мы еще будемъ говорить впереди).

Но Ороки на заливѣ Терпѣнія не съ одними Гиляками находятся въ сношеніяхъ, а и съ Айнами также, и потому слѣдовало бы ожидать, что и въ одеждѣ, и въ другихъ по-

1) Tô-tats kiko, in Siebold's Nippon, VII, 190.
2) Mamia Rinsô, l. c.
3) Abth. VII, Tab. XXI, Fig. 1.

Digitized by Google

дробностяхъ ихъ быта должно было бы отражаться еще и другое вліяніе, исходящее изъ центра модъ, лежащаго въ Японіи. Но, насколько мнѣ извѣстно, ничего подобнаго нѣтъ — очевидно потому, что Аины, угнетаемые японцами и оттого находящіеся въ состояніи крайняго упадка, не могутъ оказывать такого вліянія, какъ независимые, бодрые, подвижные Гиляки, которые пользуются относительнымъ благосостояніемъ и находятся въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ китайцами.

Я самъ слишкомъ мало соприкасался съ Аинами, слѣдовательно не могу прибавить отъ себя ничего новаго къ тому, что уже извѣстно объ ихъ одѣяніи изъ разныхъ источниковъ. Замѣчу только, что, хотя они подобно своимъ сосѣдамъ, Сахалинскимъ Гилякамъ, главнымъ образомъ одѣваются въ собачьи, тюленьи, рыбьи шкуры и въ китайскія бумажныя матеріи, доставляемыя имъ Гиляками — тѣмъ не менѣе покрой ихъ платья ясно обнаруживаетъ зависимость отъ другого, а именно японскаго центра модъ. Одежда Аиновъ главнымъ образомъ состоитъ изъ двухъ или болѣе халатовъ, носимыхъ одинъ поверхъ другого. Верхній иногда бываетъ изъ туземной ткани, добываемой изъ крапивы и древеснаго луба, а зимою онъ большею частью состоитъ изъ собачьяго мѣха. Штаны не всегда употребляются. Головной уборъ тоже не составляетъ необходимости, по крайней мѣрѣ въ лѣтнее время, но иногда Аины покрываютъ голову соломенной плоско-конической формы шляпою японскаго образца. Обуваются Аины въ сапоги изъ тюленьей или рыбьей шкуры съ голенищами изъ того же матеріала или изъ собачьяго мѣха. Для пѣшеходныхъ странствованій они надѣваютъ башмаки, плетеные изъ соломы или травы, а при вязкой почвѣ въ деревняхъ носятъ деревянные, какихъ не употребляютъ ни Гиляки, ни другіе амурскіе инородцы [1]).

Но возвратимся опять на материкъ, къ инородцамъ, населяющимъ страну вдоль Амура и его притоковъ. Разсѣянные среди Ольчей на Амурѣ и на озерѣ Удылѣ Самагирцы, находясь съ ними въ непосредственной близости и постоянномъ соприкосновеніи, само собой разумѣется, и одѣваются такъ же, какъ они. На Горинѣ, однако, гдѣ они живутъ изолированными и болѣе плотными массами среди совершенно другихъ условій, и одежда ихъ представляетъ существенныя измѣненія. Тамъ, среди обширныхъ лѣсныхъ дебрей, первое мѣсто занимаетъ уже не рыболовство, а охотничій промыселъ, который тутъ и доставляетъ человѣку пищу и главный матеріалъ для его одѣянія. Когда я въ мартѣ 1855 года прибылъ въ Нгагту, главную деревню Самагирцевъ на Горинѣ, мнѣ прежде всего бросились въ глаза отступленія въ ихъ одеждѣ отъ одѣянія Ольчей и Гиляковъ. Собачій мѣхъ и тюленьи шкуры замѣнялись здѣсь лосиными и оленьими кожами. Изъ нихъ же, вмѣсто рыбьихъ шкуръ, состояла и одежда женщинъ. Платье послѣднихъ между прочимъ было вокругъ ворота и на плечахъ окрашено въ зеленый цвѣтъ, и это, при остальной бѣлизнѣ его, пока оно оставалось новымъ, придавало ему весьма щеголеватый видъ. При

1) Крузенштернъ, Путешествіе вокругъ свѣта. Ч. II, стр. 76. Busse, l. c., p. 70. Добротворскій, тамъ же, стр. 27, 28 и др.

Digitized by Google

полномъ зимнемъ одѣяніи, поверхъ этого платья надѣвается шуба изъ мѣха — оленя, лося или кабарги—, никогда не встрѣчаемая у Гиляковъ и лишь рѣдко, въ видѣ исключенія, у Ольчей [1]). Кромѣ матеріала, и покрой платья у Самагирцевъ, соотвѣтствуя ихъ образу жизни, значительно отличается отъ покроя одеждъ другихъ амурскихъ инородцевъ. Для охотника, скользящаго на лыжахъ среди лѣсной чащи, требуется болѣе короткая мѣховая или кожаная одежда съ рукавомъ, который плотно охватываетъ руку и съуживается у кисти. Объемистый головной уборъ изъ мѣха замѣняется у него аккуратно прилегающей къ головѣ мѣховой шапочкой въ видѣ чепца. Ничто не должно стѣснять и свободнаго движенія ногъ охотника. Жесткій неподатливый передникъ изъ тюленьей шкуры, *косьжа*, оказывающій такія услуги Гилякамъ и Ольчамъ, которые, путешествуя, сидятъ большею частью верхомъ на запряженныхъ собаками нартахъ, въ данномъ случаѣ былъ бы не только безполезенъ, но даже обременителенъ. Поэтому, если у Гиляковъ и Ольчей, которыхъ мнѣ случалось встрѣчать зимой, передникъ этотъ всегда составлялъ необходимую принадлежность ихъ одежды, на Самагирцахъ, напротивъ, я никогда не видалъ его. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы и они также не употребляли его при болѣе далекихъ путешествіяхъ къ Гольдамъ, Ольчамъ или къ китайскимъ купцамъ на Амурѣ.

Но если одежда Ольчей и Самагирцевъ на Горинѣ, благодаря мѣстнымъ условіямъ, представляетъ существенныя различія, то переходъ отъ Ольчей къ Гольдамъ почти вовсе по ней незамѣтенъ. За исключеніемъ головнаго убора, о которомъ рѣчь еще впереди, можно думать, что все еще путешествуешь по одной и той же странѣ. У Гольдовъ, чуть ли не больше даже чѣмъ у Ольчей, въ употребленіи для женщинъ и дѣтей одежда изъ рыбьихъ шкуръ. Притомъ гольдскія женщины умѣютъ особенно тонко и опрятно выдѣлывать рыбью кожу и украшать свои платья изъ нея разнообразными пестрыми вышивками, по формѣ и содержанію совершенно однородными съ вышеописанными. Дѣти зато, а именно мальчики, бѣгаютъ лѣтомъ въ крайне назамысловатой короткой одеждѣ изъ рыбьей шкуры, часто изорванной или въ заплатахъ (таб. XXX). Рыбья шкура (а именно шкура *Salmo lagocephalus*), какъ главный матеріалъ для изготовленія одежды, удерживаетъ свое значеніе на всемъ протяженіи страны Гольдовъ и на Амурѣ и на Уссури. И только къ верху отъ устья Сунгари, у первыхъ отроговъ Буреинскаго хребта, тамъ, гдѣ уже появляются охотничьи Бирары, она исчезаетъ и уступаетъ мѣсто звѣриной кожѣ. Такимъ образомъ Гольды были первый народъ въ рыбьихъ шкурахъ, который китайцы встрѣтили въ своемъ движеніи съ Сунгари на сѣверъ и востокъ по Амуру и по Уссури. Ихъ же, конечно, надо главнымъ образомъ подразумѣвать подъ тѣмъ народомъ, который китайцы называли: «*Юпитацзы*», то есть варвары въ рыбьихъ шкурахъ, и о которыхъ подъ этимъ именемъ упоминаютъ іезуитскіе миссіонеры, въ прошломъ столѣтіи

1) Я самъ и у Ольчей никогда не видалъ цѣлой шубы изъ кабарги.

Digitized by Google

отправляемые Пекинскимъ правительствомъ въ нижне-амурскій край [1]). Замѣтныя отступленія отъ одежды Ольчей встрѣчаются у Гольдовъ лишь гораздо дальше вверхъ по Амуру. По мѣрѣ того, какъ съ удаленіемъ отъ устья рѣки, вверхъ по ея теченію, разстояніе отъ моря все возрастаетъ, и рыбья шкура постепенно выходитъ изъ употребленія [2]). Столь обыкновенная еще у Ольчей гиляцкая *коська* у Гольдовъ совсѣмъ исчезаетъ, а ограниченное число собакъ въ ихъ домашнемъ обиходѣ дѣлаетъ болѣе рѣдкимъ среди нихъ и употребленіе собачьяго мѣха. Послѣдній постепенно у нихъ замѣняется другими мѣхами, напримѣръ, шкурами оленя, козули, кабарги, *Canis procyonoides* и т. д. Имъ ихъ дешево и въ изобиліи доставляютъ отчасти собственная охота, отчасти сношенія съ охотничьими сосѣдями, по притокамъ Амура и Уссури, съ Самагирцами, Килями на Курѣ и Орочами. Кромѣ того, чѣмъ дальше вверхъ по Амуру, тѣмъ ярче отражается на одеждѣ туземцевъ китайское вліяніе. У нихъ понемногу начинаютъ появляться различныя части китайской одежды. Такъ напримѣръ, я иногда встрѣчалъ на Гольдахъ китайскую черную овечью шубу, крытую выбойчатой матеріей. А за Геонскимъ хребтомъ, у верхнихъ Гольдовъ, совсѣмъ исчезаютъ вышеописанныя берестовыя шляпы, и въ общее употребленіе входятъ широкополыя соломенныя, китайскаго образца, и войлочныя, черныя и сѣрыя, того-же происхожденія (см. табл. XXX). Вмѣстѣ съ тѣмъ и покрой отдѣльныхъ частей одежды становится все больше и больше чисто китайскимъ. Изображенный у насъ на табл. XXX Гольдъ, напримѣръ, своей одеждой нисколько не отличается отъ китайскаго работника или даурскаго сплавщика лѣса, какихъ я часто встрѣчалъ на верхнемъ Амурѣ. Надаровъ [3]) тоже, описывая одежду Гольдовъ и Орочей, живущихъ на Уссури съ его правыми притоками, замѣчаетъ, что покрой этой одежды и въ общемъ и въ частностяхъ совсѣмъ однороденъ съ китайскимъ. Наконецъ, говоря объ одѣяніи Гольдовъ, по сравненію съ ихъ сѣверными сосѣдями на рѣкѣ Амурѣ, Ольчами и Гиляками, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что они, находясь подъ непосредственнымъ гнетомъ и вымогательствомъ маньчжуровъ и китайцевъ, вообще бѣднѣе и неопрятнѣе въ своей одеждѣ.

Это еще больше бросается въ глаза у Орочей, а именно на югѣ ихъ страны, между рѣкой Уссури и морскимъ берегомъ, гдѣ они живутъ въ перемежку съ китайцами. На сѣверѣ, напротивъ, гдѣ нѣтъ китайцевъ и гдѣ сношенія съ ними Орочей происходятъ лишь посредствомъ Ольчей и Гольдовъ, китайское вліяніе постепенно стушевывается. На заливѣ Хаджи, напримѣръ, я не нашелъ никакой существенной разницы въ одеждѣ ихъ и одноплеменныхъ съ ними амурскихъ инородцевъ. Единственная особенность ихъ платья, кажется, только въ томъ, что они, какъ завзятые охотники, имѣютъ больше выбора въ

---

1) Ср. Du Halde, Descr. de l'Empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise, T. IV, p. 10 ff. Grosier, Descr. génér. de la Chine, T. I, p. 142 ff.

2) Крайній предѣлъ, до котораго тюлени доходятъ въ Амурѣ, находится еще въ странѣ Ольчей (у Ырри, см. мое сочиненіе: Reise und Forsch. im Amur-Lande, Bd. I, p. 180), довольно далеко на сѣверъ отъ Гольдской границы.

3) Тамъ-же, стр. 67 и 77.

Digitized by Google

мѣхахъ, а какъ прибрежные жители, въ большемъ количествѣ употребляютъ тюленью шкуру, изъ которой преимущественно и состояли ихъ обувь и штаны.

Что касается одежды верхне-амурскихъ инородцевъ, то я не стану распространяться о ней, такъ какъ во время моего путешествія, лѣтомъ 1856 года, вверхъ по Амуру, я находился съ ними лишь въ поверхностныхъ сношеніяхъ. Достаточно будетъ замѣтить, что на протяженіи всего маньчжуро-китайско-даурскаго культурнаго участка на Амурѣ, между Буреинскимъ хребтомъ и устьемъ рѣки Зеи, въ деревняхъ — населены ли онѣ маньчжурами, китайцами или Даурами — все равно повсюду господствуетъ одежда китайскаго образца. То же самое надо сказать и объ осѣдлыхъ на Амурѣ Бирарахъ по ту сторону Буреинскаго хребта. Они, какъ и вышеупомянутые народы, промышляютъ земледѣліемъ и огородничествомъ, и въ одеждѣ своей ничѣмъ не отличаются отъ своихъ ближайшихъ сосѣдей, Дауровъ. Иное дѣло съ кочующими верхне-амурскими инородцами — Бирарами, Манегирцами и Орочонами, которые занимаются охотой и ведутъ полукочевую, полубродячую жизнь. Здѣсь, по мѣрѣ удаленія отъ вышеупомянутаго культурнаго участка на рѣкѣ Амурѣ, китайское вліяніе постепенно исчезаетъ. Покрой одежды, матеріалъ для нея и украшенія, все понемногу принимаетъ общій сибирско-тунгусскій характеръ. Къ нему присоединяется съ сѣвера еще якутское вліяніе, а чрезъ посредство якутскихъ купцевъ, посѣщающихъ кочевниковъ, и русское. Послѣднему особенно подчинены Орочоны[1]), всѣхъ ближе живущіе къ русскимъ въ Забайкальской области, и даже послѣ Нерчинскаго трактата фактически оставшіеся подвластными имъ. Кромѣ того, измѣненія въ одеждѣ Орочоновъ, по сравненію съ ихъ сосѣдями, Манегирцами и Бирарами[2]), тяготѣющими къ китайско-даурскому міру, главнымъ образомъ обусловливаются еще тѣмъ, что они — оленьи кочевники, слѣдовательно оленій мѣхъ и кожа играютъ выдающуюся роль въ ихъ домашнемъ обиходѣ.

Одежда амурскихъ инородцевъ, какъ видно изъ вышесказаннаго, хотя иногда и проявляетъ черты яркой оригинальности у отдѣльныхъ народностей, однако вовсе не представляетъ такихъ рѣзкихъ особенностей или отличій, чтобы по нимъ можно было немедленно опредѣлить, къ какой именно изъ нихъ принадлежитъ данное лицо. Возьмемъ, напримѣръ, Гиляковъ, которые, и по происхожденію своему, и по языку, стоятъ совсѣмъ отдѣльно отъ другихъ амурскихъ инородцевъ: въ одеждѣ своей они рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ своихъ сосѣдей Ольчей. Переходъ въ этомъ отношеніи отъ послѣднихъ къ Гольдамъ, въ свою очередь, совершается незамѣтно и т. д. Однородный климатъ,

---

1) См. Т. I, стр. 44—46, 81.

2) Подробное описаніе одежды Манегирцевъ и Орочоновъ, см. у Маака (Путеш. на Амуръ, С.-Петербургъ 1858, стр. 50 и 71—73) и у Герстфельда (О приберж. жит. Амура.—Вѣстн. Русск. Геогр. Общ Ч. 20, 1857, Отд. Изслѣд. и Мат., стр. 294).

Digitized by Google

одинаковыя пища и средства къ существованію, одинаковый образъ жизни, однѣ и тѣ же культурныя вліянія и непрерывныя взаимныя сношенія, съ теченіемъ времени уравняющимъ образомъ подѣйствовали и на одежду этихъ народовъ — частью смягчили, частью совсѣмъ сгладили — вѣроятно существовавшія первоначально различія.

Иное дѣло съ другой чертой внѣшности этихъ народовъ — съ ихъ головнымъ уборомъ. Съ нимъ случилось наоборотъ. Однообразіе, которое, должно полагать, нѣкогда въ немъ существовало, съ теченіемъ времени было нарушено ходомъ политическихъ событій. Въ немъ произошли измѣненія, породившія тѣ различія, которыя нынѣ встрѣчаются даже у самыхъ родственныхъ между собой амурскихъ племенъ, и даютъ возможность по головному убору сразу опредѣлить, къ какому именно изъ нихъ принадлежитъ тотъ или другой индивидуумъ.

Гиляки носятъ длинные волосы съ проборомъ посерединѣ, заплетенные — у мужчинъ въ одну, а у женщинъ въ двѣ косы, спускающіяся вдоль спины. Если волосы слишкомъ коротки или жидки для косы, ихъ оставляютъ незаплетенными, что имѣетъ крайне неопрятный видъ, а старыхъ женщинъ превращаетъ въ настоящихъ вѣдьмъ. Густые волосы и длинная коса считаются украшеніемъ, но я не видѣлъ, чтобы Гиляки, подобно китайцамъ, искусственно удлиняли ее, вплетая въ нее черный шелкъ. Плѣшивая голова, напротивъ, вызываетъ насмѣшки. Для усиленія роста волосъ у дѣтей ихъ время отъ времени стригутъ, причемъ, по крайней мѣрѣ у мальчиковъ, оставляютъ спереди клокъ, который или перевязываютъ или заплетаютъ, а на верхушкѣ украшаютъ спускающейся на лобъ бисерной розеткой [1]). Взрослые Гиляки никогда не стригутъ волосъ ни на головѣ, ни на лицѣ. У нихъ даже существуетъ повѣрье, что если взрослый человѣкъ отрѣжетъ себѣ косу или совсѣмъ острижетъ голову, онъ этимъ навлечетъ на себя болѣзнь, а то, пожалуй, и смерть. Но послѣ смерти коса обыкновенно отрѣзывается и сохраняется родными покойнаго или покойной. Такъ Гилякъ Кимрканъ въ Калмѣ показывалъ мнѣ косы своей первой жены и своей дочери, которыя онъ имъ отрѣзалъ послѣ ихъ смерти. Завернутыя въ березовой корѣ, онѣ хранились въ небольшомъ ковчежцѣ, въ видѣ домика (такъ называемомъ *раффѣ*, о которомъ рѣчь впереди), сооружаемомъ въ память усопшихъ. Гиляки также неопрятно содержатъ волосы, какъ и одежду. Поэтому они, съ цѣлью нѣсколько усмирять назойливыхъ паразитовъ, то и дѣло бьютъ себя по головѣ ладонью или прибѣгаютъ для того къ другому средству, а именно, приложивъ четыре пальца къ головѣ, пятымъ, большимъ, усердно скребутъ ее. Присутствіе паразитовъ въ волосахъ Гиляки даже считаютъ признакомъ хорошаго состоянія здоровья. Во время моего пребыванія въ Николаевскомъ постѣ одинъ русскій взялъ къ себѣ на воспитаніе гиляцкаго мальчика. Черезъ нѣсколько времени ребенка навѣстилъ отецъ и, не найдя въ его волосахъ паразитовъ, встревожился за здоровье сына и

---

1) Нѣчто подобное видѣлъ я позже у Дауровъ въ деревнѣ Хормольдинѣ: мальчикамъ тамъ бреютъ голову, причемъ кое-гдѣ, то на макушкѣ, то съ боковъ, и совсѣмъ не симметрично, оставляется по клочку волосъ, что придаетъ имъ въ высшей степени забавный видъ. Должно быть, то же дѣлаютъ и китайцы.

Digitized by Google

увелъ его обратно домой. Кромѣ того, у Гиляковъ, какъ у большинства первобытныхъ народовъ, существуетъ еще отвратительный обычай давить на зубахъ паразитовъ, какъ головныхъ, такъ и водящихся на одеждѣ. Мое отвращеніе при видѣ этого показалось Гилякамъ забавнымъ. «Зачѣмъ вы это дѣлаете», спросилъ я: «вѣдь въ пищу они не годятся и, конечно, невкусны». — «Мы съ ними», получилъ я въ отвѣтъ, «поступаемъ такъ, какъ они съ нами».

Такъ точно, какъ Гиляки, убираютъ свои волосы и ближайшіе сосѣди ихъ, Негидальцы, Ольчи и одноплеменные съ послѣдними Ороки на Сахалинѣ[1]). Можно предполагать, что и Аины тоже нѣкогда, подобно Гилякамъ, обращались со своими волосами, болѣе или менѣе предоставляя ихъ естественному росту. Но такъ могло быть только пока они не подпали подъ иго японцевъ, когда, въ знакъ своей зависимости, приняли и ихъ головной уборъ. Японцы, какъ извѣстно, бреютъ себѣ темя и переднюю часть головы, да и позади не отпускаютъ волосъ такъ длинно, какъ китайцы. Они и въ косу ихъ не заплетаютъ, но по извѣстной мѣркѣ обрѣзавъ въ кружокъ, собираютъ у темени, гдѣ тесемкой связываютъ въ пучекъ и располагаютъ по направленію ко лбу. За исключеніемъ этой послѣдней подробности, которая для первобытнаго народа черезчуръ сложна и требуетъ слишкомъ большой заботливости и ухода[2]), во всемъ остальномъ, что касается уборки волосъ, Аины подражаютъ своимъ властелинамъ. Такъ, напримѣръ, патеръ Іеронимъ де Анджелисъ уже въ 1622 году сообщаетъ, что жители на Ессо коротко стригутъ переднюю часть головы, оставляя совсѣмъ обнаженными виски, а позади носятъ волосы длинными, какъ японцы[3]) (то есть не заплетая ихъ въ косу, которая спускалась бы на спину). Фрисъ прибавляетъ, что тамошнія женщины, то какъ мужчины подстригаютъ себѣ волосы сзади, то предоставляютъ имъ свободно расти, и подкалываютъ ихъ какъ японки[4]). Согласно Браутону[5]), аинскія женщины хотя и подстригаютъ себѣ волосы въ кружокъ, однако вообще носятъ ихъ длиннѣе, чѣмъ мужчины. По свидѣтельству Крашенинникова[6]), и Курильскіе Аины бреютъ себѣ переднюю часть головы, отъ лба до макушки; женщины же только подрѣзаютъ ихъ спереди такъ, чтобы они не падали на глаза. По приведеннымъ въ I томѣ настоящаго сочиненія фотографическимъ снимкамъ (томъ I, табл. IV) видно, что Аины и на югѣ Сахалина — мужчины и женщины — всѣ также точно убираютъ себѣ голову. Но дальше, на сѣверѣ, гдѣ прекращается японское владычество, Аины перестаютъ носить навязанный имъ японцами головной уборъ, и убираютъ волосы

1) Уже Мамиа Ринсо (Tôtats-ki ko, въ Siebold's Nippon VII, p. 189) сообщаетъ объ Орокахъ, что они не стригутъ волосъ, но предоставляютъ имъ падать по плечамъ или свертываютъ ихъ въ толстую косу на затылкѣ.

2) Такъ, напримѣръ, Японцы, чтобы и ночью не портить своей прически, вмѣсто подушекъ употребляютъ небольшую деревянную скамейку съ углубленіемъ для головы.

3) Witsen, Noord en Oost Tartarye. Tweede Druk, Amsterdam 1705, II. Theil, p. 57; Siebold, Aardrijks en volkenkund, toelicht. Amsterd. 1858, p. 94.

4) Siebold, l. c., p. 100.

5) A Voyage of discov. to the North Pacif. Ocean, London 1804, p. 105.

6) Опис. земли Камчатки (Полн. собр. учен. путеш. по Россіи. Т. II, стр. 258).

Digitized by Google

такъ точно, какъ Гиляки, то есть, вовсе ихъ не стригутъ и заплетаютъ въ одну косу, которая спускается на спину. И это не только въ пограничныхъ съ Гиляками деревняхъ, гдѣ Аины живутъ вмѣстѣ съ ними, напримѣръ, въ Ктеусѣ (Ктаузи), Порокотанѣ (по гиляцки Пиля-во) на западномъ берегу Сахалина [1]), но и на восточномъ, къ сѣверу отъ Уссуро, близъ Эстури и т. д. [2]), гдѣ вовсе нѣтъ Гиляковъ. Это не просто слѣдствіе гиляцкаго вліянія, какъ оно отразилось на нѣкоторыхъ частяхъ одежды Аиновъ, но родъ политической манифестаціи. Въ знакъ того, что они освободились отъ японцевъ и отнынѣ не хотятъ имѣть съ ними ничего общаго, Аины приняли головной уборъ своихъ сосѣдей, которыхъ не коснулось японское иго. Уборъ этотъ, я полагаю, могъ существовать и у самихъ Аиновъ до ихъ порабощенія, и у нихъ, вѣроятно, сохранилось преданіе о немъ. Такимъ образомъ, болтающаяся за спиной коса служитъ у Аиновъ выраженіемъ свободы и независимости. Давленіе со стороны японцевъ, въ силу котораго Аины должны, какъ они, убирать себѣ волосы, однако не распространяется на бороду. Они могутъ свободно ее отпускать, и она, какъ извѣстно, достигаетъ у нихъ почтенныхъ размѣровъ. Поэтому многіе изъ нихъ, какъ о томъ уже и въ былыя времена разсказывали іезуитскіе миссіонеры [3]), носятъ при себя маленькую палочку, которою, когда пьютъ, приподнимаютъ усы, тогда, какъ другіе Сахалинскіе и амурскіе инородцы, съ менѣе сильной или совсѣмъ слабой растительностью на лицѣ, въ этомъ орудіи не нуждаются.

Подобно тому, какъ японское владычество сказалось на головномъ уборѣ Аиновъ, такъ китайское отразилось на способѣ носить волосы у народовъ, живущихъ на материкѣ по Амуру и его притокамъ, вверхъ отъ Ольчей. Самагирцы на Горинѣ и Гольды рѣзко отличаются головнымъ уборомъ отъ своихъ одноплеменныхъ сосѣдей, Негидальцевъ и Ольчей. У нихъ вся передняя часть головы, отъ виска до виска, выбрита или коротко выстрижена, а остальные волосы заплетены позади въ одну длинную косу (см. т. I, табл. III наст. соч.). Этотъ способъ убирать волосы такъ распространенъ между ними, что его держатся даже тѣ Гольды, которые живутъ разсѣянные среди Ольчей. Таковъ въ настоящее время и головной уборъ китайцевъ. Но въ прежнія времена китайцы не брили передней части головы, а предоставляли волосамъ вездѣ свободно расти, тщательно собирали ихъ въ одинъ пучекъ на макушкѣ, гдѣ связывали его тесьмой или полоской какой-нибудь матеріи, украшали золоченой проволокой и т. д. При ханахъ изъ династіи Ганъ (179—155 г. до Р. Х.) нѣкоторыя преступленія наказывались тѣмъ, что виновному брили голову [4]). Лишь съ водвореніемъ нынѣ царствующей Маньчжурской династіи былъ изданъ правительственный эдиктъ, который предписывалъ носить волосы по нынѣ существующему маньч-

---

1) Fr. Schmidt, Histor. Ber. über den Verlauf der physik. Abtheil. der Exped. der Russ. Geogr. Gesellsch. (Beiträge zur Kenntn. des Russ. Reiches, Bd. XXV, p. 65).

2) Мицуль, Очеркъ остр. Сахалина. С.-Петербургъ 1873, стр. 129.

3) Такъ напримѣръ о томъ упоминаетъ патеръ Алоизій Фрусъ въ своемъ письмѣ отъ 1565 г., см. Siebold, Aardr. en volkenkund. toelicht. etc., p. 93. Ср. также Schmidt, Hist. Bericht etc., p. 93.

4) Panthier, Chine moderne ou descript. hist. géogr. et littér. de ce vaste emp. II partie, Paris, 1843 (L'Univers), p. 231.

Digitized by Google

журскому образцу. Мѣра эта вызвала сильное сопротивленіе, была причиной многихъ возстаній и окончательно восторжествовала только съ помощью оружія[1]). Повиноваться ей должны были и всѣ амурскіе инородцы, фактически состоявшіе подъ маньчжуро-китайскимъ владычествомъ. Въ числѣ ихъ въ нижне-амурскомъ краѣ прежде всего были Гольды на Сунгари и Уссури, которые живутъ всѣхъ ближе къ маньчжуро-китайцамъ, и на территоріи которыхъ во многихъ мѣстахъ пребываютъ на постоянномъ жительствѣ маньчжуро-китайскіе чиновники. Маньчжурскій способъ убирать голову, можетъ быть, тѣмъ легче привился у Гольдовъ, что они, еще до покоренія Китая маньчжурами, находились въ сношеніяхъ съ однимъ изъ маньчжурскихъ племенъ — съ Дючерами, и отчасти даже жили въ перемежку съ ними[2]). Во всякомъ случаѣ нынѣ способъ этотъ у нихъ во всеобщемъ употребленіи. Въ странѣ близъ устья Сунгари Маакъ[3]) видѣлъ, что и гольдскія женщины, несмотря на консервативный духъ, какимъ вообще отличается ихъ полъ, убирали волосы по примѣру маньчжурскихъ женщинъ. Онѣ, съ проборомъ посерединѣ или безъ него, зачесывали ихъ назадъ, заплетали въ двѣ косы и свертывали на головѣ, то совсѣмъ плоско, то въ видѣ башни, которая придерживалась длинными костяными или серебряными шпильками (по-гольдски: *conxo*), съ рѣзьбой или цвѣтнымъ камнемъ. Гольды[4]) переняли у китайцевъ даже обычай, въ знакъ траура по близкимъ родственникамъ, обрѣзать косу[5]). Самагирцы на Горинѣ тоже усвоили себѣ маньчжуро-китайскій способъ носить волосы—главнымъ образомъ, конечно, при посредствѣ Гольдовъ. И это тѣмъ успѣшнѣе, что при сліяніи

---

1) Neuhof, Die Gesandtsch. der Ost-Indisch. Gesellsch. in den verein. Niederländ. an den Tartar. Cham. u. nunmehr auch Sinisch. Kaiser etc. Amsterdam 1666, p. 125, 289, 405, 419, 422, 429. Ср. также Краткое описаніе Китайской Имперіи китайца Діонисія Као, въ приложеніи къ сочиненію Исбрантса-Идеса (Isbrants-Ides), Driejaar. Reize naar China. Amsterdam 1704, p. 183. Zusätze zu des Joh. Bapt. Du Halde ausführl. Beschr. des Chines. Reiches u. der Gross. Tartarei, aus d. Franz. übers., Rostock 1756, p. 91, 101, 110, 157. Grosier, Descr. génér. de la Chine, Paris 1787, T. II, p. 280. Pauthier et Bazin, Chine mod. etc., I Part., p. 416, 227, 429. Davis, La Chine, trad. de l'Angl., Paris 1837, T. I, p. 185. Plath, Die Völker der Mandshurey, Goettingen 1830, Bd. I, p. 270; Bd. II, p. 709. Палласъ (Reise durch versch. Prov. des Russ. Reiches, Bd. III, p. 126) замѣчаетъ, что сами китайцы въ Кяхтѣ съ неудовольствіемъ относятся къ необходимости убирать свои волосы по маньчжурскому образцу. Вышеупомянутый эдиктъ китайскаго правительства, кромѣ различныхъ частей Китая, вызвалъ возмущеніе также среди Корейцевъ, которые, уже при первомъ императорѣ маньчжурской династіи, состояли данниками маньчжуровъ (Plath, l. c., Bd. I, p. 297). Корейцы и по сихъ поръ не бреютъ волосъ, но собираютъ ихъ на макушкѣ и заплетаютъ въ торчащую кверху косичку, а женщины обвиваютъ волосы вокругъ головы (Пржевальскій, Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ, С.-Петерб. 1870, стр. 108). И незначительный горный народъ Miao-цзеу, провинціи Куеиченъ, отстаивая свою независимость, также съумѣлъ уклониться отъ повиновенія эдикту (Davis, l. c., T. I, p. 150, 188).

2) См. Т. I, стр. 155 наст. соч. Къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ о томъ, какъ носили волосы Дючеры до своего переселенія на Хурху. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нынѣ они, или вѣрнѣе ихъ потомки, убираютъ голову по маньчжуро-китайскому способу.

3) Путеш. на Амуръ, С.-Петерб. 1859, стр. 141.

4) Іакинфъ, Китай, его жит., нравы, обыч., просвѣщ. С.-Петерб. 1840, стр. 177. Китайцы, кромѣ того, въ знакъ траура еще нѣкоторое время не бреютъ головы и бороды (Pauthier, Chine mod. etc., II Partie, p. 260).

5) Венюковъ (Обозр. р. Уссури и земель къ вост. отъ нея до моря. — Вѣстн. Русск. Геогр. Общ., Ч. 25, 1859, Отд. Изслѣд. и Матер., стр. 199) видѣлъ на Уссури Гольда, который такимъ образомъ носилъ трауръ по своей матери.

Digitized by Google

Горина съ Амуромъ, въ Цянкѣ, находится постоянное поселеніе китайскихъ купцевъ, а нѣсколько выше, на главной рѣкѣ, въ Мылки, постоянно пребываютъ на жительствѣ маньчжуро-китайскіе чиновники, которые, само собой разумѣется, не оставляли Самагирцевъ безъ напоминанія о китайскомъ господствѣ.

Народы, живущіе дальше на сѣверъ и внизъ по теченію Амура, Ольчи, Негидальцы и Гиляки, напротивъ, съумѣли не подчиниться маньчжуро-китайскому эдикту — предположивъ, что онъ когда-либо проникалъ къ нимъ — и удержали свой старый головной уборъ. Но они лишь номинально находятся подъ китайскимъ владычествомъ, и среди нихъ никогда не селились маньчжуро-китайскіе чиновники. Это тѣ самые народы, которыхъ китайцы называютъ длинноволосыми, согласно Вено, «*Чанг-мао-цзе*», въ противоположность къ «*Туанг-мао-цзе*» или татарамъ (варварамъ) съ бритыми головами — Гольдамъ и др.[1]). Небритая и нестриженная голова у этихъ народовъ служитъ, какъ коса у Аиновъ, знакомъ свободы. Отсюда понятно, почему у Гиляковъ, которые особенно гордятся своей независимостью отъ маньчжуро-китайцевъ, отвращеніе стричь волосы или обрѣзать косу такъ сильно, что доходитъ почти до суевѣрія.

Насколько фактическое, а не номинальное только, владычество Небесной Имперіи обусловливаетъ среди амурскихъ инородцевъ маньчжуро-китайскій способъ убирать волосы, мы видимъ и на Орочахъ. На крайнемъ югѣ ихъ страны, гдѣ они именуются Тацзами и пребываютъ подъ сильнымъ гнетомъ живущихъ среди нихъ многочисленныхъ китайцевъ (Маньцзовъ), Орочи точь въ точь, какъ они, убираютъ волосы — съ тою только разницей, что передняя часть головы у нихъ, за недостаткомъ соотвѣтственныхъ орудій, не бреется, а коротко выстригается[2]), какъ то иногда встрѣчается и у Гольдовъ и у Самагирцевъ. Дальше же на сѣверъ на заливѣ Ольги, напримѣръ, или по верхнему теченію рѣки Пора, гдѣ число китайцевъ ограниченнѣе и Орочи менѣе стѣснены, въ способѣ уборки ихъ волосъ появляется маленькое отступленіе. Обращаясь съ передней частью головы, какъ сказано выше, они — и мужчины и женщины остальные волосы заплетаютъ не въ одну, а въ двѣ косы, которыя спускаютъ отъ ушей на плечи и спереди соединяютъ бисернымъ снуромъ. Ни у кого больше изъ другихъ амурскихъ инородцевъ я не видалъ, чтобы и мужчины заплетали волосы не въ одну, а въ двѣ косы[3]). Наконецъ еще выше на сѣверъ, гдѣ

---

1) Venault, Excursion dans les parties intérieures de la Mandchourie, 1850 (Nouv. Annales des voyages, T. XXX, 1852 [II], p. 205, 214). Въ деревняхъ съ населеніемъ изъ Чанг-мао-цзе, каковы: «Аки», первое внизъ по теченію рѣки, «Пуло» и «Укту», о которыхъ говоритъ Вено, не трудно угадать деревни Ольчей: Ади, Пулу и Ухтръ. Мы уже говорили (см. Т. I, стр. 105 наст. соч. и выше стр. 388, прим. 1), что причисляемые къ Чанг-мао-цзе Ки-ли-ми, которые убійствомъ Делабрюньера подали поводъ къ путешествію Вено, были именно Гиляки. Вено замѣчаетъ еще, что Чанг-мао-цзе своей наружностью ближе подходятъ къ европейскому типу, нежели Туанг-мао-цзе, что совершенно вѣрно въ примѣненіи къ Гилякамъ и Ольчамъ и въ противоположность къ Гольдамъ, Орочамъ и др. (см. выше).

2) Венюковъ, Обозр. рѣки Уссури (Вѣстн. Русск. Геогр. Общ. Ч. 25, 1859, Отд. Изслѣд. и Матер., стр. 234). Его же, Путеш. по окраин. Русск. Азіи и Зап. о нихъ, С.-Петерб. 1868, стр. 88.

3) Я встрѣчалъ на Уссури многихъ Орочей съ волосами, заплетенными въ двѣ косы; они прибывали

Digitized by Google

Орочи живутъ уже въ полной независимости отъ китайцевъ, какъ напримѣръ въ Императорской гавани, они, какъ я и самъ видѣлъ, носятъ волосы такъ точно, какъ Гиляки и Ольчи, а именно, совсѣмъ не стригутъ ихъ и заплетаютъ — мужчины въ одну, женщины въ двѣ косы, падающія на спину.

Головной уборъ верхне-амурскихъ инородцевъ подвергся той же участи, что и у большинства нижне-амурскихъ. Порабощенные китайцами, они, въ знакъ своей зависимости, должны были принять и ихъ головной уборъ. Мы видѣли, что нѣкоторые изъ наиболѣе отдаленныхъ племенъ на нижнемъ Амурѣ успѣли уклониться отъ повиновенія правительственному эдикту; на верхнемъ же, гдѣ китайско-маньчжурское населеніе гораздо многочисленнѣе и плотнѣе, ему должны были, за небольшимъ исключеніемъ, повиноваться всѣ народы. Нынѣшніе Дауры и осѣдлые Бирары, вполнѣ усвоившіе себѣ китайскій образъ жизни и одежду, само собой разумѣется, приняли и головной уборъ ихъ. Также точно стали носить волосы и кочующія племена, бродячіе Бирары и Манегирцы. Этому, очевидно, главнымъ образомъ содѣйствовали слѣдующіе по пятамъ за кочевниками даурскіе купцы, а съ другой стороны маньчжуро-китайскіе чиновники, которые, ежегодно объѣзжая страну для сбора даней и ревизіи границъ, поддерживаютъ въ населеніи страхъ передъ китайской властью. Манегирцы простираютъ свое подражаніе китайцамъ до того, что, также какъ они, удлиняютъ косу, вплетая въ нее, когда имъ позволяютъ средства, черныя шелковыя нити[1]), а въ знакъ траура по умершимъ родственникамъ совсѣмъ обрѣзаютъ косу и на время перестаютъ брить или стричь переднюю часть головы[2]).

Впрочемъ, Манегирцы — послѣдній вверхъ по теченію Амура народъ, который сплошь носитъ волосы по маньчжуро-китайскому образцу. Дальше на западъ, у Орочонъ, мы встрѣчаемъ то же явленіе, что и у Орочей, на крайнемъ востокѣ Амурскаго края. На югѣ своей страны, по восточному склону большого Хинганскаго хребта, по притокамъ р. Нонни, на Номинѣ, Гани, Гуюлѣ и др., гдѣ Орочоны живутъ въ полной зависимости отъ Дауровъ и отчасти отъ китайцевъ[3]), они вѣроятно и волосы носятъ какъ тѣ. Но обычай такимъ образомъ убирать голову, постепенно исчезаетъ по мѣрѣ удаленія на сѣверъ. А на верхнемъ Амурѣ съ его сѣверными притоками, гдѣ Орочоны, вопреки Нерчинскому трактату, фактически не выходили изъ подъ русскаго вліянія и господства, они сохранили и свой первоначальный головной уборъ. Они вовсе не стригутъ волосъ, предоставляя имъ падать прямыми прядями на плечи, или собираютъ ихъ въ пучекъ на макушкѣ[4]).

туда на лодкахъ, слѣдуя внизъ по теченію рѣки Пора. Госпожа Васильева говоритъ то же о туземцахъ въ гавани Ольги (Олимпіада Васильева, Гавань Св. Ольги. — Извѣстія Русск. Геогр. Общ., Т. VIII, 1872, Отд. II, стр. 67), а Березинъ (Очеркъ русск. порт. въ Татарск. прол. и Японскомъ морѣ. — Морской Сборн. 1861, № 1, Ч. неоф., стр. 163) о приморскихъ Тацзахъ безъ дальнѣйшаго опредѣленія мѣстности.

1) Маакъ, Путеш. на Амуръ, стр. 72.

2) Объ одномъ такомъ случаѣ сообщаетъ Миддендорфъ (Путеш. на сѣв. и вост. Сибири, Ч. II, стр. 727).

3) См. Т. I, стр. 46, наст. соч.

4) Герстфельдъ, О прибрежн. жителяхъ Амура (Вѣстн. Русск. Геогр. Общ., Ч. 20, 1857, Отд. Изслѣд. и Мат., стр. 296). Ѳ. Буссе, Очеркъ условій земледѣлія въ Амурскомъ краѣ (Зап. для чтенія, издав. Трубниковымъ, Авг. — Дек. 1869, стр. 116).

Digitized by Google

Такимъ образомъ способъ уборки волосъ у каждаго изъ амурскихъ инородцевъ служитъ знакомъ его свободы или зависимости отъ маньчжуро-китайцевъ, а на Сахалинѣ отъ японцевъ. Границы, до которыхъ простирается обычай носить волосы — на Амурѣ по китайскому, а на Сахалинѣ по японскому образцу — въ то же время представляются и границами фактическаго господства маньчжуро-китайцевъ или японцевъ надъ этими народами. Это не этнографическая, а политическая пограничная линія: она и на западѣ и на востокѣ Амурскаго края и Сахалина пересѣкаетъ поперекъ области, занимаемыя соотвѣтственными народами (Орочонами, Орочами, Аинами). Мѣстами только раздѣляетъ она близко родственныя племена (напримѣръ, Ольчей отъ Самагирцевъ и Гольдовъ) и никогда не совпадаетъ съ границами народностей съ столь коренными различіями, какъ Гиляки съ одной стороны и амурскіе Тунгусы или Аины съ другой. Тѣмъ не менѣе эта пограничная линія имѣетъ и свой этнографическій интересъ, такъ какъ степень зависимости амурскихъ инородцевъ отъ маньчжуро-китайцевъ и японцевъ оказываетъ вліяніе и на общій ходъ ихъ жизни и быта.

Во внѣшнемъ бытѣ этихъ народовъ существуетъ еще одно условіе, которое гораздо больше одежды отличаетъ ихъ одинъ отъ другого. Это — украшенія, употребляемыя ими для нѣкоторыхъ частей тѣла.

Всѣ туземные жители Амурскаго края, въ томъ числѣ и Гиляки, носятъ въ ушахъ серьги. Это — чаще всего серебряная или мѣдная проволока, сверху согнутая въ кольцо, снизу завитая въ спираль (маленькая серьга на табл. XXIX, фиг. 7). Иногда серьгу образуетъ болѣе крупное кольцо изъ серебряной проволоки, унизанное стеклянными бусами или плоскими съ дырочкой посерединѣ кружками изъ бѣлаго камня *(ядеита)* съ сѣроватымъ или зеленоватымъ отливомъ (большая серьга на табл. XXIX, фиг. 6). Мужчины носятъ постоянно по одному кольцу въ каждой ушной мочкѣ, а женщины по два и по три болѣе крупныхъ съ подвѣсками, длиною иногда въ нѣсколько дюймовъ, которыя своею тяжестью сильно оттягиваютъ нижнюю часть уха. У гиляцкихъ дѣтей я не разъ видѣлъ еще, рядомъ съ металлическимъ кольцомъ въ ушной мочкѣ по небольшому пучку лисьяго волоса. Это, кромѣ украшенія, можетъ быть, должно служить и для защиты отъ холода. Замѣчательно, что Гиляки, Ольчи, Ороки и, насколько мнѣ извѣстно, Негидальцы, кромѣ серегъ, не употребляютъ никакихъ другихъ украшеній ни для головы, ни для лица. У Самагирцевъ на Горинѣ, у Гольдовъ и Орочей, напротивъ, встрѣчается еще второе, сходное съ первымъ, украшеніе — впрочемъ для однѣхъ женщинъ [1]).

---

1) Одинъ только разъ, въ видѣ исключенія, видѣлъ Маакъ (Путеш. на Амуръ, стр. 224) это украшеніе на мужчинѣ, а именно на Гольдѣ изъ Мылки. Мнѣ не случалось встрѣчать ничего подобнаго.

Digitized by Google

Послѣднія даже никогда безъ него не обходятся, и по немъ всегда можно отличить женщинъ этихъ племенъ отъ женщинъ у Ольчей и Гиляковъ. Это — кольцо для носа, точь въ точь такое, какъ вышеописанное малое ушное, только еще нѣсколько меньше. Оно продергивается сквозь носовую перемычку и спускается на верхнюю губу. Украшеніе это, въ высшей степени странное, некрасиво, и къ тому же мало согласуется съ опрятностью, которою и безъ того не отличаются названные народы. Наконецъ, о распространеніи вышеупомянутыхъ украшеній среди Орочей можно сказать то же самое, что и о головномъ уборѣ. Сѣверные Орочи, въ Императорской гавани напримѣръ, сходны въ употребленіи этихъ украшеній съ Ольчами и Гиляками, южные, или Тацзы, на морскомъ берегу, по крайней мѣрѣ внизъ отъ залива Ольги[1]), и по правымъ притокамъ рѣки Уссури — съ Гольдами и Самагирцами: первые носятъ только серьги, а у вторыхъ женщины и въ носъ продергиваютъ кольца. Кромѣ того, у орочскихъ женщинъ или дѣвушекъ, а иногда и у гольдскихъ на Уссури и на Амурѣ, неподалеку отъ сліянія обѣихъ рѣкъ, встрѣчается еще такое же маленькое колечко, продернутое въ одну изъ ноздрей[2]). Изъ всего вышесказаннаго легко заключить, что обычай носить кольца въ носу у нижне-амурскихъ инородцевъ совпадаетъ съ распространеніемъ среди нихъ маньчжуро-китайскаго головного убора: народы, которые не приняли этого убора, не носятъ колецъ ни въ ноздряхъ, ни въ носовой перемычкѣ. Я не нахожу однако объясненія этому совпаденію между китайскимъ головнымъ уборомъ и страннымъ обычаемъ носить въ носу кольца у туземныхъ жителей нижне-амурскаго края: насколько извѣстно, китайцы не употребляютъ такого украшенія. Къ тому же это совпаденіе существуетъ только на нижнемъ Амурѣ и вовсе не встрѣчается на верхнемъ. Хотя маньчжуро-китайскій головной уборъ гораздо больше распространенъ въ верхне-амурскомъ, нежели въ нижне-амурскомъ краѣ, однако ни одно изъ тамошнихъ племенъ, ни Бирары, ни Манегирцы, ни Орочоны не носятъ колецъ въ носу. Такимъ образомъ оказывается, что обычая этого вообще держатся лишь весьма немногія изъ многочисленныхъ тунгусскихъ племенъ на Амурѣ. Не слѣдуетъ ли его считать остаткомъ прошедшаго времени, въ которое онъ, вѣроятно, былъ болѣе общимъ?

Самое обыкновенное у всѣхъ амурскихъ инородцевъ, именно у женщинъ, украшеніе — это серебряныя или мѣдныя кольца. Онѣ носятъ ихъ иногда по нѣсколько на одномъ пальцѣ. Не менѣе обычны среди нихъ и такіе же металлическіе или костяные браслеты (по гиляцки *тыйсь*), которые надѣваются на руку выше кисти. На табл. XXIX (фиг. 8 и 9) изображены два такіе мѣдные браслета гиляцкой работы: они выложены серебряными пластинками и украшены небольшой гравировкой.

Гораздо своеобразнѣе другое, тоже весьма распространенное на Амурѣ украшеніе. Это объемистое толстое кольцо, которое только мужчины носятъ на большомъ пальцѣ

1) Олимпіада Васильева, тамъ же, стр. 67.

2) По свидѣтельству Пржевальскаго (тамъ же, стр. 105) въ правой, а согласно Надарову (тамъ же, стр. 78) и Мааку (тамъ же, стр. 179) въ одной изъ двухъ ноздрей.

Digitized by Google

правой руки. Гиляки называютъ его *аамъ*, и оно имѣетъ у нихъ форму и величину, изображенныя у насъ на таблицѣ XLV (фиг. 5). Оно бываетъ мѣдное или свинцовое, и украшается разнообразными гравировками и фигурками изъ мѣдныхъ или серебряныхъ пластинокъ. Внутри кольцо иногда еще бываетъ выложено крѣпко припаянной серебряной полоской, края которой загнуты наружу. Кольцо это не простое украшеніе, но имѣетъ еще и практическое назначеніе. Лаперузъ, видѣвшій его у Орочей (или Ольчей) на заливѣ Де-Кастри, полагалъ, что оно служитъ имъ упоромъ для ножа при потрошеніи рыбы и при сдираніи съ нея кожи[1]): но занятіе это не мужское, а женское. У Гиляковъ я самъ видѣлъ, что кольцо на большомъ пальцѣ служитъ при стрѣльбѣ изъ лука для болѣе удобнаго натягиванія тетивы, чтобы отъ сильнаго при этомъ тренія съ пальца не сдиралась кожа[2]). То же самое разсказываютъ и о другихъ амурскихъ инородцахъ — Ольчахъ, Манегирцахъ, Орочонахъ[3]). Но кромѣ практическаго примѣненія, кольцо на большомъ пальцѣ имѣетъ еще значеніе, какъ особаго рода украшеніе: оно служитъ знакомъ возмужалости, способности управляться съ лукомъ и стрѣлой. Поэтому *аамъ* составляетъ необходимую принадлежность каждаго Гиляка, достигшаго зрѣлости. То же самое повторяется и у другихъ амурскихъ инородцевъ. Но и тамъ, гдѣ, какъ у Манегирцевъ и Орочоновъ, лукъ уже почти совсѣмъ вытѣсненъ огнестрѣльнымъ оружіемъ — китайскимъ фитильнымъ ружьемъ или русско-якутской винтовкой — туземцы все еще продолжаютъ носить кольцо на большомъ пальцѣ[4]). Здѣсь, за исключеніемъ развѣ услугъ, какія оно при случаѣ оказываетъ еще въ кулачномъ бою, кольцо это все больше и больше нисходитъ на степень простого украшенія. Въ этомъ качествѣ оно еще чаще встрѣчается въ Китаѣ на рукѣ мандариновъ и высшихъ сановниковъ. И тогда оно бываетъ превосходной работы изъ слоновой кости, яшмы, агата, и т. п.[5]). Такое уваженіе къ кольцу на большомъ пальцѣ, безъ сомнѣнія, находитъ себѣ объясненіе въ вышеупомянутомъ первоначальномъ назначеніи его.

---

1) La Pérouse, Voyage aut. du monde, rédigé par Milet-Mureau, Paris, an V (1797), T. III, p. 64.

2) Этотъ способъ натягиванія лука, по словамъ Анучина (Лукъ и стрѣлы, Археол. этногр. очеркъ, Москва 1887, стр. 35), весьма характеристиченъ у народовъ монгольскаго происхожденія, и потому Морзе (Morse) въ своемъ сочиненіи: Ancient and modern Methods of Arrow-Release (Bullet. of the Essex. Instit.) и называетъ его именно «монгольскимъ».

3) Маакъ, Путеш. на Амуръ, стр. 75, 207. Герстфельдъ, О прибрежн. жит. Амура (Вѣстн. Им. Русск. Геогр. Общ. Ч. 20, 1857, Отд. Изслѣд. и Матер., стр. 296).

4) Герстфельдъ и Маакъ, тамъ же.

5) Davis, La Chine, trad. de l'Anglais par Pichard, Paris, 1837, T. I, p. 222. Нейгофъ (Die Gesandtschaft der Ost-Ind. Gesellsch. in den verein. Niederländ. an den Tartar., Cham u. nunmehr auch Sinischen Kaiser, Amsterdam, 1666, p. 64) разсказываетъ, что во время пребыванія въ Кантонѣ Нидерл. посольства (1655), тамошній вице-король имѣлъ на большомъ пальцѣ кольцо изъ слоновой кости. Флемингъ (Travels on horseback in Mantchu Tartary, London, 1863, p. 303, 317) видѣлъ такія кольца изъ зеленовато-бѣлой яшмы у двухъ мандариновъ, въ томъ числѣ одного военнаго въ Шанхай-Куанѣ, расположенномъ на морскомъ берегу близъ большой китайской стѣны, а баронъ фонъ Гюбнеръ (Ein Spaziergang um die Welt, 2. Aufl. Leipzig, 1875, Bd. III, p. 96) замѣчаетъ, что высокопоставленныя особы въ Китаѣ всегда носятъ на большомъ пальцѣ толстое кольцо изъ бѣлаго или зеленаго яденита.

Digitized by Google

Взаключеніе коснемся еще вопроса о томъ, существуетъ ли среди амурскихъ инородцевъ, и въ какой мѣрѣ, обычай раскрашивать и татуировать отдѣльныя части тѣла.

Что касается Гиляковъ, я, кажется, могу положительно утверждать, что въ настоящее время у нихъ нѣтъ ничего подобнаго. По крайней мѣрѣ, въ теченіе моихъ многочисленныхъ сношеній съ ними, я не встрѣчалъ у нихъ слѣдовъ этого обычая. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что татуировка существуетъ у сосѣднихъ съ Гиляками на Сахалинѣ Аиновъ, и болѣе или менѣе и у всѣхъ другихъ палэазіатскихъ народовъ, хотя постепенно идетъ на убыль. Въ странѣ Аиновъ обычай раскрашивать нѣкоторыя части тѣла всего больше распространенъ на о. Ессо. Въ японскихъ описаніяхъ этого острова, Езо-кі, Каннемона (1652) и Араи-тси-куго-но-ками (1720) разсказано, что аинскія женщины окрашиваютъ себѣ губы сокомъ *кудзи-гузы* (или губного растенія). Онѣ дѣлаютъ уколы иглой вокругъ рта, на лбу, на лицѣ, на рукахъ и ногахъ, втираютъ въ нихъ черноватое вещество и такимъ образомъ выводятъ разнообразные узоры, напоминающіе цвѣты и облака[1]). Дѣвочекъ татуируютъ матери въ ихъ раннемъ дѣтствѣ. О татуировкѣ на Ессо болѣе или менѣе говорятъ и всѣ посѣщавшіе этотъ островъ европейскіе и сѣверо-американскіе путешественники[2]). Тотъ же обычай господствуетъ и у Сахалинскихъ Аиновъ[3]). Но уже японскій путешественникъ Маміа Ринсо (1808)[4]) замѣчаетъ, что тамошнія женщины не такъ сильно татуируются, какъ на Ессо, и что этотъ обычай тамъ тѣмъ рѣже, чѣмъ дальше вглубь страны — по мѣрѣ удаленія на сѣверъ отъ Анивы. Тотъ же обычай существуетъ и у Курильскихъ Аиновъ и, согласно Крашенинникову[5]), даже распространяется у нихъ на оба пола. Но мужчины ограничиваются тѣмъ, что чернятъ себѣ середину губъ, женщины же все пространство вокругъ рта, а кромѣ того татуируютъ еще и руки по самый локоть.

---

1) Descriptions de la terre Jesso, traduites du Japonais par Titsingh (Annales des Voyages, T. XXIV, 1814, p. 155, 196). Ср. также Klaproth, San kokf tsou ran to sets, ou Aperçu génér. des trois royaumes, trad. de l'original japonais-chinois, Paris, 1832, p. 231.

2) Напримѣръ уже Фрисъ (Siebold, Aardr. en volkenkund. toelicht., p. 100) а позже Броутонъ (A Voyage of discov. to the North. Pacific. Ocean, p. 99, 105), Крузенштернъ (Путеш. вокр. св. Ч. II, стр. 80), Лангсдорфъ (Bemerk. auf einer Reise um die Welt, Bd. I, p. 285), Бикморъ (The Ainos or hairy men of Jesso, Saghalien and the Kurile islands.—Amer. Journ. of Science, Sec. Ser. Vol. XLV, May 1868), Сенъ-Джонъ (The Ainos, Aborigines of Jeso. — Journ. of the Anthropol. Instit. of Great Britain and Ireland, Vol. II, 1873, p. 249) и др.

3) Изъ многочисленныхъ сообщеній о томъ всего больше заслуживаетъ вниманія сообщеніе Добротворскаго, который въ качествѣ врача прожилъ болѣе пяти лѣтъ (1867—1872) въ Анивѣ на Сахалинѣ. По его свидѣтельству операція татуировки, какъ Аины производятъ ее на дѣвочкахъ, начиная съ ихъ десятилѣтняго возраста, отъ одного до четырехъ разъ ежегодно, далеко не такъ легка и безопасна, какъ это обыкновенно думаютъ. Отъ втиранія въ наколотыя или расцарапанныя части тѣла сажи, собираемой съ японскихъ котловъ, гдѣ варится ворвань, губы часто такъ распухаютъ, что становится невозможнымъ раскрывать ротъ, и паціентка оказывается въ необходимости 3—4 дня питаться одной жидкой пищей черезъ трубочку. Татуировка начинается со средины верхней губы и оттуда постепенно направляется дальше (Добротворскій, Юж. часть остр. Сахалина. — Извѣстія Сибирск. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., Т. I, № 2 и 3, Иркутскъ, 1870, стр. 27. Его же, Аинско-русск. словарь, Прил. къ Учен. Зап. Имп. Казанск. Унив., 1875 г., стр. 33).

4) Tô-tats kiko (Siebold, Nippon, VII, p. 182).

5) Крашенинниковъ, Описаніе земли Камчатки (Полн. собр. учен. путеш. въ Россіи, Т. II, С.-Петербургъ, 1819, стр. 258).

Digitized by Google

Любопытенъ фактъ, что древніе Камчатскіе Ительмены, окруженные племенами, у которыхъ татуировка была въ большомъ ходу, сами не придерживались этого дурного обычая. Они только раскрашивали себя красной и бѣлой краской, и до прибытія русскихъ такъ злоупотребляли этимъ, что, по словамъ Стеллера, были «не лучше обезьянъ», но позже, «по примѣру казацкихъ женъ, стали употреблять эти краски умѣреннѣе» [1]).

У народовъ, живущихъ дальше на сѣверъ и востокъ, татуировка, напротивъ, составляетъ вполнѣ обычное явленіе. У Коряковъ, однако, она въ ходу только среди женщинъ, да и то не сплошь. Онѣ ей тамъ впервые подвергаются лишь съ замужествомъ, и затѣмъ къ ней ежегодно прибавляются новые знаки, отчего, согласно Дитмару, иныя старухи изъ Корячекъ оказываются совсѣмъ пестрыми [2]). Гораздо больше распространена татуировка среди Чукчей, гдѣ ей подвергаютъ и дѣвушекъ, начиная съ 9-ти и 10-ти лѣтняго возраста, а отчасти и мужчинъ. У послѣднихъ, впрочемъ, татуировка ограничивается двумя, тремя горизонтальными линіями надъ переносицей, крестообразными знаками, по одному на каждой челюсти и т. д. Женщины, напротивъ, татуируютъ себѣ болѣе или менѣе все лицо и руки, отъ плечъ по самыя кисти. Нордквистъ [3]), который подробнѣе говоритъ объ этомъ предметѣ, приводитъ нѣсколько образцовъ татуировки у Чукчей. Онъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что она въ главныхъ чертахъ своихъ однородна съ той, которую докторъ Стуксбергъ описываетъ [4]) у Эскимосовъ на островѣ св. Лаврентія: у первыхъ она только менѣе сложна. Извѣстно, что у Эскимосовъ татуировка въ большомъ ходу и тоже преимущественно среди женщинъ. Обычая этого придерживаются всѣ эскимосскія племена безъ исключенія отъ Берингова моря и Юкона [5]) вдоль берега Ледовитаго океана, по рѣкамъ Мэкензи, Андерсона [6]), Большой-Рыбьей [7]) и т. д., до залива Гудзона [8]), пролива Дэвиса [9]) и Гренландіи [10]). Не менѣе обычна татуировка и у Алеутовъ. Когда Сарычевъ посѣтилъ Уналашку (1790), она тамъ, повидимому, еще процвѣтала среди женщинъ [11]). Лангсдорфъ [12]), въ 1805 году, нашелъ ее уже въ значительномъ упадкѣ, благодаря русскому вліянію. Ему привелось видѣть ее еще только на нѣсколькихъ старыхъ женщи-

---

1) Steller, Beschreib. von dem Lande Kamtschatka, p. 300. Крашенинниковъ, тамъ же, стр. 68. Бѣлила доставляютъ Ительменамъ — то гнилое дерево, то природная слюда, какую мѣстами производитъ полуостровъ Камчатка. А румяна они добываютъ изъ водорослей, растираемыхъ съ рыбьей или тюленьей ворванью.

2) Ditmar, Ueber die Korjaken und die ihnen sehr nahe verwandten Tschuktschen (Bull. de la classe hist. philol. de l'Acad. Imp. des sc. de St.-Pétersb., T. XIII, p. 102; Mél. russes. T. III, p. 5).

3) Bidrag till kännedomen om Tschuktscherna (Ymer, 1882, p. 88).

4) Nordenskjöld, Die Umsegelung Asiens und Europas, Bd. II, p. 242, 243.

5) Dall, Alaska and its resources, Boston, 1870, p. 140.

6) Petitot, Monographie des Esquimaux Tchiglit du Mackenzie et de l'Anderson, Paris, 1876, p. 7.

7) Back, Reise durch Nord-Amerika bis zur Münd. des Grossen Fisch-Flusses und an den Küsten des Polarmeeres in den J. 1833—1835, aus dem Engl. von Andrée, Leipzig, 1836, p. 320, nebst Abbild.

8) Parry, Journ. of a second Voyage for the discov. of a North-West Passage, London, 1824, p. 498.

9) Hall, Life with the Esquimos, London, 1864, Vol. II, p. 315.

10) Cranz, Historie von Grönland 1770, Bd. I, p. 185.

11) Сарычевъ, Путеш. по Сѣверо-восточ. части Сибири, Ч. II, стр. 17.

12) Bemerkungen auf einer Reise um die Welt, Bd. II, p. 88.

Digitized by Google

нахъ. А Веніаминовъ[1]) говоритъ о ней, какъ объ обычаѣ, уже совсѣмъ исчезнувшимъ среди Алеутовъ. Однако онъ (въ 1825—1834 гг.) еще засталъ тамъ немногихъ старухъ съ татуированными лицами, и ему удалось собрать свѣдѣнія о нѣкогда богатой и разнообразной татуировкѣ среди Алеутовъ[2]).

Въ ряду палэазіатскихъ народовъ, занимающихъ пространство отъ Ессо до Гренландіи включительно, лишь два маленькія племени не придерживаются обычая татуировки: это Камчатскіе Ительмены и Гиляки на Амурѣ и Сахалинѣ. Въ виду этого можно бы полагать, что нѣкогда и у нихъ существовала татуировка, но съ теченіемъ времени исчезла. Такого предположенія, однако, нельзя допустить. Сообщенія объ Ительменахъ Стеллера и Крашенинникова относятся къ такому времени, когда народъ этотъ еще далеко не вполнѣ утратилъ свои національныя особенности. Если обычай, столь выдающійся, какъ татуировка, когда либо, хотя бы то въ самое старое время у нихъ существовалъ, онъ не могъ бы, въ эпоху Стеллера и Крашенинникова, уже до того изгладиться, чтобы о немъ не сохранилось слѣдовъ даже въ ительменскихъ преданіяхъ. Что же касается Гиляковъ, то я самъ, какъ сказано въ началѣ настоящаго труда, успѣлъ всесторонне ознакомиться съ ними въ моментъ, когда они еще находились въ полномъ обладаніи своей самобытности. Слѣдовательно, отсутствіе татуировки у этихъ двухъ племенъ должно, въ противоположность другимъ палэазіатскимъ народамъ, считать за черту ихъ собственной національности.

Съ перваго взгляда казалось бы, что присущая Гилякамъ на Амурѣ особенность, заключающаяся въ отсутствіи татуировки, должна была бы существовать также и у другихъ, а именно у сосѣднихъ съ ними народностей. Но хотя Ольчи, Ороки на Сахалинѣ, Негидальцы и Самагирцы дѣйствительно не татуируются, однако, это на совсѣмъ другомъ основаніи. Я неоднократно посѣщалъ Ольчей на всемъ протяженіи ихъ страны и могу, кажется, съ достовѣрностью сказать, что они въ настоящее время не татуируются. Самагирцевъ я зналъ только въ деревнѣ Нгаггѣ—впрочемъ, самой большой въ ихъ краѣ. Что же касается Негидальцевъ, Ороковъ на Сахалинѣ, то они мнѣ знакомы лишь по отдѣльнымъ личностямъ. Однако и другіе путешественники, которые находились въ болѣе близкихъ съ ними сношеніяхъ, не замѣчали, чтобы они татуировались. Таковы Миддендорфъ и Шмидтъ, посѣщавшіе Негидальцевъ въ ихъ странѣ, и Поляковъ, который провелъ нѣсколько недѣль среди Ороковъ на восточномъ берегу Сахалина. Это тѣмъ больше заслуживаетъ вниманія, что всѣ эти народы принадлежатъ къ тунгусскому племени, у котораго татуировка существовала, а отчасти и понынѣ еще существуетъ на всемъ остальномъ обширномъ пространствѣ, имъ занимаемомъ. Изъ старинныхъ описаній Сибири[3])

---

1) Веніаминовъ, Зап. объ остр. Уналашкинск. отдѣла, С.-Петерб. 1840, Ч. II, стр. 113.

2) Иныя Алеутскія красавицы, напримѣръ, дочери почтенныхъ и зажиточныхъ родителей, старались прославлять геройскіе подвиги своихъ предковъ, отцовъ и другихъ родственниковъ, изображая знаками своей татуировки, по скольку враговъ они истребляли на войнѣ, по скольку большихъ дикихъ звѣрей убивали на охотѣ, и т. д. Веніаминовъ, тамъ же.

3) Der allerneueste Staat von Siberien, einer grossen und zuvor wenig bekannten Moscovitschen Provinz in Asien etc., Nürnberg, 1725, p. 166.

Digitized by Google

и изъ сказаній путешественниковъ прошлаго столѣтія[1]) даже видно, что татуировка ни у одного сибирскаго народа не была въ такомъ всеобщемъ употребленіи и не составляла столь излюбленнаго украшенія, какъ у Тунгусовъ. Употребленіе татуировки считали даже спеціально тунгусскимъ обычаемъ. У сибирскихъ народовъ не тунгусскаго племени, каковы Остяки, Самоѣды, Якуты (о вышеупомянутыхъ палэазіатскихъ народахъ мы здѣсь не говоримъ), она всегда была менѣе употребительна[2]). Новѣйшія свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, подтверждая пристрастіе Тунгусовъ къ татуировкѣ, однако, свидѣтельствуютъ, что она за послѣднее время и у нихъ постепенно начинаетъ выходить изъ употребленія[3]). Кстати замѣтимъ, что обычный у палэазіатскихъ народовъ способъ татуировки вообще принято относить къ тому роду ея, который производится посредствомъ акупунктуры[4]) или уколовъ иглой. Напротивъ, свѣдѣнія, касающіяся татуировки у Тунгусовъ и у другихъ сибирскихъ народовъ почти всѣ безъ исключенія согласуются въ томъ, что у нихъ она производится посредствомъ шитья. Для этого берутъ нитку или тонкую сухую жилу животнаго, чернятъ сажей, толченымъ чернымъ мѣломъ, углемъ, китайской тушью и т. п. и продергиваютъ сквозь кожу, откуда и русское названіе «вышивать» для обозначенія этой операціи[5]).

При этомъ необходимо замѣтить, что вышеупомянутое разнообразіе въ способахъ производства татуировки противорѣчитъ одному весьма распространенному мнѣнію насчетъ ея происхожденія. Есть предположеніе[6]) будто она первоначально возникла въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ земного шара, а именно, на Тихомъ океанѣ или на югѣ Азіи, и оттуда уже распространилась повсюду, гдѣ она, насколько извѣстно, когда-нибудь существовала или существуетъ нынѣ, то есть, по всему земному шару. Татуировка могла, какъ и весьма распространенное тоже у первобытныхъ народовъ раскрашиваніе тѣла, возникнуть изъ

---

1) Isbrants Ides, Driejaar. Reize naar China. Amsterdam, 1704, p. 57. Messerschmidt, Wasserreise von Mangasea die Nishnaja Tunguska hinauf im Jahre 1723 (Pallas, Neue Nord. Beytr., Bd. III, 1782, p. 109). Bell d'Antermony, Voyage depuis St.-Pét. en Russie dans diverses contrées de l'Asie, Paris, 1746, trad. de l'Anglais par M***, p. 101. Gmelin, Reise durch Sibirien, Bd. I, p. 80, 358; Bd. II, p. 208, 645; Bd. III, p. 432.

2) О случаяхъ татуировки у названныхъ народовъ, см. Gmelin (l. c., Bd. I, p. 79). Pallas (Reise durch versch. Prov. des Russ. Reich, Bd. III, p. 41), Erman (Reise um die Erde, Histor. Ber., Bd. I, p. 637), Миддендорфъ (Путеш. на сѣв. и вост. Сиб. Ч. II, стр. 651, 683) и др.

3) Миддендорфъ, тамъ же, стр. 651. По свидѣтельству Кострова (Очерки Туруханск. края. — Зап. Сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ., Т. IV, 1857, стр. 88) татуировка еще существуетъ у Тунгусовъ Туруханской области, а Кривошапкинъ (объ Остякахъ, Тунгусахъ и проч. инородцахъ Енисейск. окр. — Зап. Сибирск. Отд. Русск. Геогр. Общ., Т. VI, 1863, стр. 66) утверждаетъ, что она у нихъ уже вывелась. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что она вообще рѣдко встрѣчается и готова скоро совсѣмъ исчезнуть тамъ.

4) Кранцъ, однако, говоря о татуировкѣ у Гренландскихъ Эскимосовъ, сообщаетъ, что она у нихъ производится посредствомъ шитья.

5) Эрманъ (l. c., Bd. II, p. 36) опровергаетъ это и относитъ татуировку Тунгусовъ, Остяковъ и др. тоже къ тому роду ея, которая производится посредствомъ акупунктуры. Но опроверженіе его падаетъ передъ подробными описаніями Гмелина (l. c., Bd. II, p. 649—652), который самъ присутствовалъ при операціяхъ татуировки, передъ достовѣрными сообщеніями Степанова (Енисейская губернія, С.-Петерб., 1835, Ч. II, стр. 80), Миддендорфа (тамъ же, стр. 699) и др. Мнѣ извѣстно только одно показаніе, что татуировка Тунгусовъ и Остяковъ производится посредствомъ акупунктуры и втиранія сажи. Оно находится въ статьѣ Спасскаго (Сибирск. Вѣстн. 1820, Ч. XII, Отд. I, стр. 45), но я не знаю, насколько оно достовѣрно.

6) Ср. также Миддендорфа, Путеш. на сѣв. и вост. Спб. Ч. II, стр. 650.

Digitized by Google

потребности человѣка смягчать впечатлѣніе наготы или изъ его естественной наклонности къ самоукрашенію. Но вообще для насъ безразлично, возникла ли она этимъ путемъ или была вызвана генеалогическими и религіозными мотивами[1]) — причемъ каждый изъ нихъ могъ въ свою очередь такъ или иначе обусловливать ея развитіе. Мы во всякомъ случаѣ должны придти къ заключенію, что татуировка подобно одеждѣ, украшеніямъ, учрежденію религіозныхъ символовъ и другимъ проявленіямъ общечеловѣческаго духа, возникла автохтонически. При этомъ способъ татуировки можетъ во всякомъ данномъ случаѣ указывать на мѣстный центръ, гдѣ она возникла и откуда распространилась.

Существованіе татуировки можно прослѣдить и дальше на востокъ, за границами Сибири, у нѣкоторыхъ тунгусскихъ племенъ при-амурскаго края. Маакъ[2]), хотя не часто, находилъ ее и у верхне-амурскихъ Орочоновъ. Дальше внизъ по теченію Амура у Манегирцевъ онъ ея вовсе не замѣчалъ. Но затѣмъ этотъ обычай опять встрѣтился ему въ нижне-амурскомъ краѣ у Гольдовъ. Первые образцы ея здѣсь онъ увидѣлъ въ деревнѣ Сильби на Амурѣ, неподалеку отъ сліянія его съ р. Сунгари. Почти всѣ мужчины и женщины тамъ были татуированы. Но дѣло не ограничивалось одной этой деревней. Маакъ, на основаніи многократныхъ наблюденій, полагаетъ, что татуировка существуетъ у Гольдовъ на всемъ протяженіи страны между Сунгари и Уссури, а, можетъ быть, еще и ниже по теченію послѣдней. Однако татуировка не достигала здѣсь такихъ размѣровъ, какъ на Енисеѣ, гдѣ всѣ лица были ею испещрены. Она большею частью ограничивалась пятью черно-синеватыми точками, крестообразно расположенными между глазами на переносицѣ. Иногда такой крестъ виднѣлся на лбу, а подъ нимъ рядъ точекъ на переносицѣ. У нѣкоторыхъ туземцевъ были и небольшіе знаки на рукахъ. Татуировка эта производится посредствомъ нитки, окрашенной китайскою тушью или сокомъ растенія, называемаго Гольдами *дафаро*, но которое осталось неизвѣстно Мааку. Нитку вдѣваютъ въ иглу, посредствомъ послѣдней продергиваютъ подъ кожу и такимъ образомъ выводятъ желаемый узоръ. Способъ, значитъ, совершенно тотъ же, что и у сибирскихъ Тунгусовъ. Дальше отъ устья Уссури внизъ по теченію Амура Маакъ больше не встрѣчалъ татуированныхъ Гольдовъ. То же повторилось съ Максимовичемъ и со мной, несмотря на наши многократныя посѣщенія этой части Амура. Но изъ вышеприведенныхъ фактовъ о татуировкѣ въ верхне-амурскомъ и нижне-амурскомъ краѣ, я полагаю, можно вполнѣ заключить, что обычай этотъ нѣкогда одинаково существовалъ какъ у сибирскихъ Тунгусовъ, такъ и у амурскихъ инородцевъ тунгусскаго происхожденія и только съ теченіемъ времени вывелся у большей части послѣднихъ. Какимъ образомъ это произошло и подъ вліяніемъ какихъ условій, мнѣ кажется тоже очевиднымъ. Если Орочоны на верхнемъ Амурѣ и его притокахъ еще придерживаются татуировки, то это совершенно понятно при непосредственной

---

1) Peschel, Völkerkunde, Leipzig, 1874, p. 180. Franz Heger, Ueber die Tätowirung bei den Südsee-Insulanern (Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, Band XV, Februar 1885).

2) Путеш. на Амуръ, стр. 144.

Digitized by Google

близости ихъ съ сибирскими одноплеменниками. Если же у ихъ ближайшихъ сосѣдей, у Манегирцевъ и у Бираровъ, обычай татуироваться на самомъ дѣлѣ совсѣмъ исчезъ, то это могло состояться лишь вслѣдствіе постепеннаго ослабленія подъ китайскимъ владычествомъ связи ихъ съ тѣми же вышеназванными одноплеменниками и благодаря маньчжуро-китайскому и даурскому вліянію, которое, не коснувшись Орочоновъ, сильно отразилось, помимо татуировки, и на одеждѣ, и на головномъ уборѣ, и даже на физіономіи и на языкѣ этихъ народовъ. Совсѣмъ иначе объясняется постепенное и даже почти совершенное исчезновеніе татуировки въ нижне-амурскомъ краѣ. Тамъ, какъ мы видѣли, она еще существуетъ у Гольдовъ, но и то лишь въ верхней части ихъ страны, несмотря на то, что именно эта часть всего ближе прилегаетъ къ маньчжуро-китайскимъ поселеніямъ. Дальше внизъ по теченію рѣки, у нижнихъ Гольдовъ, она исчезаетъ и совсѣмъ не существуетъ у ихъ сосѣдей, Ольчей, на Амурѣ, которые, за исключеніемъ одного только языка, всѣмъ внѣшнимъ складомъ своей жизни составляютъ какъ бы переходную ступень къ Гилякамъ. Слѣдовательно и на материкѣ, также точно, какъ и у Аиновъ на Сахалинѣ, татуировка постепенно исчезаетъ, по мѣрѣ приближенія къ Гилякамъ, которые были всегда чужды этого обычая. Мы уже знаемъ, что прикочевавшія въ нижне-амурскій край тунгусскія племена, особенно Ольчи, поселясь рядомъ съ Гиляками, съ теченіемъ времени, вслѣдствіе постоянныхъ сношеній и смѣшанныхъ браковъ, до того ассимилировались съ ними, что во внѣшности своей совсѣмъ перестали отъ нихъ отличаться. Вполнѣ естественно поэтому заключить, что и тунгусскій обычай татуироваться тоже не замедлилъ у нихъ искорениться. Вліяніе гиляцкихъ нравовъ отчасти прямымъ путемъ, отчасти при посредствѣ Ольчей, проникло наконецъ и къ Гольдамъ. Распространяясь все дальше вверхъ по теченію рѣки, оно почти совсѣмъ вытѣснило у нихъ татуировку, загнавъ ее въ самый отдаленный уголокъ ихъ страны. Что касается той вѣтви Ольчей, которая живетъ на Сахалинѣ и называется Ороками, то мы не знаемъ — на материкѣ еще утратили они обычай татуироваться или ужъ послѣ переселенія своего на островъ. Во всякомъ случаѣ отсутствіе у нихъ татуировки свидѣтельствуетъ, что они гораздо больше находились подъ вліяніемъ Гиляковъ, нежели своихъ другихъ сосѣдей—татуирующихся Аиновъ. На это преобладающее вліяніе Гиляковъ мы, впрочемъ, уже указывали, когда говорили объ одѣяніи и головномъ уборѣ Ороковъ. О такомъ же вліяніи въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ мы еще будемъ имѣть случай говорить впереди.

Изъ всего вышесказаннаго прямой выводъ, что Гиляки самые своеобразные изъ амурскихъ инородцевъ и наиболѣе выдающіеся по общему складу своей внѣшности — слѣдовательно они не могли остаться безъ вліянія и на окружающія ихъ тунгусскія племена.

Digitized by Google

Глава 6.

Пища: животная и растительная. Домашняя и столовая утварь. Водка и табакъ.

Всѣ амурскіе инородцы рыболовы или охотники. Земледѣліемъ и огородничествомъ занимаются, но и то въ слабой степени, лишь тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ маньчжуро-китайцами и Даурами. Потому и пища всѣхъ этихъ народовъ главнымъ образомъ животная, то есть рыбная или мясная, а растительная вообще занимаетъ у нихъ второстепенное мѣсто и болѣе или менѣе употребляется только въ видѣ приправы. Состоитъ она или изъ дикихъ произрастеній страны, собираемыхъ туземцами, или изъ хлѣбныхъ породъ и овощей, доставляемыхъ сосѣдними культурными народами, китайцами, японцами, а въ новѣйшее время и русскими. Такимъ образомъ, разница, существующая между амурскими инородцами въ отношеніи пищи, вся сводится къ слѣдующему: каждый изъ нихъ, соотвѣтственно своему главному промыслу, преимущественно питается или мясомъ, или рыбой, а пропорція растительной пищи по отношенію къ мясной соразмѣряется у нихъ со степенью торговаго или иного сближенія съ китайцами или японцами.

Изо всѣхъ амурскихъ инородцевъ Гиляки самые опредѣленные ихтіофаги. Жизнь ихъ немыслима безъ рыбы. Это conditio sine qua non ихъ существованія — и не только ихъ самихъ, но и единственнаго домашняго животнаго ихъ — собаки, которая доставляетъ имъ одежду, служитъ для передвиженія и наконецъ употребляется въ пищу. Нѣтъ рыбы въ ихъ странѣ, которой бы они при случаѣ не ѣли. Но на первомъ планѣ здѣсь, конечно, та, которая, періодически появляясь большими массами у ихъ береговъ, даетъ Гилякамъ возможность дѣлать изъ нея обильные запасы на зиму. Таковы разные виды лососевой рыбы, проникающей въ рѣки изъ моря, и между ними главныя *Salmo lagocephalus* Pall.

Digitized by Google

(по гиляцки: *лыи-*, а на Сахалинѣ: *лаги-чо*) и *Salmo Proteus* Pall. (по гиляцки: *тенги-чо*)[1]). Когда рыба эта — *S. Proteus* въ іюнѣ, а *S. lagocephalus* въ августѣ — начинаетъ подниматься вверхъ по Амуру съ его притоками, жизнь Гиляковъ оживляется. У нихъ начинается кипучая дѣятельность: всѣ приступаютъ къ заготовленію зимнихъ запасовъ. Мужчины въ лодкахъ и сѣтяхъ массами тащатъ рыбу на берегъ; женщины сдираютъ съ нея кожу и потрошатъ ее. Онѣ совершаютъ эту операцію ножемъ съ длиннымъ и узкимъ клинкомъ, который называется *чомауда* (таб. XXXI, фиг. 6 и таб. XXXII, фиг. 1). Кожу на рыбѣ во всю длину послѣдней, отъ головы до хвоста, съ обѣихъ сторонъ надрѣзываютъ вдоль хребта и вдоль брюха. У самой головы, сверху внизъ дѣлаютъ еще одинъ поперечный надрѣзъ. Затѣмъ быстрымъ движеніемъ рукъ сдираютъ кожу съ боковъ, а обнаженное такимъ образомъ мясо въ свою очередь въ видѣ двухъ пластовъ отдѣляютъ отъ хребта. Каждый изъ этихъ пластовъ еще разрѣзываютъ пополамъ въ длину, въ каждой половинкѣ дѣлаютъ по небольшому прорѣзу, нанизываютъ ее вмѣстѣ съ другими на веревку и вѣшаютъ въ сушильняхъ, рядомъ съ лѣтними юртами. Такимъ образомъ получается юкола[2]), которая служитъ пищей людямъ и отчасти собакамъ: это такъ называемое *ма* у Гиляковъ и *макорé* у Ольчей и Гольдовъ. Хребетъ съ головой и съ остающимся на немъ мясомъ, на которомъ, чтобы оно легче сушилось, еще дѣлаютъ поперечные надрѣзы, составляетъ юколу, предназначаемую исключительно для собакъ—по гиляцки *харкъ*, у Ольчей и Гольдовъ—*далонгъ*[3]). Изъ самыхъ жирныхъ частей брюха вываривается ворвань, которая тоже составляетъ важный предметъ пропитанія. Ее сохраняютъ въ тюленьихъ пузыряхъ и желудкахъ. Внутренности и молоки, презираемыя Гиляками по принципу, тоже предоставляются собакамъ. Икра, хотя въ разныхъ видахъ и употребляется въ пищу людьми, однако мало цѣнится. Кромѣ кеты и горбуши юколу приготовляютъ еще и изъ другихъ рыбъ, напримѣръ изъ *Salmo Lycaodon* (по гиляцки: *вель*), *Salmo callaris* Pall. (по гиляцки: *лонгр*[*ш*]*гъ*[4]), *Salmo Leucomaenis* Pall. (по гиляцки: *савонгъ*) и др., которыя немного раньше двухъ первыхъ заходятъ въ Амуръ и поднимаются вверхъ по его теченію. Но юкола изъ этихъ или изъ другихъ сортовъ рыбы и по качеству и по количеству далеко уступаетъ той, которая изготовляется изъ двухъ вышеназванныхъ лососевыхъ. Потому Гиляки подъ ма подразумѣваютъ только юколу изъ кеты и горбуши, а по роду той или другой изъ этихъ двухъ рыбъ еще подраздѣляютъ ее на *лыи-* и *тенги-ма*, но и изъ нихъ предпочитаютъ первую. *Ма* составляетъ главную пищу Гиляковъ[5]), такъ сказать хлѣбъ ихъ, суть всего домашняго хозяйства, основу ихъ питанія. Является путешествующій Гилякъ. Едва

---

1) По всей восточной Сибири до Камчатки и сѣверо-западной Америки эти два вида лососевой рыбы носятъ русскія названія *кета* и *горбуша*. Впередъ и я буду ихъ такъ называть.

2) Слово «юкола», какъ извѣстно, камчатскаго происхожденія, и по всей Сибири употребляется для обозначенія разрѣзанной на куски сушеной рыбы.

3) У тамошнихъ русскихъ она называется просто костью.

4) Заключенныя въ скобкахъ буквы едва произносятся.

5) Уже Стеллеръ (Beschr. von dem Lande Kamtschatka, p. 157) называлъ юколу, а именно ту, которую доставляетъ кета, «собственно камчатскимъ хлѣбомъ».

Digitized by Google

входитъ онъ въ юрту, одна изъ женщинъ подаетъ ему ручной столикъ (по гиляцки: *хахчичъ*, таб. XXXIV, фиг. 4), а на немъ нѣсколько полосокъ *ма*, чашку съ ворванью (по гиляцки: *томъ*) и небольшую деревянную ложку (таб. XXXIV, фиг. 7). Онъ садится и со столикомъ на колѣняхъ слѣдующимъ образомъ приступаетъ къ ѣдѣ. Ножемъ, который виситъ у него на поясѣ, онъ разрѣзываетъ юколу на куски, обмакиваетъ каждый кусокъ въ ворвань и затѣмъ уже препровождаетъ въ ротъ, или сухіе кусочки захлебываетъ жиромъ изъ ложки. А то онъ беретъ цѣлый длинный ломтикъ, обмакиваетъ его кончикомъ въ жиръ, захватываетъ зубами и отрѣзываетъ этотъ кончикъ около рта, проводя ножемъ снизу вверхъ у самаго носа и губъ. Этотъ способъ ѣсть юколу существуетъ и у многихъ другихъ первобытныхъ народовъ[1]). Каждый путешествующій Гилякъ знаетъ навѣрное, что во всякой гиляцкой деревнѣ, не только его самого, но и собакъ его ожидаетъ радушный пріемъ. Тѣмъ не менѣе, отправляясь въ дальній путь, онъ непремѣнно запасается пучкомъ юколы на случай, если бы его застигла непогода и ему пришлось бы ночевать подъ открытымъ небомъ. Тогда *ма*, подогрѣтая или слегка поджаренная на огнѣ у ночнаго костра, является важнымъ подспорьемъ. Юколу однако не всегда ѣдятъ только au naturel. Она входитъ также въ составъ разныхъ кушаній, о приготовленіи которыхъ у насъ рѣчь впереди. Кромѣ того *ма* вмѣстѣ съ *харюмъ* составляетъ и главную пищу собакъ. Въ виду столь важнаго для Гиляковъ значенія юколы понятно, что они, несмотря на болѣе или менѣе присущія всѣмъ первобытнымъ народамъ лѣнь и беззаботность, не щадятъ своихъ трудовъ при заготовленіи ея впрокъ и даже не избѣгаютъ болѣе отдаленныхъ переѣздовъ и временныхъ переселеній. Такъ, напримѣръ, въ моментъ, когда кета и горбуша поднимаются вверхъ по теченію рѣкъ, многіе изъ Гиляковъ съ Лимана перебираются на Амуръ съ цѣлью воспользоваться избыткомъ тамъ этой рыбы. А жители Чоми и многихъ другихъ деревень на западномъ берегу Сахалина отправляются внутрь острова на рыбную р. Тымы. И только съ наступленіемъ холоднаго времени они возвращаются обратно съ запасами, потребными для ихъ зимняго продовольствія. Наоборотъ, Гиляки изъ долины рѣки Тымы въ свою очередь перебираются къ своимъ соплеменникамъ на западный берегъ Сахалина на время прохожденія вдоль него *вахни* (по гиляцки: *канги-чо*, *Gadus Wachnja* Pall.), которая составляетъ для нихъ лакомую пищу. Такимъ образомъ между обывателями

---

1) Напримѣръ у Эскимосовъ (Cranz, Histor. von Grönland, Bd. I, p. 192. Parry, Sec. Voyage etc., p. 506. Seemann, Reise um die Welt, Bd. II, p. 66. Klutschak, Als Eskimo unter den Eskimos, p. 232), Бурятовъ (Радде, Озеро Байкалъ. — Вѣстн. Геогр. Общ. Ч. 21. 1857, Отд. Изслѣд. и Мат., стр. 140. Раевъ, Буряты. — Вѣстн. Геогр. Общ., Ч. 24, 1858, Отд. Изслѣд. и Мат., стр. 10), Остяковъ (Pallas, Reise durch versch. Prov. des Russ. Reichs, Bd. III, p. 46), Самоѣдовъ (A. G. Schrenck, Reise nach dem Nordost. des europ. Russlands, Dorpat 1848, Bd. I, p. 311. Ислявинъ, Самоѣды, С.-Петерб. 1847, стр. 35. Абрамовъ, Опис. Березовск. края. — Зап. Русск. Геогр. Общ., Ч. XII, 1857, стр. 354. Миддендорфъ, Путеш. и пр., Ч. II, стр. 676) и т. д. Также точно поступаютъ и амурскіе инородцы Тунгусскаго племени. Нерчинскіе Тунгусы называютъ это «ѣсть съ ножа» и утверждаютъ, что такъ гораздо вкуснѣе, чѣмъ когда мясо предварительно разрѣзано на куски. (Усольцевъ, Путешествіе по долинѣ рѣки Нерчи.— Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1857, I, стр. 76).

Digitized by Google

отдѣльныхъ деревень, напримѣръ Чоми на Лиманѣ, и другими въ долинѣ р. Тымы, или между этими послѣдними и жителями Дуи, Аркай, Танги и другихъ мѣстечекъ на западномъ берегу Сахалина, съ теченіемъ времени какъ бы установились опредѣленныя сношенія и даже взаимныя по этому поводу соглашенія.

Одни запасы юколы однако, какъ бы обильны они ни были, еще не могли бы вполнѣ обезпечить существованіе Гиляковъ, если бы на помощь имъ не являлась другая рыба, которую они въ разныя времена года ѣдятъ свѣжею. Самыя благопріятныя въ странѣ Гиляковъ мѣста въ этомъ отношеніи тѣ, которыя лежатъ на Амурѣ. Поэтому и гиляцкое населеніе, какъ сказано выше, всего гуще на берегахъ этой рѣки, и тамъ же всего ярче проявляются и самобытныя черты его народной жизни. У прибрежныхъ жителей Амура никогда не бываетъ недостатка въ свѣжей рыбѣ. Конечно, Гиляки ѣдятъ свѣжими и тѣ роды лососевыхъ, изъ которыхъ приготовляется юкола, а во время прохожденія этой рыбы большими массами по Амуру даже почти исключительно питаются ею въ этомъ видѣ. Но и кромѣ того рѣка въ изобиліи снабжаетъ ихъ свѣжей пищей, благодаря тому, что въ ней болѣе или менѣе постоянно водятся также сомы (*Silurus asotus* L., по гиляцки: *мубъ*), налимы (*Lota vulgaris* Cuv., по гиляцки: *мад(р)шъ*), щуки (*Esox Lucius* L., по гил.: *ивысъ*) и особенно многочисленныя карповыя рыбы, между которыми первое мѣсто занимаетъ сазанъ (по гиляцки: *пиленгатъ*, *Cyprinus carpio* L.)[1]. Но всего больше Гиляки цѣнятъ два вида осетровыхъ рыбъ, которые иногда достигаютъ колоссальныхъ размѣровъ—*тукки-чо* (*Acipenser Schrenckii* Brandt) амурскій осетръ и *патх-чо* (*Acipenser orientalis* Pall.) амурская бѣлуга или калуга[2]. Когда я 6 (18) марта 1856 года, возвращаясь съ Сахалина, прибылъ въ деревню Чхарбахъ при устьѣ Амура, у тамошнихъ Гиляковъ почти совсѣмъ истощились ихъ рыбные запасы. Они съ нетерпѣніемъ ожидали вскрытія рѣки, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ въ ней обыкновенно появляются осетры и массами поднимаются по ея теченію. Но дальше вверхъ по Амуру осетры никогда не переводятся, и ловля ихъ круглый годъ, даже зимой, не прекращается. Гиляки въ 1855—56 годахъ въ такомъ изобиліи снабжали Николаевскій постъ осетриной и икрой—особенно *тукки-чо*, который, какъ кажется, всего чаще встрѣчается въ нижнемъ Амурѣ — что мы въ теченіе всей зимы каждый день почти исключительно питались ею. Сначала она казалась намъ очень вкусной, но потомъ сильно пріѣлась. Всего охотнѣе Гиляки поставляли намъ икру, за которую русскіе имъ хорошо

---

1) На основаніи сообщеній Герценштейна и Варпаховскаго (Notizen über die Fischfauna des Amur-Beckens, — in den «Труды С.-Петербургскаго Общества Естествоисп. по отд. Зоол.», Bd. XVIII, 1887) упомянемъ здѣсь еще мимоходомъ о другихъ рыбахъ, никогда не переводящихся въ Амурѣ, и изъ которыхъ наиболѣе крупныя постоянно употребляются Гиляками въ пищу, а мелкія лишь въ крайности за недостаткомъ другой рыбы. Таковы напримѣръ: карась, по гил. *Леринъ* (*Carassius vulgaris* Nills.), *укъ* или *укъ-чо* (*Barbus Labeo* Pall.), *коль* (*Pseudas pius leptocephalus* Pall.), *кунунъ* (*Parabramis bramula* Val.), *мимкъ* (*Hypophtalmichthys Dybowskii* Herz.), *Ва* (*Culter erythropterus* Basil.), *Мыкыкъ* (*Idus Waleckii* Dyb.), *Изи-нюхъ* (*Pseudogobio amurensis* Dyb.), *Маркракъ* (*Gasterosteus pungitius* L.) и др.

2) Cp. Y. Fr. Brandt, Einige Worte über die europäisch-asiatischen Störarten (Bull. de l'Acad. Imp. des sc. de St. Pétersb., T. XIV, p. 171 ff.).

Digitized by Google

платили. Сами они, хотя и ѣдятъ ее, но мало цѣнятъ. Осетрина и бѣлужина напротивъ, которыя они всегда, какъ сказано выше, употребляютъ въ сыромъ видѣ, и у нихъ считаются очень вкусными. Всего больше съѣдается этой рыбы во время медвѣжьихъ праздненствъ, которыя обыкновенно справляются зимой. Мнѣ тогда случалось видѣть многое множество этой рыбы, рядами разложенной на полу юртъ, которыя были разукрашены по случаю праздника. Она однако собственно не входитъ въ составъ праздничнаго меню, а съѣдается въ предшествующіе медвѣжьимъ празднествамъ дни, или по окончаніи ихъ, или въ промежутки между ними. И не только люди, но и собаки питаются ею. Для нихъ варится особая похлебка изъ обрѣзковъ и менѣе хорошихъ частей рыбы, напримѣръ изъ хряща съ остатками на немъ мяса. Но самый хрящъ послѣ варки вынимается изъ котла, очищается, сушится и затѣмъ продается китайцамъ.

Самая богатая послѣ Амура рыбою рѣка въ странѣ Гиляковъ—р. Тымы на Сахалинѣ. Это наиболѣе оживленная артерія, которая прорѣзываетъ всю сѣверную гиляцкую часть острова. Верховья ея не замерзаютъ даже при температурѣ, ниспадающей до точки замерзанія ртути, и тамъ, многочисленнѣе чѣмъ гдѣ либо на Амурѣ, тѣснятся мелкія гиляцкія деревушки. Правда, въ р. Тымы не водится, какъ въ Амурѣ, крупныхъ и вкусныхъ осетровъ — зато она очень богата разнаго рода лососевой рыбой. Кромѣ тѣхъ видовъ послѣдней, которыми изобилуютъ ближайшія къ Амуру мѣстности, куда они ежегодно привлекаютъ массу рыболововъ изъ другихъ болѣе отдаленныхъ странъ [1]), въ р. Тымы встрѣчаются еще: *нем(а)ля* (*Salmo coregonoides* Pall.), *конгр(ш)ъ* (*S. Callaris* Pall.), *нялыхъ* (вѣроятно *S. sanguinolentus* Pall.), *лойманъ* (видъ форели). Мало того, въ ней попадаются и такіе виды лососевыхъ, какихъ вовсе нѣтъ въ Амурѣ, напр.: *хой-чо* (*Salmo orientalis* Pall.) или *камчадальская чавыча*, тотъ именно видъ лососевой рыбы, который всего больше цѣнится на побережьяхъ Берингова и Охотскаго морей [2]). Поэтому амурскіе Гиляки, возвращаясь съ Сахалина, нерѣдко въ видѣ лакомаго гостинца привозятъ куски этой рыбы.

Гораздо хуже въ этомъ отношеніи условія жизни тѣхъ Гиляковъ, которые живутъ на самомъ берегу моря далеко отъ устьевъ большихъ рѣкъ или по сосѣдству съ малыми рѣчками. Имъ недостаетъ большинства вышеупомянутыхъ рыбъ, и потому ихъ зимніе запасы юколы всегда бываютъ очень скудны. Но море вознаграждаетъ ихъ за то другою рыбою, которую они ѣдятъ въ свѣжемъ видѣ — и въ ней они никогда, даже въ самое суровое время года, не терпятъ недостатка. Такова, напримѣръ, особенно важная для приморскихъ Гиляковъ невзрачная и маловкусная рыбка, которая появляется у ихъ бере-

---

1) Съ нѣкоторыхъ поръ и японцы посѣщаютъ устье р. Тымы въ моментъ прохожденія кеты. Они усердно занимаются тамъ ловлей этой рыбы и возвращаются къ себѣ обратно съ богатыми запасами ея. Объ этомъ подробно разсказываютъ Мицуль (Очеркъ остр. Сахалина 1873, стр. 120) и Поляковъ (Путеш. на остр. Сахалинъ въ 1881—1882 г.г., стр. 70—80.

2) Гиляки въ деревнѣ Ный, у которыхъ я въ февралѣ 1856 г. видѣлъ два огромныхъ экземпляра *хой-чо*, утверждали, что этотъ видъ лососевой рыбы водится только въ морѣ у береговъ Сахалина, но не поднимается вверхъ по рѣкамъ.

Digitized by Google

говъ въ тотъ именно моментъ, когда начинаютъ истощаться собранные ими въ теченіе осени запасы юколы. Рыбка эта — вышеупомянутая *вахня* (по гиляцки *канги-чо*, *Gadus Wachnja* Pall.). Она обыкновенно огромными массами проходитъ подо льдомъ, и Гиляки ловятъ ее тогда самыми незатѣйливыми способами. Въ бытность мою на Сахалинѣ, въ февралѣ и мартѣ 1856 года, жители деревни Ный на восточномъ берегу острова почти исключительно сами питались и кормили ею собакъ. То же самое видѣлъ я и на западномъ берегу Сахалина въ Дуи, Аркай, Танги и другихъ мѣстахъ. Вахню ѣдятъ сырою, причемъ туземцы прибѣгаютъ къ слѣдующей манипуляціи. Прежде всего у рыбы тонкимъ пластомъ снимаютъ верхній слой ея съ тремя плавательными перьями и бросаютъ прочь; затѣмъ отъ остова рыбы ножемъ отдѣляютъ мясо и тутъ же ѣдятъ. Обнаженный остовъ съ головой составляетъ такъ называемый *канги-харкъ* (т. е. по русски кость вахни), который вмѣстѣ съ другими обрѣзками идетъ на похлебку собакамъ, а отчасти и на запасный кормъ для нихъ. Но кость вахни качествомъ значительно уступаетъ кости кеты и горбуши. Благодаря важной роли вахни въ жизни приморскихъ Гиляковъ, у нихъ со способомъ приготовленія и храненія этой рыбы связано много суевѣрныхъ обычаевъ. Напримѣръ, ее позволено ѣсть не иначе, какъ безъ всякихъ приправъ, и класть на нары въ юртахъ не иначе, какъ въ открытыхъ сосудахъ — чашкѣ или корзинѣ. Затѣмъ у Гиляковъ существуютъ и разные другіе, болѣе частные и мѣстные, обычаи этого рода. Тро-Гиляки, напримѣръ, съ полнымъ равнодушіемъ относились къ тому, когда предназначаемая для меня вахня жарилась въ юртѣ на вертелѣ передъ очагомъ. Жители деревни Аркай, напротивъ, считали это за «уичъ» и допускали жаренье вахни только на открытомъ воздухѣ. Кромѣ водъ, непосредственно омывающихъ берега Сахалина, вахня водится еще и въ Охотскомъ морѣ у береговъ материка, близъ Куля, Тегля, Гиски (Петровскаго Зимовья) и т. д. На Лиманѣ же рыбы этой, по свидѣтельству Гиляковъ, вовсе нѣтъ, и жители Чоми ежегодно отправляются за ней на западный берегъ Сахалина, омываемый Сѣверо-Японскимъ моремъ. Тамъ я и засталъ нѣкоторыхъ изъ нихъ зимой 1856 г. Но это свидѣтельство Гиляковъ, должно полагать, касалось лишь южной, болѣе закрытой части Лимана, а никакъ не сѣверной, которая, широко разливаясь, вполнѣ доступна вліянію Охотскаго моря и находится въ одинаковыхъ съ нимъ условіяхъ.

Главную пищу Гиляковъ, вмѣстѣ съ рыбой, составляетъ еще тюлень, который за исключеніемъ немногихъ болѣе отдаленныхъ отъ моря мѣстъ, напримѣръ, долины р. Тымы, повсемѣстно водится въ ихъ странѣ. Не только Лиманъ и побережья Охотскаго и Сѣверо-Японскаго морей изобилуютъ тюленями, но разные виды ихъ, какъ сказано выше[1]), еще проникаютъ въ Амуръ и, поднимаясь по его теченію, доходятъ до самыхъ предѣловъ страны Ольчей. Однако Гиляки не особенно цѣнятъ тюленье мясо. Шперкъ полагаетъ, что сами они даже вовсе не ѣдятъ его, а только кормятъ имъ собакъ[2]). Во всякомъ случаѣ

1) См. настоящее нѣмецкое изданіе. Т. I, стр. 180 и далѣе.

2) Эд. Шперкъ, Географо-патологич. очерки Восточн. Сибири. (Медико-топограф. Сборн., С.-Петерб. 1870, стр. 13).

Digitized by Google

это главное употребленіе, какое Гиляки изъ него дѣлаютъ, хотя мнѣ случалось видѣть на Лиманѣ, что и люди не брезгали имъ, и самъ я пробовалъ его. Подобно мясу всѣхъ млекопитающихся и тюленье тоже употребляется въ пищу не иначе, какъ вареное, тогда какъ рыбу предпочитаютъ ѣсть сырою. Гиляки вообще питаютъ суевѣрное отвращеніе къ жареному мясу и рыбѣ. Мнѣ во время пребыванія въ ихъ юртахъ не разъ приходилось съ ними сталкиваться по этому поводу. Когда для меня жарили мясо, и жиръ или масло на сковородѣ начинали шипѣть, изо всѣхъ угловъ поднимались крики: «уичъ, уичъ» (бѣда, не чисто), и иногда стоило не малаго труда довести жареніе до конца[1]). Но если Гиляки вообще мало употребляютъ мясо тюленя, зато они очень любятъ его жиръ или сало, которое ѣдятъ, предварительно нарѣзавъ ломтями. Всего больше однако они цѣнятъ вываріваемую изъ жира ворвань. Запасаемая въ прокъ, она хранится въ тюленьихъ желудкахъ и пузыряхъ. Ворвань между прочимъ идетъ и на освѣщеніе юртъ, но главнымъ образомъ служитъ для приготовленія пищи, а иногда ее и просто ѣдятъ ложками, какъ рыбій жиръ, вмѣстѣ съ юколой. По мѣрѣ приближенія къ Амурскому Лиману и къ морскому берегу употребленіе тюленьяго жира и ворвани все возрастаетъ и принимаетъ болѣе существенный характеръ — и въ этомъ отличительная черта пищи Гиляковъ по сравненію съ пищей другихъ амурскихъ инородцевъ, живущихъ дальше вверхъ по Амуру и въ глубь страны.

Природа даетъ Гилякамъ еще другое животное, которое почти въ такой же мѣрѣ какъ тюлень снабжаетъ ихъ пищею, и потому едва ли для нихъ менѣе важно и драгоцѣнно. Это бѣлуха, *Delphinapterus Leucas* Pall. (по гил. *поми-чо*). Она, за исключеніемъ берега, омываемаго Сѣверо-Японскимъ моремъ, повсемѣстно водится въ странѣ Гиляковъ. Проникая въ Амуръ и поднимаясь вверхъ по его теченію, она доходитъ до однихъ предѣловъ съ тюленями[2]). Насколько мнѣ извѣстно, бѣлуха тоже служитъ пищей и людямъ, и собакамъ[3]). Но охота на нее труднѣе и опаснѣе, чѣмъ на тюленя, и время, пригодное для того, гораздо короче, такъ какъ оно оканчивается съ замерзаніемъ рѣки. Да и вообще отъ бѣлухи меньше пользы, чѣмъ отъ тюленя, который, кромѣ пищи, доставляетъ еще и драгоцѣнный матеріалъ для одежды. Тѣмъ не менѣе на берегахъ Амура часто встрѣчаются бѣлушьи черепа, развѣшанные по древеснымъ стволамъ и вѣтвямъ. Это достаточно свидѣтельствуетъ, что Гиляки много охотятся за этимъ животнымъ и, признавая важное для себя значеніе его, обращаются съ нимъ съ соотвѣтственнымъ суевѣріемъ.

Совсѣмъ иначе относятся Гиляки къ другому животному изъ породы китовыхъ, которое носитъ у нихъ названіе *кенгъ* (*Balaenoptera longimana* Rud.) и по временамъ прибивается къ берегамъ Охотскаго и Сѣверо-Японскаго морей. Сами Гиляки однако не

---

1) Стеллеръ (l. c., p. 323) замѣчаетъ, что и Ительмены и Коряки, въ противоположность Тунгусамъ и Якутамъ, тоже питаютъ отвращеніе къ жареному мясу.

2) См. мою статью о млекопитающихъ Амурскаго края (Reisen und Forschungen im Amur-Lande, Bd. I, p. 191).

3) Согласно Стеллеру (Beschr. von dem Lande Kamtschatka, p. 106) бѣлушій жиръ ничѣмъ не отзываетъ, а мясо довольно вкусно.

Digitized by Google

употребляютъ въ пищу ни мяса, ни жира этого животнаго, а только кормятъ ими собакъ. Мало того, физическое и нравственное отвращеніе ихъ къ киту доходитъ до того, что они не позволяютъ вносить китовое мясо въ юрту, а допускаютъ его присутствіе только въ кладовой. Причины тому я не могъ добиться отъ самихъ Гиляковъ. Но оно тѣмъ страннѣе, что у другихъ палэазіатскихъ народовъ китовое мясо и жиръ, напротивъ, слывутъ за лакомый кусокъ. Аины, напримѣръ, въ случаяхъ, когда море выбрасываетъ къ нимъ на берегъ кита, не отстаютъ отъ него до тѣхъ поръ, пока не съѣдаютъ до конца его мяса и жира[1]). Стеллеръ[2]) и Крашенинниковъ[3]) подробно описываютъ, какое важное мѣсто китъ занимаетъ въ продовольствіи и во всемъ домашнемъ хозяйствѣ Курильцевъ, Камчадаловъ, сидячихъ Коряковъ и Чукчей. То же самое повторяется у Алеутовъ[4]) и у Эскимосовъ въ разныхъ частяхъ обширнаго пространства, которое они занимаютъ[5]). Опытъ научилъ эти народы отличать пригодное для пищи китовое мясо отъ вреднаго или «ядовитаго», и они ѣдятъ выбрасываемыхъ на берегъ китовъ не прежде, какъ удостовѣрясь въ ихъ безвредности[6]). Неосторожное употребленіе въ пищу этого мяса и жира не разъ вызывало гибельныя болѣзни, вслѣдствіе которыхъ иногда вымирали цѣлыя деревни[7]). Не случалось ли нѣчто подобное и съ Гиляками или съ ихъ сосѣдями на морскомъ берегу[8])? Въ такомъ случаѣ это, сохраняясь въ преданіи, могло внушать имъ отвращеніе и страхъ, подъ вліяніемъ котораго они не только не употребляютъ въ пищу китоваго мяса или жира, но даже не допускаютъ ихъ въ свои юрты. Впрочемъ, отвращеніе Гиляковъ въ данномъ случаѣ вовсе не составляетъ единичнаго явленія, такъ какъ Корейцы[9]) и Колюши[10]), за исключеніемъ живущихъ въ Якутатѣ, тоже не ѣдятъ ни китоваго мяса, ни жира, ни ворвани.

Гиляки не принадлежатъ къ числу охотничьихъ народовъ. Охотятся они только съ промышленными цѣлями на пушныхъ звѣрей, мѣхъ которыхъ обращаютъ въ предметъ

---

1) На основаніи рукописныхъ сообщеній Рудановскаго. См. также Добротворскій: Аинско-русск. словарь (Прилож. къ Учен. Зап. Каз. Унив., 1875 г., стр. 37).

2) L. c., p. 98—105.

3) Описаніе Камчатки (Полн. собр. учен. путеш. по Россіи, Т. I, стр. 420 и слѣд.).

4) Веніаминовъ, Зап. объ остр. Уналашкинск. отдѣла, С.-Петербургъ. 1840, Ч. I, стр. 81, 82.

5) Напримѣръ, на двухъ окраинахъ ихъ страны — съ востока на Кадьякѣ (Давыдовъ, Двукратное путеш. въ Америку морск. офицеровъ Хвостова и Дав., С.-Петерб. 1812, Ч. II, стр. 72) и съ запада въ Гренландіи (Cranz, Hist. von Grönland, Bd. I, p. 189).

6) Они между прочимъ выслѣживаютъ, питаются ли этимъ мясомъ хищные звѣри и птицы и т. д. (Давыдовъ, тамъ же, стр. 200. Головнинъ, Замѣчанія о Камчаткѣ и Русской Америкѣ въ 1809—1811 гг. — Матер. для исторіи русск. засел. по берегамъ Восточ. Океана, вып. 2. Прилож. къ Морск. Сборн. № 2, 1861 г., стр. 105).

7) Крашенинниковъ (тамъ же, стр. 529) самъ видѣлъ подобнаго рода смертные случаи въ Алаунѣ на восточномъ берегу Камчатки и приписываетъ ихъ тому, что китовъ часто убиваютъ ядовитыми стрѣлами.

8) Такъ, издающаяся во Владивостокѣ газета того же имени повѣствуетъ о многихъ случаяхъ повальныхъ эпизоотій на Сахалинѣ, которыя были вызваны употребленіемъ въ пищу жира выброшенныхъ на берегъ китовъ (С.-Петерб. Вѣд. 1883, № 272)—и въ томъ числѣ упоминаетъ объ одной, въ 1882 г. свирѣпствовавшей въ Муравьевскомъ посту.

9) Witsen, Noord en Oost Tartarye, 1705, p. 47.

10) Langsdorff, Bemerk. auf einer Reise um die Welt, Bd. II, p. 112. Веніаминовъ, тамъ же, Ч. III, стр. 60, 99.

Digitized by Google

торговли. Изъ этого слѣдуетъ, что живущія на сушѣ млекопитающія, по сравненію съ тюленями и рыбами, составляютъ лишь незначительный контингентъ въ питаніи этого народа. Тѣмъ не менѣе все, что изъ вышеупомянутаго рода звѣрей попадаетъ ему подъ руку, не исключая и хищныхъ, каковы лисицы, волки и россомахи, онъ при случаѣ безразлично употребляетъ въ пищу. Но есть одно животное, къ которому Гиляки питаютъ непреодолимое отвращеніе, хотя оно живетъ въ непосредственной съ ними близости и добываніе его не стоило бы имъ ни малѣйшаго труда. Это крысы (*Mus decumanus* Pall., по гиляцки *нягришъ*), въ такомъ изобиліи водящіяся въ ихъ юртахъ. Отвращеніе Гиляковъ въ настоящемъ случаѣ тѣмъ удивительнѣе, что крысы безъ сомнѣнія занесены въ Амурскій край китайцами[1]) и, насколько извѣстно, употребляются ими въ пищу[2]), — а китайцамъ амурскіе инородцы вообще охотно подражаютъ. Но Гиляки можетъ быть горькимъ опытомъ научены, что употребленіе крысьяго мяса иногда производитъ мучительные и даже смертельные случаи трихинозной болѣзни. Такимъ образомъ изъ сухопутныхъ млекопитающихъ только два животныя играютъ важную роль въ питаніи Гиляковъ — это собака и медвѣдь, которые находятся у нихъ въ частомъ и всеобщемъ употребленіи, и имѣютъ въ ихъ глазахъ особую цѣну.

Медвѣжье мясо и жиръ — излюбленная пища Гиляковъ. Собираясь полакомиться медвѣдемъ, они поднимаютъ его изъ берлоги, нѣкоторое время содержатъ въ неволѣ и откармливаютъ. Но въ силу гиляцкихъ нравовъ и обычаевъ медвѣжье мясо нельзя ѣсть иначе, какъ въ опредѣленное время и при соблюденіи извѣстныхъ церемоній и обрядовъ, которые совершаются въ многочисленномъ торжественномъ собраніи. Мнѣ привелось быть свидѣтелемъ всѣхъ подробностей съ начала до конца этихъ празднествъ, которыя играютъ столь важную роль въ жизни Гиляковъ. Позже я посвящу имъ отдѣльную главу. На празднества эти стекается много народа, который по обычаю угощается разнаго рода кушаньями въ гиляцкомъ вкусѣ. Это дало мнѣ возможность проникнуть въ нѣкоторыя тайны гиляцкой кухни — и тѣ подробности кулинарнаго искусства Гиляковъ, которыя изложены ниже, собраны мною именно при такихъ случаяхъ.

Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ для Гиляковъ употребленіе въ пищу собачьяго мяса: значеніе это не столько соціальное, сколько практическое. Само собой разумѣется, что они стараются извлекать какъ можно больше пользы изъ своего единственнаго домашняго животнаго, которое одновременно служитъ имъ и рабочимъ скотомъ, вслѣдствіе чего они должны держать его въ большомъ количествѣ. Когда обезсиленное и искалѣченное жи-

---

1) См. мой трудъ. Reis. u. Forsch. im Amur-Lande, Bd. I, p. 128.

2) Davis, La Chine etc. trad. de l'Angl. par Pichard, Paris 1837, T. I, p. 312. John Bowring, Die Chinesen, ihre Sitten und Gebräuche (Petermann's, Geogr. Mittheil., 1855, p. 319). Girard, France et Chine, vie publ. et privée des Chinois anc. et mod., Paris, 1869, T. II, p. 32. Другіе, какъ напримѣръ, англійскій миссіонеръ Мильнъ (см. Petermann's Geogr. Mittheil. 1857, p. 436) и Пусьельгъ (Voyage en Chine et en Mongolie de Mr. et de M-me de Bourboulon, Paris 1866, p. 272) отрицаютъ употребленіе Китайцами въ пищу крысъ.

Digitized by Google

вотное становится непригоднымъ къ ѣздѣ, хозяинъ его конечно старается себя за то иначе вознаградить — употребляетъ его шкуру на одежду, а мясо въ пищу. Благодаря этой тройной пользѣ, извлекаемой Гиляками изъ собаки, она имѣетъ для нихъ ту же важность, какъ олень для Тунгусовъ и для другихъ оленныхъ кочевниковъ. Къ тому же Гиляки находятъ собачье мясо очень вкуснымъ — и неудивительно: животное это у нихъ почти исключительно питается рыбой, и мясо его, вѣроятно, сильно отзываетъ ею, что конечно имъ нравится[1]). Вслѣдствіе всего этого Гиляки всегда охотно брали у меня за дешевую цѣну собакъ, которыя во время путешествія становились непригодными для ѣзды. Тѣмъ не менѣе они лишь въ крайнихъ случаяхъ ѣдятъ собачье мясо, но случаи эти повторяются всякій разъ, когда животное подвергается искалѣченію или чрезмѣрно распложается при недостаточномъ запасѣ корма. Иногда поводомъ къ тому служитъ еще и суевѣріе. Въ февралѣ 1856 года сильныя метели на нѣкоторое время задержали меня въ Тыкѣ на Сахалинѣ. Участь мою раздѣляло нѣсколько путешествующихъ Гиляковъ изъ Чоми и изъ долины р. Тымы. Буря свирѣпствовала и, казалось, не хотѣла уняться. Для укрощенія ея были испробованы разныя средства, но тщетно. Тогда Гиляки задушили трехъ молодыхъ собакъ и съѣли мясо ихъ. Въ случаѣ, если бы это не помогло, предполагалось повторить то же на слѣдующій день. Мясо и внутренности животныхъ были опущены въ котелъ, гдѣ готовилась пища для людей, а часть ихъ прибавлена къ варившейся изъ юколы похлебкѣ для собакъ. Весьма характеристична слѣдующая подробность. Занимавшаяся этими приготовленіями женщина прежде сама откусила кусочекъ окровавленныхъ внутренностей, а потомъ дала откусить ребенку, который, повидимому, продѣлалъ это съ большимъ удовольствіемъ. Другой разъ въ деревнѣ Дуи я присутствовалъ при угощеніи собачьимъ мясомъ многочисленнаго общества Гиляковъ. Это было тотчасъ вслѣдъ за медвѣжьими празднествами, какъ о томъ свидѣтельствовали остатки украшеній внутри и снаружи юрты. Собаки, и въ томъ числѣ пара доставленныхъ мною инвалидовъ, были убиты передъ юртой. Тутъ же съ нихъ содрали шкуру и выпотрошили ихъ; затѣмъ, раздробивъ отдѣльно мясо и кости каждой изъ нихъ, опять сложили ихъ вмѣстѣ и снова обтянули шкурой. Мѣсто въ юртѣ между задней нарой и очагомъ, тамъ гдѣ во время медвѣжьихъ празднествъ красовалась голова медвѣдя[2]), было отдѣлено двумя шестами, а между ними, на полу, лежала палка съ пучкомъ тонкихъ курчавыхъ стружекъ — такъ называемыхъ *цахъ*—, о значеніи

---

1) Когда Гиляки въ моемъ присутствіи ѣли собачье мясо, я самъ ни разу не могъ рѣшиться попробовать его, но извѣстно, что мясо животнаго, питаемаго исключительно рыбою, всегда пріобрѣтаетъ острый вкусъ послѣдней. Мнѣ пришлось въ томъ убѣдиться на поросенкѣ, котораго, Максимовичъ и я, мы купили у Гольдовъ на Уссури. Несмотря на то, что мы уже давно были лишены мясной пищи, мы, все-таки, изъ-за этого вкуса не могли одолѣть поросенка. Уже Страбонъ замѣчаетъ, что въ странѣ ихтіофаговъ (на берегахъ нынѣшняго Белуджистана) мясо рогатаго скота имѣетъ вкусъ рыбы. (Tyler, Forsch. über die Urgesch. der Menschheit und die Entwickel. der Civilisation, aus dem Englisch. von H. Müller, p. 269). А въ Камчаткѣ, какъ извѣстно, коровы, которыхъ за недостаткомъ сѣна кормятъ юколой, даютъ молоко, всегда болѣе или менѣе отдающее рыбой.

2) Подробнѣе будетъ говорено объ этомъ въ отдѣлѣ, спеціально посвященномъ описанію медвѣжьяго празднества.

Digitized by Google

которой мы будемъ говорить впереди. Въ юрту были внесены набитыя мясомъ и костями собачьи шкуры и рядами расположены на задней нарѣ. У очага суетились женщины, разводя огонь подъ котлами и собираясь варить мясо и похлебку изъ костей. Приготовленія эти заняли такъ много времени, что обѣдъ могъ быть готовъ только къ ночи. Между тѣмъ, пылающій на очагѣ огонь, клубы пара надъ котлами, удушливый чадъ, куча людей, которые помѣщались не только на нарахъ, но и на полу тѣсной подземной юрты — все это вскорѣ сдѣлало пребываніе въ ней нестерпимымъ. Не дождавшись обѣда, я поспѣшилъ выйти и пошелъ искать себѣ другого пристанища на ночь.

Неоднократныя наблюденія доказываютъ, что употребленіе въ пищу собачьяго мяса среди нѣкоторыхъ южныхъ негритянскихъ племенъ составляетъ первый шагъ къ антропофагіи и обыкновенно сопровождаетъ ее[1]). Но если бы мы захотѣли выводъ изъ этихъ наблюденій примѣнить къ сѣвернымъ народамъ, мы не нашли бы къ тому никакихъ данныхъ. Даже у столь опредѣленныхъ кинофаговъ, какъ Гиляки, я никогда не встрѣчалъ ничего, что могло бы послужить хоть малѣйшимъ намекомъ на такое предположеніе. Употребленіе въ пищу собачьяго мяса у этихъ народовъ, мнѣ кажется, можетъ быть подведено подъ слѣдующее общее правило. Обычай ѣсть собачье мясо существуетъ только у тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ собаки составляютъ единственное домашнее животное, а именно служатъ имъ рабочимъ скотомъ. Лишь подъ этимъ условіемъ употребленіе въ пищу собачьяго мяса можетъ до нѣкоторой степени и количественно разсматриваться въ общей системѣ питанія, не оскорбляя притомъ нравственнаго чувства. Рабочая собака вовсе не находится въ такихъ близкихъ отношеніяхъ къ человѣку, какъ охотничья или сторожевая, которая, благодаря своей вѣрности, личной привязанности и другимъ свойствамъ, не существующимъ въ первомъ случаѣ, является постояннымъ товарищемъ и другомъ своего хозяина. Кромѣ Гиляковъ, кинофагія встрѣчается еще и у нѣкоторыхъ другихъ палэазіатскихъ народовъ, напримѣръ, у Аиновъ на Сахалинѣ[2]) и на Ессо. Послѣдніе, насколько извѣстно, даже нарочно откармливаютъ собакъ, чтобы потомъ питаться ими[3]). Эскимосы тоже употребляютъ въ пищу собакъ[4]). Но употребленіе это на большей части занимаемаго ими пространства, особенно на сѣверѣ и востокѣ, въ настоящее время едва ли не ограничивается тѣмъ, что, по этому поводу, Робертъ Браунъ[5]) говоритъ о Гренландіи — а именно, что весьма цѣнимое въ этой странѣ собачье мясо, благодаря своей естественной дороговизнѣ, составляетъ тамъ лишь рѣдкое лакомое блюдо. Замѣчательное и, въ полномъ смыслѣ слова, единственное исключеніе изъ нашего общаго правила составляютъ древніе

---

1) Schweinfurth, Das Volk der Monbuttu in Central-Afrika (Zeitschr. für Ethnologie, Berlin, Bd. V, 1873, p. 10). Peschel, Völkerkunde, Leipz. 1874, p. 168).

2) Добротворскій, Аинско-русск. словарь (Прилож. къ Учен. Зап. Имп. Каз. Универс. 1875 г., стр. 37). Ср. также Siebold, Nippon, VII, p. 204.

3) Согласно Адаму Лаксману, см. у Полонскаго, Курилы (Зап. Русск. Геогр. Общ., Отд. Этногр. Т. IV, 1871, стр. 501).

4) Alois von Becker, Arkt. Reise der engl. Yacht «Pandora» im J. 1876, unter dem Commando des Capit. Sir Allen Young (Ausland, 1879, p. 455).

5) Die Säugethiere Grönlands und der Grönländ. Meere. (Petermann's Geogr. Mittheil. 1869, p. 464).

Digitized by Google

камчатскіе Ительмены. Они тоже ѣздили въ саняхъ на собакахъ и кромѣ нихъ не имѣли другого домашняго скота. Однако, какъ говоритъ Стеллеръ, они изо всѣхъ звѣрей своей страны, «не употребляли въ пищу только собакъ, мышей и ящерицъ»[1]). Но можетъ быть во время Стеллера они уже перестали ѣсть собачье мясо подъ вліяніемъ отвращенія къ такого рода пищѣ русскихъ[2]), которымъ Ительмены, какъ извѣстно, усердно во всемъ подражали? Благодаря рыбнымъ богатствамъ Камчатки, такое воздержаніе во всякомъ случаѣ не могло представлять для нихъ крупныхъ практическихъ трудностей[3]). Продолжая формулировать мое правило, я бы еще сказалъ, что народы, которые употребляютъ собаку только для охоты или въ качествѣ домашняго сторожа, а для своего передвиженія, для верховой ѣзды и переноски тяжестей прибѣгаютъ къ помощи другихъ животныхъ — оленя или лошади—тѣ не только не ѣдятъ собачьяго мяса, но даже питаютъ къ нему болѣе или менѣе опредѣленное отвращеніе. Таковы на самомъ дѣлѣ Ороки, сибирскіе оленные Тунгусы, Орочоны, Манегирцы. Но мы и тутъ опять наталкиваемся на исключеніе, которое какъ бы составляютъ Ольчи. Они ведутъ нынѣ образъ жизни, совсѣмъ однородный съ Гиляками, тоже имѣютъ въ собакѣ свое единственное домашнее и рабочее животное и однако не ѣдятъ ея мяса. На вопросъ Паргачевскаго о причинѣ такого явленія среди нихъ, жители деревни Пуль обнаружили полное отвращеніе къ собачьему мясу и даже прибавили, что въ этомъ именно и заключается ихъ отличіе отъ Гиляковъ[4]). Съ перваго взгляда это какъ бы противорѣчитъ моему заключенію, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оно, напротивъ, оказывается блестящимъ подтвержденіемъ второй половины его. Ольчи, какъ мы видѣли выше, нѣкогда были оленными кочевниками, и только потеря оленей привела ихъ къ осѣдлой жизни на Амурѣ и заставила, подобно Гилякамъ, заняться рыболовствомъ[5]). Воспоминаніе объ этой перемѣнѣ въ образѣ жизни постоянно жило у нихъ въ преданіи, и неудивительно если они вмѣстѣ съ тѣмъ сохранили и свое отвращеніе къ собачьему мясу. И наоборотъ, въ этомъ отвращеніи Ольчей къ собачьему мясу можно видѣть доказательство ихъ прежней кочевой жизни. То же самое могло повториться и съ Негидальцами, Самагирцами и Килями[6]). Чтобы Гольды и Орочи ѣли собачье мясо — мнѣ неизвѣстно ни изъ моихъ собственныхъ наблюденій, ни изъ показаній другихъ путешественниковъ (Венюкова, Пржевальскаго, Надарова). Такимъ образомъ кинофагія въ Амурскомъ краѣ, съ Сахалиномъ включительно, ограничивается всего двумя палэазіатскими народами — Гиляками и Аинами, и на этотъ обычай среди нихъ надо смотрѣть, какъ на присущій имъ съ искони вѣковъ. Другіе амурскіе инородцы, живущіе дальше

---

1) Steller, l. c., p. 323. Крашенинниковъ ничего о томъ не упоминаетъ.

2) Steller, l. c., p. 285 и др.

3) Впрочемъ, по свидѣтельству экспедиціи съ парохода «Вега», ей пришлось видѣть, какъ Чукчи въ Питлекаи и Гинретленѣ тоже отказывались отъ мяса убитой собаки (Nordenskiöld, Die Umsegelung Asiens und Europas, Bd. II, p. 96). Но таковъ ли обычай всѣхъ Чукчей вообще — это вопросъ.

4) Паргачевскій, Поѣздка зимнимъ путемъ вверхъ по р. Амуру (Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. Ч. 21, 1857, Отд. Изслѣд. и Матер., стр. 162).

5) См. Т. I наст. соч., стр. 137, 149 и др.

6) См. Т. I наст. соч., стр. 157—161.

Digitized by Google

вверхъ по теченію рѣки, по сосѣдству съ Сунгари и Уссури, не ѣдятъ собачьяго мяса. Изъ этого слѣдуетъ, что существованіе такого обычая у двухъ вышеупомянутыхъ народовъ ни коимъ образомъ не можетъ быть приписано вліянію китайцевъ, хотя тѣ, какъ извѣстно, употребляютъ въ пищу всякую всячину, и въ томъ числѣ собакъ, кошекъ, крысъ и т. д.[1]). У Корейцевъ[2]), напротивъ, обычай ѣсть собакъ весьма вѣроятно заимствованъ именно у китайцевъ.

И птицы тоже участвуютъ въ питаніи Гиляковъ, но играютъ притомъ гораздо менѣе важную роль, чѣмъ млекопитающія. Это объясняется уже тѣмъ, что онѣ, во-первыхъ, на что другое мало пригодны, а потому и меньше поводовъ за ними охотиться; а во-вторыхъ, ихъ вообще труднѣе добывать. Тѣмъ не менѣе всѣ птицы, какія водятся въ странѣ Гиляковъ, безъ различія употребляются ими въ пищу. А тѣ, которыя по временамъ легче даются въ руки, періодически служатъ нѣсколько обильнѣе, хотя вообще въ ограниченныхъ размѣрахъ подспорьемъ въ ихъ пищѣ. Туземцы иногда простыми силками удачно ловятъ куропатокъ *(Lagopus albus* Gm., по гил. *парръ*, на Сахалинѣ *чяола-нга)*. На западномъ берегу Сахалина между деревнями Дуи и Тыкъ, я видѣлъ Гиляковъ, которые съ удовольствіемъ ѣли каюрку, *Phaleris cristatella* Pall. (по гил. *нохла-нга*). Птица эта легко становится ихъ добычей на открытыхъ мѣстахъ у моря, гдѣ она то въ одиночку, то небольшими партіями, опускается на ледъ и примерзаетъ къ нему. И морской орелъ тоже идетъ у Гиляковъ въ дѣло. Они вынимаютъ его изъ гнѣздъ, откармливаютъ рыбой—хвостъ продаютъ японцамъ, а мясо, когда для орла настаетъ роковой часъ, варятъ и ѣдятъ. Однѣхъ только воронъ *(Corvus Corone* L., по гил. *карръ)* Гиляки, кажется по принципу, не употребляютъ въ пищу, — хотя, можетъ быть, именно потому, что онѣ питаются одною съ ними пищею. Вороны большими стаями водятся близъ гиляцкихъ деревень и юртъ, гдѣ пользуются остатками отъ рыбной ловли и отъ приготовленія юколы. А во время путешествій Гиляковъ онѣ слетаются къ мѣсту ихъ ночныхъ или обѣденныхъ приваловъ, и не успѣетъ еще тамъ потухнуть огонь, какъ онѣ бросаются на остатки пищи. Иногда вороны даже предупреждаютъ Гиляковъ въ ихъ охотничьихъ замыслахъ—прежде нихъ нападаютъ на примерзшую ко льду *каюрку*, или пожираютъ попавшаго въ западню

---

1) Въ Китаѣ не только люди низшаго сословія, за недостаткомъ другой пищи, ѣдятъ собачье мясо, но оно тамъ во всеобщемъ употребленіи и появляется на столѣ даже въ самыхъ роскошныхъ и богатыхъ домахъ. Изъ числа многихъ старыхъ и новѣйшихъ сочиненій объ этомъ предметѣ укажу на слѣдующія: Neuhof, Die Gesandtsch. der Ost-Ind. Gesellsch. in den verein. Niederländ. an den Tart. Cham., Amsterd. 1666, p. 275. Ysbrants Ides. Driejaar. Reize naar China, Amsterd. 1704, p. 103. Du Halde, Descr. de l'Emp. de la Chine, Paris 1735, T. II, p. 138. Bell d'Antermony, Voyage dans div. contreés de l'Asie, trad. de l'anglais par M***, Paris 1746, p. 343. Staunton, Des Graf. Macartney Gesandtsch. nach China, aus dem Engl., Frankf. und Leipz. 1798, Bd. II, p. 173. Davis, La Chine etc., T. I, p. 312; T. II, p. 236. Іакинѳъ, Китай и проч. С.-Петерб. 1840, стр. 262, 369, 377. Itier, Journ. d'un Voyage en Chine, Paris 1848, T. I, p. 302; T. II, p. 50. Ferrière-le-Vayer, Une Ambass. Franç. en Chine, Paris 1854, p. 197. Bowring, Die Chinesen (Petermann's Geogr. Mittheil., 1855, p. 319). Fleming, Travels on horseback in Mantchu Tartary, London 1863, p. 249. Girard, France et Chine, Paris 1869, T. II, p. 32.

2) Witsen, Noord en Oost Tartarye, 1705, p. 57. O. Genest, Capit. Jacobsen's Besuch bei den Koreanern (Globus, Bd. LII, p. 61).

Digitized by Google

звѣря. Гиляки не ѣдятъ воронъ можетъ быть еще и въ силу суевѣрныхъ представленій, точно также какъ и Чукчи[1]), и Эскимосы (на заливѣ Коцебу), которые черную ворону считаютъ творцемъ вселенной[2]). Я часто видѣлъ у нихъ, поверхъ нагруженныхъ поклажею нартъ, воронью голову, которую они брали съ собой въ путешествіе, какъ говорили — на счастье. Такія же точно суевѣрныя представленія существуютъ у вышеупомянутыхъ народовъ — а именно у Чукчей, у Эскимосовъ на Кадьякѣ, у Кенайцевъ и Колюшей — и по отношенію къ ворону, котораго они тоже не употребляютъ въ пищу[3]). Благодаря наружному сходству этихъ двухъ птицъ и ихъ однородному образу жизни, Гиляки, вѣроятно, одинаково поступаютъ съ обѣими, т. е. не ѣдятъ ни той, ни другой.

Совсѣмъ иначе относятся Гиляки къ земноводнымъ и пресмыкающимся животнымъ. Ни одно животное этого разряда не употребляется ими въ пищу. Къ нимъ, особенно къ змѣямъ и къ жабамъ, они питаютъ непреодолимый страхъ, коренящійся въ суевѣріи. Но объ этомъ рѣчь еще впереди[4]).

Къ числу животныхъ, употребляемыхъ Гиляками въ пищу, принадлежатъ и нѣкоторые виды безпозвоночныхъ. Приморскіе Гиляки, напримѣръ, не брезгаютъ даже иными изъ раковидныхъ и молюсковъ, выбрасываемыхъ на берегъ моремъ или оставляемыхъ тамъ приливомъ: они ихъ охотно собираютъ и ѣдятъ. Такъ напримѣръ, на западномъ берегу Сахалина, они, кромѣ *Tellina venulosa* (по гил. *кэр-вубъ*)[5]), *Mactra sachalinensis* (по гил. *моихоми-веллахъ*)[6]), указывали мнѣ еще на третью раковину, которую называли *іотангъ-веллахъ*—и при этомъ говорили, что всѣхъ ихъ ѣдятъ и находятъ «сладкими, какъ сахаръ». Но къ какому виду принадлежитъ послѣдняя, это осталось мнѣ неизвѣстнымъ.

Перейдемъ теперь къ растительной пищѣ. Она вообще имѣетъ для Гиляковъ гораздо меньше значенія, чѣмъ животная. Здѣсь на первомъ планѣ дикія произведенія туземной почвы: разнаго рода ягоды, мелкіе плоды, корни луковичныхъ растеній, травы и водоросли — вѣроятно, благодаря легкости, съ какою они добываются. Всѣ эти произведенія растительнаго царства служатъ лишь приправою къ животной пищѣ и вообще употребляются только какъ примѣсь къ разнымъ кушаньямъ. Главное мѣсто между ними принадлежитъ брусникѣ — *Vaccinium Vitis idaea* L. (по гил. *мыгр-альзъ* или просто *альзъ*, т. е. «ягода»)[7]) по преимуществу — и по количеству, въ какомъ она потребляется, и по разно-

---

1) Киберъ, Чукчи (Сибирск. Вѣстн. 1824. Ч. II, Этнографія, стр. 119).

2) Berth. Seemann, Reise um die Welt. Bd. II, p. 30, 72.

3) Lutké, Voyage autour du monde, Paris 1835, T. I, p. 189, 214. Норденшельтъ (Die Umsegelung Asiens und Europas, Bd. II, p. 96), напротивъ, утверждаетъ, что Чукчи въ Питлекаи и Гинретленѣ вовсе не считали предосудительнымъ лакомиться мясомъ застрѣленнаго ворона.

4) Въ Китаѣ, напротивъ, ѣдятъ и лягушекъ и черепахъ и даже змѣй. Іакинеъ, тамъ же, стр. 262. John Bowring, l. c.

5) См. Т. II, наст. соч., стр. 556—558.

6) Тамъ же, стр. 575—578. Веллахъ означаетъ черепокъ раковины или раковину улитки, а животное *моихоми-веллаха*, согласно Глену, называется *пубкъ*.

7) Гиляки долины рѣки Тымы и на восточномъ берегу Сахалина называютъ бруснику *иткгъ* или *пахла(н)альзъ*, т. е. красная ягода.

Digitized by Google

образію способовъ ея приготовленія и по пріятному вкусу. Каждую осень дѣлаются большіе запасы этой ягоды на зиму. Цѣлыя семьи—женщины и дѣти отправляются собирать ее въ лѣса, преимущественно вверхъ по теченію маленькихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Амуръ и въ Лиманъ. Тамъ въ надлежащемъ мѣстѣ раскидываютъ палатку или сооружаютъ легкій шалашъ въ видѣ крыши на косо вколоченныхъ въ землю шестахъ, раскладываютъ огонь и предаются собиранію ягодъ. Я не разъ натыкался на такія стоянки въ окрестностяхъ Николаевскаго поста по рѣчкамъ Камрѣ и Личѣ. Ягоды собираются въ большіе берестяные кузова и короба и въ лодкахъ препровождаются домой. Ихъ замораживаютъ, прикрываютъ травой и всю зиму хранятъ въ кладовыхъ. Въ мое время Гиляки въ окрестностяхъ Николаевска имѣли такіе богатые запасы брусники, что въ теченіе цѣлой зимы не только сами пробавлялись, но снабжали ею и русскихъ. Брусника, облитая рыбьимъ или тюленьимъ жиромъ, составляетъ обыкновенную приправу къ рыбѣ или юколѣ. Кромѣ того она входитъ въ составъ разныхъ кушаній, изъ которыхъ главное *мось*. Это — смѣсь толченой рыбьей кожи, а за недостаткомъ ея, мелко накрошенной юколы, съ рыбьимъ жиромъ и брусничными ягодами. Мось приготовляется слѣдующимъ образомъ. Берутъ кожу съ кеты или горбуши, крошатъ ее на мелкіе кусочки, сильно развариваютъ и смѣшиваютъ съ рыбьимъ жиромъ. Такимъ образомъ получается родъ бѣлаго киселя, къ которому въ заключеніе прибавляютъ еще брусники[1]). Все вмѣстѣ образуетъ тягучую массу, похожую на густую сметану. Я былъ свидѣтелемъ приготовленія моси въ Тебахѣ на медвѣжьихъ празднествахъ, необходимую принадлежность которыхъ это кушанье составляетъ. Его ѣдятъ всѣ присутствующіе и предлагаютъ медвѣдю. Видѣлъ я приготовленіе моси и въ обыкновенное время. Тутъ дѣло было проще: все ограничивалось смѣсью брусники съ мелко накрошенной вареной юколой и съ рыбьимъ жиромъ. Массу эту постепенно охлаждали, слегка замораживали и потомъ рѣзали ломтями. Смотря по сорту рыбы, изъ которой изготовляется мось, Гиляки раздѣляютъ ее на *лыги-* и *тенги-мось*, при чемъ отдаютъ предпочтеніе первой. Отправляясь въ путешествіе, они обыкновенно берутъ съ собой небольшой запасъ ея. Мнѣ не разъ приходилось ихъ видѣть на открытомъ воздухѣ, за обѣдомъ передъ пылающимъ костромъ: одна, двѣ полоски юколы, подогрѣтой или слегка поджаренной на огнѣ, нѣсколько ломтиковъ моси, глотокъ, другой воды изъ талаго снѣга, повидимому, ихъ вполнѣ удовлетворяли. Послѣ брусники самая любимая и наиболѣе употребительная ягода у Гиляковъ ежевика, *Empetrum nigrum* L. (по гил. *ыгыхъ*). Она, какъ и первая, употребляется въ качествѣ приправы или дополненія къ моси и къ другимъ кушаньямъ. Ее тоже въ большомъ количествѣ запасаютъ на зиму. Въ долинѣ р. Тымы на Сахалинѣ она даже общеупотребительнѣе брусники. Въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ въ деревнѣ Тыми на Лиманѣ ѣдятъ еще много клюквы, *Vaccinium Oxycoccus* L. (по гил. *тым-альзъ*), которая однако не замѣняетъ въ моси ни брусники, ни ежевики. Кромѣ этихъ, въ пищу употребляются еще

1) По свидѣтельству Стеллера (l. c., p. 325) точно такое же кушанье изъ разваренной и тертой рыбьей кожи съ примѣсью толченыхъ кедровыхъ орѣховъ было въ ходу и у Курильцевъ на югѣ Камчатки.

Digitized by Google

ягоды малины *(Rubus Idaeus* L., по гил. *келамъ)*, морошки *(R. Chamaemorus* L., по гил. *едени-алъзъ)* и др., но въ маломъ количествѣ.

Вкусную пищу доставляетъ Гилякамъ еще плодъ дикой розы, *Rosa cinnamomea* L., по гиляцки — на материкѣ: *титыричъ* и *цеби* — на Сахалинѣ: *пилъ-алъзъ*, т. е. большая ягода[1]). Осенью обыкновенно дѣлаютъ запасы ея. Въ деревнѣ Тыкѣ на западномъ берегу Сахалина я видѣлъ какъ изъ нея слѣдующимъ образомъ готовили кушанье. Замороженныя ягоды шиповника опускали въ котелъ, гдѣ ихъ оттаивали, потомъ растирали, смѣшивали съ рыбьимъ жиромъ, и такимъ образомъ получалась каша, которую ѣли ложками.

У Гиляковъ очень крѣпкіе зубы и челюсти, что между прочимъ доказываетъ способъ, какимъ они ѣдятъ плоды черёмухи (*Prunus Padus* L.) и кедровые орѣхи (по гил. *торсъ*), которые въ особенномъ изобиліи производитъ Сахалинъ[2]). Они на моихъ глазахъ цѣлыми горстями препровождали ихъ въ ротъ и жевали точно самыя мягкія ягоды, не раздробляя предварительно косточекъ и не устраняя шелухи. Шелуха съ кедровыхъ орѣховъ не удаляется и въ тѣхъ случаяхъ, когда изъ нихъ приготовляютъ родъ пирога. Черемуховыя ягоды толкутъ вмѣстѣ съ косточками, смѣшиваютъ съ мукой и ворванью и загибаютъ въ пирогъ, который у Гиляковъ на материкѣ называется *кыпъ*, а на Сахалинѣ *капъ*. А зерна кедровыхъ орѣховъ въ скорлупѣ какъ начинку завертываютъ въ тѣстообразную массу красно-бураго цвѣта изъ растертой съ ворванью черемуховой коры. Всему придаютъ форму пирожковъ въ одну пядь длины и такой же ширины. Сверху ихъ покрываютъ разными украшеніями.

Гиляки употребляютъ въ пищу также довольно много кореньевъ. Къ сожалѣнію, я не могу систематизировать названій всѣхъ растеній, которымъ эти коренья принадлежатъ[3]). Они большею частію употребляются въ пищу вареными въ рыбьемъ или тюленьемъ жиру, въ особенности коренья изъ породы луковичныхъ. Таковы луковицы сараны *(Fritillaria kamtschatkensis* Gawl., по гил. *каркъ*, и *Lilium spectabile* Link, по гил. *норкъ)*. Нанизанныя на нитку онѣ обыкновенно рядами висятъ въ гиляцкихъ кладовыхъ, вмѣстѣ съ кореньями *Corydalis ambigua* Cham. (по гил. *чюркъ*), *Heracleum dissectum* Led. (по гил. *рыпръ*) и другихъ мнѣ неизвѣстныхъ растеній съ гиляцкими названіями: *туксъ*, *удалакъ*, *мрыу*, *плимъ а(р)съ*. Луковицы съ мѣстнымъ названіемъ *нгыфки* — вѣроятно изъ породы *Allium* — идутъ на приправу къ разнымъ кушаньямъ. Гиляки рѣжутъ ихъ ломтиками и кладутъ сырыми въ кушанья. Высушенною и мелко искрошенною травою другихъ луко-

---

1) То же самое надо сказать о *Rosa rugosa* Thbg. на островѣ Сахалинѣ, которую тамошніе Гиляки, согласно Глену, называютъ *пиля-лачъ*, см. Schmidt, Reisen im Amur-Lande und auf der Insel Sachalin (Mém. de l'Acad. des sc. de St.-Pétersbourg, VIIe Sér., T. XII, № 2, p. 213, 215).

2) Соотвѣтственныя деревья носятъ у Гиляковъ названія: *тасъ* для *Prunus Padus* и *химъ* для *Pinus Cembra, pumila.*

3) Приводя слѣдующія наименованія я руководствовался опредѣленіями Максимовича въ его «Primitiae florae amurensis», St. Petersb. 1859. (Mém. prés. à l'Académie Impérial des sc. par divers savants, T. IX) и Фр. Шмидта, принятыми въ ботаническомъ отдѣлѣ его сочиненія: «Reisen im Amur-Lande und auf der Insel Sachalin» 1868. (Mém. de l'Acad. Imp. des Scienc. de St. Pétersb., VIIe Sér., T. XII, № 2, p. 212) на основаніи матеріаловъ, собранныхъ имъ самимъ и Гленомъ.

Digitized by Google

вичныхъ растеній, по гил. *хаш*, напримѣръ: *Allium schoenoprasum* L. на материкѣ, *Allium victoriale* L. на Сахалинѣ они приправляютъ похлебку, что придаетъ ей пикантный вкусъ. Туземцы дѣлаютъ большіе запасы такого лука на зиму[1]).

Гиляки употребляютъ въ пищу еще молодые листья и чищенные стебли нѣкоторыхъ растеній и съ примѣсью тюленьяго или рыбьяго жира варятъ изъ нихъ похлебку. Таковы: *Cacalia hastata* L. (по гил. *пыткз*), *Epilobium angustifolium* L. (по гил. *чола*), согласно Глену также *Polygonum Weyrichii* Schm. (по гил. *хапсъ*), *Heracleum barbatum* Led. (по гил. *нукрз*), *Senecio Pseudo-arnica* Less. (по гил. *кенгсъ*) и *Petasites japonicus* S. et Z. (по гил. *лёллу* и *толь-ахсъ*)[2]). Первое растеніе, кажется, особенно общеупотребительно. Въ деревнѣ Тыкъ, я видѣлъ, Гиляки ѣли его и зимой, но послѣ довольно продолжительныхъ и сложныхъ приготовленій. Съ сухихъ вѣтокъ растенія, собранныхъ лѣтомъ, общипывали листья и варили ихъ въ котлѣ съ водой. Потомъ ихъ вываливали въ корыто, студили и выжимали руками какъ бѣлье. Масса изъ листьевъ принимала форму продолговатыхъ комковъ: ихъ мелко крошили большимъ рыбнымъ ножомъ, смѣшивали съ икрою кеты, опять варили и въ заключеніе получалась густоватая похлебка. Ее разливали по деревяннымъ чашкамъ, откуда или прямо хлебали, или ѣли съ помощью ложекъ. Нѣсколько дней спустя я опять присутствовалъ при стряпнѣ этого кушанья: на этотъ разъ икра замѣнялась мелко накрошенными кусочками тюленьяго жира.

Кромѣ того, Гиляки употребляютъ въ пищу еще разнаго рода мхи и лишаи, а именно исландскій мохъ—*Cetraria islandica* L. (по гил. *хитвыркъ*)[3]), древесный лишай—*Usnea* (по гил. *чвальхъ*, который раздѣляется на *кана*—бѣлый и *піуля*—синій *чвальхъ*). Изъ нихъ тоже варятъ похлебку съ прибавкою икры или тюленьяго жира.

Не одинъ лѣсъ доставляетъ Гилякамъ растительную пищу, но и море также: напримѣръ, родъ водоросля, который называется *чоллахъ*[4]), и морскую капусту (*Laminaria esculenta*, по гил. *пучз*). Въ дер. Тыкъ на Сахалинѣ я видѣлъ Гиляковъ, которые ѣли послѣднюю, приготовленную такъ же точно, какъ кушанье изъ древесныхъ порослей. Ее варили въ водѣ вмѣстѣ съ мелко накрошенной юколой. Развариваясь она распускалась въ бѣловатую клейкую массу. Гиляки собираютъ морскую капусту, сушатъ и дѣлаютъ изъ нея небольшіе запасы на зиму. Они въ томъ, должно быть, подражаютъ Аинамъ, которые, по свидѣтельству Шмидта[5]), въ свою очередь переняли это отъ японцевъ. Послѣдніе при содѣйствіи Аиновъ ежегодно собираютъ на Сахалинѣ огромное количество морской капусты, сушатъ ее и искусно свернутую отправляютъ на Хакодате и Матсмай.

Всѣ вышеупомянутыя дикія произведенія туземной почвы, употребляемыя Гиляками

---

1) Одинъ изъ маленькихъ острововъ на югѣ Амурскаго Лимана, особенно изобилующій этого рода естественными произведеніями почвы, вѣроятно потому и названъ Гиляками *хаштифъ* (*тифъ* значитъ земля). Русскіе распространили это названіе и на всѣ восемь маленькихъ островковъ этого архипелага.

2) Гленъ, l. c., p. 212—214.

3) У Ольчей: *хитъ*.

4) Glehn, l. c., p. 214.

5) L. c., p. 98.

Digitized by Google

въ пищу, имѣютъ для нихъ тѣмъ болѣе важное значеніе, что они, при незначительномъ трудѣ и нѣкоторой предусмотрительности, равно для всѣхъ доступны. Если они по существу вообще и мало питательны, то во всякомъ случаѣ разнообразятъ пищу и дѣлаютъ ее вкуснѣе. А когда съ прекращеніемъ рыбной ловли и охоты настаетъ болѣе трудное время, и запасы животной пищи начинаютъ замѣтно истощаться, они буквально избавляютъ Гиляковъ отъ голода.—Другое дѣло съ растительной пищей иноземнаго происхожденія, которую Гиляки получаютъ путемъ торговли съ сосѣдними культурными народами — китайцами, японцами и русскими. Она состоитъ изъ хлѣбныхъ и овощныхъ растеній и потому гораздо питательнѣе. Тѣмъ не менѣе пища эта вообще имѣетъ для Гиляковъ меньше значенія. Она для нихъ скорѣе предметъ роскоши, такъ какъ доступна только наиболѣе зажиточнымъ, но и тѣ не употребляютъ ее ежедневно, а лишь въ извѣстныхъ случаяхъ и при извѣстной обстановкѣ. Слѣдовательно, въ обыденной жизни растительная пища этого рода составляетъ исключеніе. Зато она, напротивъ, въ большомъ количествѣ поглощается на медвѣжьихъ празднествахъ, которые, впрочемъ, нерѣдко повторяются и, благодаря коммунистическому духу Гиляковъ, всегда бываютъ очень многолюдны. Владѣтель запасовъ такого рода пищи, являясь хозяиномъ на праздникѣ, обыкновенно даетъ возможность пользоваться ею и бо̀льшему или меньшему количеству другихъ, не столь богатыхъ туземцевъ. На этихъ празднествахъ мнѣ удалось познакомиться съ разными видами растительной пищи у Гиляковъ и съ нѣкоторыми способами ея приготовленія.—На первомъ планѣ здѣсь хлѣбныя растенія, получаемыя отъ китайцевъ. Самое обыкновенное изъ нихъ и наиболѣе любимое у Гиляковъ — китайское, или, какъ оно чаще называется, маньчжурское пшено — *Setaria italica* (по гил. *будà*), а затѣмъ китайскій ячмень (по гил. *муди*). Меньше по вкусу приходится имъ и рѣже ими употребляется *Sorghum vulgare* L. (по гил. *сюсь*)[1]). Особеннымъ уваженіемъ среди Гиляковъ пользуется японскій рисъ, но онъ рѣдко у нихъ встрѣчается. Знатный Гилякъ Юдинъ въ Тебахѣ, у котораго я провелъ зиму 1856 года, и въ чьей юртѣ происходили медвѣжьи празднества, имѣлъ у себя въ запасѣ небольшое количество риса: онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ добылъ его у японцевъ на Сахалинѣ. Но запасъ этотъ былъ слишкомъ малъ для угощенія всѣхъ многочисленныхъ гостей Юдина. Съ водвореніемъ русскихъ въ Нижне-Амурскомъ краѣ, въ Петровскомъ зимовьѣ, въ Николаевскѣ и въ Маріинскѣ, Гиляки начали и у нихъ добывать кое-какое хлѣбное зерно. Имъ особенно полюбилась гречневая крупа. Я ее уже въ большомъ количествѣ видѣлъ среди яствъ на вышеупомянутомъ медвѣжьемъ празднествѣ въ 1856 году. Кромѣ того, имъ очень нравился дешевый сортъ русской ржаной муки (по гил. *ова*). Они тѣмъ охотнѣе употребляли ее, что пшеничную муку (по гил. *ракъ*) могли лишь за дорогую цѣну получать отъ китайцевъ. Изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ хлѣбныхъ зеренъ Гиляки варятъ крутую кашу и заправляютъ ее рыбьимъ жиромъ: они его, какъ мы растопленное масло, вливаютъ

1) Два первыя хлѣбныя зерна и у Ольчей носятъ то же названіе, а послѣднее у нихъ и у Гольдовъ именуется *сюсу*.

Digitized by Google

въ углубленіе, образуемое въ массѣ каши посредствомъ ложки или палочки. Мука находитъ у нихъ разнообразное примѣненіе. Главнымъ образомъ она идетъ на приготовленіе чего-то вродѣ пирожковъ или хлѣбцевъ. Муку поливаютъ ворванью и мѣсятъ изъ нея тѣсто. Этимъ занимаются женщины, которыя притомъ набираютъ въ ротъ воды и по мѣрѣ надобности спрыскиваютъ тѣсто. Затѣмъ онѣ свертываютъ изъ него плоскіе, продолговатые и круглые хлѣбцы, варятъ ихъ въ водѣ въ большомъ котлѣ, потомъ тамъ и сямъ надламываютъ и снова поливаютъ жиромъ. Къ числу любимыхъ кушаній Гиляковъ принадлежитъ еще родъ каши изъ муки, смѣшанной съ полураздавленными ягодами брусники или ежевики *(Empetrum nigrum)* и съ приправой изъ рыбьяго жира. Изъ овощей они употребляютъ въ пищу только обыкновенные бѣлые или желтоватые бобы *(Phaseolus vulgaris* L., по гил. *туриъ)*, но и то лишь въ особенныхъ праздничныхъ случаяхъ. Бобы эти они получаютъ отъ китайцевъ, живущихъ дальше вверхъ по Амуру и по Сунгари. Гиляки ихъ варятъ и смѣшиваютъ съ мелко накрошенными въ рыбьемъ жирѣ кусочками кыпа (см. стр. 130), съ тонко нарѣзаннымъ сушеннымъ лукомъ *(хаги)*, а иногда и съ ягодами ежевики. Странное сочетаніе ингредіентовъ, входящихъ въ составъ этого кушанья, дѣлаютъ его по истинѣ удивительнымъ произведеніемъ кулинарнаго искусства.

Итакъ, растительная пища употребляется Гиляками не иначе, какъ съ большей или меньшей примѣсью рыбьяго жира. Это одинаково относится и къ туземнымъ произведеніямъ растительнаго царства, играющимъ у нихъ исключительно роль приправы, и къ тѣмъ, которыя проникаютъ къ нимъ извнѣ и обладаютъ существенно питательными свойствами. Гиляки и тутъ остаются вѣрными своей природѣ ихтіофаговъ. Несмотря на количество употребляемыхъ ими пищевыхъ продуктовъ растительнаго царства животная и спеціально рыбная пища всетаки составляетъ основу и главное условіе ихъ существованія.

Въ способѣ питанія Гиляковъ существуетъ еще одна рѣзкая особенность: они вовсе не употребляютъ соли и даже какъ бы чувствуютъ къ ней отвращеніе. Я позволю себѣ повторить здѣсь по этому поводу то, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ сообщалъ д-ру Г. Бунге[1]) въ письмѣ, которое отчасти уже было имъ напечатано[2]). Хотя во время моего продолжительнаго пребыванія среди Гиляковъ я не разъ имѣлъ случай наблюдать надъ ихъ стряпнею, я никогда не видалъ, чтобы они въ какое-либо кушанье прибавляли соли или вообще употребляли ее. Они и у меня не просили ея и, насколько мнѣ извѣстно, никогда не обращались за ней въ Николаевскъ, гдѣ ее можно было купить. Она вовсе не составляла для нихъ необходимости, въ подтвержденіе чего разскажу слѣдующее. Подъ конецъ моего путешествія зимой 1856 г. у меня истощился весь запасъ соли. Это было на западномъ берегу Сахалина и на Амурскомъ Лиманѣ. Во всѣхъ деревняхъ, лежавшихъ у меня на пути, спрашивалъ я соли, но тщетно. Наконецъ въ Пронге на Лиманѣ мнѣ принесли комочекъ ея, съ

1) Въ то время доцентъ въ Дерптѣ, нынѣ профессоръ въ Базелѣ.

2) Въ его статьѣ «Ethnologischer Nachtrag zur Abhandlung über die Bedeutung des Kochsalzes und das Verhalten der Kalisalze im menschlichen Organismus» (Zeitschrift für Biologie, Bd. X, München 1874, p. 115).

Digitized by Google

орѣхъ величиною, завернутый въ грязную тряпочку. Хозяинъ комочка гдѣ-то, когда-то, случайно добылъ его и сохранялъ у себя, какъ курьезъ, впрочемъ ни на что не пригодный. Мало того, когда я въ присутствіи Гиляковъ солилъ мою пищу, они обнаруживали явное отвращеніе. Изъ многочисленныхъ примѣровъ, касающихся употребленія или неупотребленія соли разными народами, д-ръ Бунге выводитъ слѣдующее совершенно справедливое заключеніе. «Всѣ тѣ народы», говоритъ онъ, «которые питаются почти исключительно животною пищей — охотники, рыболовы, кочевники (а къ нимъ принадлежатъ и Гиляки) — или вовсе не знаютъ соли, или, познакомясь съ ней, выказываютъ къ ней отвращеніе. Народы, питающіеся преимущественно растительной пищей, напротивъ, ощущаютъ непреодолимую потребность въ соли и считаютъ ее необходимою принадлежностью своего существованія». Это бытовое различіе почтенный ученый подтверждаетъ и превосходными изслѣдованіями съ химико-физіологической точки зрѣнія[1]). Но что касается Гиляковъ, вышеупомянутое заключеніе д-ра Бунге наводитъ меня на слѣдующія замѣчанія относительно употребленія или, вѣрнѣе, неупотребленія соли этимъ народомъ. Единственный моментъ, когда Гиляки поглощаютъ значительное количество растительной пищи, преимущественно хлѣбной и овощной — это, какъ сказано выше, медвѣжьи празднества. Замѣчательно, что отвращеніе Гиляковъ къ соли при этомъ не только не смягчается, а, напротивъ, особенно ярко выражается: солить пищу во время медвѣжьихъ празднествъ даже считается за *уичъ* (накликающимъ зло). Но это, мнѣ кажется, нисколько не противорѣчитъ вышеприведенному заключенію д-ра Бунге и вовсе не представляетъ разногласія съ его химико-физіологическими положеніями. Во первыхъ, медвѣжьи празднества не составляютъ у Гиляковъ обыденнаго явленія и не настолько часто повторяются, чтобы существенно измѣнять вообще животный характеръ гиляцкой пищи. Во вторыхъ, потребленіе растительной пищи на этихъ празднествахъ лишь въ тѣхъ случаяхъ достигаетъ извѣстныхъ размѣровъ, когда хозяинъ пиршества принадлежитъ къ числу наиболѣе зажиточныхъ и состоитъ въ торговлѣ съ китайцами, русскими, японцами. Въ противномъ же случаѣ растительная пища и тутъ всегда уступаетъ первое мѣсто животной, а именно медвѣжьему мясу и жиру. Въ третьихъ, наконецъ, медвѣжьи празднества, какъ мы увидимъ дальше, составляютъ у Гиляковъ древне-національный обычай, проникнутый суевѣріемъ, а въ такихъ случаяхъ всякое нововведеніе, какъ извѣстно, всегда вызываетъ противодѣйствіе. Очевидно, этотъ обычай возникъ у нихъ въ то время, когда соль была имъ еще неизвѣстна. Это подтверждается и тѣмъ, что она не имѣетъ у нихъ своего собственнаго, самостоятельнаго, а только испорченное иноземное названіе. Соль по гиляцки *тафчъ*, а это безъ сомнѣнія не иное что, какъ маньчжурское *дабсунъ*, монгольское *дабасу*[2]). Опираясь на это словопроизводство, мнѣ кажется, можно заключить, что Гиляки впервые познакомились съ солью въ то время, когда маньчжурское племя Дючеровъ, хлѣбопашцевъ, скотоводовъ и пр., еще жило на ниж-

1) Ср. его: Lehrbuch der physiolog. und patholog. Chemie, Leipzig 1887, p. 109 ff.

2) Klaproth, Asia polyglotta, p. 298, *Sprachatlas*, p. XLVI.

Digitized by Google

немъ Амурѣ, въ странѣ между Сунгари и устьемъ Уссури, откуда оно позже, въ половинѣ XVII столѣтія, по приказанію китайскаго правительства, переселилось на Хурху [1]). Съ тѣхъ поръ прошли уже два вѣка, но соль все еще не успѣла привиться у Гиляковъ. Это какъ нельзя убѣдительнѣе доказываетъ, что она не составляетъ для нихъ физіологической потребности.

Но если Гиляки питаютъ опредѣленное отвращеніе къ соли, зато они обнаруживаютъ сильное пристрастіе къ сахару (по гил. *сэта*) и именно въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ познакомили съ нимъ русскіе [2]). Раньше извѣстный имъ китайскій сахаръ коричневаго цвѣта и не довольно сладкій нисколько ихъ не привлекаетъ. Къ тому же онъ очень дорогъ и доставляется на Амуръ исключительно китайскими купцами, которые держатъ его лишь въ небольшомъ количествѣ для собственнаго употребленія, такъ что лишь очень немногіе изъ Гиляковъ могутъ его пріобрѣтать [3]). До русскаго сахара они, напротивъ, большіе охотники. Во время моего пребыванія среди нихъ сахаръ этотъ послѣ табака составлялъ главный предметъ ихъ частыхъ и настойчивыхъ вымогательствъ. Для этого они обыкновенно подсылали дѣтей и, стараясь возбудить къ нимъ жалость, увѣряли, что дѣти эти страдаютъ глазами, и одинъ сахаръ можетъ ихъ исцѣлить. Но нерѣдко они и сами покупали его въ Николаевскѣ. Гиляки, между прочимъ, приправляютъ сахаромъ разныя кушанья, напримѣръ, вышеупомянутые пирожки изъ муки или тѣ изъ своихъ кулинарныхъ произведеній, въ составъ которыхъ входятъ брусника, ежевика и т. д. Они охотно употребляли бы сахаръ и во время медвѣжьихъ празднествъ, лишь бы его у нихъ было достаточно — и этимъ вполнѣ опредѣляются ихъ различныя отношенія къ сахару и къ соли.

Въ заключеніе упомянемъ еще вкратцѣ о главной утвари и о разныхъ приспособленіяхъ, которыя служатъ Гилякамъ для приготовленія и для принятія пищи. Мы здѣсь коснемся только тѣхъ предметовъ этого рода, которые они употребляютъ въ обычной ежедневной жизни. Что же касается той утвари, которая составляетъ принадлежность медвѣжьихъ празднествъ, мы будемъ о ней говорить въ свое время и на своемъ мѣстѣ. При входѣ въ юрту, какъ сказано выше, стоитъ берестяная кадка съ водой и два ковша для черпанія послѣдней. Воду въ кадку для питья и для другихъ домашнихъ потребностей таскаютъ изъ рѣки женщины въ берестяныхъ же ведрахъ на коромыслѣ (по гил. *кормулкъ* и *джамда*, таб. XXXIII, фиг. 1 и 2), которое перекидываютъ черезъ плечи. Затѣмъ назовемъ большой желѣзный котелъ (по гил. *ормоч-вунь*). Въ зимнихъ юртахъ въ каждомъ изъ очаговъ, расположенныхъ справа и слѣва отъ входа, вмазано по такому котлу. Въ лѣтнихъ и подземныхъ юртахъ онъ помѣщается поверхъ площадки очага на трехугольникѣ изъ трехъ камней. Этотъ котелъ китайскаго происхожденія: въ немъ варятъ похлебку для собакъ и нѣкоторыя кушанья для людей. Есть у Гиляковъ еще и другіе, меньшихъ размѣровъ, котлы, которые они, смотря по обстоятельствамъ, употребляютъ и въ подзем-

1) См. Т. I наст. соч., стр. 155.

2) И самое слово *сэта* не есть ли производное отъ русскаго «сахаръ»?

3) Мамія Ринсо (Siebold, Nippon, VII, p. 193) разсказываетъ, что въ бытность свою на Сахалинѣ онъ далъ тамошнимъ Гилякамъ (Смеренкурамъ) попробовать японскаго сахара; они нашли его очень вкуснымъ, но больше не просили.

Digitized by Google

ныхъ, и въ лѣтнихъ юртахъ, и въ охотничьихъ шалашахъ, и при стоянкахъ на открытомъ воздухѣ. Котлы эти тоже частью китайскаго, частью японскаго происхожденія, какъ изображенные у насъ на таб. XXXIII, фиг. 3 и 4 *мач-вунъ* (малый котелъ) и *куги-вунъ* (аинскій котелъ). Варящуюся въ большомъ котлѣ похлебку мѣшаютъ и черпаютъ изъ него большими деревянными уполовниками (таб. XXXIV, фиг. 5 и 6—по гил. *мыйхъ* и *митыръ*), а для малыхъ котловъ существуютъ другіе желѣзные уполовники, меньшихъ размѣровъ (таб. XXXIII, фиг. 5—по гил. *комбгъ*). Кушанья въ видѣ густыхъ массъ, напримѣръ кашу, Гиляки ѣдятъ изъ разной величины деревянныхъ корытцевъ (по гил. *одонгъ* или *оронгъ*), одной формы съ тѣми, изъ которыхъ кормятъ собакъ. Иногда тѣ же самые сосуды служатъ и людямъ и собакамъ. Такое корытце съ рѣзными арабесками по краямъ, видѣнное мною въ Тебахѣ, изображено у насъ на таб. XXXIV, фиг. 1. Другія кушанья, какъ вышеупомянутые мучные пирожки, бобы, разныя ягоды и т. д., я видѣлъ, всегда подавались въ низенькихъ, почти квадратныхъ берестяныхъ чашахъ, дно которыхъ и края были украшены разнообразными арабесками. Это такъ называемые гиляцкіе *тотангры* (таб. XXXIII, фиг. 8). Всѣ эти сосуды, соотвѣтственно своему назначенію, занимаютъ въ гиляцкомъ хозяйствѣ мѣсто блюдъ. Другіе, предназначаемые для отдѣльныхъ лицъ, играютъ роль чашекъ и тарелокъ и, смотря по роду пищи, для которой служатъ, бываютъ разной величины и формы. Въ случаяхъ, когда дѣло ограничивается нѣсколькими полосками юколы, Гиляки, какъ сказано выше[1]), удовлетворяются однимъ ручнымъ столикомъ *(хахчичъ)*, на которомъ ее рѣжутъ и ѣдятъ, обмакивая въ рыбій жиръ. Жидкія кушанья, какъ похлебки, подаются въ деревянныхъ чашкахъ — по гил. *мумк-нгиръ*[2]) (таб. XXXIII, фиг. 6), изъ которыхъ ихъ чаще прямо пьютъ, чѣмъ ѣдятъ ложками. Для твердой пищи, какъ рыба, мясо, жиръ и т. д. употребляются или четырехугольные, продолговатые мелкіе сосуды, по гил. *ез-нгиръ* (таб. XXXIII, фиг. 7), или круглыя тоже деревянныя плошки или тарелки (таб. XXXIV, фиг. 2 и 3). Послѣднія имѣютъ около фута въ діаметрѣ и, очевидно, вслѣдствіе своей круглой формы, которая напоминаетъ кольцо съ большого пальца *(аамъ)*, носитъ у Гиляковъ названіе *аамъ-нгиръ*, т. е. кольцеобразныхъ чашъ, или чашъ имѣющихъ видъ кольца съ большого пальца[3]). Но Гиляки ихъ не сами дѣлаютъ, а пріобрѣтаютъ у Гольдовъ, которые въ большихъ размѣрахъ занимаются ихъ производствомъ. Во время медвѣжьихъ празднествъ Гиляки и Ольчи также особенно много употребляютъ эти тарелки, на которыхъ тогда ѣдятъ кашу. Однако онѣ ничуть не составляютъ исключительной принадлежности медвѣжьихъ празднествъ, о чемъ свидѣтельствуетъ и самое иноземное происхожденіе ихъ, и отсутствіе на нихъ рѣзьбы и всякихъ орнаментовъ. Гиляки на моихъ глазахъ часто употребляли ихъ и въ ежедневной жизни. Эти простые сосуды, безъ всякихъ украшеній, изготовляемые Гольдами механическимъ способомъ, рѣзко отличаются отъ тѣхъ, которые сами Гиляки дѣлаютъ отъ руки и украшаютъ рѣзьбой. Но

1) См. выше стр. 117.
2) *Нгиръ* значитъ вообще чашка.
3) У Ольчей онѣ называются *кота*.

Digitized by Google

рѣзьба эта, несмотря на все свое разнообразіе, какъ мы увидимъ дальше, въ свою очередь значительно уступаетъ роскошнымъ украшеніямъ на сосудахъ, предназначаемыхъ исключительно для медвѣжьихъ празднествъ. При изготовленіи всѣхъ своихъ сосудовъ, чашекъ, ложекъ и т. д. Гиляки, кромѣ вышеупомянутаго *ый-джакко*, прибѣгаютъ еще къ помощи другихъ ножей, весьма своеобразной формы. Ими же производятъ они и рѣзьбу, какъ на сосудахъ, такъ и на всей своей остальной домашней утвари. Для выдалбливанія дерева, напримѣръ, Гиляки употребляютъ ножъ съ клинкомъ загнутымъ въ видѣ желоба. Онъ бываетъ разной величины и называется по гиляцки *узр-вось* (табл. XXXII, фиг. 4). Для болѣе тонкой работы употребляется *кыдр-джакко* — ножъ съ очень узкимъ и сильно заостреннымъ клинкомъ (табл. XXXII, фиг. 3) и т. д. Наконецъ къ числу столовой утвари Гиляковъ относятся еще палочки по образцу китайскихъ (по гил. *чавкръ*)[1]), которыя замѣняютъ имъ вилки. Двѣ изъ нихъ, изображенныя у насъ на табл. XXXIII, фиг. 6, представляютъ снимокъ съ экземпляра изъ деревни Вась. Существованіе этихъ палочекъ у Гиляковъ, однако, слѣдуетъ приписать не столько настоящей потребности, такъ какъ они ихъ весьма мало употребляютъ, сколько склонности къ подражанію, которая особенно охотно проявляется у этого народа по отношенію ко всему китайскому.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что вся столовая утварь, изготовляемая самими Гиляками, исключительно деревянная или берестяная. Глиняная посуда у нихъ вовсе не въ ходу. Они не фабрикуютъ ее сами и не пріобрѣтаютъ ни у китайцевъ, ни у японцевъ, несмотря на свои частыя сношенія съ этими народами. Развѣ только изрѣдка гдѣ-нибудь, у наиболѣе зажиточнаго Гиляка, встрѣчается какой-нибудь единственный экземпляръ этого рода, — но и то лишь въ качествѣ драгоцѣнной или рѣдкой бездѣлушки. Чаще всего то бываетъ одна или двѣ фарфоровыя чашечки, какія китайцы употребляютъ для водки. Странно, что Гиляки, которые такъ искусно вырѣзываютъ разныя вещи изъ дерева и, какъ мы увидимъ дальше, такіе мастера въ кузнечномъ дѣлѣ — съ горшечнымъ производствомъ незнакомы даже въ его самомъ первобытномъ видѣ. Это невольно обращаетъ на себя вниманіе, и я позволю себѣ здѣсь небольшое отступленіе. Несмотря на мое продолжительное и неоднократное пребываніе среди Гиляковъ, я ни разу не видѣлъ у нихъ ни одного глинянаго сосуда и ни отъ кого не слышалъ, чтобы они таковые употребляли. Тѣмъ удивительнѣе для меня показанія по этому поводу Мамія Ринсо, которыя совершенно расходятся съ моими. Въ описаніи своего путешествія по Амуру и по острову Сахалину (Крафто) онъ сообщаетъ, что глиняная и фарфоровая посуда у Гиляковъ (Смеренкуровъ) на Сахалинѣ однородна съ китайскою и японскою[2]). Можно было бы, пожалуй, предположить, что путешественникъ говоритъ не о туземной гиляцкой, а о привозной китайской и японской посудѣ этого рода, еслибъ онъ не прибавлялъ дальше, что на Амурѣ (Манкò)

1) Должно полагать, отъ маньчжурскаго *чабха*. У Ольчей: *алако*.

2) Mamia Rinsò, Tôtats kiko (Siebold, Nippon, VII, p. 194).

Digitized by Google

близъ Кидзи существуетъ особенно много фарфоровыхъ фабрикъ[1]). Правда, это уже не къ Гилякамъ относится, такъ какъ страна ихъ лежитъ дальше внизъ по Амуру и начинается лишь на нѣкоторомъ разстояніи отъ Кидзи, а касается Ольчей и Гольдовъ. Однако я и у нихъ нигдѣ не встрѣчалъ такихъ заводовъ и не видѣлъ, чтобы они занимались этимъ производствомъ. То же подтверждаетъ и Маакъ, который всего только въ одной гольдской деревнѣ Сильби среди домашней утвари туземцевъ видѣлъ и глиняные горшки[2]). Но деревня эта лежитъ уже въ близкомъ сосѣдствѣ съ Сунгари, на берегахъ которой, какъ мы сейчасъ увидимъ, дѣло стоитъ совсѣмъ иначе. Итакъ, если вѣрить Маміа Ринсо — какъ онъ конечно вполнѣ того заслуживаетъ — то надо предположить, что Ольчи и, вѣроятно, и нижніе Гольды также еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія занимались производствомъ глиняной и фарфоровой посуды, образцы которой могли проникать и къ сахалинскимъ Гилякамъ. Да и сами Гиляки, должно быть, тоже занимались этимъ производствомъ, хотя 50 лѣтъ спустя, во время моего посѣщенія Амурскаго края, оно у нихъ совсѣмъ исчезло. Почему и какъ это могло случиться, мы по возможности постараемся объяснить въ одной изъ послѣдующихъ главъ, когда будемъ говорить о торговыхъ сношеніяхъ амурскихъ инородцевъ, преимущественно Гиляковъ, съ сосѣдними культурными народами. А пока ограничимся общимъ замѣчаніемъ, что причина тому вѣроятно въ насильственныхъ и разорительныхъ мѣрахъ, которыя — отчасти, можетъ быть, вслѣдствіе того же самаго путешествія Маміа Ринсо — маньчжуро-китайское правительство съ политическими цѣлями принимало противъ этого производства. Во всякомъ случаѣ страшное для туземцевъ правительство, нанеся между прочимъ ударъ и глиняному производству Ольчей на Амурѣ, заставило ихъ, равно какъ и нижнихъ Гольдовъ и Гиляковъ, вернуться къ ихъ первоначальнымъ деревяннымъ издѣліямъ. Мало того, оно даже вселило въ нихъ такое отвращеніе ко всему глиняному и фарфоровому производству, что они съ тѣхъ поръ закрыли доступъ въ свою страну и китайскимъ и японскимъ издѣліямъ этого рода. Паденіе на нижнемъ Амурѣ глинянаго и фарфороваго производства вѣроятно и заставило Гольдовъ заняться механическимъ изготовленіемъ деревянной посуды, тѣхъ большихъ плошекъ или тарелокъ, которыя и по сихъ поръ существуютъ въ домашнемъ обиходѣ Гиляковъ и Ольчей подъ именемъ *аам-нгиръ* и *кота*.

Парализованное такимъ образомъ на нижнемъ Амурѣ глиняное и фарфоровое производство напротивъ безпрепятственно развивалось и процвѣтало въ южной Маньчжуріи и по берегамъ Сунгари съ его притоками. По свидѣтельству китайца У-чэня въ его время, а именно въ 1722 году, Маньчжуры еще не знали глиняной посуды, а пробавлялись исключительно деревянными блюдами, чашками и тарелками[3]). Но съ усиленіемъ въ странѣ китайской колонизаціи тамъ возникли многочисленные глиняные и фарфоровые заводы.

---

1) Тамъ же, стр. 172.
2) Маакъ, Путешествіе на Амуръ, стр. 143.
3) Васильевъ, Записки о Нингутѣ (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Т. XII, 1857, стр. 96).

Digitized by Google

Вильямсонъ[1]) видѣлъ нѣсколько такихъ заводовъ около Сур-му-чинга въ Ліао-тонгѣ и упоминаетъ о разныхъ образцахъ посуды, тамъ изготовляемой, въ томъ числѣ о предметахъ высокаго качества, которые разсылаются на далекія пространства. А Барабашъ[2]) утверждаетъ, что такіе заводы, гдѣ въ одиночку, гдѣ цѣлыми группами, разсѣяны по всему Сунгарійскому округу. Оттуда происходили конечно и тѣ глиняные сосуды, которые Маакъ видѣлъ въ деревнѣ Сильби на Амурѣ. Если же произведенія этихъ заводовъ не проникаютъ дальше въ страну, внизъ по теченію Амура, къ нижнимъ Гольдамъ, Ольчамъ и Гилякамъ, несмотря на ежегодныя торговыя посѣщенія этими инородцами рѣки Сунгари — это служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ ихъ отвращенія къ такого рода посудѣ.

Итакъ изъ показаній Маміа Ринсо слѣдуетъ, что Гиляки и Ольчи, не употребляющіе нынѣ глиняной посуды, въ его время не только употребляли, но и сами изготовляли ее. Зато, съ другой стороны, изъ тѣхъ же показаній можно заключить, что производство ея вовсе не было у нихъ давнишнимъ и что они лишь въ относительно недавнее время научились ему у китайцевъ и японцевъ. Образцы глиняной посуды, которые Маміа Ринсо видѣлъ на Сахалинѣ, походили на китайскіе и японскіе; что же касается фарфоровыхъ заводовъ въ Кидзи, то надо полагать, что они возникли подъ вліяніемъ и съ содѣйствіемъ китайцевъ. Искусство это, занесенное къ Ольчамъ и Гилякамъ извнѣ, могло, особенно подъ напоромъ неблагопріятныхъ условій, легко совсѣмъ у нихъ исчезнуть, не оставивъ послѣ себя другихъ слѣдовъ, кромѣ отвращенія къ его произведеніямъ. Мое мнѣніе, что фабрикація глиняной посуды, дотолѣ неизвѣстная Гилякамъ, была лишь въ новѣйшее время не надолго занесена къ нимъ китайцами и японцами, подтверждается еще тѣмъ, что она оставалась и по сихъ поръ остается чуждою вообще всѣмъ палеазіатскимъ народамъ, за исключеніемъ впрочемъ одного изъ нихъ. Правда, тотъ же Маміа Ринсо[3]) разсказываетъ, что они изготовляютъ глиняные сосуды двухъ родовъ: одни отъ 6 до 7 дюймовъ въ діаметрѣ съ ушками по обѣ стороны—*тоіесъ-ю*, или глиняные, и *камуй сыо*, или божественныя сковороды. Но въ недавнемъ японскомъ происхожденіи тѣхъ и другихъ нельзя сомнѣваться. Когда Фрисъ и его спутники въ XVII вѣкѣ открыли Ессо и сосѣдніе съ нимъ Курильскіе острова, тамошніе жители ѣли изъ покрытыхъ лакомъ деревянныхъ чашекъ и четырехугольныхъ корытцевъ[4]). Не глиняные, а именно такіе лакированные сосуды находятся и въ числѣ предметовъ, которые Поляковъ, вмѣстѣ съ костями и черепами, открылъ въ Аинскихъ могилахъ на Сахалинѣ и доставилъ въ нашъ музей. Что касается древнихъ Камчадаловъ, то, согласно показаніямъ казака Атласова, обнародованнымъ Витсеномъ[5]), они изготовляли для своего употребленія и глиняные и деревянные

1) Journeys in North China, Manchuria and Eastern Mongolia, London 1870, Vol. II, p. 187.

2) Барабашъ, Сунгар. экспедиція 1872 г. (Военный Сборникъ. 1874, № 2, стр. 351).

3) L. c, p. 184.

4) Siebold, Aardr. en volkenkund toelicht tot de ontdekk. van Vries, p. 108.

5) Noord en Oost Tartarye, Ausg. von 1705, p. 673.

Digitized by Google

сосуды. Первое однако болѣе чѣмъ сомнительно. Стеллеръ и Крашенинниковъ видѣли у нихъ только деревянную посуду. А Дитмаръ[1]), при раскопкахъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда стояли жилища древнихъ Камчадаловъ, среди множества каменныхъ орудій всего только одинъ разъ наткнулся на небольшой глиняный сосудъ, который при первомъ же къ нему прикосновеніи разсыпался — такъ плохо былъ онъ (а можетъ быть и совсѣмъ не былъ) обожженъ. Дитмаръ принялъ его за вылѣпленную отъ руки ворванную лампочку. Далѣе, переходя къ Корякамъ и Чукчамъ, мы видимъ, что и вышеупомянутые путешественники, и Норденшельдъ, и др. въ своихъ сообщеніяхъ о нихъ, тоже говорятъ только о деревянныхъ и костяныхъ сосудахъ для пищи и питья и вовсе не упоминаютъ о посудѣ изъ обожженой глины. Глиняные горшки, которые команда съ парохода Вега видѣла у Чукчей, были американскаго или европейскаго происхожденія[2]). То же самое говоритъ Веніаминовъ объ Алеутахъ: всѣ глиняные сосуды, чашки, тарелки въ ихъ хозяйствѣ такъ или иначе получены ими отъ русскихъ[3]). Единственное въ этомъ отношеніи исключеніе изо всѣхъ палэазіатскихъ народовъ составляютъ сѣверо-западные американскіе Эскимосы: у нихъ производство глиняной посуды существуетъ изстари, напримѣръ, на островѣ Кадьякѣ[4]), на рѣкахъ Кускоквимѣ и Квихпакѣ[5]), въ заливахъ Нортонскомъ и Коцебу[6]), и въ другихъ мѣстахъ. Даль замѣчаетъ, что въ числѣ глиняной посуды, изготовляемой Эскимосами на Юконѣ (Квихпакѣ) и снимки съ которой приложены къ его сочиненію объ Аляскѣ, онъ видѣлъ одинъ сосудъ, очевидно, исполненный по русскому образцу. Это вполнѣ возможно, такъ какъ со времени поселенія въ этой странѣ русскихъ, многіе предметы изъ ихъ столовой утвари несомнѣнно проникли и въ хозяйство Эскимосовъ. Тѣмъ не менѣе производство глиняной посуды у американскихъ Эскимосовъ ни коимъ образомъ не могло быть заимствовано у русскихъ. Оно существовало у нихъ гораздо раньше. Давыдовъ и Загоскинъ прямо говорятъ, что знакомство, которое Эскимосы, благодаря русскимъ, свели съ желѣзными и мѣдными котлами нѣсколько сократило среди нихъ всеобщее до тѣхъ поръ употребленіе глиняной посуды собственнаго издѣлія. Съ этимъ согласенъ и Даль. Въ пользу глубокой древности горшечнаго мастерства у сѣверо-западныхъ американскихъ Эскимосовъ свидѣтельствуетъ наконецъ крайне простой, первобытный способъ его производства. Сосуды формируются отъ руки, и потому они не вполнѣ круглы и симметричны[7]).

---

1) Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka in den Jahren 1851—1855 (Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reiches, 3-te Folge, Bd. VII, p. 246).

2) Nordenskiöld, Die Umsegelung Asiens und Europas auf der Vega, Leipzig 1882, Bd. II, p. 122.

3) Веніаминовъ, Зап. объ остр. Уналашкинскаго отдѣла, Ч. II, стр. 238.

4) Двукратн. путеш. въ Америку морск. офицеровъ Хвостова и Давыдова. С.-Петерб. 1812, Т. II, стр. 104.

5) Wrangell, Statist. und ethnogr. Nachrichten über die Russ. Besitz. an der Nordwestküste von Amerika (Beitr. zur Kennt. des Russ. Reichs, herausg. von Baer und Helmersen). Bd. I, p. 147. Загоскинъ, Пѣшеходная опись части русск. влад. въ Америкѣ, С.-Петерб. 1847, Ч. I, стр. 58. Dall, Alaska and its resources, Boston, 1870, p. 218

6) Woldt, Cap. Jacobsen's Reise an der Nordwestküste Amerika's, Leipzig 1884, p. 214, 215, 299.

7) Какъ можно видѣть и по рисункамъ въ описаніи путешествія Якобсена (стр. 214 и 215).

Digitized by Google

Полируютъ ихъ и выводятъ на нихъ украшенія весьма незатѣйливыми инструментами[1]). Я не берусь съ точностью опредѣлить ни времени, ни способа возникновенія у Эскимосовъ горшечнаго производства. Но на основаніи вышесказаннаго я полагаю, что когда Эскимосы покидали свое азіатское отечество, они еще не были знакомы съ горшечнымъ дѣломъ и освоились съ нимъ уже въ Америкѣ, должно полагать подъ наплывомъ вліяній, нахлынувшихъ на нихъ съ юга.

Но вернемся на Амуръ. Повторяю: производство тамъ глиняной посуды у Ольчей, Гиляковъ и Аиновъ, о которомъ говоритъ Мамія Ринсо, принадлежитъ лишь новѣйшему времени. У двухъ первыхъ народовъ оно послѣ кратковременнаго существованія опять исчезло, благодаря враждебнымъ дѣйствіямъ маньчжуро-китайскаго правительства. Но допустимъ, что кто-либо и нашелъ бы возможнымъ, наперекоръ моему мнѣнію, отнести происхожденіе вышеупомянутаго производства къ временамъ болѣе далекимъ. Тѣмъ не менѣе производство это несомнѣнно не имѣетъ ничего общаго съ глиняными черепками, которые недавно вмѣстѣ съ каменными орудіями найдены въ разныхъ частяхъ Амурскаго края и на Сахалинѣ, а именно близъ рѣчки Патхэ и въ Тарайкѣ[2]). Черепки эти, образчики которыхъ и я видѣлъ[3]), ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ тѣхъ, какіе при одинаковыхъ условіяхъ встрѣчаются и въ другихъ странахъ. И тѣ и другіе принадлежатъ къ глубокой древности — такой глубокой, что она не имѣетъ никакой этнологической связи съ настоящимъ временемъ. Гилякамъ неоднократно показывали предметы[4]), найденные на берегахъ р. Патхэ, съ цѣлью вывѣдать, не употребляютъ ли они еще и теперь подобныхъ, или не сохраняютъ ли о нихъ преданій. Но предметы эти были имъ совсѣмъ незнакомы. Что же касается каменныхъ орудій и глиняныхъ черепковъ, открытыхъ въ Тарайкѣ,

---

1) Въ томъ же описаніи путешествія Якобсена (стр. 299) мы встрѣчаемъ рисунки и этихъ инструментовъ.

2) При раскопкахъ въ 1865 году на разстояніи 10 верстъ отъ Николаевска немного выше мыса Чхыркрахъ или Чныррахъ, какъ его называютъ русскіе, на впадающей въ Амуръ рѣчкѣ Патхэ, были найдены въ землѣ углубленія, которыя казались остатками прежнихъ подземныхъ жилищъ. Тамъ на глубинѣ трехъ футовъ лежали глиняные черепки съ остатками древеснаго угля, а немного дальше на глубинѣ шести футовъ разнаго рода каменныя орудія (Восточное Поморье 1866 г. 1 іюля, стр. 58). Благодаря стараніямъ доктора Пфейфера въ Николаевскѣ, большинство этихъ предметовъ были доставлены въ С.-Петерб. Имп. Академію Наукъ, гдѣ и находятся въ нашемъ музеѣ. Тремя годами позже Лопатинъ въ деревнѣ Тарайкѣ на Сахалинѣ тоже открылъ въ землѣ углубленія, которыя казались остатками подземныхъ юртъ, — а въ нихъ много каменныхъ орудій и обломковъ глиняной посуды (Кропоткинъ, по сообщеніямъ Лопатина въ Извѣст. Имп. Русск. Геогр. Общ., Т. V, 1869, Отд. II, стр. 307, 308). Позже такія же находки неоднократно повторялись и на южной оконечности Сахалина. Наконецъ въ 1881 году Полякову удалось открыть много каменныхъ орудій и глиняныхъ черепковъ на зап. берегу Сахалина на мѣстѣ русскаго поста близъ Дуи. Большинство этихъ черепковъ представляютъ украшенія, подобныя тѣмъ, какія Поляковъ видѣлъ на глиняныхъ обломкахъ въ Европейской Россіи — въ Олонецкой губерніи и въ долинѣ р. Оки. (Поляковъ, Путеш. на остр. Сахалинъ въ 1881—1882 гг. Прилож. къ XIX тому Изв. Русск. Геогр. Общ., стр. 19).

3) Глиняные черепки, которые были у меня въ рукахъ, происходили частью съ рѣчки Патхэ, частью съ Найпучи на южномъ берегу Сахалина. Они состояли изъ грубой глины разныхъ оттѣнковъ отъ желтобураго до черноватаго, заключавшихъ въ себѣ мелкій гравій, кусочки кварца и даже валуны съ горошину величиной. На нихъ были выведены тонкіе узоры въ видѣ прямыхъ или волнистыхъ линій, зигзаговъ и переплетающихся между собой полосокъ.

4) Какъ о томъ обстоятельно сообщаетъ газета «Восточное Поморье».

Digitized by Google

Лопатинъ наводилъ о нихъ справки у Аиновъ и Ороковъ. Ороки, правда, говорили ему, что въ находившихся здѣсь нѣкогда подземныхъ юртахъ укрывались Аины во время войны. Но сами Аины не были знакомы съ этими орудіями и съ своей стороны могли сообщить о нихъ только преданіе, по которому они принадлежали народу Тойсси, нѣкогда населявшему эту страну и позже удалившемуся на сѣверъ. Этому же народу приписываютъ и остатки подземныхъ жилищъ на Сахалинѣ, близъ Могункотана въ заливѣ Терпѣнія, на мысѣ Сирароро и т. д. Вышеупомянутое преданіе Лопатинъ слышалъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ былъ на Сахалинѣ [1]).

Возвращаясь къ вопросу о пищѣ амурскихъ инородцевъ и переходя отъ Гиляковъ къ сосѣднимъ съ ними народамъ, я предварительно позволю себѣ слѣдующую оговорку. Разсматривая этотъ вопросъ у всѣхъ остальныхъ жителей Амурскаго края я ограничусь указаніемъ только тѣхъ различій и уклоненій въ ихъ пищѣ отъ способа питанія Гиляковъ, которыя обусловливаются у нихъ другими свойствами климата и почвы, другимъ образомъ жизни и разнообразными сношеніями съ сосѣдними культурными народами.

Ближайшіе сосѣди Гиляковъ на Сахалинѣ — Аины въ общемъ не менѣе чѣмъ они опредѣленные ихтіофаги, съ тою однако разницею, что имъ приходится притомъ считаться съ условіемъ, которое оказываетъ весьма важное вліяніе на способъ ихъ пропитанія. Условіе это — въ положеніи ихъ страны. Пространство, занимаемое Аинами, не орошается ни одною большою рѣкой, на берегахъ которой они могли бы сосредоточиваться внутри страны, и потому всѣ они болѣе или менѣе приморскіе жители. Въ самомъ дѣлѣ, изъ двухъ главныхъ водныхъ артерій, прорѣзывающихъ островъ Сахалинъ, ни одна не принадлежитъ Аинамъ. Столь часто упоминаемая рѣка Тыма по всему своему теченію находится во власти Гиляковъ, а что касается другой большой рѣки, Плыя или Пороная (что по аински значитъ большая рѣка), то Аины владѣютъ только устьемъ ея, да и то въ сообществѣ съ Ороками и Гиляками. Вполнѣ принадлежатъ Аинамъ только двѣ средней величины рѣки, Сусуя и Труотага, впадающія въ Анивскій заливъ; а помимо того страна ихъ орошается только небольшими береговыми рѣчками. Такимъ образомъ Аинская область на Сахалинѣ собственно состоитъ изъ двухъ узкихъ берсговыхъ полосъ, восточной и западной, которыя на южной окраинѣ раздваиваются и вслѣдствіе того еще больше удлиняются. Живя почти исключительно на морскомъ берегу, Аины преимущественно моремъ

---

1) Предполагаемое названіе народа, которому преданіе приписываетъ вышеупомянутыя каменныя орудія и глиняные черепки, въ сущности значитъ: глиняная посуда. Это видно изъ показанія Мамія Ринсо о горшечномъ производствѣ у Аиновъ (*moiesъ-ю*, что значитъ глиняныя сковороды) и находитъ себѣ подтвержденіе и въ словаряхъ аинскаго языка. (Klaproth, Asia polyglotta, p. 305, 313; Добротворскій, тамъ же, стр. 326, 327). Такимъ образомъ, мнѣ кажется, въ вышеприведенныхъ показаніяхъ Лопатина можно подозрѣвать недоразумѣніе, основанное на недостаточномъ знаніи аинскаго языка.

Digitized by Google

и кормятся. Главную роль въ ихъ пищѣ играютъ тоже лососевыя рыбы: кета и горбуша. Большими массами проникая даже въ маленькія рѣчки рыбы эти и на зиму доставляютъ туземцамъ обильные запасы юколы и ворвани. Важное значеніе между прочимъ имѣютъ для Аиновъ еще сельди, которые по временамъ въ огромномъ количествѣ проходятъ мимо ихъ береговъ и наполняютъ бухты и заливы. И японцы тоже извлекаютъ свою долю пользы изъ рѣдкихъ рыбныхъ богатствъ этого края. По крайней мѣрѣ такъ было во время моего путешествія на Сахалинъ, когда южная часть острова еще находилась во власти японцевъ. Само собой разумѣется, то было въ ущербъ Аинамъ. Вынужденные ловить рыбу для своихъ притѣснителей, они не могли достаточно заботиться о собственномъ продовольствіи въ теченіе долгой зимы[1]). Японцы между тѣмъ, кромѣ ворвани, тутъ же на мѣстѣ ловли вывариваемой, отправляли цѣлые корабли съ рыбою на свою родину, гдѣ она главнымъ образомъ шла на удобреніе почвы. Вмѣстѣ съ рыбой главную пищу Аиновъ составляютъ крупные виды морскихъ млекопитающихъ. Между ними первое послѣ тюленя мѣсто занимаютъ морскіе коты (*Otaria ursina* L.) и морскіе львы (*O. Stelleri* Schleg.)[2]), мясо и жиръ которыхъ Аины цѣнятъ не меньше тюленьяго. Наконецъ большимъ подспорьемъ въ этомъ отношеніи являются еще выбрасываемые моремъ киты, къ которымъ Гиляки относятся съ презрѣніемъ. Два вышеназванные вида ластоногихъ и, кажется, киты тоже, всего больше водятся у южныхъ окраинъ Сахалина. Самая удачная охота за тюленями напротивъ производится Аинами на сѣверѣ ихъ страны въ заливѣ Терпѣнія. Туда, а именно въ Тарайку, нерѣдко являются и Гиляки изъ долины р. Тымы, съ цѣлью запасаться тюленьимъ жиромъ[3]). Нѣкоторымъ дополненіемъ къ пищѣ Аиновъ служатъ еще низшаго разряда животныя и водоросли, которыми ихъ снабжаетъ море. Южная часть острова Сахалина гораздо богаче сѣверной разнаго рода морскими растеніями и безпозвоночными животными. Это объясняется тѣмъ, что островъ весь вытянутъ въ длину параллельно меридіану, и что омывающія его южную часть воды содержатъ въ себѣ больше соли, количество которой быстро возрастаетъ по мѣрѣ удаленія отъ Лимана. Кромѣ того, эта часть острова находится подъ вліяніемъ теплаго Тсу-симскаго теченія (одного изъ рукавовъ Куро-Сиво)[4]), которое изъ Корейскаго пролива направляется къ берегамъ Сахалина. Такимъ образомъ безпозвоночныя животныя и водоросли занимаютъ въ пищѣ Аиновъ гораздо больше мѣста,

---

1) О притѣсненіяхъ Аиновъ японцами, см. Т. I, наст. соч., стр. 74—74. Когда японцы, въ силу трактата 1875 года, отказались отъ Сахалина, гнетъ ихъ надъ Аинами уже не могъ продолжаться въ такой степени. Но съ этимъ не прекратилось ихъ занятіе рыбной ловлей у береговъ Сахалина. Они напротивъ распространили ее выше на сѣверъ до деревни Ный при устьѣ р. Тымы, гдѣ въ 1881 году ихъ засталъ Поляковъ. Но притомъ они уже больше не пользовались Аинами, а употребляли своихъ японскихъ рабочихъ. (Поляковъ, Путешествіе на стровъ Сахалинъ въ 1881—82 гг. Приложеніе къ XIX Тому Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, стр. 69 и слѣд.).

2) Fr. Schmidt, Histor. Ber. über den Verlauf der physik. Abtheil. der Sibir. Exped. der Kais.-Russ. Geogr. Gesellsch. (Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reiches, Bd. XXV, p. 83). Невельской, Подв. русск. морск. офиц. на крайн. восток. Россіи, С.-Петербургъ 1878, стр. 290 (По Рудановскому).

3) Schmidt, l. c., p. 115.

4) Ср. мой трудъ: «О теченіяхъ Охотскаго, Японскаго и смежныхъ съ ними морей», стр. 40 и слѣд., съ прил. карты. Таб. XII.

Digitized by Google

чѣмъ у Гиляковъ. Аины ѣдятъ все, что даетъ имъ въ этомъ родѣ море и что волны выбрасываютъ на берегъ: большихъ устрицъ *(Ostrea)* и гребенцовъ *(Pecten)*, крупныхъ спрутовъ или осминоговъ *(Octopus*, по аински *ахкойпа)*, конечности которыхъ даже считаются за лакомый кусокъ, морскихъ ежей, морскія звѣзды, актиніи, морскихъ кубышекъ *(Holothuria)*, такъ называемый трепангъ, и т. д.[1]). Для добыванія со дна морскихъ кубышекъ или трепанговъ и тому подобныхъ животныхъ, Аины на островѣ Ессо, по свидѣтельству японца Ринсифѣ (1786 г.), съ 10-лѣтняго возраста начинаютъ учиться плавать и нырять[2]). Позже туземцы однако заимствовали у японцевъ болѣе цѣлесообразные способы ловли, какъ трепанга, такъ и морской капусты. Японцы, какъ извѣстно, съ такимъ же усердіемъ занимаются этимъ промысломъ въ водахъ Ессо и Сахалина, какъ китайцы (Манзы) на противоположномъ маньчжурскомъ берегу, между заливомъ Владиміра и корейской пограничной линіей[3]). Но хотя главный источникъ существованія Аиновъ въ морѣ, однако и суша доставляетъ имъ кое-какія средства къ пропитанію. Изъ живущихъ на сушѣ животныхъ, они, какъ и Гиляки, всѣмъ остальнымъ предпочитаютъ медвѣдя, который довольно часто встрѣчается на Ессо и на Сахалинѣ. Аины высоко цѣнятъ его мясо и жиръ и ѣдятъ ихъ не иначе, какъ при торжественной обстановкѣ, о чемъ я буду говорить дальше при описаніи медвѣжьихъ празднествъ у Гиляковъ. Выше уже было сказано, что Аины употребляютъ въ пищу и собакъ—свое единственное домашнее животное, которое служитъ имъ и для передвиженія въ саняхъ. Дальше они, за одно съ Гиляками, питаются также и многочисленными произведеніями растительнаго царства своей страны—ягодами, кореньями, травами и т. д., причемъ не отступаютъ отъ своихъ сосѣдей и въ выборѣ видовъ[4]) растеній, которыя тоже ѣдятъ съ примѣсью тюленьяго жира[5]). Но почти полное отсутствіе у нихъ маньчжуро-китайскихъ хлѣбныхъ растеній, которыя въ извѣстной степени сдѣла-

---

1) Schmidt, l. c., p. 97. Добротворскій въ предисловіи къ Аинскому словарю, тамъ же, стр. 37.

2) San kokf tsou ran to sets, ou Aperçu génér. des trois royaumes, trad. de l'original japonais chinois par Klaproth, Paris, 1832, p. 229.

3) Центромъ этого промысла на маньчжурскомъ берегу является заливъ Находка (Восточное Поморье 1866, стр. 16). Между нимъ и заливомъ Ольги производится самая обильная ловля наилучшаго сорта морской капусты. Та, которая добывается у береговъ залива Посьета, гораздо хуже и далеко уступаетъ японской (тамъ же, стр. 79, примѣч. и стр. 89). Владивостокъ славится у Манзовъ, какъ мѣсто обильной ловли трепанга (тамъ же, стр. 16). Дальнѣйшія подробности о ловлѣ трепанга и морской капусты у Манзовъ, о размѣрахъ добыванія и сбыта ихъ, см. кромѣ вышеупомянутой газеты «Восточное Поморье», еще у Лопатина (Обзоръ южн. части приморск. обл. вост. Сиб. за р. Суйфуномъ. — Зап. Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. VII, 1864, стр. 191), у Буссе (Очеркъ услов. землед. въ Амурск. краѣ. — Зап. для чтенія издав. Трубниковымъ. Авг. — Дек. 1869, стр. 124. Также въ Petermann's Geogr. Mittheil. 1871, p. 91), у Пржевальскаго (Путеш. въ Уссурійск. краѣ, стр. 86 и слѣд.) и др.

4) Ср. Schmidt Reisen im Amur-Lande und auf der Insel Sachalin, Botanischer Theil (Mém. de l'Acad. Imp. des Sc. de St. Pétersb., VIIe Sér. T. XII, № 2, p. 98, 210 ff). Уже голландскіе путешественники давнихъ временъ (Siebold, Aardr. en volkenk. toelich., p. 108) между прочимъ замѣчали, что Аины на Ессо дѣлаютъ на зиму запасы плодовъ шиповника, какъ это мы видѣли у Гиляковъ и преимущественно у тѣхъ, которые населяютъ Сахалинъ.

5) Маміа Ринсо (l. c., p. 183) пишетъ: «Аины во всякую пищу прибавляютъ ворвань, полагая, что она избавляетъ отъ всѣхъ желудочныхъ болей, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда было съѣдено что-либо ядовитое.

Digitized by Google

лись необходимыми Гилякамъ, и взамѣнъ того значительно распространенное у нихъ употребленіе риса фактически доказываетъ, что они находятся подъ вліяніемъ совсѣмъ другой культуры. Рисъ съ небольшимъ дополненіемъ рыбы и ворвани даже составляетъ главную, почти исключительную пищу аинскаго работника, находящагося на японской службѣ [1]).

Третьи изъ населяющихъ Сахалинъ инородцевъ—**Ороки** тоже преимущественно ихтіофаги. Самое положеніе обитаемой ими страны у моря указываетъ имъ на него, какъ на главный источникъ пропитанія. Тѣмъ не менѣе пища Ороковъ существенно разнится отъ пищи Гиляковъ и Аиновъ. Это объясняется тѣмъ, что они, кромѣ собаки, имѣютъ еще другое рабочее животное — оленя, ради котораго и ведутъ полукочевой образъ жизни. Лѣто и осень Ороки обыкновенно проводятъ на морскомъ берегу, гдѣ ловятъ рыбу, охотятся за тюленемъ и дѣлаютъ на зиму запасы, главнымъ образомъ опять-таки изъ юколы, тюленьяго жиру, разнаго рода кореньевъ и ягодъ. Въ теченіе этихъ двухъ временъ года рыба почти исключительно составляетъ ихъ пищу. Лѣтомъ 1881 года Поляковъ провелъ нѣсколько недѣль среди Ороковъ на устьѣ р. Тымы, куда они ежегодно стекаются, чтобы пользоваться ея рыбными богатствами. Онъ сообщаетъ слѣдующія подробности о способѣ ихъ пропитанія въ этотъ наиболѣе оживленный моментъ ихъ рыболовной дѣятельности. Первый пріемъ пищи у Ороковъ рано утромъ состоитъ изъ жирной головы кеты. Дальше въ теченіе дня слѣдуютъ поджаренная на огнѣ юкола съ тюленьимъ жиромъ и рыба съ приправой изъ разнородныхъ кореньевъ, кедровыхъ орѣховъ — чаще всего изъ ягодъ, которыя перемѣшиваются съ мелко искрошенной или даже предварительно разжеванной (!) рыбой. Вечеромъ день заключается новой рыбьей головой [2]). Кочевая жизнь Ороковъ и возможность содержать болѣе ограниченное число собакъ значительно уменьшаетъ для этихъ туземцевъ необходимость въ большихъ зимнихъ запасахъ. Нужда въ послѣднихъ кромѣ того умѣряется еще тѣмъ, что другое домашнее животное Ороковъ—олень, хотя они и могутъ содержать его тоже лишь въ соотвѣтственно небольшомъ количествѣ, всетаки доставляетъ имъ нѣкоторое дополненіе къ ихъ пищѣ. А связанное съ ихъ охотничьимъ промысломъ странствованіе Ороковъ по лѣсамъ должно до извѣстной степени снабжать ихъ также дичью. Наконецъ, кочуя исключительно по площади, обитаемой Гиляками, Ороки — о своеобразномъ способѣ передвиженій которыхъ я буду говорить подробнѣе въ слѣдующей главѣ — находятся съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ и, благодаря мѣновой торговлѣ, отчасти могутъ пользоваться еще и ихъ пищевыми запасами.

Пища одноплеменныхъ съ Ороками **Ольчей** на материкѣ однородна съ пищею амурскихъ Гиляковъ. Я могу засвидѣтельствовать, что они и въ ежедневной жизни, и на праздничныхъ пиршествахъ, напримѣръ во время медвѣжьихъ торжествъ, на которыхъ я тоже присутствовалъ, ѣдятъ тѣ же самыя и такъ же точно приготовленныя кушанья, какъ и Гиляки. И посуда, при томъ употребляемая ими, тоже совершенно однородна съ гиляцкой.

---

1) Японцы ежедневно оплачиваютъ ихъ работу нѣсколькими горстями рису.

2) Поляковъ, Путеш. на остр. Сахалинъ (Прилож. къ XIX тому Изв. Имп. Русск. Географ. Общ., стр. 89).

Digitized by Google

Вся незначительная разница, тѣмъ не менѣе существующая въ способѣ питанія Ольчей и Гиляковъ, исключительно сводится къ двумъ подробностямъ. Мы уже говорили выше объ отвращеніи Ольчей къ собачьему мясу. Но это, какъ обстоятельство отрицательное, мало обращаетъ на себя вниманія. Гораздо больше бросается въ глаза та особенность ихъ, которая обусловливается положеніемъ верхней части страны Ольчей (за Кидзи), гдѣ охота принимаетъ характеръ, имѣющій уже непосредственное отношеніе къ ихъ пищѣ. Здѣсь охота не ограничивается, какъ у Гиляковъ, одними пушными звѣрями, но распространяется и на тѣхъ, главная цѣнность которыхъ въ ихъ мясѣ. Въ числѣ этихъ звѣрей иные, напримѣръ изюбръ, или благородный олень, и кабанъ, вовсе не встрѣчаются въ странѣ Гиляковъ и впервые появляются только дальше вверхъ по рѣкѣ, у Ольчей[1]). Другіе, какъ козуля, кабарга и лось лишь тамъ же начинаютъ чаще попадаться[2]). Такимъ образомъ Ольчи подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій окружающей ихъ природы снова проявляютъ здѣсь свойственную тунгусскимъ племенамъ склонность къ охотѣ. Поэтому, хотя Ольчи тоже главнымъ образомъ ихтіофаги, однако далеко не въ такой степени, какъ Гиляки. Въ пищу ихъ, какъ мы видимъ, входитъ также и значительная доля мяса.

Этотъ обычай совмѣстнаго употребленія мясной и рыбной пищи, который еще только въ слабой степени проявляется у Ольчей въ верхней части ихъ страны, принимаетъ гораздо болѣе опредѣленный характеръ у жителей лѣвыхъ притоковъ нижняго Амура, у **Негидальцевъ, Самагирцевъ, Килей,** на Курѣ, гдѣ наконецъ перевѣсъ даже оказывается на сторонѣ мясной пищи. Ольчи, живущіе на берегахъ большой рыбной рѣки, которая во всю длину прорѣзываетъ ихъ страну, и у залива Де-Кастри даже соприкасающіеся съ моремъ, должны, подобно своимъ сосѣдямъ Гилякамъ, въ силу обстоятельствъ быть ихтіофагами. Иное дѣло съ другими вышеназванными народами. Рѣки, по которымъ они живутъ, хотя и не могутъ быть названы бѣдными рыбой, однако далеко уступаютъ въ рыбныхъ богатствахъ Амуру. Прежде всего имъ недостаетъ лучшихъ и самыхъ крупныхъ рыбъ, какія водятся въ Амурѣ, а именно осетровъ, калуги, сазановъ и другихъ видовъ карповыхъ рыбъ. Но зато берега этихъ рѣкъ покрыты обширными лѣсами, которые, кромѣ пушныхъ звѣрей, скрываютъ въ своихъ дебряхъ еще и неисчерпаемыя богатства самой разнообразной дичи и доставляютъ охотнику обильную мясную пищу. Я видѣлъ Самагирцевъ на охотничьихъ площадяхъ по берегамъ рѣки Горина. Одежда ихъ изъ оленьей и лосиной кожи, съ шубой изъ мѣха козули и кабарги, уже достаточно свидѣтельствовала о важномъ значеніи для нихъ вышеупомянутыхъ звѣрей, особенно самаго крупнаго и наиболѣе обыкновеннаго — лося, котораго они называютъ *буо,* что попросту означаетъ животное.

Дальше вверхъ по Амуру у **Гольдовъ** опять преобладаетъ рыбная пища, хотя далеко не въ такой мѣрѣ, какъ у Ольчей — не говоря уже о Гилякахъ. Къ ней здѣсь присоединяется значительная доля мяса, количество котораго увеличивается по мѣрѣ удаленія на югъ.

---

1) См. мое соч. Reis. u. Forsch. im Amur-Lande. Bd. I, стр. 154, 173.

2) См. тамъ же, стр. 162—166, 174.

Digitized by Google

Это объясняется тѣмъ, что главные изъ вышеупомянутыхъ дикихъ звѣрей, каковы: изюбръ, кабанъ, тѣмъ чаще встрѣчаются, чѣмъ дальше мы подвигаемся на югъ по теченію Амура. И наконецъ число ихъ въ нижне-амурскомъ краѣ возрастаетъ до максимума въ роскошныхъ лиственныхъ лѣсахъ, на многочисленныхъ, поросшихъ тальникомъ и травой низменныхъ островахъ рѣки и на болотистыхъ, покрытыхъ тростникомъ пространствахъ по сосѣдству съ устьями Сунгари и Уссури. Гольдское населеніе распространяется и на долины правыхъ притоковъ Амура по рѣкамъ Пэхсѣ, Найхе и Хонгару, а тамъ тоже нѣтъ недостатка въ охотничьихъ площадяхъ, которыя при случаѣ посѣщаются амурскими жителями. Я и на Горинѣ нерѣдко встрѣчалъ Гольдовъ изъ Цоляци и другихъ приамурскихъ мѣстечекъ, которые являлись охотиться въ здѣшнихъ лѣсахъ и возвращались обратно съ нартами, нагруженными лосиной. Важный предметъ потребленія составляетъ для Гольдовъ, кромѣ мяса, еще и жиръ вышеназванныхъ дикихъ звѣрей. Онъ замѣняетъ имъ тюленью ворвань, которая такъ необходима Гилякамъ и Аинамъ и въ большомъ количествѣ употребляется и Ольчами также. Кстати замѣтимъ здѣсь, что благодаря болѣе южному положенію страны Гольдовъ на Амурѣ, самая рѣка эта снабжаетъ ихъ особаго рода мясной пищей, чуждой болѣе сѣвернымъ жителямъ. Мы говоримъ объ амурской черепахѣ, *Trionyx-Maackii* Brandt, мясо и яица которой Гольды ѣдятъ. Пища эта, незначительная по существу, однако заслуживаетъ вниманія своей необычайностью: вышеназванная черепаха единственное во всемъ амурскомъ краѣ пресмыкающееся[1]), употребляемое въ пищу. Что касается общей системы питанія Гольдовъ, въ ней, особенно по сравненію съ пищею другихъ амурскихъ инородцевъ, больше всего поражаетъ та крайне характеристическая черта, что они первые изъ туземныхъ жителей вверхъ по Амуру содержатъ домашнихъ животныхъ, которыхъ воспитываютъ съ спеціальною цѣлью ими питаться. У Гольдовъ же встрѣчаемъ мы и первыя попытки къ разведенію хлѣбныхъ растеній и овощей. И то и другое конечно зависитъ отъ большей близости этихъ инородцевъ къ сунгарійскому краю и къ китайцамъ. Китайскіе купцы, которые селятся среди Гольдовъ на Амурѣ и особенно на Уссури, всегда имѣютъ при своихъ жилищахъ небольшіе огороды и полевыя хозяйства. Изъ домашнихъ животныхъ вверхъ по Амуру прежде всего встрѣчается свинья—за исключеніемъ собаки и кошки, которую также иногда держатъ при себѣ Гольды, Ольчи и Гиляки, но всегда въ качествѣ предмета роскоши[2]). Въ моемъ трудѣ о млекопитающихъ амурскаго края (стр. 155) я говорилъ, что отдѣльные экземпляры свиней попадаются уже у Ольчей[3]). Но настоящимъ образомъ разводить ихъ начинаютъ лишь Гольды за рѣками Саргу и Найхе вверхъ по теченію Амура и по Уссури. Они откармливаютъ ихъ рыбой и затѣмъ продаютъ своимъ же или китайскимъ купцамъ, которые въ свою очередь заносятъ ихъ къ

1) Гольды на Амурѣ называютъ черепаху *ая*, а на Уссури — *кайла*.

2) О распространеніи и значеніи кошекъ въ амурскомъ краѣ, см. что сказано по этому поводу въ моемъ соч. Reis. u. Forsch. im Amur-Lande. T. I, стр. 98—100.

3) Въ мою бытность среди Гиляковъ свиньи еще не были имъ извѣстны. Но позже, когда русскіе занесли ихъ въ Николаевскъ, Гиляки стали ихъ тамъ покупать и ѣсть ихъ при торжественной обстановкѣ (Восточное Поморье 1866, стр. 59).

Digitized by Google

Ольчамъ. Племенныхъ экземпляровъ свиней для приплода Гольды получаютъ частью отъ манзовъ (китайцевъ) съ верховьевъ Уссури[1]), но главнымъ образомъ изъ сунгарійскаго края, гдѣ онѣ въ большомъ количествѣ разводятся китайцами и маньчжурами[2]) и гдѣ мясо ихъ, какъ и въ Китаѣ, составляетъ главную пищу населенія[3]). Согласно Васильеву[4]), свинья первое по давности изъ домашнихъ животныхъ, извѣстныхъ въ Маньчжуріи. А Палладій сообщаетъ, что Маньчжурія изстари славилась въ Китаѣ своими свиньями[5]). Кромѣ того у Гольдовъ встрѣчаемъ и первую домашнюю птицу — прежде всего куръ (по гольдски *чеко*), тоже происходящихъ съ Сунгари. Маакъ[6]) встрѣчалъ куръ въ Хулѣ на Амурѣ, нѣсколько выше Да. А въ Хайцо на Уссури я самъ видѣлъ, какъ Гольды, по примѣру сосѣднихъ китайцевъ, тоже занимались разведеніемъ этой птицы[7]). У тѣхъ же китайцевъ научились Гольды разводить хлѣбныя растенія и овощи, но искусство это во всякомъ случаѣ еще стоитъ у нихъ на очень низкой степени. Самый сѣверный огородъ, разведенный на Амурѣ китайцами, я видѣлъ въ деревнѣ Цянкѣ — по китайски, по гольдски — Отсѣ: она состояла изъ одного китайскаго и двухъ гольдскихъ жилищъ и лежала на островкѣ, неподалеку отъ устья Горина. Въ подобныхъ этому мѣстечкахъ, число которыхъ постепенно возрастаетъ вверхъ по теченію Амура и Уссури, Гольды могли изъ первыхъ рукъ научиться разведенію нѣкоторыхъ хлѣбныхъ растеній и овощей. Намъ попадались уже цѣлыя плантаціи бобовъ, тыквы, огурцовъ, капусты, лука, даже кукурузы въ ихъ огородахъ въ Турме и Мессурѣ близъ устья Уссури и еще чаще по берегамъ послѣдней. Благодаря близкому сосѣдству съ китайцами, которые занимаются хлѣбопашествомъ на Сунгари и Уссури, и болѣе оживленнымъ сношеніямъ съ ними, среди Гольдовъ естественно возрастаетъ и употребленіе хлѣбныхъ растеній, какъ-то: пшена, ячменя, Sorghum и пшеницы, которыми тѣ торгуютъ. Такимъ образомъ, въ силу изобилія дичи въ ихъ странѣ и вліянія живущаго съ ними бокъ-о-бокъ культурнаго народа, пища Гольдовъ, хотя они и принадлежатъ тоже къ числу ихтіофаговъ, оказывается гораздо разнообразнѣе и смѣшаннѣе, чѣмъ у другихъ амурскихъ инородцевъ, живущихъ дальше внизъ по теченію рѣки.

Перейдемъ теперь къ **Орочамъ.** Страна ихъ прилегаетъ къ морю и простирается отъ

---

1) Ѳ. Буссе. Очеркъ услов. земледѣл. въ амурскомъ краѣ (Зап. для чтенія, издав. Трубниковымъ. Авг.—Дек. 1869 г., стр. 122).

2) Williamson, Journ. in North China, Manchuria and East Mongolia, London 1870, V. II, p. 69. Барабашъ, Сунгар. Экспед. 1872 г. (Воен. Сборн. 1874, № 2, стр. 343).

3) Уже Витсенъ (Noord en Oost Tartarye, 1705, p. 39, 92) сообщаетъ, что Ньючи на Сунгари и Нонни (Маньчжуры и Дауры) охотно и въ большомъ количествѣ употребляютъ свиное мясо и сало.

4) Описаніе Маньчжуріи (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. XII, 1857, стр. 52).

5) Палладій, Дорожныя замѣтки на пути отъ Пекина до Благовѣщенска, чрезъ Маньчжурію въ 1870 году. (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. Т. IV, 1871, стр. 351). Васильевъ между прочимъ замѣчаетъ, что лучшія свиньи въ Пекинѣ доставляются туда изъ Маньчжуріи, которая снабжаетъ ими почти весь сѣверъ Китая.

6) Тамъ же, стр. 230.

7) Фактъ этотъ, о которомъ упомянуто въ путевомъ моемъ дневникѣ, по недосмотру пропущенъ въ моемъ сочиненіи Reis. u. Forsch. im Amur-Lande, Bd. I, стр. 404, гдѣ говорится о домашней куричѣ, и гдѣ лишь сказано, что Гольды, Ольчи и Гиляки, изображающіе на своихъ рѣзьбахъ по дереву и металлическихъ издѣліяхъ куръ, съ наружнымъ ихъ видомъ ознакомились чрезъ китайцевъ.

Digitized by Google

залива Де-Кастри до истоковъ Уссури. Она лежитъ на востокъ отъ Ольчей и Гольдовъ, съ которыми граничитъ на всемъ своемъ протяженіи. Соотвѣтственно и пища сѣверныхъ Орочей однородна съ пищей Ольчей, а южныхъ съ пищею Гольдовъ. Главную основу питанія, какъ самихъ Орочей, такъ и ихъ единственнаго домашняго животнаго — собаки, тоже составляетъ рыба изъ породы лососевыхъ. Она изъ моря проникаетъ въ непосредственно впадающія въ него рѣки, а изъ Амура и Уссури въ ихъ правые притоки. И здѣсь на первомъ планѣ — кета и горбуша. Но съ другой стороны охота, которой Орочи предаются съ большимъ увлеченіемъ, доставляетъ имъ извѣстную долю и мясной пищи. Количество послѣдней, по отношенію къ рыбной, постепенно возрастаетъ по мѣрѣ удаленія на югъ, съ увеличеніемъ въ странѣ лѣсныхъ и съ уменьшеніемъ водныхъ богатствъ. Зато растительная пища вообще бѣдна у Орочей. На сѣверѣ она у нихъ почти исключительно ограничивается дикими произведеніями страны — ягодами, кореньями, употребительными и у ихъ сосѣдей. Изо всѣхъ нижне-амурскихъ инородцевъ сѣверные Орочи самые отдаленные отъ Амура, этого главнаго пути сообщенія, по которому совершаются торговыя сношенія туземцевъ съ китайцами. Поэтому къ нимъ въ меньшемъ количествѣ чѣмъ къ остальнымъ инородцамъ проникаютъ хлѣбные и овощные продукты, вывозимые изъ китайскихъ земледѣльческихъ колоній на Сунгари и отправляемыхъ внизъ по Амуру. Въ совсѣмъ иныхъ условіяхъ находятся южные Орочи на правыхъ притокахъ Уссури и на соотвѣтственномъ морскомъ берегу, гдѣ они живутъ въ перемѣшку съ китайцами, такъ называемыми уссурійскими манзами. Послѣдніе занимаются разведеніемъ разныхъ овощей и хлѣбныхъ растеній, часть которыхъ переходитъ къ Орочамъ посредствомъ мѣновой торговли или въ видѣ заработной платы. Да и сами туземцы часто владѣютъ небольшими огородами [1]). Тѣмъ не менѣе и у южныхъ Орочей растительная пища гораздо бѣднѣе животной, особенно по сравненію съ ихъ сосѣдями, уссурійскими Гольдами [2]). Такимъ образомъ составъ пищи и у сѣверныхъ и у южныхъ Орочей, въ общемъ, хотя и въ болѣе тѣсной рамкѣ, подвергается тѣмъ же измѣненіямъ, какъ и у жителей на Амурѣ, между его устьемъ и рѣками Уссури и Сунгари.

Перевѣсъ мясной пищи надъ рыбной, на который мы уже указывали, говоря о Негидальцахъ, Самагирцахъ и Киляхъ, становится все опредѣленнѣе по мѣрѣ удаленія на западъ отъ низовьевъ Амура и вглубь страны. Такимъ образомъ **Бирары, Манегирцы и Орочоны** на западныхъ и южныхъ склонахъ Буреинскаго и Становаго хребтовъ и по лѣвымъ притокамъ верхняго Амура, добываютъ себѣ средства къ существованію уже въ качествѣ кочующихъ охотниковъ, а не осѣдлыхъ рыболововъ, какъ нижне-амурскіе инородцы. На этомъ основаніи между образомъ жизни амурскихъ инородцевъ и способомъ ихъ пропитанія существуетъ такое же точно соотношеніе, какое мы уже видѣли раньше между ихъ образомъ жизни и жильемъ [3]). А вслѣдствіе того роль мяса и рыбы распредѣляется у нихъ въ

1) Надаровъ, Сѣверно-Уссур. край (Зап. Имп. Русск. Географ. Общ. по общ. Геогр., Т. XVII, 1887 г. № 1, стр. 80).

2) Nadarof (l. c., p. 79) выводитъ изъ своихъ наблюденій заключеніе, что Орочи почти въ три раза меньше Гольдовъ употребляютъ растительной пищи.

3) См. стр. 76.

Digitized by Google

смыслѣ прямой замѣны одного другимъ. Если у нижне-амурскихъ инородцевъ преобладаетъ рыбная, то у верхне-амурскихъ — мясная пища. Если для первыхъ охота является лишь второстепеннымъ, хотя временно усиленнымъ дополнительнымъ средствомъ къ ихъ пропитанію, то у вторыхъ то же самое повторяется съ рыболовствомъ. Это между прочимъ обусловливается и разнородными домашними животными, которыми тѣ и другіе пробавляются въ своемъ хозяйствѣ. Тамъ—собака, для содержанія которой въ качествѣ рабочаго скота требуются большіе запасы рыбы, но которая, съ своей стороны, не доставляетъ своимъ кормильцамъ никакой пищи — за исключеніемъ впрочемъ кинофаговъ Гиляковъ и Аиновъ. Здѣсь же у Бираровъ, Манегирцевъ и Орочонъ — лошадь и олень, которые не нуждаются ни въ какихъ запасахъ и напротивъ сами снабжаютъ пищей своихъ хозяевъ. Послѣдніе инородцы ѣдятъ мясо не только искалѣченныхъ и болѣе негодныхъ для ѣзды лошадей и оленей, но въ крайнемъ случаѣ употребляютъ въ пищу и вполнѣ сильныхъ и здоровыхъ животныхъ. А Орочоны охотно питаются еще и оленьимъ молокомъ[1]), что заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ не встрѣчается больше ни у одного изъ другихъ сибирскихъ оленныхъ народовъ и повторяется только на дальнемъ сѣверо-западѣ, въ Европѣ, у Лопарей[2]).

Что касается растительной пищи, она во всемъ амурскомъ краѣ гораздо бѣднѣе животной. Въ употребленіи ея верхне- и нижне-амурскими инородцами, мнѣ кажется, существуетъ различіе, не менѣе значительное и во многихъ отношеніяхъ однородное съ тѣмъ, какое мы видимъ въ употребленіи среди нихъ мясной пищи. Замѣнъ рыбы мясомъ и наоборотъ, происходящій въ составѣ животной пищи, повторяется и въ растительной, съ одной стороны съ дикими туземными произведеніями почвы, съ другой—съ растительными продуктами, получаемыми отъ сосѣднихъ культурныхъ народовъ. Растительная пища перваго рода, благодаря своей распространенности и общедоступности, занимаетъ преобладающее мѣсто въ хозяйствѣ нижне-амурскихъ инородцевъ. У верхне-амурскихъ она напротивъ теряетъ сравнительно свое значеніе, но зато у нихъ въ большемъ употребленіи привозные культурные продукты, особенно хлѣбные, мука, крупа и т. д. Кочевой образъ жизни этихъ инородцевъ мало благопріятствуетъ собиранію и храненію запасовъ растительной пищи — ягодъ, кореньевъ, которые менѣе питательны и потому потребны въ большомъ количествѣ. Къ тому же моментъ, наиболѣе удобный для собиранія этихъ продуктовъ, совпадаетъ со временемъ рыбной ловли, которая задерживаетъ кочующихъ инородцевъ на берегахъ Амура — а тамъ пригодныя для пищи растенія далеко не изобилуютъ. Да и верхне-амурскіе инородцы предпочитаютъ другіе виды растеній, чѣмъ нижне-амурскіе. Послѣдніе любятъ растущія на землѣ ягоды, бруснику, ежевику, изъ которыхъ дѣлаютъ большіе запасы

---

1) Усольцевъ, Путеш. по долинѣ рѣки Нерчи (Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Часть XX, 1857 года, Отдѣлъ II, стр. 91). По свидѣтельству Черкасова (Записки охотника Восточной Сибири, С.-Петербургъ. 1867 года, стр. 588), Орочоны иногда сосутъ молоко прямо изъ вымени оленей.

2) Pallas, Zoogr. Rosso-asiat. V. I, p. 209. A. G. Schrenck, Reise nach dem Nordosten des europ. Russlands, Dorpat 1854, Bd. II, p. 387.

Digitized by Google

на зиму. Бирары, Манегирцы и Орочоны отдаютъ предпочтеніе тѣмъ, которыя растутъ на деревьяхъ и добываются съ меньшимъ трудомъ, а именно ягодамъ черемухи[1]). Но и помимо того вполнѣ понятно, почему культурныя произведенія растительнаго царства — мука, крупа и т. д. пользуются у верхне-амурскихъ инородцевъ большимъ значеніемъ, чѣмъ у нижне-амурскихъ. Площадь, которую они занимаютъ, лежитъ ближе къ многочисленнымъ культурнымъ источникамъ, откуда эти пищевые продукты могутъ проникать къ нимъ со всѣхъ сторонъ, слѣдовательно въ гораздо большемъ количествѣ. До начала колонизаціи нижне-амурскаго края русскими (въ 50-хъ годахъ)[2]) тамошніе туземцы получали вышеназванные культурные продукты лишь съ береговъ Сунгари и верхняго Уссури и только при посредствѣ китайскихъ купцевъ, или собственныхъ торговыхъ путешествій, всегда дальнихъ и сопряженныхъ съ большими трудностями. Въ верхне-амурскомъ краѣ роль Сунгари до нѣкоторой степени восполняется такъ называемымъ культурнымъ участкомъ на Амурѣ. Тамъ, въ виду устьевъ Буреи и Зеи, и въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ кочующими Бирарами и Манегирцами лежатъ большія деревни, жители которыхъ — маньчжуры, китайцы и Дауры и даже осѣдлые Бирары — занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ. Они-то и снабжаютъ этихъ кочевниковъ разнаго рода хлѣбными продуктами и овощами. А предпріимчивые даурскіе купцы изъ здѣшнихъ мѣстъ, равно какъ съ береговъ Нонни и Комара, заносятъ эти продукты и дальше вглубь страны, даже въ горныя ущелья, гдѣ по временамъ кочуютъ инородцы. Кромѣ того, постоянный притокъ хлѣбныхъ зеренъ на берегахъ верхняго Амура и впадающихъ въ него рѣкъ, особенно у Орочоновъ и Манегирцевъ, поддерживается еще русскими казаками съ Шилки и Аргуни, русскими охотниками и разнаго рода торговымъ людомъ. Наконецъ кочующіе верхне-амурскія племена посѣщаются съ сѣверо-запада еще якутскими купцами, которые въ числѣ другого товара заносятъ къ нимъ и русскіе хлѣбные продукты: муку, крупу и т. д. Въ общемъ верхне-амурскіе инородцы, правда, никогда не поглощаютъ такъ много сразу растительной пищи, какъ Ольчи и Гиляки на медвѣжьихъ празднествахъ. Зато она у нихъ гораздо распространеннѣе и равномѣрнѣе распредѣлена, вслѣдствіе чего и общее количество ея потребленія у нихъ значительно выше. Если мы теперь примемъ въ соображеніе бо̀льшую по сравненію съ дикими растеніями питательность хлѣбныхъ продуктовъ, мы невольно придемъ къ заключенію, что въ пищу верхне-амурскихъ инородцевъ, рядомъ

1) Я былъ свидѣтелемъ, какъ Бирары въ большомъ количествѣ заготовляли черемуху въ прокъ. Они раскидывали массу ягодъ по тростниковымъ матамъ и сушили ихъ на слабомъ огнѣ. Бирары, какъ и Манегирцы (Маакъ, Путеш. на Амуръ, стр. 78), ѣдятъ эти ягоды сухими, употребляютъ ихъ для начинки пирожковъ изъ муки съ примѣсью жира или сала, а иногда и толкутъ въ порошокъ, которымъ приправляютъ свои кушанья. Но какое бы употребленіе они ни дѣлали изъ ягодъ черемухи, они ихъ не очищаютъ отъ косточекъ, а жуютъ вмѣстѣ съ ними, какъ я это видѣлъ и у Гиляковъ. Такъ же поступаютъ и Негидальцы на Амгуни (Миддендорфъ, Путеш. и пр. Ч. II, стр. 756), по свидѣтельству Эрмана (Reise um die Erde, 1. Abtheil. Histor. Ber. III, p. 415) и жители Камчатки. Согласно Палласу (Reise durch versch. Prov. des Russ. Reichs, Bd. III, p. 350) Сагайскіе татары примѣшиваютъ грубый порошокъ изъ толченыхъ ягодъ черемухи къ молоку. Другія сибирскія племена тоже вмѣстѣ съ косточками ѣдятъ черемуху.

2) Повторяю, что вообще все здѣсь излагаемое относится исключительно къ этому времени.

Digitized by Google

съ ея животными составными частями, входитъ гораздо болѣе растительныхъ веществъ, чѣмъ въ пищу нижне-амурскихъ. Соотвѣтственно верхне-амурскіе инородцы употребляютъ и гораздо больше соли, чѣмъ нижне-амурскіе. У Гиляковъ мы видѣли опредѣленное къ ней отвращеніе. Гольды и Орочи употребляютъ ее лишь въ очень маломъ количествѣ[1]). О Манегирцахъ Маакъ[2]) сообщаетъ, что всѣ сколько-нибудь состоятельные изъ нихъ непремѣнно держатъ въ своемъ хозяйствѣ соль. Они пріобрѣтаютъ ее отъ Дауровъ и называютъ у нихъ же заимствованнымъ словомъ *катаханъ* (отъ «*катд*»). Тѣ же самые Дауры вѣроятно и познакомили ихъ съ ней, должно быть еще до вторженія русскихъ, въ то время, когда населяли всю страну по верхнему Амуру и по его источнымъ рѣкамъ, Шилкѣ и Аргуни, гдѣ занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ и вели мѣновую торговлю съ сѣверными охотничьими племенами[3]). Значитъ, верхне-амурскіе инородцы уже тогда получали отъ Дауровъ кое-какіе хлѣбные продукты.

Въ связи съ пищей амурскихъ инородцевъ разсмотримъ и существующія у нихъ средства къ усладѣ жизни — особенно водку и табакъ.

Гиляки вообще незнакомы со способами приготовленія напитковъ, которые служатъ для наслажденія. Они не умѣютъ ни извлекать ихъ изъ ягоднаго сока, ни дѣлать настоекъ изъ листьевъ, стеблей, коры и другихъ частей разныхъ употребительныхъ для того растеній, въ чемъ напротивъ, по свидѣтельству Стеллера[4]) и Крашенинникова[5]), были такъ искусны камчатскіе Ительмены. У Ольчей и Гольдовъ я тоже не встрѣчалъ ничего подобнаго[6]). Чай въ бытность мою на Амурѣ еще не привился у этихъ инородцевъ[7]), хотя, благодаря своимъ сношеніямъ съ китайцами, они уже давно могли быть съ нимъ знакомы[8]), а со времени занятія края русскими (въ 50 годахъ) имѣли возможность пріобрѣтать его въ Николаевскѣ и Маріинскѣ. Съ кофе они вовсе не были знакомы, и когда я

---

1) Надаровъ, Сѣв.-Уссур. край (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по общ. Геогр., Т. XVII, № 1, стр. 80).

2) Тамъ же, стр. 79.

3) См. Т. I наст. соч., стр. 165.

4) Beschreib. von dem Lande Kamtschatka, p. 76—89.

5) Описаніе Камчатки (Полн. собр. учен. путеш. по Россіи, Т. I, стр. 308 и слѣд.).

6) Я имѣю здѣсь въ виду только тѣ напитки, которые служатъ средствомъ къ наслажденію, а не употребляются въ видѣ лѣкарствъ. Мнѣ приходилось встрѣчать на верхнемъ Амурѣ Манегирцевъ, которые собирали въ лѣсу родъ лишая, извѣстнаго у нихъ подъ именемъ *мою*. Они на берестяныхъ матахъ сушили его на солнцѣ. Насколько я могъ понять, Манегирцы доставляютъ этотъ лишай въ городъ Айгунъ, жители котораго дорого за него платятъ. Изъ него дѣлаютъ настой и пьютъ его какъ чай. Должно полагать однако что настой этотъ употребляется только какъ лѣкарство.

7) У Гиляковъ существуетъ особое для него названіе: *пыжтъ*.

8) Поляковъ (Путеш. на остр. Сахалинъ, p. 88—90) сообщаетъ въ 1881 г., что Ороки на Сахалинѣ высоко цѣнятъ чай и, когда могутъ его добыть, ежедневно пьютъ подъ вечеръ. Но обычай этотъ могъ появиться у Ороковъ только со времени колонизаціи острова русскими, слѣдовательно весьма недавно. Въ мою бытность на Сахалинѣ и во время путешествій Шмидта и Глена тамъ еще не было ничего подобнаго.

Digitized by Google

его пилъ въ ихъ присутствіи, они принимали его «за очень крѣпкій чай». Водка за то была распространена во всемъ Амурскомъ краѣ подъ именемъ *араки* или *арки*[1]) (малайско-китайскаго происхожденія), одинаково извѣстнымъ и у Гиляковъ, и у остальныхъ инородцевъ на материкѣ, и у маньчжуровъ и у всѣхъ тунгусскихъ, монгольскихъ и турко-татарскихъ народовъ въ Сибири. Знакомство съ водкой амурскихъ инородцевъ, безъ сомнѣнія, относится ко временамъ ихъ перваго сближенія съ китайцами, и съ тѣхъ поръ она быстро между ними распространилась. Благодаря торговымъ путешествіямъ Гольдовъ, Ольчей и особенно амурскихъ Гиляковъ на островъ Сахалинъ китайская водка скоро проникла и къ тамошнимъ Гилякамъ. Послѣдніе, казалось, могли бы познакомиться съ водкой и изъ другого источника, а именно черезъ японцевъ, отъ которыхъ Аины получаютъ такъ называемое *саки*. Къ тому же Аины и сами умѣютъ приготовлять слабый сортъ этой водки[2]). Но болѣе крѣпкая и, вѣроятно болѣе дешевая, китайская уже настолько вошла въ употребленіе среди Сахалинскихъ Гиляковъ, что для японской тамъ не оставалось больше мѣста. Изъ сообщеній Мамія Ринсо[3]), относящихся къ 1808 году, видно, что Смеренкуры (Гиляки) на Сахалинѣ почти совсѣмъ не знали японскаго *саки* и сами конечно не изготовляли его, но за то «они получали отъ Манковъ (жителей Амура) родъ этого напитка *аржа*, который имѣлъ большое сходство съ японскимъ *сотсу*». Водка, какъ и всѣ другіе культурные продукты, доставляется Гилякамъ и прочимъ нижне-амурскимъ инородцамъ главнымъ образомъ изъ Сунгарійскаго края, гдѣ много крупныхъ водочныхъ заводовъ, содержимыхъ китайцами[4]). Отчасти ихъ ею снабжаетъ и Уссурійскій край, гдѣ производство водки тоже находится въ рукахъ китайцевъ и преслѣдуется исключительно съ торговыми цѣлями. Водка изготовляется разныхъ достоинствъ, смотря по роду хлѣбнаго растенія, изъ какого ее гонятъ: изъ као-ляна, т. е. Sorghum vulgare, преимущественно для того употребляемаго[5]), или изъ одного изъ видовъ проса, разводимаго китайцами (Setaria italica, Panicum miliaceum и т. д.), или изъ смѣси всѣхъ сортовъ ея съ ячменемъ[6]). Водка, соотвѣтственно своему количеству и мѣсту своего назначенія, продается китайцами или въ плетеныхъ изъ ивовыхъ прутьевъ большихъ флягахъ, снутри выложенныхъ толстой бумагой, или въ четырехугольныхъ ящикахъ, сколоченныхъ изъ шести дощечекъ и тоже выложенныхъ внутри бумагой; сверху одного изъ краевъ ящика находится отверстіе, которое запирается задвижкой[7]). Пріобрѣтеніе такого ящика (по гил. *кылмр-вакке*)[8]) съ

1) См. словарь нарѣчій вышеназванныхъ инородцевъ въ Klaproth's Asia polyglotta. Это названіе, общее для водки, которую гонятъ изъ хлѣба и изъ молока, конечно, имѣетъ еще много разныхъ измѣненій, напримѣръ: *арака, араку, айраки* и т. д.

2) Мицуль, Очеркъ остр. Сахалина, стр. 132. Добротворскій, Аинско-русск. словарь, предисл. стр. 88.

3) Tô-tats kiko (Siebold, Nippon, VII, p. 192).

4) Williamson, Journey in North China, Manchuria and East. Mongolia, Vol. II, p. 67. Барабашъ, Сунгар. Экспед. 1872 г. (Военн. Сборн. 1874, № 2, стр. 351).

5) Обширныя поля съ *као-ляномъ* на нижнемъ Сунгари, по свидѣтельству Барабаша, всегда служатъ признакомъ, что здѣсь по близости находятся водочные заводы.

6) Подробности о китайской водкѣ и о приготовленіи ея въ Уссурійскомъ краѣ см. у Надарова: Сѣв. Уссур. край, стр. 105 и сл.

7) Williamson, l. c., p. 68. Надаровъ, тамъ же, стр. 113. Maack, l. c., p. 196.

8) *Вакке* означаетъ вообще ящикъ.

Digitized by Google

араки всегда составляетъ одну изъ цѣлей путешествій Гиляковъ, Ольчей или Гольдовъ на Сунгари, такъ какъ водка на мѣстѣ своего производства само собой разумѣется стоитъ дешевле, чѣмъ проходя сквозь руки мелкихъ китайскихъ торговцевъ на Амурѣ.

Вмѣстѣ съ водкой Гиляки и другіе нижне-амурскіе инородцы переняли отъ китайцевъ и способъ ея употребленія. Они тоже пьютъ ее подогрѣтою[1]) изъ крошечныхъ фарфоровыхъ чашечекъ, которыя у китайцевъ же покупаютъ. Отъ нихъ же пріобрѣтаютъ они и металлическіе сосуды, въ которыхъ грѣютъ водку. Сосуды погружаются въ горячую воду или золу жаровни съ раскаленными угольями, которая всегда подъ рукой и для закуриванія трубокъ[2]). Все это съ точностью продѣлываетъ и китайскій торговецъ на Амурѣ, который, предлагая товаръ, время отъ времени угощаетъ своихъ покупателей глоткомъ водки изъ маленькой чашечки. Ему подражаютъ всѣ зажиточные Гольды, Самагирцы, Ольчи и Гиляки, которымъ удается запастись драгоцѣннымъ напиткомъ и соединенными съ его употребленіемъ сосудами. И Маміа Ринсо такимъ же образомъ описываетъ способъ питья Смеренкурами на Сахалинѣ *арки,* которую они получаютъ съ Амура. Кромѣ того Гиляки, Ольчи, Гольды и даже Орочи въ Императорской гавани, какъ я самъ видѣлъ, подобно маньчжурамъ и китайцамъ на Амурѣ, болѣе или менѣе тщательно совершаютъ и предшествующее питью возліяніе. Они кончики большого и указательнаго пальцевъ обмакиваютъ въ водку и нѣсколько капель ея брызгаютъ направо, налѣво, вверхъ, внизъ и по направленію къ груди. Такимъ образомъ употребленіе водки у этихъ народовъ совершается по опредѣленному способу, освященному обычаемъ: они пьютъ ее не иначе, какъ изъ сосудовъ, заимствованныхъ у иноземцевъ и при соблюденіи формальностей, предписываемыхъ суевѣріемъ. Это, въ связи съ доставкой водки издалека и съ дороговизной ея при покупкѣ по мелочамъ у китайскихъ купцевъ на Амурѣ, безъ сомнѣнія благотворно дѣйствуетъ на употребленіе ея амурскими инородцами, т. е. пріучаетъ ихъ къ умѣренности.

Во время моего пребыванія на Амурѣ я самъ былъ свидѣтелемъ воздержности ихъ въ этомъ отношеніи, особенно среди Гиляковъ. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что съ водвореніемъ русскихъ на Амурѣ въ Николаевскѣ и Маріинскѣ для туземцевъ открылись новые, болѣе близкіе источники добыванія этой драгоцѣнной и столь излюбленной влаги. И всетаки, по крайней мѣрѣ въ первые годы послѣ того, пьянство было такъ мало распространено среди Гиляковъ, что я, несмотря на мои частыя сношенія съ ними, ни разу не видѣлъ между ними пьяныхъ даже на медвѣжьихъ празднествахъ. Какъ это ни удивительно, оно объясняется очень просто: употребленіе водки на медвѣжьихъ празднествахъ, по свидѣтельству самихъ Гиляковъ, считается у нихъ за *ушъ,* зло навлекающее. Связанное съ суевѣріемъ

---

1) Уже Марко Поло замѣчаетъ, что Китайцы пьютъ «Ракъ» (Аракъ) не иначе, какъ предварительно подогрѣвъ его. (Marco Polo's Reisen, deutsch von Bürck, p. 341, Anm. 284).

2) Способъ употребленія водки китайцами былъ неоднократно описанъ, напримѣръ, у Гюка (Huc, L'Empire Chinois, Paris 1854, T. II, p. 390) и др.

Digitized by Google

воздержаніе это, вѣроятно, въ значительной мѣрѣ обязано своимъ возникновеніемъ столь свойственной Гилякамъ склонности къ сохраненію и пріумноженію имущества. При большомъ стеченіи народа на медвѣжьихъ празднествахъ дорого стоившій хозяину пиршества запасъ *араки* подвергался бы, безъ этого сдерживающаго начала, слишкомъ быстрому истребленію, не говоря уже о другихъ опасностяхъ, сопряженныхъ съ неумѣреннымъ употребленіемъ водки. Благодаря этому и силѣ характера Гиляковъ въ началѣ ихъ сближенія съ русскими произошло нѣчто такое, что врядъ ли встрѣчается еще въ исторіи сношеній культурныхъ народовъ съ первобытными. Не русскіе развращали Гиляковъ водкою и разоряли ихъ на нее, а Гиляки напротивъ обращали въ свою пользу неумѣренность русскихъ матросовъ и казаковъ, перепродавая имъ часть своихъ скудныхъ запасовъ *араки* китайскаго происхожденія. Впрочемъ воздержности Гиляковъ въ данномъ случаѣ явилось на помощь еще и то, что при занятіи Амурскаго края русскими ввозъ туда водки сначала былъ очень невеликъ, тогда какъ число ея русскихъ потребителей сильно возросло[1]). Но позже, съ прекращеніемъ Крымской войны, количество привозимой въ Николаевскъ водки, особенно на сѣверо-американскихъ и гамбургскихъ торговыхъ судахъ значительно увеличилось. А съ окончательнымъ водвореніемъ русскихъ на Амурѣ старый первобытный складъ гиляцкой жизни былъ, подъ давленіемъ внесенныхъ туда новыхъ нравовъ и обычаевъ, сильно подорванъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ насталъ конецъ и ихъ умѣренности въ употребленіи водки. Не позже какъ въ 60-хъ годахъ уже мѣстная печать усиленно заговорила о возрастающемъ среди Гиляковъ пьянствѣ, особенно во время медвѣжьихъ и другихъ празднествъ. То же подтверждали и путешественники, возвращавшіеся съ Амура[2]).

Всѣ амурскіе инородцы, мужчины и женщины, курятъ табакъ. Даже дѣтямъ не препятствуютъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ къ тому пріучаться. Какъ и когда эти народы познакомились съ употребленіемъ табака, мнѣ кажется, не трудно прослѣдить. Главная роль тутъ конечно принадлежитъ Маньчжуріи, черезъ которую состоялось первоначальное знакомство съ табакомъ китайцевъ, по крайней мѣрѣ сѣверныхъ. Случилось это, должно полагать, столѣтія два съ половиною тому назадъ, при вступленіи на престолъ нынѣ царствующей Маньчжурской династіи (1644), которая и навязала Китаю употребленіе табака[3]). Подъ покровительствомъ этого правительства тамъ быстро распространилось и разведеніе

---

1) Такъ, въ подкрѣпленіе первоначальной командѣ на низовьяхъ Амура, уже въ 1855 году явились еще и команды съ военныхъ судовъ, находившихся на стоянкѣ въ Камчаткѣ, и нѣсколько отрядовъ Забайкальскихъ казаковъ.

2) Ср. наприм. Arth. Nordmann, Ueber den Fischfang und die Jagd der am Amur wohnenden Giljaken (Bull. de la Soc. Imp. des Natural. de Moscou, T. XXXIV, 2 Part. 1861, p. 254); также: «Восточное Поморье», 1866, стр. 59, и др.

3) Huc, L'Empire Chinois, Paris 1854. T. I, p. 222—224. Poussielgue, Voyage en Chine et en Mongolie de Mr. et de Mme de Bourboulon, Paris 1866, p. 198. Williamson, Journeys in North China, Manchuria and East. Mongolia, London 1870, V. II, p. 66.—Васильевъ (Описаніе Маньчжуріи. — Зап. Им. Русск. Геогр. Общ. Кн. XII, 1857, стр. 52, 53) говоритъ: «если вѣрить свидѣтельству одной китайской драмы, китайцы, до водворенія Маньчжурской династіи, вовсе не были знакомы съ куреніемъ табака».

Digitized by Google

табачнаго растенія[1]). Что же касается Маньчжуріи, въ нее табакъ проникъ изъ Кореи, куда въ свою очередь нашелъ доступъ изъ Японіи[2]). Въ этотъ же послѣдній край онъ въ началѣ XVII столѣтія былъ занесенъ португальцами, и въ самое короткое время тамъ привился[3]). И въ Кореѣ, и въ Маньчжуріи табакъ нашелъ благопріятную для себя почву и скоро сдѣлался тамъ предметомъ тщательнаго ухода. И понынѣ еще страны эти, особенно Маньчжурія, снабжаютъ Китай самимъ цѣннымъ табакомъ, который тамъ предпочитается собственному и потому дороже оплачивается[4]). Особенно табакъ, привозимый изъ Гирина, славится не только въ Китаѣ, но и въ цѣлой Маньчжуріи. Китайскіе купцы изъ году въ годъ стекаются зимой въ Гиринъ на Сунгари для закупки тамъ оптомъ табаку. Тогда «всѣ гостиницы въ городѣ», говоритъ одинъ изъ очевидцевъ, архимандритъ Палладій, «наполняются торговыми гостьми — и пространные дворы ихъ загромождаются тюками съ табакомъ». — И дальше: «это зелье», продолжаетъ тотъ же авторъ, «которое, по словамъ китайскихъ медиковъ, пьянаго отрезвляетъ и трезваго опьяняетъ, голоднаго дѣлаетъ сытымъ и сытаго голоднымъ, — расходится по всему Китаю подъ именемъ *гуань-дунъ-яцзы*, т. е. листьевъ изъ Маньчжуріи»[5]). Проникнувъ въ Китай съ юга Маньчжуріи, табакъ съ сѣвера и востока ея распространился на весь Амурскій край. Должно полагать, что послѣднее произошло почти одновременно съ первымъ и во всякомъ случаѣ также не позже XVII столѣтія. Во время посѣщенія Исбрантсомъ Идесомъ въ 1693 году Цицикара (или, какъ онъ его называетъ, Наункотона) на рѣкѣ Нонни, тамошніе Дауры, занимаясь хлѣбопашествомъ, разводили и табакъ. Онъ вмѣстѣ съ другими произведеніями страны, какова напримѣръ синяя бумажная матерія, служилъ имъ предметомъ мѣновой торговли съ сѣверными тунгусскими племенами[6]). Торговля эта съ теченіемъ времени еще значительно расширилась и существуетъ до сихъ поръ[7]). Дальше можно съ достовѣрностью предположить, что, подобно маньчжурамъ и Даурамъ на р. Сунгари, разведеніемъ табака занимались между прочимъ и одноплеменные съ первыми Дючеры, которые населяли страну, простирающуюся по южному теченію Амура, между рѣками Сунгари и Уссури и за устьемъ послѣдней до нынѣшней гольдской деревни Дондонъ и, живя тамъ въ большихъ селеніяхъ, промышляли земледѣліемъ и скотоводствомъ[8]). Наконецъ табакъ съ береговъ Сунгари и

---

1) При императорѣ Кіа-кингѣ (1796—1820) въ Китаѣ была сдѣлана попытка воспретить употребленіе табаку (и опіума также). Попытка эта, однако, осталась безъ послѣдствій, такъ какъ въ то время табакъ уже успѣлъ сдѣлаться необходимостью для китайцевъ. (Plath, Die Völker der Mandchurey, Bd. II, p. 948).

2) Клапротъ (Asia polyglotta, p. 341), основываясь на свидѣтельствѣ Витсена, говоритъ, что Корейцы называютъ табакъ *панпамк-сіо*, что значитъ растеніе, происходящее съ юга, потому что они получили его отъ японцевъ.

3) Shouw, Die Erde, die Pflanzen und der Mensch, aus dem Dänischen von Zeise, Leipzig 1851, p. 264.

4) Huc, Васильевъ, Williamson, тамъ же. Уже изъ показаній Ланге (Journ. de la résid. de Sieur. Lange de S. M. I. de la grande Russie à la cour de la Chine, dans les ann. 1721 et 1722, Leyde 1726, p. 65) извѣстно, какъ высоко цѣнится въ Китаѣ корейскій табакъ.

5) Архимандритъ Палладій, Дорожн. замѣтки на пути отъ Пекина до Благовѣщенска, чрезъ Маньчжурію въ 1870 г. (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по общ. Геогр. Т. IV, 1871, стр. 398).

6) Ysbrants Ides, Driej. Reize n. China, p 70, 129.

7) См. Т. I, наст. соч., стр. 89.

8) См. Т. I, наст. соч., стр. 154 и сл.

Digitized by Google

изъ Кореи перешелъ на верховья Уссури и распространился внизъ по теченію этой рѣки на Амуръ. Итакъ, Гольды, очевидно еще до вторженія русскихъ въ XVII вѣкѣ, ознакомились съ табакомъ и научились его разводить отъ маньчжуровъ (Дючеровъ), которые жили по сосѣдству, а отчасти и въ перемежку съ ними. Табакъ и въ настоящее время разводится у Гольдовъ не только осѣдлыми среди нихъ китайцами, но и самими туземцами на рѣкахъ Уссури и Амурѣ. Замѣчательно, что на этой послѣдней рѣкѣ разведеніе табака простирается именно до тѣхъ самыхъ предѣловъ, гдѣ нѣкогда оканчивалась страна Дючеровъ. Первыя гольдскія плантаціи табаку вверхъ по Амуру намъ встрѣтились на правомъ берегу его, въ деревнѣ Да, противъ Дондона, расположеннаго на одномъ изъ острововъ рѣки. Тѣмъ же путемъ проникъ табакъ и къ Орочамъ на истокахъ Усеури и по его притокамъ. Благодаря сношеніямъ съ Гольдами, маньчжурами, китайцами на Амурѣ и Сунгари, и остальные нижне-амурскіе инородцы, Ольчи, Самагирцы, Негидальцы и Гиляки, вѣроятно тоже не позже XVII столѣтія освоились съ употребленіемъ табака. Но климатическія и другія условія ихъ страны мѣшали имъ заняться его разведеніемъ. Наконецъ амурскіе Ольчи и Гиляки занесли табакъ и на Сахалинъ къ своимъ соотечественникамъ — сахалинскимъ Гилякамъ и Орокамъ. Аины же, должно быть, получили табакъ изъ другого источника, прямо отъ японцевъ[1]). Позже, когда маньчжурскій табакъ уже настолько распространился среди амурскихъ инородцевъ, что сдѣлался для нихъ необходимой потребностью, къ нимъ съ запада и сѣвера началъ проникать еще и русскій табакъ. Къ этому времени между Орочонами, Манегирцами и другими верхне-амурскими племенами завязались постоянныя сношенія съ русскими казаками, охотниками и торговцами, которые стали заносить къ нимъ и табакъ. Распространенію его среди нихъ не мало содѣйствовали еще якутскіе купцы, которые или настигали кочевниковъ въ ихъ странствованіяхъ, или посѣщали опредѣленные торговые центры, гдѣ вступали въ сношенія съ ними и съ нѣкоторыми изъ нижне-амурскихъ инородцевъ[2]). И всетаки, до занятія русскими Амурскаго края въ 50 годахъ, у всѣхъ тамошнихъ народовъ рѣшительно преобладалъ маньчжурскій табакъ. Но вслѣдъ затѣмъ его началъ быстро замѣнять русскій (черкасскій), особенно у тѣхъ народовъ, которые сами не разводили табака, а именно у Гиляковъ, Ольчей и т. д. Ихъ больше всего привлекала крѣпость или острота, отличающая русскій табакъ, и дешевизна его. Пристрастіе къ русскому табаку и большой спросъ на него среди амурскихъ инородцевъ вскорѣ сдѣлали его однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ торговли съ ними русскихъ.

Гиляки и другіе амурскіе инородцы, получивъ табакъ отъ маньчжуровъ, у нихъ же заимствовали и орудіе для куренія — трубку (по гил. *тай*). Однородная и у нихъ, и у китайцевъ, она состоитъ изъ двухъ металлическихъ кусковъ, соединенныхъ между собой

---

1) Названіе табака одно и то же лишь съ небольшими измѣненіями и у маньчжуровъ (*дамбагу*), и у монголовъ (*тамахи*), и у всѣхъ амурскихъ инородцевъ. Гольды и Ольчи называютъ его *дамхе, тамхе* и *тамахе*, Гиляки — *там(а)хъ*, Аины *тамбаку* и т. д.

2) См. Т. I, наст. соч., стр. 81—84.

Digitized by Google

тонкой деревянной трубочкой, окрашенной въ черный цвѣтъ. Нижній дугообразный кусокъ оканчивается загнутой кверху головкой въ видѣ маленькой чашечки[1]). Верхній, или мундштукъ, лишь у простолюдиновъ бываетъ металлическій (изъ желтой мѣди). Всякій сколько-нибудь достаточный Гилякъ, желая подражать китайцамъ, непремѣнно пріобрѣтаетъ для своей трубки каменный мундштукъ изъ ядегита, халцедона, сердолика или нефрита, подобный тѣмъ, какіе фабрикуются въ Сунгарійскомъ краѣ, именно въ Цицикарѣ и другихъ мѣстахъ[2]). Форма трубки у всѣхъ амурскихъ инородцевъ крайне однообразная, что объясняется происхожденіемъ всѣхъ составныхъ частей ея исключительно изъ Сунгарійскаго края, гдѣ онѣ фабрикуются механическимъ способомъ. Отъ этой трубки отличается только аинская на Сахалинѣ, вѣроятно вслѣдствіе своего японскаго происхожденія. Аинская трубка бываетъ двоякой формы: одна съ наставленной подъ прямымъ угломъ небольшой головкой, въ отверстіе которой едва проникаетъ мизинецъ; другая съ чашкообразной головкой болѣе крупнаго размѣра. Помимо этихъ Аины и сами фабрикуютъ головки для трубокъ изъ дерева Hydrangea paniculata Sieb. et Zucc. Послѣднія употребляются преимущественно женщинами[3]).

Предназначаемый для куренія табакъ Гиляки предварительно крошатъ на особаго рода доскѣ, табл. XXXIV, фиг. 8. Сухой табакъ при томъ почти превращается въ пыль. Они носятъ его при себѣ въ маленькомъ мѣшечкѣ или кисетѣ. Заимствованный у маньчжуро-китайцевъ, онъ тоже, кажется, имѣетъ однообразную у всѣхъ амурскихъ инородцевъ форму. Узкій и длинный, онъ въ верхней части своей снабженъ боковымъ отверстіемъ, куда всовываютъ трубку, когда хотятъ ее набить — что и дѣлаютъ внутри кисета. Тамъ же обыкновенно и хранятъ ее вмѣстѣ съ табакомъ. Кисетъ прикрѣпляется къ одной изъ верхнихъ пуговицъ шубы или рубахи и оттуда спускается за пазуху. Чаще всего его дѣлаютъ изъ кожи, изъ рыбьей шкуры, или изъ мѣха, окаймляютъ по краямъ китайской выбойчатой или шелковой матеріей, а сверху украшаютъ вышитыми или нарисованными арабесками. Иногда онъ и весь сшитъ изъ названныхъ матерій.

Наслажденіе, испытываемое Гилякомъ при куреніи табака, онъ охотно раздѣляетъ съ другими. Куреніе сообща однако никогда не происходитъ изъ одной и той же трубки, по очередно всѣми, собранными въ юртѣ у очага, или сидящими вокругъ пылающаго на открытомъ воздухѣ костра. Это не допускается, съ одной стороны, малыми размѣрами трубки, съ другой соціальными и моральными различіями, какія большею частью всегда существуютъ между присутствующими. Обыкновенно трубка переходитъ отъ одного къ другому изъ двухъ сидящихъ рядомъ собесѣдниковъ. Если въ юрту входитъ путешествен-

---

1) Нижняя металлическая часть трубки съ головкой называется по гиляцки *котъ*; мундштукъ — *илифъ*, соединяющая ихъ деревянная трубочка — *твамдазиръ*.

2) Барабашъ, Сунгар. эксп. (Воен. Сборн. 1874, № 2, стр. 351).

3) Фр. Шмидтъ, у котораго я заимствую это свѣдѣніе, прибавляетъ, что такія же деревянныя головки для трубокъ употребляются еще и въ Куссунаѣ и Мануѣ, несмотря на то, что дерево Hydrangea paniculata встрѣчается только на Анивскомъ заливѣ и на западномъ берегу Сахалина, къ югу отъ Нотозамы. См. его Reisen im Amur-Lande u. auf der Insel Sachalin. (Mém. de l'Acad. Imp. des Sc. de St. Pétersb., VIIe Sér. T. XII, № 2, p. 99).

Digitized by Google

никъ, хозяинъ, очистивъ ему около себя мѣсто, немедленно предлагаетъ ему только что закуренную трубку. Гость, затянувшись, возвращаетъ ее хозяину, получаетъ обратно, снова передаетъ и такъ далѣе, пока не выкурится вся трубка. Тогда гость закуриваетъ новую, и повторяется тотъ же обмѣнъ. Это — всегда знакъ дружескаго вниманія, гостепріимства, уваженія или снисхожденія. Я часто видѣлъ, какъ то же самое продѣлывали китайскіе купцы на Амурѣ, когда къ нимъ въ юрту входилъ покупщикъ изъ туземцевъ, — съ цѣлью, вѣроятно, такимъ лестнымъ пріемомъ расположить его въ свою пользу и поблагопріятнѣе настроить для предстоящаго торга.

Когда у Гиляка истощается запасъ табака, онъ прибѣгаетъ къ разнымъ способамъ для замѣны его. Самый обыкновенный въ такихъ случаяхъ суррогатъ—тонкіе и сухіе оскребки дерева, все равно какого, лишь бы мягкаго, вѣроятно чаще всего ивоваго. Такіе оскребки примѣшиваются къ табаку, когда тотъ на исходѣ, а когда онъ совсѣмъ истощается, они уже окончательно его замѣняютъ съ примѣсью табачныхъ осадковъ, которые съ этой цѣлью время отъ времени соскребываются съ внутреннихъ стѣнокъ трубки. Осадки хранятся въ особаго рода мѣшечкѣ (по гиляцки *нирыгисъ*), состоящемъ изъ двухъ кожаныхъ пластинокъ, крытыхъ тюленьей шкурой (табл. XXVIII, фиг. 6). Собранные на пластинкахъ осадки по мѣрѣ надобности соскабливаются и, перемѣшанные съ древесными оскребками, препровождаются обратно въ трубку [1]). Суррогатомъ табака служатъ еще и нѣкоторыя изъ туземныхъ травъ, напримѣръ листья растенія, которое Гиляки въ Аллофѣ на Амурѣ называли мнѣ *чомръ*, а въ Тыкѣ на Сахалинѣ — *вурпи*. Насколько я могъ судить по высушеннымъ и поломаннымъ экземплярамъ его, то былъ родъ папоротника. У Гольдовъ въ Кеурми на Амурѣ я тоже видѣлъ развѣшанные пучки травы, которую они называютъ *тойна* и употребляютъ вмѣсто табака. Научныя названія этихъ растеній однако остались мнѣ неизвѣстными.

Амурскіе инородцы, по крайней мѣрѣ нижне-амурскіе, не нюхаютъ и не жуютъ табака [2]). И у китайцевъ тоже не въ обычаѣ ни то, ни другое. Табакъ у нихъ, правда, нюхаютъ [3]), но только люди высшаго класса — ученые, мандарины и сановники. Обычай этотъ вѣроятно былъ къ нимъ занесенъ французскими іезуитскими миссіонерами, которые своимъ примѣромъ ввели его при дворѣ и въ среду Пекинской аристократіи, гдѣ и по сихъ

---

1) Такой же точно суррогатъ табака употребляютъ Чукчи, которые слѣдующимъ образомъ его подготовляютъ. Древесные оскребки они предварительно всовываютъ въ болѣе широкое горлышко своихъ трубокъ. Тамъ эти оскребки, подверженные дѣйствію дыма при куреніи, постепенно пропитываются никотиномъ. (Busch, Reindeer, dogs and snow-shoes, London 1872, p. 429. Dall, Alaska and its resources, Boston 1870, p. 81).

2) Алеуты, которые научились употребленію табака у русскихъ, всего больше жуютъ его, мало нюхаютъ и вовсе не курятъ. (Веніаминовъ, Зап. объ остр. Уналашк. отд. Ч. II, 1840, стр. 236). Чукчи употребляютъ его очень своеобразно: они сначала жуютъ табакъ, потомъ сушатъ его за ухомъ, сохраняютъ затѣмъ въ особенномъ мѣшечкѣ и наконецъ курятъ. (Nordenskiöld, Die Umsegel. Asiens und Europas auf der Vega, Bd. II, p. 114).

3) Staunton, Des Grafen Macartney Gesandtschaftsreise nach China, aus dem Englisch., Frankf. u. Leipzig 1798, Bd. II, p. 71.

Digitized by Google

поръ, больше, чѣмъ во всемъ остальномъ Китаѣ нюхаютъ табакъ[1]). При столь слабой распространенности этого обычая въ Китаѣ вполнѣ понятно, что онъ до сихъ поръ еще не проникъ ни въ Сунгарійскій край, ни къ амурскимъ инородцамъ.

Но нельзя не удивляться тому, что амурскіе инородцы выше указаннымъ путемъ до сихъ поръ еще не научились употребленію другого наркотическаго средства — опіума. Въ бытность мою на Амурѣ опіумъ тамъ еще совсѣмъ не былъ извѣстенъ, и я не слыхалъ, чтобы маньчжуры и китайцы гдѣ-либо разводили его на Сунгари[2]). Когда въ 1866 г. Маньчжурію посѣтилъ Вильямсонъ, его увѣряли, что всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ объ опіумѣ въ этой странѣ еще и понятія не имѣли. Но во время его пребыванія тамъ вредное растеніе это уже повсемѣстно разводилось. Въ деревнѣ Фата-мунъ напримѣръ, къ сѣверу отъ Гирина, гдѣ, по свидѣтельству туземцевъ, еще года за 3 или лѣтъ за 5 тому назадъ, никто ничего не зналъ объ опіумѣ, теперь Вильямсонъ нашелъ отъ 130 до 160 акровъ земли подъ его плантаціями. Разведеніе опіума, говорили ему, гораздо выгоднѣе разведенія всякаго хлѣбнаго растенія. Оно, правда, воспрещается закономъ, но чиновники, приставленные за тѣмъ наблюдать, легко поддаются соблазну подкупа деньгами или тѣмъ же опіумомъ. Его и тогда уже много вывозили въ Пекинъ. А въ самой Маньчжуріи куреніе опіума уже достигло крайне печальныхъ размѣровъ, такъ какъ ему предавалось большинство молодыхъ мужчинъ[3]). Должно опасаться, что китайскіе купцы не замедлятъ занести этотъ пагубный обычай и къ амурскимъ инородцамъ.

---

1) Huc (L'Empire Chinois, l. c.) разсказываетъ, что миссіонеры въ Китаѣ выписывали изъ Европы французскій табакъ для своего употребленія. Пачки съ нимъ въ то время отмѣчались штемпелями, съ изображеніемъ трехъ лилій, которыя съ тѣхъ поръ и были въ Пекинѣ обычнымъ знакомъ на вывѣскахъ при мѣстахъ продажи нюхательнаго табака. То же продолжается и теперь.

2) Однако Маакъ (Путеш. на Амуръ, стр. 243) встрѣтилъ на Амурѣ, неподалеку отъ устья Сунгари, маньчжурскаго чиновника, который курилъ что-то весьма похожее на опіумъ.

3) Williamson, Journeys etc. Vol. II, p. 65, 230 и пр.

Digitized by Google

Глава 7.

Способы передвиженія по сушѣ и водѣ: лыжи, сани; рабочія, верховыя и вьючныя животныя — собака, олень, лошадь; лодки, челноки.

Три главные промысла, которые, какъ мы уже неоднократно говорили, доставляютъ амурскимъ инородцамъ пищу, одежду и средства къ наслажденію, обратившіяся для нихъ въ привычку — рыболовство, охота и торговля, требуютъ частой перемѣны мѣста. Но прежде чѣмъ заняться обзоромъ этихъ промысловъ, разсмотримъ способы передвиженія, существующія у разныхъ инородцевъ. Разсматривать ихъ слѣдуетъ двояко, соотвѣтственно тому, совершается ли передвиженіе по сушѣ и по льду, или по водѣ.

Рыболовный народъ, каковы Гиляки, всегда тѣснится по бассейнамъ тѣхъ водъ которыя почти исключительно его питаютъ. Въ данномъ случаѣ по р. Амуру и вдоль западнаго берега Сахалина кромѣ того представляются имъ еще и прямые водяные пути сообщенія и торговли съ сосѣдними племенами и ближайшими культурными народами — маньчжуро-китайцами на Сунгари и японцами на югѣ Сахалина. Такой народъ, естественно, обреченъ часто мѣнять мѣсто и жизнь свою проводитъ почти въ постоянномъ передвиженіи по водѣ. Но климатическія условія Амурскаго края допускаютъ это только въ теченіе пяти мѣсяцевъ, съ мая по сентябрь включительно. Остальную же и большую часть года передвиженія совершаются по сушѣ. Зима, налагая на воды ледяныя оковы и одѣвая поверхность земли толстой пеленой снѣга, облегчаетъ Гилякамъ странствованіе по сушѣ, а также по ледяной поверхности водъ. Тогда открываются для нихъ цѣлыя новыя области и новые пути сообщенія. Сѣверные первобытные лѣса въ лѣтнее время непроходимы отъ густого кустарника и массы гніющаго подъ мохомъ валежника. Зима же, покрывая почву толстымъ слоемъ снѣга, сглаживаетъ всѣ неровности, и тогда лѣса эти становятся доступными не только для пѣшеходовъ, но и для легкихъ повозокъ, и именно въ то время, когда мѣхъ пушныхъ звѣрей въ ихъ чащѣ пріобрѣтаетъ наибольшую цѣнность. Такимъ образомъ лѣсъ, пу-

Digitized by Google

стынный лѣтомъ, когда его только изрѣдка по опушкамъ посѣщаютъ женщины съ дѣтьми для собиранія ягодъ и кореньевъ, зимой оживляется присутствіемъ многочисленныхъ охотниковъ. Лѣсныя и горныя дебри во всѣхъ направленіяхъ прорѣзываются тропинками и дорогами. Между разными мѣстечками и деревнями, совершенно глухими въ лѣтнюю пору, временно устанавливается живое сообщеніе. Ледъ, покрывающій Лиманъ, уничтожаетъ обособленное положеніе Сахалина и на нѣсколько мѣсяцевъ соединяетъ его съ материкомъ. Но главная роль здѣсь выпадаетъ на долю Амура, который, благодаря своей ледяной корѣ, превращается тогда въ одинъ непрерывный прочный путь на всемъ своемъ протяженіи между Лиманомъ и Сунгари.

Сначала посмотримъ, какіе существуютъ у Гиляковъ способы зимняго передвиженія. При всемъ сходствѣ и даже однородности ихъ со способами передвиженія у другихъ сѣверныхъ народовъ, они всетаки представляютъ не мало своеобразныхъ особенностей. Обиліе снѣга на низовьяхъ Амура заставляетъ Гиляковъ чуть не на каждомъ шагу, при каждомъ выходѣ изъ юрты употреблять лыжи. Иначе они при малѣйшемъ уклоненіи отъ проторенныхъ дорогъ и тропинокъ по поясъ проваливались бы въ снѣгъ. Но лыжи еще необходимѣе при дальнихъ переходахъ въ лѣсахъ, гдѣ лежитъ глубокій, рыхлый снѣгъ, особенно послѣ снѣжныхъ метелей. Огромными массами вздымаемый и гонимый вихремъ снѣгъ безпорядочно ложится по склонамъ горъ, по долинамъ и ущеліямъ, пробираться по которымъ немыслимо иначе, какъ на лыжахъ. Къ тому же лыжи не только препятствуютъ погруженію въ снѣгъ, но еще содѣйствуютъ скорому бѣгу по немъ въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется особая быстрота движенія, какъ напримѣръ во время снѣжныхъ бурь, при дальнихъ путешествіяхъ или на охотѣ, при разстановкѣ силковъ и осмотрѣ западней. Приспособленныя къ удовлетворенію этихъ различныхъ потребностей, гиляцкія лыжи бываютъ двоякаго рода: малыя — *лакъ* и большія — *энь*.

Малыя гиляцкія лыжи состоятъ изъ тонкой дощечки безъ мѣховой обивки. Длиной около $4^1/_2$ футовъ и шириной отъ 5—6 дюймовъ онѣ, за исключеніемъ переднихъ, слегка загнутыхъ къ верху и болѣе или менѣе заостренныхъ концевъ, совершенно плоски. Соотвѣтственно этой большей или меньшей заостренности спереди малыхъ лыжъ у Гиляковъ существуетъ нѣсколько видовъ ихъ. Такъ на Амурѣ, до самаго Вайра, преобладаетъ форма лыжъ, изображенныхъ на табл. XXXV, фиг. 1 и 2, съ постепенно съуживающимся переднимъ концемъ. За Вайромъ, на устьѣ Амура, на Лиманѣ и на противоположномъ берегу Сахалина лыжи имѣютъ форму фигуры 3, передній конецъ которой болѣе рѣзко заостренъ. Наконецъ на Сахалинѣ существуетъ еще третій образецъ лыжъ съ еще болѣе острымъ концемъ, но съ нихъ я, къ сожалѣнію, не могъ снять рисунка. Эти малыя лыжи въ полномъ смыслѣ слова составляютъ необходимость для туземцевъ. Зимой они обходятся безъ нихъ развѣ только въ юртѣ. Гиляки употребляютъ ихъ не только при самыхъ маленькихъ переходахъ, но оставляютъ на ногахъ и при ѣздѣ верхомъ на нартѣ, на случай если-бы имъ пришлось сдѣлать нѣсколько шаговъ по снѣгу для поправки упряжи или для облегченія движенія саней, о чемъ мы будемъ говорить дальше. При ночныхъ привалахъ во время

Digitized by Google

путешествій лыжи замѣняютъ лопаты. Ихъ заднимъ плоскимъ концемъ сгребаютъ снѣгъ, расчищая мѣсто для ночлега, и наполняютъ снѣгомъ висящій надъ огнемъ котелъ. Затѣмъ, когда Гиляки, собираясь ужинать, скрестивъ ноги садятся на ельникъ вокругъ пылающаго костра, лыжи замѣняютъ имъ ручной столикъ или *хахичъ:* они кладутъ ихъ на колѣни и ѣдятъ съ нихъ.

Но при всемъ значеніи для Гиляковъ малыхъ лыжъ онѣ всетаки непригодны для хожденія по глубокому и рыхлому снѣгу, скрывающему неровности почвы въ лѣсной чащѣ. Ихъ небольшіе размѣры недостаточно препятствуютъ погруженію въ снѣгъ, онѣ мало упруги, и отсутствіе мѣховой обшивки значительно умѣряетъ ихъ способность легко скользить по снѣгу, а прилипающій къ нимъ въ сырую погоду снѣгъ подъ часъ даже сильно затрудняетъ движеніе на нихъ. Поэтому, при болѣе дальнихъ или охотничьихъ странствованіяхъ, Гиляки прибѣгаютъ къ помощи большихъ лыжъ — *энь* (табл. XXXV, фиг. 4—6). Онѣ, какъ и малыя, обыкновенно изготовляются изъ дерева лиственницы (по гил. *кой*), которая по этому случаю называется Гиляками *лакк-чхаръ*, т. е. лыжное дерево [1]). Одной формы съ малыми, тоже совсѣмъ плоскія, съ слегка загнутымъ къ верху переднимъ концемъ, онѣ только гораздо длиннѣе и шире и, кромѣ того, обиты мѣхомъ. Оборотная сторона ихъ по возможности плотно обтянута тюленьей шкурой волосомъ назадъ, которая только по краямъ лыжи заходитъ на ея поверхность. Мѣхъ на подошвѣ придерживается посредствомъ рыбьяго клея, а по краямъ, вдоль лыжи, еще парою узкихъ полосокъ китоваго уса или тщательно вылощеннаго дерева, прикрѣпляемыхъ деревянными гвоздями. Приспособленіе изъ ремней, которыми большія лыжи держатся на ногахъ, такое же точно, какъ и у малыхъ, только ремни здѣсь шире и крѣпче. Спереди лыжа снабжена петлею, концы которой скрѣплены двумя ремнями, прохватывающими здѣсь насквозь и дерево, и мѣховую обшивку: сюда просовывается передняя часть ноги свыше пальцевъ. Другая петля сзади охватываетъ пятку. Тамъ же застегиваются и оба боковые ремня съ нѣсколькими просверленными въ нихъ дырками. Эти два послѣдніе ремня продѣваются одинъ въ другой и скрѣпляются деревяннымъ колышкомъ. Пятка притомъ нисколько не стѣснена: она свободно вращается взадъ и впередъ, направо и налѣво; но движеніе лыжѣ сообщается собственно носкомъ. Быстрота и ловкость бѣга на лыжахъ зависитъ главнымъ образомъ отъ степени легкости, съ какою онѣ скользятъ по поверхности снѣга; въ гиляцкихъ лыжахъ легкость эта составляетъ ихъ главное преимущество: Она обусловливается обивкой изъ тюленьей шкуры съ гладкимъ короткимъ волосомъ и ободкомъ изъ китоваго уса или изъ деревянныхъ, снаружи закругленныхъ и тщательно вылощенныхъ полосокъ. Послѣднія кромѣ того еще постоянно удерживаютъ лыжи въ прямомъ положеніи, не давая

1) Аины на Сахалинѣ предпочитаютъ дѣлать свои лыжи изъ дерева Sorbus aucuparia (Schmidt, Reisen im Amur-Lande und auf der Insel Sachalin. — Mém. de l'Acad. des sc. de St.-Pétersbourg. VIIe Sér. T. XII, № 2, p. 99. Мицулъ, Очеркъ. остр. Сахалина, стр. 33), а Гольды изъ ясеня (Будищевъ, Опис. лѣсн. части Приморской обл. — Зап. Сибирск. Отд. Имп. Русск. Географ. Общ. Кн. IX, X, стр. 128).

Digitized by Google

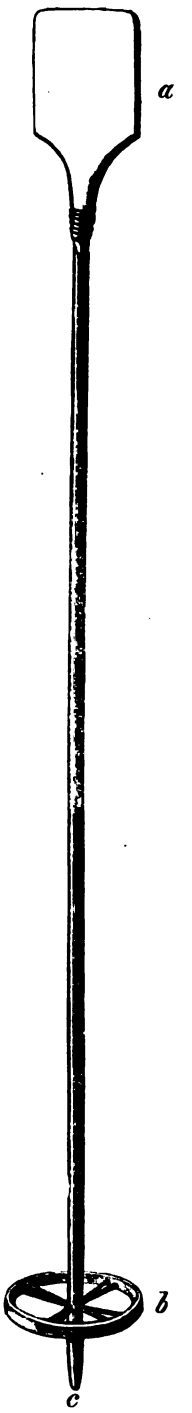
имъ уклоняться ни вправо, ни влѣво. Зато, съ другой стороны, чѣмъ легче и быстрѣе гиляцкія лыжи скользятъ по гладкой поверхности снѣга, тѣмъ менѣе пригодны онѣ для подъема въ гору. Короткій тюленій волосъ оказываетъ слишкомъ мало сопротивленія обратному стремленію внизъ, а выдающійся надъ шкурой ободокъ изъ китоваго уса или лощенаго дерева въ конецъ парализируетъ это и безъ того слабое сопротивленіе. Затѣмъ весьма существенный недостатокъ гиляцкихъ лыжъ еще въ ихъ малой гибкости, которая обнаруживается не только при бѣгѣ по обширнымъ пространствамъ съ крупными неровностями, но и при движеніи по почвѣ съ мелкими шероховатостями, какими изобилуютъ сѣверные первобытные лѣса. Имѣя въ виду прежде всего прочность своихъ лыжъ и способность легко скользить, Гиляки употребляютъ для нихъ не особенно тонкія доски. Кромѣ того они, какъ сказано выше, дѣлаютъ ихъ совсѣмъ плоскими: положенныя на землю сами по себѣ лыжи эти, за исключеніемъ загнутыхъ къ верху переднихъ концевъ, всей своей подошвой касаются почвы. Этимъ обусловливается недостатокъ въ нихъ упругости, вслѣдствіе чего онѣ бо́льше чѣмъ слѣдуетъ погружаются въ снѣгъ, а это, само собой разумѣется, значительно замедляетъ и затрудняетъ движеніе на нихъ. Такимъ образомъ гиляцкія лыжи оказываются гораздо менѣе приспособленными къ движенію по лѣснымъ и горнымъ шероховатостямъ, чѣмъ къ быстрому бѣгу по обширнымъ снѣжнымъ площадямъ и ледянымъ покровамъ р. Амура, Амурскаго Лимана, разныхъ морскихъ бухтъ и заливовъ, которыми такъ богата ихъ страна. Гиляки, какъ и другіе сѣверные народы, при бѣгѣ на лыжахъ употребляютъ еще родъ посоха; онъ служитъ имъ опорой при обыкновенномъ движеніи и рулемъ, когда они скользятъ по горамъ. Нижняя часть посоха надъ прямой или крючковатой оконечностью его снабжена деревяннымъ обручемъ или колесомъ, находящимся съ нимъ въ связи посредствомъ ремней, на которыхъ отчасти оно и движется. Ремни эти идутъ отъ внутренней поверхности обруча къ посоху и, продернутые сквозь него, образуютъ какъ бы спицы въ колесѣ. Благодаря этому обручу или колесу посохъ, опущенный въ снѣгъ, лишь отчасти уходитъ въ него и такимъ образомъ служитъ нѣкоторою опорою; подвижность колеса кромѣ того значительно облегчаетъ вытаскиваніе посоха изъ снѣга, чѣмъ и избавляетъ отъ излишней траты силъ. Верхнимъ концемъ его въ видѣ лопаты удаляютъ снѣгъ, который скопляется подъ пяткою.

Оба эти рода лыжъ въ ходу и у сосѣднихъ съ Гиляками амурскихъ инородцевъ тунгусскаго племени. Малыя лыжи, у Ольчей и Гольдовъ *кангулта*, по формѣ и устройству ничѣмъ не отличаются отъ гиляцкихъ. Большія напротивъ (у Ольчей и Гольдовъ *сульта* или *сох-сульта*), представляютъ крупныя и характерныя отъ нихъ отступленія. Въ общемъ онѣ однородны съ подробно описанными Миддендорфомъ лыжами «сибирскихъ кочевыхъ охотниковъ». Подъ этимъ послѣднимъ названіемъ надо, какъ я съ достовѣрностью могу заключить изъ соотвѣтственнаго описанія и рисунка[1]), подразумѣвать сибирскихъ олен-

1) Миддендорфъ, Путеш. на сѣв. и вост. Сибири. Ч. II, стр. 573.

Digitized by Google

ныхъ Тунгусовъ, въ обществѣ которыхъ Миддендорфъ совершилъ свое путешествіе по южному склону Станового хребта отъ Охотскаго моря къ верховьямъ Амура: по крайней мѣрѣ къ нимъ всего ближе подходитъ это общее опредѣленіе. Но, соотвѣтственно бо̀льшей степени благосостоянія и культуры нижне-амурскихъ инородцевъ тунгусскаго племени, по сравненію съ ихъ сибирскими одноплеменниками, и лыжи ихъ, особенно у Гольдовъ и Самагирцевъ, отличаются еще болѣе тонкой и искусной отдѣлкой. Онѣ представляютъ образецъ высшей степени совершенства, достижимаго въ этого рода орудіяхъ. Длиннѣе, а соотвѣтственно и шире большихъ гиляцкихъ лыжъ, онѣ однако никогда не имѣютъ больше 5—6 футовъ длины: по правилу длина лыжъ всегда должна соотвѣтствовать росту человѣка, которому онѣ предназначаются. Этому правилу впрочемъ не всегда слѣдуютъ. Несмотря на свои увеличенные размѣры амурско-тунгусскія лыжи, какъ я буду ихъ попросту называть (Гиляки называютъ ихъ *рды-энь*, т. е. самагирскія лыжи), всетаки гораздо легче гиляцкихъ, такъ какъ состоятъ изъ болѣе тонкихъ досокъ. Тонина доски и своеобразная, слегка волнистая форма, принимаемая ею послѣ сушки, обусловливаютъ чрезвычайную гибкость этой лыжи. На табл. XXXV, фиг. 7 — 9, изображена пара гольдскихъ лыжъ, пріобрѣтенныхъ мною въ деревнѣ Самахагду на Амурѣ. Ихъ, равно какъ и рядомъ съ ними изображенныя гиляцкія, я употреблялъ во время пребыванія моего на Амурѣ. Какъ видно изъ этихъ рисунковъ, доска амурско-тунгусскихъ лыжъ представляетъ двѣ волнистыя линіи. Въ томъ именно мѣстѣ, которое предназначается для ноги и приходится не по самой серединѣ лыжи, а у начала ея задней половины, доска образуетъ легкую выпуклость, затѣмъ опускается и снова поднимается съ обоихъ концевъ, спереди больше, сзади меньше. Положенная безъ тяжести на гладкую поверхность земли, лыжа эта не прилегаетъ къ ней, какъ гиляцкая, всей своей подошвой, но касается ея только тѣми двумя точками, гдѣ волнистая линія доски, приближаясь къ концамъ, начинаетъ снова подниматься. Промежуточная же между этими двумя точками часть подошвы, т. е. середина ея, соприкасается съ землей лишь, когда на нее поставятъ ногу. Благодаря всему этому амурско-тунгусскія лыжи лучше гиляцкихъ держатся на поверхности снѣга и больше приспособлены къ движенію по неровностямъ почвы. На мѣховую обивку ихъ идутъ шкурки съ ногъ лосей и оленей. Иногда средняя полоса обивки состоитъ изъ шкурки перваго животнаго, а остальныя изъ шкурки второго. Обивка вдоль краевъ загибается на верхнюю по-



Посохъ для хожденія на лыжахъ, по гил. кысъ: *a* верхній лопатообразный конецъ, *b* подвижное колесо, по гил. *чротъ*, *c* нижн. конецъ, по гил. *итустъ*.

Digitized by Google

верхность лыжи, гдѣ, кромѣ рыбьяго клея, прикрѣпляется еще плоскими ремешками, пропущенными сквозь доски. Амурско-тунгусскія лыжи вовсе не имѣютъ ободковъ, ни деревянныхъ, ни изъ китоваго уса, зато средняя полоса мѣховой обивки всегда нѣсколько отдѣлена отъ боковыхъ, благодаря чему лыжа и держится въ прямомъ положеніи. Мѣховая обивка этихъ лыжъ правда дѣлаетъ ихъ менѣе скользкими на ходу, но зато онѣ, благодаря болѣе длинному волосу вышеназванныхъ мѣховъ, оказываются гораздо болѣе устойчивыми при подъемѣ въ гору. Выпуклость доски, во избѣжаніе порчи отъ нажиманія ноги, покрывается еще другой тонкой дощечкой, пластомъ коры или кости. Приспособленіе изъ ремней, которымъ гольдскія лыжи прикрѣпляются къ ногамъ, почти такое же, какъ и у гиляцкихъ, что видно изъ прилагаемыхъ рисунковъ. Только у гольдскихъ оно еще цѣлесообразнѣе тѣмъ, что надѣвая и снимая ихъ, нѣтъ надобности всякій разъ наклоняться и прибѣгать къ помощи рукъ. Если задняя петля, двигающаяся на боковыхъ ремняхъ, прилажена какъ слѣдуетъ, т. е. находится на надлежащемъ мѣстѣ и соотвѣтствуетъ величинѣ ноги, то надѣвая лыжи, достаточно вдѣть пятку въ эту петлю, а затѣмъ движеніемъ ноги вбокъ просунуть носокъ подъ широкій передній ремень. Снимаются лыжи не менѣе легко: для этого достаточно спихнуть посохомъ съ пятки заднюю петлю.

Изъ всего вышесказаннаго видно, насколько лыжи нижне-амурскихъ инородцевъ тунгусскаго племени, Ольчей, Гольдовъ и Самагирцевъ, превосходятъ гиляцкія, и насколько онѣ пригоднѣе для бѣга зимой по лѣснымъ и горнымъ дебрямъ. Устройство лыжъ у вышеназванныхъ инородцевъ, наравнѣ съ ихъ пищей и одеждой, доказываетъ слѣдовательно, что охота, несмотря на ихъ осѣдлый образъ жизни въ качествѣ рыболововъ, играетъ у нихъ гораздо болѣе важную роль, чѣмъ у Гиляковъ. Здѣсь невольно обращаютъ на себя вниманіе Ольчи, которые такъ много переняли отъ Гиляковъ, что почти ничѣмъ отъ нихъ не отличаются. Но при всемъ томъ въ строеніи своихъ лыжъ они сохраняютъ первоначальный тунгусскій типъ, изстари занесенный въ Амурскій край и значительно тамъ усовершенствованный.

Избытокъ снѣга въ Нижне-Амурскомъ краѣ обусловливаетъ употребленіе лыжъ до самыхъ южныхъ предѣловъ его. Миссіонеръ де-ла-Брюньеръ[1]), напримѣръ, упоминаетъ о проворствѣ и ловкости, съ какими уссурійскіе Гольды *(Юпи-татзе)* скользятъ на лыжахъ. Но этотъ способъ передвиженія существуетъ еще и дальше на югъ отъ Нижне-Амурскаго края. Уже въ давнее время разсказывалъ Витсенъ[2]) со словъ голландцевъ, въ половинѣ XVII вѣка бывшихъ въ плѣну у Корейцевъ, что тѣ зимой подвязываютъ себѣ къ ногамъ дощечки, которыя при ходьбѣ по глубокому снѣгу не даютъ въ него проваливаться.

Особенно важное значеніе имѣетъ для хозяйства первобытныхъ народовъ и для всей жизни ихъ способъ, какимъ они совершаютъ свои болѣе отдаленныя передвиженія по сушѣ.

---

1) Excursion en Mandchourie en 1845. (Nouv. Annales des Voyages, Vme Série. T. XVI, 1848. (T. IV), p. 110.

2) Noord en Oost Tartarye, 1705, p. 48.

Digitized by Google

Въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ въ Амурскомъ краѣ весьма разнообразныя и характеристическія явленія.

Гиляки больше всѣхъ другихъ амурскихъ инородцевъ ѣздятъ на собакахъ, и потому животное это занимаетъ въ ихъ жизни и хозяйствѣ гораздо болѣе важное мѣсто, чѣмъ у остальныхъ туземцевъ края. Собака одновременно служитъ имъ рабочимъ скотомъ, доставляетъ наиболѣе обыкновенный и любимый мѣхъ для одежды, а мясо ея Гиляки употребляютъ въ пищу. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи они, какъ мы уже видѣли, за исключеніемъ Аиновъ, не находятъ себѣ другихъ подражателей среди амурскихъ инородцевъ. Но и помимо того ни условія природы, ни складъ народной жизни ни у кого изъ нихъ не требуютъ такого множества собакъ для зимнихъ поѣздокъ, какъ у Гиляковъ. Въ хозяйствѣ, гдѣ собака замѣняетъ рабочій скотъ, необходимо при ея малой физической силѣ содержать ее въ большомъ количествѣ. А такъ какъ она принадлежитъ къ числу плотоядныхъ, то для прокормленія ея требуются большіе, постоянные запасы животной пищи, заготовлять которые могутъ только осѣдлые на морскомъ берегу или на большой рыбной рѣкѣ рыболовы, а не скитающіеся тамъ и сямъ охотники. Гиляки, какъ сказано выше, больше всѣхъ находятся подъ вліяніемъ такихъ условій. Въ ихъ рукахъ самая рыбная часть Амурскаго края; они завзятые рыболовы, ведутъ наиболѣе осѣдлый образъ жизни и, подстрекаемые дѣятельнымъ промышленнымъ духомъ, чаще другихъ предпринимаютъ зимнія поѣздки.

Гиляцкія собаки принадлежатъ къ той же породѣ, которая распространена по всей Сибири, и вмѣстѣ съ Эскимосами перешла и въ Сѣверную Америку. Длинношерстыя, съ короткими ушами, похожія на волка онѣ бываютъ всевозможныхъ мастей: черныя, бѣлыя, бурыя, рыжія, какъ лисицы, пѣгія и чаще всего, подобно волку, сѣровато-желтыя. По сравненію съ собаками полярныхъ странъ на востокѣ Сибири, по берегамъ Яны и Индигирки, а также и съ бывшими камчатскими, экземпляры которыхъ и по сихъ поръ существуютъ [1]), гиляцкія собаки небольшого роста. Гиляки ничего не дѣлаютъ для усовершенствованія ихъ породы. Они не заботятся о подборѣ для приплода самыхъ сильныхъ и крупныхъ экземпляровъ и считаютъ излишнимъ уходъ за щенками. Но всего больше способствуетъ вырожденію у нихъ собакъ дурное обращеніе съ матками. Гиляки не употребляютъ ихъ для ѣзды, и потому не считаютъ нужнымъ кормить ихъ наравнѣ съ кобелями. Послѣднихъ кормятъ по возможности правильно — зимой ежедневно, лѣтомъ — черезъ день. Первымъ же зимой лишь время отъ времени даютъ пищу настолько, чтобы онѣ не околѣвали, а лѣтомъ имъ предоставляютъ самимъ пробавляться. Худыя и голодныя бродятъ онѣ въ юртахъ и вокругъ и съ жадностью бросаются на всевозможные отбросы.

---

1) Лѣтомъ 1854 года я видѣлъ въ Петропавловской гавани два очень крупныхъ экземпляра этой породы; они были доставлены губернатору изъ внутренней части полуострова. Къ той же камчатской породѣ принадлежала и собака, еще не достигшая полнаго роста, которую мнѣ однажды удалось измѣрить. Она имѣла отъ оконечности морды до хвоста 11 дециметровъ, изъ нихъ 4 приходились на голову и шею до загривка. А вышина ея доходила до 8 дециметровъ.

Digitized by Google

Пища гиляцкихъ собакъ, какъ и хозяевъ ихъ, состоитъ почти исключительно изъ рыбы. На кормъ имъ идутъ всѣ виды ея, большими массами періодически появляющіеся у морского берега и въ рѣкахъ, и въ зависимости отъ которыхъ находится существованіе самихъ Гиляковъ. Это разнаго рода лососевыя рыбы, преимущественно кета и горбуша *(лыги и тенги-чо, Salmo lagocephalus и Salmo Proteus)*, а на морскомъ берегу зимою и вахня *(канги-чо, Gadus Wachnja)*. Но послѣдняя, какъ мы видѣли, очень мелка, а потому и въ качествѣ собачьяго корма тоже далеко уступаетъ двумъ первымъ. Спеціально для собакъ предназначается вышеупомянутый *харкъ*, т. е. та часть рыбы, которая состоитъ изъ головы и хребта съ остатками на немъ мяса [1]). И только въ случаяхъ полнаго истощенія запасовъ харка на кормъ собакамъ идетъ также и юкола. Дополненіемъ иногда служатъ тюленье и бѣлужье мясо, а у моря мясо и жиръ китовъ, которыхъ волны выбрасываютъ на берегъ. Весь кормъ вообще предлагается собакамъ вареный, а не сырой, какъ то дѣлаютъ русскіе. Единственное исключеніе изъ этого правила составляетъ китовое мясо, которое, какъ мы уже говорили, Гиляки по суевѣрію не допускаютъ въ свои юрты. И кормленіе происходитъ не на открытомъ воздухѣ, а внутри жилищъ. Какъ и всѣ другія домашнія работы, оно лежитъ на обязанности женщинъ. Въ чадрыфѣ собакъ кормятъ на нарочно предназначенномъ для того столѣ (по гил. *кыль*), который расположенъ или въ углу, или посрединѣ юрты, въ торыфѣ — на площадкѣ очага. Приготовленіе корма для собакъ составляетъ одну изъ первыхъ дневныхъ обязанностей женщинъ. Какъ скоро варка похлебки въ одномъ изъ большихъ котловъ подходитъ къ концу, на край стола или площадки у очага ставятъ пару длинныхъ корытъ. Затѣмъ отворяются двери, и собаки, находящіяся на дворѣ на привязи на ремняхъ и цѣпяхъ, впускаются. Голодныя животныя врываются въ юрту, сбивая другъ друга съ ногъ, вспрыгиваютъ на *кыль* и тѣснятся на немъ или на полу вокругъ корытъ. Женщины большими уполовниками [2]) черпаютъ кипучую похлебку изъ котла, наполняютъ ею ведра и выливаютъ въ корыта. Вся свора разомъ съ жадностью кидается на пищу. Перебивая одна другую, каждая собака старается побольше захватить себѣ. Между сосѣдями затѣвается свирѣпая драка. Женщины и дѣти, которыя тутъ стоятъ и держатъ собакъ на ремняхъ и цѣпяхъ, усмиряютъ грызущихся ударами палки по головѣ. На табл. XII изображено кормленіе собакъ у Гиляковъ въ одномъ большомъ китайскомъ зимникѣ. Въ тѣсной подземной юртѣ, гдѣ низкія нары только узкимъ проходомъ отдѣляются отъ площадки очага, въ моментъ кормленія собакъ для людей почти не остается мѣста. Холодный воздухъ, широкой струей врывающійся въ открытыя двери, и чадъ отъ дымящейся похлебки, съ своей стороны, конечно тоже мало содѣйствуютъ благосостоянію присутствующихъ въ юртѣ. Когда собаки на отдыхѣ въ промежутки между путешествіями, это ихъ единственное кормленіе въ теченіе дня, но и оно не отличается обиліемъ, если запасы корма начинаютъ подходить къ концу. Въ бытность мою въ деревнѣ Тыкѣ на Сахалинѣ,

---

1) Русскіе на Амурѣ и въ Сибири называютъ ее просто костью, что оно и есть на самомъ дѣлѣ.

2) См. Табл. XXXIV, фиг. 6.

Digitized by Google

напримѣръ, собакамъ давали только похлебку изъ малаго количества юколы и оленьяго моха, съ незначительной примѣсью тюленьяго жира. При еще бо̀льшемъ истощеніи запасовъ собакъ кормятъ уже черезъ день. Но въ дорогѣ Гиляки гораздо заботливѣе относятся къ своимъ собакамъ. Проводя часто обѣденный часъ вдали отъ жилья, гдѣ собаки получаютъ свой кормъ обычнымъ порядкомъ, путешествующій Гилякъ по два раза въ день, въ полдень и на ночь, даетъ имъ понемногу кости или юколы. Но русскіе и въ дорогѣ только разъ въ день кормятъ своихъ собакъ — всегда на мѣстѣ ночлега и одною только костью или сухой юколой. Такимъ образомъ русскія собаки можетъ быть еще больше гиляцкихъ ихтіофаги. Какъ то разъ, за недостаткомъ другой пищи, я велѣлъ имъ дать лосины, но онѣ отказались ее ѣсть. И только болѣе продолжительный и жестокій голодъ дѣлаетъ собакъ всеядными. Лѣтомъ, напримѣръ, на Амурѣ не легко бываетъ уберечь отъ нападеній голодныхъ туземныхъ собакъ тѣ изъ своихъ пожитокъ, которые имѣютъ какое либо отношеніе къ животному царству, какъ то: рыбью кожу, мѣховыя одѣяла, сапоги, и т. д.

Вмѣстѣ съ взрослыми собаками и щенковъ кормятъ въ юртѣ. На Сахалинѣ ихъ даже постоянно держатъ въ домѣ, отводя имъ мѣсто на задней части наръ, подъ самымъ угломъ крыши. Въ этомъ болѣе тщательномъ уходѣ за щенками на Сахалинѣ, должно полагать, кроется причина того, что тамошнія собаки, особенно у Гиляковъ въ долинѣ р. Тымы, оказываются самыми рослыми и лучшими въ странѣ.

Возвратясь изъ путешествія, хозяинъ собакъ совсѣмъ перестаетъ о нихъ заботиться. Уходъ за ними и кормленіе ихъ тогда предоставляется исключительно женщинамъ и дѣтямъ. Такая отчужденность животнаго отъ хозяина постепенно притупляетъ или по крайней мѣрѣ не даетъ въ немъ развиваться личной привязанности, вѣрности, бдительности, однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ свойствамъ, какими отличается собака тамъ, гдѣ ее содержатъ болѣе или менѣе въ одиночку, какъ товарища, почти друга человѣка. И у русскихъ мы видимъ то же самое по отношенію къ ихъ сибирскимъ рабочимъ собакамъ. Такимъ образомъ объ этихъ животныхъ, въ большомъ количествѣ содержимыхъ для упряжи и болѣе или менѣе подчиненныхъ одному общему для всѣхъ режиму, можно сказать, что онѣ, по сравненію съ охотничьей или сторожевой собакой, стоятъ на низшей степени развитія или были постепенно на нее низведены. Если у нихъ еще существуетъ кое какая привязанность, то развѣ только къ мѣсту или къ жилью, гдѣ ихъ кормятъ. И дѣйствительно, даже предоставленныя самимъ себѣ, онѣ рѣдко сбѣгаютъ. Въ случаяхъ же, когда сани по несчастью опрокидываются и возничій (въ Сибири *каюръ*) съ нихъ срывается, оставшіяся безъ руководителя собаки, обыкновенно возвращаются домой или въ ближайшую деревню [1]). Но гиляцкимъ собакамъ въ этомъ отношеніи еще значительно уступаютъ собаки русскихъ на Амурѣ, которые, хотя пріобрѣтаютъ ихъ у Гиляковъ, однако иначе ихъ содержатъ и кормятъ внѣ дома.

---

1) По свидѣтельству Зуева (см. Pallas, Reise durch verscb. Prov. des Russ. Reichs, Bd. III, p. 44) и Остяки на нижней Оби держатъ рабочихъ собакъ на открытомъ воздухѣ, но кормятъ ихъ всегда въ юртѣ.

Digitized by Google

Гиляцкія сани *(ту)* отличаются весьма своеобразной формой и устройствомъ. По сравненію съ русско-сибирской нартой (русскіе такъ называютъ сани, въ которыхъ ѣздятъ на собакахъ), онѣ очень тонкой и легкой постройки, щеголеваты, но притомъ, благодаря своей упругости, не менѣе прочны. Ихъ форма и устройство всегда одинаковы, но величина колеблется, и при постройкѣ ихъ повидимому соблюдается извѣстное соотвѣтствіе между размѣрами отдѣльныхъ частей. Когда Гиляки, въ бытность мою въ Николаевскѣ, за чѣмъ либо туда пріѣзжали, домъ, гдѣ я жилъ, служилъ для нихъ мѣстомъ остановки, и въ коридорѣ его имъ предоставлялось, на все время ихъ пребыванія въ посту, ставить свои распряженныя нарты. Такимъ образомъ я имѣлъ много случаевъ близко познакомиться съ строеніемъ и съ размѣрами этого рода повозокъ. На табл. XXXVI, фиг. 1 изображена обыкновенная гиляцкая нарта, которую мнѣ удалось измѣрить. Вотъ ея размѣры: длина 14 футовъ, 8 дюймовъ (русскихъ или англійскихъ), ширина 1′4″, вышина посрединѣ (съ полозомъ, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь) 11″. Изъ этого слѣдуетъ, что ширина гиляцкой нарты равнялась $^1/_{11}$ ихъ длины, а вышина $^1/_{16}$. Строеніе ихъ въ общемъ и въ подробностяхъ слѣдующее. Узкіе и тонкіе полозья (по гиляцки *тускръ*, см. на рисункѣ *a*) только посрединѣ образуютъ горизонтальную линію, а съ обоихъ концевъ слегка приподняты надъ землей. Они очень тонки, и потому легко стирались бы при ѣздѣ. Во избѣжаніе этого, и чтобы въ то же время содѣйствовать правильному закругленію ихъ оконечностей, подъ всей средней горизонтальной частью ихъ находится еще по другому предохранительному полозу (*мотасъ*, см. на рисункѣ *b*). Онъ прикрѣпленъ къ главнымъ полозьямъ деревянными гвоздями, а по своимъ сильно срѣзаннымъ концамъ еще и ремнями. Предохранительный полозъ обыкновенно тоже деревянный, и въ случаѣ порчи легко замѣняется новымъ. Но весною, когда тающій на солнцѣ снѣгъ, къ нему прилипая, сильно затрудняетъ ѣзду, къ нартѣ, вмѣсто деревянныхъ предохранительныхъ полозьевъ, прикрѣпляютъ другіе изъ китовой кости, или тотъ же деревянный полозъ обшиваютъ еще полоской изъ китоваго уса, какъ я не разъ видѣлъ на Сахалинѣ, гдѣ болѣе доступенъ этотъ матеріалъ[1]). Всего своеобразнѣе въ гиляцкой нартѣ то, что, поставленная вмѣстѣ съ предохранительнымъ полозомъ на

---

1) Значительной длины полоски изъ китоваго уса въ данномъ случаѣ доставляетъ, какъ сказано въ первой части настоящаго труда особая порода кита, по гиляцки *кальмъ*, подъ которымъ надо разумѣть Balaena australis Desmoul. Полоски же изъ китовой кости обыкновенно добываются изъ нижней челюсти или изъ реберъ Balaenoptera longimana Rud. (по гиляцки *кемъ*), всего чаще встрѣчающагося у береговъ Охотскаго моря. Предохранительный полозъ изъ китовой кости или китоваго уса въ большомъ ходу также и у русскихъ въ Сибири, особенно при поѣздкахъ по ледяной поверхности моря, покрытой разсоломъ (Врангель, Путеш. по сѣв. бер. Сибири и по Ледов. морю Т. II, стр. 238). По свидѣтельству Шроота въ «Лейпцигскомъ Ежедневникѣ» («Leipziger Tageblatt»), костяные предохранительные полозья (Schlittenläufe), а также костяные коньки, были нѣкогда въ употребленіи во многихъ мѣстностяхъ Германіи, напримѣръ, въ Бранденбургѣ, въ иныхъ баварскихъ округахъ, въ Зальцкаммергутѣ, и т. д. Мало того, такіе костяные предметы неоднократно находились и при раскопкахъ въ Скандинавіи, въ Исландіи, на Зеландскихъ Островахъ, въ Фрисландіи, Помераніи, Бранденбургѣ, Моравіи, даже среди свайныхъ построекъ въ Швейцарскихъ озерахъ. (St.-Petersburger Zeitung 1880, № 58).

Digitized by Google

гладкую поверхность земли, она касается ея лишь незначительной, а именно только четвертой частью всей своей длины, между тѣмъ какъ оба конца ихъ довольно высоко приподняты надъ землей. Въ измѣренной мною нартѣ, напримѣръ, концы эти возвышались надъ землей на 1 футъ, 10 дюймовъ. Отъ одного конца полозьевъ, образующихъ легкую дугу, къ другому тянутся двѣ продольныя жерди (по гил. *кити*, см. на рис. *c*), составляющія раму плоскаго кузова, который служитъ для сидѣнія и для поклажи. Средняя часть рамы покоится на плоскихъ столбикахъ (по гил. *ихъ*, см. на рис. *d*), впущенныхъ въ полозья. У концевъ нарты рама кромѣ того еще соединена съ полозьями тоже пропущенными сквозь нихъ поперечными перекладинами (по гил. *керни*, см. на рис. *h*). Число *ихов* у обыкновенной нарты, какая изображена на табл. XXXVI, доходитъ до 5, а у нарты меньшихъ размѣровъ ихъ бываетъ только по 4. Широкіе съ концевъ, они къ срединѣ съуживаются. Разстояніе, на какомъ эти столбики находятся другъ отъ друга и оконечностей нарты, повидимому имѣетъ свою опредѣленную норму. У нарты, гдѣ ихъ пять, средній столбикъ приходится какъ разъ на половинѣ, остальные отстоятъ одинъ отъ другого на 1′ 10″, слѣдовательно, на $^1/_8$ всей длины нарты. А разстояніе между крайними столбиками (спереди и сзади) и оконечностями нарты вдвое больше, а именно равняется 3′ 8″ или съ каждой стороны $^2/_8$ всей длины нарты. Нарта касается гладкой поверхности земли только тою частью полозьевъ, которая приходится между среднимъ и ближайшимъ къ нему съ каждой стороны *ихами*, т. е. только четвертой частью всей своей длины. Остальныя три четверти нарты болѣе или менѣе приподняты надъ землей, и только, когда парта нагружена, полозья ея и дальше приходятъ въ соприкосновеніе съ почвой. Предохранительный полозъ простирается за крайніе *ихи*, а иногда доходитъ почти до самаго конца главныхъ полозьевъ. Противоположные *ихи* на нихъ соединены между собой сверху перекладинами (по гил. *тынысъ*, см. на рис. *e*), которыя поддерживаютъ длинные прутья (по гил. *турсъ*, см. на рис. *f*), составляющіе дно кузова. У каждой перекладины прутья привязаны къ ней ремнями, а у передней и задней четверти нарты, гдѣ пѣтъ перекладинъ, они переплетены двумя рядами ремней, прохватывающихъ раму. Въ заключеніе концы прутьевъ пропущены сквозь дырки, нарочно для того просверленныя въ перекладинѣ (по гил. *вар(о)съ*, см. на рис. *g*), которая почти у самыхъ оконечностей нарты, неподалеку отъ *керни*, соединяетъ между собой продольныя жерди рамы. Къ тѣмъ же жердямъ и нѣсколько выше къ концамъ полозьевъ за послѣдней перекладиной спереди нарты и позади, привязано ремнемъ по деревянной дугѣ (по гил. *михъ*, см. на рис. *i*) въ приподнятомъ положеніи. Спереди у полозьевъ, подъ самой дугой, находится ремень, къ которому припрягаютъ собакъ. У задней дуги — ремень, за который Гиляк держится руками или прикрѣпляетъ его себѣ къ поясу въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдуетъ за санями на лыжахъ. Такимъ образомъ собаки влекутъ его за собой и не могутъ убѣжать безъ него. Иногда задняя дуга отсутствуетъ, и тогда концы нарты между собой не схожи, но въ большинствѣ случаевъ они одинаковы. Всѣ части гиляцкой нарты изготовляются изъ березы (какъ изъ Betula alba L., по гил. *хивзъ*, такъ и изъ B. Ermani Cham., по гил. *кедразъ*), которую на Сахалинѣ даже называютъ *тулытынт-чхаръ*, т. е. санное дерево. Исключеніе

Digitized by Google

составляютъ двѣ дуги и кузовъ саней: для первыхъ употребляютъ особенно гибкое дерево крушины; для второго — или крушинные же, или ивовые прутья.

Изъ всего этого видно, что главное свойство гиляцкой нарты — ея легкость. Въ ней полное отсутствіе желѣза. Она состоитъ исключительно изъ тонкихъ пластовъ отборнаго дерева, которые тщательно другъ къ другу прилажены и мѣстами скрѣплены ремнями. Слѣдствіемъ этого является упругость, которою обусловливается ея выносливость даже при ѣздѣ по крайне неровной почвѣ, среди лѣсовъ и по многочисленнымъ шероховатостямъ ледяной поверхности рѣкъ и морей. Но нарта эта не приспособлена для большихъ тяжестей, и въ этомъ она значительно уступаетъ русско-сибирской нартѣ. Послѣдняя — бо̀льшихъ размѣровъ и на широкихъ полозьяхъ. Въ основѣ ея строенія тотъ же принципъ, что и въ строеніи лыжъ. Тутъ на первомъ планѣ равномѣрное распредѣленіе тяжести на наивозможно болѣе обширной плоскости. Затѣмъ наивозможно бо̀льшее устраненіе всякаго противодѣйствія легкому движенію впередъ. Съ этой цѣлью полозья передъ отправленіемъ въ путь натираются мокрой тряпкой, отчего они покрываются легкимъ слоемъ льда, который до извѣстной степени замѣняетъ имъ мѣховую обшивку на лыжахъ[1]). Узкіе полозья гиляцкой нарты, именно благодаря своей узкости, терпятъ меньше отъ тренія, и потому не нуждаются, чтобы ихъ покрывали ледяной корой. Но зато нарта эта и не исполняетъ вышеупомянутаго важнаго условія, а именно не представляетъ для распредѣленія тяжести наивозможно бо̀льшей плоскости. А потому она, и слегка нагруженная, слишкомъ глубоко врѣзывается въ снѣгъ и уже не можетъ такъ легко скользить. Соотвѣтственно своей легкости и своимъ относительно малымъ размѣрамъ, гиляцкая нарта вообще представляетъ и мало пространства для поклажи, такъ какъ имѣетъ очень плоскій кузовъ. Глубина его ограничивается толщиной продольныхъ жердей рамы, насколько тѣ возвышаются надъ прутьями, составляющими дно кузова, а это очень мало. Для предохраненія груза отъ паденія съ нарты, на ней предварительно разстилаютъ брезентъ изъ рыбьихъ шкуръ (по гил. *мычъ*), располагаютъ на немъ поклажу и закрываютъ ее концами его. Затѣмъ все это отдѣльно и вмѣстѣ съ нартой много разъ крестъ на крестъ перевязывается длиннымъ ремнемъ; въ дальнемъ путешествіи подъ ремень просовываютъ необходимое оружіе: копье, рогатину. При нагрузкѣ нарты, въ поклажѣ надъ крайнемъ *ихомъ* устраиваютъ впадину для сидѣнія. Ее покрываютъ прикрѣпленной къ нартѣ шкурой (по гил. *тывзь*) съ головы медвѣдя (по гил. *котр-нгар-тывзь*) или оленя (по гил. *тох-чонгр-тывзь*). Отправляющійся въ путь Гиляк̀ъ, съ малыми лыжами на ногахъ садится сюда верхомъ (см. табл. XXXVII).

Гиляцкій способъ запряжки собакъ при ѣздѣ на саняхъ крайне простъ и первобытенъ. На длинномъ ремнѣ вожжѣ (по гил. *нычъ*, табл. XXXVI, фиг. 2), свитомъ изъ полосокъ тюленьей шкуры, то съ той, то съ другой стороны попеременно чередуются на равныхъ разстояніяхъ ошейники или хомуты (по гил. *халъ*) изъ той же шкуры (см. табл. XXXVI, фиг. 3). Подобный же ошейникъ, только безъ подвижного желѣзнаго кольца, какъ у пер-

1) Этому же содѣйствуютъ вышеупомянутыя обшивки полоза китовымъ усомъ или китовой костью.

Digitized by Google

выхъ, находится и на концѣ ремня (по гил. *латъ*), который еще удлиняетъ вожжу. Послѣдній изъ этихъ хомутовъ надѣвается черезъ голову передовой собакѣ, остальные тѣмъ же способомъ другимъ животнымъ, участвующимъ въ ѣздѣ — вотъ и все. Такимъ образомъ запряжка собакъ у Гиляковъ длится всего нѣсколько минутъ. Въ торжественныхъ и праздничныхъ случаяхъ, каковы, напримѣръ, свадебные поѣзда, собачьи бѣга на медвѣжьихъ празднествахъ, собакамъ, вмѣсто обычныхъ хомутовъ, надѣваютъ болѣе нарядные (по гил. *рюскъ*) съ торчащими къ верху китайскими плетешками изъ конскаго волоса и съ кистями изъ окрашенной въ красный цвѣтъ овечьей или козьей шерсти (см. табл. XXXVI, фиг. 4 и 5). Для большей наглядности предлагаемъ здѣсь рисунокъ головы собаки въ праздничномъ хомутѣ. Главный недостатокъ гиляцкой упряжи въ томъ, что собакѣ приходится тянуть шеей, вслѣдствіе чего она при сильномъ напряженіи или возбужденіи легко подвергается удушенію. Въ этомъ отношеніи гиляцкій способъ запряжки значительно уступаетъ русскому, который въ ходу во всей восточной Сибири и на Амурѣ также. У русскихъ собаки тянутъ грудью, и въ этомъ вѣроятно причина, почему онѣ менѣе гиляцкихъ устаютъ и не такъ скоро изнемогаютъ. За то гиляцкая упряжь не такъ легко приходитъ въ безпорядокъ, а если это и случается, то безъ труда опять приводится въ надлежащій видъ. Въ русской же упряжи собаки, за исключеніемъ передней, бѣгутъ не въ одиночку, а попарно. Каждое животное двумя ремнями прикрѣплено къ главному ремню. Съ помощью задняго ремня собака тянетъ сани, а передній не даетъ ей уклоняться въ сторону. При возбужденномъ состояніи собакъ такая упряжь легко путается: то обѣ собаки въ парѣ сбиваются на одну сторону, то одна изъ нихъ перекидываетъ ногу черезъ ремень, и т. д. А въ случаяхъ столкновенія при встрѣчѣ двухъ саней, особенно гиляцкихъ съ русскими, происходитъ невообразимая сумятица. Собаки во встрѣчныхъ повозкахъ яростно кидаются другъ на друга. Двадцать и болѣе животныхъ смѣшиваются въ одну кучу, кусаются, грызутся. Возничіе, разнимая дерущихся съ обѣихъ сторонъ, изо всѣхъ силъ дергаютъ ремнями и осыпаютъ собакъ градомъ палочныхъ ударовъ. Упряжь, особенно русская, вся спутывается и подвергается большимъ опустошеніямъ. Поэтому, и русскіе, и Гиляки старательно избѣгаютъ такихъ столкновеній, для чего дѣлаютъ объѣзды, сворачиваютъ въ сторону, пріостанавливаютъ сани, сдерживая и осаживая собакъ, особенно передовую.

Украшенная *рюскомъ* голова собаки.

Желая задержать ходъ нарты или совсѣмъ остановить ее, Гиляки прибѣгаютъ къ помощи двухъ палокъ съ желѣзными наконечниками (по гил. *кауръ*, по русско-сибирски *остолъ*). Они для того вонзаютъ ихъ въ снѣгъ по обѣ стороны передъ нартою. Гиляки не привѣшиваютъ къ верху этихъ палокъ бубенчиковъ, какъ то дѣлаютъ русскіе въ Кам-

Digitized by Google

чаткѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Сибири. Такимъ образомъ, гиляцкія животныя не знакомы со способомъ подстреканія ихъ къ болѣе быстрому бѣгу, звономъ бубенчиковъ. А потому и русскимъ на Амурѣ, которые пріобрѣтаютъ своихъ собакъ отъ Гиляковъ и другихъ туземцевъ, въ свою очередь пришлось отказаться отъ этого обычая. Впрочемъ русскіе, при появленіи признаковъ утомленія у собакъ, прибѣгаютъ къ другимъ средствамъ подстреканія, которыя однако тоже не въ ходу у Гиляковъ. Такъ, напримѣръ, они иногда кидаютъ оштолъ въ лѣнивое, по ихъ мнѣнію, животное. Гиляки этого не дѣлаютъ уже потому, что сидя верхомъ на нартѣ, не могутъ такъ легко, какъ русскіе возничіе, соскакивать съ нея чтобы поднимать палку [1]). Русскіе еще подстрекаютъ изнемогающихъ собакъ, бросая передъ ними по дорогѣ кусочки юколы. Гиляки и въ этомъ не подражаютъ имъ: они слишкомъ дорожатъ своими собаками, чтобы черезъ мѣру утомлять ихъ. Если обычное понуканіе (*тахъ, тахъ*) перестаетъ оказывать дѣйствіе, Гилякъ слѣзаетъ съ саней, продолжаетъ путь на лыжахъ и тянетъ за собой собакъ. Впрочемъ, сидя на нартѣ верхомъ съ лыжами на ногахъ, онъ и во время ѣзды можетъ болѣе или менѣе помогать собакамъ. Случится ли полозьямъ слишкомъ глубоко врѣзаться въ снѣгъ или наткнуться на какое либо препятствіе, Гилякъ приподнимается на лыжахъ и держится на нихъ все время, пока собаки вывозятъ сани, такимъ образомъ облегченныя отъ главной тяжести. Когда собаки вязнутъ въ слишкомъ глубокомъ и рыхломъ снѣгу, Гилякъ, скользя передъ ними на лыжахъ, прокладываетъ имъ болѣе гладкій и твердый путь [2]). Если же нарта все еще недостаточно облегчена, чтобы безпрепятственно слѣдовать по неровной дорогѣ, съ покатостями то въ ту, то въ другую сторону, возничій самъ впрягается въ повозку. Тогда поперекъ нарты къ передней части ея прикрѣпляютъ палку съ двумя продольными слегка приподнятыми къ верху жердями (по гил. *тедфъ*). Такимъ образомъ получается родъ оглоблей, между которыми помѣщается Гилякъ на лыжахъ. Онъ берется за концы жердей и, приподнимая то ту, то другую, не даетъ нартѣ опрокинуться и въ то же время помогаетъ ее тянуть. Ремень, къ которому припряжены собаки, проходитъ у него между ногъ или, какъ мнѣ это тоже случалось видѣть, прикрѣпляется къ его поясу. Иногда впрочемъ Гилякъ и безъ нарты даетъ себя тащить собакамъ по гладкой ледяной или снѣжной поверхности. Стоя на лыжахъ, онъ держитъ на вожжѣ пару собакъ и понукаетъ ихъ къ бѣгу, который, если онъ направленъ къ дому, отличается неимовѣрной быстротой. Стараясь облегчить своимъ собакамъ трудъ при ѣздѣ, Гилякъ не

---

1) Эти послѣдніе или «каюры», какъ ихъ называютъ на Амурѣ, въ Камчаткѣ и вообще въ Сибири, всегда сидятъ на саняхъ бокомъ справа и всякій разъ, какъ въ томъ встрѣчается надобность, могутъ легк ососкакивать. А это имъ часто приходится дѣлать хотя бы для того, чтобы отпихивать сани въ ту или другую сторону отъ снѣжихъ собачьихъ испражненій, такъ какъ, проходя по нимъ, полозья утрачиваютъ свою способность легко скользить. Недосмотръ въ этомъ отношеніи влечетъ за собой остановку: приходится опрокидывать сани на бокъ, очищать полозья и даже, если возможно, покрывать ихъ новымъ слоемъ ледяной коры.

2) То же, впрочемъ, случается и съ русскими санями на широкихъ полозьяхъ. Во время моего путешествія по Сахалину мнѣ самому разъ пришлось, предшествуя санямъ на лыжахъ, длинной палкой ощупывать путь, занесенный метелью, и вновь его прокладывать.

Digitized by Google

меньше заботится и о доставленіи имъ во время путешествія необходимаго отдыха ночью. Если ночлегъ невозможенъ въ какой либо деревнѣ, Гилякъ, ночуя на открытомъ воздухѣ, устраиваетъ для своихъ собакъ такое же точно ложе, какъ для себя. Отъ нарты отцѣпляютъ ремень съ собаками и привязываютъ къ дереву. Для каждаго животнаго вырываютъ въ снѣгу на соотвѣтственномъ разстояніи яму и выкладываютъ ее ельникомъ. Такимъ образомъ по слѣдамъ, остающимся отъ подобныхъ приваловъ, всегда легко съ точностью опредѣлить число нартъ и собакъ, тутъ ночевавшихъ.

Обычай содержать собакъ для ѣзды въ саняхъ, который нынѣ отражается на всемъ складѣ гиляцкой жизни, не составляетъ у этого народа явленія, относительно новаго, заимствованнаго у кого либо изъ другихъ туземныхъ жителей Амурскаго края. Онъ, напротивъ, присущъ Гилякамъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ. То же самое повторяется и съ прочими палэазіатскими народами по отношенію къ другимъ сосѣднимъ съ ними племенамъ. Всѣ они, съ искони вѣковъ, рыболовы или когда либо были ими, и единственное домашнее животное ихъ, собака, главнымъ образомъ служитъ имъ для передвиженій. Но и здѣсь нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобы обычай этотъ былъ заимствованъ у кого либо изъ сосѣднихъ народовъ, и нѣтъ повода предполагать возможность этого.

У Аиновъ на Сахалинѣ собака вообще играетъ ту же роль, что и у Гиляковъ. Строеніе саней, собачья упряжь, содержаніе собакъ ничѣмъ не отличаются у нихъ отъ того, что мы уже видѣли у Гиляковъ [1]). Но Аины далеко не въ такой мѣрѣ, какъ послѣдніе, пользуются этимъ способомъ передвиженія. Причина тому кроется, какъ мы увидимъ дальше, конечно не только въ условіяхъ ихъ страны, менѣе благопріятныхъ для дальнихъ путешествій и ѣзды въ саняхъ, но всего больше въ томъ, что гнетъ японскаго ига сильно препятствуетъ развитію у нихъ торговли.

Изъ подробныхъ описаній Стеллера [2]) и Крашенинникова мы знаемъ, что камчатскіе Ительмены уже съ самыхъ давнихъ временъ употребляли собакъ для ѣзды, для чего выбирали самыхъ рослыхъ и сильныхъ и соотвѣтственно воспитывали ихъ. Камчатскія сани, не меньше гиляцкихъ, отличались легкостью, прочностью и упругостью. Но въ противоположность низкимъ и плоскимъ гиляцкимъ санямъ, камчатскія имѣли высокій и соотвѣтственно глубокій кузовъ, на которомъ возничій помѣщался бо̀льшей частью бокомъ и лишь изрѣдка верхомъ. Позже и русскіе въ Камчаткѣ усвоили себѣ этотъ родъ саней, которыя у нихъ и по сихъ поръ въ ходу [3]). Кромѣ того они, уже во время Стеллера, употребляли преимущественно для перевозки большихъ тяжестей между прочимъ и вышеупомянутыя длинныя сани на широкихъ полозьяхъ или нарты [4]), какія повсемѣстно встрѣчаются въ Си-

1) Н. Буссе, Остр. Сахалинъ и Экспед. 1853 и 1854 гг. С.-Петербургъ 1872, стр. 54. Изъ рукописныхъ путевыхъ замѣтокъ Рудановскаго видно, что и у Аиновъ на Сахалинѣ тоже въ употребленіи оглобли въ случаяхъ, когда движеніе саней, благодаря дурной дорогѣ, особенно затруднительно.

2) Beschreibung von dem Lande Kamtschatka p. 132 ff., 370 ff.

3) Въ Этнографическомъ музеѣ Академіи хранятся нѣсколько экземпляровъ такихъ саней, доставленныхъ сюда изъ Камчатки еще въ прошломъ столѣтіи.

4) Стеллеръ (стр. 370) называетъ ихъ «нардами».

Digitized by Google

бири. Изъ этого можно заключить, что русскіе еще до прибытія своего въ Камчатку уже ѣздили на собакахъ. Во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого повода предполагать, какъ то дѣлаетъ Матюшкинъ[1]), что только Камчадалы научили ихъ тому. Русскіе, и до занятія ими Камчатки, были въ соприкосновеніи съ народами, у которыхъ этотъ обычай существовалъ или самобытно съ давняго времени, или былъ позже заимствованъ у одного изъ сосѣднихъ племенъ. Не желая разрѣшать вопроса, у кого именно научились русскіе ѣздить въ саняхъ на собакахъ, замѣчу только, что они еще въ XVII вѣкѣ сталкивались съ Юкагирами на Янѣ, Индигиркѣ и Колымѣ. Этотъ палэазіатскій народъ тоже съ искони вѣковъ ѣздилъ на собакахъ, въ саняхъ своеобразной формы, нарочно приспособленныхъ для такой упряжи. О томъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ и экземпляръ саней, найденный на островѣ Котельномъ[2]), и о которомъ я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ[3]). Къ тому же на Янѣ и Индигиркѣ, какъ и въ Камчаткѣ, и въ позднѣйшія времена попадаются самыя рослыя и сильныя собаки[4]). Да и у русскихъ мы тамъ же видимъ самое широкое примѣненіе этого способа передвиженія къ дальнимъ путешествіямъ, напримѣръ, на Ново-Сибирскіе острова, и т. д.

Къ сѣверу отъ Камчатки существуетъ еще и другой палэазіатскій народъ, осѣдлые на Пенжинской губѣ и на Беринговомъ морѣ Коряки, у которыхъ собака тоже является единственнымъ домашнимъ рабочимъ животнымъ. Я уже говорилъ выше, что предки нынѣ кочующихъ Коряковъ и сродныхъ съ ними Чукчей (Онкилоны), нѣкогда имѣли постоянныя жилища, а именно подземныя юрты, и соотвѣтственно занимались рыболовствомъ и тюленьимъ промысломъ. Такимъ образомъ, ихъ единственнымъ домашнимъ животнымъ тоже могла быть только собака. И такъ продолжалось, пока не состоялось, благодаря надвигавшимся на нихъ съ юга и запада Тунгусамъ, знакомство ихъ съ домашнимъ оленемъ, ради котораго они и перемѣнили свой осѣдлый образъ жизни на кочевой.

Слѣдовательно отсутствіе другого домашняго животнаго кромѣ собаки — этого древнѣйшаго изъ всѣхъ животныхъ, когда либо прирученныхъ человѣкомъ — и употребленіе ея въ качествѣ рабочаго скота мы должны признать въ извѣстной мѣрѣ типическою бытовою чертой палэазіатскихъ народовъ, самыхъ древнихъ на сѣверо-востокѣ Азіи. Если мы у нихъ иногда встрѣчаемъ другое домашнее животное, какъ, напримѣръ, оленя у Чукчей и бродячихъ Коряковъ, то въ такихъ случаяхъ это всегда оказывается лишь пріобрѣтеніемъ позднѣйшаго времени, которое обусловливается соприкосновеніемъ съ какою либо болѣе молодымъ племенемъ.

---

1) Врангель, Путеш. по сѣв. бер. Сибири и по Ледовитому морю Ч. II, стр. 110, примѣчаніе.

2) И. Сарычевъ (Путеш. по сѣверовосточ. части Сибири Т. I, стр. 65) тоже сообщаетъ, что Юкагиры ѣздятъ на собакахъ.

3) Zur Vorgesch. der von der Akad. der Wissenschaft ausgerüsteten Expedition nach den Neusib. Ins. und dem Jana-Lande (Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reichs, 3 Folge, Bd. III p. 11—13).

4) Middendorff. Reise etc. Bd. IV p. 1296. Лучшія собаки находятся на р. Янѣ, затѣмъ на Индигиркѣ и наконецъ на Колымѣ. Геденштромъ Сибирск. Вѣсти. 1822 г., Ч. 19. Отд. III, стр. 156. Ср. также мое вышеупомянутое сочиненіе (Beiträge l. c. p. 29).

Digitized by Google

Не подлежитъ сомнѣнію, что, подобно другимъ палэазіатскимъ народамъ, и Эскимосы также имѣли въ собакѣ свое единственное домашнее животное, которое употребляли для ѣзды пока оставались на родной азіатской почвѣ. Съ нимъ перекочевали они и въ Америку. Занимаясь попрежнему рыболовствомъ, тюленьимъ промысломъ и пр., они распространились вдоль всего сѣвера этой части свѣта, отъ Берингова моря до Гренландіи. Этимъ объясняется странное на первый разъ явленіе, что въ Америкѣ нѣтъ, какъ въ старомъ свѣтѣ, народовъ, которые содержали бы въ своемъ хозяйствѣ ручныхъ оленей. А между тѣмъ и тамъ нѣтъ недостатка въ физическихъ для того условіяхъ, и олень нерѣдко встрѣчается въ дикомъ состояніи. Эскимосы часто за нимъ охотятся съ цѣлью добывать пищу и матеріалъ для одежды. Но въ той полосѣ Америки, гдѣ въ ней водится дикій олень, она все свое населеніе получила отъ группы азіатскихъ народовъ, которые тогда еще не были знакомы съ ручнымъ оленемъ и въ собакѣ имѣли свое единственное домашнее животное. Употребляя собакъ преимущественно для ѣзды въ упряжи, народы эти содержали ихъ въ большомъ количествѣ и лишь на той степени прирученности, гдѣ благородныя свойства личной преданности, вѣрности, бдительности все больше и больше притупляются, а хищныя наклонности этихъ животныхъ попрежнему могутъ проявляться при каждомъ удобномъ случаѣ. Уже одно это дѣлаетъ немыслимымъ всякую самостоятельную попытку со стороны этихъ народовъ приручить еще и другое животное, столь беззащитное передъ собакой, какъ олень[1]). Да и какъ могъ бы рыболовный народъ, подобный Эскимосамъ и другимъ палэазіатамъ, приручить животное, для котораго онъ не имѣетъ корма и ради котораго ему пришлось бы покинуть свои постоянныя жилища и измѣнить весь складъ своей жизни? Предки нынѣшнихъ кочующихъ Коряковъ и Чукчей тоже врядъ ли сами приручили оленей. Они, вѣроятно, получили ихъ уже прирученными отъ одного изъ кочующихъ племенъ, должно быть, какъ сказано выше, отъ Тунгусовъ. Что касается послѣднихъ, неизвѣстно, когда они и сами ли приручили этихъ животныхъ. Впрочемъ это кажется настолько правдоподобнымъ, насколько Тунгусы, соотвѣтственно своему первоначальному характеру бродячихъ охотниковъ, держали около себя собакъ, не въ большомъ количествѣ, какъ палэазіаты для упряжи — а въ одиночку, въ качествѣ вѣрнаго товарища и помощника на охотѣ, который въ то же время могъ сторожить оленье стадо своего хозяина. Этимъ вѣчно скитающимся охотникамъ было въ высшей степени важно подчинить себѣ животное, для пропитанія котораго требуется тоже частая перемѣна мѣста. Наконецъ этому могло содѣйствовать еще и то, что, кочуя по сѣверной и восточной окраинамъ центральной Азіи, они находились въ частомъ соприкосновеніи съ бродячими пастушескими племенами, которыя производили свои передвиженія съ помощью лошади и верблюда. Ло-

1) Въ тѣхъ мѣстахъ Сибири, гдѣ въ упряжи ходятъ собаки, по свидѣтельству Миддендорфа (Путешествіе на сѣв. и вост. Сибири, Ч. II, стр. 526), нѣтъ возможности разводить ни овецъ, ни домашней птицы, и даже телятамъ угрожаетъ постоянная опасность. Въ Камчаткѣ нападенія, какимъ подвергается отъ собакъ не только домашняя птица, но и свиньи и коровы, послужили поводомъ къ тому, что послѣднихъ стали на лѣтнее время удалять изъ Петропавловской гавани въ другія мѣста, какъ это и теперь практикуется.

Digitized by Google

шадь, насколько извѣстно, вѣроятно этимъ путемъ вошла въ употребленіе у нѣкоторыхъ тунгусскихъ племенъ, какъ напримѣръ у Манегирцевъ на верхнемъ Амурѣ. А это, въ свою очередь, могло и другихъ ихъ соплеменниковъ, жившихъ дальше на сѣверъ и въ горахъ, навести на мысль о подчиненіи себѣ для ѣзды и перевозки тяжестей, вмѣсто лошади, одного изъ туземныхъ животныхъ — оленя. Наконецъ, какъ бы то ни было, олень является животнымъ, наиболѣе подходящимъ къ общему складу жизни Тунгусовъ. А Тунгусы, въ свою очередь, могутъ быть по преимуществу названы народомъ оленнымъ, который, благодаря своему распространенію по разнымъ частямъ свѣта, крайне расширилъ для оленя предѣлы его родины и упрочилъ за нимъ права гражданства у сосѣднихъ племенъ, до Коряковъ и Чукчей включительно съ одной стороны и Самоѣдовъ и Лапландцевъ съ другой. Мы уже говорили выше[1]) и впереди будемъ говорить еще подробнѣе о томъ, какъ отдѣльныя волны движенія оленныхъ кочевниковъ проникли на Сахалинъ и въ Камчатку — Америка же была и осталась для нихъ недоступною. Итакъ, если эта страна свѣта, несмотря на изобиліе въ ней оленей въ дикомъ состояніи, не имѣетъ среди своихъ народовъ оленныхъ кочевниковъ, мнѣ кажется, это находитъ себѣ достаточное объясненіе въ ея вышеупомянутыхъ этнографическихъ и географическихъ условіяхъ, совершенно отличныхъ отъ того, что мы видимъ въ старомъ свѣтѣ.

Позволю себѣ еще одно замѣчаніе объ американскихъ палэазіатахъ, которые ѣздятъ на собакахъ — объ Эскимосахъ. Какъ бы ни была существенна польза отъ собаки въ предѣлахъ распространенія Эскимосовъ[2]), ѣзда на ней въ упряжи, однако, нигдѣ не достигаетъ тамъ такихъ размѣровъ, какъ въ старомъ свѣтѣ[3]). Въ Америкѣ ѣзда эта еще всего больше распространена по ту сторону побережьямъ Берингова пролива, по бассейнамъ рыбныхъ рѣкъ Квихпака и Кускоквима, которыя ближе лежатъ къ первоначальной родинѣ Эскимосовъ и гдѣ самобытный характеръ послѣднихъ достигъ высшей степени развитія[4]). Чѣмъ бѣднѣе и тяжелѣе жизнь на сѣверныхъ и восточныхъ окраинахъ этой страны, тѣмъ болѣе долженъ самъ человѣкъ принимать тамъ участія въ трудахъ, которые выпадаютъ на долю собаки въ ея качествѣ рабочаго животнаго. Такъ въ случаяхъ, когда ѣзда въ саняхъ становится слишкомъ затруднительною и даже невозможною, собака иногда употребляется и въ качествѣ чисто вьючнаго животнаго[5]). О томъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ

---

1) См. Т. I, стр. 258 этого соч.

2) Приводимъ здѣсь мѣткое замѣчаніе по этому поводу Р. Брауна (Petermann's Geogr. Mittheil. 1869 p. 463). «Безъ гренландской собаки жизнь гренландца еще меньше мыслима, чѣмъ жизнь индійца въ американскихъ преріяхъ съ исчезновеніемъ послѣдняго буйвола».

3) Загоскинъ, Пѣшеходн. опись части русск. влад. въ Амер. 1847, Ч. I, стр. 59. Middendorff, Путеш. на сѣв. и вост. Сиб., Ч. II, стр. 490.

4) Ср. Wrangell. (Statist. u. ethnogr. Nachr. ueber die Russ. Besitzung. an der Nordwestküste von America.—Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reichs Bd. I, p. 130, 147 u. a), Whymper, (Travel and Adventure in the territory of Alaska) u Dall (Alaska and its resources passim).

5) Въ Гренландіи собака сопровождаетъ человѣка до самыхъ крайнихъ предѣловъ сѣвера, какихъ тотъ достигаетъ. На югѣ же эскимосы не ѣздятъ на собакахъ дальше Гольстейнборга, такъ какъ море не достаточно замерзаетъ, чтобы по немъ ѣздить на саняхъ. (R. Brown. l. c. p. 463).

Digitized by Google

Ключакъ, который видѣлъ это на дѣлѣ во время своего путешествія съ Шваткою въ землю короля Вильяма[1]). Такое употребленіе собаки конечно не соотвѣтствуетъ ея природѣ, и въ старомъ свѣтѣ, насколько мнѣ извѣстно, не встрѣчается ни у Гиляковъ, ни у другихъ народовъ.

Но пора вернуться на Амуръ. Прежде всего укажемъ на различіе, существующее между обычаемъ ѣздить на собакахъ у двухъ палеазіатскихъ народовъ, Гиляковъ и Аиновъ, и тѣмъ же обычаемъ у остальныхъ нижне-амурскихъ инородцевъ, которые принадлежатъ къ тунгусскому племени. У двухъ первыхъ обычай этотъ относится къ самымъ отдаленнымъ временамъ и является у нихъ кореннымъ. Другіе же усвоили себѣ его лишь въ болѣе позднее, относительно новое, время и всегда при прямомъ или косвенномъ посредствѣ Гиляковъ.

Одинъ изъ этихъ народовъ, Ороки на Сахалинѣ, и по сихъ поръ составляютъ нѣчто среднее между оленными кочевниками и осѣдлыми рыболовами, съ собакою въ качествѣ домашняго животнаго. Странное явленіе это обусловливается соприкосновеніемъ между собой на островѣ различныхъ народностей. Уже въ старинныхъ сказаніяхъ объ Орокахъ, относящихся къ началу прошлаго столѣтія, говорится, какъ мы упоминали выше, что они вмѣсто лошадей «содержатъ въ своемъ хозяйствѣ родъ ручнаго оленя, на которомъ ѣздятъ въ саняхъ»[2]). Сто лѣтъ спустя (въ 1808 г.) японскій путешественникъ Маміа Ринсо разсказывалъ[3]), что Оротско на Крафто (сахалинскіе Ороки), вмѣсто собакъ держатъ при себѣ другое животное, называемое тонакай (по аински олень). Они во время своихъ передвиженій навьючиваютъ его съѣстными припасами и разнаго рода пожитками. Въ этомъ видѣ вьючнаго животнаго изображенъ олень и у Зибольда на таб. XX, воспроизведенной имъ по рисункамъ вышеупомянутаго путешественника. Такимъ образомъ Ороки дѣлаютъ изъ оленя двоякое употребленіе: онъ служитъ у нихъ вьючнымъ животнымъ и одновременно ходитъ въ упряжи. Первое несомнѣнно подтверждается свидѣтельствомъ Маміа Ринсо и вполнѣ соотвѣтствуетъ условіямъ природы, гористому и лѣсистому характеру острова, а равно и нравамъ и обычаямъ племени тунгусскаго происхожденія. И на азіатскомъ материкѣ Орочоны и другіе оленные кочевники тунгусскаго племени, какъ извѣстно, употребляютъ оленя для ѣзды верхомъ и для переноски тяжестей. На основаніи этихъ данныхъ, пожалуй, можно бы даже усумниться въ достовѣрности болѣе древнихъ маньчжурскихъ показаній насчетъ употребленія Ороками оленя еще и для ѣзды въ саняхъ. Но я самъ былъ очевидцемъ именно такого употребленія у нихъ оленя. Во время моего путешествія по Сахалину въ 1856 году, $^{17}/_{29}$ Февраля, я въ долинѣ р. Тымы наткнулся на поѣздъ странствующихъ Ороковъ. Мы переѣзжали рѣку у гиляцкой деревни Плуб-во. Вдругъ среди ивняка на противоположномъ берегу глазамъ нашимъ представились трое запряженныхъ собаками саней. Возничіе стояли рядомъ и сдерживали животныхъ.

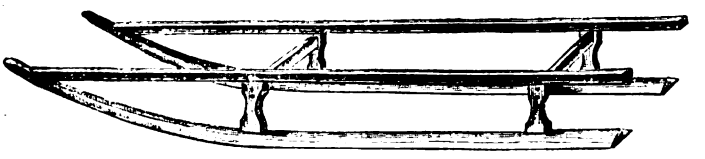
1) H. W. Klutschak. Als Eskimo unter den Eskimos, Wien, Pest, Leipzig 1881, p. 23 и рис. на стран. 22 и 109.

2) См. Т. I, стр. 134 этого соч.

3) Tô-tats-kiko, in Siebold's Nippon. VII, p. 190.

Digitized by Google

Они предупредили насъ о приближеніи оленьяго поѣзда Ороковъ. Намъ пришлось остановиться и сдерживать нашихъ собакъ. Одежда на двухъ изъ возничихъ — шубы, сапоги и шапки изъ оленьяго мѣха, все ясно изобличало въ нихъ Ороковъ. Третій былъ одѣтъ какъ истый Гилякъ, въ собачьей шубѣ, сапогахъ изъ тюленьей шкуры и въ такомъ же передникѣ *(косыкъ)*, который впрочемъ виднѣлся и на двухъ Орокахъ. Какъ одежда людей, такъ и форма ихъ саней была различная. Двое изъ этихъ саней ничѣмъ не отличались отъ гиляцкихъ, но третьи, очевидно національныя орокскія для ѣзды на оленяхъ, имѣли совсѣмъ иное устройство. Прилагаемый рисунокъ, воспроизведенный съ бѣглаго эскиза въ моей записной книжкѣ, можетъ дать нѣкоторое понятіе о ихъ видѣ. По сравненію съ гиляцкими, сани эти, одной вышины съ ними, были гораздо короче и немного шире. Полозья, тоже болѣе широкіе, чѣмъ у тѣхъ, представляли въ разрѣзѣ треугольникъ, а сверху острый край. Задняя часть ихъ съ тупымъ концомъ имѣла видъ совсѣмъ прямой горизонтальной линіи, а передняя слегка приподнималась кверху, гдѣ подъ острымъ угломъ соединялась съ продольными жердями саней. Имъ недоставало дуги, соединяющей тотъ и другой полозъ и обѣ продольныя жерди, отчего спереди сани казались, какъ бы растопыренными. Двое изъ встрѣтившихся намъ саней были нагружены оленьимъ мохомъ, а третьи — разной домашней утварью, лыжами, копьями, луками и пр. Скоро показался и самъ оленій поѣздъ Ороковъ, который, образуя дугу, прослѣдовалъ мимо насъ. Онъ состоялъ изъ саней только что описанной формы, числомъ отъ 5—7. Въ каждыя сани было запряжено по оленю, который тянулъ ихъ на одномъ ремнѣ. Послѣдній спускался съ рогъ животнаго вдоль шеи и груди, проходилъ у него между ногъ и былъ прикрѣпленъ къ поперечной палкѣ, почти у самой середины саней. Въ задней части каждыхъ изъ нихъ помѣщалось по человѣку съ длиннымъ прутомъ въ рукахъ для подстреканія животнаго. Такъ какъ ремень, на которомъ идетъ олень, прикрѣпленъ къ санямъ недалеко отъ сидѣнія возничаго, послѣдній можетъ, не вставая, сдерживать и останавливать животное. За каждыми санями слѣдовало на привязи или на свободѣ еще по одному или по два оленя, безъ всякой клади. Какъ только поѣздъ скрылся, слѣдомъ за нимъ тронулись и сани, запряженныя собаками. Мы тоже продолжали нашъ путь. Онъ лежалъ именно по только что пройденному Ороками, и потому собаки наши, чуя оленій слѣдъ, до самаго мѣста ночлега, бѣжали съ поразительной быстротой, несмотря на уже довольно сильную усталость. Ихъ возбужденіе давало намъ достаточное понятіе о томъ, что могло бы произойти въ случаѣ непредупрежденнаго столкновенія ихъ съ оленьимъ поѣздомъ Ороковъ.



Орокскія сани.

Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Ороки употребляютъ оленя и для ѣзды въ упряжи — точь въ точь какъ жители полярныхъ странъ, Чукчи, Коряки и Самоѣды.

Digitized by Google

Это сообщаетъ Сахалину какъ бы оттѣнокъ полярнаго характера, впрочемъ и безъ того присущаго его сѣверной оконечности, далеко вдающейся въ Охотское море. Вся разница въ томъ, что жители полярныхъ странъ впрягаютъ въ свои большія и высокія сани по нѣсколько оленей рядомъ. Ороки же, сообразуясь съ гористымъ и лѣсистымъ мѣстоположеніемъ той части Сахалина, гдѣ живутъ, ограничиваютъ упряжь своихъ легко устроенныхъ, даже безъ замыкающей ихъ спереди дуги, небольшихъ и низкихъ саней, однимъ оленемъ, какъ то дѣлаютъ и Лапландцы, съ своими неуклюжими корытообразными санями, на противоположномъ концѣ европейско-азіатской части свѣта. Здѣсь невольно бросается въ глаза аналогія въ способѣ употребленія оленя для ѣзды въ саняхъ у двухъ народовъ, изъ которыхъ одинъ, какъ Ороки, находится на крайнемъ востокѣ азіатскаго материка, а другой, какъ Лапландцы, на крайнемъ западѣ его, на рубежѣ Европы. И это тѣмъ замѣчательнѣе, что изъ всѣхъ многочисленныхъ народовъ тунгусскаго племени, разсѣянныхъ по столь обширному пространству, одни Ороки употребляютъ оленя для ѣзды.

Но какъ согласовать фактъ этого способа употребленія оленя со свидѣтельствомъ Мамія Ринсо, который утверждаетъ, что вышеупомянутое животное служитъ у Ороковъ вьючнымъ, т. е. для переноски тяжестей? Самъ я этого не видѣлъ, да и не могу указать ни на какое новѣйшее сообщеніе, которое бы это подтверждало. Тѣмъ не менѣе я не считаю себя въ правѣ вполнѣ отвергать показаній Мамія Ринсо. Въ пользу ихъ, какъ сказано выше, говорятъ отчасти уже и мѣстныя условія страны. Кромѣ того Мамія Ринсо самъ былъ на Сахалинѣ, должно быть сталкивался съ Ороками и во всякомъ случаѣ могъ имѣть вполнѣ достовѣрныя о нихъ свѣдѣнія отъ тамошнихъ Айновъ и Гиляковъ. Пожалуй, можно было бы предположить, что въ способѣ употребленія Ороками оленя уже послѣ Мамія Ринсо произошла перемѣна. Но промежутокъ времени между путешествіемъ на Сахалинъ Мамія Ринсо и моимъ, охватывая едва полвѣка, кажется слишкомъ для того короткимъ. Возможно, слѣдовательно, одно только заключеніе, а именно, что Ороки употребляютъ оленя и для ѣзды верхомъ или въ саняхъ и для переноски тяжестей, — хотя бы такое двоякое употребленіе домашняго животнаго первобытнымъ народомъ представлялось въ данномъ случаѣ явленіемъ единичнымъ. И нельзя ли предположить дальше, что Ороки употребляютъ оленя то для ѣзды, то въ качествѣ вьючнаго животнаго, смотря по мѣстности, въ какой странствуютъ? Когда они, охотясь за пушными звѣрями, кочуютъ среди горныхъ дебрей по западнымъ и восточнымъ окраинамъ долины р. Тымы, олень, должно быть, какъ и у одноплеменныхъ съ ними народовъ на материкѣ, сопровождаетъ ихъ въ качествѣ вьючнаго животнаго, необходимаго для перепоски тяжестей и для ѣзды на немъ верхомъ. Показанія Мамія Ринсо, очевидно относятся именно къ такимъ странствованіямъ Ороковъ. Далѣе онъ еще говоритъ, что «*тонакай* по природѣ своей крайне смиренъ, кротокъ и очень боится собакъ, почему его нельзя держать въ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ много водится»[1]). Но японскій путешественникъ, какъ видно, ничего не

1) Mamia Rinsô l. c. p. 192.

Digitized by Google

зналъ о странствованіяхъ Ороковъ по тѣмъ равнинамъ р. Тымы, которыя усѣяны гиляцкими деревнями со множествомъ собакъ. А между тѣмъ, въ этихъ то странствованіяхъ[1]), каждую зиму предпринимаемыхъ Ороками для торговли съ Гиляками, Аинами, Китайцами и Японцами, олень и служитъ имъ для ѣзды въ саняхъ.

Но если нельзя допустить перемѣны въ способѣ употребленія Ороками оленя въ короткій промежутокъ времени 50-и лѣтъ, зато она могла состояться въ болѣе отдаленную эпоху. Давно, когда Ороки еще кочевали на материкѣ со своими одноплеменниками, Ольчами, они несомнѣнно, подобно другимъ тунгусскимъ народамъ, употребляли оленя исключительно подъ верховую ѣзду и для переноски тяжестей. Ѣздить же на немъ въ саняхъ они стали лишь перебравшись на Сахалинъ. Когда и какимъ путемъ дошли они до этого? Такая перемѣна, я полагаю, могла состояться только подъ вліяніемъ ихъ новаго отечества, благодаря необходимости постоянныхъ сношеній съ окружающими ихъ со всѣхъ сторонъ Гиляками. Покинувъ материкъ и перейдя съ оленями на сѣверъ Сахалина, Ороки въ его хвойныхъ лѣсахъ, изобилующихъ мхами и лишаями, нашли вполнѣ благопріятныя физическія условія для продолженія своей кочевой жизни. Но утвердиться на островѣ они могли только войдя въ дружескія сношенія съ туземнымъ населеніемъ, съ тѣмъ, чтобы и оно тоже имѣло отъ нихъ свою долю выгодъ. Всего необходимѣе это было именно съ Гиляками. Послѣдніе хозяйничали на восточномъ и западномъ берегу сѣверной части Сахалина и въ долинѣ р. Тымы. При перевѣсѣ численности и энергіи на ихъ сторонѣ они легко могли лишить всѣхъ средствъ къ существованію и въ конецъ уничтожить пришельцевъ, которыхъ окружали со всѣхъ сторонъ. Къ счастью для Ороковъ Гиляки отличаются не столько воинственностью, сколько склонностью къ наживѣ. Они скоро поняли, что пришлые кочевники ничуть не угрожаютъ ихъ интересамъ, а напротивъ обѣщаютъ имъ даже немалыя выгоды. Опытные охотники, Ороки, странствуя по лѣснымъ дебрямъ въ горныхъ ущельяхъ Сахалина, въ изобиліи добывали оттуда драгоцѣнныя шкуры пушныхъ звѣрей. Гиляки, являясь ихъ первыми покупщиками и неизбѣжными посредниками при сбытѣ этого товара китайцамъ и японцамъ, естественно должны были при томъ и сами не мало наживаться. Но рѣчь объ этой торговлѣ у насъ еще впереди. Выгоды, получаемыя такимъ образомъ Гиляками отъ Ороковъ, достаточно объясняютъ терпимость, съ какой они къ нимъ относятся. Они даже съ нѣкоторыми для себя неудобствами предоставляютъ имъ свободный проѣздъ по дорогамъ, которыя ихъ собственными собаками пролагаются въ долинѣ р. Тымы и дальше черезъ горы, по Лиману до Амура и вдоль Пороная до залива Терпѣнія. Открывшаяся такимъ образомъ передъ Ороками возможность пользоваться всѣми этими путями сообщенія естественно могла ихъ навести на мысль сдѣлать изъ оленя то же употребленіе, какое Аины и Гиляки дѣлаютъ изъ собакъ, т. е. заставить его ходить въ упряжи, въ саняхъ соотвѣтственнаго устройства. Къ тому же, посѣщая съ торговыми цѣлями гиляцкія деревни долины р. Тымы, Ороки принуждены были ѣздить къ нимъ тоже

1) О нихъ см. Т. I, стр. 21 этого соч.

Digitized by Google

на собакахъ. Впрочемъ, и пріучивъ оленя къ упряжи, они всетаки должны были во время своихъ странствованій имѣть при себѣ нѣсколько саней, запряженныхъ собаками. Послѣднія предшествовали оленямъ для предупрежденія неожиданныхъ встрѣчъ и столкновеній съ Гиляками. Къ такимъ именно передовымъ санямъ принадлежали тѣ, которыя мнѣ повстрѣчались у деревни Плуб-во. Позже, близъ деревни Ный и на устьѣ р. Тымы, я еще не разъ видалъ Ороковъ въ саняхъ съ собачьей упряжью. Итакъ, Ороки на Сахалинѣ, благодаря своему тѣсному соприкосновенію съ Гиляками, представляютъ намъ крайне рѣдкое, чтобы не сказать единичное, явленіе первобытнаго народа, который имѣетъ не менѣе трехъ способовъ передвиженія по сушѣ: они ѣздятъ на оленѣ верхомъ, въ саняхъ и, кромѣ того, употребляютъ для ѣзды въ саняхъ собакъ. Послѣдній способъ они цѣликомъ заимствовали у Гиляковъ, а потому и сани ихъ и упряжь въ данномъ случаѣ ничѣмъ не отличаются отъ гиляцкихъ. Своихъ собакъ Ороки вѣроятно, начиная со щенятъ, воспитываютъ вмѣстѣ съ оленями. Вслѣдствіе того онѣ, постепенно привыкая къ послѣднимъ, гораздо спокойнѣе гиляцкихъ къ нимъ относятся, и потому могутъ безопасно сопровождать ихъ. И такъ собака почти столь же необходима Орокамъ, какъ олень. Для прокормленія ея они принуждены вести часть года — именно, лѣто и осень, осѣдлый образъ жизни рыболововъ на восточномъ берегу Сахалина. Когда же съ наступленіемъ зимы мѣхъ пушныхъ звѣрей пріобрѣтаетъ особую цѣнность, Ороки снова предпринимаютъ съ помощью оленя свои охотничьи и промышленныя странствованія.

Однако площадь, по которой Ороки кочуютъ на Сахалинѣ, по малымъ размѣрамъ своимъ, ни коимъ образомъ не можетъ равняться съ огромнымъ пространствомъ на материкѣ, гдѣ совершаютъ свои передвиженія тамошніе кочевники. Поэтому и количество домашнихъ оленей у Ороковъ тоже неизбѣжно должно быть меньше. Маміа Ринсо въ 1808 г. насчитываетъ ихъ у богатыхъ Ороковъ до 12 и больше. Бошнякъ, который въ 1852 году познакомился съ этимъ народомъ въ окрестностяхъ Ный и на устьѣ р. Тымы, полагаетъ, что число оленей у самаго богатаго Орока не превышаетъ 30[1]). Лѣтъ тридцать спустя (1881) ихъ тамъ же посѣтилъ Поляковъ, и его оцѣнка оленьихъ богатствъ у Ороковъ была еще ниже оцѣнки его предшественника. Средняго состоянія Орокъ, по его свидѣтельству, обладаетъ 10-ью, 15-ью оленями; лишь немногіе имѣютъ ихъ сверхъ 20, а бѣдные всего по два и по три[2]). Въ окрестностяхъ Тарайки на заливѣ Терпѣнія Шмидтъ въ 1861 году засталъ еще нѣсколькихъ оленей только въ деревнѣ Валендзѣ. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ этой страны они погибли отъ недостатка корма, такъ какъ глубокіе снѣга тамъ сильно затрудняютъ содержаніе оленя[3]). При такомъ слабомъ составѣ оленьихъ стадъ у Ороковъ ихъ будущность кажется мало упроченной. Недалеко уже, можетъ быть, то время, когда они, при неблагопріятныхъ условіяхъ, каковы надежи, волчьи набѣги, и т. д.,

---

1) Бошнякъ, Экспед. въ При-Амурск. краѣ (Морск. Сборн. 1858, № 11. Ч. неоф. стр. 189).

2) Поляковъ. Путешествіе на остр. Сахалинъ (Прилож. къ XIX т. Извѣст. Императорскаго Русскаго Географ. Общ. стр. 82).

3) Fr. Schmidt. Hist. Ber. etc. l. c. p. 115.

Digitized by Google

наконецъ совсѣмъ переведутся. А съ утратой оленей и самимъ Орокамъ станетъ грозить гибель, такъ какъ они лишатся въ немъ своего главнаго средства къ существованію. Въ лучшемъ случаѣ и подъ условіемъ, что терпимость къ нимъ Гиляковъ продлится, Ороковъ вѣроятно постигнетъ одна участь съ ихъ одноплеменниками на материкѣ, Ольчами, т. е. имъ придется отрѣшиться отъ всякой самобытной жизни и дѣятельности и вполнѣ примѣняться къ образу жизни и обычаямъ своихъ болѣе могущественныхъ сосѣдей, Гиляковъ.

Говоря раньше о пищѣ, одеждѣ и образѣ жизни Ольчей на материкѣ мы уже не разъ замѣчали, до какой степени они въ этомъ отношеніи слились съ Гиляками. То же самое надо сказать и объ ихъ способахъ передвиженія. Ольчи, какъ и Гиляки, употребляютъ для ѣзды въ саняхъ собакъ, причемъ строеніе саней, упряжка и самый уходъ за собаками у нихъ совсѣмъ однородны съ гиляцкими. Само собою разумѣется, все это они заимствовали у Гиляковъ, а не наоборотъ. Ольчи, какъ мы уже говорили выше[1]), первоначально вели жизнь оленныхъ кочевниковъ. Они лишь съ утратой своихъ оленей превратились въ осѣдлыхъ на Амурѣ рыболововъ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Гиляками, которые съ самыхъ отдаленныхъ временъ содержали собакъ.

Вѣроятно и другіе осѣдлые на нижнемъ Амурѣ инородцы тунгусскаго племени, Негидальцы, Самагирцы и Гольды, тоже имѣли свой періодъ кочевой жизни. Только у нихъ въ настоящее время мы видимъ меньше на то доказательствъ, чѣмъ у Ольчей, вѣтвь которыхъ, Ороки на Сахалинѣ, еще и по сихъ поръ продолжаютъ вести кочевую жизнь. Народы эти, подобно Ольчамъ, а частью и при посредствѣ ихъ, уже усвоили себѣ и гиляцкій способъ зимняго передвиженія со всѣми его подробностями, каковы собачья упряжь, строеніе саней, и т. д.[2]). Но насколько эти народы больше Гиляковъ преданы охотѣ и меньше нихъ занимаются рыболовствомъ и торговлей, настолько и содержаніе собаки и употребленіе ея играютъ въ ихъ жизни менѣе важную роль. Они содержатъ ее въ меньшемъ количествѣ и меньше заботятся объ ея уходѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и значеніе для нихъ собаки и способность ея приносить имъ пользу гораздо ограниченнѣе, чѣмъ мы то видимъ у Гиляковъ. Тѣмъ не менѣе ѣзда въ саняхъ на собакахъ, напримѣръ у Гольдовъ, въ ходу на всемъ протяженіи ихъ страны по Амуру, Сунгари и Уссури[3]). Но рядомъ съ этимъ, мы на Амурѣ, вверхъ отъ впаденія въ него Уссури, равно какъ и на этой послѣдней рѣкѣ, встрѣчаемъ уже и лошадей. Во время моего путешествія лѣтомъ въ 1855 году я слышалъ

---

1) См. Т. I, стр. 137 наст. соч.

2) Маакъ (Путеш. на р. Амуръ стр. 202), беря за исходную точку Гольдовъ, утверждаетъ, что туземные жители на Амурѣ ѣздятъ въ саняхъ на собакахъ, запрягая ихъ попарно. Но это невѣрно. Изъ его показаній не слѣдуетъ заключать, что существуетъ какая либо разница въ способѣ запряжки собакъ у Гольдовъ и Гиляковъ. У всѣхъ этихъ инородцевъ напротивъ, собаки припрягаются къ главному ремню въ перемежку по одной, то съ той, то съ другой стороны.

3) De la Brunière, Excursion en Mandchourie en 1845, (Nouv. Ann. des Voyages, Année 1848 [T. IV] p. 114). Ср. также Венюкова (Обозр. р. Уссури. — Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. Ч. 25, 1859, Отд. Изсл. и Мат., стр. 230, 237; его же: Путеш. по окраин. Русск. Азіи, 1868, стр. 81), Пржевальскаго (Путеш. въ Уссур. краѣ, стр. 100) и др. Я самъ лѣтомъ 1855 года видѣлъ у Гольдовъ на Уссури стоявшія тогда безъ употребленія сани, совершенно однородныя съ гиляцкими.

Digitized by Google

отъ Гольдовъ въ Турме на устьѣ Уссури, что у нихъ были лошади, которыхъ незадолго передъ тѣмъ утащили тигры[1]). Самъ я встрѣтилъ первыхъ лошадей въ деревнѣ Сельгако на Амурѣ, слѣдуя вверхъ по его теченію. Гольды сообщили мнѣ, что имъ доставляетъ лошадей народъ, живущій далеко отъ нихъ вверхъ по теченію рѣки, въ которомъ я позже призналъ Манегирцевъ[2]). Тамъ же видѣлъ я у Гольдовъ и деревянныя сѣдла грубой работы, происходившія, вѣроятно, изъ того же источника. А рядомъ стояли и сани, употребляемыя въ этой странѣ зимой для ѣзды на собакахъ, точь въ точь такія же, какъ гиляцкія. Лошадь здѣсь, какъ и у Манегирцевъ, служитъ исключительно для верховой ѣзды. Такимъ образомъ у Гольдовъ въ Сельгако можно было видѣть въ одинаковой степени употребленія два способа передвиженія, заимствованные ими у двухъ столь различныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга народовъ, каковы Манегирцы и Гиляки. Гольды на Уссури получаютъ лошадей изъ Сунгарійскаго края при посредствѣ живущихъ среди нихъ Китайцевъ, которые главнымъ образомъ употребляютъ это животное для перевозки товаровъ изъ однѣхъ мѣстностей Сунгарійскаго края въ другія по дорогамъ, ведущимъ отъ береговъ Уссури въ Сан-синъ. Лѣтомъ лошадь служитъ вьючнымъ животнымъ, а зимой ходитъ въ упряжи въ саняхъ[3]). О такомъ употребленіи лошади мы будемъ говорить еще дальше. Весной, послѣ таянія снѣговъ, Гольды иногда пользуются лошадью и для охоты вверхъ по теченію рѣкъ Имы, Ваку и другихъ правыхъ притоковъ Уссури.

Но если употребленіе собаки въ качествѣ рабочаго скота среди амурскихъ инородцевъ тунгусскаго племени постепенно ослабѣваетъ по мѣрѣ удаленія отъ Гиляковъ, зато животное это пріобрѣтаетъ у нихъ другое неизвѣстное Гилякамъ значеніе товарища и помощника человѣка на охотѣ. Уссурійскіе Гольды, напримѣръ, рядомъ съ рабочими собаками, на которыхъ ѣздятъ, содержатъ другихъ, употребляемыхъ исключительно для охоты[4]). То же самое, и еще опредѣленнѣе, встрѣчаемъ мы у Орочей. На сѣверѣ своей страны, въ Императорской гавани и по правымъ притокамъ Амура, они, подобно своимъ сосѣдямъ, Ольчамъ и Гольдамъ, еще употребляютъ собакъ для ѣзды. Но на югѣ, по правымъ притокамъ Уссури, гдѣ Орочи почти исключительно живутъ охотой, они по недостатку рыбнаго корма уже не могутъ содержать собакъ въ качествѣ рабочаго скота. Да и какую пользу могли бы приносить имъ послѣднія среди горныхъ дебрей этой части ихъ страны? Потому Орочи ограничиваются здѣсь содержаніемъ охотничьихъ собакъ, которыхъ кормятъ отбросами убитыхъ звѣрей, преимущественно похлебкой изъ костей послѣднихъ. Зато зимой Орочи сообщаются между собой только пѣшкомъ на лыжахъ[5]). Но и здѣсь, какъ отраженіе вообще

1) См. мой трудъ: Reisen u. Forsch. im Amur-Lande. Т. I. стр. 177. То же самое сообщали и Маака (см. его Путеш. на Амурѣ, стр. 170).

2) См. Т. I, стр. 49 наст. соч.

3) Корсунъ, см. Будищевъ: Опис. лѣс. части Приморской обл. (Зап. Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общества. кн. IX и X, 1867, стр. 374).

4) Венюковъ. Обозр. р. Уссури (Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. Ч. 25. 1859. Отд. Изслѣд. и Матер. стр. 237.

5) Согласно Корсуну, см. Будищевъ, тамъ-же стр. 355.

Digitized by Google

существующаго въ странѣ обычая, собакъ содержатъ для ѣзды зажиточные китайцы, которые находятся на постоянномъ жительствѣ среди Орочей и Гольдовъ[1]).

За южной пограничной чертой страны Орочей въ Уссурійскомъ краѣ и Гольдовъ въ Сунгарійскомъ обычай ѣздить въ саняхъ на собакахъ совсѣмъ исчезаетъ. Дальше въ Сунгарійскомъ краѣ его маньчжуро-китайско-даурское населеніе, занимающееся земледѣліемъ и скотоводствомъ, употребляетъ для передвиженія разныхъ домашнихъ животныхъ, которыя неизвѣстны туземнымъ жителямъ Нижне-Амурскаго края, напримѣръ, лошадь, мула, осла и вола. Желающихъ поближе познакомиться съ этимъ, обращаю къ зоологическому отдѣлу моего труда объ Амурскомъ краѣ[2]). Теперь же замѣчу только, что вышеупомянутые народы, въ Сунгарійскомъ краѣ и въ своихъ колоніяхъ на такъ называемомъ культурномъ участкѣ на Амурѣ, употребляютъ лошадь, мула и осла безразлично и для переноски тяжестей, и для ѣзды верхомъ. Но лошадь, кромѣ того, еще запрягаютъ лѣтомъ въ телѣгу, зимой въ сани, — и вола также[3]). Неоднократно упоминавшійся нами китаецъ У-чэнъ, уроженецъ Сунгарійскаго края, говоря въ своемъ описаніи Нингуты объ обычаѣ ѣзды на саняхъ, поясняетъ, что сани (*па-ли*) имѣютъ тамъ форму телѣги, только безъ колесъ. А переводчикъ его, синологъ Васильевъ, прибавляетъ, что такое поясненіе необходимо для Китайцевъ, которые въ своемъ отечествѣ не имѣютъ понятія о саняхъ[4]). Слѣдовательно, если Китайцы и Маньчжуры Сунгарійскаго края ѣздятъ въ саняхъ, то единственно по примѣру Гольдовъ и другихъ туземцевъ Нижне-Амурскаго края, съ которыми они находятся въ частыхъ и разнообразныхъ сношеніяхъ, но притомъ только употребляютъ другихъ животныхъ.

Способы передвиженія по сушѣ у туземныхъ жителей Верхне-Амурскаго края, вверхъ отъ Сунгари, въ общемъ представляютъ рѣзкую противоположность съ тѣмъ, что мы видѣли на нижнемъ-Амурѣ. Нижне-амурскіе инородцы, начиная отъ Сахалина, вдоль Охотскаго

---

1) Будищевъ, тамъ-же, стр. 414. Пржевальскій, Путешеств. въ Уссур. краѣ, стр. 139.

2) См. Reisen u. Forsch. im Amur-Lande, T. I стр. 160 и 175—179.

3) Такъ, напримѣръ, миссіонеръ Киман-кимъ въ 1844 г. совершилъ путешествіе изъ Куанг-чен-дзе черезъ Гиринъ и Нингуту въ Хунчунъ въ саняхъ, запряженныхъ лошадьми. (Nouv. Ann. des Voyages, Ann. 1847, T. I, p. 66 seq.) Такимъ же образомъ въ 1850 году выѣхалъ Вено изъ Сан-сина по направленію къ Уссури (Nouv. Ann. des Voyages. Ann. 1852, T. I, p. 209). Паргачевскій (Поѣздка зимнимъ путемъ вверхъ по р. Амуру. — Вѣстн. Имп. Русск. Географ. Общ. Ч. 21, 1857. Отд. Изслѣд. и Мат. стр. 175) въ сопровожденіи Маньчжуровъ прибылъ въ городъ Айгунъ въ саняхъ, запряженныхъ волами. Согласно его описанію и свидѣтельству Маака (Путеш. на Амуръ, стр. 303), широкіе полозья этихъ саней спереди непосредственно переходятъ въ оглобли, отчего они очень некрасивы и неповоротливы.

4) Васильевъ, Записки о Нингутѣ (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. XII, 1857, стр. 96). Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что уже Джонъ Барроу (Barrow, Reise durch China von Peking nach Canton im Gefolge der Grossbritann. Gesandtschaft in den. J. 1793 und 1794, aus dem Engl. von Hüttner, Wien 1805, Bd. II, p. 160) выражалъ удивленіе, почему Китайцы не дошли до изобрѣтенія саней, или другой какой либо повозки, приспособленной къ ѣздѣ по снѣгу и льду. Впрочемъ, уполномоченные отъ индійско-голландской компаніи при Пекинскомъ дворѣ въ 1794 и 1795 годахъ видѣли на ледяной поверхности прудовъ кресла на полозьяхъ, которыя толкали или тащили люди. (von-Braam, Voyage de l'Ambass. de la Comp. des Indes orient. Holland. vers l'Emper. de la Chine, publié par Moreau de St. Mery, Paris, an. VI, (1798), T. I, p. 187—189; T. II, p. 271—277).

Digitized by Google

побережья и устья Амура до береговъ Сунгари, всѣ, какъ уже сказано, ѣздятъ на собакахъ. Ни одинъ изъ верхне-амурскихъ инородцевъ не употребляетъ этого способа передвиженія. Явленіе это лучше всего опредѣляетъ различія въ характерѣ осѣдлаго населенія рыболововъ въ одной части Амурскаго края и кочевыхъ охотниковъ въ другой. На верхнемъ Амурѣ существуютъ только кочующіе охотники, которые, или, какъ Манегирцы и кочевые Бирары, ѣздятъ на лошадяхъ, или, какъ большинство Орочоновъ, на оленяхъ. Собакъ же они содержатъ въ одиночку для охоты[1]). Единственное исключеніе составляютъ осѣдлые Бирары, живущіе по ту сторону Буреинскаго хребта. Они во всемъ, что касается ихъ склада жизни, вполнѣ слились съ своими сосѣдями, Даурами, Маньчжурами, Китайцами, и отъ нихъ же заимствовали и свои способы передвиженія. Но у всѣхъ вышеназванныхъ инородцевъ на верхнемъ Амурѣ и лошадь, и олень служатъ только для ѣзды верхомъ и для переноски тяжестей. Манегирскія лошади ничѣмъ не отличаются отъ забайкальскихъ и маньчжурскихъ: малорослыя, онѣ однако сильны и очень выносливы. Ихъ держатъ постоянно на открытомъ воздухѣ, и потому онѣ привыкаютъ ко всѣмъ перемѣнамъ погоды, а зимой должны довольствоваться кормомъ, который сами для себя добываютъ изъ подъ снѣга. Уже одно это сдѣлало бы невозможнымъ ихъ существованіе при одинаковыхъ условіяхъ въ Нижне-Амурскомъ краѣ, гдѣ такое обиліе снѣговъ. Очевидно, лошадь далеко не была бы такъ полезна нижне-амурскимъ инородцамъ, какъ собака, которая имѣетъ еще то преимущество, что питается однородною со своими хозяевами рыбною пищею. Впрочемъ всѣ верхне-амурскіе инородцы получили лошадь и научились ея употребленію отъ своихъ сосѣдей Монголовъ, соприкасающихся съ центральной Азіей. О томъ свидѣтельствуетъ и заимствованное у Монголовъ названіе лошади, почти одинаковое у всѣхъ тунгусскихъ народовъ[2]). Далѣе, какъ на то указываетъ Маакъ[3]), это подтверждается еще и названіями у Маньчжуровъ и Манегирцевъ разныхъ свойствъ лошади, ея масти, поступи и отдѣльныхъ частей конской упряжи, которыя всѣ несомнѣнно монгольскаго происхожденія. Отличительной чертой тунгусскаго племени всетаки остается, какъ сказано выше, употребленіе оленя въ качествѣ домашняго животнаго. И Манегирцы въ свою очередь не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія. Они тоже, какъ мы уже говорили[4]), нѣкогда были оленными кочевниками и, лишь по мѣрѣ своего удаленія отъ горъ и распространенія по луговымъ пространствамъ на Амурѣ и Зеѣ постепенно замѣняли оленя лошадью. То же самое повторилось и съ тѣми Орочонами, которые по юго-восточнымъ склонамъ Хинганскаго хребта спустились въ долины р. Нонни. А на сѣверо-востокѣ къ Орочонамъ, по верхнему теченію Амура съ его притоками, примкнули русскіе оленные Тунгусы, которые вели однородную съ ними жизнь и распространились вдоль Становаго хребта и по его сѣвернымъ отрогамъ до самаго Охот-

1) Маакъ, Путеш. на Амуръ, стр. 310.

2) Ср. Klaproth (Asia polyglotta, p. 267, 287), (Pallas, Zoogr. rosso-asiat. Vol. I, p. 256) и мое: Reisen und Forschungen im Amur-Lande, Bd. I, p. 175.

3) Путеш. на Амуръ, стр. 77.

4) См. Т. I, стр. 185 наст. соч.

Digitized by Google

скаго моря. Итакъ, дѣлая общій выводъ изъ всего нами изложеннаго о способахъ передвиженія у амурскихъ инородцевъ, мы должны сказать, что туземное населеніе Нижне-Амурскаго края употребляетъ для ѣзды собаку, Верхне-Амурскаго — лошадь. Содержаніе того или другого изъ вышеупомянутыхъ животныхъ въ качествѣ рабочаго скота и является у каждой изъ этихъ двухъ группъ типической бытовою чертою, которая ихъ рѣзко отличаетъ одну отъ другой. Употребленіе же оленя въ качествѣ домашняго животнаго въ свою очередь распространено по всей сѣверной окраинѣ Амурскаго края вдоль Хинганскаго и Становаго хребтовъ до Охотскаго моря. Оттуда оно проникаетъ и дальше на сѣверный и восточный Сахалинъ до залива Терпѣнія. Вся разница въ данномъ случаѣ между материкомъ и островомъ Сахалиномъ въ томъ, что тамъ, у Орочоновъ и оленныхъ Тунгусовъ, олень служитъ только вьючнымъ животнымъ и для ѣзды верхомъ, а здѣсь, у Ороковъ, онъ употребляется еще и для ѣзды въ упряжи, наряду съ собакою.

Уже самое положеніе страны, занимаемой амурскими инородцами вдоль большой рѣки съ ея притоками и у моря съ его береговыми рѣками, какъ бы обязываетъ ихъ къ частымъ передвиженіямъ по водѣ. Безъ этого были бы немыслимы ни ихъ занятія рыбной ловлей и охотой, ни ихъ торговыя и другія сношенія между собой. Разныя воды, по бассейнамъ которыхъ они живутъ, естественно требуютъ и соотвѣтственныхъ приспособленій въ средствахъ передвиженія по нимъ. И дѣйствительно, лодки амурскихъ инородцевъ отличаются большимъ разнообразіемъ, особенно по сравненію съ тамошними санями, которыя представляютъ такъ мало уклоненій отъ одного обще-принятаго образца. Но здѣсь надо замѣтить, что типъ судовъ, разъ приспособленныхъ къ тому или другому характеру водъ, при одинаковыхъ условіяхъ повсемѣстно повторяется почти безъ измѣненій и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ носитъ на себѣ отпечатокъ отдѣльныхъ національностей.

Ни одинъ изъ амурскихъ инородцевъ не проводитъ такъ много времени на водѣ, какъ Гиляки, которые почти исключительно питаются рыбной ловлей и, движимые промышленнымъ духомъ, предпринимаютъ длинныя путешествія по рѣчнымъ и морскимъ пространствамъ. Но, живя у моря и питаясь отъ него, Гиляки однако не отличаются ни искусствомъ въ мореплаваніи, ни смѣлостью въ погонѣ за морскими звѣрями. Они неохотно пускаются въ открытое море на своихъ легкихъ судахъ и не умѣютъ, какъ Алеуты въ байдаркахъ, ловко бороться съ бурными волнами. Сосредоточенные главнымъ образомъ на низовьяхъ Амура, они, кромѣ необычайныхъ рыбныхъ богатствъ, которыми ихъ снабжаетъ эта рѣка, имѣютъ въ ней еще естественный, удобный путь сообщенія съ близкими и дальними сосѣдями до Маньчжуро-китайцевъ на Сунгари включительно. Благопріятнымъ для нихъ условіемъ является еще положеніе насупротивъ устья Амура острова Сахалина, который такимъ образомъ служитъ имъ оплотомъ со стороны открытаго моря. Кромѣ того Сахалинъ, во всю

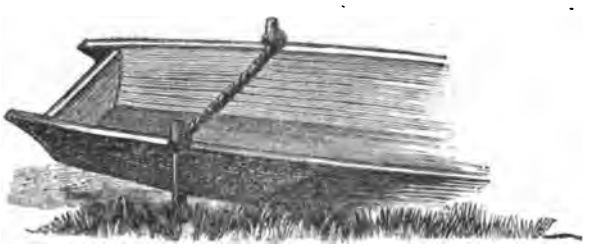
Digitized by Google

свою длину вытянутый по меридіану, нѣкоторымъ образомъ исполняетъ роль моста, соединяющаго страну Гиляковъ съ Японіей. При такихъ условіяхъ немудрено если Гиляки оказываются только осторожными и даже трусливыми, преимущественно рѣчными и береговыми плавателями. Въ соотвѣтствіи съ такимъ именно плаваньемъ находится и единственное у амурскихъ и приморскихъ Гиляковъ судно, которое одновременно служитъ имъ и для рыбной ловли, и для торговыхъ путешествій, и для всякихъ другихъ сношеній какъ съ сосѣдними такъ и съ отдаленными народами. Это — плоскодонная лодка безъ киля, мало пригодная для борьбы съ крупными морскими валами. Остовъ ея прежде всего состоитъ изъ трехъ длинныхъ досокъ, образующихъ дно и бока. Нѣсколько поперечныхъ дощечекъ съ обоихъ концовъ продольныхъ досокъ замыкаютъ этотъ остовъ. Доска, составляющая дно, немного выдается у носа (см. таблицу XXXVIII, ф. 1), и въ этомъ самая яркая и своеобразная особенность этой лодки. Притомъ доска эта не прямая, а выгнута посединѣ, отчего получается какъ бы впадина, образующая самую глубокую часть лодки.

Но, чтобы намъ лучше усвоить себѣ видъ и строеніе гиляцкой лодки, прослѣдимъ съ начала до конца сооруженіе ея у Гиляковъ. Прежде всего приготовляютъ три длинныя доски, изъ которыхъ долженъ быть сколоченъ остовъ. Ихъ топоромъ вырубаютъ изъ стволовъ Picea ajanensis Fisch (по гиляцки *твиськ*) или лиственницы (по гиляцки *кой*) и по возможности гладко выстругиваютъ ножемъ. Каждая доска необходимо должна состоять изъ одного цѣльнаго куска. Та, которая предназначается для дна (по гиляцки *мохъ*), имѣетъ отъ 3—5 сажень длины и отъ одного до полутора футовъ ширины. Она должна быть выгнута слѣдующимъ образомъ. Ее кладутъ концами на пару низенькихъ козловъ, сооруженныхъ на ровномъ мѣстѣ изъ двухъ съ каждой стороны вкось вколоченныхъ и скрещивающихся наверху жердей. Средняя часть доски, ничѣмъ не поддерживаемая, опускается. Но, чтобы получить вполнѣ правильную впадину, она должна еще ниже опуститься до самой земли, и для этого ее въ опредѣленномъ мѣстѣ кладутъ подъ гнетъ камней или, что еще проще, на нее садятся два, три человѣка. Такимъ образомъ сильно выгнутую посединѣ доску удерживаютъ въ этомъ положеніи парою тѣсно охватывающихъ ее деревянныхъ скрѣпокъ, которыя въ надлежащихъ мѣстахъ вколочены въ землю. Затѣмъ берутъ доски (по гил. *арпг*), предназначенныя для боковыхъ стѣнокъ лодки. Каждая изъ нихъ имѣетъ около двухъ футовъ ширины. Ихъ по нижнему краю срѣзываютъ вкось, соотвѣтственно первой выгнутой доскѣ, аккуратно къ ней прилаживаютъ подъ опредѣленнымъ тупымъ угломъ и временно удерживаютъ въ такомъ положеніи. Для этого по обѣимъ сторонамъ остова лодки въ землю вколачиваютъ одну противъ другой нѣсколько жердей. Верхушки каждыхъ двухъ противуположныхъ изъ этихъ жердей охватываются соединяющей ихъ широкой ременной или веревочной петлей (см. прилагаемый рисунокъ). Послѣдняя по произволу больше или меньше стягивается, и тѣмъ самымъ приводитъ въ надлежащее положеніе боковыя доски, которыя тогда нижними своими краями плотно прилегаютъ къ краямъ доски, образующей дно. Когда лодка такимъ образомъ предварительно слажена, приступаютъ къ окончательному скрѣпленію ея частей. Для соединенія между собой боковыхъ досокъ остова, между ними

Digitized by Google

прокладываютъ нѣсколько поперечныхъ жердей (по гиляцки *чылых*): одну у задняго конца лодки, другую по серединѣ, третью почти у самаго носа. Боковыя доски со средней, образующей дно, а равно и всѣ остальныя части лодки, скрѣпляются деревянными гвоздями. Для того въ соотвѣтственныхъ краяхъ досокъ большимъ буравомъ (по гиляцки *лунг*, см. табл. XXXII, фиг. 6) просверливаютъ дырки, куда и вгоняютъ эти гвозди желѣзнымъ прутомъ (по гиляцки *оттаувэ*, см. табл. XXXII, фиг. 7), нарочно для того предназначеннымъ.



Постройка лодки у Гиляковъ.

Замѣтимъ мимоходомъ, что всѣ инструменты, употребляемые Гиляками не только при постройкѣ судовъ, но и въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, при прикрѣпленіи къ санямъ полозьевъ, и т. д. отличаются чистой работой, на гиляцкій ладъ со множествомъ украшеній. Вышеупомянутый желѣзный прутъ, напримѣръ, испещренъ тонкими мѣдными и серебряными полосками, а деревянная рукоять бурава украшена весьма тонкой рѣзьбой. Для приведенія въ дѣйствіе большаго бурава требуется два человѣка. Верхушка рукояти у бурава снабжена желѣзнымъ штифтомъ. Одинъ изъ людей накладываетъ на этотъ штифтъ кусокъ дерева и, сильно налегая на него, нажимаетъ остріе бурава на то мѣсто, гдѣ должна быть просверлена дыра. Другой человѣкъ быстро дергаетъ ремень, который нѣсколько разъ обмотанъ вокругъ рукояти: ремень развертывается, и бураву тѣмъ самымъ сообщается вращательное движеніе. Позже, при другомъ случаѣ, я буду говорить о похожемъ на это приспособленіи у Гиляковъ для добыванія огня посредствомъ тренія. Существованіе его у нихъ заставляетъ меня думать, что этотъ буравъ, равно какъ и другой, такой же точно и тѣмъ же способомъ приводимый въ дѣйствіе, но меньшихъ размѣровъ буравъ (по гил. *писк*) — оба крайне древняго происхожденія и чуть ли не изобрѣтены самими Гиляками. Зато маленькій весь желѣзный буравчикъ (табл. XXXII, фиг. 8), который ничѣмъ не отличается отъ нашего и употребляется для болѣе тонкихъ работъ (гиляцкое названіе его осталось мнѣ неизвѣстнымъ), во всякомъ случаѣ долженъ быть позднѣйшаго и иноземнаго происхожденія[1]). То же, безъ сомнѣнія, надо сказать и о другомъ орудіи у Гиляковъ — о пилѣ. Самъ я не видалъ ея у нихъ. Но Максимовичъ нашелъ въ деревнѣ Тылмѣ экземпляръ пилы, которая ничѣмъ не отличалась отъ нашей обыкновенной столярной: Гиляки называли ее *пуфъ*, а Ольчи *пдфо*. Такое совпаденіе въ наименованіи одного и того же предмета у двухъ народовъ убѣдительно говоритъ за то, что оба они заимствовали его изъ одного и того же чужеземнаго источника.

Но вернемся къ сооруженію лодки. Задній конецъ ея замыкается отвѣснымъ шпиге-

1) Ольче-тунгусское названіе этого маленькаго бурава, согласно Максимовичу *сельчефд* и *сельдшефд*.

Digitized by Google

лемъ, поверхъ котораго между двумя стѣнками лодки накладывается поперекъ горизонтальная, позади нѣсколько выдающаяся доска (по гил. *отт(о)мсъ*), которая служитъ сидѣніемъ для рулеваго. Спереди лодка оканчивается двумя косыми досками (по гил. *альпъ*), расположенными такъ, что лѣвая всегда нѣсколько выше правой, отчего носъ лодки образуетъ острый уголъ. Пазы вдоль всѣхъ досокъ и особенно тѣхъ, которые составляютъ дно и стѣнки лодки, слегка законопачиваются. Дѣлается это очень осторожно, такъ какъ иначе доски, скрѣпленныя между собой только деревянными гвоздями, легко могутъ расползтись. Законопачиваніе производится ножемъ, которымъ снутри лодки запихиваютъ немного моху въ тѣ мѣста, гдѣ между досками оказываются скважины. Затѣмъ вдоль пазовъ накладываются узкія деревянныя планки, которыя прикрѣпляются деревянными же шпильками. Съ наружной стороны лодки пазы тоже покрываются еще болѣе широкими и прочными планками изъ толстыхъ распластанныхъ прутьевъ ивы. Такимъ образомъ лодка, стоя на землѣ, какъ бы покоится на двухъ выпуклыхъ полозьяхъ, которые нетолько служатъ защитой пазамъ, но еще при спускѣ судна на воду и при вытаскиваніи его на берегъ предохраняютъ дно отъ излишняго тренія о песокъ и мелкіе камни. Сходство этихъ лодочныхъ полозьевъ съ полозьями, а еще болѣе съ предохранительными шинами у саней, такъ очевидно, что даже Гиляки, вообще мало способные къ обобщеніямъ, называютъ и тѣ и другіе однимъ общимъ именемъ (*мотасъ*), тогда какъ для планокъ, наложенныхъ съ внутренней стороны лодки, имѣютъ отдѣльное названіе (*твы*). Въ передней половинѣ лодки, по борту ея, съ обѣихъ сторонъ расположены двѣ, а у большихъ судовъ три пары маленькихъ дощечекъ со шпинемъ посрединѣ (по гил. *мисыръ*). Онѣ замѣняютъ наши уключины и прикрѣплены къ борту лодки деревянными же гвоздями. Такимъ образомъ гиляцкая лодка, какъ и сани, состоитъ исключительно изъ дерева: въ ней полное отсутствіе желѣза. Лодки, само собой разумѣется, тоже имѣютъ свои украшенія. Такъ, напримѣръ, выдающійся у носа конецъ доски, которая образуетъ дно, имѣетъ видъ змѣиной, птичьей или звѣриной головы грубой работы. Внутренная сторона носа украшена рѣзными арабесками, а наружная поверхность шпигеля рѣзною же черной или пестрой фигурой квадрата, звѣзды, и т. д. Для предохраненія отъ гніенія, лодку передъ спускомъ на воду слегка обугливаютъ снаружи: ее поднимаютъ на пару довольно высокихъ козловъ и зажигаютъ подъ ней кучу хвороста.

Весла (по гил. *ывнь*) съ широкими закругленными лопастями имѣютъ видъ лопаты, которая съуживается къ концу. Въ утолщенной части рукояти — дыра для насаживанія весла на соотвѣтственный шпинь у борта лодки (табл. XXXVIII, фиг. 2)[1]. Гиляцкая лодка не имѣетъ для гребцовъ постоянныхъ скамеекъ, упирающихся въ стѣнки ея: силою упора онѣ могли бы отдѣлить боковыя доски отъ той, которая образуетъ дно. Вмѣсто того Гиляки употребляютъ небольшія переносныя скамьи, которыя покоятся исключительно на днѣ лодки, вовсе не касаясь ея стѣнокъ. И при нагрузкѣ лодокъ на томъ же основаніи

1) Прилагаемый рисунокъ имѣетъ важный недостатокъ: смотря на него надо себѣ представлять дыру въ рукояти подъ угломъ въ 90°, т. е. не въ отвѣсѣ, а на одномъ планѣ съ веслом.

Digitized by Google

обращается особенное вниманіе на то, чтобы вся тяжесть груза покоилась на днѣ, не напирая на боковыя доски. Для этого на дно лодки кладутъ поперекъ нѣсколько брусьевъ, значительно ему уступающихъ въ ширинѣ, а поверхъ нихъ настилаютъ доски, приблизительно одинаковой длины съ лодкой, которымъ и предстоитъ нести всю тяжесть. Это въ то же время предохраняетъ отъ подмочки предметы, перевозимые въ лодкѣ, что иначе легко могло бы случиться. Мнѣ пришлось на собственномъ опытѣ убѣдиться въ необходимости самаго осторожнаго обращенія съ этого рода судами. Весной 1855 года я, предпринимая мое первое лѣтнее путешествіе вверхъ по Амуру и Уссури, пріобрѣлъ у Гиляковъ двѣ лодки, съ виду еще довольно новыя. Совсѣмъ незнакомый съ строеніемъ гиляцкихъ судовъ, я думалъ поступить вполнѣ цѣлесообразно предварительно подвергнувъ мои лодки тщательному осмотру и снаряженію въ Николаевскомъ порту. По рекомендаціи морскаго офицера, я обратился къ одному изъ лучшихъ боцмановъ. Тотъ отличнѣйшимъ образомъ законопатилъ мои лодки какъ обыкновенныя шлюпки, снабдилъ ихъ скамьями для гребцовъ и приспособленіемъ для мачты. Лодки передъ самымъ отплытіемъ были спущены на воду и оказались никуда не годными. Въ нихъ вездѣ открылись течи, и всѣ усилія устранить это неудобство ни къ чему не послужили. Боковыя доски, какъ я теперь увидѣлъ, вслѣдствіе неосторожнаго и неправильнаго съ ними обращенія, почти повсюду разошлись по пазамъ и отстали отъ дна. Сколько ихъ потомъ ни сколачивали, сколько ни конопатили и ни замазывали — ничто не помогало. Одну лодку пришлось совсѣмъ бросить. На другой я кое какъ, постоянно вычерпывая изъ нея воду, добрался до ближайшей гиляцкой деревни Сабахъ. Тамъ я пріобрѣлъ другую лодку, нѣсколько большихъ размѣровъ, и съ тѣхъ поръ я обращался съ нею уже соотвѣтственно ея строенію, и всѣ поправки, какія потомъ случалось въ ней дѣлать, поручалъ исключительно гиляцкимъ рукамъ. Лодка эта мнѣ отлично служила. Я на ней не только совершилъ мое плаваніе въ 1855 г. вверхъ по Амуру и Уссури и обратно, но и въ слѣдующемъ 1856 году вторично проплылъ на ней вдоль всего Амура и большей части Аргуни. Только сильный ледоходъ и морозъ принудили меня разстаться съ нею въ селеніи Мулачѣ на послѣдней рѣкѣ.

Рулевое весло (по гил. *мень*) значительно отличается отъ гребнаго. У него длинная узкая лопасть, а на верхнемъ концѣ короткая поперечная ручка (табл. XXXVIII, фиг. 3). Правятъ Гиляки рулемъ непосредственно рукой. Но при сильномъ волненіи или быстромъ теченіи руль, для большаго устоя, влагается въ веревочную петлю или деревянный полуобручъ у задней части доски, служащей сидѣніемъ рулевому.

Мачты гиляцкая лодка не имѣетъ, но въ рѣдкихъ случаяхъ, когда требуется парусъ, Гиляки замѣняютъ ее двумя вкось составленными жердями (по гил. *кыржэ*), верхніе концы которыхъ скрещиваются, а нижніе вставляются въ соотвѣтственныя дыры въ боковыхъ доскахъ. Съ верхнихъ концовъ жердей спускаются два длинныхъ шнура, которые внизу обматываются у послѣдней перекладины въ задней части лодки. Парусъ (по гил. *тулачъ*) состоитъ изъ рыбьихъ шкуръ, сшитыхъ въ видѣ четвероугольника, два угла котораго прикрѣпляются къ верхнимъ концамъ вышеупомянутыхъ жердей, а два другіе имѣютъ каждый

Digitized by Google

по шкоту, съ помощью которыхъ парусъ больше или меньше натягивается. Плаваніе подъ такимъ незатѣйливымъ парусомъ очевидно представляетъ мало удобствъ, и понятно, что Гиляки, вообще плохіе и трусливые мореходы, избѣгаютъ его употреблять при непостоянной погодѣ или мало-мальски свѣжемъ вѣтрѣ. И не одни Гиляки, но и Ольчи и Гольды, которые сопровождали меня въ плаваніи въ качествѣ проводниковъ или гребцовъ, приходили въ неописанный ужасъ, когда мы при свѣжемъ вѣтрѣ поднимали парусъ, хотя и онъ, и мачта[1]) были у насъ въ достаточной исправности. Блѣдные какъ смерть, они всякій разъ умоляли скорѣе спустить парусъ и причалить къ берегу. Судно безъ киля, тяжело нагруженное, при сильномъ волненіи и плохомъ управленіи правда легко черпаетъ воду и перевертывается. Во избѣжаніе этого туземцы, чтобы сдѣлать боковыя стѣнки судна нѣсколько выше, прикрѣпляютъ вдоль борта еще по одной лишней доскѣ. Гиляки снабжаютъ свои суда такими дополнительными бортами (по гил. *ардиг*) въ тѣхъ именно случаяхъ, когда предпринимаютъ морскія плаванія вдоль берега Сахалина къ японцамъ, и т. д.

Важную роль въ гиляцкой лодкѣ играетъ удлиненіе у ея носовой части доски, которая образуетъ дно. Выдаваясь подъ самымъ носомъ, оно защищаетъ его отъ непосредственнаго столкновенія съ волнами, а при случаѣ съ крутыми скалистыми берегами и съ другими судами. Выдерживая первый напоръ волнъ, оно какъ бы поднимаетъ на нихъ лодку. Управленіе веслами значительно облегчается тѣмъ, что они ловко сидятъ на крѣпкихъ шпиняхъ, и лодкѣ такимъ образомъ безъ особыхъ усилій сообщается движеніе, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда она не идетъ противъ слишкомъ сильнаго теченія или волненія. Вообще же мало приспособленная для самостоятельной борьбы съ тѣмъ и другимъ, она тогда требуетъ у руля твердой и искусной руки. Огибая скалы и мысы на Амурѣ я не разъ попадалъ въ крайне неловкое положеніе. Лодка моя, захваченная врасплохъ быстриной и увлекаемая противнымъ теченіемъ, вдругъ повертывалась задомъ напередъ и обращалась вспять. Вышеупомянутое удлиненіе у носовой части, столь полезное во многихъ другихъ случаяхъ, здѣсь въ борьбѣ съ противнымъ теченіемъ являлось помѣхой. Это удлиненіе доски, образующей дно въ гиляцкихъ судахъ, обусловливаетъ и способъ причаливанія, который въ ходу у Гиляковъ, Ольчей, Гольдовъ и у всѣхъ другихъ амурскихъ инородцевъ, употребляющихъ суда этого типа. Причалъ совершается задней частью лодки и требуетъ большой ловкости и навыка. Лодка ставится носомъ подъ волну, которая должна ее поднять и выбросить на берегъ, вслѣдствіе чего о Гилякахъ, Ольчахъ и нѣкоторыхъ другихъ туземцахъ можно сказать, что они буквально вмѣстѣ съ судами садятся на берегъ.

Въ заключеніе привожу размѣры обыкновенной гиляцкой лодки средней величины, измѣренной мной въ деревнѣ Кальго. Съ нея же снятъ рисунокъ, о которомъ я говорилъ выше.

---

1) Послѣ моего вышеупомянутаго опыта съ гиляцкой лодкой я разумѣется позаботился о томъ, чтобы надлежащей длины шкали были прикрѣплены къ самому дну лодки.

Digitized by Google

Длина лодки, съ носа до задняго края сидѣнія рулеваго.	25′ —
Ширина ея у сидѣнія рулеваго	3′4″
» посрединѣ отъ одного борта до другого	3′2″
» въ передней части отъ борта до борта у досокъ, образующихъ носъ	2′2″
» дна	1′ —
» у сидѣнія рулеваго	1′ —
Наибольшая глубина лодки посрединѣ	1′6″

Длина весла средней величины имѣетъ около 7 футовъ; длина руля $6^1/_4$ футовъ; ширина лопасти послѣдняго 4 дюйма.

Другого типа лодокъ я не видалъ ни на Амурѣ, ни на Лиманѣ, ни на западномъ берегу Сахалина. И Миддендорфъ тоже не встрѣчалъ ничего иного на Охотскомъ побережьѣ. Зато внутри Сахалина на быстротечной и мѣстами мелководной р. Тымѣ употребляются совсѣмъ другого рода суда, а именно выдолбленныя изъ одного древеснаго ствола. Лодку этого послѣдняго типа (по гил. *мло-му*) [1]) я видѣлъ въ деревнѣ Ыткырнъ на Сахалинѣ. То было зимой. Тщательно очищенная отъ снѣга, она на деревянныхъ подставкахъ стояла возлѣ юрты. Лодка имѣла около 20 футовъ длины. Всего шире посрединѣ, она съуживалась къ концамъ, но только передній конецъ ея заострялся, а задній оставался тупымъ. Съ обѣихъ сторонъ вдоль борта были наколочены планки одинаковой толщины съ боковой стѣнкой; а къ планкамъ, отъ борта къ борту, на разстояніи около двухъ футовъ тянулись поперечныя перекладины. Безъ сомнѣнія онѣ, какъ и деревянныя скрѣпки, виднѣвшіяся во многихъ мѣстахъ внутри лодки между дномъ и боковыми стѣнками, должны были сообщать послѣднимъ больше прочности и устоя. Лодка можетъ быть была уже не новая, и потому требовала такихъ предосторожностей. Шпиней, какъ на бортахъ амурскихъ лодокъ, у ней не было, а потому и въ рукояти веселъ, тутъ же лежавшихъ, не оказывалось соотвѣтственныхъ дырокъ. Но помимо этого весла отличались отъ амурскихъ только менѣе широкими лопастями. Въ мелководныхъ частяхъ рѣки лодки эти вѣроятно приводятся въ движеніе съ помощью шестовъ, какъ такъ называемые баты у Камчадаловъ и однородныя съ этими суда у амурскихъ инородцевъ тунгусскаго племени. На изготовленіе такихъ лодокъ и здѣсь и тамъ идетъ только мягкое дерево, а именно тополь.[2]) Гиляки на р. Тымѣ употребляютъ для того душистый тополь (Populus suaveolens Fisch., по гил. *мускрь*), который на этомъ основаніи называютъ му-чхаръ, т. е. лодочное дерево. Согласно Шмидту, и Сахалинскіе Аины изъ этой же породы деревьевъ выдалбливаютъ свои челноки для плаванія по рѣкамъ и по морю вдоль береговъ. Болѣе же отдаленныя морскія путешествія они совершаютъ на японскихъ судахъ обыкновеннаго типа[3]).

---

1) Слово *му* собственно означаетъ лодку.

2) Ср. Steller, l. c. p. 56, 75; Крашенинниковъ, тамъ же. Т. I., стр. 257.

3) Fr. Schmidt, Reisen im Amur-Lande und auf der Insel Sachalin (Mém. de l' Acad. Imp. des sc. VII-e. Sér. T. XII, № 2 p. 99.

Digitized by Google

Такая же точно лодка, какъ у Гиляковъ, во всеобщемъ употребленіи и у ближайшихъ сосѣдей ихъ на Амурѣ, Ольчей и Гольдовъ. По крайней мѣрѣ съ виду она ничѣмъ не отличается отъ вышеописанной гиляцкой. Тѣмъ не менѣе Гиляки меня увѣряли, что ихъ лодка имѣетъ въ носовой части менѣе крутой подъемъ, и потому болѣе пригодна для плаванія противъ теченія. Насколько это справедливо, не берусь рѣшать, замѣчу только, что оно не противорѣчитъ моему личному опыту. Зато большая разница существуетъ въ матеріалѣ, изъ котораго строятся тѣ и другія лодки. Гиляки употребляютъ для своихъ ель (Picea ajanensis, по гиляцки *твисыкъ*, а на нарѣчіи Гольдовъ и Ольчей *хасыхта*), а Ольчи и Гольды кедръ (Pinus Cembra, var. excelsa, Pinus mandschurica Rupr. на нарѣчіи Ольчей и Гольдовъ *кольдонгъ*). Во время нашего плаванія по Амуру, лѣтомъ 1855 года, мы причалили къ деревнѣ Ади въ странѣ Ольчей. Къ намъ навстрѣчу вышло тамошнее населеніе, главнымъ образомъ занимающееся постройкой судовъ. Люди эти съ особеннымъ интересомъ разсматривали наши лодки и по дереву сразу опредѣлили гиляцкое происхожденіе одной (моей) и ольчское другой (Максимовича), какъ то и было въ дѣйствительности. Но Ольчи и Гольды не ограничиваются, какъ Гиляки, одною лодкою этого типа. Они, кромѣ Амура, плаваютъ еще и по его быстротечнымъ, а мѣстами мелководнымъ притокамъ, по берегамъ которыхъ живутъ осѣдло или посѣщаютъ ихъ для охоты. Амурская лодка тамъ не пригодна, и потому Ольчи и Гольды употребляютъ въ тѣхъ мѣстахъ лодки другихъ типовъ, а именно выдолбленныя изъ одного куска дерева, и то всегда изъ особаго рода ивы, растущей въ долинахъ нижняго Амура и на морскомъ берегу (Salix praecox Hoppe, на нарѣчіи Ольчей и Гольдовъ *хаммагда*[1]). Самая своеобразная и интересная изъ нихъ та, которую Ольчи называютъ *унь* или *унни-магда*, нижніе Гольды *онни-магда*[2]), а верхніе — *аварпе* (таб. XXXVIII, фиг. 4). Она повидимому построена тоже по образцу амурской, по крайней мѣрѣ имѣетъ самую характерную черту ея, а именно удлиненіе въ носовой части дна. Но этимъ сходство и ограничивается, такъ какъ оба конца у ней тупые. Съ цѣлью сообщить тонкимъ стѣнкамъ лодки больше устоя, между ними проложено нѣсколько перекладинъ. При плаваніи въ такой лодкѣ гребутъ только внизъ по рѣкѣ, а вверхъ ее передвигаютъ съ помощью шестовъ. Я самъ, въ сопровожденіи Ольчей изъ Пэдани, проплылъ въ такой лодкѣ часть быстротечной рѣчки Пэ, а другую, точно такую же, видѣлъ въ деревнѣ Джаре у верхнихъ Гольдовъ. Послѣднюю мнѣ даже удалось измѣрить. Вотъ ея размѣры:

Длина	24½ футовъ, изъ нихъ 2½ приходится на удлиненіе дна.
Ширина	1 футъ 8 дюймовъ.
Вышина	1 » 4 »

1) Maximowicz. Prim. florae amurensis. (Mém. prés. à l'Acad. Imp. des sc. de St. Petersbourg, par divers sav. T. IX. p. 242).

2) *Унь* или *унни* у Ольчей и *онни* у Гольдовъ значитъ собственно рѣка, а именно маленькая, или впадающая въ Амуръ рѣчка.

Digitized by Google

Весла, какъ гребныя, такъ и рулевое были относительно невелики. Каждое изъ нихъ имѣло 4′ 8″.

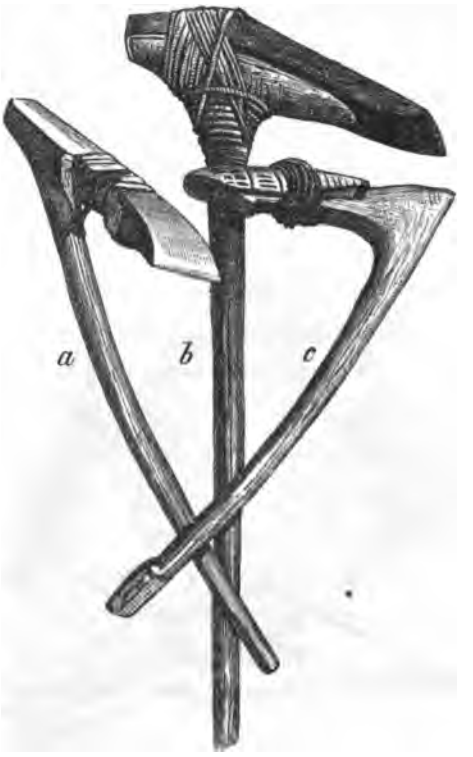
Еще гораздо большей простотой и первобытностью отличаются небольшіе, спереди и сзади остроконечные, челноки, которые тоже выдалбливаются изъ дерева хаммагды. Руководствуясь ихъ бо́льшими или меньшими размѣрами Ольчи и Гольды называютъ ихъ или отонго или гульба. Вся разница между ними въ томъ, что гульба нѣсколько у́же по отношенію къ своей длинѣ, зато глубже выдолблена и стѣнки у ней толще, чѣмъ у оттонго, вслѣдствіе чего она больше приспособлена къ плаванію при сильномъ волненіи и среди подводныхъ камней. Такой челнокъ управляется длиннымъ двойнымъ весломъ съ узкими лопастями (по гольдски *сойе*), которымъ гребутъ поперемѣнно, то тѣмъ, то другимъ концемъ. А въ мѣстахъ неглубокихъ, со спокойнымъ теченіемъ, употребляются два весла съ короткими ручками и лопатообразными лопастями (по гольд. *мылпку*). При мелководьѣ челнокъ передвигается съ помощью двухъ палокъ (по гольдски *гао*), которыми сидящіе въ лодкѣ съ той и другой стороны упираются въ дно рѣки.

Разнаго рода лодки, выдалбливаемыя изъ дерева хаммагды, особенно въ ходу у Орочей, которые живутъ на морскомъ берегу или по горнымъ нотокамъ, впадающимъ въ море, въ нижній Амуръ и въ Уссури. Спускаясь внизъ по теченію названныхъ рѣкъ, челноки эти проникаютъ и къ Гольдамъ и Ольчамъ на Амурѣ. Такъ точно и аварпе, размѣры и рисунокъ которой приведены выше, была изготовлена Орочами на верховьяхъ Мунаму и внизъ по ея теченію доставлена на Амуръ. А иногда случается и наоборотъ, хотя вслѣдствіе отдаленности того края довольно рѣдко: лодки, сколачиваемыя изъ досокъ Гольдами, Ольчами или Гиляками на Амурѣ, проникаютъ къ приморскимъ Орочамъ. Но послѣдніе и сами строятъ для своихъ морскихъ плаваній такія же точно суда, какъ у вышеназванныхъ народовъ. А для рыбной ловли въ рѣкахъ они употребляютъ лодки, выдолбленныя изъ одного куска дерева. Въ бытность мою въ Императорской Гавани я у одной палаткообразной юрты Орочей на устьѣ р. Хаджи видѣлъ двѣ унь-магды различныхъ величинъ (таб. XVI). Что же касается остроконечныхъ челноковъ, у здѣшнихъ Орочей въ употребленіи болѣе прочный изъ двухъ, а именно гульба, который они называютъ момэ.

Всѣ нижне-амурскіе инородцы, Гиляки, Ороки, Ольчи, и т. д. употребляютъ для выдалбливанія лодокъ изъ древесныхъ стволовъ особаго рода долбильный топоръ. Предлагаемъ здѣсь рисунокъ такого топора (фиг. *a*), снятый съ экземпляра, который Поляковъ вывезъ съ острова Сахалина отъ тамошнихъ Ороковъ и доставилъ въ нашъ музей. Вотъ его строеніе. Отъ дерева берется развилистая вѣтвь о двухъ зубцахъ, образующихъ болѣе или менѣе острый уголъ. Одинъ изъ зубцовъ отрѣзывается за исключеніемъ небольшой части у основанія, и къ этому остатку его прикрѣпляютъ остро отточенное лезвіе изъ желѣза. Другой, цѣльный зубецъ замѣняетъ рукоятку или топорище такимъ образомъ получаемаго орудія. Этотъ топоръ въ главныхъ чертахъ своихъ однороденъ съ тѣмъ долбильнымъ топоромъ, который для тѣхъ же цѣлей нѣкогда употребляли, да и по сихъ поръ еще употребляютъ жители разныхъ острововъ южнаго океана. Приводимъ здѣсь для сравненія ри-

Digitized by Google

сунки двухъ самыхъ интересныхъ образцовъ этого рода, которые тоже находятся въ нашемъ музеѣ. Фиг. *b* изображаетъ долбильный топоръ туземныхъ жителей острововъ Отаити, относящійся ко времени третьяго путешествія Кука[1]), а фиг. *c* — папуасскій топоръ, привезенный Миклухо-Маклаемъ съ Адмиралтейскихъ острововъ. Но и тотъ и другой принадлежатъ еще къ каменному періоду, такъ какъ у одного каменное лезвіе, а у другого изъ раковины морской улитки (вѣроятно Terebra maculata). Естественно полагать, что въ далекое отъ насъ время каменнаго періода и у другихъ народовъ долбильные топоры были одинаковаго устройства съ этими.



Долбильные топоры: *a*) Сахалинскихъ Ороковъ, *b*) туземныхъ жителей Отаити, *c*) Папуасовъ на на Адмиралт. островахъ.

Что касается Ольчей и Гольдовъ, то хотя они и употребляютъ вышеописанные челноки, выдолбленные изъ древесныхъ стволовъ, однако предпочитаютъ имъ другіе изъ березовой коры. Послѣдніе впрочемъ вообще въ ходу у народовъ тунгусскаго племени, разсѣянныхъ по притокамъ Амура, по отрогамъ Станового хребта[2]) и т. д. Такой челнокъ (въ Сибири по русски *оморочка*) состоитъ изъ легкаго деревяннаго остова, обшитаго березовой корой. Ольчи и Гольды называютъ его дзаи. Повсюду одного общаго типа, съ заостренными концами, онъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ однако представляетъ свои мелкія особенности и бываетъ разныхъ размѣровъ. Такъ, напримѣръ, между челноками этого вида, которые всего ближе подходятъ къ оттонго и гульбѣ, существуютъ образцы съ меньшею по отношенію къ своей длинѣ шириной и большею глубиной и съ незначительнымъ лишь изгибомъ оконечностей, которыя большей частью тоже покрыты

---

1) Упомяну здѣсь мимоходомъ, какимъ образомъ этотъ долбильный топоръ, а равно и нѣкоторые другіе предметы, собранные во время того же путешествія Кука, попали къ намъ въ музей. По смерти Кука, его во главѣ экспедиціи замѣнилъ капитанъ Клерке. Онъ съ Сандвичевыхъ острововъ прибылъ въ Камчатку и бросилъ якорь въ Петропавловской Гавани. Тамъ его встрѣтилъ самый радушный пріемъ. Краемъ тогда управлялъ маіоръ Бемъ. Клерке въ благодарность за оказанное ему гостепріимство подарилъ маіору часть «достопримѣчательностей», собранныхъ экспедиціей на островахъ Южнаго Океана. (ср. Tagebuch einer Entdeckungsreise nach der Südsee in den J. 1776—1780 unter Anführ. der Cap. Cook, Clerke, Gore und King, übersetzt v. J. R. Forster, Berlin. 1781 p. 321). Бемъ, снабдивъ ихъ собственными ярлыками, принесъ эти предметы въ даръ русскому правительству въ Петербургѣ, а то въ свою очередь передало ихъ въ Академію Наукъ.

2) См. описаніе его у Миддендорфа, Пут. на сѣв. и вост. Сиб. ч. II. стр. 581, и къ нему приложенные рисунки.

Digitized by Google

сверху березовой корой. Въ другомъ своемъ видоизмѣненіи такой челнокъ является шире и площе. Онъ совсѣмъ или почти совсѣмъ открытъ, а концы его представляютъ сильно изогнутую линію. Экземпляръ перваго рода изображенъ у насъ на таб. XXXVIII, фиг. 5: это снимокъ съ челнока, видѣннаго мной у Ольчей въ деревнѣ Монголе. А рисунокъ, предлагаемый нами ниже, воспроизводитъ верхне-уссурійскаго Гольда въ его дзаѣ.

Образецъ болѣе широкаго, плоскаго и къ тому же совсѣмъ открытаго челнока изъ березовой коры (*дзаи*) у Гольдовъ. (Оригинальный набросокъ Поливанова).

Весь складъ перваго челнока, вмѣстѣ съ берестовой покрышкой его оконечностей, которая препятствуетъ ему черпать воду, дѣластъ его особенно пригоднымъ для плаванія при сильномъ волненіи. Второй представляетъ больше простора для перевоза рыболовныхъ или охотничьихъ снарядовъ и соотвѣтственной добычи. Снаружи у дзаи всегда виситъ гарпунъ съ длинной рукоятью. Эти челноки изъ березовой коры управляются такъ же точно, какъ вышеупомянутые деревянные оттонго или гульба. Размѣры изображеннаго выше дзаи изъ деревни Монголе слѣдующіе:

Digitized by Google

Длина отъ одного конца до другого	$18^1/_2$ футовъ.
Наибольшая ширина посредине	$2^1/_4$ фута.
Вышина или глубина тамъ же	11 дюймовъ.

Амурскіе Тунгусы, Ольчи, Гольды и др. не менѣе своихъ сибирскихъ одноплеменниковъ выказываютъ искусства и смѣлости при плаваніи на утлыхъ челнокахъ изъ березовой коры, и когда исполинская рѣка бушуетъ, и по ней ходятъ крупные валы, положительно напоминаютъ Алеутовъ, которые такъ легко и отважно носятся въ своихъ байдаркахъ по разъяренной стихіи. Въ этомъ отношеніи Тунгусы рѣзко отличаются отъ неповоротливыхъ и слишкомъ осторожныхъ на водѣ Гиляковъ. Съ наступленіемъ весны, какъ только рѣки и моря освобождаются отъ ледяныхъ оковъ, челноки эти являются на смѣну лыжамъ и оказываются не менѣе ихъ полезными. Малый вѣсъ къ тому же даетъ возможность въ случаѣ надобности легко переносить ихъ по сушѣ съ однѣхъ водъ на другія. Такимъ образомъ они особенно пригодны къ употребленію во время охотничьихъ походовъ и періодическихъ переселеній. Итакъ, плаваніе въ челнокѣ изъ березовой коры составляетъ самый типическій, характерный и излюбленный способъ передвиженія у народовъ тунгусскаго племени, вообще отличающихся большой подвижностью и рядомъ съ рыбнымъ промысломъ еще страстно преданныхъ охотѣ и кочевому образу жизни.

Вышеописанныя лодки съ заостренными концами, выдолбленныя изъ одного куска дерева, а также челноки изъ березовой коры, встрѣчаются и у всѣхъ туземныхъ жителей Верхне-Амурскаго края. Ведя преимущественно кочевой образъ жизни, послѣдніе лишь по временамъ покидаютъ свои охотничьи площади и, спускаясь внизъ по притокамъ Амура, появляются на главной рѣкѣ для занятія рыбной ловлей. Такимъ образомъ кочевники эти относительно немного времени проводятъ на водѣ, и суда даннаго типа, незатѣйливыя по устройству и легко переносимыя, вполнѣ удовлетворяютъ ихъ потребностямъ, тѣмъ болѣе, что одинаково пригодны для плаванія и по быстрымъ и по мелкимъ водамъ. Оба рода вышеупомянутыхъ лодокъ къ тому же не ограничиваются у нихъ размѣрами оттонго и дзаи, но бываютъ и гораздо крупнѣе. На такихъ лодкахъ они совершаютъ свои переселенія изъ зимнихъ жилищъ въ лѣтнія и обратно, не только съ женами и дѣтьми, но и съ разнымъ домашнимъ скарбомъ. У амурскихъ **Бираровъ** въ Оссикѣ я видѣлъ лодку, которая называется манго (см. таб. XXXVIII, фиг. 6). Выдолбленная изъ одного ствола, она имѣла 28 футовъ длины, 3′ ширины и 1 футъ глубины или вышины. Въ другой разъ мнѣ случилось видѣть такую же лодку, но еще большихъ размѣровъ. Въ ней Бирары возвращались въ свои зимнія жилища на р. Аарѣ послѣ лѣта, проведеннаго въ рыбной ловлѣ на Амурѣ. Лодка эта, даже съ мачтой и парусомъ, была тяжело нагружена. Парусъ состоялъ изъ куска полотна, но снизу вмѣсто шкотъ придерживался руками. По свидѣтельству Бираровъ, такого рода лодки выдалбливаются изъ стволовъ джагды или сосны (Pinus sylvestris L.), которая въ изобиліи водится по верхнему теченію р. Аары, по другимъ притокамъ Амура и дальше вверхъ по его теченію. Точно также у Бираровъ и **Манегирцевъ** встрѣ-

Digitized by Google

чаются лодки изъ березовой коры; но одного вида и устройства съ дзаи и почти одинаковой съ нею ширины, онѣ вдвое длиннѣе. Мнѣ пришлось видѣть такую лодку у Манегирцевъ. Она имѣла $35\frac{1}{2}$ футовъ длины и всего 2 фута, 2 дюйма ширины. Управляется такая лодка такъ же точно, какъ многовесельная алеутская байдарка, или какъ манго, когда ту не приходится передвигать шестами. Два, три человѣка гребутъ двойными веслами, равномѣрно опуская ихъ въ воду то тѣмъ, то другимъ концомъ, и лодка мчится какъ стрѣла.

Замѣчательно, что вышеописанная досчатая лодка, которая въ такомъ ходу во всемъ Нижне-Амурскомъ краѣ у Гольдовъ, Ольчей, Гиляковъ и Орочей, на верховьяхъ Амура совсѣмъ не существуетъ. По крайней мѣрѣ я ни одной тамъ не видѣлъ. А Маакъ, спускаясь съ Шилки внизъ по Амуру, первую лодку этого типа встрѣтилъ только на устьѣ Уссури [1]). Соотвѣтственно нѣтъ въ Верхне-Амурскомъ краѣ, повидимому, и той формы лодки, которая, хотя и выдолблена изъ одного куска дерева, но всетаки по образцу досчатой и называется унь-магда или аварпе. Такимъ образомъ своеобразнаго строенія досчатая лодка является, на мой взглядъ, исключительной принадлежностью Нижне-Амурскаго края, отличительную бытовую черту котораго она и составляетъ. Тѣмъ не менѣе врядъ ли ее можно считать за вполнѣ собственное изобрѣтеніе этой группы народовъ или хотя бы одного изъ нихъ. На березовыхъ и выдолбленныхъ изъ одного куска дерева челнокахъ несомнѣнная печать первобытности; но болѣе замысловатой формы и строенія амурская или, какъ я себѣ позволю ее называть, гольдо-гиляцкая лодка уже обнаруживаетъ извѣстную степень культурнаго вліянія, которое, я полагаю, можно безошибочно приписать маньчжуро-китайцамъ на Сунгари. Нижне-Амурскій край уже въ теченіе вѣковъ посѣщается китайскими купцами и маньчжурскими чиновниками съ береговъ Сунгари, которые являются туда — первые для торговли, вторые для сбора дани въ пользу своего правительства. Суда, на которыхъ они приплываютъ, правда отличаются бо́льшими размѣрами и болѣе сложнымъ устройствомъ, чѣмъ гольдо-гиляцкія, но въ общемъ онѣ представляютъ одинъ и тотъ же типъ. Маньчжуро-китайское судно тоже главнымъ образомъ состоитъ изъ трехъ длинныхъ досокъ — средней, образующей дно и выдающейся у носовой части, и двухъ боковыхъ, составляющихъ стѣнки. Послѣднія замыкаются сзади отвѣснымъ шпигелемъ, а спереди остроконечнымъ носомъ изъ двухъ дощечекъ неравной длины. Дальше, способъ, какимъ скрѣпляются между собою доски, законопачиваются и снутри и снаружи и накрываются планками пазы — все это здѣсь и тамъ совершенно одинаково. Но болѣе крупные размѣры маньчжуро-китайскихъ судовъ (доска, образующая въ нихъ дно, имѣетъ отъ 7 до $9\frac{1}{2}$ саженъ), допускаютъ, а отчасти и обусловливаютъ разныя дополненія и измѣненія, не существующія у Гольдовъ и Гиляковъ. Бортъ лодки, напримѣръ, у маньчжуро-китайцевъ выше, такъ какъ всегда состоитъ изъ двухъ досокъ, тогда какъ у Гольдовъ и Гиляковъ вторая доска появляется лишь въ видѣ исключенія, когда они пускаются въ открытое море. Въ китайскихъ судахъ кромѣ того двѣ верхнія доски у борта

1) Маакъ, Путеш. на Амуръ, стр. 178.

Digitized by Google

еще на цѣлую сажень выдаются за шпигель. Задніе концы ихъ соединены толстой перекладиной, а пустое пространство между ними застлано поперечными досками. Такимъ образомъ получается нѣчто вродѣ широкаго моста или платформы. На заднемъ краю послѣдней водружены два шеста: между ними влагается руль, которымъ управляетъ стоящій на платформѣ рулевой. Глубина лодки, обусловливаемая значительной шириной нижнихъ и верхнихъ бортовыхъ досокъ, позволяетъ устроить на задней части ея еще родъ помоста или палубы изъ ряда неплотно сложенныхъ поперечныхъ досокъ. Надъ помостомъ помѣщается переплетъ изъ прямыхъ и согнутыхъ въ дугу прутьевъ, сверху покрытый тростниковыми или соломенными матами. Это образуетъ нѣчто вродѣ шатра или каюты, гдѣ можно, сидя или стоя въ согнутомъ положеніи, укрываться отъ дождя и непогоды. Такое же, только меньшихъ размѣровъ и болѣе низкое сооруженіе находится и въ передней части судна. Въ удлиненіе доски, образующей дно, втыкаютъ длинный и крѣпкій прутъ, который загибаютъ внутрь лодки. Вокругъ него тоже устраиваютъ переплетъ изъ болѣе тонкихъ прямыхъ и дугообразныхъ прутьевъ, который покрываютъ тростниковыми или берестяными матами. Туда въ случаѣ надобности могутъ ползкомъ пробраться нѣсколько человѣкъ. Маньчжуро-китайская лодка, въ противоположность гольдо-гиляцкой, имѣетъ постоянныя скамьи для гребцовъ, которыя покоятся на краяхъ нижнихъ бортовыхъ досокъ, и такую же мачтовую банку. Сквозь послѣднюю просовывается четвероугольное основаніе мачты и вставляется въ находящіяся подъ банкой на днѣ лодки шкали. Кромѣ того мачту прикрѣпляютъ веревкой еще къ ближайшей изъ заднихъ перекладинъ, которыя соединяютъ между собой нижнія бортовыя доски. Наконецъ и весла на маньчжуро-китайской лодкѣ не насаживаются, какъ у гольдо-гиляцкой, на шпини, а потому и не имѣютъ соотвѣтственной дыры въ рукояткѣ. Они вмѣсто того вкладываются въ углубленія доски, прикрѣпленной къ верхнему краю борта. У этихъ веселъ относительно узкія лопасти, а у верхней части поперечная ручка, которая обѣими руками охватывается гребцомъ, всегда гребущимъ только съ одной стороны. Такая же точно ручка и у длиннаго руля съ выпуклою внизу лопастью. Руль тяжелъ и при спокойномъ плаваніи кажется почти неподвижнымъ, но достаточно малѣйшаго прикосновенія къ нему, чтобы по желанію направлять лодку.

Изъ этого уже вполнѣ видно, что лодка нижне-амурскихъ инородцевъ въ главныхъ чертахъ своихъ однородна съ судами маньчжуро-китайцевъ на Сунгари. Она заимствована у послѣднихъ, или, если можно такъ сказать, представляетъ изъ себя зерно маньчжуро-китайской лодки, очищенное отъ всякихъ побочныхъ дополненій. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы такіе приверженцы собственной старины, какъ китайцы, заимствовали у другого народа образецъ своихъ судовъ, ограничиваясь только дополненіями и усовершенствованіями въ духѣ своихъ потребностей. Это тѣмъ менѣе вѣроятно, что амурскіе инородцы къ тому же стоятъ на гораздо болѣе низкой степени культуры, чѣмъ сами китайцы. И такъ, возможно одно лишь заключеніе, а именно, что нижне-амурскіе инородцы — сначала ближайшіе къ Сунгарійскому краю Гольды, а чрезъ нихъ и осѣдлые

Digitized by Google

ниже по Амуру Ольчи и Гиляки, познакомясь съ маньчжуро-китайскими лодками, начали строить и свои по ихъ образцу. Но, сообразуясь со своими болѣе ограниченными потребностями, они заимствовали у этихъ лодокъ только основныя черты ихъ. А соотвѣтственно меньшимъ силамъ и средствамъ нижне-амурскихъ инородцевъ, и самые размѣры этой лодки у нихъ значительно умалились. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что китайцы на Сунгари, обращая въ свою пользу чужую рабочую силу, съ давнихъ поръ не сами строили свои суда, а по данному образцу и за ничтожное вознагражденіе поручали ихъ сооруженіе туземцамъ — что и понынѣ дѣлаютъ. Нижніе Гольды и сосѣдніе съ ними Ольчи (напримѣръ въ деревнѣ Ади), страна которыхъ особенно изобилуетъ соотвѣтственнымъ лѣсомъ, а именно гигантскими кедрами, даже слывутъ за особенно искусныхъ строителей тѣхъ и другихъ судовъ. Максимовичъ видѣлъ у нижнихъ Гольдовъ маньчжуро-китайскую лодку ихъ издѣлія, общая длина которой равнялась 8, а наибольшая ширина $1^1/_4$ саженямъ. Она была сооружена по заказу одного китайскаго купца. Послѣдній заплатилъ за нее кувшинъ съ водкой, имѣвшій 2 фута вышины и 1 футъ въ поперечникѣ, 3 сажени бумажной матеріи и 4 просяной крупы. Между гольдо-гиляцкой лодкой и маньчжуро-китайской одна только разница, которая обусловливается неодинаковыми размѣрами обѣихъ и заключается въ способѣ насадки веселъ. У первой весло насаживается на шпинь, у второй оно покоится въ соотвѣтственныхъ углубленіяхъ, вырѣзанныхъ въ борту. Не знаю, существуетъ ли у китайцевъ или у кого либо изъ сосѣднихъ сибирскихъ народовъ также и первый способъ насадки веселъ. Зато онъ опять встрѣчается у Аиновъ на Сахалинѣ и на Ессо[1]). Не есть ли это доказательство того, что способъ этотъ составляетъ аино-гиляцкое, или вообще палэазіатское изобрѣтеніе? Отъ Гиляковъ оно могло перейти къ ихъ амурскимъ сосѣдямъ тунгусскаго племени, Ольчамъ и Гольдамъ, и тамъ тоже обратиться въ обычай. А дальше не было ли оно, благодаря своей цѣлесообразности, перенесено и на лодку, во всемъ остальномъ заимствованную у маньчжуро-китайцевъ? Итакъ нижне-амурскіе инородцы далеко не такъ много, какъ то кажется съ перваго взгляда, участвовали въ изобрѣтеніи собственнаго способа сооруженія судовъ. Напротивъ, и здѣсь, какъ раньше въ постройкѣ жилищъ и во многомъ другомъ, очевидны слѣды китайскаго вліянія, которое съ береговъ Сунгари распространилось на весь Нижне-Амурскій край.

Но какъ объяснить, что вышеописанная лодка маньчжуро-китайскаго образца, отличающаяся такимъ практическимъ и цѣлесообразнымъ устройствомъ и столь распространенная во всемъ Нижне-Амурскомъ краѣ, вполнѣ отсутствуетъ въ Верхне-Амурскомъ? Населеніе послѣдняго между тѣмъ состоитъ въ близкомъ племенномъ родствѣ съ жителями перваго и находится подъ однимъ и тѣмъ же господствомъ. Причина тому, безъ сомнѣнія, политическая. По удаленіи съ Амура русскихъ въ XVII столѣтіи политика китайцевъ состояла въ опустошеніи страны по верховьямъ этой рѣки. Создавая тамъ большія необитаемыя пространства, они имѣли въ виду по возможности изолировать Сунгарійскій край,

1) Siebold, Nippon, VII., Taf. XXIII.

Digitized by Google

представлявшій для нихъ особенную важность[1]). Съ этой цѣлью китайцы запрещали плаваніе по устью Сунгари и оттуда вверхъ по Амуру, не только нижне-амурскимъ инородцамъ, но повидимому и своимъ собственнымъ сунгарійскимъ купцамъ. На устьѣ Сунгари былъ даже учрежденъ постоянный постъ для наблюденія за строгимъ исполненіемъ этого запрета[2]). Такимъ образомъ была положена преграда сношеніямъ верхне-амурскихъ и инородцевъ съ нижне-амурскими по большому водному пути, ихъ соединяющему. Слѣдовательно и способы передвиженія, которые могли бы служить имъ при обоюдныхъ сношеніяхъ, не подвергались взаимному вліянію. А къ самостоятельному подражанію маньчжуро-китайской лодкѣ ничто не побуждало жителей Верхне-Амурскаго края. Правда, и у нихъ встрѣчаются маньчжуро-китайскія суда, на которыхъ плаваютъ исключительно маньчжурскіе чиновники и даурскіе купцы. У города Айгуна даже стоитъ цѣлая флотилія ихъ. Я самъ насчиталъ 37 такихъ судовъ въ трехъ отдѣльныхъ группахъ. Эти стараго типа суда окрашены въ черные и красные цвѣта. На шпигелѣ у нихъ красуется грубо вырѣзанный изъ дерева и тоже пестро размалеванный драконъ. Флотилія эта является здѣсь представительницей военнаго могущества китайской имперіи и должна внушать инородцамъ страхъ и почтеніе къ ней. Суда эти, понятно, совсѣмъ недоступны туземцамъ. Къ тому же послѣдніе въ качествѣ кочующихъ охотниковъ главнымъ образомъ посѣщаютъ только притоки Амура и вполнѣ удовлетворяются своими первобытными челноками. Наконецъ, помимо всего, здѣсь нѣтъ мѣста для посреднической дѣятельности алчныхъ къ наживѣ китайскихъ купцовъ въ томъ видѣ, какъ она проявляется на берегахъ Сунгари и нижняго Амура.

Обращаясь назадъ ко всему сказанному выше, приходимъ къ заключенію, что между способами передвиженія по сушѣ и водѣ нижне-амурскихъ и верхне-амурскихъ инородцевъ существуютъ важныя и характерныя различія. У нижне-амурскихъ способы эти вообще достигли бо́льшаго развитія, изъ чего слѣдуетъ, что и цѣли, ими преслѣдуемыя, конечно шире. На томъ же основаніи и торговыя сношенія амурскихъ инородцевъ между собой и съ сосѣдними культурными народами тоже должны быть гораздо оживленнѣе у нижне-амурскихъ, чѣмъ у верхне-амурскихъ инородцевъ. Дѣйствительно, при ближайшемъ знакомствѣ съ этими сношеніями, мы встрѣтимъ еще много фактовъ, которые это доказываютъ и подтверждаютъ.

---

1) См. выше, Т. I, стр. 156.

2) См. выше, Т. I, стр. 35, 62.

Digitized by Google

8 Отдѣлъ.

Ловля рыбы, преимущественно лососевой, осетра и бѣлуги. Рыболовные снаряды. Ловля морскихъ животныхъ: тюленя и бѣлухи.

Въ предшествующихъ главахъ мы уже не разъ говорили о болѣе или менѣе важномъ значеніи рыболовства для всѣхъ амурскихъ инородцевъ. Чѣмъ дальше внизъ по теченію рѣки, тѣмъ большіе размѣры оно принимаетъ, и на устьѣ Амура наконецъ, у Гиляковъ, превращается въ conditio sine qua non ихъ существованія. Между разными явленіями и условіями жизни неизбѣжно существуетъ тѣсная связь. Немудрено значитъ, если мы раньше, описывая жилища, одежду, пищу, способы передвиженія амурскихъ инородцевъ, уже неоднократно касались разныхъ подробностей ихъ быта, которыя или имѣютъ прямое отношеніе къ рыболовству или находятся въ зависимости отъ него. Такъ, напримѣръ, мы видѣли какое вліяніе имѣетъ рыболовство на большую или меньшую степень осѣдлости отдѣльныхъ инородцевъ Амурскаго края. Въ противоположность охотѣ, оно, вообще обусловливая осѣдлую жизнь, однако ежегодно два раза требуетъ перемѣны мѣста и жилища, а лѣтомъ и болѣе частаго передвиженія по водѣ. Дальше, намъ приходилось выяснять болѣе или менѣе преобладающее участіе рыболовства въ составѣ ихъ пищи, одежды и другихъ жизненныхъ условій. Такимъ образомъ мы уже имѣли случай перечислять важнѣйшіе для амурскихъ инородцевъ виды рыбъ и подробно говорить о способѣ ихъ употребленія и заготовленія впрокъ для людей и собакъ. Теперь намъ остается еще ознакомиться со способами ловли по крайней мѣрѣ самыхъ главныхъ рыбъ, съ эпохами производства этой ловли и съ кое какими зависящими отъ того обстоятельствами.

Обзоръ нашъ мы, какъ и всегда, начнемъ съ Гиляковъ, и именно съ амурскихъ, которые во всѣхъ отношеніяхъ превосходятъ своихъ соотечественниковъ на Сахалинѣ. Ловля рыбы на Амурѣ и зимой производится, но въ это время года конечно не отличается обиліемъ. Къ тому же она оканчивается съ появленіемъ первыхъ признаковъ весны,

Digitized by Google

какъ только ледъ настолько ослабѣетъ, что на немъ нельзя безопасно держаться, или покроется наслудомъ. Тогда для амурскихъ жителей наступаетъ самое тяжелое и голодное время въ году. И людямъ и собакамъ приходится питаться исключительно остатками зимнихъ запасовъ. Всѣ сношенія между деревнями на Амурѣ прекращаются. Понятно нетерпѣніе, съ какимъ Гиляки всегда ожидаютъ вскрытія рѣки, которое должно возвратить ей оживленіе. Моментъ этотъ, вновь открывая сезонъ рыболовства и разнообразныхъ сношеній, составляетъ важное событіе въ жизни туземцевъ и радостно ими привѣтствуется. Едва рѣка взломаетъ ледъ и очистится отъ него, какъ во всѣхъ сколько нибудь значительныхъ гиляцкихъ деревняхъ снаряжаются большія лодки. Въ каждой изъ нихъ столько гребцовъ, сколько она можетъ вмѣстить. Лодки быстро скользятъ по водѣ, воздухъ оглашается радостными кликами. Рѣкѣ приносятъ дары, бросаютъ въ нее ягоды, пшено, табакъ, кусочки юколы. Мнѣ однажды удалось встрѣтить такую лодку въ моментъ жертвоприношенія (см. таб. XXXIX). То было $^{14}/_{26}$ мая 1856 года, въ началѣ моего обратнаго пути изъ Николаевска, между деревнями Вайромъ и Маго. Въ лодкѣ значительной длины помѣщалось 13 гребцовъ и 1 рулевой. Вооруженные двумя веслами, они сидѣли одинъ за другимъ, наполняя лодку до самаго носа. Надъ ними, у обоихъ концовъ и посрединѣ лодки, возвышалось по легкому сооруженію изъ двухъ перпендикулярныхъ шестовъ съ перекладиной наверху. Люди гребли изо всѣхъ силъ, мѣрно взмахивая веслами. Рулевой сопровождалъ каждый ударъ веселъ мощнымъ движеніемъ руля. Лодка какъ стрѣла мелькнула мимо насъ. Въ воздухѣ пронесся дикій вопль. Все это такъ быстро произошло, что я многаго не успѣлъ разсмотрѣть и между прочимъ не замѣтилъ, висѣло ли что нибудь на легкихъ сооруженіяхъ изъ жердей. А висѣть должно было и несомнѣнно что нибудь легкое, такъ какъ крайне непрочныя по виду сооруженія не вынесли бы ничего тяжелаго. Не предназначались ли они для такъ называемаго цаха или пучковъ длинныхъ, топкихъ, курчавыхъ стружекъ? Недаромъ же подобныя стружки употребляются Гиляками при всѣхъ случаяхъ, связанныхъ съ суевѣріемъ, напримѣръ, при медвѣжьихъ празднествахъ, похоронахъ, и т. д.[1]).

Вѣроятно лишь слабо прикрѣпленные къ жердямъ пучки эти при быстромъ движеніи лодки уже успѣли сорваться и упасть въ воду. Послѣднее даже могло прямо входить въ программу жертвоприношенія, которое, какъ и все что относилось къ этому плаванію, имѣло въ виду умилостивить духа, обитающаго въ рѣкѣ, и обезпечить за собой въ теченіе лѣта и осени счастливую ловлю рыбы и безопасное плаваніе по водамъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что и подъ конецъ осени, когда рѣка покрывается новымъ льдомъ, опять устраивается торжество съ жертвоприношеніями, гдѣ цаху принадлежитъ видная роль. Гиляки собираются на ледъ, дѣлаютъ въ немъ прорубь и водружаютъ на краю ея шестъ со стружками. Затѣмъ въ прорубь бросаютъ выше означенные дары, которые должны умилостивить вышеназваннаго духа и расположить его въ пользу рыбной ловли, а можетъ быть и сношеній по льду.

---

1) См. выше, стр. 124.

Digitized by Google

Немедленно вслѣдъ за вскрытіемъ Амура въ него поднимаются съ моря лучшіе и самые крупные виды рыбы, какими онъ можетъ похвалиться: амурскій осетръ (Acipenser Schrenckii, по гил. *тукки-чо*) и еще бо́льшихъ размѣровъ амурская бѣлуга (Ac. orientalis, по гил. *патх-чо*). И тотъ и другая далеко проникаютъ въ Амуръ и его притоки, Уссури, Сунгари, и другіе. А по свидѣтельству Палласа, бѣлуга, которую русскіе называютъ калугою, встрѣчается даже въ Шилкѣ и Аргуни до сліянія обѣихъ въ Амурѣ[1]). Какъ высоко цѣнятъ Гиляки осетра и бѣлугу, мы уже говорили выше. То же самое надо сказать и о другихъ амурскихъ инородцахъ. Поэтому они всѣ съ одинаковымъ усердіемъ ихъ ловятъ, и способы ловли у нихъ повсемѣстно почти одни и тѣ же. Но въ отдѣльности каждый изъ этихъ народовъ, сообразуясь со своими вкусами и мѣстными условіями той части рѣки, гдѣ живетъ, отдаетъ предпочтеніе тому или другому способу. Гиляки всего больше употребляютъ грубые неводы съ крупными петлями изъ толстыхъ веревокъ, которые могли бы выдерживать борьбу съ огромной и сильной рыбой. Но устройство сѣтей у нихъ и способъ управленія ими различны, смотря по времени года, по количеству рыбы, по тому держится ли она больше на поверхности или въ глубинѣ, покрыта ли рѣка льдомъ или свободна отъ него, и т. д.

Самое большое скопленіе бѣлугъ и осетровъ въ устьѣ Амура бываетъ въ концѣ мая и въ іюнѣ. При тихой погодѣ рыба эта даже часто всплываетъ почти на самую поверхность воды. Тогда Гиляки ловятъ ее простыми длинными четырехугольными неводами, вдоль верхняго края которыхъ расположены деревянные поплавки, а вдоль нижняго мѣстами насажены камешки. Рыболовы въ двухъ лодкахъ входятъ въ фарватеръ и закидываютъ сѣть, держа ее поперекъ за верхніе концы, причемъ направляются внизъ по теченію рѣки навстрѣчу поднимающейся рыбѣ. Когда рѣка спокойна, Гиляки по легкой зыби на водѣ и другимъ подобнымъ признакамъ уже издали привычнымъ глазомъ замѣчаютъ приближеніе крупной рыбы и направляютъ на нее свой неводъ. Соотвѣтственные поплавки даютъ знать, что рыба попала въ сѣть и въ ней запуталась. Рыболовы спѣшатъ туда, вытаскиваютъ неводъ, зацѣпляютъ рыбу желѣзнымъ крюкомъ на длинномъ шестѣ (по гил. *шабчамрхъ* таб. XL, фиг. 2) и поднимаютъ въ лодку, гдѣ убиваютъ ударомъ по головѣ. Но

---

1) Pallas, Reise durch verschied. Prov. des Russ. Reichs. B. III. p. 207. Dasselb. Zoogr. Rosso-asiat. T. III., p. 107. Георги, первый доставившій намъ описаніе этой рыбы, которымъ воспользовался и Палласъ, называетъ ее Ac. dauricus. То же повторяетъ и Брандтъ (Bull. de l' Acad. Imp. des Sc. de St. Petersbourg, T. XIV, p. 172). Изъ рѣкъ, сливающихся потомъ въ Шилку, особенно изобилуетъ ею Ононъ; Ингода напротивъ, по справедливому замѣчанію Георги (Bemerk. einer Reise im Russ. Reich im J. 1772. B. I. p. 353) и Маака (Путеш. на Амуръ, стр. 27), слишкомъ камениста и мелководна для этой рыбы. Во многихъ другихъ старыхъ и новыхъ, преимущественно русскихъ описаніяхъ Даурі и, напримѣръ у Геденштрёма (Отрывки о Сибири. 1830, стр. 146), Паршина (Поѣздка въ Забайкальскій край, Москва. 1844. стр. 117), Гагемейстера (Статист. обозр. Сибири, С.-Петерб. 1854, Т. I стр. 351) Кашина (Нѣсколько словъ объ Аргуни, — Зап. Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. кн. VI., Иркутскъ 1863, стр. 103) Миддендорфа (Пут. на сѣв. и вост. Сиб., ч.II, стр. 591), и друг. упоминается безъ дальнѣйшихъ объясненій просто о бѣлугахъ и осетрахъ, водящихся въ рѣкахъ этой страны. Безъ сомнѣнія это тоже виды осетровыхъ, которые, поднимаясь изъ Амура въ Шилку и Аргунь, проникаютъ и дальше въ вышеназванныя рѣки.

Digitized by Google

случается, что величина рыбы не соотвѣтствуетъ скромнымъ размѣрамъ лодки. Тогда ее на толстой веревкѣ съ крюкомъ тащатъ къ берегу и уже тамъ убиваютъ. Предназначенное для того орудіе состоитъ изъ суковатаго древеснаго корня, къ которому прикрѣпленъ камень, что ясно указываетъ на древнее происхожденіе его, относящееся къ каменному періоду [1]).

При болѣе или менѣе сильномъ волненіи осетры и бѣлуги уходятъ дальше вглубь воды. Приступая тогда къ ловлѣ ихъ, Гиляки отягощаютъ свой неводъ болѣе крупными камнями вдоль нижняго края его и кромѣ того прибѣгаютъ къ слѣдующему приспособленію. Боковые края невода въ такихъ случаяхъ снабжаются многочисленными кольцами, свитыми изъ ивоваго луба. Сквозь нихъ продернуты веревки, которыя у двухъ концовъ сѣти соединяются въ рукахъ рыболововъ. При волненіи трудно по поплавкамъ услѣдить когда рыба попадаетъ въ неводъ. Потому къ задней стѣнкѣ сѣти прикрѣпляютъ нѣсколько бичевокъ (по гил. *умысь*), концы которыхъ тоже соединяются въ рукахъ рыболововъ. Когда рыба попалась, бичевки даютъ о томъ знать рядомъ послѣдовательныхъ подергиваній. Рыболовы тянутъ за двѣ вышеупомянутыя веревки у нижнихъ концовъ и, стягивая вмѣстѣ сѣть, препятствуютъ выходу изъ нея добычи. Затѣмъ рыбу вышеупомянутымъ способомъ убиваютъ.

Наконецъ Гиляки употребляютъ для ловли осетровъ и бѣлугъ еще воронкообразную сѣть или мережу. Нижній край ея отверстія тоже снабженъ камнями, а верхній деревянными поплавками. Тамъ, гдѣ одни кончаются, а другіе начинаются — по кольцу изъ ивоваго луба съ парою веревокъ, которыя или находятся въ рукахъ рыболова или служатъ для укрѣпленія мережи на какомъ либо опредѣленномъ мѣстѣ. Ловля рыбы мережей производится также точно, какъ и вышеописаннымъ неводомъ. Рыбаки закидываютъ сѣть съ двухъ лодокъ и, держа ее поперекъ за концы отверстія, плывутъ внизъ по теченію, навстрѣчу поднимающейся по рѣкѣ рыбѣ. Какъ только движеніе одного изъ поплавковъ или подергиванье одной изъ сигнальныхъ бичевокъ (по гил. *умысь*) обнаружитъ присутствіе въ мережѣ рыбы, сѣть стягиваютъ, и осетръ или бѣлуга пойманы. Иногда мережи и неподвижно разставляютъ на томъ или другомъ мѣстѣ рѣки. Для этого въ дно послѣдней какъ можно крѣпче вбиваютъ два шеста на разстояніи ширины мережи въ разрѣзѣ и прикрѣпляютъ ее къ нимъ съ каждой стороны посредствомъ кольца и веревки, которыя тамъ находятся. Гилякъ въ лодкѣ сторожитъ у одного изъ шестовъ и держитъ въ рукахъ сигнальную бичевку. Попадаетъ въ мережу рыба, онъ или самъ съ ней справляется или даетъ сигналъ и призываетъ на помощь другихъ рыболововъ.

Обѣ эти сѣти употребляются для ловли рыбы и зимой. Ледяной покровъ рѣки однако требуетъ тогда нѣсколько иныхъ приспособленій. Прежде всего во льду для каждой сѣти дѣлаютъ двѣ проруби, на разстояніи — для обыкновеннаго невода въ его длину, а для

---

1) Я самъ не видѣлъ этого орудія у Гиляковъ, но пріобрѣлъ въ Николаевскѣ рисунокъ съ него и съ другого, подобнаго ему, какимъ раздробляютъ черепъ медвѣдя. Позже я приведу снимокъ съ этого рисунка.

Digitized by Google

мережи въ ширину ея отверстія въ разрѣзѣ. Осколки льда, которые послѣ того еще плаваютъ въ проруби, вылавливаются маленькой сѣткой на длинной рукояти (по гил. *хунтулкъ*[1]), какая изображена на таб. XL. фиг. 3. Неводъ разставляютъ подо льдомъ съ помощью особаго орудія. Это длинный, плоскій, у конца слегка загнутый кверху шестъ, по гил. *однъ*, съ фигурой въ видѣ треугольника на вершинѣ, два острія или зубца котораго, обращены назадъ. На треугольникѣ вырѣзаны грубыя изображенія двухъ глазъ. Онъ называется по гил. *однъ-чонгръ*, что значитъ голова *одна* (см. таб. XL. фиг. 4). Шестъ этотъ вводятъ подъ ледъ черезъ одну прорубь и выводятъ наружу черезъ другую, однъ-чонгромъ впередъ. Тамъ одинъ изъ двухъ верхнихъ угловъ невода нацѣпляется на зубцы однъ-чонгра, а другой прикрѣпляется къ жерди, поперекъ положенной надъ той же прорубью. Если же ловля производится мережей, то на зубцы одн-чонгра нацѣпляется одна изъ тѣхъ частей ея, гдѣ находится по кольцу съ веревками. Другая часть, діаметрально противоположная первой, прикрѣпляется къ поперечному надъ прорубью шесту. Остальную часть сѣти или мережи нижнимъ краемъ, отягощеннымъ камнями, опускаютъ въ воду. Затѣмъ однъ тащатъ обратно и вытягиваютъ въ первую прорубь, вмѣстѣ съ угломъ сѣти, который нацѣпленъ на зубцы одн-чонгра. И этотъ уголъ тоже прикрѣпляютъ къ шесту, и здѣсь положенному поперекъ проруби. Такимъ образомъ сѣть подо льдомъ образуетъ стѣну, плотно прилегающую къ нему между двумя прорубями, куда проведены и веревки, за которыя неводъ потомъ вытягивается, а въ одну изъ нихъ кромѣ того еще и сигнальныя бичевки. У этой послѣдней проруби рыболовы подстерегаютъ моментъ, когда рыба попадетъ въ сѣть. Изъ вышесказаннаго видно, что длина одна, находясь въ зависимости отъ разстоянія между прорубями, которое, въ свою очередь, обусловливается величиной сѣти, должна быть весьма значительна. Поэтому его иногда составляютъ изъ нѣсколькихъ кусковъ. Грубое изображеніе лица на однъ-чонгрѣ является необходимой принадлежностью его. Оно связано съ суевѣрными представленіями Гиляковъ и имѣетъ въ ихъ глазахъ важное отношеніе къ ловлѣ осетровъ и бѣлугъ. Существуетъ у нихъ еще и другое повѣріе, спеціально относящееся къ ловлѣ этихъ рыбъ сѣтями. Перо кукушки, прикрѣпленное къ сѣти, должно обусловливать хорошій уловъ. Позже я еще буду говорить объ этомъ суевѣрномъ обычаѣ Гиляковъ и о важномъ значеніи, какое оно имѣетъ въ ихъ глазахъ.

У Гиляковъ существуетъ еще и другой, менѣе употребительный способъ ловли осетровъ и бѣлугъ: это посредствомъ удильныхъ крюковъ, соотвѣтствующихъ сибирскому самолову. Способъ этой ловли былъ уже описанъ Палласомъ со всѣми его видоизмѣненіями на Нижней Оби, на Иртышѣ, на Яикѣ и на Волгѣ[1]). У Гиляковъ онъ производится слѣдующимъ образомъ. Берутъ подходящій древесный корень, или связываютъ три колка на подобіе якоря (см. таб. XLI. фиг. 10, по гил. *чабхъ*), прикрѣпляютъ между ними камень

1) Это орудіе состоитъ изъ обода, въ которомъ натянута сѣтка, по гил. *асъ*, перекладинки въ нижней части обода, по гил. *хотъ*, и длинной, крѣпкой рукояти, по гил. *кипъ*, которою при случаѣ разбивается вновь образующійся въ проруби тонкій слой льда.

Digitized by Google

ляютъ между ними камень и опускаютъ вглубь рѣки на канатѣ изъ ивоваго лыка (по гил. *тыкъ*), который имѣетъ нѣсколько саженей длины [1]). Вдоль каната расположенъ рядъ такихъ же, но болѣе тонкихъ и короткихъ веревокъ съ опредѣленными между ними промежутками. У конца каждой веревки по деревяшкѣ съ острымъ желѣзнымъ крюкомъ (по гил. *кита*, таб. XLI, фиг. 9). Отъ верхняго конца каждой деревяшки тянется къ поверхности воды по тонкой веревкѣ съ поплавкомъ изъ кусочка дерева или коры. Къ главному канату кромѣ того въ опредѣленныхъ мѣстахъ привязаны камни, которые удерживаютъ его на днѣ, тогда какъ деревяшки съ крючьями, поднимаясь на нѣкоторую вышину, колышатся въ водѣ и, благодаря поплавкамъ, принимаютъ болѣе или менѣе наклонныя или отвѣсныя положенія. Къ концу главнаго каната, который при постановкѣ аппарата опускается въ воду послѣднимъ, въ видѣ поплавка привязывается еще довольно крупный обрубокъ дерева. Онъ указываетъ мѣсто, гдѣ находится конецъ каната. Рыба, поднимаясь вверхъ по теченію рѣки, наталкивается на деревяшки съ крюками, скучивается около нихъ и заигрываетъ съ ними. Крюки ее задѣваютъ, она начинаетъ биться и окончательно попадается. Движеніе соотвѣтственныхъ поплавковъ тотчасъ даетъ знать о томъ рыболовамъ. Тѣ подплываютъ въ лодкахъ, поднимаютъ со дна канатъ; пойманная рыба показывается надъ водой; ее зацѣпляютъ крюкомъ на длинной рукояти и втаскиваютъ въ лодку.

Гиляки для ловли бѣлугъ и осетровъ употребляютъ еще гарпунъ. Но и къ нему тоже они прибѣгаютъ гораздо рѣже, чѣмъ къ сѣтямъ, уже по той причинѣ, что, какъ сказано выше, очень несмѣлы на водѣ. Гарпунъ у нихъ двоякаго рода. Одинъ состоитъ изъ простой желѣзной полосы, съ остріемъ и двумя крючьями подъ нимъ. Онъ служитъ также для охоты за тюленемъ, и въ соотвѣтственномъ мѣстѣ будетъ нами подробно описанъ. Другой не иное что, какъ вилообразная острога, съ крючкомъ на каждомъ изъ трехъ зубцовъ (по гил. *чакъ*, таб. XLI, фиг. 8). Оба орудія насаживаются на заостренный деревянный шестъ, съ помощью котораго кидаются съ размаху въ рыбу. Кромѣ того гарпунъ привязанъ къ длинному ремню, противоположный конецъ котораго находится въ рукахъ рыболова. Послѣдній, метнувъ гарпунъ, тянетъ за ремень и вытаскиваетъ рыбу. Гиляки больше употребляютъ первое орудіе, которое носитъ у нихъ названіе *тунгы*.

Наконецъ осетръ и бѣлуга нерѣдко попадаютъ и въ сѣти, которыя разставляются для рыбы изъ породы лососевыхъ. А иногда, при убыли въ рѣкѣ воды посреди лѣта, какъ мнѣ самому пришлось видѣть, они садятся на мель, и тогда ихъ просто бьютъ кольями.

Тотчасъ же по вскрытіи Амура и лососевая рыба начинаетъ подниматься по немъ и по его притокамъ. И такъ продолжается все лѣто и ранней осенью до октября, да и не сразу прекращается даже съ образованіемъ новаго льда. Одни виды этихъ рыбъ идутъ только по одиначкѣ или малыми партіями, другіе большими массами въ нѣсколько пріемовъ, а два изъ нихъ, благодаря количеству, въ какомъ появляются, имѣютъ особенно важное значеніе для Гиляковъ. Это *тенги* или *тенги-чо* (*Salmo Proteus*) и еще больше *лыги*, или, какъ назы-

1) Слово *тыкъ* означаетъ, кажется, собственно канатъ.

Digitized by Google

ваютъ эту рыбу на Сахалинѣ, *лаги-чо* (*Salmo lagocephalus*). Мы уже подробно говорили выше, какую существенную часть питанія Гиляковъ она составляетъ и какую важную роль вообще играетъ въ ихъ хозяйствѣ. Въ виду этой важности намъ слѣдуетъ поближе познакомиться и со способомъ ловли, особенно послѣдней изъ этихъ двухъ лососевыхъ рыбъ. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ объ эпохахъ прохожденія ея по Амуру и вдоль прилегающихъ къ нему съ сѣвера и съ юга морскихъ береговъ.

Salmo Proteus, у русскихъ горбуша[1]), не только водится въ большомъ изобиліи на югѣ Охотскаго моря, къ сѣверо-западу отъ Амурскаго Лимана и у южныхъ береговъ Сѣверо-Японскаго моря, но еще принадлежитъ и къ тѣмъ видамъ лососевыхъ, которые всѣхъ раньше начинаютъ подниматься по рѣкамъ. Она тамъ появляется всегда нѣсколькими недѣлями раньше *Salmo lagocephalus*, порусски кеты. По свидѣтельству Мицуля, горбуша проходитъ вдоль западныхъ береговъ Сахалина въ іюнѣ и во множествѣ проникаетъ во всѣ береговыя рѣки, большія и малыя [2]). Кета напротивъ поднимается въ нихъ позже и не въ такомъ изобиліи[3]). То же, кажется, повторяется и на берегу материка[4]), противоположномъ Сахалину, съ тою однако разницею, что тамъ, по крайней мѣрѣ въ устьѣ большихъ рѣкъ, и кета не уступаетъ въ количествѣ горбушѣ. Во всякомъ случаѣ мы изъ одной мѣстности оттуда, а именно изъ Императорской Гавани, при устьѣ рѣки Хаджи, имѣемъ довольно опредѣленныя свѣдѣнія о времени появленія этихъ двухъ видовъ лососевой рыбы, и тамъ тоже считающихся главными. Маргаритовъ, который цѣлое лѣто провелъ въ этнографическихъ изслѣдованіяхъ среди Орочей Императорской Гавани, сообщаетъ, что горбуша (у Орочей *окд*) и кета (у Орочей *давд*) проходятъ тамъ большими массами въ три пріема, причемъ обѣ рыбы какъ бы соблюдаютъ строгую очередь. Горбуша обыкновенно проникаетъ въ бухту и поднимается вверхъ по рѣкамъ въ теченіе первой, а кета — второй половины каждаго изъ трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Самыя подробныя свѣдѣнія Маргаритовъ сообщаетъ о кетѣ. Первое ея появленіе, говоритъ онъ, совпадаетъ со второй половиной іюня и продолжается до первыхъ чиселъ іюля. Затѣмъ наступаетъ промежутокъ, который длится до десяти дней. Около 20 іюля (по старому стилю) кета опять показывается и идетъ безпрерывно до начала августа. Тамъ новая двухнедѣльная пріостановка, послѣ которой, а именно подъ конецъ августа, кета въ третій разъ наполняетъ бухту и рѣки и остается тамъ даже значительную часть сентября. Первое прохожденіе здѣсь обѣихъ рыбъ, впрочемъ, едва заслуживаетъ этого названія. Онѣ тогда появляются лишь въ небольшомъ количествѣ и не поднимаются по рѣкамъ дальше устья, насколько ихъ туда заноситъ приливъ. При второмъ своемъ появленіи онѣ напротивъ уже огромными массами проникаютъ въ рѣки, а при третьемъ количество ихъ достигаетъ своего максимума. Но это въ ущербъ

---

1) Она такъ называется вслѣдствіе горба, образующагося на спинѣ этой рыбы во время метанія икры.

2) Мицуль, Очеркъ остр. Сахалина въ сельско-хозяйств. отнош. С.-Петербургъ. 1873, стр. 46.

3) Мицуль, тамъ же, стр. 49.

4) Въ Суйфунѣ, по свидѣтельству Барабаша (Сунгар. Эксп. Военн. Сборн. 1874. № 1, стр. 167), въ бо́льшемъ изобиліи ловится горбуша, которую китайскіе рыболовы доставляютъ на золотопромывальни, вглубь страны, до самой Нингуты.

Digitized by Google

ихъ качеству, которое тогда соотвѣтственно понижается. Причина тому отчасти въ истощеніи, а главнымъ образомъ въ процессѣ, который тогда совершается въ организмѣ этой рыбы и даже во внѣшнемъ видѣ ея производитъ извѣстныя перемѣны. Поэтому и запасы юколы, собираемые въ моментъ третьяго прохожденія ея по рѣкамъ, правда, стоятъ меньше трудовъ, но зато всегда оказываются низшаго достоинства. Орочи часто предпочитаютъ для своихъ запасовъ горбушу, хотя та вкусомъ значительно уступаетъ кетѣ, но зато превосходитъ послѣднюю количествомъ. Къ тому же горбушу, благодаря ея меньшимъ размѣрамъ, легче сушить и коптить, а слѣдовательно она и лучше сохраняется[1]). Само собой разумѣется, что эти показанія, основанныя на опытѣ одного лѣта, хотя и собранныя на мѣстѣ, имѣютъ только приблизительную точность. Годъ на годъ не приходится, и эпохи появленія лососевой рыбы могутъ подвергаться бо́льшимъ или меньшимъ, колебаніямъ. Когда я въ 1854 г. посѣтилъ Императорскую Гавань, я засталъ Орочей еще за приготовленіемъ зимнихъ запасовъ изъ *Salmo Proteus*. Это было между 25—28 іюля (по старому стилю). *S. lagocephalus* тѣмъ временемъ еще не показывалась.

Эти два вида лососевой рыбы, особенно горбуша, въ большомъ изобиліи встрѣчаются и въ заливѣ Де-Кастри. Заливъ былъ въ 1787 г. открытъ Лаперузомъ, который и провелъ тамъ 5 дней (отъ 28 іюля до 2 августа н. с., или отъ 17 до 22 іюля с. с.). Бухту, въ верхней части его, онъ засталъ переполненной этой рыбой, и назвалъ ее потому Лососевой (*Baie des saumons*). Рыба, направляясь къ устью небольшихъ рѣчекъ, кишѣла среди морской травы, отливомъ обнаженной на днѣ морскомъ. Въ теченіе дня можно было наловить до двухъ тысячъ штукъ ея. Туземцы въ большомъ количествѣ сушили и коптили ее для зимнихъ запасовъ[2]). Лаперузъ не опредѣляетъ, къ какому именно виду лососевыхъ принадлежала эта рыба. По малымъ размѣрамъ однако, и по незначительному вѣсу ея (отъ 3 до 4 фунтовъ), можно съ достовѣрностью сказать, что то была S. Proteus. Но рядомъ съ нею, Лаперузъ упоминаетъ и о другой, болѣе крупной рыбѣ (отъ 30 до 40 фунтовъ вѣсомъ), которая, по его словамъ, доставляетъ туземцамъ матеріалъ для одежды. Онъ притомъ прибавляетъ, что рыба эта не ловится лѣтомъ[3]). Намъ хорошо извѣстно, что

---

1) В. П. Маргаритовъ. Объ Орочахъ Император. Гавани. Петерб. 1883, стр. 15—21. Я позволю себѣ здѣсь слѣдующее замѣчаніе. Вышеназванное сочиненіе Маргаритова, хотя и заключаетъ въ себѣ цѣнныя сообщенія объ Орочахъ въ Императорской Гавани, особенно о ловлѣ рыбы и звѣрей, зато съ другой стороны грѣшитъ крайне неудачными показаніями насчетъ отношеній Орочей къ Ольчамъ. Онъ совсѣмъ не понялъ того, что сказано о нихъ въ первой части моего настоящаго труда, несмотря на то, что она была напечатана и на русскомъ языкѣ. Онъ даже не знаетъ, гдѣ находятся Ольчи, а узнать это было бы очень легко, взглянувъ на этнографическую карту, приложенную къ этому труду. Маргаритовъ совсѣмъ отвергаетъ ихъ существованіе въ качествѣ отдѣльной вѣтви амурскихъ Тунгусовъ и въ подтвержденіе этого приводитъ само собой разумѣется отрицательный отвѣтъ одного Ороча на вопросъ, не Ольча ли онъ. Къ тому же Маргаритовъ искажаетъ самое названіе Ольчей, превращая ихъ въ «Олячи», и притомъ совсѣмъ неосновательно ссылается на меня: «Олячи Шренка» (тамъ же, стр. 3), — какъ будто я когда нибудь ихъ такъ называлъ.

2) La Pérouse, Voyage autour du monde, T. III, p. 61—63.

3) La Pérouse, l. c. p. 69.

Digitized by Google

родъ лососевой рыбы, употребляемой всѣми нижне-амурскими инородцами для этой цѣли, и есть именно *S. lagocephalus*. Слѣдовательно, изъ показаній Лаперуза мы должны заключить, что эта послѣдняя большими массами появляется въ заливѣ Де-Кастри только осенью, не раньше конца августа и начала сентября.

Отъ болѣе сѣверныхъ Гиляковъ, въ Чоми на Амурскомъ Лиманѣ, я слышалъ, что у нихъ тоже водятся оба вида лососевой рыбы — горбуша и кета, послѣдняя однако въ количествѣ, недостаточномъ для удовлетворенія ихъ потребностей. Потому они, какъ уже сказано выше, подобно Гилякамъ изъ Танги, Аркая и другихъ мѣстностей на западномъ берегу Сахалина, ко времени появленія этой рыбы въ Тымѣ, обыкновенно отправляются на берега этой рѣки для заготовленія болѣе обильныхъ запасовъ на зиму.

Что касается прохожденія лососевой рыбы вдоль южнаго берега Охотскаго моря, къ сѣверо-западу отъ Амурскаго Лимана, мы имѣемъ о томъ кое какія числовыя данныя, благодаря Миддендорфу.

Послѣдній, говоря о времени прохожденія разныхъ рыбъ, преимущественно лососевыхъ, по устьямъ рѣкъ въ Сибири и на сѣверо-западѣ Америки, опредѣляетъ эпоху появленія въ устьѣ рѣки Уди *Salmo Proteus* 22-мъ іюня, а *Salmo lagocephalus* 9-мъ іюля [1]). Интересно для насъ также его сообщеніе, что *S. Proteus* ловится еще и въ водахъ острова Большой Шантаръ, но S. lagocephalus, повидимому, тамъ отсутствуетъ [2]).

Въ устьѣ Амура, наконецъ, горбуша въ первый разъ появляется въ маѣ, т. е., скоро вслѣдъ за вскрытіемъ рѣки. Но ея тогда бываетъ очень мало. Это не болѣе, какъ передовой отрядъ, предшествующій второму появленію ея уже большими массами въ іюнѣ. Тогда Гиляки усердно ее ловятъ и превращаютъ къ юколу для зимнихъ запасовъ. Въ этомъ мѣсяцѣ горбуша поднимается уже вверхъ по Амгуни, гдѣ, вмѣстѣ съ кетой, составляетъ основу хозяйства Негидальцевъ [3]). Въ іюлѣ въ устье Амура снова проникаютъ, но уже небольшіе, запоздалые отряды горбуши, въ количествѣ, о которомъ почти не стоитъ говорить. Итакъ было бы преувеличеніемъ утверждать, что горбуша троекратно поднимается по Амуру. Гораздо вѣрнѣе сказать, что она туда проникаетъ въ два пріема: слабымъ отрядомъ въ маѣ и болѣе многочисленнымъ или главнымъ въ іюнѣ. *S. lagocephalus*, или кета, не прежде августа появляется въ устьѣ Амура. Сильный наплывъ ея большими массами

---

1) Миддендорфъ. Пут. на сѣв.- и вост. Спб., Ч. II, стр. 449, 450. Въ томъ же сочиненіи, но въ другомъ мѣстѣ стр. 413, примѣч. 2) авторъ приводитъ чье то указаніе на довольно регулярное появленіе S. lagocephalus въ устьяхъ Аалы и Уди (*Удь*) около 10 іюня, а семь, или десять дней спустя и въ устьѣ Тугура. Но показаніе это, мнѣ кажется, не заслуживаетъ довѣрія. Да и самъ Миддендорфъ не включаетъ его въ свое собственное вышеприведенное сообщеніе, съ числовыми данными котораго къ тому же оно не сходится. Ссылаясь на это указаніе въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія, Миддендорфъ всегда осторожно прибавляетъ: «какъ говорятъ». Замѣчу здѣсь кстати, что сокращенія, которыя должны обозначать источники (тамъ же, стр. 151), откуда заимствованы вышеприведенныя цифры, опредѣляющія эпохи прохожденія разныхъ рыбъ, къ сожалѣнію не всѣ объяснены у Миддендорфа, и потому многія изъ нихъ остаются непонятными.

2) Миддендорфъ, тамъ же, стр. 484.

3) Миддендорфъ, тамъ же, стр. 755.

Digitized by Google

начинается въ половинѣ этого мѣсяца, а до тѣхъ поръ она поднимается въ рѣку лишь небольшими, отдѣльными или передовыми отрядами. Всего многочисленнѣе она бываетъ тамъ подъ конецъ августа и въ началѣ сентября. Затѣмъ настаетъ постепенная убыль, и такъ продолжается до покрытія рѣки льдомъ въ октябрѣ. Съ этимъ моментомъ прохожденія *S. lagocephalus* по Амуру (въ концѣ августа) Миддендорфъ ознакомился изъ сочиненія Пржевальскаго [1]). Но послѣдній самъ не былъ на устьѣ Амура, и Миддендорфу казалось, что числовыя данныя его, Пржевальскаго, въ настоящемъ случаѣ не совпадаютъ съ эпохой прохожденія той же рыбы вдоль южнаго берега Охотскаго моря [2]). Но онъ имѣлъ притомъ въ виду лишь вышеупомянутое (стр. 423, примѣч. 2) указаніе насчетъ времени появленія S. lagocephalus въ устьѣ Уди, которое мнѣ кажется не только сомнительнымъ, но вполнѣ ошибочнымъ. На самомъ дѣлѣ, S. lagocephalus проникаетъ въ Амуръ гораздо позже, чѣмъ полагалъ Миддендорфъ [3]), и это совсѣмъ просто объясняется его слѣдующимъ сообщеніемъ. Кета, поднимающаяся вверхъ по Тугуру [4]), говоритъ онъ, значительно раньше проходящей по Амуру и Амгуни, достигаетъ того мѣста, гдѣ водныя системы Амура и Тугура, вслѣдствіе уклоненія въ соотвѣтственныхъ руслахъ послѣдняго и Немилена, близко подходятъ одна къ другой. Такимъ образомъ Тунгусы, покончивъ съ ловлею кеты на поворотѣ Тугура (при Буруканѣ) успѣваютъ своевременно перебираться на близко подходящій здѣсь Немиленъ, чтобы тамъ продолжать ловлю.

Приводимыя здѣсь числовыя данныя, опредѣляющія эпохи прохожденія *Salmo Proteus* и *Salmo lagocephalus* по устью Амура, вполнѣ совпадаютъ съ тѣми, которыя добыты наблюденіями въ разныхъ мѣстностяхъ Сѣверо-Японскаго моря. Это намъ станетъ еще яснѣе, когда мы, какъ то и слѣдуетъ на основаніи имѣющихся на лицо данныхъ, прослѣдимъ моменты многократнаго прохожденія здѣсь того или другого изъ вышеупомянутыхъ видовъ лососевой рыбы. Если мы примемъ въ соображеніе большее или меньшее количество, въ какомъ эта рыба появляется въ названныхъ мѣстностяхъ, то мы придемъ къ заключенію, что *S. Proteus* и *S. lagocephalus* попадаютъ въ Амурскій Лиманъ и въ устье р. Амура во время своего стремленія изъ Сѣверо-Японскаго моря дальше на сѣверъ. Но горбуша или S. Proteus притомъ, особенно подъ конецъ своего прохожденія большими партіями, проникаетъ не только во всѣ бухты и заливы, но даже во всѣ самыя незначительныя рѣчки обоихъ побережій. Кета, или *Salmo lagocephalus*, напротивъ, пренебрегая малыми, посѣщаетъ только крупныя рѣки. Главная масса ея идетъ навстрѣчу теченію, которое выходитъ изъ Лимана, сильно разбавленное прѣсной водой. Кета прорѣзываетъ его насквозь, проникаетъ въ величавый Амуръ и распространяется по всей широко раскинувшейся водной системѣ его, въ особенности по нижнимъ притокамъ. Позже, описывая способы рыбной ловли у другихъ народовъ, живущихъ по теченію Амура, вверхъ отъ Гиляковъ, мы еще не разъ

---

1) Путеш. въ Уссур. краѣ, стр. 97.

2) Миддендорфъ, тамъ же, стр. 484.

3) Тамъ же, стр. 443, гдѣ говорится, что кета поднимается въ Амурѣ по крайней мѣрѣ одновременно, если не раньше, чѣмъ въ Тугурѣ, 17—20 Іюня.

4) Тамъ же, стр. 443.

Digitized by Google

будемъ встрѣчаться съ кетой. Но прежде скажемъ еще нѣсколько словъ о появленіи *S. Proteus* и *S. lagocephalus* у Гиляковъ.

Благодаря видной роли, какую эта рыба играетъ въ хозяйствѣ Гиляковъ, эпохи появленія ея имѣютъ особенно важное для нихъ значеніе — такое важное, что и самые мѣсяцы, когда она у нихъ проходитъ, они обозначаютъ ея названіемъ. Такъ, напримѣръ, май въ качествѣ мѣсяца, когда впервые появляется *тенги-чо* (S. Proteus), носитъ у Гиляковъ названіе *валтен-тенги-лонгъ*, а іюнь, когда количество горбуши достигаетъ своего максимума, *тенги-вота-лонгъ*. [1]) Августъ, изобилующій несмѣтнымъ количествомъ *лыги-чо* (S. lagocephalus) и призывающій къ усиленной дѣятельности для заготовленія зимнихъ запасовъ все населеніе страны, именуется у нихъ *лыги-вота-лонгъ* или *пилячраръ* [2]), а то и попросту *пиля-лонгъ*, что значитъ «великій рыбный мѣсяцъ» или короче «великій мѣсяцъ». Это послѣднее названіе особенно краснорѣчиво подтверждаетъ важное значеніе для гиляцкаго хозяйства S. lagocephalus. Іюль мѣсяцъ, по сравненію съ іюнемъ и еще больше съ августомъ, вообще бѣденъ лососевой рыбой. Изъ видовъ ея, собственно ему свойственныхъ, наибольшаго вниманія заслуживаетъ *S. Lycaodon* (по гил. *вель*) или, какъ ее называютъ русскіе, *черка*. Но эта послѣдняя пріобрѣтаетъ больше значенія только дальше вверхъ по теченію рѣки, у Ольчей и Гольдовъ, и болѣе подробно о ней говорить мы будемъ въ соотвѣтственномъ мѣстѣ. У Гиляковъ же она не особенно цѣнится, какъ потому, что значительно уступаетъ въ количествѣ горбушѣ, не говоря уже о кетѣ, такъ и потому, что изготовляемая изъ нея юкола ниже сортомъ и хуже сохраняется. Да и кромѣ того Гиляки, расчитывая на вѣрное и обильное появленіе въ скоромъ времени *лыги-чо*, считаютъ, что не стоитъ тратить времени и трудовъ на заготовленіе юколы изъ *веля*. Поэтому, въ противоположность августу «великому рыбному мѣсяцу», іюль называется у Гиляковъ: *маччраръ-лонгъ*, т. е. «малый рыбный мѣсяцъ [3])».

На восточномъ берегу Сахалина эпохи прохожденія *Salmo Proteus* и *Salmo lagocephalus*, насколько мнѣ извѣстно, не вполнѣ соотвѣтствуютъ тому, что мы видѣли въ Сѣверо-Японскомъ морѣ, на Лиманѣ и въ устьѣ Амура. То же надо сказать и о направленіи, въ какомъ онѣ слѣдуютъ. Горбуша, по свидѣтельству Мицуля, поднимается вдоль этого берега съ юга и около середины іюня достигаетъ залива Терпѣнія, а въ теченіе іюля и значительной части августа идетъ вверхъ по Плыю или Поропаю съ его притоками. На сѣверѣ отъ залива Терпѣнія она появляется въ первой половинѣ августа, тогда же проникаетъ въ рѣку

---

1) Лонгъ значитъ по гиляцки мѣсяцъ. Что касается словъ «*валтенъ*» и «*вота*», я не могу вполнѣ точно опредѣлить ихъ значенія. Но по смыслу этого и остальныхъ названій мѣсяцевъ, мнѣ кажется, что слово *валтенъ* имѣетъ отношеніе къ первому еще малочисленному появленію соотвѣтственной рыбы, а слово *вота* къ главному моменту ея прохожденія большими массами.

2) Слово «чраръ» безъ сомнѣнія происходитъ отъ «чо» — рыба.

3) Но мѣсяцы май до августа, помимо этихъ названій, связанныхъ съ эпохами прохожденія рыбъ изъ породы лососевыхъ, имѣютъ у Гиляковъ еще и другія названія, данныя имъ на основаніи совсѣмъ иныхъ причинъ. То же надо сказать и объ остальныхъ мѣсяцахъ въ году. Но объ этомъ у насъ рѣчь еще впереди.

Digitized by Google

Тыму и поднимается въ верховья и въ притоки ея, гдѣ остается до поздней осени. S. lagocephalus или кета вторгается въ рѣки позже и притомъ, какъ положительно утверждаетъ Мицуль, сначала въ сѣверной, а потомъ въ южной части южнаго Сахалина. Такимъ образомъ она здѣсь, въ противоположность горбушѣ, направляется, кажется, съ сѣвера на югъ. Кромѣ того, она не такъ обильна и держится только извѣстныхъ рѣкъ, но зато появляется въ нихъ ежегодно, хотя не всегда въ одинаковомъ количествѣ [1]). Повидимому, и на восточномъ берегу Сахалина кета тоже предпочитаетъ большія рѣки, какъ Поронай и особенно Тымы. Въ 1881 году Поляковъ, находясь на устьѣ послѣдней, у залива Ный, былъ свидѣтелемъ прохожденія тамъ въ несмѣтномъ количествѣ кеты (S. lagocephalus). Длилось это всю вторую половину августа и пошло на убыль только съ 30-го [2]). Изъ этого слѣдуетъ, что для Гиляковъ на верховьяхъ Тымы, гдѣ они живутъ всего гуще, самый обильный рыбою мѣсяцъ оказывается сентябрь. Въ теченіе его они буквально все свое время проводятъ на водѣ, ловя рыбу и заготовляя ее впрокъ на зиму. Вышесказанное вполнѣ объясняетъ, почему Гиляки на р. Тымѣ неоднократно утверждали мнѣ, что у нихъ, въ противоположность амурскимъ Гилякамъ, не августъ, а сентябрь носитъ названіе *пиляонгъ* или «великаго рыбнаго мѣсяца». Августъ же прозывается *мачки - лонгъ*, т. е. «малый рыбный мѣсяцъ». Итакъ, благодаря естественнымъ условіямъ Сахалина, нѣсколько инымъ чѣмъ на Амурѣ, тамошніе Гиляки переносятъ съ августа на сентябрь и обратно названія, какія тѣмъ даны амурскими Гиляками [3]).

Повторяется ли то же самое и у Тро-Гиляковъ, я не могу сказать, такъ какъ слишкомъ мало находился съ ними въ соприкосновеніи. Невозможнаго однако въ этомъ ничего нѣтъ, хотя порядокъ вещей у нихъ требовалъ бы, чтобы они въ названіи своихъ мѣсяцевъ скорѣе держались бы примѣра амурскихъ Гиляковъ. Но съ другой стороны языкъ Тро-Гиляковъ совсѣмъ однороденъ съ языкомъ Гиляковъ на р. Тымѣ. Да и въ отношеніяхъ послѣднихъ къ первымъ къ тому же существуетъ оттѣнокъ, близко подходящій къ той до нѣкоторой степени руководящей роли, какую играютъ амурскіе Гиляки среди Гиляковъ на Лиманѣ, на западномъ берегу Сахалина и на южномъ побережьѣ Охотскаго моря.

Благодаря прохожденію по Амуру и его притокамъ лососевой рыбы огромными массами, особенно кеты и горбуши, Гиляки безъ особаго труда могутъ ловить ее въ большомъ количествѣ. Въ менѣе значительныхъ притокахъ, каковы Личъ, Камръ, и др., рыба сама собой причаливаетъ къ берегамъ. На мелкихъ мѣстахъ ее тамъ ловятъ просто руками, а въ болѣе глубокихъ вытаскиваютъ изъ воды крючьями или саками и бросаютъ въ лодку. Нагруженныя добычей, лодка за лодкой причаливаютъ къ берегу. Тамъ тоже кипитъ

---

1) Мицуль, тамъ же, стр. 46—49.

2) Поляковъ, Путеш. на о. Сахалинъ въ 1881—1882 гг. (Прилож. къ XIX т. Изв. И. Р. Геогр. Общ., стр. 97).

3) И остальныя названія мѣсяцевъ у амурскихъ Гиляковъ переносятся Сахалинскими съ одного на другой. Объ этомъ мы будемъ говорить въ свое время, равно какъ и о существованіи еще другихъ, кромѣ рыбной ловли, причинъ, обусловливающихъ такую перестановку въ названіяхъ мѣсяцевъ.

Digitized by Google

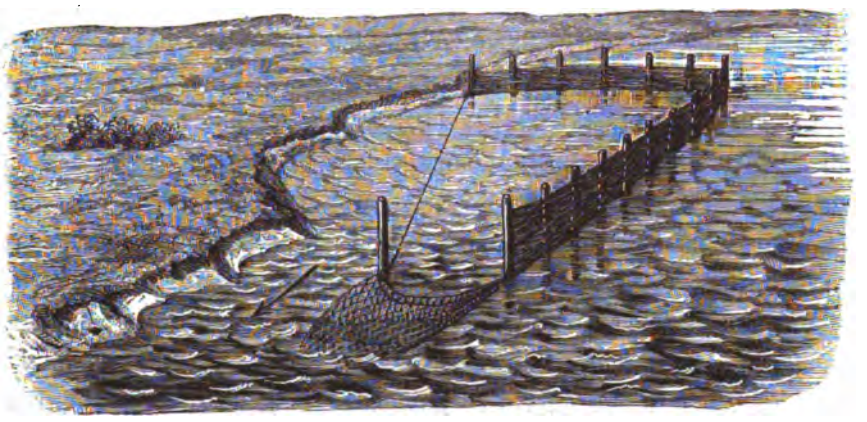
работа. Въ ней участвуютъ и женщины съ дѣтьми. Онѣ разрѣзываютъ рыбу, потрошатъ, сдираютъ съ нея кожу и рядами развѣшиваютъ на сушильняхъ. Мужчины неустанно доставляютъ новый матеріалъ для ихъ работы. На небольшихъ рѣчкахъ, иногда во всю ширину ихъ, раскидываютъ неводъ для ловли рыбы цѣлыми отрядами. Но это не всегда удается. Случается, что сѣть не выдерживаетъ напора рыбы и прорывается. Въ быстрыхъ и глубокихъ водахъ Амура рыбу ловятъ исключительно мужчины. Она и тамъ тоже идетъ чуть не вплотную, и самыхъ простыхъ сѣтей достаточно для весьма значительнаго улова. Гиляки въ двухъ лодкахъ, держа за концы раскинутый между ними неводъ, плывутъ по теченію навстрѣчу рыбѣ. Когда сѣть наполняется, они ее вытаскиваютъ и опоражниваютъ то въ ту, то въ другую лодку, пока обѣ не нагрузятся верхомъ. Иногда два человѣка садятся въ одну лодку и, съ концомъ невода въ рукахъ, плывутъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега внизъ по теченію, навстрѣчу поднимающейся рыбѣ. Третій человѣкъ, на берегу, держитъ въ рукахъ другой конецъ сѣти и идетъ въ томъ же направленіи. Сѣть постепенно наполняется рыбой. Замѣтивъ, что она уже полна, рыболовы въ лодкѣ спѣшатъ на берегъ, гдѣ ихъ ожидаетъ третій, и всѣ вмѣстѣ соединенными усиліями вытаскиваютъ неводъ изъ воды. Сѣти, которыя служатъ Гилякамъ для ловли лососевой рыбы, не всѣ одинаковаго устройства, и способы ихъ употребленія различны. Соотвѣтственно, онѣ имѣютъ и разныя названія, обусловливаемыя кромѣ того еще и родомъ лососевой рыбы, для ловли которой предназначаются, смотря по величинѣ своихъ петель. Такъ, напримѣръ, простой четырехугольный неводъ называется у Гиляковъ *ческъ*, а по величинѣ своихъ петель раздѣляется на *лыги* и *тенги-ческъ*. Другую сѣть мнѣ называли *кырн-кэ*, тоже подраздѣляя ее на *лыги-* и *тенги-кырн-кэ* [1]), и т. д.

Цѣль Гиляковъ—ловить какъ можно больше рыбы, съ наивозможно меньшей затратой труда. Для этого они между прочимъ устраиваютъ въ рѣкѣ заколы. Послѣдніе должны, преграждая путь рыбѣ, загонять ее въ раскинутую по близости мережу. Мѣсто для того выбираютъ у высокаго берега, по сосѣдству съ выдающейся косой, гдѣ образуется быстрина и особенно много встрѣчается рыбы. Такія мѣста всегда хорошо знакомы Гилякамъ. Устраивается заколъ, по гиляцки *мырх*, слѣдующимъ образомъ. Поперекъ рѣки, въ дно ея, начиная отъ берега, вколачиваютъ рядъ свай на разстояніи сажени между каждой. Къ этому ряду, подъ прямымъ угломъ, примыкаетъ второй, болѣе короткій, расположенный вдоль по теченію рѣки. Промежутки между сваями, начиная отъ поверхности воды и какъ можно ниже вглубь ея, переплетены ивовыми прутьями такъ плотно, что рыба никоимъ образомъ не можетъ проскользнуть сквозь нихъ. У нижняго конца того ряда свай, который тянется по теченію рѣки, ближе къ берегу, особо отъ другихъ, стоитъ еще одна свая. Между нею и вышеуказаннымъ концомъ прикрѣплена мережа, по гиляцки *мырх-кэ*. Она имѣетъ форму длинной постепенно съуживающейся книзу воронки. Экземпляръ такой мережи изъ деревни Чхарбахъ былъ мною измѣренъ. Растянутая на землѣ,

1) *Кэ*, по гиляцки означаетъ вообще «сѣть».

Digitized by Google

сѣть эта имѣла $6^1/_2$ метровъ длины, 3 метра ширины у верхняго конца и $1^1/_2$ у нижняго. Воронкообразная сѣть этого рода по верхнему краю своему, т. е., со стороны широкаго отверстія, снабжена двумя параллельно расположенными веревками изъ ивоваго лыка. Тамъ же, въ сѣти, съ одной стороны дѣлаютъ долевой разрѣзъ около 12 дециметровъ длины. Такимъ образомъ у воронки получаются два кончика или ушка: у каждаго по двѣ веревки. Эти послѣднія, а вмѣстѣ съ ними и еще одна веревка, діаметрально противоположная имъ, служатъ для прикрѣпленія сѣти къ сваямъ, для того предназначеннымъ. Къ одному изъ ушковъ прилаженъ еще тонкій сигнальный снуръ (по гил. *умысь*). Онъ на нѣкоторомъ разстояніи развѣтвляется на три отдѣльныя части, концы которыхъ прикрѣплены снутри сѣти, у половины противоположной стѣнки ея. При постановкѣ такой мережи нижній узкій конецъ ея завязываютъ ремнемъ, и такимъ образомъ она превращается въ мѣшокъ, который на нижнемъ краю его отверстія отягощаютъ камнями. Затѣмъ сѣть привязываютъ къ сваямъ



Заколъ, по гил. *мыръ*, для лососевой рыбы на Амурѣ.

веревками, находящимися у ея отверстія. При этомъ она той стороной, гдѣ прорѣзъ, обращена къ серединѣ рѣки, а противоположною къ берегу. Отъ отверстія мѣшка тянется къ берегу еще одна длинная толстая веревка и тамъ прикрѣпляется къ столбу: назначеніе ея — сообщать сѣти побольше устоя и въ тоже время облегчать вытаскиваніе ея на берегъ. Раскинувъ сѣть Гилякъ садится въ лодку и располагается на сторожѣ у наружной стороны втораго ряда свай, къ крайней изъ которыхъ прикрѣплена сѣть. Онъ держитъ въ рукахъ сигнальный снуръ у мѣста развѣтвленія, продернувъ между пальцами отдѣльныя части его. Поднимающаяся вдоль берега лососевая рыба натыкается на поперечную стѣнку закола. Не находя себѣ выхода, она обращается вспять и старается обойти ивовый плетень съ той стороны, гдѣ онъ тянется по теченію рѣки, но вмѣсто того попадаетъ въ сѣть. Трепетаніе сигнальнаго снура въ рукахъ Гиляка даетъ ему о томъ знать. Подергиванія въ снуркѣ постепенно усиливаются. Онъ туго натягивается: это знакъ,

Digitized by Google

что сѣть полна рыбой. Гиляк̀ъ выпускаетъ сигнальный снурокъ, затягиваетъ сѣть веревками, которыя въ нее продернуты у отверстія, и вмѣстѣ съ добычей тащитъ на берегъ. Само собой разумѣется, что не одна лососевая рыба попадаетъ въ эти мережи, а еще и разная другая, не исключая осетра и бѣлуги. Устройство такого закола, или *мыра*, стоитъ не мало труда и усилій. Потому Гиляки ставятъ его только для ловли самой важной для нихъ лососевой рыбы, *лыи-чо*, которая къ тому же проходитъ по Амуру въ наибольшемъ количествѣ. Излишекъ въ запасахъ кеты для нихъ не существуетъ: чѣмъ больше ея у нихъ, тѣмъ лучше. На этомъ основаніи во время прохожденія *лыи-чо* по Амуру подобные *мыры*, или заколы, нерѣдко встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ страны Гиляковъ.

Тѣми же способами, съ такимъ же усердіемъ, ловятъ лососевую рыбу Гиляки и на р. Тымы, орошающей Сахалинъ. Но рѣка эта, менѣе обширная и мѣстами мелководная, не такъ пригодна, какъ Амуръ, для устройства на ней *мыровъ*. Въ нижней части теченія, однако, ближе къ устью ея и къ заливу Ный, такіе заколы встрѣчаются довольно часто. И не одни Гиляки занимаются здѣсь ловлей и заготовленіемъ впрокъ кеты, во время ея прохожденія по р. Тымы, но и Ороки также. А въ послѣднее десятилѣтіе и японцы стали съ тою же цѣлью посѣщать устье р. Тымы. Они обыкновенно тамъ собираются по окончаніи ловли сельдей съ помощью Аиновъ на южномъ берегу Сахалина и горбуши въ устьѣ Пороная. Но японцы дѣйствуютъ на р. Тымы ужъ черезчуръ энергично и безцеремонно. Поляковъ засталъ ихъ тамъ за ловлею кеты въ августѣ 1881 года. Онъ между прочимъ разсказываетъ[1]), что они, было, во всю ширину р. Тымы устроили заколъ и только, въ видѣ уступки настоятельнымъ требованіямъ нашего путешественника, сократили свое сооруженіе на $^1/_{12}$ рѣки. Зато тутъ же, немного выше, они поставили второй заколъ, который занялъ не меньше $^9/_{10}$ всей рѣки. Понятно, что при такихъ условіяхъ японцы ежегодно ловятъ несмѣтное количество кеты. Но съ другой стороны, не менѣе понятенъ и ущербъ, какой они тѣмъ самымъ наносятъ Орокамъ, и особенно Гилякамъ долины р. Тымы, которые главнымъ образомъ живутъ рыбными богатствами этой рѣки.

Что касается рыбъ, которыя круглый годъ не переводятся въ Амурѣ, каковы карпы, налимы, сомы, щуки — о ловлѣ ихъ нельзя сказать ничего особеннаго. Она производится простыми сѣтями и лишь за недостаткомъ другой, болѣе значительной рыбы, между прочимъ зимой подо льдомъ, тѣмъ же способомъ, какимъ тогда ловятся осетры. Амуръ въ своемъ теченіи часто глубоко врѣзывается въ берега, гдѣ образуетъ родъ небольшихъ озеръ со стоячей водой и тинистымъ дномъ. Эти озерки соединяются съ главной рѣкой всегда болѣе или менѣе обмелѣвшими рукавами. Не разъ случалось мнѣ видѣть Гиляковъ, которые разставляли тамъ саки или сѣтчатые мѣшки съ ободкомъ на длинныхъ палкахъ, для ловли карасей и другихъ рыбокъ, какими изобилуютъ эти маленькіе бассейны.

Упомянемъ здѣсь о ловлѣ еще одной рыбы, которая имѣетъ большую важность для извѣстной части гиляцкаго населенія. Способъ этой ловли до того первобытенъ и ориги-

1) Тамъ же, стр. 70—79 и стр. 99.

Digitized by Google

наленъ, что заслуживаетъ особаго вниманія. Мы говоримъ о *канги-чо* или вахнѣ на западномъ и восточномъ берегу Сахалина. Выше у насъ уже была рѣчь о важномъ значеніи для Гиляковъ вахни *(Gadus Wachnja* Pall.*)*, и о способѣ ея употребленія. Рыба эта сплошной массой проходитъ непосредственно подо льдомъ, что даетъ возможность ловить ее очень успѣшно самымъ незатѣйливымъ способомъ. Гиляку для того достаточно желѣзнаго крюка (по гил. *нэч-кось*, таб. XL, фиг. 1) въ одну пядь длины. Крюкъ виситъ на веревкѣ въ три фута длины, а веревка привязывается къ палкѣ, посредствомъ которой можно то опускать, то приподнимать крюкъ. Гилякъ садится у проруби, опускаетъ туда крюкъ и этою своего рода удою, но безъ блевки, вытаскиваетъ изъ воды одну рыбу за другой, которыя тутъ же бросаетъ на ледъ. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ такой ловли 27 февраля (10 марта) 1856 г. около деревни Аркай на западномъ берегу Сахалина. Гилякъ на моихъ глазахъ въ нѣсколько минутъ, которыя я простоялъ у проруби, вытащилъ около двухъ дюжинъ вахни. Крюкъ захватывалъ ее то за жаберную крышку, то за верхнюю, то за нижнюю челюсть. Для защиты отъ вѣтра Гилякъ сидѣлъ подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ крупныхъ еловыхъ вѣтокъ, воткнутыхъ въ снѣгъ позади него и прислоненныхъ къ опрокинутымъ на бокъ санямъ. На льду виднѣлось еще нѣсколько такихъ рыболововъ, на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого. Какъ только набиралось достаточное количество рыбы, ее увозили на саняхъ. Странно, почему Гиляки не прибѣгаютъ къ болѣе цѣлесообразному способу ловли вахни. Уже простые саки были бы для того гораздо пригоднѣе. Но этому, повидимому, препятствуютъ разныя повѣрья, связанныя у Гиляковъ съ употребленіемъ вахни. Такъ, напр. ее нельзя класть въ мѣшокъ, и т. д. На основаніи такихъ суевѣрныхъ представленій они и держатся своего стараго, освященнаго преданіемъ, способа ловли этой рыбы.

Наконецъ намъ еще остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ Гиляки плетутъ сѣти. Матеріалъ для того доставляетъ крапива, Urtica dioica L. (по гил. *хиск*, у Ольчей и Гольдовъ *никта*). Ее, вмѣстѣ съ чернобыльникомъ (Artemisia), который тамъ иногда достигаетъ человѣческаго роста, въ большомъ изобиліи производитъ почва вокругъ гиляцкихъ жилищъ, сильно удобренная разнаго рода отбросами. Стебли крапивы срѣзаютъ осенью. Затѣмъ ихъ мочатъ, а зимою сушатъ и связываютъ въ пучки. Ранней весной начинается приготовленіе изъ нихъ нитокъ и веревокъ, плетеніе и починка сѣтей, которыя въ такомъ употребленіи лѣтомъ. Первоначальная обработка стеблей и заготовленіе нитокъ выпадаетъ на долю женщинъ. Мужчины вьютъ веревки и плетутъ сѣти. Въ деревнѣ Куикѣ, $^{18}/_{30}$ апрѣля 1855 года, я видѣлъ, какъ Гиляки изготовляютъ нитки. Деревянной гладилкой, въ видѣ ножа съ заостреннымъ концомъ, по гил. *хужа*, они прежде всего мнутъ стебли крапивы, раскалываютъ ихъ вдоль, надламываютъ, послѣ чего очищаютъ отъ кожицы, трутъ, треплютъ, пока совсѣмъ не измочалятъ и не удалятъ всѣхъ частицъ древесины. Такимъ образомъ получается родъ кудели. Изъ нея съ помощью ручного веретена прядутъ тонкія нитки. Часть ихъ предоставляется женщинамъ для шитья, другая, бо́льшая, идетъ на изготовленіе разной толщины веревокъ (по гиляцки *пукс*) для сѣтей. Максимовичъ имѣлъ случай

Digitized by Google

присутствовать при этомъ производствѣ, и вотъ какъ онъ его описываетъ [1]). «Волокна, предназначаемыя для веревки, наматываются на столько веретенъ, сколько въ веревкѣ предполагается прядей. Веретена прочно устанавливаются на нарахъ въ юртѣ. Прядь волоконъ съ каждаго изъ нихъ пропускается сквозь особое ушко, нарочно для того прикрѣпленное къ одной изъ подкровельныхъ балокъ, и оттуда спускается обратно внизъ, почти до самаго пола. Остальная часть волоконъ закрѣпляется на веретенахъ такъ, чтобы не разматываться. Пропущенныя сквозь ушко пряди привязываются къ отдѣльному веретену, которое вертятъ до тѣхъ поръ, пока пряди не скрутятся въ снурокъ и не подтянутъ веретена подъ самую крышу. Тогда плотно скрученный снурокъ на него наматываютъ и тамъ закрѣпляютъ. Затѣмъ отъ веретенъ на нарахъ отдѣляютъ новыя пряди; остальную массу волокна на нихъ закрѣпляютъ, и работа продолжается тѣмъ же способомъ». Такимъ образомъ получаются веревки, прочныя и ровныя, какъ наши пеньковыя хорошаго сорта.

Величина хотя бы только главныхъ рыбъ, съ которыми Гиляки имѣютъ дѣло — начиная съ мелкихъ карповыхъ или съ горбуши (Salmo Proteus) и кончая гигантскими бѣлугами — очень разнообразна. Поэтому сѣти, употребляемыя для ихъ ловли, имѣютъ не одинаковой величины петли и плетутся изъ веревокъ разной толщины. Соотвѣтственно и орудія для плетенія сѣтей, хотя всегда одни и тѣ же, бываютъ нѣсколькихъ размѣровъ. Въ числѣ ихъ, однако, четыре главныхъ, наиболѣе употребительныхъ у Гиляковъ. Вообще величина орудій обусловливается родомъ рыбы, для которой предназначаютъ сѣти, изготовляемыя съ ихъ помощью. Но прежде упомянемъ о томъ орудіи, размѣры котораго никогда не мѣняются — служитъ ли оно при плетеніи толстыхъ или тонкихъ сѣтей. Цѣль его обезпечивать непрерывность и качество работы. Это такъ называемый по гил. *поркъ* (таб. XLI, фиг. 7) — или, двукрылое и сверху и снизу, мотовило, вертящееся вокругъ своей оси. На него наматываютъ предназначаемыя для плетенія веревки или снурки. Мотовило привѣшиваютъ за нижній конецъ ручки къ одному изъ подкровельныхъ бревенъ и, благодаря этому, снурокъ, свободно разматываясь, безъ остановки скользитъ въ руки работающему

Затѣмъ слѣдуютъ два другія и самыя главныя орудія. Первое изъ нихъ особаго устройства филейная игла, по гил. *кильксъ* [2]) (таб. XLI, фиг. 1—4), второе, — продолговатая четырехугольная дощечка, по гил. *кивву* [3]) (таб. XLI, фиг. 5—6). Игла — это деревянная, тонкая, длинная, узкая пластинка, заостренная съ одного конца и съ выемкой у другого, гдѣ такимъ образомъ получаются два зубца. Въ пластинкѣ, по направленію къ острію, вынуто по обоимъ краямъ по узкой полоскѣ, отчего образуется длинный зубецъ или

1) Bullet. de la Classe phys. - math. de l'Acad. Imp. des sc. T. XV, p. 230, Anm. 5; Mél. biolog. T. II, p. 501, Anm. 5. Наблюденія эти сдѣланы Максимовичемъ въ Нижне-Амурскомъ краѣ между Никольскимъ и Маріинскимъ постами — у Гиляковъ или у Ольчей неизвѣстно. Но можно съ достовѣрностью предположить, что работа эта одинаковымъ способомъ производится у тѣхъ и у другихъ.

2) Ольчи называютъ ее *сарполь*, а Гольды *сарфо*.

3) *Кивву* на языкѣ Ольчей называется *керорь* или *керуль*.

Digitized by Google

языкъ. Такимъ образомъ игла имѣетъ два нижнихъ или малыхъ зубца и одинъ верхній или длинный. На нихъ наматываютъ спускающійся съ мотовила снурокъ, причемъ тотъ каждый разъ охватываетъ верхній зубецъ, а нижніе захватываетъ по очереди. Затѣмъ иглу пускаютъ въ дѣло. Она ходитъ взадъ и впередъ, какъ ткацкій челнокъ, доставляя матеріалъ для петель и завязывая ихъ въ узлы. Для образованія же петли и сообщенія ей надлежащей величины употребляютъ другое орудіе, а именно продолговатую четырехугольную дощечку, сверху и снизу прямолинейную и по краямъ выкругленную *(кивву)*. Въ ней два прорѣза въ видѣ трехугольниковъ, которые, кажется, не имѣютъ никакого особеннаго назначенія. Черезъ нихъ только продергиваютъ веревку, чтобы лучше сохранять дощечки, нанизывая ихъ какъ связку ключей.

Чѣмъ крупнѣе петли въ сѣти, тѣмъ большихъ размѣровъ должны быть и орудія, *килькъ* и *кивву*, служащія для ея плетенія. Самыми крупными петлями отличается тотъ неводъ, по гил. *патх-кэ*, который употребляется для ловли бѣлуги *(патх-чо)*, а иногда и тюленей. Соотвѣтственно онъ изготовляется изъ самыхъ толстыхъ снуровъ, и для плетенія его употребляется самая большая филейная игла, по гил. *патх-кэ-килькъ (толлесъ-килькъ* и *керваи-кэ-килькъ* тожъ), изображенная на таб. XLI, фиг. 4, — и такая же дощечка для петель (фиг. 6, по гил. *патх-кэ-кивву)*. Орудіями слѣдующей величины плетутся сѣти для осетровъ *(тужи-кэ)*, которыя потому и называются *тужи-кэ-килькъ (ягжинъ-кэ-килькъ* тожъ), фиг. 3, и *тужи-кэ-кивву*, фиг. 5. Третьей величины *килькъ* или *ана-кэ-килькъ (нокн-кэ-кильскъ* тожъ), фиг. 2, служитъ для плетенія тѣхъ сѣтей, которыми ловятъ рыбъ вродѣ сазана (по гил. *пиленатъ*, *Cyprinus Carpio)*, *мимка (Hypophtalmichthys Dybowskii)*, *кыха* и др. Наименьшихъ размѣровъ иглу, наконецъ, мнѣ называли *мырхъ-кэ-килькъ*, фиг. 1, что означаетъ иглу, которая служитъ для изготовленія мережи *(мырх-кэ)*, употребляемой при ловлѣ лососевой рыбы съ помощью закола. Въ то же время мнѣ говорили, что этой послѣдней иглой плетутся сѣти и для горбуши или *тени-чо* (S. Proteus). Изъ этого можно заключить, что петли въ мережѣ, которыя главнымъ образомъ, насколько я видѣлъ даже исключительно, служатъ для ловли кеты (S. lagocephalus) при посредствѣ заколовъ — очень невелики. Врядъ ли онѣ потребовались бы меньшихъ размѣровъ и для болѣе мелкой рыбы, какова, напр. горбуша. Въ мережу кета вторгается большими массами и, попавъ туда, сильно барахтается и бьется. Будь петли въ сѣти пошире, рыба легко выскальзывала бы изъ нея обратно въ воду, а это не только значительно умаляло бы уловъ, но почти совсѣмъ лишало бы значенія *мыры* (заколы), которые сооружаются съ цѣлью именно массовой ловли самой важной изъ лососевыхъ рыбъ. Къ тому же мережи плетутся не изъ толстыхъ веревокъ, что и не нужно вовсе, такъ какъ онѣ всегда разставляются недалеко отъ берега, куда ихъ и не приходится долго тянуть съ добычей. Что касается петельныхъ дощечекъ, относящихся къ двумъ послѣднимъ игламъ, онѣ, само собой разумѣется, сравнительно съ вышеописанными тоже отличаются соотвѣтственно меньшими размѣрами — но я такихъ не видалъ. Такъ какъ у Гиляковъ, кромѣ мережи, употребляемой при *мырахъ*, существуютъ сѣти еще болѣе тонкія, для ловли въ мелкихъ

Digitized by Google

притокахъ и озерахъ карасей и другихъ тому подобныхъ рыбокъ — то конечно у нихъ должны быть и филейныя иглы и петельныя дощечки меньше вышеупомянутыхъ, хотя бы и одной формы съ ними. Но значеніе ихъ, по сравненію съ первыми, такъ ничтожно, что Гиляки, которыхъ я о нихъ распрашивалъ, не только не могли мнѣ показать таковыхъ, но даже сообщить отдѣльныхъ для нихъ названій.

При плетеніи сѣтей этими орудіями кромѣ того употребляютъ особаго рода деревянную вилку. Ее, смотря по мѣсту, гдѣ происходитъ работа, прикрѣпляютъ къ какому нибудь неподвижному предмету — если въ юртѣ, къ краю наръ, если на открытомъ воздухѣ, къ борту лодки. Одинъ зубецъ вилки служитъ упоромъ для той части сѣти, которая въ работѣ, а на другой навѣшиваются уже готовыя части ея [1]). Когда плетеніе окончено, сѣть окаймляютъ вокругъ веревкой изъ ивоваго лыка, а вдоль верхняго и нижняго краевъ ея, съ наружной стороны, прокладываютъ еще по другому ряду такой веревки. Этотъ второй рядъ и сверху и снизу тянется неподалеку отъ перваго, съ которымъ только въ нѣсколькихъ мѣстахъ соединяется. Между обѣими веревками прикрѣпляютъ, смотря по надобности, или небольшіе камни, или поплавки изъ дерева и коры. Гиляки вообще очень берегутъ свои сѣти; при малѣйшемъ поврежденіи ихъ чинятъ и послѣ каждой ловли сушатъ на солнцѣ. Для этого у нихъ существуютъ особыя сооруженія, вышиной въ человѣческій ростъ. Когда сѣти сушатся, суевѣріе предписываетъ не проходить подъ ними, а обходить ихъ вокругъ. Сѣти опять употребляются въ дѣло не прежде, какъ совсѣмъ просохнувъ. Благодаря такому бережному обращенію одинъ и тотъ же неводъ служитъ Гиляку въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и многократно вознаграждаетъ за трудъ, потраченный на его изготовленіе.

Все нами сказанное о рыбной ловлѣ у Гиляковъ въ общемъ относится и къ нижне-амурскимъ инородцамъ тунгусскаго племени, живущимъ въ болѣе или менѣе близкомъ сосѣдствѣ съ ними. Но само собой разумѣется, дѣло тутъ не обходится безъ нѣкоторыхъ измѣненій, обусловливаемыхъ частью образомъ жизни и нравами этихъ народовъ, частью степенью распространенія въ ихъ предѣлахъ той или другой рыбы, подлежащей ловлѣ. Прежде всего замѣтимъ, что нижне-амурскіе инородцы тунгусскаго племени въ данномъ случаѣ отличаются отъ Гиляковъ не столько другими, неизвѣстными для тѣхъ способами рыбной ловли, сколько самымъ существеннымъ условіемъ своего быта, т. е., что они въ гораздо меньшей степени ихтіофаги. Благосостояніе ихъ хозяйства, значитъ, далеко не въ

---

1) Гиляцкое названіе этой вилки осталось мнѣ неизвѣстнымъ. Гольды, по свидѣтельству Маака (тамъ же, стр. 130), называютъ ее *хаманъ*.

Digitized by Google

такой мѣрѣ, какъ у тѣхъ, зависитъ отъ бо́льшаго или меньшаго изобилія рыбныхъ запасовъ. Неудивительно послѣ того, если ни одинъ изъ этихъ народовъ не занимается рыболовствомъ въ такихъ размѣрахъ, съ такимъ постоянствомъ и энергіей, какъ **Гиляки**. У нихъ уже постепенно вступаетъ въ свои права охота. И значеніе послѣдней, какъ средства прямого и непосредственнаго удовлетворенія самыхъ неотложныхъ потребностей жизни — пищи и одежды, все возрастаетъ, по мѣрѣ приближенія въ верховьямъ рѣки и углубленія въ долины, къ ней прилегающія. Даже **Ольчи**, которые и внѣшнимъ и внутреннимъ складомъ своей жизни всѣхъ ближе подходятъ къ **Гилякамъ**, и тѣ не составляютъ здѣсь исключенія. Охота, по сравненію съ рыбной ловлей, сопряженная съ большой тратой времени и труда, отвлекаетъ отъ нея силы населенія, и тѣмъ самымъ естественно наноситъ ей значительный ущербъ, особенно зимой. И потому въ это время года всего ярче обнаруживаются основныя черты характера, составляющія отличія **Гиляковъ** отъ нижне-амурскихъ инородцевъ тунгусскаго племени. **Гиляки**, хотя и охотятся усердно за дикими звѣрями, ради выгодъ, которыя они имъ доставляютъ, все же никогда не перестаютъ быть осѣдлыми рыболовами. У амурскихъ инородцевъ тунгусскаго племени, напротивъ, охота съ наступленіемъ зимы принимаетъ характеръ непреодолимой страсти. Передъ ней блѣднѣютъ права рыбной ловли, и населеніе, въ другое время года осѣдлое, зимой какъ бы превращается въ кочующихъ охотниковъ. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы, когда ледъ сковываетъ рѣки, одни **Гиляки** занимались рыбной ловлей [1]). **Ольчи**, напримѣръ, имъ очень мало въ томъ уступаютъ. Зимой 1855—56 года именно **Ольчи** въ изобиліи снабжали свѣжей рыбой Маріинскій постъ, который находится въ предѣлахъ ихъ страны. Амурскіе **Гольды** тоже, съ наступленіемъ суроваго времени года, не прекращаютъ совсѣмъ рыбной ловли, но чѣмъ дальше вверхъ по рѣкѣ, тѣмъ рѣже занимаются ею. Путешественникамъ, которыхъ зима застаетъ въ ихъ краѣ, какъ я и самъ испыталъ, все чаще и чаще предлагаютъ, вмѣсто рыбы, мясо и жиръ оленей, лосей и кабановъ. Зато у жителей по берегамъ Уссури, согласно **Пржевальскому** [2]), рыбная ловля зимой почти совсѣмъ прекращается. Всѣ еще бодрые мужчины уходятъ на охоту. Дома остаются только старики и женщины, которые одни и занимаются уженіемъ рыбы. Они цѣлыми часами сидятъ у прорубей, погружая и вытаскивая удочку съ нацѣпленнымъ лоскутикомъ краснаго цвѣта или кусочкомъ шкуры, вмѣсто блёвки. При всей незатѣйливости такого орудія рыболовы однако ловятъ въ теченіе дня отъ двухъ до трехъ пудовъ сазановъ (Cyprinus Carpio) и тайменей (Salmo fluviatilis Pall.). Тоже пришлось мнѣ видѣть и у **Самагирцевъ** на Горинѣ, гдѣ я въ 1885 г. провелъ нѣсколько дней: всѣ туземцы тамъ были заняты охотой, а не рыбной ловлей.

Въ хозяйствѣ **Ольчей** и **Гольдовъ** первенствующая роль, какъ и у **Гиляковъ**, принадлежитъ осетру и бѣлугѣ, *Acip. Schrenckii* и *Ac. orientalis*. Осетръ у нихъ называется—

---

1) Какъ то между прочимъ утверждаетъ Арт. **Нордманъ** (Ueber den Fischfang und die Jagd der am Amur wohnenden Giljaken. — Bull. de la Soc. Imp. des Natural. de Moscou, T. XXXIV, 2 Partie, 1861. p. 230.

2) Путеш. въ Уссур. краѣ, стр. 98.

Digitized by Google

по сю сторону Геонгскаго хребта *кундо* или *кондо*, по ту сторону *сура*. На Уссури и вверхъ отъ устья его осетра называютъ *кильфу* или *кирфу*. Бѣлуга носитъ названія: *ади* до устья и *адзи* поверхъ устья и на самой рѣкѣ. Осетръ и бѣлуга одинаково распространены по Уссури всей страны Гольдовъ. Они изъ Амура проникаютъ въ Уссури, въ Сунгари и въ нѣкоторые изъ ихъ притоковъ. Согласно Пржевальскому [1]), осетры и бѣлуги круглый годъ не переводятся въ Уссури и въ озерѣ Ханка, съ которымъ Уссури соединенъ рѣкою Сунгачи. Но всего больше этой рыбы тамъ бываетъ тотчасъ по окончаніи ледохода. Съ наступленіемъ мелководья, осенью, она опять спускается въ Амуръ, и при томъ держится тѣхъ самыхъ рукавовъ, по которымъ передъ тѣмъ поднималась вверхъ. Гольды всегда слѣдятъ за тѣмъ, такъ какъ именно при мелкой водѣ занимаются рыболовствомъ [2]). Что касается Сунгари, тамъ съ вышеназванными рыбами вѣроятно повторяется то же, что на Уссури. Уже китаецъ У-чэнъ въ своихъ запискахъ о Нингутѣ, относящихся къ 1722 г. [3]), сообщаетъ, что въ Хурхѣ или Мутван-хо (по русск. произношенію Муданъ-цзянъ) — этомъ послѣднемъ изъ большихъ правыхъ притоковъ Сунгари — водится много осетровъ или, согласно китайскому названію, *цин-юй* [4]), бѣлугъ, которыхъ зимою ловятъ въ прорубяхъ желѣзными баграми. Но самымъ рыбнымъ притокомъ Сунгари, кажется, надо считать р. Нонни [5]). Должно быть и тотъ огромный осетръ, или бѣлуга, которымъ зимой 1721 г. іезуитъ Параненъ угощалъ въ Пекинѣ русскаго посланника Измайлова и его свиту, происходилъ изъ Сунгари или Уссури, а не съ Амура, откуда его, будто бы, привезли замороженнымъ [6]).

Способы ловли осетровъ и бѣлугъ у Ольчей и Гольдовъ тѣ же, что и у Гиляковъ, за исключеніемъ мелкихъ подробностей. Но и у нихъ, какъ вообще у народовъ тунгусскаго племени, прирожденная склонность къ охотѣ обусловливаетъ предпочтеніе къ тѣмъ именно способамъ, которые наименѣе употребительны у Гиляковъ. Такъ напримѣръ, у Ольчей и у Гольдовъ на Амурѣ и особенно на Уссури, всего больше въ ходу вышеописанный самоловъ или крюкъ въ деревянномъ брускѣ, къ которому Гиляки, напротивъ, всего рѣже прибѣгаютъ. Во всемъ, что относится къ рыбной ловлѣ, Гиляки являются учителями своихъ тунгусскихъ сосѣдей. Но самоловъ, мнѣ кажется, составляетъ исключеніе. Судя по вполнѣ однороднымъ названіямъ отдѣльныхъ частей его у обоихъ народовъ [7]), я склоняюсь къ

---

1) Тамъ же, стр. 62, 95 и 204.

2) Венюковъ. Обозр. р. Уссури (Вѣстн. Геог. Общ. Ч. 25. 1859. Отд. Изслѣд. и Матер. стр. 231). Его же путеш. по окр. Русск. Азіи. С.-Петерб. 1868. стр. 82. Маакъ, Путеш. въ долинѣ р. Уссури, стр. 200—203.

3) Согласно Мааку (l. c. p. 201), Acip. orientalis по китайски называется *цин-хуанъ*.

4) Васильевъ. Зап. о Нингутѣ (Зап. Русск. Геогр. Общ. XII. 1857. стр. 88).

5) Барабашъ. Сунгар. Экспед. (Воен. Сборн. 1874. № 1. стр. 149; № 2. стр. 346.

6) Bell d'Antermony, Voyage depuis St.-Pétersb. en Russie dans diverses contrées de l'Asie. Paris. 1746. Traduit de l'Anglais par M***, p. 366. По свидѣтельству Маака (тамъ же стр. 201), китайскіе купцы ежегодно привозятъ съ Уссури въ Пекинъ на продажу бѣлугу и разную другую рыбу.

7) Такъ, напримѣръ, якорь при самоловѣ называется у Гиляковъ *чабхъ*, у Ольчей и Гольдовъ *чанхбе*; главный канатъ удерживаемый якоремъ на днѣ у Гиляковъ *тыкъ*, у Ольчей и Гольдовъ *дыка*; деревянный брусокъ съ крюкомъ у Гиляковъ *кита*, у Ольчей и Гольдовъ *куйталь* и *куйцале*.

Digitized by Google

мнѣнію, что въ данномъ случаѣ, напротивъ, Гиляки заимствовали у Тунгусовъ этотъ способъ ловли.

Еще характеристичнѣе частое, по сравненію съ Гиляками, употребленіе Ольчами и преимущественно Гольдами вышеописанной остроги о трехъ зубцахъ (см. таб. XLI, фиг. 8). И здѣсь тоже, мнѣ кажется, гиляцкое названіе этого орудія *(чакъ)*, очень близко подходящее къ ольче-гольдскому *(джоябо)*, свидѣтельствуетъ о заимствованіи его Гиляками у своихъ тунгусскихъ сосѣдей. Болѣе простой однозубчатый гарпунъ или *тупны*, напротивъ, повидимому ихъ собственное изобрѣтеніе. Въ предпочтеніи, какое Ольчи и Гольды оказываютъ этому способу ловли рыбы, гораздо больше похожему на охоту, уже ясно обнаруживается ихъ природная, свойственная всѣмъ Тунгусамъ, склонность къ послѣдней. Онъ къ тому же вполнѣ соотвѣтствуетъ смѣлости, легкости и ловкости, съ какими они, даже при свѣжемъ вѣтрѣ, носятся по водѣ въ своихъ утлыхъ берестяныхъ челнокахъ или оморочкахъ. Рыболовъ завидѣлъ крупную рыбу. Онъ бросаетъ двойное весло, вооружается парою малыхъ лопатообразныхъ веселъ, неслышно скользя по водѣ подкрадывается какъ можно ближе къ животному и со всего размаха кидаетъ въ него острогу, которую всегда держитъ наготовѣ. Если орудіе довольно глубоко вонзилось въ мясо рыбы, ее тащатъ за ремень, прикрѣпленный къ острогѣ и, смотря по величинѣ, берутъ въ лодку или тянутъ за собой на буксирѣ. Вообще добыча не легко достается такому рыболову или охотнику. Иная амурская бѣлуга имѣетъ до двухъ саженей длины, и вѣситъ отъ 30—40 пудовъ[1]). Борьба съ такимъ колоссомъ въ одиночку на легкомъ челнокѣ чего нибудь да стоитъ! Мясо и жиръ обѣихъ рыбъ Ольчи и Гольды употребляютъ въ пищу, а изъ пузыря бѣлуги извлекаютъ рыбій клей. Но помимо того не мало выгодъ доставляютъ имъ еще хрящи и добываемая изъ хребетнаго столба (*Chorda dorsalis*) этихъ рыбъ вязига. Туземцы ихъ тщательно очищаютъ, связываютъ въ пучки и продаютъ китайцамъ, которые высоко ихъ цѣнятъ.

Но, несмотря на увлеченіе, съ какимъ Ольчи и Гольды преслѣдуютъ осетровъ и бѣлугъ, главную основу ихъ хозяйства, также точно какъ и гиляцкаго, всетаки составляетъ лососевая рыба, которая большими массами поднимается и по ихъ рѣкамъ. Они тоже нуждаются въ запасахъ этой рыбы, вяленой и копченой (т. е. юколы — *маноре* и *далонгъ*) для прокормленія себя и своихъ собакъ въ теченіе зимы. Но такъ какъ они бо́льшую часть послѣдней проводятъ на охотѣ, то и пища, какую имъ доставляетъ погоня за звѣрями, является важнымъ подспорьемъ въ ихъ хозяйствѣ. Съ другой стороны и торговыя сношенія Ольчей и Гольдовъ далеко не такъ обширны и дѣятельны, какъ у Гиляковъ, а потому они удовлетворяются и содержаніемъ гораздо меньшаго количества собакъ. Все это естественно ограничиваетъ ихъ требованія на зимніе запасы рыбы и умѣ-

1) Пржевальскій (тамъ же, стр. 63) сообщаетъ объ одной бѣлугѣ, пойманной въ устьѣ Уссури, которая вѣсила 47 пудовъ. Слѣдовательно, нѣтъ повода подозрѣвать въ преувеличеніи китайцевъ, когда они утверждаютъ, что вѣсъ бѣлугъ иногда доходитъ до 50 пудовъ.

Digitized by Google

ряетъ рвеніе при заготовленіи ея впрокъ. Дальше, къ этой отчасти только количественной разницѣ въ ловлѣ лососевой рыбы, у Ольчей и Гольдовъ, по сравненію съ тѣмъ, что мы видѣли у Гиляковъ, присоединяется еще и качественная. Послѣдняя зависитъ отъ степени распространенности и отъ болѣе или менѣе частаго появленія отдѣльныхъ видовъ лососевыхъ въ Амурѣ и его притокахъ. Въ связи съ этимъ состоитъ и значеніе, какое тотъ или другой видъ имѣетъ для соотвѣтственнаго населенія по вышеназваннымъ рѣкамъ. Возьмемъ, напримѣръ, горбушу или *S. Proteus*. Она, которая, благодаря своему обилію, играетъ такую важную роль въ странѣ Орочей, амурскихъ и приморскихъ Гиляковъ и Негидальцевъ на Амгуни, быстро теряетъ въ значеніи по мѣрѣ приближенія къ верховьямъ Амура. У Ольчей, правда, она еще повсемѣстно встрѣчается и, между прочимъ, поднимается вверхъ по маленькой рѣчкѣ, у деревни Када впадающей въ Амуръ, и достигаетъ озера по верхнему теченію той. Сѣть съ мелкими петлями, употребляемая Ольчами и нижними Гольдами для ловли небольшой рыбы, у нихъ даже называется, по горбушѣ, *око-магда*. Но Самагирцы въ Нгагѣ, перечисляя мнѣ рыбъ, какія водятся въ Горинѣ, объ этой лососевой уже вовсе не упоминали. Должно полагать, что она и въ Уссури не встрѣчается, такъ какъ ни Маакъ, ни Пржевальскій о ней ничего не говорятъ. Зато другой видъ лососевой, *S. Lycaodon* или нерка, вообще мало уважаемая Гиляками, у Ольчей и Гольдовъ пользуется значительнымъ почетомъ. Въ устьѣ Амура, гдѣ горбуша (*S. Proteus*) и кета (*S. lagocephalus*) проходятъ огромными массами, нерка появляется только въ промежутки между прохожденіями той или другой, всегда въ гораздо меньшемъ количествѣ. Немудрено, если и роль ея тамъ вполнѣ второстепенная. Зато дальше вверхъ по рѣкѣ, гдѣ горбуша постепенно исчезаетъ, а кета проходитъ лишь позднѣе, появленіе нерки въ эпоху, относительно бѣдную рыбой, всегда составляетъ желанное событіе. 3/15 іюля 1855 года я былъ свидѣтелемъ, какъ Ольчи изъ Ади, а въ послѣдующіе дни и Гольды изъ Кэурми и другихъ ближайшихъ вверхъ по рѣкѣ деревень, усердно занимались ловлей *хелже* или *селже*, т. е. нерки (*S. Lycaodon*). Туземцы не только съ удовольствіемъ ѣли ее въ свѣжемъ видѣ, но и пользовались ея обиліемъ въ данный моментъ для заготовленія впрокъ на зиму. Гиляки же, какъ мы видѣли, вообще избѣгаютъ дѣлать запасы изъ этого вида лососевой, которую называютъ *вель*. Но хотя вышеназванныя деревни Ольчей и Гольдовъ, гдѣ я видѣлъ такое множество нерки, лежатъ неподалеку отъ устья Горина, въ него однако рыба эта повидимому не поднимается. По крайней мѣрѣ въ числѣ рыбъ, которыхъ мнѣ тамъ называли Самагирцы, *хелже* не было. Но въ Амурѣ *S. Lycaodon* встрѣчается и дальше вверхъ по теченію. Гольды за Геонгскимъ хребтомъ называютъ ее *уру*. Въ Уссури нерка, кажется, тоже не попадаетъ. По крайней мѣрѣ я тамъ о ней ничего не слышалъ, и въ позднѣйшихъ сообщеніяхъ Маака и Пржевальскаго о рыбныхъ богатствахъ этого края о ней тоже не упоминается.

Но и для нижне-амурскихъ Тунгусовъ, такъ же точно, какъ для Гиляковъ, самою важною лососевой рыбой является кета или *S. lagocephalus*. Она повсемѣстно носитъ у нихъ названіе *дауа* или *дава*. Рыба эта изъ нижняго Амура проникаетъ во всѣ впадающія

Digitized by Google

въ него рѣки — въ Амгунь, Горинъ, Хонгаръ, Уссури и, поднимаясь по послѣднимъ, достигаетъ ихъ самыхъ верхнихъ притоковъ. Въ Уссурійскомъ краѣ кета страннымъ образомъ обходитъ только озеро Ханка [1]), вообще очень обильное рыбою. Причину тому Пржевальскій [2]) полагаетъ въ мутной водѣ озера. Прохожденіе кеты по Уссури продолжается около 14 дней, начиная съ половины сентября. Плывя отъ устья Уссури внизъ по Амуру въ концѣ лѣта 1855 года, а именно 25 и 26 августа (6 и 7 сентября), близъ деревень Соя и Эммеро, у начала Геонгскаго хребта, я наткнулся на первые экземпляры кеты, поднимающейся вверхъ по рѣкѣ. Три дня спустя, у Хонгара и Онмоя, мнѣ встрѣтились уже многочисленныя партіи ея. Все гольдское населеніе было занято ловлею этой рыбы. Въ Онмоѣ, гдѣ я имѣлъ двухсуточную остановку, одинъ весьма толковый старикъ сообщилъ мнѣ, что прохожденіе давы большими партіями здѣсь длится дней 10, послѣ чего она, втеченіе 20 дней, постепенно убываетъ. Еще дальше внизъ по рѣкѣ туземное населеніе все безъ исключенія было буквально поглощено ловлею кеты и заготовленіемъ ея впрокъ. Ею съ избыткомъ наслаждались въ свѣжемъ видѣ, а сушильни вокругъ юртъ обвѣшаны были тѣсными рядами распластанной рыбы, которая на нихъ висѣла широкими красными полосами. Многочисленные отбросы распространяли въ воздухѣ запахъ гнили и служили обильной добычей собакамъ, воронамъ и поплевкамъ.

Дальше у сѣверныхъ предѣловъ страны Ольчей, въ деревнѣ Монголѐ, гдѣ я былъ 13/25 сентября, жители послѣдней полагали, что массовое движеніе по рѣкѣ кеты уже подходило къ концу. Тѣмъ не менѣе я и Гиляковъ засталъ еще за дѣятельной ловлей этой рыбы — и обыкновенными сѣтями, и посредствомъ заколовъ — и такъ до самаго Николаевска. Способы ловли кеты у Ольчей и Гольдовъ ничѣмъ не отличаются отъ гиляцкихъ. Она производится у нихъ или простыми неводами съ опредѣленной величины петлями, которыя по этой рыбѣ носятъ названіе *дауа-магды*, или съ помощью *мынговъ*, т. е. заколовъ. Мережа *(адуле)* при этихъ мынгахъ устроена точь въ точь, какъ и гиляцкій *мырх-жэ*. Она тоже снабжена сигнальными снурами (у Гиляковъ *умысъ*, у Гольдовъ и Ольчей *сираха)* и одинаково употребляется. Но на основаніи вышеприведенныхъ общихъ замѣчаній о рыбной ловлѣ у Ольчей и Гольдовъ, по сравненію съ Гиляками, и заколы у нихъ меньшихъ размѣровъ, рѣже встрѣчаются и не такъ тщательно устроены.

Итакъ, эпоху прохожденія по Амуру кеты надо считать самымъ рыбнымъ для него временемъ года. Но ей обыкновенно предшествуетъ довольно продолжительный періодъ, относительно бѣдный рыбою. Ольчи и Гольды должны тогда довольствоваться тѣми видами ея, которые постоянно водятся въ Амурѣ. Между ними, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ осетровъ, главную роль играютъ нѣкоторыя карповыя рыбы, каковы, сазанъ — *Cyprinus Carpio* (у Ольчей *уя*, у Гольдовъ *кыци*), карась — *Carassius vulgaris* (у Ольчей и Гольдовъ *ханту*), *Pseudaspius leptocephalus* (у Ольчей и Гольдовъ *сова* и *суа*), *Hypophtalmichthys Dybowskii* (у Ольчей и Гольдовъ *тажко* и *таво*), *Culter erythropterus* (у Ольчей

1) или Кенгка.

2) Тамъ же, стр. 97, примѣчаніе.

Digitized by Google

и Гольдовъ *дзадз-хи*) и др., а также *Salmo fluviatilis* (у Ольчей и Гольдовъ *джэль*, у Самагирцевъ на Горинѣ *джёли*), сомъ — *Silurus asotus* (у Ольчей и Гольдовъ *лаха*) и щука (у Ольчей *коро*, у Гольдовъ *гуча*, у Самагирцевъ *гуча*). Изъ двухъ послѣднихъ даже, какъ я самъ видѣлъ, приготовляютъ юколу, хотя въ небольшомъ количествѣ и лишь для употребленія въ ближайшемъ будущемъ. Жители по берегамъ такой рыбной рѣки, какъ Амуръ, даже и во время отсутствія въ ней лососевыхъ, не должны бы терпѣть отъ недостатка рыбы, если бы только не лѣнились ее ловить. Но Ольчи и Гольды въ этомъ отношеніи далеко уступаютъ Гилякамъ. Я самъ видѣлъ какъ Гольды иногда бѣдствуютъ лѣтомъ отъ недостатка пищи. А между тѣмъ имъ стоило бы только поэнергичнѣе заняться рыболовствомъ. Труды ихъ, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ въ эпоху прохожденія по Амуру лососевыхъ, всетаки нашли бы себѣ вполнѣ достаточное вознагражденіе. Но они небрежно и какъ бы нехотя закидывали удочку у самаго берега и довольствовались всякой мелкотой, лишь бы въ данную минуту утолить голодъ. Вообще Гольдамъ недостаетъ присущей Гилякамъ страсти къ рыболовству, которая побѣждала бы въ нихъ природную лѣнь, какъ напримѣръ въ погонѣ за осетромъ и бѣлугой при помощи остроги, когда ловля рыбы превращается въ охоту за ней.

Что касается рыболовныхъ сѣтей у Ольчей и Гольдовъ, онѣ, при одинаковомъ устройствѣ съ гиляцкими, нѣсколько отличаются отъ нихъ матеріаломъ, изъ котораго изготовляются. Его доставляетъ не одна крапива, но еще и конопля (*Cannabis sativa L.*, у Ольчей и Гольдовъ *онохто*), которая вмѣстѣ съ нею и съ чернобыльникомъ въ такомъ изобиліи растетъ вокругъ ихъ юртъ. И это тѣмъ чаще, чѣмъ дальше вверхъ по рѣкѣ. А вмѣсто камней, которыми Гиляки въ извѣстныхъ случаяхъ отягощаютъ свои сѣти, Ольчи и Гольды употребляютъ куски глины *(имбиха)*, въ формѣ параллелепипедовъ. Они вставляютъ ихъ между двумя рядами веревокъ изъ ивоваго лыка (у Ольчей и Гольдовъ *бартохе*) и прикрѣпляютъ ихъ къ нимъ ремнями. Видъ параллелепипеда сообщается глинѣ деревянной формой, состоящей изъ двухъ половинокъ. Ее предварительно смазываютъ внутри рыбьимъ жиромъ и затѣмъ уже наполняютъ глиною, которую плотно въ нее вбиваютъ. Все, что не вошло въ форму, ножемъ срѣзывается вровень съ ея краями. Вынутая изъ формы, глина эта не обжигается, а только сушится и слегка закаливается на теплыхъ нарахъ или передъ огнемъ на очагѣ. Наконецъ, вмѣсто обычныхъ у Гиляковъ поплавковъ изъ дерева или коры, Ольчи и Гольды употребляютъ для своихъ сѣтей пробковые *(кокто* и *кохто)*, нарѣзанные тоже въ формѣ параллелепипедовъ. Пробку для того имъ доставляетъ дерево *Phellondendron amurense* Rupr., свойственное Амурскому краю. Такіе поплавки встрѣчаются у Ольчей уже ниже Кидзи, хотя соотвѣтственное дерево впервые появляется гораздо дальше вверхъ по рѣкѣ, за Онмоемъ, неподалеку отъ устья Хонгара. По этимъ кускамъ пробки у сѣтей Ольчей и Гольдовъ мы впервые и узнали о существованіи въ Амурскомъ краѣ дерева, дающаго пробку.

Digitized by Google

Итакъ, несмотря на прирожденную нижне-амурскимъ инородцамъ тунгусскаго племени страсть къ охотѣ, ихъ главное занятіе всетаки составляетъ рыболовство. Оно именно и обезпечиваетъ существованіе какъ ихъ самихъ, такъ и многочисленныхъ собакъ, которыхъ они содержатъ въ качествѣ своего единственнаго домашняго животнаго для ѣзды въ упряжи. Но, если мы теперь перейдемъ къ ихъ верхне-амурскимъ одноплеменникамъ, мы тамъ увидимъ совсѣмъ обратное явленіе. Нижне-амурскіе Тунгусы, дойдя въ своихъ кочеваніяхъ до гигантской рѣки съ ея величавыми притоками, отказались отъ жизни кочевыхъ охотниковъ и превратились въ болѣе или менѣе осѣдлыхъ рыболововъ, которые, по мѣрѣ приближенія къ низовьямъ Амура, все больше и больше усвоивали себѣ нравы и обычаи своихъ учителей по рыбной ловлѣ, Гиляковъ, уже съ искони вѣковъ тамъ осѣдлыхъ. Но жители тунгусскаго племени по верховьямъ Амура, напротивъ, какъ были, такъ и остались кочевыми охотниками. Они только лѣтомъ временно покидаютъ свои охотничьи площади и спускаются на Амуръ, чтобы тамъ пользоваться его рыбными богатствами. Цѣль ихъ притомъ исключительно собственное прокормленіе, такъ какъ ихъ домашнія или, вѣрнѣе, тоже кочевыя животныя, олень и лошадь, принадлежатъ къ числу травоядныхъ. Рыболовство такимъ образомъ, по сравненію съ охотой, играетъ у нихъ вполнѣ второстепенную роль. Оно только какъ бы дополняетъ и разнообразитъ ихъ пищу.

Это явленіе въ жизни и исторіи амурскихъ инородцевъ находится въ связи еще и съ тѣмъ фактомъ, что верховья Амура далеко не такъ богаты рыбой, какъ его низовья. Имъ болѣе или менѣе недостаетъ именно тѣхъ рыбъ, которыя, какъ разные виды лососевыхъ и преимущественно кета, періодически и большими массами проникая съ моря въ нижній Амуръ съ его притоками, вполнѣ обезпечиваютъ жизнь тамошняго населенія. Миддендорфу сообщали, вѣроятно сопровождавшіе его Тунгусы, что въ Бурею кета уже не проникаетъ. Рѣка Унмю, въ которой я однако не могъ признать ни одного изъ извѣстныхъ мнѣ притоковъ Амура, по тому же свидѣтельству — послѣдняя, куда проникаетъ кета [1]). Маакъ говоритъ, что она еще поднимается по Комарѣ, но дальше за ней уже рѣдко встрѣчается въ Амурѣ [2]). Первое изъ этихъ показаній мнѣ кажется сомнительнымъ; второе же вполнѣ достовѣрно. Въ Шилкѣ и Аргуни, до сліянія ихъ въ Амуръ, во всякомъ случаѣ кета совсѣмъ отсутствуетъ. Слѣдовательно, легко могло случиться, какъ то разсказываетъ Шмидтъ [3]), что прибывшіе оттуда на верхній Амуръ переселенцы отказывались ѣсть кету, какъ рыбу, имъ совершенно неизвѣстную. Такимъ образомъ, благодаря своему распространенію исключительно въ предѣлахъ Нижне-Амурскаго края, и важному значенію, какое она имѣетъ для всего тамошняго населенія, кета или *S. lagocephalus* является, съ этнологической точки зрѣнія, выдающейся бытовою чертою, которая составляетъ одно изъ главныхъ отличій Нижне-Амурскаго края отъ Верхне-Амурскаго.

---

1) Миддендорфъ, Пут. на сѣв.-вост. Сиб., Ч. II, стр. 484. На его «Гидрографической картѣ Становаго хребта», составленной по китайскимъ источникамъ, но не вышедшей въ свѣтъ, рѣка эта не обозначена.

2) Маакъ, Путеш., стр. 74.

3) Histor. Bericht. etc., p. 20.

Digitized by Google

Въ противоположность всему сказанному о рыбахъ изъ породы лососевыхъ, преимущественно о кетѣ, осетровыя, которыя не только повсемѣстно водятся въ Амурѣ, но и поднимаются по Шилкѣ и Аргуни вплоть до самой даурской границы, напротивъ составляютъ явленіе, общее у всѣхъ инородцевъ, и внизъ, и вверхъ по теченію рѣки. Бирары, Манегирцы и Орочоны съ такимъ же рвеніемъ, какъ и ихъ нижне-амурскіе одноплеменники, преслѣдуютъ этихъ огромныхъ рыбъ, и всего охотнѣе гигантскихъ размѣровъ амурскую бѣлугу. Но они не ловятъ ее, подобно Гилякамъ, сѣтями, а, какъ то свойственно и прилично охотничьему народу, бьютъ острогою, которую мѣтко бросаютъ въ добычу изъ своихъ легкихъ челноковъ[1]). Каждая изъ этихъ рыбъ въ отдѣльности, подобно оленю, лосю и другимъ крупнымъ лѣснымъ звѣрямъ, даетъ охотнику значительное количество мяса для пищи и кромѣ того множество хрящей, составляющихъ весьма доходный предметъ торговли съ китайцами. Во время моего путешествія вверхъ по Амуру, я 17/29 августа, проходилъ мимо того мѣста, гдѣ нѣкогда стоялъ Албазинъ, и гдѣ теперь находились двѣ манегирскія юрты. При мнѣ вытащили на берегъ только что убитую огромную бѣлугу. Ее привлекъ за собой на буксирѣ легкій берестяный челнокъ. Она тутъ же была разрѣзана на части и раздѣлена между обитателями юртъ. Бѣлугѣ прежде всего отрубили голову и погрузили въ воду — какъ говорили для того, чтобы предохранить отъ порчи и отъ мухъ, которыя слетались сюда цѣлыми роями. Но тутъ, безъ сомнѣнія, была еще и другая причина, таившаяся въ суевѣріи, свойственномъ также и нижне-амурскимъ инородцамъ по отношенію къ нѣкоторымъ изъ дикихъ звѣрей. Но объ этомъ у насъ еще рѣчь впереди. Затѣмъ были удалены накожные костяные щиты, животное выпотрошено, желудокъ съ кишками отброшенъ, а остальныя мягкія части — сердце, печень и мясо, раздроблены. Начался дѣлежъ. Всякій получилъ свою часть, которою могъ распоряжаться по желанію. Къ сожалѣнію, мое путешествіе по странѣ Манегирцевъ и Орочоновъ выпало на время года, когда большинство изъ нихъ уже покинуло Амуръ и вернулось обратно на свои охотничьи площади. На этомъ основаніи мои личныя наблюденія здѣсь ограничиваются только вышесказаннымъ, и я не могу больше сообщить никакихъ подробностей о способахъ ловли рыбы у этихъ народовъ. Но тамъ и сямъ на мѣстѣ стоянокъ еще оставались деревянныя сооруженія, приспособленныя для сущенія рыбы. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что Манегирцы и Орочоны, посѣщая Амуръ, занимаются рыболовствомъ не только для прокормленія себя пока остаются на рѣкѣ, но и для собиранія рыбныхъ запасовъ на будущее время. Средства для перенесенія ихъ однако очень ограничены у кочующихъ народовъ, а потому и запасы эти не могутъ быть велики — во всякомъ случаѣ они должны не стѣснять ихъ при переходахъ съ одной охотничьей площади на другую. Въ заключеніе мы видимъ, что у этихъ инородцевъ рыболовство не составляетъ, какъ у нижне-амурскихъ, постоянно и без-

1) И самыя названія этихъ рыбъ однородны у верхне-амурскихъ инородцевъ и у верхнихъ Гольдовъ. Согласно Мааку (тамъ же, стр. 58 и 60), Орочоны называютъ бѣлугу (*Ac. orientalis*) *адзинъ*, а амурскаго осетра (*Ac. Schrenckii*) *килемма*.

Digitized by Google

условно необходимаго источника существованія, который къ тому же обязывалъ бы ихъ къ большей или меньшей осѣдлости. Оно у нихъ только побочное занятіе, временно вторгающееся въ ихъ жизнь кочевыхъ охотниковъ. Въ этомъ неодинаковомъ значеніи рыболовства и охоты для верхне- и нижне-амурскихъ инородцевъ лежитъ существенная разница, которая и даетъ мѣрку всего склада ихъ жизни.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы займемся уже спеціальнымъ обозрѣніемъ охоты у амурскихъ инородцевъ. Прежде скажемъ однако нѣсколько словъ о способахъ преслѣдованія у нихъ двухъ морскихъ животныхъ — тюленя и бѣлаго дельфина или бѣлухи. Но ловля послѣднихъ, въ силу естественныхъ условій края, производится только по низовьямъ Амура. Она, въ связи съ рыболовствомъ, и является тамъ одной изъ характеристическихъ бытовыхъ чертъ, которыя въ общей картинѣ жизни амурскихъ инородцевъ и составляютъ существенное отличіе одной группы ихъ отъ другой.

Первенствующая роль и тутъ принадлежитъ Гилякамъ. Изъ предъидущаго мы уже видѣли, какую разнообразную пользу они извлекаютъ изъ тюленя. Онъ даетъ имъ матеріалъ для пищи, для одежды и для орудій, употребляемыхъ ими при передвиженіи. Имъ же кормятъ собакъ, и кромѣ того онъ служитъ для удовлетворенія еще разныхъ другихъ потребностей ежедневной жизни. Потому ловля тюленя, какъ и рыбы, составляетъ главное занятіе Гиляковъ. Благодаря географическому положенію своей страны, они могутъ производить ее у себя повсемѣстно: на Охотскомъ побережьѣ — какъ на материкѣ, такъ и на островѣ Сахалинѣ — на Лиманѣ и въ самомъ Амурѣ, вверхъ по которому, какъ уже сказано, тюлени поднимаются до страны Ольчей. На Охотскомъ побережьѣ и на Лиманѣ охота за ними даже преобладаетъ надъ рыбной ловлей. Это видно уже изъ того, что одежда тамошнихъ жителей отчасти, нерѣдко даже вся, состоитъ изъ тюленьей шкуры. На Лиманѣ, между прочимъ, два мѣстечка носятъ названіе «Лангр-во» или сокращенно «Лангръ» и «Лангри», что значитъ тюленьи деревни. Не потому ли дано имъ такое прозвище, что мѣстоположеніе ихъ особенно благопріятно для ловли тюленей; или можетъ быть населеніе ихъ отличается особеннымъ искусствомъ въ преслѣдованіи этихъ животныхъ? Одно изъ двухъ Лангри, расположенное на западномъ берегу Сахалина, по свидѣтельству Глена, не иное что, какъ лѣтнее мѣстопребываніе жителей деревни Тулькъ. И я ничего больше не могу о немъ сказать. Зато другое, которое лежитъ на островкѣ при входѣ изъ Охотскаго моря въ Лиманъ, я самъ посѣтилъ. Оно вполнѣ оправдываетъ мою догадку насчетъ происхожденія его имени. Это одна изъ самыхъ крупныхъ деревень на Амурскомъ Лиманѣ. Населеніе ея находится въ оживленныхъ сношеніяхъ съ амурскими Гиляками, предметъ мѣновой торговли съ которыми составляютъ именно продукты охоты за тюленями — мѣхъ, шкура и жиръ этого животнаго. На югѣ Лимана такая же точно роль принадлежитъ деревнѣ Чоми.

Digitized by Google

Тамъ находится маленькая группа Хагимифскихъ острововъ, которые часто посѣщаются для охоты за тюленями ближайшими сосѣдями съ материка. Но болѣе подвижные Гиляки изъ Чоми не удовлетворяются этимъ. Они преслѣдуютъ тюленя еще и дальше на югъ отъ Амурскаго Лимана, въ проливѣ Маміа-Ринсо, въ сѣверной части Японскаго моря и на противоположномъ берегу Сахалина, гдѣ, между прочимъ, я самъ видѣлъ ихъ на побывкѣ въ Погоби. Едва ли въ меньшихъ размѣрахъ производится ловля тюленей и въ самомъ устьѣ Амура, въ Чхарбахѣ, Нгале-во и Пронге. Особенно удобное для того мѣсто представляетъ тамъ островокъ Уизутъ.

Всѣ виды тюленей, водящихся въ Амурскомъ Лиманѣ, по показаніямъ самихъ Гиляковъ, поднимаются и въ Амуръ, — всѣ, за исключеніемъ одного вида съ мѣстнымъ названіемъ *алхъ*, *Phoca equestris* Pall. Но, повидимому, только молодые тюлени заходятъ такъ далеко въ Амуръ, старые же не идутъ дальше устья. Всѣхъ выше по рѣкѣ во всякомъ случаѣ поднимается *Ph. nummularis* Schleg., который потому и считается главнымъ. Взрослые экземпляры этого вида тюленя носятъ названіе — у Гиляковъ *пыги-лангръ*, у Ольчей — *яухса*. Его шкура, болѣе или менѣе испещренная крапинами, встрѣчаетъ у Гиляковъ самое разнообразное примѣненіе. Изъ нея, какъ сказано выше, изготовляютъ одежду, мѣшки, и пр., и она же употребляется на обшивку лыжъ. Не менѣе важенъ для Гиляковъ и другой, хотя болѣе рѣдкій въ рѣкѣ видъ тюленя, *Ph. barbata* Müll., по гил. *кигичъ*. Его болѣе толстая шкура, по удаленіи съ нея волосъ, идетъ на изготовленіе обуви съ подошвой, отдѣльныхъ частей собачьей упряжи и столь необходимыхъ въ разныхъ случаяхъ ремней. По двумъ главнымъ рѣкамъ Сахалина, по Тымѣ и по Плью или Поронаю, тюлени поднимаются верстъ на 60 [1]), но соотношеніе, существующее тамъ между разными видами ихъ, еще не изслѣдовано.

На морскомъ берегу и на Амурскомъ Лиманѣ ловля тюленей производится круглый годъ. Зимой Гиляки подстерегаютъ тюленей на льду, куда тѣ выходятъ подышать. Они ихъ тогда преслѣдуютъ тѣмъ же гарпуномъ (*тунгы*, таб. XLII, фиг. 2) [2]), который служитъ и для ловли осетровъ и бѣлугъ. А иногда, отрѣзавъ тюленю отступленіе въ воду, охотники просто наносятъ ему ударъ дубиной по головѣ. Къ послѣднему способу, впрочемъ, прибѣгаютъ дальше подъ весну, когда тюлени чаще выходятъ изъ воды, чтобы погрѣться на солнцѣ. Гиляки изъ Чоми, которыхъ я встрѣтилъ въ Погоби, и жители деревни Тэгль на Охотскомъ побережьѣ на материкѣ, единодушно называли мнѣ апрѣль: *аркайль-лонгъ*, т. е. мѣсяцъ, когда начинается самый обильный уловъ тюленей на морскомъ берегу и на Лиманѣ. Въ Амурѣ, напротивъ, тюленей ловятъ только до замерзанія рѣки, преимущественно въ августѣ, который по гиляцки называется *пиля-чрар-лонгъ*, т. е. большой рыбный мѣсяцъ, такъ какъ тогда именно, вслѣдъ за огромными массами кеты, появляется тамъ

1) Мицуль, Очеркъ остр. Сахал. С.-Петерб. 1873, стр. 48.

2) Это названіе прежде всего примѣняется къ желѣзному острію, изображенному на прилагаемой таблицѣ, но относится также и ко всему орудію, состоящему изъ гарпуна съ древкомъ для метанія его.

Digitized by Google

и наибольшее количество тюленей. То же повторяется и въ устьѣ р. Тымы на Сахалинѣ, гдѣ, одновременно съ рыбою, тюленей ловятъ не только туземные Гиляки и Ороки, но еще и тѣ Гиляки, которые являются туда съ этой цѣлью съ верховьевъ рѣки. И въ морѣ, и въ Амурскомъ Лиманѣ, и въ рѣкѣ Амурѣ тюленей преслѣдуютъ тогда гарпуномъ (тугнгы, таб. XLII, фиг. 2), который бросаютъ въ добычу изъ лодки, но чаще всего употребляютъ для того особое орудіе, называемое по гил. *лыхомъ*. Оно состоитъ изъ дощечки въ одинъ футъ длины, которая спереди слегка загнута кверху и оканчивается удлиненіемъ въ видѣ прямого рога (таб. XLII, фиг. 1), куда насаживаютъ остріе обыкновеннаго гарпуна *(тугнгы)*, съ прикрѣпленнымъ къ нему длиннымъ ремнемъ. Заднимъ концомъ, съ глубокимъ желобомъ, дощечка привязана къ шесту (по гил. *тла*) отъ 10 — 13 саженей длины, составленному изъ нѣсколькихъ кусковъ.[1]) Такимъ образомъ у орудія получается очень длинная рукоять, съ помощью которой нападеніе на чуткое и осторожное животное можетъ производиться на значительномъ разстояніи. Лыхъ спускаютъ на воду. Охотникъ скрывается въ лодкѣ или на берегу. Завидѣвъ животное, которое покоится на камнѣ или просто всплываетъ на поверхность воды, онъ медленно, съ большими предосторожностями, направляетъ на него остріе лыха и затѣмъ вдругъ, однимъ быстрымъ движеніемъ, вонзаетъ его въ ничего не подозрѣвающую добычу. Потомъ тюленя на ремнѣ тащатъ къ берегу или въ лодку, гдѣ и убиваютъ ударами дубины. Иногда амурскіе Гиляки прибѣгаютъ еще къ слѣдующей уловкѣ. Гдѣ нибудь въ укромномъ мѣстѣ, неподалеку отъ берега, часто посѣщаемомъ тюленями, въ дно моря или рѣки вбиваютъ колъ, къ которому прикрѣпляютъ одно или пару плавучихъ бревенъ. Это служитъ приманкой тюленю. Онъ на нихъ располагается, на него изъ засады направляютъ лыхъ и убиваютъ[2]).

Ловля тюленей у Гиляковъ, конечно, тоже связана съ разнаго рода суевѣрными представленіями. Такъ, напримѣръ, лыхъ, подобно вышеописанному *одн-чонгру*, имѣетъ на верхней сторонѣ грубое изображеніе человѣческаго лица. Оно считается тамъ необходимымъ для успѣшнаго употребленія орудія.

Кромѣ того суевѣріе предписываетъ немедленно выкалывать глаза убитому звѣрю, причемъ глазную влагу собираютъ въ горсть и выбрасываютъ въ воду. Затѣмъ ему отрѣзываютъ оконечность морды или уже прямо сразу рубятъ голову и тоже бросаютъ въ воду. Охотниками въ данномъ случаѣ руководитъ мысль, что убитое животное такимъ образомъ остается въ невѣдѣніи своего убійцы. А это даетъ возможность избѣжать его посмертной мести въ видѣ неудачной охоты за тюленями въ будущемъ. Очевидно, то же самое суевѣрное представленіе лежитъ и въ основѣ вышеприведеннаго обращенія Манегирцевъ съ убитыми бѣлугами и осетрами. Но Гиляки слишкомъ цѣнятъ эту рыбу, чтобы каждый разъ жертвовать ея головой, и вѣроятно предпочитаютъ удовлетворять требованіямъ суевѣрія

1) Я видѣлъ такой шестъ на островѣ Уизутѣ, который изобилуетъ тюленями. Положенный на землю шестъ имѣлъ 40 шаговъ длины.

2) Рисунки, какъ предлагаемый здѣсь, такъ и предыдущіе, исполнены ученымъ хранителемъ нашего музея по Антропологіи и Этнографіи Ф. К. Русцовымъ.

Digitized by Google

болѣе дешевымъ способомъ. Чуть ли они не довольствуются однимъ выкалываніемъ глазъ, однако самъ я и того не видѣлъ. Но какъ бы то ни было, а обращеніе Гиляковъ съ убитыми тюленями и лично для меня имѣло свои неудобства: изъ за него я не могъ добыть ни одной тюленьей шкуры въ полной цѣлости.

Способъ употребленія Гиляками лыха для ловли тюленей.

У Аиновъ ловля тюленей на обоихъ берегахъ Сахалина играетъ такую же важную роль, какъ и у Гиляковъ, и производится тѣми же способами. Они, по свидѣтельству Мицуля, [1]) тоже употребляютъ вышеописанный гарпунъ на длинномъ шестѣ, или гиляцкій лыхъ. Уже Мамія Ринсо разсказываетъ, что Аины для приманки тюленей сооружаютъ на водѣ маленькіе деревянные плотики. Животное выходитъ на нихъ понѣжиться, и его убиваютъ гарпуномъ [2]).

Что касается амурскихъ инородцевъ тунгусскаго племени — у нихъ ловля тюленей составляетъ почти исключеніе. Положеніе страны, въ которой они живутъ, лишь для весьма немногихъ изъ нихъ обусловливаетъ необходимость, въ числѣ другихъ средствъ пропитанія, прибѣгать и къ ловлѣ тюленей, или по крайней мѣрѣ даетъ имъ возможность ею промышлять. Первое встрѣчается у приморскихъ Орочей. Они преслѣдуютъ тюленя не только для удовлетворенія своихъ собственныхъ потребностей въ шкурахъ, въ мѣхѣ и въ жирѣ

Оригиналомъ ему служили наброски, которые были сдѣланы на мѣстѣ, частью моимъ спутникомъ Поливановымъ, частью мною самимъ въ моемъ путевомъ дневникѣ. Иные же изъ рисунковъ представляютъ снимки съ соотвѣтственныхъ предметовъ въ нашемъ музеѣ. Пользуюсь случаемъ выразить за то г-ну Руссову мою искреннюю благодарность.

1) Тамъ же, стр. 130.

2) Mamia Rinsô. Tô—tats—kiko (Siebold, Nippon VII, p. 185.

Digitized by Google

этого животнаго, но еще и для того, чтобы добывать главные предметы мѣновой торговли, которую ведутъ со своими западными сосѣдями Гольдами. Тѣмъ не менѣе ловля тюленей и у Орочей значительно уступаетъ охотѣ за лѣсными звѣрями, которая составляетъ ихъ излюбленное занятіе. **Ольчи** тоже, хотя и въ меньшей степени, но все же еще могутъ заниматься тюленьимъ промысломъ въ предѣлахъ своей страны — съ одной стороны на заливѣ Де-Кастри, съ другой на Амурѣ, куда далеко поднимаются эти животныя. Само собой разумѣется, что Ольчи ловятъ тюленей однимъ способомъ съ Гиляками, которые и были въ данномъ случаѣ ихъ учителями. **Негидальцы,** наконецъ, несмотря на свою отдаленность отъ моря, занимаются тюленьимъ промысломъ на Охотскомъ побережьѣ. Часть населенія ихъ, съ Амгуни и преимущественно съ озеръ Орель и Чля на сѣверо-востокѣ ихъ страны, ежегодно перебираясь черезъ горы, отправляется туда съ этою цѣлью. [1]) О тюленьемъ промыслѣ въ примѣненіи къ остальнымъ амурскимъ инородцамъ тунгусскаго племени конечно и рѣчи быть не можетъ.

Ловля бѣлухи (*Delphinapterus Leucas* Pall. по гил. *поми-чо*, на нарѣчіи Ольчей *малыта*) еще менѣе тюленьяго промысла занимаетъ мѣста въ жизни амурскихъ инородцевъ. Распространеніе этого животнаго въ Амурскомъ краѣ почти ограничивается одной страной **Гиляковъ.** Только на восточномъ берегу Сахалина и въ Амурѣ бѣлуха проникаетъ нѣсколько дальше на югъ. На западномъ же берегу Сахалина она останавливается у южныхъ предѣловъ страны Гиляковъ. Родина — бѣлухи полярныя моря, къ которымъ по общему характеру своему и Охотское море принадлежитъ. Спускаясь по немъ вдоль восточнаго берега Сахалина, бѣлуха доходитъ до южной оконечности острова, и въ большомъ количествѣ проникаетъ въ заливъ Терпѣнія и въ устье р. Пороная. [2]) Болѣе теплаго Сѣверо-Японскаго моря она напротивъ избѣгаетъ. Въ моемъ трудѣ о млекопитающихъ Амурскаго края [3]) я уже говорилъ, что бѣлуха изъ Охотскаго моря проникаетъ въ Амурскій Лиманъ и въ рѣку Амуръ, гдѣ поднимается на довольно значительное разстояніе отъ устья, на всемъ протяженіи страны Гиляковъ, и даже заходитъ дальше на югъ къ ихъ сосѣдямъ, Ольчамъ. Она

---

1) Согласно Бошняку и Шмидту, а также см. Т. I, стр. 16 и 31.

2) Поляковъ, путеш. на остр. Сахалинъ (Прилож. къ XIX т. Изв. Импер. Русск. Геогр. Общ. стр. 107, 111). Его же, Отчетъ объ изслѣд. на остр. Сахалинѣ, въ Южно-Уссурійск. краѣ и въ Японіи (Прилож. къ XLVIII т. Зап. Имп. Академіи Наукъ, № 6, стр. 5—7). Поляковъ разсказываетъ, что бѣлуха еще до вскрытія Пороная большими отрядами появляется въ устьѣ его и поднимается подо льдомъ въ моментъ морского отлива. Съ убылью воды въ рѣкѣ подъ ледяной корой образуется слой воздуха, который даетъ животному возможность свободно дышать. Но наступаетъ приливъ, и вся бѣлуха, иногда съ дѣтенышами на спинѣ, выплываетъ обратно въ море. Это появленіе и исчезновеніе бѣлухи въ устьѣ Пороная повторяется, прибавляетъ Поляковъ, съ правильностью морского отлива и прилива. Собаки на льду, почуявъ присутствіе подъ нимъ бѣлухъ, начинаютъ безпокоиться и усиленно лаять.

3) Reisen u. Forsch. im Amur-Lande. Bd. I p. 191.

Digitized by Google

любитъ глубокія мѣста въ рѣкѣ, и потому больше держится праваго высокаго берега Амура. Всего многочисленнѣе бываетъ она въ низовьяхъ Амура, особенно въ августѣ и сентябрѣ, когда можетъ тамъ лакомиться кетою (S. lagocephalus), съ которою встрѣчается, спускаясь обратно къ морю. Ослѣпительной бѣлизны громадныя животныя, играя и ныряя въ волнахъ, уже обращали на себя здѣсь вниманіе японскаго путешественника Мамія-Ринсо [2]).

На основаніи вышесказаннаго понятно, что изо всѣхъ амурскихъ инородцевъ почти одни Гиляки занимаются ловлею бѣлухи. Аины на восточномъ берегу Сахалина тоже могли бы ловить ее, но ни одинъ изъ путешественниковъ по ихъ странѣ о томъ не упоминаетъ. Мало склонные къ смѣлымъ охотничьимъ предпріятіямъ, они, что касается бѣлухи, вѣроятно удовлетворяются тѣми экземплярами ея, которыхъ само море выбрасываетъ на берегъ. По крайней мѣрѣ, какъ мы видѣли, Аины поступаютъ такъ съ китами, о которыхъ, впрочемъ, и Гиляки не больше заботятся. Бѣлуху, напротивъ, послѣдніе преслѣдуютъ съ оружіемъ въ рукахъ. Они притомъ употребляютъ спеціально для того предназначенный гарпунъ, такъ называемый ими *парръ* (таб. XLII, фиг. 3 и 4). Онъ состоитъ изъ короткой и толстой костяной трубки, въ которую всажена желѣзная пластинка, въ видѣ обоюдоостраго кинжала съ крючкообразными нижними концами. Трубку насаживаютъ на древко (по гил. *верлъ*) и съ помощью его бросаютъ гарпунъ въ добычу. Кромѣ того трубку снабжаютъ длиннымъ и крѣпкимъ ремнемъ, на которомъ раненное животное, смотря по обстоятельствамъ, тащатъ въ лодку или на берегъ, гдѣ и добиваютъ. И въ данномъ случаѣ, какъ при ловлѣ тюленя, суевѣріе предписываетъ—вѣроятно на основаніи тѣхъ же вышеупомянутыхъ представленій, прежде всего рубить животному голову. Только Гиляки не бросаютъ ее въ воду, а вмѣсто того, обнаживъ черепъ отъ мяса и мускуловъ, вѣшаютъ его на дерево у воды. Мнѣ, на правомъ берегу Амура, въ разныхъ мѣстахъ попадались деревья, обвѣшанные бѣлушьими черепами, которые въ то же время служили доказательствомъ, какъ удачно Гиляки охотятся за бѣлухой. Ловятъ ли ее Ольчи, въ страну которыхъ она тоже, хотя гораздо рѣже, заходитъ, мнѣ неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ Ольчи и тутъ могли бы только у Гиляковъ заимствовать способы своей ловли. Охота за бѣлухой, значитъ, тоже составляетъ такую характерную бытовую черту Гиляковъ, которая отличаетъ ихъ отъ другихъ амурскихъ инородцевъ. А такъ какъ родина бѣлухи на крайнемъ сѣверѣ, то черта эта вдобавокъ является какъ бы соединительнымъ звеномъ между Гиляками и жителями полярныхъ странъ. Замѣчательно, что и у тѣхъ также существуетъ обычай развѣшивать по деревьямъ черепа убитыхъ бѣлухъ, а за отсутствіемъ деревъ, на колья, которые для того вколачиваются въ землю, какъ то, напримѣръ, видѣлъ Палласъ [1]) у Остяковъ и Самоѣдовъ на Оби.

---

1) Путешественникъ этотъ называетъ ихъ *сира-куцира*, т. е. бѣлые киты. (Tô—tats—kiko, in Siebold, Nippon, VII, p. 117).

2) Reise durch versch. Prov. des Russ. Reichs, Bd. III, p. 85; Zoographia rosso—asiat. T. I. p. 275.

Digitized by Google

Глава 9.

Охота на лѣсныхъ звѣрей. Охотничьи снаряды. Желѣзное охотничье оружіе; его изготовленіе. Оборонительное и почетное оружіе.

Во главѣ обзора, которому посвященъ настоящій отдѣлъ, я считаю нелишнимъ еще разъ вкратцѣ и въ общихъ чертахъ повторить то, что уже говорилъ выше о двухъ главныхъ источникахъ существованія амурскихъ инородцевъ. Охота составляетъ у нихъ явленіе, находящееся въ прямой противоположности съ рыболовствомъ. По мѣрѣ удаленія отъ устья Амура, она пріобрѣтаетъ все больше и больше значенія, и по верховьямъ этой рѣки и по притокамъ ея наконецъ превращается въ первое и главное условіе существованія тамошняго населенія. Такимъ образомъ охота играетъ въ Верхне-Амурскомъ краѣ ту же роль, что рыболовство въ Нижне-Амурскомъ.

Начнемъ опять съ **Гиляковъ.** Страна ихъ лежитъ по низовьямъ Амура и, соотвѣтственно, они наиболѣе осѣдлые изъ амурскихъ инородцевъ. По преимуществу ихтіофаги, они менѣе прочихъ преданы охотѣ. Ловля рыбы, тюленя и бѣлухи непосредственно снабжаетъ ихъ матеріаломъ для одежды, для собственной пищи и для корма собакъ. Охота же у нихъ, какъ средство къ удовлетворенію жизненныхъ потребностей, занимаетъ лишь второстепенное мѣсто. Значеніе ея для Гиляковъ ограничивается добываніемъ тѣхъ продуктовъ, которые даютъ имъ возможность вести торговлю съ пограничными культурными народами, и путемъ ея пріобрѣтать разнаго рода иноземные предметы, уже успѣвшіе обратиться для нихъ въ необходимость. Потому они и преслѣдуютъ только тѣхъ звѣрей, мѣхъ которыхъ находитъ себѣ вѣрный и выгодный сбытъ у китайцевъ — ихъ главныхъ покупщиковъ. На этомъ основаніи первая забота гиляцкихъ охотниковъ — сохранить шкуру преслѣдуемаго звѣря въ полной неприкосновенности, и потому охота ихъ за нимъ скорѣе сводится къ ловлѣ его посредствомъ силковъ, капкановъ, разныхъ ловушекъ, причемъ они не пренебрегаютъ и отравой.

Охотятся Гиляки, само собой разумѣется, только зимой. Рыболовство не поглощаетъ ихъ тогда всецѣло, какъ лѣтомъ, а лѣсные звѣри въ это время года одѣваются въ свои самые драгоцѣнные мѣха. Снѣгъ, который толстымъ слоемъ покрываетъ мелкій кустарникъ,

Digitized by Google

валежникъ и вообще сглаживаетъ всѣ неровности почвы, къ тому же значительно облегчаетъ передвиженіе среди лѣсной чащи. Можно принять за правило, что чѣмъ обильнѣе снѣгомъ зима, тѣмъ удачнѣе бываетъ охота: Гиляки это знаютъ по опыту. Однако они и зимой не въ такой мѣрѣ, какъ ихъ тунгусскіе сосѣди, занимаются ею. Послѣдніе, какъ мы увидимъ дальше, часто покидаютъ свои жилища, на цѣлыя недѣли удаляются въ лѣса и тамъ неутомимо преслѣдуютъ дикихъ звѣрей. Гиляки же предпочитаютъ оставаться въ своей странѣ и охотиться въ ближайшихъ отъ своихъ зимнихъ жилищъ окрестностяхъ. Съ этой цѣлью гиляцкіе зимники часто сооружаются на значительномъ разстояніи отъ лѣтниковъ и преимущественно въ мѣстностяхъ, наиболѣе пригодныхъ для охоты.

Самые важные для Гиляковъ звѣри—соболь (по гил. *лумръ*, у Гиляковъ на рѣкѣ Тымы и у Тро-Гиляковъ *огробъ* и *мыгр-нга*, что значитъ бурый звѣрь), рѣчная выдра (по гил. *нгы*, у Гиляковъ на рѣкѣ Тымы и у Тро-Гиляковъ *пхыикъ*) и различныхъ оттѣнковъ лисица [1]) (по гил. *кэкжъ*, у Гиляковъ на рѣкѣ Тымы и у Тро-Гиляковъ *пагалтъ* и *пагалчъ*, т. е. красный звѣрь). Мѣха ихъ особенно высоко цѣнятся въ торговлѣ, и страна Гиляковъ еще въ достаточномъ количествѣ ими изобилуетъ.

Но первымъ изъ всѣхъ пушныхъ звѣрей Гиляки считаютъ соболя. Самая употребительная для него ловушка у нихъ называется *ха*. Устройство ея слѣдующее. Въ древесномъ стволѣ, на высотѣ 3 — 4 футовъ отъ земли, выдалбливаютъ дыру. Берутъ соотвѣтственной толщины бревно и однимъ концомъ всовываютъ его въ дыру, гдѣ оно, не касаясь ея края, поддерживается перпендикулярной палочкой, которая, въ свою очередь, покоится на дощечкѣ, въ глубинѣ дерева примыкающей къ приманкѣ. На запахъ приманки — кусочка юколы или тюленьяго жира — является звѣрь и, въ попыткахъ ее схватить, выталкиваетъ изъ подъ бревна поддерживающую его палочку. Бревно падаетъ на край дыры, гдѣ ущемляетъ голову животнаго. А чтобы послѣднее вѣрнѣе задохлось, край дыры, у мѣста удара, снабженъ еще небольшой перекладиной. Ловушка эта, или *ха*, разставляется конечно въ мѣстахъ, всего охотнѣе посѣщаемыхъ соболями, а именно въ долинахъ и по берегамъ небольшихъ рѣчекъ. Въ послѣднемъ случаѣ бревно для западни перекидываютъ черезъ ручей. Переходя изъ долины въ долину, съ одного горнаго откоса на другой, соболь часто пользуется опрокинутыми деревьями какъ мостомъ [2]). Въ небольшихъ долинахъ по верховьямъ рѣки Тымы на Сахалинѣ я много разъ натыкался на такую ловушку или на слѣды отъ нея на деревьяхъ. Но къ досадѣ Гиляковъ, въ нее, вмѣсто соболя, нерѣдко попадаютъ другіе звѣрки, гораздо меньшей цѣнности — бѣлки (по гил. *лакръ* и *лакрсъ;* внутри Сахалина и на

---

1) Что касается названій разныхъ оттѣнковъ лисьяго мѣха у Гиляковъ и у другихъ амурскихъ инородцевъ, смотри мой трудъ о млекопитающихъ Амурскаго края (Reisen u. Forsch. im Amur-Lande, Bd. I). Тамъ же можно ближе ознакомиться и со свойствами и съ географическимъ распространеніемъ млекопитающихся, какъ вышеназванныхъ, такъ и тѣхъ, о которыхъ рѣчь еще впереди.

2) Пржевальскій (тамъ же, стр. 101) на основаніи многочисленныхъ наблюденій надъ слѣдомъ этого животнаго, даже утверждаетъ, что соболь никогда не обходитъ опрокинутаго дерева, но всякій разъ непремѣнно пользуется имъ.

Digitized by Google

восточномъ берегу его *лафкоръ*), горностаи (по гил. *тымръ* и *тымрш;* внутри Сахалина и на восточномъ берегу его *тхымръ*), а на материкѣ всего чаще колонки *(Mustela sibirica*, по гил. *цонгрскъ)*, столь похожіе на соболя своими нравами и совсѣмъ чуждые Сахалину. Въ деревнѣ Варки на Лиманѣ Гиляки мнѣ даже разъ принесли сойку (*Garrulus glandarius*), которую они нашли въ такой ловушкѣ, и на шеѣ у ней были слѣды ущемленія. Но эта ловушка для соболей во всякомъ случаѣ не собственное изобрѣтеніе Гиляковъ. Она, кромѣ амурскихъ Тунгусовъ, въ однородномъ видѣ встрѣчается и почти у всѣхъ сибирскихъ инородцевъ—у сидячихъ Коряковъ на Пенжинской губѣ, на сѣверѣ Камчатки [1]), у русскихъ Тунгусовъ вдоль Станового хребта [2]), и повсемѣстно устроена на однихъ началахъ съ ловушками, которые на крайнемъ сѣверѣ Сибири употребляются для ловли песцовъ, зайцевъ, и т. д. [3])

Это же самое относится и къ другой ловушкѣ, устраиваемой Гиляками съ помощью лука. Она тоже главнымъ образомъ служитъ имъ для ловли соболей. Снимки съ нея и подробныя описанія уже много разъ предлагались путешественниками, [4]) и мы теперь могли бы удовольствоваться только краткимъ упоминаніемъ о ней. Но помимо своеобразнаго способа употребленія этой ловушки Гиляками, мнѣ кажется, интересно сопоставить здѣсь названія у нихъ отдѣльныхъ частей ея съ соотвѣтственными названіями у другого аппарата, о которомъ у насъ сейчасъ будетъ рѣчь. Возьмемъ для руководства прилагаемые рисунки. Рисунокъ на таб. XLIII, фиг. 4 изображаетъ именно такую ловушку или капканъ, по гил. *клай*, у русскихъ въ Сибири черканъ. Вотъ ея устройство. Берутъ двѣ четырехгранныя палки, по гиляцки *асъ* (см. на рис. *b*), складываютъ ихъ въ видѣ вилки, обращенной внизъ, и связываютъ наверху у точки ихъ соприкосновенія. Посреди налокъ, въ поперечный надрѣзъ, вставляется простая деревянная дуга или лукъ, по гиляцки *пунчъ* (*a*). Палки, немного выше своихъ нижнихъ заостренныхъ концевъ, соединены между собой поперечной дощечкой, по гиляцки *лымзъ* (*d*). Кверху отъ нея, по прорѣзамъ вдоль палокъ, проходитъ вторая поперечная дощечка, составляющая нижнюю часть бруска *c*, соединеннаго выше съ тетивой. Брусокъ двигается вверхъ и внизъ вмѣстѣ съ тетивой. Странно, что Гиляки называютъ его попросту *ку*, т. е. «стрѣла» — очевидно только въ силу обобщенія, которое впрочемъ такъ рѣдко у нихъ встрѣчается. А соотвѣтственно, и перекладинка (*e*), соединяющая между собой вверху вилкообразно сложенныя палки и снабженная зарубиной для свободнаго движенія *ку*, называется Гиляками *куршо(гр)чъ* [5]). Прикрѣпленная къ тетивѣ и привязанная надъ нею веревкой съ двумя развѣтвленіями къ боковымъ вилкообразнымъ палкамъ, маленькая палочка, по гиляцки *чымрхъ (f)*,

---

1) Kennan, Tent-Life in Siberia. London. 1871. p. 108.

2) Sievers, Briefe aus Sibirien (Pallas, Neue Nord. Beytr., Bd VII, p. 212).

3) Подробное описаніе и рисунки этой послѣдней ловушки находятся у Миддендорфа, Путеш. на сѣв. и вост. Сиб., Ч. II. стр. 611.

4) И въ недавнее время еще Бушемъ (Reindeer, dogs and Snowshoes, London. 1872. p. 316) и Миддендорфомъ, тамъ же, стр. 612.

5) Буквы въ скобкахъ произносятся слегка картаво.

Digitized by Google

служитъ для натягиванія тетивы. Отъ нея спускается веревка, по гиляцки *ксулъ - пукъ (g)*, соединяющая ее съ деревяннымъ колышкомъ, по гиляцки *ксулъ (h)*, который служитъ для того, чтобы удерживать тетиву въ натянутомъ положеніи. Для этого колышекъ затыкаютъ за узкую перекладину, по гиляцки *таур - чись (i)*, вставленную въ прорѣзы боковыхъ палокъ между *ку* и *лымзомъ*. Достаточно чуть-чуть нажать перекладину—и колышекъ выскакиваетъ: натянутая тетива опускается, дощечка *ку* падаетъ на *лымзъ*, ущемляя все, что между ними находится. Собираясь ловить звѣрей съ помощью этой ловушки, Гиляки прежде всего выдалбливаютъ въ деревѣ, вровень со снѣгомъ, углубленіе, куда кладутъ приманку—кусочекъ юколы или тюленьяго жира. Ловушку ставятъ въ снѣгъ передъ углубленіемъ. Звѣрь, прельщенный приманкой и стараясь до нея добраться, касается лапками перекладины *i*—и неизбѣжно ущемляется капканомъ. Въ него тоже, кромѣ соболя, попадаютъ и другіе менѣе цѣнные звѣрки. Гиляки говорили мнѣ, что между прочимъ употребляютъ этотъ капканъ и въ своихъ жилищахъ для ловли крысъ (*Mus decumanus*, по гил. *нягршъ*), отъ которыхъ тамъ нѣтъ проходу. Но изъ нихъ они не дѣлаютъ никакого дальнѣйшаго употребленія.

Впрочемъ Гиляки еще и другимъ способомъ ловятъ соболей. Пользуясь обычаемъ этого звѣрка перебираться черезъ ручьи по стволамъ деревъ, опрокинутыхъ надъ водой, они и тамъ тоже устраиваютъ для него западни. Для этого въ стволъ вколачиваютъ поперегъ рядъ колышковъ, болѣе или менѣе скрывая ихъ въ листвѣ. По серединѣ оставляютъ только небольшой проходъ для соболя. Въ дно рѣки, по близости, втыкаютъ прямой гибкій прутъ, а верхушку его веревкой притягиваютъ вровень съ горизонтально расположеннымъ стволомъ, къ проходу между кольями, гдѣ веревка образуетъ петлю. Прутъ задерживается тамъ въ этомъ положеніи крючкомъ. Соболь, проникая въ узкій проходъ между кольями, неизбѣжно сталкиваетъ съ мѣста крючекъ. Придерживаемый имъ прутъ мгновенно выпрямляется, причемъ затягиваетъ петлю, въ которую попалъ звѣрекъ, и поднимаетъ его на воздухъ. Животное такимъ образомъ виситъ надъ рѣчкою, недосягаемое для хищныхъ звѣрей, и добыча не минуетъ рукъ охотника, даже еслибъ тотъ замедлилъ съ осмотромъ ловушки. Какъ ни распространенъ этотъ способъ ловли соболей среди Гиляковъ и другихъ амурскихъ и сибирскихъ инородцевъ, мнѣ самому ни разу не пришлось видѣть подобной ловушки и я не могу сообщить гиляцкаго названія для нея.

Помимо капкана *(клай)*, у Гиляковъ существуетъ еще другой подобный ему снарядъ, которымъ они одновременно ловятъ и самыхъ цѣнныхъ пушныхъ и болѣе простыхъ звѣрей. Хотя онъ тоже распространенъ по всей Сибири и уже достаточно извѣстенъ, мы однако, въ виду указанной выше цѣли, не можемъ обойтись здѣсь безъ подробнаго описанія его. Это такъ называемый самострѣлъ [1]) (по гил. *нархочъ*), или лукъ, съ котораго, при малѣй-

1) Въ основѣ черкана и самострѣла очевидно лежитъ одинъ и тотъ же принципъ. Въ пользу этого, между прочимъ, убѣдительно говоритъ и то, что черканъ, въ Сибири, въ Оренбургской губерніи, по свидѣтельству Черкасова (Записки охотника Восточной Сибири, С.-Пет. 1867, стр. 336) называется тоже самострѣломъ.

Digitized by Google

шемъ толчкѣ, сама собой срывается стрѣла. Устройство его слѣдующее. Тутъ, какъ и въ *клапъ*, простой деревянный лукъ прикрѣпленъ по серединѣ къ поперчной палкѣ (по гил. *ксулъ*, таб. XLIII, фиг. 1, *c.*[1]), вдоль которой пролегаетъ стрѣла *(d)*. Тетива у лука натягивается посредствомъ веревочной петли и прямоугольнаго, вырѣзаннаго изъ вѣтки костылька *f*, (по гиляцки *чымрхъ*). Костылекъ такъ плотно прижимаетъ верхній конецъ стрѣлы къ ея вмѣстилищу, что та не выпадаетъ даже при наклонномъ положеніи самострѣла. Къ нижней оконечности костылька *f*, тамъ гдѣ его охватываетъ веревочная петля, подъ послѣднюю просовываютъ деревянный брусочекъ (по гил. *вет(а)къ g*, тамъ же, фиг. 2, въ настоящую величину[2]), такъ, чтобы онъ прилегалъ къ костыльку своимъ верхнимъ плоско заостреннымъ, гладкимъ концемъ. Брусочекъ снабженъ длиннымъ и тонкимъ снуромъ. Стоитъ чуть-чуть дернуть снурокъ (*h*, по гил. *чохъ*) — брусочекъ выскакиваетъ изъ своей засады, веревочная петля соскальзываетъ съ костылька, который вздрагиваетъ, отпускаетъ стрѣлу, и та срывается съ лука. Самострѣлъ обыкновенно укрѣпляется на древесномъ стволѣ или на нарочно для того предназначенномъ колѣ (по гил. *кипсъ*). Ему притомъ даютъ болѣе или менѣе наклонное положеніе. Длинный, тонкій снурокъ, спускаясь отъ брусочка, слегка натянутый, располагается поперегъ мѣста втечки или пути, гдѣ можно ожидать появленія звѣря. Самое важное тутъ дать самострѣлу надлежащій наклонъ, чтобы срывающаяся съ него стрѣла не пролетала мимо, выше или ниже звѣря. Степень наклона, само собою разумѣется, обусловливается размѣрами ожидаемой добычи и разстояніемъ между самострѣломъ и ея предполагаемымъ путемъ. Такимъ образомъ, при установкѣ самострѣла, прицѣлъ находится въ зависимости отъ рода звѣря, котораго подстерегаютъ. Гиляки тутъ прибѣгаютъ къ помощи особаго рода прицѣльной палочки, по гиляцки *чрафъ* (таб. XLIII, фиг. 3), точность указаній которой провѣрена опытомъ. Собираясь пустить въ ходъ самострѣлъ, прицѣльную палочку устанавливаютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ животное должно быть убито, а стрѣлѣ, смотря по звѣрю, даютъ направленіе, соотвѣтствующее одной изъ обозначенныхъ на палочкѣ поперечныхъ полосокъ. Мнѣ пришлось видѣть только прицѣльную палочку, употребляемую при охотѣ за тремя главными пушными звѣрями — за соболемъ, за рѣчной выдрой, за лисицой, и за зайцемъ также (по гил. *хуи* или *хуикъ*, на восточномъ берегу и внутри Сахалина *осыкъ* и *канакъ*, т. е. бѣлый звѣрь). На этой палочкѣ были нарѣзаны три поперечныя полоски — каждая между двумя черточками. Прицѣлъ наводится: въ ожиданіи лисицы — вровень съ верхней полоской, точка *a* на рисункѣ; зайца — со второй, точка *b;* соболя съ третьей, точка *c;* и выдры наконецъ — съ основаніемъ прицѣльной палочки, точка *d*. Вышина этихъ поперечныхъ черточекъ и полосокъ надъ основаніемъ прицѣльной палочки слѣдующая:

---

1) Отождествленіе этой поперечной палки съ брускомъ *h* у черкана въ высшей степени интересно. Этого скорѣй можно было бы ожидать по отношенію къ вилкообразнымъ палкамъ (*ась*) черкана.

2) Эта фигура изображена обратно, верхней стороной внизъ.

Digitized by Google

Вышина поперечной черты *ef* надъ основаніемъ (*rs*)	Вышина прицѣловъ для лисицы	245 милим.
» » » *gh* » »		240 »
Средняя вышина прицѣла для лисицы, точка *a*		242½ »
Вышина поперечной черты *ik* надъ основаніемъ	Вышина прицѣловъ для зайца	188 »
» » » *lm* » »		180 »
Средняя вышина прицѣла для зайца, точка *b*		184 »
Вышина поперечной черты *no* надъ основаніемъ	Вышина прицѣловъ для соболя	118 »
» » » *pq* » »		112 »
Средняя вышина прицѣла для соболя, точка *c*		115 »
Длина или вышина всей прицѣльной палочки равняется		260 »

Стрѣла при самострѣлѣ (по гил. *корг*), предназначенная для вышеназванныхъ звѣрей, имѣетъ, по сравненію съ обыкновенной, крайне своеобразную оконечность. Желѣзко ея снабжено двумя зубцами, на внутренней сторонѣ которыхъ находится еще по зазубринѣ [1]). Однако она не всегда убиваетъ звѣря наповалъ, и онъ, болѣе или менѣе сильно раненый, часто еще могъ бы укрыться отъ охотника. Во избѣжаніе этого, стрѣлу, на слабо натянутой веревкѣ (по гил. *тогг-пукс*), привязываютъ къ стволу или колу, на которомъ укрѣпленъ самострѣлъ.

Гиляки, высоко цѣня мѣхъ соболя, лисицы и рѣчной выдры, въ охотѣ за ними особенно часто прибѣгаютъ къ самострѣлу. Въ лѣсахъ, ближайшихъ къ ихъ зимникамъ, нерѣдко попадаются этого рода ловушки, такъ что при переходахъ тамъ требуется нѣкоторая осмотрительность. Нельзя не обратить вниманія, что на прицѣльной палочкѣ для охоты за тремя самыми цѣнными пушными звѣрями, рядомъ съ ними, оказано вниманіе и простому зайцу. Вѣроятно это потому, что Нижне-Амурскій край и островъ Сахалинъ особенно изобилуютъ зайцами, которые вслѣдствіе того чаще другихъ звѣрей подвертываются подъ самострѣлъ. Да ими и во всякомъ случаѣ не приходится брезгать: они всетаки доставляютъ охотнику порядочный кусокъ мяса для пищи и мѣхъ, пригодный, если не для торговли, то для собственнаго употребленія.

Но я не слыхалъ, чтобы Гиляки прибѣгали къ самострѣлу для ловли болѣе или менѣе цѣнныхъ, но въ то же время и болѣе крупныхъ звѣрей, какъ рысь, волкъ, горный волкъ, кабарга, олень, лось. Причины тому могутъ быть разныя. Охота сама по себѣ вообще мало привлекаетъ Гиляковъ. Отдаленные и утомительные походы для преслѣдованія звѣрей, не привлекающихъ цѣнными мѣхами, устройство засѣкъ, разстановка самострѣловъ въ горизонтальномъ положеніи — все это, о чемъ такъ подробно разсказываетъ Мидден-

1) Замѣчательно, что брусокъ у черкана, который, падая внизъ, ущемляетъ звѣря и въ сущности вовсе не похожъ на стрѣлу, тѣмъ не менѣе, въ силу обобщенія, носитъ у Гиляковъ названіе *ку*, т. е. «стрѣлы». Настоящая же стрѣла у самострѣла, отличающаяся отъ обыкновенной только формой своего желѣзка, имѣетъ свое отдѣльное, вполнѣ самостоятельное названіе.

Digitized by Google

дорфъ[1]), не представляетъ для нихъ того интереса, какъ для инородцевъ тунгусскаго племени. Болѣе крупныхъ звѣрей Гиляки вообще убиваютъ только случайно оружіемъ, о которомъ мы будемъ говорить дальше. Шкуры рыси, волка, горнаго волка имѣютъ въ ихъ глазахъ свою и даже высокую условную цѣнность, и потому у нихъ можно было бы ожидать болѣе правильно организованной охоты за ними. Но насколько мнѣ извѣстно, Гиляки при томъ не употребляютъ самострѣла. Отчасти этому вѣроятно способствуетъ и суевѣріе. Въ рыси (по гил. *члыги*), напримѣръ, Гиляки видятъ какъ бы подобіе тигра, который внушаетъ имъ такой паническій страхъ, что они едва осмѣливаются его называть или говорить о немъ иначе, какъ шепотомъ[2]). Подъ вліяніемъ этого страха, охота за рысью у нихъ немыслима тѣми способами, какъ за другими звѣрями. Какъ ни высоко цѣнятъ Гиляки ея мѣхъ, они преслѣдуютъ ее только случайно и убиваютъ почти исключительно въ видахъ самозащиты. За горнымъ волкомъ (*Canis alpinus*, по гил. *чорамлачъ*, на Сахалинѣ *чходамлачъ*) они, изъ суевѣрія, даже вовсе не охотятся. Да и волкъ этотъ къ тому же преимущественно укрывается въ глухихъ мѣстахъ, куда Гиляки, по малой склонности своей къ охотѣ, рѣдко проникаютъ. Зато обыкновеннаго волка (по гил. *лигсъ*, на восточномъ берегу и внутри Сахалина *аткъ*), они довольно регулярно преслѣдуютъ; но и тутъ вмѣсто самострѣла употребляютъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, другое приспособленіе. Итакъ самострѣлъ, который въ разныхъ видоизмѣненіяхъ въ такомъ ходу у туземныхъ жителей Сибири, въ общемъ у Гиляковъ гораздо меньше распространенъ. У Тунгусовъ, Якутовъ, Остяковъ, Самоѣдовъ и у русскихъ также онъ служитъ для охоты за всѣми звѣрями, начиная съ медвѣдя, лося и кончая соболемъ и бѣлкой. Гиляки, напротивъ, прибѣгаютъ къ нему только для ловли своихъ самыхъ цѣнныхъ пушныхъ звѣрей. Это еще разъ подтверждаетъ малую склонность Гиляковъ къ охотѣ и указываетъ на преобладаніе среди нихъ торговыхъ интересовъ, которые одни и руководятъ ихъ дѣятельностью въ данномъ направленіи.

Важная роль, какую мѣхъ лисицы играетъ не только въ торговлѣ, но и въ домашнемъ обиходѣ Гиляковъ, побуждаетъ ихъ, кромѣ самострѣла, охотиться за ней еще и другими способами. Такъ, напримѣръ, они устраиваютъ особаго рода капканъ, который, только бо̀льшихъ размѣровъ, примѣняютъ и къ охотѣ за волкомъ. Это такъ называемая у нихъ *казма*. Въ землю вколачиваютъ колъ въ видѣ вилки о двухъ зубцахъ, которые, выходя изъ одного и того же базиса, постепенно расходятся. Длина ихъ неодинаковая. Обращенная внутрь сторона болѣе короткаго зубца (по гил. *ва*) заострена, а болѣе длиннаго закруглена. У верхушки послѣдняго поперечная палочка (по гил. *табз-тигриъ*[3]) съ приманкой въ видѣ кусочка юколы, мяса или мертвой вороны. Лисица или волкъ, завидѣвъ приманку, бросаются на колъ и лапой цѣпляются за поперечную палочку. Но лапа съ нея соскальзываетъ

1) Путеш. на сѣв. и вост. Сиб. Ч. II, стр. 606 и слѣд., съ приложеніемъ чертежей.

2) См. мое соч. Reis. u. Forsch. im Amur-Lande, Bd. I, p. 94.

3) *Тигриъ* означаетъ вообще «дерево».

Digitized by Google

и попадаетъ между зубцами, откуда животное уже не можетъ ее освободить. Размѣры *казмы* различныя для лисицы и для волка: для первой она сооружается въ $3^1/_2$ фута вышины, для второго въ $4^1/_2$ надъ снѣгомъ.

Наконецъ Гиляки употребляютъ противъ лисицъ и волковъ еще отраву. Тутъ роль послѣдней исполняетъ, кажется, стрихнинъ. Они за дорогую цѣну покупаютъ его у китайцевъ, и, согласно употребленію, какое изъ него дѣлаютъ, называютъ *кэкхъ-охтъ* [1]), т. е. лисій ядъ.

Огнестрѣльное оружіе въ мое время еще совсѣмъ не употреблялось Гиляками. Однако знакомство ихъ съ нимъ уже состоялось и даже двумя путями: съ сѣвера и запада и съ юга. Въ первомъ случаѣ Гиляки познакомились съ нимъ черезъ русскихъ Тунгусовъ, Негидальцевъ и Самагирцевъ, къ которымъ, при посредствѣ якутскихъ купцовъ, иногда проникаетъ извѣстная русско-сибирская винтовка малаго калибра [2]). Во вторыхъ, Гиляки встрѣчали огнестрѣльное оружіе у Ольчей и Гольдовъ, въ страну которыхъ по временамъ, хотя и рѣдко, заносятся отдѣльные экземпляры длиннаго неуклюжаго фитильнаго ружья китайскаго образца, уже много разъ описаннаго [3]). У Гиляковъ даже существуютъ свои собственныя, подчасъ весьма характерныя, названія для такого рода оружій, для отдѣльныхъ частей ихъ и для боевыхъ припасовъ. Такъ, напримѣръ, всякое огнестрѣльное оружіе называется у нихъ *мэоча;* ружейный стволъ — *колмъ* [4]); порохъ — *мэоча-охтъ*, т. е. «ружейное вещество», или, согласно вышеприведенному толкованію послѣдняго слова, «ружейный ядъ»; пуля — *мэоча-ку* или «ружейная стрѣла»; дробь — *мачи-ку* (сокращенное *мачи-мэоча-ку*), т. е. «малыя стрѣлы», и пистонъ — *пахлан-туръ*, т. е. «мѣдный огонь» [5]). Но Гиляки вообще не обнаруживаютъ удовольствія при видѣ ружья. Не то что Тунгусы, которыхъ красивое огнестрѣльное оружіе приводитъ въ восторгъ и вызываетъ у нихъ радостныя восклицанія. Равнодушіе Гиляковъ въ данномъ случаѣ происходитъ не отъ одного только малаго знакомства ихъ съ этимъ предметомъ на практикѣ, но еще и отъ полнаго отсутствія въ нихъ охотничьяго чутья. Нельзя однако сказать, чтобы Гиляки боялись ружья. Пистолетъ, напротивъ, въ мою бытность среди нихъ приводилъ ихъ въ трепетъ. Когда въ случаяхъ упорнаго отказа Гиляковъ на мои требованія, я грозилъ имъ пистолетомъ, они мгновенно сдавались и умоляли не пускать его

---

1) *Охтъ* вообще означаетъ у Гиляковъ «вещество». Слово это мы и дальше будемъ встрѣчать въ такомъ значеніи. Иногда же оно употребляется въ смыслѣ «лекарства», а при случаѣ и «яда». Таково наивно-инстинктивное отождествленіе въ одномъ понятіи средствъ врачебныхъ и смертоносныхъ — лекарства и отравы.

2) Соотвѣтственно и порохъ у Самагирцевъ на Горинѣ называется заимствованнымъ у русскихъ словомъ *порокэ*.

3) Ружья эти, по свидѣтельству Барроў (Barrow, Reise durch China im Gefolge der grossbrit. Gesandtsch. in d. J. 1793 u. 1794, aus dem Englischen von Hüttner, Wien. 1805, Bd. I, p. 302; Bd. II, p. 58) представляютъ точный снимокъ со старыхъ фитильныхъ ружей, занесенныхъ въ Макао Португальцами, и потому не могутъ считаться особенно древними.

4) Одноствольное ружье носитъ названіе *мярк-колм-мэоча*, а двуствольное — *мякр-колм-мэоча*.

5) Подвижную сошку у ствола русско-якутской винтовки, служащую для прицѣла, Гиляки называютъ по просту *нычхъ* (т. е. нога или ноги), а для пороховницы они употребляютъ названіе *котрось*, этимологія котораго мнѣ неизвѣстна.

Digitized by Google

въ ходъ и не накликать бѣды на ихъ домъ, на ихъ женщинъ и дѣтей. Чѣмъ объяснить такой страхъ? Происходилъ ли онъ отъ малаго знакомства ихъ съ этимъ оружіемъ, которое могло быть такъ внезапно и почти въ упоръ на нихъ направлено, или же причина ему крылась въ какомъ нибудь отдаленномъ сочетаніи суевѣрныхъ представленій [1]). Послѣднее всего вѣроятнѣе.

Изъ стрѣльныхъ оружій Гиляки, въ бытность мою среди нихъ, употребляли только лукъ со стрѣлами для охоты и за крупными, и за мелкими звѣрями. Ихъ лукъ (по гил. *пунчъ*, на Сахалинѣ *пунтъ*) такой же точно какъ у Тунгусовъ и другихъ Сибирскихъ инородцевъ. На него употребляютъ дерево молодыхъ ясеней, а то и березокъ. Въ долинѣ рѣки Тымы на Сахалинѣ мнѣ указывали на особаго рода дерево (по гил. *перъ*) — согласно Шмидту и Глену *Evonymus macropterus Rupr.* — которое тамошніе Гиляки называли своимъ *пунтчхаръ* (дерево для лука) [2]). Оно и у Аиновъ имѣетъ то же употребленіе [3]). Для того, чтобы деревянный лукъ не отсырѣвалъ и не утрачивалъ своей гибкости, его обшиваютъ тонкой березовой корой, или, какъ я видѣлъ на болѣе нарядныхъ экземплярахъ, снизу тонкой лосиной шкурой, а сверху китовымъ усомъ (по гил. *азмъ*). Такой лукъ изъ Тебаха изображенъ на таб. XLIV, фиг. 4 и 5, только на немъ, кромѣ того, по китовому усу выведены еще тонкія серебряныя украшенія. Послѣднія часто замѣняются тонкими пластинками изъ рога китайскаго буйвола, который Гиляки на этомъ основаніи называютъ *пунч-нынифъ*, т. е. кость для лука. Иногда же украшенія дѣлаются изъ рога носорога *(Rhinoceros*

---

1) Кстати разскажу здѣсь еще объ одномъ суевѣрномъ страхѣ Гиляковъ. Онъ долгое время оставался для меня загадочнымъ, и я только случайно нашелъ ему объясненіе. Замѣчательно, какъ иныя впечатлѣнія, особенно, если они получаются при извѣстной обстановкѣ, глубоко врѣзываются въ память первобытнаго народа, и какъ легко распространяется молва о событіи, которое могло ихъ вызвать. Въ числѣ предметовъ, сопровождавшихъ меня въ путешествіи, была палка, изъ которой выдвигалась длинная уда. Разъ какъ то въ Николаевскѣ я вздумалъ показать ее одному посѣтившему меня тамъ Гиляку. Палка имѣла отношеніе къ рыбной ловлѣ, и я надѣялся доставить ему удовольствіе. Но едва успѣлъ я выдвинуть кончикъ уды, какъ Гилякъ мой въ ужасѣ отступилъ. Онъ умолялъ меня не накликать на него бѣды и скорѣе убрать страшный предметъ. Позже тоже самое повторилось и съ другими Гиляками изъ разныхъ деревень на Амурѣ и на Лиманѣ. Такимъ образомъ мнѣ ни разу не удалось похвастаться передъ ними моей палкой. Наконецъ я совсѣмъ пересталъ ее имъ показывать. Между тѣмъ я тщетно искалъ причину ихъ крайне страннаго возбужденія при видѣ столь невиннаго предмета, какъ уда. Но по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, я случайно услышалъ отъ Миддендорфа разсказъ, который мнѣ все разъяснилъ. Нашъ путешественникъ, за десять лѣтъ до меня, посѣтилъ Гиляковъ въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ ихъ страны на Ульбанской губѣ, у Охотскаго моря. Однажды онъ любовался морскимъ орломъ, который сидѣлъ на цѣпи, прикованный къ сушильнѣ — зрѣлище весьма обыкновенное въ гиляцкихъ деревняхъ, и мы о немъ еще будемъ говорить. Затѣмъ Миддендорфъ, на глазахъ у Гиляковъ, срѣзалъ тонкій ивовый прутъ и кончикъ его обмакнулъ украдкой въ пузырекъ съ синильной кислотой, который носилъ при себѣ. Лишь только онъ поднесъ прутъ къ клюву орла, птица упала мертвая. Гиляки пришли въ ужасъ, а Миддендорфъ съ тѣхъ поръ прослылъ среди нихъ колдуномъ. Тутъ я все понялъ. Очевидно слухъ объ этомъ событіи съ Ульбанской губы перешелъ на Амуръ и на Лиманъ, гдѣ подъ вліяніемъ его Гиляки и мою уду сочли за такой же чудодѣйственный прутъ.

2) Или, какъ мнѣ часто приходилось слышать, — *пунт-лытынт-чхаръ*, т. е. дерево, служащее для изготовленія лука.

3) Schmidt, Reisen im Amur-Lande und auf der Ins. Sachalin, Botan. Theil (Mém. de l'Academ. Imp. des sc. VII-e Série, T. XII, № 2, p. 99, 213, 215).

Digitized by Google

tichorhinus): его вѣроятно заносятъ на Амуръ Тунгусы и Якуты. Тетиву (по гил. *кихъ*) свиваютъ изъ узкихъ полосокъ кишекъ или шкуры бѣлухи. Лукъ, для предохраненія отъ порчи, во время путешествія хранится въ футлярѣ (по гил. *пунч-халъ*) изъ звѣриной или рыбьей шкуры. Стрѣла *(ку)* состоитъ изъ наконечника съ древкомъ (таб. XLV), нижняя часть котораго по двумъ сторонамъ окаймлена бородкою изъ перьевъ отъ хвоста морского орла *(Haliaëtos albicilla)* [1]). Смотря по звѣрю, для котораго предназначаются стрѣлы, онѣ бываютъ различной формы. Наконечники стрѣлъ, мною видѣнныхъ, всего чаще были желѣзные (по гил. *лухъ*), но иногда попадались и костяные *(крангхъ)*, преимущественно изъ кости кабарги. На таб. XLV, фиг. 1—3 изображены наконечники стрѣлъ, употребляемыхъ для охоты на болѣе крупныхъ звѣрей, какъ лось, олень, и др. Они состоятъ изъ острія съ двумя болѣе или менѣе крупными зазубринами по сторонамъ и рядомъ мелкихъ зазубринъ подъ каждою изъ первыхъ. О двузубчатомъ стрѣльномъ желѣзкѣ *(коръ)*, какъ у самострѣла, предназначаемомъ для болѣе мелкихъ звѣрей: соболя, выдры, лисицы — мы уже говорили выше. Пернатую дичь, утокъ, гусей, и т. д. Гиляки преслѣдуютъ особаго рода стрѣлой (таб. XLVI, фиг. 1), которую они называютъ *ыгли* или *оркай*. Она почти вся деревянная. Древко ея вѣнчается продолговатой головкой съ прямымъ деревяннымъ же остріемъ и тремя боковыми тупыми гвоздями разбѣгающимися въ разныя стороны [2]). Отравленныхъ стрѣлъ, какія употребляются Аинами на Сахалинѣ и Ессо [3]) а, согласно Стеллеру [4]) и Крашенинникову [5]), были, а можетъ быть отчасти и теперь еще въ ходу у Курильцевъ, Ительменовъ, Коряковъ и Чукчей — у Гиляковъ я вовсе не встрѣчалъ. Миддендорфъ [6]) утверждаетъ, что и маньчжурскіе Тунгусы тоже

---

1) Это, между прочимъ, существенно отличаетъ такое древко отъ простого у стрѣлы, употребляемой при самострѣлахъ. Соотвѣтственно, они оба имѣютъ свое собственное названіе: первое называется *ухъ*, второе *винтыръ*. Орлиныя перья на древкѣ у первыхъ стрѣлъ Гиляки называютъ *кыла-наръ*, а надрѣзъ у нижней оконечности древка для тетивы при натягиваніи лука— *кормъ*.

2) Уже въ самыхъ старинныхъ сообщеніяхъ о сибирскихъ инородцахъ попадаются указанія на такія стрѣлы, имѣющія видъ маленькой булавы. Георгъ Адамъ Шлейсингъ въ своемъ сочиненіи «Neuentdecktes Sieweria, worinnen die Zobel gefangen werden» etc. (Danzig. 1692, p. 49), напримѣръ, говоритъ, что охотники стрѣляютъ тамъ не остроконечными стрѣлами, а чтобы «не подвергать цѣннаго мѣха на звѣрѣ изъяну, стрѣла у нихъ имѣетъ вмѣсто острія толстую желѣзную головку или шишечку. Соболя такой стрѣлой сшибаютъ съ дерева и, когда тотъ оглушенный падаетъ на землю, охотники на него бросаются и доканчиваютъ ударами дубины». Палласъ (Reise durch versch. Prov. des. Russ. Reichs, Bd. I, p. 323) упоминаетъ о деревянной стрѣлѣ съ шишкообразнымъ концемъ, которою Калмыки преслѣдуютъ птицъ и мелкихъ звѣрей. Зуевъ (см. у Палласа, тамъ же, Т. III, стр. 49) разсказываетъ, что Остяки на Оби употребляютъ для охоты за мелкими звѣрями стрѣлу съ тупымъ шишкообразнымъ наконечникомъ изъ кости. Въ описаніи путешествія Миддендорфа (ч. II, стр. 600) есть и снимокъ съ такого наконечника остяцкой стрѣлы.

3) Siebold, Aardr. en volkenk. toelicht. etc., p. 95, 96, 112, по свѣдѣніямъ, заимствованнымъ у Іерон. де Анжелиса, Іоан. Сариса и Фріеса; его же, Nippon, VII, p. 185 und 201, на основаніи Мамія Ринсо; его же, Fauna Japon, Mammalia, p. 29. Langsdorf, Bemerk. auf einer Reise um die Welt, Bd. I, p. 287. v. Brandt (Verhandl. der Ges. für Anthrop, Ethnol. u. Vorgesch., Jahrg. 1872, p. 28). Добротворскій, Аинско-русск. словарь, Предисл. (Прилож. къ Учен. Зап. Имп. Казанск. Универс. 1875 г., стр. 45), и др.

4) Beschreib. von dem Lande Kamtschatka, p. 27, 95, 236.

5) Опис. Камчатки (Полн. собр. учен. путеш. по Россіи, Т. I, стр. 334).

6) Путеш. на сѣв. и вост. Сиб., Ч. II, стр. 601.

Digitized by Google

пользуются такими стрѣлами, но не сообщаетъ притомъ источниковъ, которые подтверждали бы его показаніе. По свидѣтельству Маака[1]), Манегирцы смазываютъ свои стрѣлы испорченнымъ саломъ, которое дѣйствуетъ какъ ядъ, но я не слыхалъ, чтобы обычай этотъ существовалъ и у нижне-амурскихъ инородцевъ тунгусскаго племени.

Колчаны (по гил. *пи*) для храненія стрѣлъ у Гиляковъ всегда деревянные съ рѣзными арабесками или какими нибудь другими украшеніями. Сверху у колчана или мѣховая опушка или кожаный клапанъ для прикрытія кончиковъ стрѣлъ (таб. XLV, фиг. 6 и 7). Гиляцкій колчанъ вообще неуклюжъ и тяжелъ, и потому охотники рѣдко носятъ его на спинѣ. Сравнивъ его съ легкимъ колчаномъ изъ звѣриной шкуры у Орочей въ Императорской Гавани (тамъ же, фиг. 8), [2]), еще разъ убѣждаемся въ томъ, что Гиляки далеко не въ такой степени охотничій народъ, какъ ихъ тунгусскіе сосѣди.

Сомнительно, чтобы Гиляки были хорошими стрѣлками, но опытъ мой въ этомъ отношеніи недостаточенъ для окончательнаго приговора. Я всего только одинъ разъ присутствовалъ при ихъ стрѣльбѣ и то въ условіяхъ, когда врядъ ли могла вполнѣ выказаться степень ихъ ловкости. То было на медвѣжьихъ празднествахъ въ Тебахѣ. Разстрѣлянію подлежали три медвѣдя, которыхъ до того содержали на цѣпи и водили по юртамъ. Медвѣди стояли на заднихъ лапахъ, и съ правой стороны на пять шаговъ къ каждому подошелъ стрѣлокъ. Два медвѣдя, сразу пораженные въ правое легкое, съ ревомъ повалились на землю. Въ одного стрѣла вонзилась до половины древка. Третьему стрѣла попала слишкомъ низко, въ брюшную полость. Стрѣлокъ пустилъ вторую стрѣлу, и тогда только медвѣдь грузно опустился, но и тутъ не сразу кончился.

Для охоты за крупными звѣрями Гиляки вообще предпочитаютъ разнаго рода оружіе, которое состоитъ изъ длинной рукояти съ желѣзнымъ остріемъ: рогатины, копья, пики. Они управляются съ ними гораздо ловче, чѣмъ со стрѣльнымъ оружіемъ. Рогатина (по гил. *лахчъ*, таб. XLVI, фиг. 2), съ которой Гиляки повсемѣстно ходятъ на медвѣдя, однородна съ тунгусскою и вообще съ сибирскою. Это большой широкій остроконечный клинокъ объ одномъ лезвіи, на крѣпкой дубинѣ длиною въ 5 — 6 футовъ. Свои копья *(кахъ)* [3]) Гиляки дѣлаютъ еще длиннѣе. Древко этого оружія у нихъ почти все одинаковой толщины и только, приближаясь къ желѣзку, за два фута отъ него, постепенно становится тоньше. Желѣзко у копья длинное, узкое, обоюдоострое съ продольной по серединѣ выпуклостью, которая къ кончику спадаетъ. Копья для обыденнаго употребленія отличаются простою и грубой работой. Но рядомъ съ этими у Гиляковъ существуютъ и другія, болѣе тщательной отдѣлки, съ фигурами звѣрей и съ арабесками изъ мѣди, латуни и серебра. Экземпляры послѣднихъ изображены у насъ на таб. XLVI, фиг. 4 и 5. Это снимки съ копьевъ, видѣнныхъ и ку-

1) Путеш. на Амуръ, стр. 75.

2) Колчанъ этотъ состоитъ изъ шкурокъ съ оленьихъ и лосинныхъ ногъ, а средняя поперечная полоса изъ шкурки рѣчной выдры.

3) Гиляки такъ называли мнѣ и все оружіе въ полномъ его составѣ съ древкомъ и наконечникомъ, и одно только желѣзко его — какъ это мы видимъ и у русскихъ со словомъ «копье». Но вѣроятно у нихъ и тутъ, какъ и у гарпуна, каждая часть имѣетъ свои отдѣльныя названія.

Digitized by Google

пленныхъ мною въ Тебахѣ [1]). Но такія копья вообще не употребляются въ дѣло. Бережно завернутыя въ березовую кору, они хранятся какъ знакъ особеннаго богатства.

За лосемъ, оленемъ, медвѣдемъ Гиляки предпочитаютъ охотиться рогатиной, пальмой или копьемъ. Когда я впервые прибылъ въ Николаевскъ, постъ этотъ состоялъ всего изъ нѣсколькихъ избъ на опушкѣ почти непроницаемаго лѣса. Разъ какъ то изъ густой чащи выскочилъ лось и помчался по направленію къ рѣкѣ, гдѣ наткнулся на кучку Гиляковъ. Спасаясь отъ нихъ, онъ бросился въ рѣку и поплылъ. Гиляки погнались за нимъ въ лодкѣ, настигли его и закололи копьями. Шкура животнаго досталась мнѣ. Зимой глубокій снѣгъ сильно затрудняетъ бѣгъ лосей и оленей. Гиляки преслѣдуютъ ихъ тогда на лыжахъ и убиваютъ копьями и рогатинами. Впрочемъ они еще и другимъ способомъ охотятся за оленями, которые въ изобиліи водятся на безлѣсныхъ площадяхъ сѣвернаго Сахалина и небольшими партіями спускаются на ледъ Лимана. Съ наступленіемъ весны, подъ вліяніемъ полуденнаго солнца и ночныхъ морозовъ, на поверхности снѣга образуется настъ, достаточно крѣпкій для собакъ, но не выдерживающій тяжести оленя. Гиляки тогда гоняются за нимъ въ легкихъ саняхъ, запряженныхъ собаками, вооруженные рогатинами и копьями, и животному лишь рѣдко удается отъ нихъ ускользнуть.

Но всего чаще оружія эти употребляются Гиляками противъ медвѣдя, самаго крупнаго и опаснаго хищнаго звѣря въ ихъ странѣ, если не считать почти миоическаго по своей рѣдкости тигра и на столько же мало извѣстнаго барса, которыхъ Гиляки изъ страха едва осмѣливаются называть [2]). Да къ тому же и мясо медвѣдя составляетъ главное лакомство Гиляковъ. Ѣдятъ они его при торжественной обстановкѣ, для чего у нихъ даже существуетъ рядъ установленныхъ для того празднествъ. Благодаря этому, медвѣдь играетъ довольно видную роль въ общественной жизни Гиляковъ. Поэтому они, преслѣдуя медвѣдя, больше всего хлопочутъ о томъ, чтобы захватить его живымъ. Гиляцкіе охотники выслѣживаютъ мѣсто, гдѣ зимуетъ медвѣдь. Дюжіе, отважные молодцы, вооруженные веревками, цѣпями, рогатинами, дубьемъ, найдя берлогу, со всѣхъ сторонъ оцѣпляютъ ее, поднимаютъ медвѣдя, овладѣваютъ имъ и уводятъ въ неволю. Дѣло здѣсь, конечно, не обходится безъ борьбы. При всей ловкости и опытности гиляцкихъ охотниковъ, они часто возвращаются изъ такого похода сильно помятые и пораненные. Но они этимъ не смущаются, напротивъ даже гордятся. Такого рода раны считаются у нихъ почетными и окружаютъ охотника ореоломъ силы и мужества. Большей частью однако охотники выходятъ изъ борьбы побѣдителями, о чемъ свидѣтельствуетъ большое количество медвѣдей, обыкновенно содержимыхъ Гиляками въ неволѣ. Путешественникъ почти въ каждой сколько нибудь

---

1) Снимки эти были сдѣланы на мѣстѣ Максимовичемъ. На одномъ изъ копій (фиг. 4) въ числѣ повторяющихся на обѣихъ сторонахъ фигуръ, мы видимъ превосходное изображеніе соболя, вонзающаго зубы въ рыбу.

2) Объ этомъ уже подробно говорено въ статьѣ о млекопитающихъ Амурск. края (Reis. u. Forch. im Amur-Lande, Bd. I, p. 90 — 96), при обзорѣ распространенія этихъ животныхъ въ Амурскомъ краѣ. Тамъ же упоминается и о поклоненіи кумирамъ, изображающимъ барсовъ и тигровъ. Впрочемъ болѣе обстоятельное описаніе этого еще впереди.

Digitized by Google

людной деревнѣ непремѣнно встрѣчаетъ по одному, по два, а то и больше этихъ животныхъ на цѣпи. Если берлога выслѣженнаго звѣря находится по близости отъ жилья охотниковъ, его, скованнаго, просто на веревкѣ приводятъ въ деревню и запираютъ въ заранѣе приготовленное помѣщеніе. На болѣе далекомъ разстояніи прибѣгаютъ къ помощи саней, на которыхъ передъ тѣмъ ѣхали сами охотники. Скованнаго медвѣдя сваливаютъ на одни, а если ширина пути позволяетъ, то и на пару связанныхъ вмѣстѣ саней. Поднимается шумъ и гамъ. Охотники радостно восклицаютъ, сильно возбужденныя собаки бѣшенно лаютъ, и пойманное животное съ торжествомъ привозится въ деревню. Объ устройствѣ помѣщенія для медвѣдя и объ уходѣ за нимъ мы будемъ говорить дальше, въ главѣ, посвященной описанію медвѣжьихъ празднествъ. Здѣсь мѣсто только охотѣ за нимъ. Борьба, имѣющая въ виду плѣнъ медвѣдя, не всегда вѣнчается желаемымъ успѣхомъ. Звѣрь иногда такъ упорно защищается, что охотникамъ на первыхъ же порахъ приходится пускать въ ходъ дубье, копья, рогатины и сразу приканчивать его. Такъ почти всегда бываетъ, когда берлога укрываетъ медвѣдицу съ годовалыми или двухлѣтними дѣтенышами. Охотники въ такихъ случаяхъ обыкновенно стараются не затягивать крайне опасной борьбы съ разъяренной самкой, но сразу укладываютъ ее и довольствуются поимкой однихъ дѣтенышей. Мясо медвѣдя, этимъ или какимъ либо другимъ образомъ убитаго на охотѣ, Гиляки тоже ѣдятъ, но, насколько мнѣ извѣстно, безъ торжественной обстановки. Одна изъ причинъ тому, должно полагать, въ неизбѣжномъ въ такихъ случаяхъ исключеніи изъ программы торжествъ, которыя сопровождаютъ употребленіе въ пищу медвѣжьяго мяса, вожденія по юртамъ медвѣдя, обреченнаго съѣденію. Между тѣмъ церемонія эта имѣетъ важное значеніе въ глазахъ Гиляковъ. А съ другой стороны мясо убитаго на охотѣ медвѣдя и меньше прельщаетъ Гиляковъ. Ему недостаетъ толстаго слоя жира, который медвѣдь пріобрѣтаетъ отъ долгаго сидѣнія въ неволѣ и усерднаго откармливанія рыбой. Миддендорфъ [1]) сообщаетъ еще о другомъ способѣ ловли медвѣдя Гиляками на Охотскомъ морѣ. Но врядъ ли способъ этотъ примѣнимъ на Амурѣ и на островѣ Сахалинѣ, гдѣ условія природы совсѣмъ иныя. На Охотскомъ побережьѣ встрѣчаются крутизны, изборожденныя рытвинами, на подобіе тропинокъ, бѣгущихъ къ морю. Иногда онѣ пролегаютъ между двумя близко растущими деревьями. Охотники этимъ пользуются и перекидываютъ отъ одного дерева къ другому крупныя ременныя петли. Медвѣдю, спускающемуся по рытвинѣ, некуда свернуть; онъ неизбѣжно попадаетъ въ петли и въ нихъ запутывается. На Амурѣ я не встрѣчалъ такихъ условій природы и не слыхалъ, чтобы тамошніе Гиляки этимъ способомъ ловили медвѣдей.

У Гиляковъ и съ охотой на медвѣдя тоже связаны разнаго рода суевѣрныя представленія и обычаи, въ соблюденіи которыхъ видятъ залогъ успѣха для борьбы съ огромнымъ звѣремъ и поимки его. Предполагается еще, что соблюденіе этихъ обычаевъ предотвращаетъ и посмертную месть животнаго, павшаго подъ ударами охотника. Нордманъ утверждаетъ, будто бы Гиляки, выслѣдивъ медвѣдя, сперва предоставляютъ поднимать

1) Пут. на сѣв. и вост. Сиб., Ч. II, стр. 605.

Digitized by Google

его изъ берлоги шаманамъ, которые выманиваютъ его оттуда, «пріятными пѣснями» [1]). Но мнѣ это показаніе кажется весьма сомнительнымъ. Начать съ того, что пѣсни шамановъ не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ характеромъ, который имъ приписываетъ Нордманъ. Да и шаманы не имѣютъ никакого отношенія къ охотѣ ни за медвѣдемъ, ни за какимъ либо другимъ звѣремъ. Роль ихъ въ практической жизни суевѣрныхъ, но предпріимчивыхъ и промышленныхъ Гиляковъ вообще очень ограничена. Ни рыбная ловля, ни охота, ни торговля Гиляковъ не подлежатъ ихъ вѣдѣнію. Кругъ дѣятельности шамановъ, какъ мы увидимъ дальше, совсѣмъ иной. Да и во всякомъ случаѣ насиліе, совершаемое надъ медвѣдемъ, Гиляки не считаютъ противъ него преступленіемъ. Заполоненный медвѣдь живетъ въ теплѣ и холѣ, сладко ѣстъ и окруженъ почестями. Духи мщенія лишь позже выступаютъ на сцену — когда звѣря убиваютъ и ѣдятъ его мясо, т. е. во время медвѣжьихъ празднествъ, почему именно послѣднія и обставляются разнаго рода суевѣрными обрядами. Съ другими звѣрями Гиляки вообще меньше церемонятся, хотя и въ отношеніи нихъ тоже придерживаются кое какихъ обычаевъ, которые имѣютъ цѣлью предотвратить неудачу въ дальнѣйшей охотѣ и избавить ихъ отъ убытковъ, могущихъ оттого произойти. Я самъ разъ случайно подалъ поводъ къ проявленію суевѣрнаго страха, вслѣдствіе повѣрья, связаннаго у Гиляковъ съ соболиной охотой. Войдя въ одну изъ юртъ въ деревнѣ Миввахъ, по нижнему теченію рѣки Тымы на Сахалинѣ, я увидѣлъ висящаго на бревнѣ цѣлаго соболя. Онъ, очевидно, былъ только что вынутъ изъ западни, и обратилъ на себя мое вниманіе. Тѣмъ временемъ пришла жена отсутствовавшаго хозяина юрты. Въ испугѣ она схватила мѣховую шапку и торопливо накрыла ею звѣрка, чтобы его не могъ видѣть чужой глазъ. Немного спустя онъ былъ снятъ со стѣны, обернутъ берестой и присоединенъ къ прочему домашнему скарбу. Я хотѣлъ было купить соболя и давалъ за него хорошую цѣну. Однако мнѣ отказали съ упрекомъ, что я и то чуть не накликалъ бѣды *(уичъ)*, такъ какъ ни чей посторонній глазъ не долженъ видѣть добычу охотника, пока та не выпотрошена. А продажа теперь соболя въ полной цѣлости, со шкурой и съ мясомъ, ужъ окончательно дурно отразилась бы на послѣдующей охотѣ за этимъ звѣремъ [2]). Вѣроятно Гиляки такъ же точно относятся и къ другимъ цѣннымъ пушнымъ звѣрямъ. Здѣсь ими, конечно, руководятъ тѣ же самыя суевѣрныя представленія, какъ и при ловлѣ тюленей. Утилитарная точка зрѣнія при этомъ суевѣріи проглядываетъ и въ томъ, что оно не распространяется на звѣрей, не имѣющихъ цѣнности, къ удачной или неудачной ловлѣ которыхъ Гиляки остаются равнодушны. Такъ, напримѣръ, Гиляки очень охотно уступали мнѣ цѣльные экземпляры бѣлокъ и колонковъ

---

1) Arth. Nordmann, Ueber den Fischfang und die Jagd der am Amur wohnenden Giljaken (Bull. de la Soc. Imp. des Natur. de Moscou. 1861. T. XXXIV, Sec. Part., p. 251).

2) Это самое повѣрье встрѣчалъ я и у Гольдовъ. Оно существуетъ тоже у сибирскихъ Тунгусовъ, отъ которыхъ перешло и къ русскимъ охотникамъ въ Сибири. Вотъ что разсказываетъ Гмелинъ (Reise durch Sibirien. Göttingen. 1752. Bd. II p. 278) объ охотникахъ, которые изъ Киренскаго Острога предпринимаютъ охотничьи походы на соболя. «Пойманный соболь долженъ быть немедленно скрытъ отъ всякаго посторонняго глаза, въ предположеніи, что похвала или хула ему можетъ дурно повліять на дальнѣйшій ходъ охоты».

Digitized by Google

прямо изъ западни. Но путешественнику вообще меньше бросается въ глаза суевѣрное представленіе Гиляковъ по отношенію къ охотѣ, чѣмъ къ рыбной ловлѣ и тюленьему промыслу. Это очень просто объясняется тѣмъ, что охота, какъ мы уже говорили, вообще не играетъ въ ихъ жизни такой роли, какъ рыбный и тюленій промыслы, которые стоятъ у нихъ на первомъ планѣ и потому больше на виду.

Выше, при описаніи стрѣлъ, мы уже говорили, что Гиляки охотятся также и за пернатой дичью. Прибавимъ теперь, что утокъ, гусей и другихъ водяныхъ птицъ большею частію не добываютъ посредствомъ булавообразныхъ стрѣлъ, вообще мало употребительныхъ, а въ періодъ линянья ловятъ ихъ сѣтями и просто бьютъ палками. Случайно, но довольно часто, въ сѣти попадаютъ и такія птицы, которыя подъ водой преслѣдуютъ свою добычу, напримѣръ—гагара краснозобая, *Colymbus septentrionalis*, и чернозобая, *C. arcticus* (по гил. *унгъ*). Но Гиляки не извлекаютъ изъ гагары никакой практической пользы: значеніе ея для нихъ чисто суевѣрное, о чемъ мы будемъ говорить дальше, при описаніи погребальныхъ обрядовъ. Рябчиковъ (по гил. *хангъ*) и бѣлыхъ куропатокъ (по гил. *парръ*, на рѣкѣ Тымы на Сахалинѣ *члеола-нга*), которыми Гиляки между прочимъ въ 1855—57 гг. въ такомъ изобиліи снабжали Николаевскій постъ — они ловятъ силками (по гил. *кузи*). Съ бѣлою куропаткою у Гиляковъ, какъ я замѣчалъ, тоже связано повѣрье, относящееся къ головѣ животнаго,—они старались продавать эту птицу не иначе какъ заранѣе обезглавленною. Кромѣ того изображеніе ея въ искаженномъ видѣ часто встрѣчается у нихъ на амулетахъ.

Изъ птицъ наибольшимъ почетомъ у Гиляковъ пользуются морскіе орлы: *Haliaëtos pelagicus* Pall. (по гил. *чарнгай-чамъ*) и *H. albicilla* Briss. (по гил. *мыгр-чамъ*, внутри Сахалина *ах-чамъ*). Первый лишь изрѣдка встрѣчается въ странѣ Гиляковъ и почти исключительно на морскомъ берегу, второй же напротивъ въ изобиліи и повсемѣстно въ ней водится. Поэтому, когда Гиляки говорятъ о *чамъ* (орлѣ), всегда надо подразумѣвать послѣдняго. Рулевыя перья морского орла составляютъ важный предметъ торговли Гиляковъ съ японцами, которые, по словамъ первыхъ, украшаютъ ими окна у вельможъ для отличія отъ жилищъ простолюдиновъ. Кромѣ того, перьями этими Гиляки окрыляютъ свои стрѣлы и употребляютъ ихъ также въ видѣ погребальныхъ символовъ. Малѣйшій изъянъ въ перѣ уменьшаетъ его цѣнность, и потому Гиляки предпочитаютъ добывать еще неоперившихся птенцовъ и воспитывать ихъ. Для этого они срубаютъ высокія деревья съ недосягаемыми вершинами, гдѣ орлы вьютъ свои гнѣзда. Выбранные оттуда орлята содержатся на рыбныхъ сушильняхъ и кормятся отбросами рыбы, пока не оперятся. Тогда ихъ убиваютъ, а перья изъ хвоста тщательно сохраняютъ между двумя пластами березовой коры и въ такомъ видѣ пускаютъ въ продажу. Количество орловъ, ежегодно ловимыхъ и воспитываемыхъ Гиляками, должно быть весьма значительно, такъ какъ въ каждой деревнѣ непремѣнно встрѣчается по нѣсколько орлятъ, цѣпями прикованныхъ къ сушильнямъ. Но всего болѣе изобилуетъ орлами южный берегъ Охотскаго моря. Тамъ, кромѣ *мыгр-чама*, водится еще и *чарнгай-чамъ*, перья изъ хвоста котораго особенно цѣнятся японцами. Гиляки съ Амура

Digitized by Google

и Лимана нерѣдко перебираются на Охотское море и, оставаясь тамъ по нѣсколько лѣтъ, занимаются добываніемъ орлиныхъ перьевъ. Ближайшіе ихъ сосѣди, Ольчи, и болѣе отдаленные, Гольды, также точно воспитываютъ орловъ *(Hal. albicilla,* на нарѣчіи Ольчей *гусси*, у Гольдовъ *кэжча)*. Маакъ [1]) полагаетъ, что они это дѣлаютъ съ цѣлью воздавать орламъ религіозныя почести, а также для того, чтобы удалять отъ сушиленъ съ рыбою другихъ птицъ. Но это невѣрно. И Ольчи, и Гольды имѣютъ притомъ въ виду только сбытъ орлиныхъ хвостовъ японцамъ, прямымъ путемъ или косвенно черезъ Гиляковъ. То же повторяется и у Аиновъ на Ессо и на Курильскихъ островахъ, о чемъ уже сообщали Фріесъ [2]), Стеллеръ [3]), Броутонъ [4]) и др. У Эскимосовъ же на сѣверо-западной окрайнѣ Америки, на Квихпакѣ, на Нортонскомъ заливѣ, и т. д. въ большомъ ходу обычай орлиными перьями окрылять стрѣлы [5]).

Выше уже было говорено объ искусной отдѣлкѣ гиляцкой желѣзной утвари и оружія. Прибавимъ теперь нѣсколько словъ о его происхожденіи и способахъ изготовленія. При постройкѣ жилищъ Гиляки обходятся безъ желѣза, а при изготовленіи лодокъ и саней употребляютъ исключительно деревянные гвозди. Это могло бы навести на мысль, что Гиляки вообще плохіе кузнецы. А отсюда уже прямой выводъ, что многочисленное гиляцкое оружіе — отчасти чистой, а иногда и искусной отдѣлки — иноземнаго происхожденія. Но это не такъ. Одно изъ самыхъ древнихъ показаній о Гилякахъ уже свидѣтельствуетъ объ ихъ искусствѣ въ кузнечномъ дѣлѣ. Сосланный въ началѣ прошлаго столѣтія въ Сибирь Штраленбергъ слышалъ, что народъ Килани, или, какъ его называютъ русскіе «Килаки», который живетъ на устьѣ Амура, «изготовляетъ превосходное оружіе, въ томъ числѣ лучшіе луки и вообще занимается желѣзнымъ производствомъ» [6]). Сообщеніе это, страннымъ образомъ сопоставляющее названіе Килани съ именемъ персидской провинціи Гиланъ и съ Аварами, внушало такъ мало довѣрія позднѣйшему путешественнику Гмелину, что тотъ даже счелъ нужнымъ отрицать существованіе такого народа. Если бы, полагалъ Гмелинъ, на Амурѣ дѣйствительно существовалъ народъ, умѣвшій такъ хорошо изготовлять оружіе, оно несомнѣнно распространилось бы по всей Сибири при содѣйствіи того же самаго народа или китайцевъ [7]). Но, вопреки сомнѣнію Гмелина, слухъ, $1^1/_2$ столѣтія тому назадъ дошедшій до Штраленберга, вполнѣ подтверждается въ настоящее время. Всѣ эти луки, выложенные роговыми пластинками съ серебряными украшеніями, всѣ превосходные пики, копья и ножи со множествомъ насѣчекъ изъ мѣди, латуни, серебра, вовсе не встрѣчающіеся у сибирскихъ народовъ — несомнѣнно гиляцкаго происхожденія. Отсутствіе же образцовъ такого оружія въ Сибири во время Гмелина и то, что они теперь лишь рѣдко

1) Путеш. на Амуръ, стр. 143, 170, 206.
2) Siebold, Aardr. en volkenkund. toelicht., p. 101.
3) Beschreib. von dem Lande Kamtschatka, p. 194.
4) Voyage of discovery to the North Pacif. Oc., p. 107.
5) Загоскинъ, Пешеходн. опис. части русск. влад. въ Америкѣ, Ч. I, стр. 61.
6) Ph. Joh. v. Strahlenberg, Das Nord-und Ostliche Theil von Europa und Asia, Stockholm. 1730. p. 386.
7) J. G. Gmelin, Reise durch Sibirien, Göttingen 1752, Bd. II, Vorrede.

Digitized by Google

встрѣчаются за предѣлами Амурскаго края, можно объяснить двояко. Съ одной стороны, у Гиляковъ слишкомъ мало матеріала для изготовленія оружія въ большомъ количествѣ, а съ другой стороны, они сами слишкомъ высоко цѣнятъ хорошую отдѣлку его. Поэтому они не употребляютъ его въ дѣло, неохотно продаютъ на сторону, а большей частью хранятъ какъ капиталъ, который передаютъ по наслѣдству и только въ крайнемъ случаѣ пускаютъ въ оборотъ, напримѣръ, для пріобрѣтенія жены. Но и въ такихъ случаяхъ оружіе только мѣняетъ хозяина и всетаки не выходитъ изъ гиляцкихъ рукъ. Къ тому же изготовленіе оружія, при недостаточности средствъ, требуетъ большой затраты времени и искусства, не всякому доступнаго. Въ бытность мою на Амурѣ особенно славилась оружейнымъ производствомъ деревня Хылькъ[1]), расположенная вверхъ по рѣкѣ, неподалеку отъ дер. Патъ. Оттуда же, какъ мнѣ говорили, произошли и изображенные на табл. XXXI, фиг. 2 и табл. XLVI, фиг. 4 и 5, экземпляры оружія, которые я пріобрѣлъ въ Тебахѣ у богатаго Гиляка Юдина съ сыновьями, дорого заплативъ за нихъ разнымъ товаромъ. Но къ сожалѣнію, когда я посѣтилъ это мѣстечко, мнѣ еще не было извѣстно промышленное значеніе его для Гиляковъ. Оно тогда состояло всего изъ двухъ юртъ и на первый взглядъ казалось очень незначительнымъ. Уже лѣтомъ 1855 года въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нимъ возникло русское поселеніе Михайловское[2]), что вѣроятно не замедлило скоро вытѣснить оттуда Гиляковъ.

Въ деревнѣ Тыкъ на Сахалинѣ зато я видѣлъ на дѣлѣ какъ Гиляки куютъ желѣзо. Кузница въ данномъ случаѣ помѣщалась въ задней части подземной юрты, насупротивъ входной двери. Оттуда была удалена часть наръ, и на обнаженномъ такимъ образомъ полу лежали два продолговатой формы раздувальные мѣха (по гил. *хигръ*) изъ тюленьей шкуры. Ихъ длинные рукава взаключеніе сливались въ одно общее сопло. У отверстія послѣдняго возвышался родъ небольшого, полукруглаго очага (по гил. *хунгъ*) изъ сухой, плотно уколоченной глины, съ выемкой въ нижней части его. Величина выемки вполнѣ соотвѣтствовала объему отверстія у сопла, непосредственно передъ которымъ пылалъ огонь. Туда клали куски желѣза, предназначаемые для ковки. Съ цѣлью сообщить соплу неподвижность, оба рукава придерживались на мѣстѣ нѣсколькими опрокинутыми на нихъ продолговатыми ларями, какіе въ ходу у Гиляковъ. Мальчикъ раздувалъ мѣха, по очереди ихъ опуская и поднимая. Другой, взрослый Гилякъ, щипцами (по гил. *уачъ*) вытаскивалъ изъ огня куски раскаленнаго желѣза, располагалъ ихъ на находившейся тутъ же небольшой желѣзной наковальнѣ (по гил. *микъ*) въ видѣ трехугольника и ударялъ по нимъ молотомъ. Щипцы были разной величины, смотря по размѣрамъ кусковъ желѣза, которые подлежали обработкѣ. Такимъ образомъ на моихъ глазахъ выковали лезвіе простого ножа — *ый-джакко*[3]), какимъ рѣжутъ дерево и тому подобное, и такъ называемую *кесь-кесь*, т. е. одну изъ тѣхъ иногда очень сложныхъ

1) На этнографической картѣ, приложенной къ настоящему труду, мѣстечко это обозначено, но не названо.

2) Это послѣднее помѣщено и на картѣ, приложенной къ первому тому настоящаго труда.

3) См. стр. 85 и Табл. XXXI, фиг. 4.

Digitized by Google

цѣпей, посредствомъ которыхъ Гиляки привѣшиваютъ къ поясу разные предметы, какъ-то: желѣзный прутикъ для чистки трубки и развязыванія узловъ, огниво, и т. д.[1]).

Свое оружіе изъ желѣза *(выч)* Гиляки любятъ украшать фигурами изъ красной мѣди (по гил. *пагла*, т. е. красный), латуни (по гил. *тусь*) и серебра (по гил. *тотта*[2]). И чѣмъ больше потрачено на насѣчку послѣдняго металла, тѣмъ выше цѣнятся ножъ, пика или копье. Серебро у Гиляковъ впрочемъ только и служитъ для этого, да еще для изготовленія колецъ, серегъ, застежекъ, и т. д. Поэтому лучшимъ серебромъ у нихъ считается китайское, какъ наиболѣе мягкое, а слѣдовательно и самое удобное для обработки[3]).

Превосходная отдѣлка ихъ ножей, пикъ и копей свидѣтельствуетъ о томъ, что Гиляки уже издавна упражняются въ кузнечномъ мастерствѣ. Съ этимъ вполнѣ согласуется и вышеупомянутое показаніе Штраленберга. Гиляки здѣсь, очевидно, шли по слѣдамъ одного изъ двухъ культурныхъ народовъ восточной Азіи — китайцевъ или японцевъ — но котораго именно? Сношенія ихъ съ японцами относятся къ болѣе отдаленнымъ временамъ, чѣмъ съ китайцами. Сахалинъ, какъ я это и раньше доказывалъ, еще до водворенія Гиляковъ на устьѣ Амура, уже былъ ихъ родиной, и тамъ они находились въ непосредственномъ соприкосновеніи съ Аинами, а черезъ нихъ и съ японцами. Изъ этого надобно, кажется, заключить, что именно японцы впервые познакомили Гиляковъ съ употребленіемъ желѣза и другихъ металловъ и что они же, хотя бы то косвенно, были ихъ первыми учителями въ кузнечномъ дѣлѣ. Мое мнѣніе въ данномъ случаѣ подтверждается цѣлымъ рядомъ фактовъ.

Если бы желѣзо и способъ его обработки были занесены къ Гилякамъ Маньчжурами и Гольдами отъ китайцевъ, вдоль рр. Сунгари и Амура, то кузнечное мастерство все больше и больше процвѣтало бы по мѣрѣ удаленія отъ нихъ въ обратномъ направленіи и приближенія къ китайской границѣ. Но мы видимъ въ этомъ направленіи напротивъ замѣтное пониженіе въ искусствѣ обработывать желѣзо. Ближайшіе сосѣди Гиляковъ, Ольчи, не меньше ихъ искусны въ изготовленіи оружія и желѣзной утвари. Гольды уже значительно имъ въ томъ[4]) уступаютъ, хотя въ другихъ промыслахъ — въ постройкѣ судовъ, въ шитьѣ, вышиваніи, плетеніи достигаютъ высокой степени совершенства. Къ тому же Гольды и куютъ желѣзо иначе, чѣмъ Гиляки. Между прочимъ они употребляютъ всего *одинъ* раздувальный мѣхъ. Да и нѣкоторыя другія принадлежности кузнечнаго производства тоже имѣютъ у нихъ свои рѣзкія отличія: Наковальня ихъ, напримѣръ, совсѣмъ иначе устроена[5]). Къ тому же и самыя названія этихъ предметовъ у Гольдовъ не имѣютъ ничего общаго съ гиляцкими. Все это доказываетъ, что кузнечное мастерство проникло къ

---

1) См. стр. 86 и Табл. XXVIII, фиг. 1.

2) Ртуть Гиляки въ первый разъ увидѣли у меня. Она возбудила въ нихъ крайнее удивленіе, и они тотчасъ дали ей мѣткое названіе *тотта-чахъ*, т. е. серебряная вода.

3) Употребленіе золотой и серебряной монеты, въ качествѣ денегъ, въ мое время еще не было извѣстно Гилякамъ. Но объ этомъ рѣчь впереди въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

4) То же самое подтверждаетъ и Маакъ (см. его Путеш. на Амуръ, стр. 175 и 207).

5) Ср. Маакъ, тамъ же, стр. 207 и соотвѣтственные рисунки на табл. II, фиг. 11, 12, 13 и 24.

Digitized by Google

Гольдамъ съ другой стороны, чѣмъ къ Гилякамъ, а черезъ нихъ и къ Ольчамъ—то есть со стороны маньчжуро-китайцевъ.

Въ пользу же того, что Гиляки именно чрезъ японцевъ познакомились съ желѣзомъ и со способомъ его обработки, говорятъ еще и многіе факты. Сахалинскіе Аины, напримѣръ, точь въ точь какъ Гиляки куютъ желѣзо. Маміа-Ринсо посвящаетъ этому предмету особый отдѣлъ въ описаніи своего путешествія по Крафто (Сахалину) и части нижняго Амура[1]). Правда, въ его время (1808) кузнечное производство вообще было уже очень незначительно у Аиновъ, и лишь старики еще кое гдѣ занимались имъ. Желѣзныя издѣлія, привозимыя изъ Японіи, разумѣется, отличались гораздо лучшей отдѣлкой и уже почти совсѣмъ успѣли вытѣснить туземныя произведенія изъ желѣза. Но прежде Аины прилежно занимались кузнечнымъ мастерствомъ, употребляя на то желѣзо, которое вымѣнивали у японцевъ въ Сирануси. Маміа Ринсо подробно описываетъ способъ кованія желѣза у Аиновъ — и способъ этотъ вполнѣ однороденъ съ тѣмъ, что мы видѣли у Гиляковъ. Онъ тоже упоминаетъ о двухъ раздувальныхъ мѣхахъ изъ тюленьей или рыбьей шкуры, рядомъ расположенныхъ на полу; о рукавахъ, которые до своего соединенія въ одно общее сопло придавливаются наваленной на нихъ землей или какою либо другою тяжестью; объ одновременномъ участіи въ работѣ двухъ людей и пр. Дальше[2]), переходя къ Смеренкурамъ (Гилякамъ) на Сахалинѣ, онъ уже прямо говоритъ, что они куютъ желѣзо однимъ способомъ съ Аинами. Послѣдніе же, прибавляетъ онъ немного дальше, лезвія для своихъ оружій изготовляютъ по японскому способу и вообще куютъ металлы «почти такъ же, какъ японцы». Отсюда, казалось бы, уже прямой выводъ, что Аины японцамъ обязаны своимъ знакомствомъ съ желѣзомъ и съ другими металлами, равно какъ и со способомъ ихъ обработки. Тѣмъ не менѣе Маміа Ринсо не приходитъ къ такому заключенію и даже какъ будто склоняется къ мысли, что Аины ни у кого не заимствовали свой способъ ковать желѣзо, а сами его изобрѣли. Но насъ это не должно смущать. Осторожный путешественникъ въ своемъ краткомъ и простомъ отчетѣ ни на шагъ не отступаетъ отъ того, что самъ видѣлъ и испыталъ и воздерживается отъ всякихъ выводовъ и обобщеній. Для насъ же тѣмъ болѣе очевидно, что знакомство Аиновъ, а черезъ нихъ и Гиляковъ съ желѣзомъ и со способомъ его обработки проникло къ нимъ отъ японцевъ въ такое отдаленное время, что въ эпоху посѣщенія ихъ Маміа Ринсо у нихъ не сохранилось объ этомъ событіи никакихъ слѣдовъ даже въ народныхъ преданіяхъ.

Наконецъ и форма гиляцкаго оружія и желѣзной утвари вполнѣ однородна съ аинской. Фигуры украшеній, вырѣзанныя на болѣе нарядныхъ образцахъ этого рода или выложенныя на нихъ изъ кусочковъ металла, сильно напоминаютъ японскія модели, какъ мы это уже раньше видѣли на костяной и деревянной утвари и на вышивкахъ гиляцкой одежды [3]). Это тоже говоритъ въ пользу вышеизложеннаго нами мнѣнія или по крайней мѣрѣ не противурѣчитъ ему. Но почему же въ такомъ случаѣ кузнечное производство у

1) Siebold, Nippon, VII, p. 187.
2) Тамъ же, стр. 194.
3) См. стр. 89, 90.

Digitized by Google

Гиляковъ главнымъ образомъ процвѣтаетъ не на Сахалинѣ, а на берегахъ Амура, въ той именно части ихъ страны, которая всего дальше отстоитъ отъ Японіи и всего больше подвержена маньчжуро-китайскому вліянію? Это легко объясняется политическими условіями. Сахалинскіе Аины, согласно Маміа Ринсо, постепенно утрачивали свое искусство въ кузнечномъ дѣлѣ, подъ наплывомъ японскихъ произведеній этого рода, которыя взаключеніе почти совсѣмъ вытѣснили туземное. Мы же укажемъ еще на другую, болѣе глубокую причину, о которой японскій путешественникъ не могъ или не смѣлъ упоминать. Она кроется въ тяжелой зависимости Аиновъ отъ японцевъ и въ безпощадномъ хищничествѣ послѣднихъ, благодаря которому Аины все болѣе и болѣе впадали въ апатію и бѣдность. Что касается Гиляковъ, то они находились въ гораздо лучшихъ условіяхъ уже по одному тому, что страна ихъ лежитъ дальше отъ Японіи. Кромѣ того они обладаютъ бо̀льшей энергіей и смышленостью, и все это помогло имъ сохранить свою независимость. Наученые горькимъ опытомъ Аиновъ, они подъ вліяніемъ страха уходили отъ японцевъ все дальше на сѣверъ Сахалина и наконецъ отчасти перебрались или, вѣрнѣе, вернулись обратно на материкъ[1]). Во всякомъ случаѣ политическая независимость, которую имъ удалось за собой обезпечить на Сахалинѣ отъ японцевъ, а на материкѣ отъ маньчжуро-китайцевъ, много содѣйствовала ихъ благосостоянію и тѣмъ самымъ давала имъ возможность совершенствоваться въ тѣхъ промыслахъ и мастерствахъ, которые были ими разъ пріобрѣтены, — слѣдовательно и въ кузнечномъ дѣлѣ. Само собой разумѣется, что и благосостояніе это, и связанное съ нимъ развитіе промышленности всего больше процвѣтали тамъ, гдѣ природа доставляла самыя обильныя средства къ существованію. Такъ и было именно на широко раскинувшей свою водную сѣть богатой рыбою рѣкѣ Амурѣ.

Какъ Гиляки и Аины, такъ и третьи изъ населяющихъ Сахалинъ инородцевъ, Ороки, тоже черезъ японцевъ познакомились съ употребленіемъ желѣза и со способомъ его обработки. Но знакомство это не прямо состоялось, а при посредствѣ двухъ народовъ, между которыми, такъ сказать, ущемлена площадь, гдѣ кочуютъ Ороки. И странно сказать, эта горсть убогихъ кочевниковъ, что касается желѣзнаго производства, обходится безъ помощи болѣе самостоятельныхъ сосѣдей и исключительно сама удовлетворяетъ своимъ, правда ограниченнымъ, потребностямъ въ домашней утвари. Мало того, Ороки изготовляютъ эти предметы въ такомъ количествѣ, что тѣ даже служатъ имъ предметомъ мѣновой торговли съ Гиляками. Это тѣмъ удивительнѣе, что Гиляки превосходятъ ихъ въ кузнечномъ дѣлѣ и вѣроятно были ихъ учителями въ немъ также, какъ и одноплеменныхъ съ Ороками Ольчей на материкѣ. Въ долинѣ р. Тымы, въ деревнѣ Ыткырнъ, я видѣлъ ножевые клинки, которые Гиляки передъ тѣмъ вымѣняли у Ороковъ за табакъ. Тутъ были ножи всевозможнаго вида и величины, начиная съ тѣхъ, какіе Гиляки носятъ на поясѣ и кончая тѣми, какими они потрошатъ рыбу. Каждый клинокъ оплачивался нѣсколькими листками табака. Но безъ рукоятокъ и грубой работы они еще требовали отдѣлки, полировки, оправы, украшеній. Такимъ образомъ Ороки, въ данномъ случаѣ отчасти являются для Гиляковъ,

1) О переселеніи или возвращеніи Гиляковъ на материкъ см. Т. I, стр. 221 и 257 наст. труда.

Digitized by Google

какъ бы поставщиками сыраго матеріала. Это обусловливается, вопервыхъ, большимъ спросомъ у Гиляковъ на этого рода предметы, во вторыхъ, возможностью для Ороковъ, благодаря ихъ близости къ Японіи, въ значительномъ количествѣ добывать оттуда желѣзо прямо, или косвенно, черезъ Аиновъ. Во всемъ этомъ Ороки, конечно, играютъ лишь второстепенную роль по отношенію къ Гилякамъ. Но зато они обнаруживаютъ несомнѣнное превосходство надъ Аинами, которые являются тутъ только посредниками въ дѣлѣ поставки сыраго матеріала. А это находится въ прямой связи съ меньшей зависимостью Ороковъ отъ японцевъ.

Кромѣ вышеназванныхъ палэазіатскихъ народовъ, еще одинъ, Камчадалы или Ительмены, обязанъ своимъ знакомствомъ съ желѣзомъ японцамъ, при посредствѣ Аиновъ. Стеллеръ [1]) и Крашенинниковъ [2]) утверждаютъ, что Камчадалы еще до прибытія русскихъ въ ихъ страну уже успѣли освоиться съ однимъ хозяйственнымъ предметомъ изъ желѣза, а именно съ большой японской иглою. На японское происхожденіе тамъ послѣдней указываетъ, между прочимъ, и мѣстное названіе ея — *сюзэ* (по Стеллеру) или *шишъ* (по Крашенинникову). Слово это, переданное Камчадаламъ Курильскими Аинами, какъ я уже говорилъ выше [3]), собственно указываетъ на Японію и является здѣсь только прилагательнымъ, которое, называя иглу «японскою», опредѣляетъ, откуда она родомъ. Дальше Стеллеръ разсказываетъ, какъ Камчадалы между прочимъ примѣняли къ этимъ игламъ кузнечное мастерство, которое, очевидно вмѣстѣ съ ними, пріобрѣли отъ Аиновъ. Если у иглы при употребленіи отскакивало ушко, Камчадалы до красна накаляли ее, ударами камня по ней возвращали ей первоначальную форму и остріемъ другой иглы просверливали новую дырку. Отъ Курильскихъ же Аиновъ получали Камчадалы — тоже еще до прибытія русскихъ — и куски желѣзной руды. Но они не умѣли съ ней обращаться и дѣлали изъ нея только одно употребленіе. Если, по словамъ Стеллера, кусокъ такой руды, въ два, три дюйма длины, хоть сколько нибудь напоминалъ форму ножа, ее на шестѣ водружали передъ жилищемъ, какъ знакъ богатства и особаго значенія хозяевъ. Камчадалы оказывали такое уваженіе предмету, самому по себѣ неказистому и въ ихъ рукахъ совсѣмъ безполезному, вѣроятно на основаніи показаній Аиновъ. Тѣ разсказывали имъ, что изъ этого вещества, окруженные въ ихъ глазахъ ореоломъ богатства и почета, Сизаны (японцы) приготовляютъ сабли и мечи, которые они, Аины, такъ высоко цѣнятъ и дорого оплачиваютъ. По свидѣтельству Стеллера, Курильскіе Аины за старую японскую саблю охотно платили по 20 штукъ морскихъ бобровъ, да еще считали себя въ выгодѣ. Они опоясывались этими саблями только въ праздники или въ торжественныхъ случаяхъ и, желая «кого нибудь привѣтствовать, выдѣлывали ими презабавныя штуки».

Что же касается сосѣднихъ съ Камчадалами Чукчей и Коряковъ, то нельзя съ достовѣрностью сказать, была ли и имъ также извѣстна упомянутая игла, да и вообще,

1) Beschr. von dem Lande Kamtschatka, p. 249, Anm. a u. p. 320.

2) Опис. земли Камчатки (Полн. собр. учен. путеш. по Россіи, Т. II, стр. 49).

3) Ср. Т. I, стр. 198 — 200 наст. соч.

Digitized by Google

были ли они знакомы съ желѣзомъ до прибытія русскихъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что по крайней мѣрѣ три палэазіатскіе народа, Аины, Гиляки и Камчадалы, получили желѣзо изъ Японіи. Это въ прямой связи съ географическимъ положеніемъ населяемыхъ ими странъ, по сосѣдству съ Японіей. Самый большой изъ японскихъ острововъ, Нипонъ, сѣверной частью своей почти соприкасается съ Ессо, главнымъ мѣстопребываніемъ Аиновъ[1]). Ессо же въ свою очередь близко подходитъ къ Сахалину, наполовину гиляцкому, и къ цѣпи Курильскихъ острововъ, которые соединяютъ его съ Камчаткой. Отсюда можно также заключить, что народы эти, пока они еще жили дальше внутри материка, не употребляли желѣза[2]). Они впервые познакомились съ нимъ, сдѣлавшись краевыми народами — то есть послѣ того, какъ были вытѣснены на самыя окраины восточнаго материка съ прилежащими къ нему островами и полуостровами, и такимъ образомъ приблизились къ Японіи[3]).

Но вернемся къ Гилякамъ. Въ дополненіе къ вышесказанному объ ихъ охотничьемъ оружіи для преслѣдованія звѣрей на сушѣ и водѣ, скажемъ теперь нѣсколько словъ и о другихъ доспѣхахъ ихъ. Упомянемъ, между прочимъ, о двухъ панцыряхъ (по гил. *пэчъ*), крайне различныхъ по формѣ, матеріалу и происхожденію. Нынѣ панцыри эти вышли изъ употребленія, но представляютъ довольно значительный историко-этнографическій интересъ.

Одинъ изъ нихъ желѣзный (по гил. *выч-пэчъ*). Это — латы изъ тонкихъ, узкихъ желѣзныхъ полосокъ съ дырками, сквозь которыя пропущенъ ремень, сплошными рядами прикрѣпляющій полоски къ звѣриной или рыбьей шкурѣ. Часть, предназначаемая для головы, имѣетъ видъ шлема (таб. XLIV, фиг. 2). Верхушка полосокъ у послѣдняго съ закругленными краями отогнута наружу и плотно охвачена ремнемъ. У нижней оконечности шлема виситъ отдѣльная полоса пластинокъ, предназначаемая для защиты шеи. Остальная часть латъ, прикрывающая грудь и спину (тамъ же, фиг. 3), состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ желѣзныхъ полосокъ или пластинокъ, болѣе широкихъ и длинныхъ, чѣмъ у шлема. Ряды ихъ находятъ одинъ на другой сверху внизъ. Цѣлаго панцыря этого рода мнѣ однако не удалось видѣть, а только отдѣльныя части его въ деревнѣ Тебахѣ. Описывая Смеренкуровъ (Гиляковъ) на Сахалинѣ, Мамія Ринсо[4]) упоминаетъ и объ употребляемыхъ ими желѣзныхъ латахъ съ мѣстнымъ названіемъ *бетцси*, въ которомъ не трудно узнать японское искаженіе вышеупомянутаго слова *пэчъ*. Дальше онъ прибавляетъ, что латы эти вообще тамъ мало употребляются, но ихъ высоко цѣнятъ, и на войнѣ они составляютъ принадлежность военачальниковъ. Первая часть настоящаго показанія заслуживаетъ пол-

---

1) Мнѣніе, главнымъ образомъ поддерживаемое Зибольдомъ, будто Аины нѣкогда жили и на сѣверѣ Нипона (см. Т. I, стр. 126 настоящ. труда), въ настоящее время опровергается Браунсомъ (Die Bewohner des Japanischen Inselreichs, — Jahresber. des Frankfurter Vereins für Geogr. u. Statist., 48 и 49. Jahrg., 1883—84 и 1884—85, Wissenschaftl. Thl., p. 5 ff.).

2) См. Т. I, стр. 257 наст. соч.

3) Вопросъ о происхожденіи и распространеніи желѣзнаго производства въ Японіи, само собой разумѣется, не входитъ въ рамки нашего труда.

4) L. c., p. 194.

Digitized by Google

наго довѣрія, но вторая, повидимому, не болѣе какъ игра фантазіи японскаго путешественника. Въ мою бытность среди Гиляковъ латы эти уже совсѣмъ вышли изъ употребленія, и только изрѣдка еще встрѣчались отдѣльныя части ихъ, обладаніе которыми придавало особый вѣсъ ихъ владѣльцамъ. Обломки эти такъ высоко цѣнились, что за пару ихъ Гилякъ пріобрѣталъ себѣ жену. Въ настоящее время это, значитъ, не иное что какъ антикварскій предметъ, болѣе или менѣе фиктивной цѣнности. Важность значенія обломковъ *быч-пэчи* въ глазахъ туземцевъ обусловливается ихъ иноземнымъ происхожденіемъ. Латы эти, по единодушному показанію Гиляковъ, были занесены къ нимъ изъ Маньчжуріи, гдѣ, согласно Маміа Ринсо, тоже высоко цѣнятся.

Уже въ стариннѣйшихъ европейскихъ сообщеніяхъ о древнихъ маньчжурахъ (Нючахъ) упоминается объ ихъ шлемахъ и панцыряхъ изъ чешуеобразныхъ желѣзныхъ пластинокъ, скрѣпленныхъ между собой гвоздиками или расположенныхъ на кожанной основѣ[1]). А вслѣдъ за покореніемъ Китая маньчжурами, и всѣ китайскіе воины, до императора включительно, облеклись въ эти доспѣхи[2]). Интересныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ между прочимъ сообщаетъ и отецъ Іакинѳъ, извѣстный членъ русской миссіи въ Пекинѣ съ 1807 по 1820 г. Онъ разсказываетъ, что въ число подарковъ, которые императоръ, вступая въ бракъ, дѣлаетъ отцу своей невѣсты, обязательно входитъ извѣстное количество панцырей и шлемовъ[3]). Понятно, что при такихъ условіяхъ предметы эти должны были представлять цѣнное и завидное пріобрѣтеніе въ глазахъ нижне-амурскихъ инородцевъ, которые всѣ, не исключая и Гиляковъ, находятся подъ владычествомъ или, по крайней мѣрѣ, подъ вліяніемъ маньчжуро-китайцевъ. На этомъ основаніи они и у Гиляковъ играютъ видную роль въ важнѣйшей сдѣлкѣ ихъ общественной жизни, а именно въ покупкѣ жены.

Отъ маньчжуро-китайцевъ, и ближайшіе сосѣди ихъ, Гольды на Сунгари и на нижнемъ Амурѣ, тоже научились изготовлять желѣзныя латы. Маміа Ринсо прямо приписываетъ имъ производство тѣхъ желѣзныхъ латъ, которыя онъ видѣлъ у Смеренкуровъ, но притомъ искажаетъ на японскій ладъ имя Гольдовъ, преобразуя ихъ въ «Кордековъ»[4]). Само собой разумѣется, что это не первый и единственный предметъ изъ желѣза, производству котораго Гольды научились у своихъ южныхъ сосѣдей. Итакъ, кузнечное мастерство проникло къ нижне-амурскимъ инородцамъ со стороны, противоположной той, откуда оно нашло себѣ доступъ къ Гилякамъ. Но этимъ путемъ оно, кажется, не пошло дальше Гольдовъ. Остальные инородцы по нижнему теченію Амура и на Сахалинѣ — Аины, Гиляки, Ольчи, всѣ, какъ мы уже видѣли, еще раньше научились желѣзному про-

---

1) Ср. Neuhof, Die Gesantschaft der Ost-Indisch. Gesellsch. in den vereinigt. Niederländern an den Tartarisch. Cham u. nunmehr auch Sinisch. Keiser, Amsterdam, 1666, p. 394. Также, Witsen, Noord en Oost Tartarye, Tweede Druk, Amsterdam, 1705, p. 3, 6, 13.

2) См. Gerbillon y Du Halde, Descript. de l'Empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise, Paris. 1735, T. IV, p. 273.

3) Іакинѳъ, Китай, его жители, нравы, обычаи, просвѣщ. С.-Петерб. 1840, стр. 164.

4) См. Т. I, стр. 153 наст. соч.

Digitized by Google

изводству отъ японцевъ. А въ послѣднія десятилѣтія наконецъ нижне-амурскіе инородцы имѣли случай познакомиться и съ русскимъ способомъ ковать желѣзо.

У Гиляковъ, впрочемъ, существуетъ еще и другого рода панцырь, а именно веревочный (по гил. *кэ-пэчъ*). Это короткая рубаха или куртка безъ рукавовъ (таб. XLIV, фиг. 1), сплетенная изъ веревокъ изъ крапивной пряжи, употребляемыхъ на рыболовныя сѣти. Въ плетеніи мѣстами пропущенъ китовый усъ. Вырѣзъ у шеи опушенъ длинноволосымъ собачьимъ мѣхомъ и снабженъ петлей съ пуговицей. Другихъ застежекъ панцырь не имѣетъ и остается распахнутымъ на груди. Носятъ его поверхъ обыкновенной собачьей шубы. Панцырь, состоящій изъ грубаго, толстаго матеріала, очень тяжелъ. Тотъ, съ котораго снятъ предлагаемый здѣсь рисунокъ, былъ мною купленъ у Гиляка Мрадамна въ Сабахѣ. Длина его 2′ 4″, ширина — 1′ 10″, а вѣсъ 28½ фунтовъ (русск.). Въ противоположность желѣзному маньчжуро-китайскому, веревочный панцырь чисто гиляцкаго происхожденія. Гиляки разсказывали мнѣ, что нѣкогда употребляли его при крупныхъ столкновеніяхъ между собой, когда одна деревня поднималась на другую, чтобы отомстить за убійство, похищеніе женщинъ или тому подобную обиду. Въ мое время однако веревочные панцыри уже совсѣмъ вышли изъ употребленія и сохранялись еще только въ немногихъ экземплярахъ. Пріобрѣтенный мной, напримѣръ, носитъ слѣды весьма отдаленной эпохи. Гилякъ, у котораго я купилъ его, былъ уже старикъ весьма преклонныхъ лѣтъ, и тѣмъ не менѣе ни отецъ его, ни дѣдъ не видѣли изготовленія этого панцыря. Но если Гиляки высоко цѣнятъ даже ржавые обломки желѣзнаго панцыря, веревочный зато вообще не пользуется у нихъ значеніемъ. Это — вѣроятно на основаніи своего туземнаго происхожденія и слишкомъ простого матеріала [1]), изъ котораго состоитъ.

Взаключеніе упомянемъ еще объ одной принадлежности гиляцкаго вооруженія, въ сущности весьма невинной, но способъ употребленія которой крайне своеобразенъ. Это такъ называемая у нихъ *мунче* (таб. XLVI, фиг. 3) — дубина изъ плотнаго дерева въ пять футовъ длины — круглая или съ слегка обозначенными углами. Она сверху до низу изборождена едва замѣтными надрѣзами въ видѣ спирали, которые составляютъ отличительную черту древка у всѣхъ гиляцкихъ копій, пикъ, гарпуновъ. Назначеніе такихъ надрѣзовъ — не давать оружію скользить въ рукахъ. У *мунче* — головка въ видѣ крупной пуговицы или желудя. Въ нижней трети своей дубина постепенно съуживается, а иногда бываетъ срѣзана на подобіе сабли, съ глубокимъ желобомъ на оборотной сторонѣ.

---

1) Изъ такого же матеріала, какъ гиляцкое *кэ-пэчъ*, или подобнаго ему, были панцыри и у двухъ другихъ краевыхъ народовъ восточной Азіи, къ югу и къ сѣверу отъ Гиляковъ. Во время своей кровавой распри съ Корейцами въ 1871 году сѣверо-американцы видѣли на послѣднихъ панцыри изъ плотной бумажной ткани, сложенной въ 40 разъ. Панцыри эти были почти непроницаемы для сабель и штыковъ. (См. Nordische Presse, 1871, № 214, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ «Times» его корреспондентомъ изъ Шанхая). Дитмаръ (Ueber die Koräken und Tschuktschen. — Bull. de la cl. hist.-phil. de l'Acad. Imp. des sc. de St-Pétersb., T. XIII, p. 131; Mél. russes, T. III, p. 41), въ свою очередь сообщаетъ, что Чукчи употребляютъ панцыри изъ китоваго уса и изъ толстыхъ звѣриныхъ шкуръ.

Digitized by Google

Странное оружіе это отъ Гиляковъ перешло и къ Негидальцамъ на Амгуни, у которыхъ оно очень распространено и носитъ названіе *мукечи*, очевидно взятое съ гиляцкаго *мунче*. И Миддендорфъ между прочимъ видѣлъ его у нихъ. Снимокъ съ этой дубины приложенъ къ описанію его путешествія, гдѣ онъ называетъ ее деревянной саблей[1]) или «почетной дубиной». По мнѣнію его, *мукечи* употребляютъ исключительно въ поединкахъ, рѣшающихъ вопросы чести. Борцы, схвативъ дубину обѣими руками, взмахами ея отражаютъ удары соперника. Способъ употребленія этого оружія былъ наглядно объясненъ Миддендорфу однимъ негидальскимъ старикомъ, по имени Олтунгабъ, на р. Немиленѣ (притокѣ Амгуни). Объясненія эти вполнѣ совпадаютъ съ тѣмъ, что я самъ узналъ объ употребленіи *мунче* у Гиляковъ. На первыхъ же порахъ моего пребыванія въ Николаевскомъ постѣ туда прибылъ изъ Патхэ Гилякъ Ючинъ, весьма смышленый малый, отъ котораго я, между прочимъ, получилъ и мои первыя свѣдѣнія въ гиляцкомъ языкѣ. Все вооруженіе Ючина въ данномъ случаѣ состояло изъ одной такой дубины или *мунче*. По моей просьбѣ онъ продѣлалъ ею передо мной всѣ соотвѣтственныя упражненія. По его движеніямъ и манипуляціямъ однако мнѣ стало ясно, что дубина эта не простая палка для отраженія ударовъ, но имѣетъ болѣе почетное значеніе. Такъ, напримѣръ, приподнявъ дубину правой рукой и водрузивъ ее передъ собой въ землю, какъ алебарду, Гилякъ мой принималъ важный и торжественный видъ. Онъ и садясь не разставался съ ней. Ючинъ очевидно съ большимъ уваженіемъ и заботливостью относился къ своей дубинѣ. Поврежденная во многихъ мѣстахъ, она была тщательно заплатана берестой, но отъ этого не только не теряла, но еще какъ бы выигрывала въ глазахъ своего владѣльца. Въ общемъ я составилъ себѣ о *мунче* понятіе какъ о почетномъ оружіи съ условнымъ значеніемъ. Происхожденіе его очевидно теряется въ далекомъ прошломъ. Возникнувъ нѣкогда по образцу можетъ быть японскихъ копій, оно вѣроятно съ тѣхъ поръ сохранило по преданію свое теперешнее почетное значеніе. Не свидѣтельствуетъ ли въ пользу нашего предположенія и загадочный для Миддендорфа глубокій желобъ на оборотной сторонѣ *мунче?* Не играетъ ли онъ здѣсь роль желоба для стока крови, какъ на японскомъ копьѣ, которое, по нашей догадкѣ, служило первообразомъ этому странному оружію?

Что касается способовъ охоты у другихъ нижне-амурскихъ инородцевъ, то мы встрѣчаемъ у нихъ, по сравненію съ Гиляками, не мало характерныхъ отличій, и частныхъ, и общихъ. Обусловливаются они и размѣрами, въ какихъ производится охота, и тѣмъ значеніемъ, какое она имѣетъ въ общемъ ходѣ ихъ жизни.

---

1) Пут. на сѣв. и вост. Сиб. Ч. II, стр. 756. Привезенный имъ экземпляръ, который нынѣ находится въ нашемъ музеѣ, дѣйствительно въ послѣдней трети своей срѣзанъ на подобіе сабли.

Digitized by Google

Наибольшее сходство въ этомъ отношеніи, само собой разумѣется, представляютъ тѣ два палэазіатскіе народа, которые живутъ на Сахалинѣ въ тѣсномъ соприкосновеніи между собой — Гиляки и **Аины.** И Маміа Ринсо уже, описывая въ своемъ путешествіи[1]) способы охоты у «Крафтянъ» или Аиновъ на Сахалинѣ, вкратцѣ упоминаетъ почти о всѣхъ ловушкахъ, о которыхъ мы только что подробно говорили у Гиляковъ, каковы: веревочная петля на бревнѣ, въ видѣ моста, перекинутаго черезъ ручей, для соболей и рѣчныхъ выдръ; вилкообразный капканъ (по гил. *казма*), для лисицъ и волковъ; самострѣлъ, съ котораго, при малѣйшемъ сотрясеніи протянутаго отъ него снура, сама собой слетаетъ стрѣла, и т. д. Здѣсь японскій путешественникъ прибавляетъ, что самострѣлъ между прочимъ, съ рыбой въ видѣ приманки, употребляется Аинами еще и для ловли морскихъ бобровъ. Но это сомнительно, и показаніе его въ данномъ случаѣ имѣетъ для насъ только историческій интересъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ мною и другими позднѣйшими путешественниками[2]), оказывается, что въ настоящее время морская выдра *(Enhydris marina* Schreb., по аински *ракко)* едва ли еще встрѣчается у береговъ Сахалина и извѣстна тамъ развѣ только по имени. Иное дѣло, свѣдѣніе, сообщаемое Маміа Ринсо о ловлѣ кабарги (по аински *ликун-камой*). Ему можно вполнѣ довѣрять, когда онъ разсказываетъ, что Аины употребляютъ для нея такую же точно ловушку какъ для соболя и рѣчной выдры, разставляя ее преимущественно въ горныхъ ущельяхъ, особенно излюбленныхъ этимъ животнымъ. Изъ этого можно бы, пожалуй, заключить, что и Гиляки тѣмъ же способомъ ловятъ кабаргу, хотя я у нихъ ни о чемъ подобномъ не слыхалъ. Способъ охоты у Аиновъ за болѣе крупными звѣрями, за оленемъ и медвѣдемъ, тотъ же, что и у Гиляковъ, только они прибѣгаютъ еще къ ядовитымъ стрѣламъ, которыя, какъ сказано выше, вовсе не въ ходу у ихъ сосѣдей. Медвѣжьи рогатины, пики и копья, которыя имъ служатъ для этой охоты, Аины, со времени упадка у нихъ кузнечнаго мастерства, пріобрѣтаютъ отъ Гиляковъ, посредствомъ мѣновой торговли. Изящные экземпляры послѣдняго оружія съ украшеніями изъ мѣди, серебра и латуни, впрочемъ, слывутъ у нихъ за маньчжурское издѣліе, а Гиляки изъ корысти поддерживаютъ это мнѣніе. Но какъ бы то ни было, взаключеніе надо сказать, что Аины, еще менѣе чѣмъ Гиляки, охотничій народъ. Причина тому не столько въ обстоятельствѣ, что они, какъ Гиляки, преимущественно существуютъ рыбнымъ и тюленьимъ промысломъ, который во всякомъ случаѣ доставляетъ имъ лишь скудное пропитаніе, а главнымъ образомъ обусловливается лѣнью и апатіей — этими неизбѣжными послѣдствіями тяготѣющаго надъ ними японскаго ига. Подавленные имъ, Аины не стремятся къ улучшенію своего быта. А между тѣмъ они легко могли бы этого достигнуть торговлей съ Гиляками, у которыхъ продукты болѣе дѣятельной охоты всегда находили бы себѣ вѣрный сбытъ.

---

1) Tô-tats kiko (Siebold, Nippon VII, p. 185).

2) См. мое соч. Reis. u Forsch. im Amur-Lande. Bd. I, p. 44, и сочиненіе Никольскаго: Островъ Сахалинъ и его фауна позвоночн. животн. (Прилож. къ LX-му тому Зап. Имп. Акад. Наукъ, № 5, стр. 147).

Digitized by Google

Зато у другихъ сосѣдей Гиляковъ на Сахалинѣ, у **Ороковъ**, мы встрѣчаемъ совсѣмъ иное. Въ нихъ особенно ярко и своеобразно проявляется, свойственная всѣмъ тунгусскимъ племенамъ, страсть къ охотѣ. Несмотря на свою малочисленность и на невыгоды своего положенія между двумя болѣе сильными осѣдлыми народами, Ороки, какъ подробно изложено выше, нисколько не измѣнили своимъ нравамъ кочевыхъ охотниковъ. Ихъ существованіе немыслимо безъ охоты. Они, правда, проводятъ часть года на морскомъ берегу и на устьяхъ рѣкъ, ради ловли рыбы и тюленей. Но этого еще недостаточно для ихъ пропитанія, которое вполнѣ обезпечивается только усердной охотой въ горныхъ дебряхъ и на обширныхъ охотничьихъ площадяхъ сѣвернаго Сахалина. Охота съ одной стороны уже непосредственно снабжаетъ ихъ пищей и одеждой, въ особенности оленьимъ мясомъ и шкурами, а съ другой доставляетъ имъ предметы мѣновой торговли съ Гиляками, которая такимъ образомъ тоже является источникомъ для удовлетворенія ихъ жизненныхъ потребностей. Дальше мы еще вернемся къ мѣновой торговлѣ Ороковъ съ Гиляками. Пока замѣтимъ только въ общихъ чертахъ, что Ороки, какъ искусные охотники, никогда не терпятъ недостатка въ предметахъ этой торговли — въ драгоцѣнныхъ шкурахъ соболей, лисицъ и рѣчныхъ выдръ. Не меньше славятся они среди Гиляковъ и умѣніемъ преслѣдовать оленя, и отвагой въ борьбѣ съ медвѣдемъ.

Преобладающая среди **Тунгусовъ** страсть къ охотѣ еще ярче, чѣмъ на Сахалинѣ, проявляется на материкѣ, гдѣ для нея больше простора и гдѣ она находитъ себѣ болѣе широкое и разнообразное примѣненіе. Мы уже видѣли, что охота, по сравненію съ рыбной ловлей, вообще пріобрѣтаетъ все больше и больше значенія въ жизни туземцевъ, по мѣрѣ удаленія отъ устья Амура и вдоль лѣвыхъ притоковъ его. Участіе природныхъ условій страны въ устройствѣ быта населяющихъ ее народовъ здѣсь опредѣляется, съ одной стороны, уменьшеніемъ въ данномъ направленіи рыбныхъ богатствъ, а съ другой — возрастаніемъ количества тѣхъ породъ звѣрей, которые подлежатъ охотѣ. Возьмемъ, напримѣръ, самаго крупнаго изъ млекопитающихся въ Амурскомъ краѣ — лося. Его совсѣмъ нѣтъ на Сахалинѣ, на материкѣ же онъ все чаще и чаще встрѣчается въ указанномъ направленіи, и наконецъ, въ обширныхъ лѣсахъ по Амгуни и Горину и вверхъ отъ послѣдняго по Амуру, количество его достигаетъ своего максимума. И дальше: вверхъ отъ Амгуни на Амурѣ появляется козуля; у устья Хазелаха, на южной границѣ страны Гиляковъ — вепрь или дикій кабанъ; начиная съ устьевъ Хелассо и Горина — изюбрь. А по мѣрѣ того, что лѣса вверхъ по Амуру и вообще вся растительность постепенно пріобрѣтаютъ болѣе южный характеръ, и три названныхъ звѣря все чаще встрѣчаются охотнику. Это быстрое, на основаніи орографическихъ и климатическихъ условій, возрастаніе въ указанномъ направленіи богатствъ млекопитающейся фауны въ нижне-амурскомъ краѣ всего больше выпадаетъ на долю той части страны, которая населена Негидальцами, Самагирцами, Ольчами и Гольдами. Хотя, по мѣрѣ удаленія оттуда и приближенія къ морскому берегу, обиліе снѣговъ, такъ затрудняющее прокормленіе и передвиженіе этихъ животныхъ, производитъ уклоненіе къ югу той черты, за предѣлами которой они уже не водятся дальше

Digitized by Google

на сѣверѣ [1]), однако и Орочи всетаки пользуются еще лучшими условіями для охоты чѣмъ Гиляки. А страна вышеназванныхъ тунгусскихъ племенъ нижне-амурскаго края не только не уступаетъ имъ въ богатствѣ самыми цѣнными пушными звѣрями, но, напротивъ, даже превосходитъ ихъ. Мѣхъ соболя, напримѣръ, здѣсь красивѣе и лучшаго качества. Звѣрекъ этотъ, пожалуй, вообще чаще встрѣчается на Сахалинѣ — вѣроятно за отсутствіемъ тамъ колонка *(Mustela sibirica)*, который питается одною съ нимъ пищею. Но зато цвѣтъ его мѣха на островѣ гораздо свѣтлѣе, почему онъ меньше и цѣнится. На материкѣ же, чѣмъ дальше отъ моря, тѣмъ мѣхъ соболя становится добротнѣе и по лѣвымъ притокамъ Амура онъ считается лучше, чѣмъ по правымъ. Наибольшимъ же почетомъ въ торговлѣ пользуются соболя съ Горина и Амгуни, такъ какъ они обладаютъ самымъ густымъ и темнымъ мѣхомъ [2]). Въ виду этихъ болѣе благопріятныхъ условій природы и присущей всѣмъ Тунгусамъ страсти къ охотѣ понятно, что она играетъ въ жизни нижне-амурскихъ инородцевъ этого племени болѣе видную роль, чѣмъ у Гиляковъ, и производится ими въ гораздо большихъ размѣрахъ.

У тунгусскихъ племенъ нижне-амурскаго края, также какъ и у Гиляковъ, охота прежде всего направлена на цѣнныхъ пушныхъ звѣрей — преимущественно на соболей, рѣчныхъ выдръ и лисицъ. Они служатъ у нихъ предметомъ торговли, которая доставляетъ имъ кое какую пищу и одежду, а также и средства къ наслажденію — табакъ, безъ котораго они не могутъ обойтись. Охота производится у нихъ тѣми же способами, но въ бо̀льшихъ размѣрахъ; она охватываетъ бо̀льшій районъ, ее преслѣдуютъ съ бо̀льшимъ рвеніемъ и настойчивостью, а потому она и даетъ лучшіе результаты.

Но если у Гиляковъ охота ограничивается одними пушными звѣрями, и потому совершенно подчинена торговлѣ, то у амурскихъ инородцевъ тунгусскаго племени она напротивъ распространяется и на вышеупомянутыя породы дичи — красной, черной и проч. Преслѣдованіе дичины у этихъ инородцевъ къ тому же не случайное, какъ у Гиляковъ, а составляетъ у нихъ самостоятельную отрасль охоты. Она непосредственно и существенно снабжаетъ ихъ пищей и одеждой. Впрочемъ, объ этомъ уже было говорено выше. По отношенію къ пищѣ, охота пріобрѣтаетъ у этихъ инородцевъ все больше значенія соотвѣтственно тому, насколько она занимаетъ у нихъ больше времени, чѣмъ у Гиляковъ. По мѣрѣ удаленія вглубь страны и вверхъ по теченію Амура, она все болѣе и исключительнѣе наполняетъ у нихъ всю зиму, часть осени и весны.

А съ большей продолжительностью охоты у тунгусскихъ племенъ естественно расширяются и предѣлы, въ которыхъ она производится. Гилякъ довольствуется для своей охоты соотвѣтственно меньшей окружностью. Опытъ его единственный руководитель здѣсь. Разставляя западни и самострѣлы, онъ держится указаній звѣринаго слѣда на снѣгу, по

1) Болѣе подробное и отчасти графическое изображеніе этихъ условій я уже предлагалъ въ первой части моего труда Reis. и Forsch. im Amur-Lande, (Bd. I, p. 195 u. ff.)какъ при описаніи отдѣльныхъ породъ звѣрей, такъ и въ общихъ выводахъ о характерѣ млекопитающейся фауны Амурскаго края и на приложенной картѣ.

2) См. мое соч. Reis. и Forsch. im Amur-Lande, Bd. I, p. 30, 31.

Digitized by Google

которому узнаетъ о посѣщеніяхъ данной мѣстности той или другой добычею. Время отъ времени онъ осматриваетъ западни и ловушки, но на ночь всегда неизмѣнно возвращается въ свое постоянное жилище на берегу рѣки или моря. Амурскіе Тунгусы, напротивъ, предпринимаютъ дальніе охотничьи походы, которые иногда длятся по нѣсколько дней и даже недѣль. Этимъ всего нагляднѣе обнаруживается перевѣсъ въ нихъ, по сравненію съ Гиляками, охотничьихъ инстинктовъ. Въ общемъ они, правда, уже успѣли сдѣлаться тоже совсѣмъ осѣдлыми рыболовами. Тѣмъ не менѣе первоначальная склонность къ жизни охотничьихъ кочевниковъ не совсѣмъ въ нихъ заглохла и время отъ времени съ неудержимой силой прорывается наружу. Намѣтивъ для своихъ подвиговъ какую либо охотничью площадь, инородцы эти небольшими партіями, отъ 2—5 человѣкъ, отправляются туда на лыжахъ. Кромѣ охотничьихъ снарядовъ, они берутъ съ собой самую необходимую утварь въ видѣ малыхъ котелковъ, немного съѣстныхъ припасовъ на первый случай — и все это сопровождаетъ ихъ на легкихъ саняхъ съ ограниченнымъ числомъ собакъ. На мѣстѣ своего назначенія въ лѣсу они сооружаютъ небольшой охотничій шалашъ, такъ называемый *алько*. Онъ служитъ имъ общимъ жилищемъ, и изъ него уже они предпринимаютъ экскурсіи въ ближайшія и болѣе далекія окрестности. День такого охотника проходитъ въ преслѣдованіи добычи и въ осмотрѣ раньше разставленныхъ ловушекъ и самострѣловъ. Но подъ вечеръ все маленькое общество возвращается въ шалашъ и располагается вокругъ пылающаго костра ужинать мясомъ свѣжей дичи. Случается впрочемъ, что охотникъ, въ пылу погони за звѣремъ, слишкомъ удаляется отъ сборнаго пункта, или его гдѣ нибудь задерживаетъ непредвидѣнное приключеніе. Тогда онъ, смотря по погодѣ, или сооружаетъ себѣ небольшой шалашъ въ видѣ свода изъ еловыхъ вѣтвей — такъ называемую *гомору*, или просто устраиваетъ ложе въ снѣгу, разводитъ легкій огонь, варитъ на немъ пищу и располагается на ночлегъ. Если вслѣдъ затѣмъ выгоды охоты требуютъ перемѣны мѣста, маленькое общество снимается со своей стоянки и переходитъ на другую охотничью площадь, еще болѣе удаленную отъ торнаго пути. Наконецъ добычи накопилось много, охотники утомлены и начинаютъ помышлять о возвращеніи домой къ близкимъ, къ женамъ и дѣтямъ, ожидающимъ ихъ въ постоянныхъ зимникахъ. Обратный путь совершается по прежнему на лыжахъ. Охотники частью предшествуютъ санямъ съ добычей и прокладываютъ имъ путь въ глубокомъ снѣгу, частью вмѣстѣ съ собаками тянутъ грузъ. Дома охотники проводятъ бо́льшую часть времени въ бездѣйствіи, наслаждаясь желанной перемѣной пищи, которою теперь могутъ пользоваться. Заботы ихъ тутъ ограничиваются сбытомъ звѣриныхъ шкуръ китайскимъ и другимъ торговцамъ для пріобрѣтенія необходимой одежды, пищи и средствъ къ наслажденію, главнымъ образомъ табака, запасы котораго къ этому времени у нихъ обыкновенно истощаются. Но послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго отдыха предпринимаются новые походы, и такъ далѣе, пока позволяетъ время года.

Нижне-амурскіе Тунгусы, повидимому, не особенно стѣсняются при выборѣ площадей для своей охоты. Они, не ограничиваясь своею собственною страною, свободно

Digitized by Google

переходятъ на земли, занимаемыя сосѣднимъ народомъ и такимъ образомъ часто охотятся на совершенно чуждыхъ имъ территоріяхъ. Впрочемъ, благодаря коммунистическимъ воззрѣніямъ туземныхъ жителей края, который къ тому же почти сплошь представляетъ безлюдныя пустыни, это не вызываетъ никакихъ пререканій и не возбуждаетъ ничьей вражды. Ближайшіе къ Гилякамъ Тунгусы, напримѣръ, тѣмъ охотнѣе посѣщаютъ ихъ страну, что сами инородцы эти не занимаются охотой въ широкихъ размѣрахъ. Между прочимъ русскіе оленные Тунгусы съ Тугура и Негидальцы съ Амгуни часто предпринимаютъ охотничьи походы въ лѣсныя дебри Мэвачанскаго хребта, который, проходя между Охотскимъ моремъ и Амуромъ, пересѣкаетъ страну Гиляковъ. А южная часть послѣдней съ тѣми же цѣлями посѣщается Ольчами. Въ февралѣ 1855 года, покинувъ Амурскій Лиманъ, я пробирался вдоль маленькой рѣчки Тыми по направленію къ горнымъ высотамъ, переваливъ черезъ которыя, намѣревался по Хазелахской долинѣ достигнуть Амура. Вдругъ лѣсная тайга огласилась собачьимъ лаемъ. Я пошелъ на него и скоро наткнулся на охотничій шалашъ, который среди глухаго лѣса служилъ временнымъ убѣжищемъ для пяти охотниковъ. То были — Самагирецъ изъ Пуля и четыре Ольча, въ томъ числѣ одинъ изъ деревни Коймъ на Амурѣ. Они охотились по восточному склону горъ, обращенному къ Амурскому Лиману — слѣдовательно неоспоримо на гиляцкой территоріи. У нихъ между прочимъ были и собольи шкуры. Мой проводникъ, Гилякъ изъ Чоми, въ то же время служившій мнѣ толмачемъ въ сношеніяхъ съ Ольчами, находилъ это въ порядкѣ вещей и не видѣлъ въ томъ ни малѣйшаго нарушенія правъ своихъ земляковъ. Теперь Самагирецъ и одинъ изъ Ольчей уже собирались въ обратный путь — первый пѣшкомъ на лыжахъ, второй — въ саняхъ съ собачьей упряжью. Путь нашъ лежалъ въ одномъ направленіи, и они примкнули ко мнѣ: широкія полозья моихъ русскихъ нартъ пролагали имъ дорогу. Живущіе поверхъ Кидзи на Амурѣ Ольчи нерѣдко совершаютъ охотничьи экскурсіи еще и въ страну Орочей, по верхнему теченію рѣки Тумджи и ея притоковъ. Также точно поступаютъ Гольды съ правыхъ притоковъ Амура, гдѣ страна ихъ соприкасается со страной Орочей.

Но нигдѣ нѣтъ въ этомъ отношеніи такой свободы какъ по нижнему теченію Горина. Тамъ широко раскидывается, въ полномъ смыслѣ слова, международная охотничья площадь и на ней охотятся почти безъ исключенія всѣ тунгусскія племена нижне-амурскаго края. Верховья Горина и его сѣверные притоки, ближайшіе къ водной системѣ Амгуни, предпочтительно посѣщаются Самагирцами и Негидальцами. Въ обширныхъ же лѣсныхъ и горныхъ дебряхъ по нижнему теченію его, кромѣ Самагирцевъ, встрѣчаются также Ольчи и Гольды. Послѣдніе особенно часто прибываютъ туда большими партіями даже изъ весьма отдаленныхъ мѣстностей на Амурѣ. Я самъ встрѣчалъ тамъ Гольдовъ изъ Онмоя, Хонгари и даже изъ Цоляци, который лежитъ на разстояніи 150 верстъ отъ устья Горина. Зимой рѣка эта представляетъ для амурскихъ Гольдовъ такой же удобный путь сообщенія съ вышеупомянутой охотничьей площадью, какъ и для Самагирцевъ, живущихъ по верховьямъ ея. Немудрено, если именно по берегамъ Горина сооружается и

Digitized by Google

большая часть самыхъ крупныхъ временныхъ жилищъ охотниковъ, той и другой національности. Мѣста стоянокъ Гольдовъ располагаются преимущественно по нижнему теченію его, Самагирцевъ по верхнему, ближе къ Нгагѣ, ихъ первому постоянному мѣстопребыванію на Горинѣ. Алько эти не снимаются и съ уходомъ охотниковъ, ихъ сооружившихъ. Имъ предоставляется служить убѣжищемъ для новыхъ партій того же, а то и другого племени. Такимъ образомъ они въ теченіе охотничьяго сезона не разъ мѣняютъ постояльцевъ. Иногда въ нихъ останавливаются мимоходомъ и случайные охотники изъ иноземцевъ или китайскіе торговцы. Я самъ не разъ располагался на ночлегъ или для обѣда въ такихъ алько, напр. въ Пойонге и Вай. Если попадающееся вамъ на пути алько еще не оставлено охотниками, это легко узнается, даже въ случаѣ ихъ отсутствія изъ него въ данную минуту. Алько стоитъ тогда открытый и снаружи и внутри представляетъ несомнѣнные признаки пребыванія въ немъ туземцевъ. Передъ жильемъ, на деревьяхъ или на шестахъ, висятъ звѣриныя шкуры для просушки, а къ самому алько прислонены сани, лыжи, палки копья, луки, самострѣлы и прочіе охотничьи снаряды. Внутри бросаются въ глаза — развѣшанные охотничьи трофеи; на полу остатки недавней добычи: обрѣзки шкуръ, рога, черепа, кости; на очагѣ котлы, чаши и можетъ быть еще тлѣющій подъ золой огонь. Все свидѣтельствуетъ лишь о минутномъ отсутствіи хозяевъ. Всякій пришлецъ можетъ свободно пользоваться пріютомъ и хозяйственными принадлежностями: неприкосновенность же охотничьихъ снарядовъ и добычи сама собой разумѣвается. Такое довѣріе врядъ ли когда нарушается туземцами и тѣмъ самымъ вполнѣ оправдывается.

Кромѣ этихъ, относительно просторныхъ и болѣе или менѣе постоянныхъ охотничьихъ пріютовъ или алько, въ лѣсной чащѣ на Горинѣ попадаются еще и такъ называемыя гоморы или небольшіе шалаши въ видѣ свода изъ еловыхъ или ивовыхъ вѣтокъ. А то сооружаются и малыхъ размѣровъ алько, совсѣмъ по образцу большихъ, но которыя могутъ служить пріютомъ одному только и развѣ въ крайности двумъ людямъ. Всего чаще они укрываютъ охотниковъ, которые являются сюда въ одиночку. Иногда же случается, что небольшія партіи ихъ, избравъ для своихъ подвиговъ болѣе обширный районъ, разсыпаются по немъ во всѣхъ направленіяхъ въ видахъ облегчить себѣ обходъ ловушекъ и самострѣловъ. Тогда отдѣлившіеся такимъ образомъ отъ товарищей охотники, каждый въ отдѣльности, сооружаютъ себѣ для ночлега по гоморѣ или по маленькому алько. Въ одномъ изъ такихъ и я разъ ночевалъ во время моего странствованія по Горину, но предварительно пришлось выгрести изъ него снѣгъ. Мой проводникъ изъ Гольдовъ называлъ этотъ пріютъ «*сэфа-, муду-, соле-варе-алько*» т. е. пріютъ для охотниковъ за соболемъ, выдрой и лисицей, что уже прямо указывало на вышеупомянутую цѣль, служить ночлегомъ охотникамъ при обзорѣ западней, которыя тѣ разставляютъ для ловли этихъ звѣрей.

Безъ сомнѣнія и на Горинѣ тоже охота прежде всего направлена на тѣхъ пушныхъ звѣрей, мѣхъ которыхъ особенно цѣнится въ торговлѣ. Насколько она здѣсь бываетъ успѣшна, уже видно изъ того, что китайцы, временно осѣдлые на Амурѣ, пренебрегаютъ

Digitized by Google

всѣми трудностями дальняго пути и являются сюда и въ страну Самагирцевъ, на верхнемъ Горинѣ, для личныхъ сдѣлокъ съ туземцами. Здѣсь, на самомъ мѣстѣ охоты, они, пользуясь при случаѣ затруднительнымъ положеніемъ охотниковъ, очень дешево пріобрѣтаютъ драгоцѣнный товаръ. Во время моего путешествія я нерѣдко встрѣчалъ ихъ съ тяжело нагруженными разнымъ товаромъ санями, которыми они управляли по способу туземцевъ. А разъ мнѣ пришлось и ночевать по сосѣдству съ ними. То было близъ Вай. Я, въ сопровожденіи проводника и одного казака, уже успѣлъ занять алько. Туда же прибыли и расположились передъ нимъ на ночлегъ два китайца изъ Кэурми на Амурѣ, купецъ съ косой до пятъ и приказчикъ или проводникъ его. Первый держалъ себя по барски, громко отдавая приказанія; второй исполнялъ обязанности слуги, разводилъ огонь, готовилъ ужинъ и пр.

На ряду съ пушными звѣрями предметомъ охоты служитъ также и красная дичь. Первое мѣсто тутъ безспорно принадлежитъ самому крупному изъ млекопитающихъ Амурскаго края — лосю. Благодаря изобилію его и разнообразной пользѣ, какую изъ него извлекаютъ Самагирцы и другіе нижне-амурскіе Тунгусы, онъ является здѣсь звѣремъ, на котораго по преимуществу устремлена охота этихъ инородцевъ. Понятно, слѣдовательно, почему рядомъ со спеціальнымъ его названіемъ *(то* или *токе)* они присвоиваютъ ему еще и другое *бую*, т. е. попросту звѣрь или звѣрь по преимуществу. Шкура лося во время охотничьяго сезона развѣшивается для просушки не только передъ жильемъ охотниковъ, но и въ лѣсной чащѣ и на кустарникахъ, покрывающихъ острова Горина. Намъ то и дѣло попадались слѣды этого животнаго, а по сильно истоптанному мѣстами снѣгу на нашемъ пути мой проводникъ не разъ заключалъ, что тутъ былъ убитъ лось. Одно мѣсто въ лѣсу меня особенно заинтересовало: тамъ надъ снѣгомъ торчали вздернутые на палкахъ черепъ и кости лося. Это напомнило мнѣ бѣлушьи черепа на деревьяхъ въ странѣ Гиляковъ, а также и видѣнныя мною около Нгаги довольно значительныя пространства, уставленныя медвѣжьими черепами. Но объ этомъ мы еще будемъ говорить дальше. Лось, очевидно, принадлежитъ здѣсь къ разряду тѣхъ животныхъ, важное значеніе которыхъ въ жизни народа, на основаніи суевѣрныхъ представленій, обусловливаетъ особое отношеніе къ нимъ и по смерти. Въ успѣшной охотѣ за лосемъ на Горинѣ меня удостовѣряли и многочисленныя нарты съ тяжелымъ грузомъ лосинаго мяса и шкуръ, которыя намъ очень часто встрѣчались въ сопровожденіи охотниковъ, возвращавшихся домой. Особенную цѣну между прочимъ имѣютъ для Тунгусовъ шкурки съ лосиныхъ ногъ, такъ какъ служатъ имъ для обшивки лыжъ, столь для нихъ необходимыхъ. Шкурки эти амурскіе Гольды сбываютъ и своимъ одноплеменникамъ на Уссури, гдѣ лось рѣдко встрѣчается и гдѣ у Суйфуна проходитъ экваторіальный предѣлъ, дальше за которымъ на югъ лось уже вовсе не водится [1]).

1) Пржевальскій, Путеш. въ Уссурійскомъ краѣ, стр. 262.

Digitized by Google

Самую крупную и желанную послѣ лося красную дичь для охотника на Горинѣ составляетъ изюбрь. Его тамъ высоко цѣнятъ не только за пищу и одежду имъ доставляемую, но и за рога въ качествѣ важнаго предмета торговли. Вновь выросшіе и еще не успѣвшіе затвердѣть, они слывутъ у китайцевъ отличнымъ крѣпительнымъ средствомъ, и тѣ дорого за нихъ платятъ. Но изюбрь далеко не въ такомъ количествѣ, какъ лось, водится на Горинѣ, близъ крайняго сѣвернаго предѣла его распространенія. Онъ вмѣстѣ съ козулей и вепремъ или дикимъ кабаномъ лишь западнѣе и южнѣе достигаетъ максимума своего количества.

По многочисленнымъ черепамъ, шкурамъ и костямъ кабарги внутри и снаружи охотничьихъ шалашей я могъ заключить, что и это животное тоже усердно преслѣдуется охотниками на нижнемъ Горинѣ. Мѣхъ кабарги употребляется Самагирцами и Гольдами для мелкихъ предметовъ одежды и для ковровъ; мясо ея они охотно ѣдятъ; изъ берцовыхъ костей вырѣзываютъ острія для стрѣлъ; а душистое вещество въ сумкѣ самца кабарги составляетъ хорошо оплачиваемый китайцами предметъ торговли.

Гольды за Геонгскимъ хребтомъ на Амурѣ живутъ уже слишкомъ далеко отъ береговъ Горина, чтобы правильно посѣщать ихъ въ опредѣленные сроки. Но у нихъ самихъ, какъ и у ихъ одноплеменниковъ на Уссури, нѣтъ недостатка въ обширныхъ охотничьихъ площадяхъ по ниспадающимъ съ приморскихъ горъ правымъ притокамъ этихъ рѣкъ. Въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ въ этомъ отношеніи находятся уссурійскіе Гольды на верховьяхъ Бики, Имы и Ваку. Въ этомъ направленіи вверхъ по Амуру и Уссури охота у Гольдовъ даже производится все въ бо̀льшихъ размѣрахъ. Какъ только глухой осенью на Уссури прекращается рыбная ловля и на окрестность рѣки ложится снѣжный покровъ, все мужское населеніе края отправляется на охоту, которая и не прекращается въ теченіе всей зимы. А иные еще до покрытія рѣки льдомъ въ лодкахъ пробираются къ мѣстамъ, избраннымъ для охоты[1]). Большинство однако совершаетъ свой путь туда на лыжахъ. Необходимую утварь и охотничьи снаряды охотники тащатъ за собой на саняхъ, съ помощью собакъ. Эти послѣднія очень полезны имъ и на охотѣ. Гольды, пока снѣгъ еще не глубокъ, преслѣдуютъ соболя не только ловушками и самострѣлами, но употребляютъ для того также собакъ. Соболь, спасаясь отъ охотниковъ, перескакиваетъ съ дерева на дерево. Собаки слѣдуютъ за нимъ по землѣ, не теряя его изъ вида, и съ громкимъ лаемъ гонятъ на охотника, который по немъ стрѣляетъ. Звѣрекъ спѣшитъ укрыться въ дуплѣ: дерево срубаютъ. Онъ прячется между древесными корнями, подползаетъ подъ камни: его оттуда выкуриваютъ и ловятъ въ сѣть, которую держатъ наготовѣ. Настолько же участвуютъ собаки и въ ловлѣ енота или собственно енотовидной собаки (*Canis procyonoides* Gray, на нарѣчіи Гольдовъ, Ольчей и Самагирцевъ *яндако*), которая часто встрѣчается на Уссури. Мясо и жиръ ея ѣдятъ, а шкуру сбываютъ китайцамъ. Животное это бодрствуетъ по преимуществу ночью, и потому охотники, по свидѣтельству

1) Пржевальскій, тамъ же, стр. 99.

Digitized by Google

Надарова[1]), тогда именно и охотятся за нимъ съ одной или съ двумя собаками. По усиленному звону колокольчиковъ у собакъ на шеяхъ узнается когда и гдѣ звѣрь пойманъ. Подъ осень енотъ всегда сильно жирѣетъ, становится лѣнивъ и неповоротливъ. Напавъ на его слѣдъ, собаки безъ труда его настигаютъ и, послѣ кратковременной борьбы, до смерти загрызаютъ. Кромѣ этихъ звѣрей въ Уссурійскомъ краѣ встрѣчаются еще и другіе, какъ то тибетскій медвѣдь (*Ursus thibetanus* Cuv.), гималайская куница (*Mustela flavigula* Bodd.), антилопа (*Antilope crispa* Temm.), пятнистый олень (*Cervus Axis* Erxl.[2]), которые вовсе не водятся въ сѣверной части нижне-амурскаго края или попадаются тамъ лишь въ видѣ исключенія. Но главную добычу охотника и здѣсь составляютъ все тѣ же высоко цѣнимые пушные звѣри: соболь, рѣчная выдра и лисица — и даже въ такомъ обиліи, что берутъ количествомъ то, чего имъ недостаетъ по качеству. Въ верхне-уссурійскомъ краѣ, поближе къ экваторіальному предѣлу, за которымъ соболь уже не водится дальше на югъ, мѣхъ его далеко не такъ красивъ, какъ на Амурѣ: волосъ у него короче и гораздо свѣтлѣе[3]). То же самое надо сказать и о лисицѣ, которая на верхнемъ Уссури очень рѣдко встрѣчается въ качествѣ крестовки или чернобурой[4]). Наконецъ, въ этомъ краю существуютъ тѣ же виды дичины, что и на Амурѣ, вверхъ и внизъ отъ устья Уссури: изюбрь, козуля, вепрь, которые, благодаря своему количеству здѣсь, вполнѣ вознаграждаютъ трудъ охотника. Гольды, смотря по времени года, охотятся за ними разными способами. Они устраиваютъ для нихъ засѣки съ ямами, разставляютъ самострѣлы, бьютъ ихъ изъ засады, преслѣдуютъ собаками, которыя гонятъ животное подъ выстрѣлы охотника или подъ удары копій. Послѣдній способъ бываетъ особенно успѣшенъ ранней весной въ погонѣ за изюбремъ. Поверхъ снѣга тогда образуется настъ и затрудняетъ бѣгъ тяжелаго животнаго. Оно безпрестанно сквозь него проваливается, а за нимъ мчится на лыжахъ охотникъ, его настигаетъ и дѣлаетъ своей добычей. Этотъ родъ охоты въ ходу и ниже по Амуру и по Горину, у Гольдовъ и Самагирцевъ, и кромѣ того напоминаетъ подобное же преслѣдованіе лося и сѣвернаго оленя у Гиляковъ. Еще поразительнѣе аналогія между способомъ ловли козули уссурійскими Гольдами и погоней за сѣвернымъ оленемъ у Ледовитаго океана. Козули два раза въ годъ большими стадами перекочевываютъ съ правыхъ притоковъ Уссури на правые притоки Сунгари. Охотники подстерегаютъ ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ имѣютъ обыкновеніе переплывать черезъ Уссури. Стадо достигаетъ середины рѣки. Изъ засады съ разныхъ сторонъ отъ берега отчаливаютъ челноки. Въ каждомъ челнокѣ по охотнику. Стаду вмигъ отрѣзываютъ путь къ обоимъ берегамъ. Начинается побоище. Охотники съ громкими криками торжества бросаются на козуль и пронзаютъ имъ шею копьемъ. Раненныя животныя медленно истекаютъ кровью. Появляются новыя лодки, бо̀льшихъ раз-

1) И. Надаровъ, Сѣверно-уссурійскій край (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., по общ. геогр. Т. XVII, № 1, стр. 118).

2) Cp. Radde, Reisen im Süden von Ost-Sibirien in den J. 1855—1859, Bd. I, Die Säugethierfauna, St.-Petersb. 1862, p. 12, 21, 262, 286. Пржевальскій, см. выше, стр. 245, 247, 265.

3) Пржевальскій, тамъ же, стр. 249.

4) Пржевальскій, тамъ же, стр. 253.

Digitized by Google

мѣровъ, съ женщинами и дѣтьми. Онѣ быстро приближаются на веслахъ и принимаютъ убитыхъ козуль[1]). Не точное ли это подобіе тѣхъ побоищъ, которыя происходятъ въ полярныхъ странахъ Сибири, когда олени, въ своихъ странствованіяхъ между тундрами Ледовитаго океана и лѣсистымъ поясомъ, переплываютъ черезъ попадающіяся имъ на пути рѣки[2])?

Болѣе рѣдкую добычу Гольдовъ составляетъ вепрь. Охота ихъ на этого звѣря ограничивается самками и поросятами. Взрослыхъ самцевъ Гольды почти также мало рѣшаются преслѣдовать какъ и тигра. Послѣдняго они убиваютъ только по необходимости, когда тотъ, съ цѣлью поживиться собаками и свиньями, пробирается къ жилью или случайно попадается навстрѣчу охотнику, причемъ столкновеніе становится уже неизбѣжнымъ. Туземцы постоянно находятся подъ страхомъ такихъ встрѣчъ и, для предотвращенія ихъ, прибѣгаютъ къ деревяннымъ изображеніямъ, кумирамъ, амулетамъ, о которыхъ я уже упоминалъ[3]) и буду говорить еще впереди. То же самое повторяется и по отношенію къ барсу (по гольдски *ерга*), который гораздо рѣже встрѣчается, и потому внушаетъ еще больше страху суевѣрнымъ умамъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда туземцамъ удается убить тигра, онъ приноситъ имъ много выгодъ. Кромѣ шкуры, высоко цѣнимой китайцами и дорого оплачиваемой ими, другія части тигра — когти, кости, мускулы, жилы, даже желчь, благодаря своимъ мнимо-цѣлебнымъ свойствамъ, тоже находятъ себѣ хорошій сбытъ въ Китаѣ и Маньчжуріи[4]).

У восточныхъ сосѣдей Гольдовъ, у Орочей, охота составляетъ еще болѣе существенную часть ихъ жизни, и вліяніе ея такимъ образомъ еще сильнѣе на нихъ отражается. Гольды, несмотря на свою опредѣленную склонность къ охотѣ, всетаки еще должны быть названы народомъ рыболовнымъ. Мужское населеніе ихъ, правда, большую часть года проводитъ на охотѣ. Но они имѣютъ постоянныя жилища по Амуру, Уссури и по правымъ притокамъ этихъ рѣкъ, и рыбная ловля всетаки еще является основнымъ началомъ ихъ существованія. У Орочей дѣло иначе стоитъ. Въ ихъ жизни охота составляетъ преобладающую черту, а рыболовство, по сравненію съ ней, отодвигается на задній планъ. Они только малую часть года проводятъ въ своихъ палаткообразныхъ жилищахъ на морскомъ берегу и на устьяхъ рѣкъ въ заготовленіи рыбныхъ запасовъ и въ тюленьемъ промыслѣ.

---

1) Ср. Пржевальскаго, см. выше, стр. 267.

2) См. Pallas (Zoogr., Vol. I, p. 212; des gl. Neue Nord. Beyträge, Bd. I, p. 244), Врангель (Путеш. по сѣв. бер. Сиб. и по Ледов. морю, Ч. II, стр. 87), Миддендорфъ Пут. на сѣв. и вост. Сиб., Ч. II, стр. 366 и др.

3) См. мое соч. Reis. u. Forsch. im Amur-Lande, Bd. I, p. 92 и послѣдующія.

4) Свѣдѣнія объ употребленіи отдѣльныхъ частей тигра въ качествѣ врачебныхъ средствъ у китайцевъ, маньчжуровъ и Гольдовъ и о ихъ мнимо-цѣлебныхъ свойствахъ уже встрѣчаются у Жербильона (Gerbillon, Du Halde, Descr. de l'Empire de la Chine et de la Tartarie chinoise, T. IV, p. 248 и 301) и позже у Пржевальскаго (тамъ же, стр. 235), Палладія (Усур. Маньцзы. — Извѣст. Геогр. Общ., Т. VII, 1871, Отд. II, стр. 377), Барабаша (Сунгар. Экспед. — Военный Сборн., 1874, № 2, стр. 347) и т. д. Такъ напримѣръ, мясо тигра и истолченныя въ порошекъ кости его должны возбуждать мужество и отвагу и т. д.

Digitized by Google

Большую часть года, съ перваго снѣга и по самое лѣто, Орочи ведутъ жизнь охотничьихъ кочевниковъ. Они скитаются по рѣчнымъ долинамъ, по лѣсамъ на скатахъ приморскихъ горъ, и, гдѣ случится, раскидываютъ палатки для временнаго пребыванія своего въ одиночку или съ семьей. Большею частію у каждаго свой ловчій округъ. Онъ его избираетъ на пространствѣ, въ лѣсу или рѣчной долинѣ, гдѣ, какъ ему извѣстно по ежегодному опыту, изобилуетъ дичь. Благодаря жидкому населенію этой обширной лѣсной тайги, каждый охотникъ находитъ широкое поле для своей дѣятельности. Болѣе отдаленныя охотничьи площади, за предѣлами своей собственной страны, Орочи не посѣщаютъ. Вслѣдствіе обособленнаго положенія своей страны за прибрежнымъ хребтомъ, они не имѣютъ пути сообщенія, подобнаго ледяному покрову Амура и его большихъ притоковъ. Къ тому же они вообще держатъ мало собакъ, да и тѣ у нихъ главнымъ образомъ приспособлены къ охотѣ. Что касается добычи охотника, она и здѣсь ограничивается тѣми же излюбленными пушными звѣрями — соболемъ, лисицей и выдрой, и тѣми же видами дичины, о которыхъ мы уже говорили. А охота на нихъ опять таки производится тѣми же вышеупомянутыми способами, посредствомъ ловушекъ, самострѣловъ, луковъ, рогатинъ и копій. Въ отдѣльности упомянемъ здѣсь развѣ только о томъ животномъ, которое Орочи съ особеннымъ усердіемъ преслѣдуютъ въ своихъ горахъ и, повидимому, убиваютъ въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ ихъ сосѣди. Животное это кабарга. Они ее также, какъ и Аины, ловятъ главнымъ образомъ посредствомъ петельныхъ ловушекъ[1]), а содержаніе мускусной сумки ея сбываютъ китайцамъ. Но, на основаніи все той же обособленности страны Орочей, ихъ торговля охотничьими продуктами вообще гораздо ограниченнѣе чѣмъ у остальныхъ нижне-амурскихъ инородцевъ. На югѣ, гдѣ они подъ именемъ Тацзевъ живутъ въ перемежку съ китайцами, они, правда, находятъ кое какой сбытъ для своей охотничьей добычи. Но китайцы ихъ притомъ жестоко эксплоатируютъ и предварительными ссудами нерѣдко обращаютъ въ пожизненныхъ должниковъ. На сѣверѣ же, куда не простирается китайское вліяніе и гдѣ Орочи живутъ почти исключительно охотой, они для сбыта своей добычи неизбѣжно должны обращаться къ посредничеству ближайшихъ сосѣдей, Гольдовъ и Ольчей.

Закончимъ нашъ обзоръ охоты у нижне-амурскихъ инородцевъ и вліянія ея на общій складъ ихъ жизни указаніемъ на одно обстоятельство, которое невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе путешественника, преслѣдующаго этнографическія цѣли. Если зима является самымъ благопріятнымъ, а лѣто наименѣе выгоднымъ временемъ года для его изслѣдованій среди Гиляковъ, то у Гольдовъ и Орочей, вверхъ по Амуру съ правыми притоками это подвергается постепенному измѣненію въ обратномъ смыслѣ. Лѣтомъ рыбная ловля и заготовленіе рыбныхъ запасовъ всецѣло поглощаютъ Гиляковъ и какъ бы отчасти вносятъ въ ихъ жизнь кочевой элементъ. Въ поискахъ за мѣстностями, наиболѣе изобилующими рыбою, они покидаютъ свои постоянныя жилища и временно располагаются въ легкихъ

1) Маргаритовъ, Объ Орочахъ Императорской гавани, С.-Петерб. 1888, стр. 13, Табл. II, фиг. 2.

Digitized by Google

лѣтникахъ на островахъ по Амуру и по его притокамъ. Но съ приближеніемъ зимы они возвращаются въ свои болѣе просторные и благоустроенные зимники, гдѣ для нихъ наступаетъ продолжительный періодъ относительно спокойной, осѣдлой жизни. Они тогда охотятся въ ближайшихъ окрестностяхъ, ловятъ подъ льдомъ осетровъ, занимаются торговлею, производятъ разнаго рода домашнія и ручныя работы, устраиваютъ своеобразныя и сложныя медвѣжьи празднества — и все это представляетъ обширное поле для наблюденій этнографа. Почти то же видимъ мы и у Ольчей. Только у нихъ, а еще больше у Гольдовъ, кочующій элементъ выступаетъ ярче, благодаря переноснымъ палаткообразнымъ жилищамъ, которыя въ теченіе лѣта одни употребляются. И чѣмъ дальше вверхъ по рѣкѣ, тѣмъ больше пустуютъ зимнія жилища, такъ какъ часть мужскаго населенія ихъ уходитъ на охоту въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣстности. Зимой въ постоянныхъ жилищахъ уссурійскихъ Гольдовъ, какъ мы видѣли, остаются только женщины, дѣти и старики; а Орочи нерѣдко и женщинъ и дѣтей уводятъ съ собой въ тайгу на охоту, которая у нихъ не прекращается въ теченіе всего этого времени года. И только лѣто вызываетъ ихъ обратно изъ лѣсовъ на рыболовство и тюленій промыселъ, въ лѣтники, которые при своей палаткообразной формѣ, однако, имѣютъ опредѣленныя мѣста на морскомъ берегу и по устьямъ рѣкъ — и это лучшее или, вѣрнѣе, единственное время, когда Орочи доступны наблюденію путешественника. Такимъ образомъ, всѣ условія жизни нижне-амурскихъ инородцевъ измѣняются и, такъ сказать, перемѣщаются по мѣрѣ степени, въ какой охота или рыбная ловля играютъ у нихъ главную роль.

Что же касается охоты у верхне-амурскихъ инородцевъ, у Бираровъ, Манегирцевъ и Орочонъ, я о ней не могу сказать ничего новаго, такъ какъ мои сношенія съ ними были крайне поверхностны и мимолетны и къ тому же въ тотъ періодъ времени, который они обыкновенно проводятъ на берегахъ Амура въ рыбной ловлѣ. Поэтому я могу здѣсь только сослаться на показанія Маака[1]), Герстфельда[2]), Усольцева[3]) и др. Впрочемъ, картина охоты, изображаемая этими путешественниками, вполнѣ однородна съ тою, которая представляется намъ и у сѣверныхъ и западныхъ сосѣдей названныхъ племенъ, у русско-сибирскихъ Тунгусовъ, къ тому же не отдѣленныхъ отъ нихъ въ строгомъ смыслѣ никакой географической чертой. Но въ какой степени верхне-амурскіе инородцы — охотники и охотничьи кочевники по преимуществу — составляютъ противоположность болѣе или менѣе осѣдлымъ рыболовнымъ народамъ нижне-амурскаго края, объ

1) Путеш. на Амуръ, стр. 49, 75 и 76.

2) О прибрежн. жит. Амура (Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ., Ч. 20, 1857 г., Отд. Изслѣд. и мат., стр. 307).

3) Путеш. по долинѣ р. Нерчи (тамъ же, стр. 77 и слѣд.).

Digitized by Google

этомъ мы уже не разъ говорили выше, въ связи съ ихъ жилищами, одеждой, пищей, съ ихъ способами передвиженія и особенно съ рыбной ловлею у нихъ.

Въ дополненіе къ нашему обзору охоты въ Амурскомъ краѣ, укажемъ еще и на ту противоположность, которая проявляется у верхне- и нижне-амурскихъ инородцевъ и по отношенію къ звѣрямъ, составляющимъ главный предметъ ихъ охоты. У инородцевъ по нижнему теченію Амура и всего больше у Гиляковъ, самыхъ типичныхъ изъ этихъ инородцевъ и по преимуществу ихтіофаговъ, охота имѣетъ въ виду исключительно цѣнныхъ пушныхъ звѣрей, а, по главному и самому излюбленному изъ нихъ, даже можетъ быть названа попросту соболиной ловлей. Напротивъ, у верхне-амурскихъ инородцевъ, для которыхъ охота является почти единственнымъ средствомъ добыванія пищи и матеріала для одежды, она главнымъ образомъ направлена на дичину, т. е. на лося, изюбря, козулю и вепря. Это обусловливается еще и тѣмъ, что самыми крупными изъ названныхъ звѣрей, лосемъ и изюбремъ, инородцы эти платятъ дань маньчжурскимъ чиновникамъ[1]), а свѣжіе рога молодыхъ изюбрей — составляютъ у нихъ важный предметъ торговли. Высшаго сорта пушные звѣри, преимущественно соболь, и у верхне-амурскихъ инородцевъ тоже составляютъ всегда желанную добычу и соотвѣтственно усердно преслѣдуются. Но съ одной стороны черезчуръ ревностная погоня за ними, а съ другой лѣсные пожары, то отъ небрежности, то отъ поджоговъ, значительно уменьшили число соболей въ верхне-амурскомъ краѣ, и это заставило выдвинуться тамъ на первый планъ другихъ звѣрей, которые до тѣхъ поръ почти оставлялись безъ вниманія. Такъ напримѣръ, по мѣрѣ исчезновенія соболей въ верхне-амурскомъ краѣ, тамъ все больше и больше размножались бѣлки, которыя служатъ имъ главною пищею. На верхнемъ Амурѣ съ его правыми и лѣвыми притоками звѣрекъ этотъ даже сдѣлался главнымъ предметомъ преслѣдованій охотника, такъ какъ, если не качествомъ, то количествомъ вознаграждаетъ его труды. Казаки, которые съ Шилки и съ Аргуни каждую осень артелями отправляются въ страну Орочоновъ и Манегирцевъ и проводятъ тамъ недѣли и мѣсяцы въ избіеніи бѣлокъ, называютъ этого рода охоту просто *бѣлковьемъ*[2]). Здѣсь, въ ловлѣ соболей съ одной стороны и въ ловлѣ бѣлокъ съ другой, опять выступаетъ характеристическая противоположность въ условіяхъ охоты у нижне- и у верхне-амурскихъ инородцевъ.

Такому положенію вещей въ верхне-амурскомъ краѣ, кромѣ вышеназванныхъ причинъ, еще много содѣйствовало и распространеніе огнестрѣльнаго оружія — русско-сибирской винтовки малаго калибра, которая первоначально была занесена сюда изъ Сибири и постепенно здѣсь упрочилась. Но у нижне-амурскихъ инородцевъ, въ бытность мою среди нихъ, огнестрѣльное оружіе, за немногими исключеніями, еще вовсе не было въ ходу. У Орочоновъ, напротивъ, благодаря ихъ непосредственному сосѣдству съ рус-

---

1) Считаю нужнымъ здѣсь еще разъ напомнить, что описаніе мое относится къ пятидесятымъ годамъ, когда почти весь Амурскій край еще находился подъ китайскимъ владычествомъ.

2) Отсюда и глаголъ *бѣковать*, т. е. промышлять бѣлками.

Digitized by Google

скими и многолѣтнимъ сношеніямъ съ ними, вышеупомянутая винтовка была уже во всеобщемъ употребленіи, а у Манегирцевъ все больше и больше вытѣсняла мало приспособленное къ охотѣ неуклюжее китайское фитильное ружье. Но съ занятіемъ и колонизаціей всего края русскими распространеніе хорошаго или, по крайней мѣрѣ, годнаго къ употребленію огнестрѣльнаго оружія, сдѣлало быстрые успѣхи и на нижнемъ Амурѣ. А это, въ связи съ постоянно возрастающимъ числомъ охотниковъ, неизбѣжно должно произвести въ будущемъ значительную убыль въ собольихъ и вообще звѣриныхъ богатствахъ края. Какими послѣдствіями это грозитъ для туземнаго населенія, главный источникъ существованія котораго именно въ этихъ богатствахъ, нетрудно себѣ представить. Но оно станетъ для насъ еще яснѣе, когда мы коснемся нѣкоторыхъ частностей этого вопроса въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Digitized by Google

Глава 10.

Торговля. Оцѣнка главныхъ предметовъ торговли, хозяйственныхъ и другихъ. Торговыя сношенія амурскихъ инородцевъ между собой, съ маньчжуро-китайцами, японцами и съ русскими. Историческій обзоръ торговли и маньчжуро-китайскаго владычества въ нижне-амурскомъ краѣ въ ближайшее къ намъ время.

Несмотря на важное значеніе въ жизни амурскихъ инородцевъ рыбной ловли и охоты, ни та, ни другая однако непосредственно еще не удовлетворяютъ ихъ нуждъ. Извѣстная доля потребностей этихъ инородцевъ, что касается ихъ пищи, одежды и уже обратившихся для нихъ въ необходимость средствъ къ наслажденію, добываются ими лишь посредствомъ отчужденія части ихъ рыболовныхъ и охотничьихъ продуктовъ въ пользу сосѣднихъ культурныхъ народовъ, то есть посредствомъ торговли. Съ послѣднею такимъ образомъ для нихъ открывается третій источникъ существованія, существенно пополняющій два первые, значеніе которыхъ только въ связи съ нимъ вполнѣ оправдывается.

Положеніе вещей обязываетъ насъ въ настоящемъ отдѣлѣ еще болѣе, чѣмъ въ предыдущихъ, начать наше обозрѣніе съ Гиляковъ. Изъ всѣхъ нижне-амурскихъ инородцевъ они самые промышленные и ведутъ торговлю въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ. Уже первыя русскія свѣдѣнія о Гилякахъ, которыя, на основаніи показаній Витимскихъ Тунгусовъ, сообщаетъ казацкій атаманъ Перфильевъ, въ 1639 и 1640 годахъ, свидѣтельствуютъ о нихъ какъ о народѣ, пребывающемъ на устьяхъ Амура (Шилки) и состоящемъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ китайцами. И дѣйствительно, Гиляки, хотя и дальше прочихъ нижне-амурскихъ инородцевъ живутъ отъ японцевъ и китайцевъ, однако ведутъ съ ними самую дѣятельную торговлю. Они притомъ служатъ посредниками не только между туземцами и этими двумя культурными народами, но и между послѣдними въ ихъ обоюдныхъ сношеніяхъ. Такимъ образомъ они до нѣкоторой степени стоятъ какъ бы въ центрѣ всей международной торговли нижне-амурскаго края. Это относится именно къ амурскимъ

Digitized by Google

Гилякамъ. Сахалинскіе же и населяющіе южное побережье Охотскаго моря, едва ли занимаютъ въ этомъ отношеніи положеніе менѣе периферическое, чѣмъ остальное населеніе края. Амурскіе Гиляки къ тому же и по своему географическому положенію находятся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Кромѣ морского пути въ Японію по Лиману и вдоль западнаго берега Сахалина, они имѣютъ еще и другой водный путь въ Амурѣ, который ведетъ ихъ къ китайцамъ, живущимъ по этой самой рѣкѣ и по Сунгари. Наконецъ Гиляки — опять таки амурскіе — и въ торговлѣ съ русскими въ извѣстной мѣрѣ занимаютъ такое же центральное и посредническое положеніе по отношенію къ сосѣднимъ народамъ. Это обусловливается между прочимъ тѣмъ, что занятіе Амурскаго края русскими въ 50-хъ годахъ началось именно съ устья Амура. Первыя поселенія ихъ были основаны въ странѣ Гиляковъ — въ томъ числѣ Николаевскій постъ, который долгое время оставался резиденціей русскаго мѣстнаго управленія, и откуда шло дальнѣйшее занятіе нижнеамурскаго края и Сахалина.

Странно, что занятіе края русскими, несмотря на первоначальную малочисленность ихъ, состоялось безъ всякихъ кровавыхъ столкновеній, мирнымъ путемъ. Это можетъ показаться еще удивительнѣе, если принять въ соображеніе сильный отпоръ, какимъ Гиляки встрѣчали въ XVII столѣтіи набѣги русскихъ грабительскихъ шаекъ. Къ тому же инородцы эти вовсе не такъ добродушны, податливы и безпечны какъ Тунгусы. Напротивъ, они скорѣе коварны, строптивы и корыстолюбивы, а въ случаяхъ обиды, даже непрочь отъ кровавой расправы[1]). Мирному обороту дѣла въ данномъ случаѣ конечно всего больше содѣйствовалъ коммерческій духъ, въ высшей степени свойственный Гилякамъ. Отнынѣ они могли сбывать въ русскія поселенія излишекъ разныхъ продуктовъ, до тѣхъ поръ остававшійся у нихъ на рукахъ — рыбы, дичи, ягодъ, и вымѣнивать ихъ на табакъ, на ткани для одежды и на другіе столь же цѣнимые ими предметы. Это и настраивало ихъ миролюбиво къ пришельцамъ. Выгоды, которыя они, при своей подвижности, смышленности и изворотливости, тутъ для себя извлекали, заглушали въ нихъ недовѣріе и страхъ передъ иноземцами, несмотря на быстро возраставшую численность и силу послѣднихъ. Николаевскій постъ скоро сдѣлался главнымъ центромъ русской торговли съ амурскими Гиляками. А, благодаря дѣятельнымъ сношеніямъ послѣднихъ съ ихъ одноплеменниками на Охотскомъ морѣ и на Сахалинѣ и также съ Аинами и съ инородцами тунгусскаго племени на Амурѣ, нѣкоторые изъ русскихъ товаровъ стали быстро распространяться и по всему краю. Зато на Сахалинѣ, гдѣ, за исключеніемъ нынѣ упраздненнаго Муравьевскаго поста, въ мое время не было другихъ русскихъ поселеній, Гиляки подозрительно

---

1) Доказательство тому, между прочимъ, умерщвленіе Де ла Брюньера. (См. стр. 78 прим.) А незадолго до моего прибытія на Амуръ, подвергся избіенію экипажъ съ китоловнаго судна, выброшеннаго на берегъ у сѣверо-западной оконечности Сахалина, причемъ само судно было разграблено. Героями этого погрома слыли Гиляки изъ Тамля-во, деревни, которая пользовалась особенно дурной репутаціей. Съ этого судна вѣроятно было и видѣнное мною въ 1855 году въ Погоби ведро, съ номеромъ и съ англійскою надписью.

Digitized by Google

и враждебно относились къ русскимъ. Путешественнику приходилось быть постоянно настороже, чтобы не подвергнуться неожиданному нападенію. Сколько разъ слышалъ я, какъ они, сидя въ юртѣ вокругъ пылающаго очага, разсуждали о прибытіи къ нимъ русскихъ. Увѣренные, что я ихъ не понимаю, они громко выражали свое неудовольствіе и опасеніе, чтобы непрошенные гости, которые, какъ и я, изучали ихъ страну, взаключеніе не вытѣснили и не уничтожили бы ихъ. Въ иныхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ, въ Тыкѣ, Дуи и въ деревняхъ по верховьямъ рѣки Тымы, они даже открыто выражали свою непріязнь: отказывали мнѣ въ пріютѣ, не позволяли варить пищи на ихъ огнѣ, не хотѣли продавать корма для собакъ. Въ послѣднемъ случаѣ они не уступали даже передъ видомъ угрожающаго пистолета. Но меня каждый разъ выручала страсть Гиляковъ къ торговлѣ. Я всегда имѣлъ при себѣ разные предметы для мѣновой торговли и, какъ бы непреднамѣренно, показывалъ тотъ или другой изъ нихъ. Стоило поддаться соблазну одному, всѣ другіе за нимъ слѣдовали и наперерывъ предлагали мнѣ нужное. Затѣмъ мы уже легко приходили къ соглашенію по всѣмъ другимъ дѣламъ. Въ торговлѣ Гиляки обнаруживаютъ много практическаго смысла, благоразумія, выдержки и ловкости. Они вообще склонны къ пріобрѣтенію лишь тѣхъ вещей, практическая польза которыхъ имъ извѣстна. Все новое, непривычное, какъ бы оно ни бросалось въ глаза, и хотя вызываетъ у нихъ удивленіе, (причемъ они, въ знакъ одобренія хлопнувъ себя ладонью по головѣ, восклицаютъ *ца-ца-э*), но никогда не покупается и принимается лишь въ видѣ подарка. Сами они въ началѣ торговой сдѣлки предлагаютъ худшій товаръ и постепенно переходятъ къ лучшему, не переставая выхвалять его и не сбавляя разъ назначенной цѣны. Однимъ словомъ, все въ нихъ обнаруживаетъ народъ, привычный къ торговлѣ и заматерѣлый въ ней, въ чемъ мы еще больше убѣдимся изъ дальнѣйшаго обзора ихъ торговой дѣятельности.

Вся торговля амурскихъ инородцевъ, слѣдовательно и Гиляковъ, исключительно мѣновая. Они вовсе не имѣютъ въ оборотѣ денегъ. Тѣмъ не менѣе у нихъ выработалась не только относительная, но и абсолютная оцѣнка торговыхъ и хозяйственныхъ предметовъ, которая можетъ быть выражена въ опредѣленныхъ цифрахъ. Этимъ обусловливается и существованіе у нихъ общепринятой оцѣночной единицы, численными варіаціями которой производится расцѣнка предметовъ или нормируется ихъ стоимость. Что это за единица и чѣмъ она выражается — мнѣ не легко было этого добиться. Ведя исключительно мѣновую торговлю, Гилякъ, на вопросъ, что стоитъ тотъ или другой предметъ, неизмѣнно называетъ только количество товара, которое желаетъ за него получить (напримѣръ: три пачки табаку, двѣ сажени ткани, и т. д.). Вопросъ о абсолютной оцѣнкѣ предметовъ, лежащей въ основѣ и мѣновой торговли, доступенъ рѣдко уму туземцевъ, развѣ только самыхъ интелигентныхъ. Но и тогда отвѣтъ ограничивается простымъ числомъ, которое только предпосылается глаголу «стоитъ» (по гил. *чалхачъ*), безъ опредѣленія какой бы то ни было оцѣночной единицы — и притомъ неизмѣнно прибѣгаютъ къ формѣ числительнаго, употребляемаго при счетѣ предметовъ одушевленныхъ. На какомъ это основаніи — мнѣ неизвѣстно. На правильно понятый въ вышеупомянутомъ смыслѣ вопросъ о стоимости вещи, Гилякъ

Digitized by Google

отвѣчаетъ: *нюнъ*, *моръ*, *чоръ*[1]) и т. д. *чалхачъ* или — съ прибавкою соотвѣтствующаго глаголу «есть» суффикса *ра* — *чалхара*[2]), т. е. что вещь стоитъ одинъ, два, три. Подразумѣваемая при этомъ единица стоимости остается невыраженною, какъ бы сама собой понятная и не требующая болѣе точнаго опредѣленія. Въ виду этого я уже давно успѣлъ составить себѣ родъ прейсъ-куранта для всѣхъ предметовъ, занимающихъ болѣе или менѣе видное мѣсто въ торговлѣ, въ хозяйствѣ и въ жизни Гиляковъ, но все еще находился въ полномъ невѣдѣніи единицы, къ которой относятся числа, опредѣляющія стоимость этихъ предметовъ. Я впервые прозрѣлъ на этотъ счетъ только у Ольчей, благодаря тому, что нашелъ среди нихъ проводника, который, кромѣ своего роднаго языка, отлично владѣлъ и гиляцкимъ. Но мое окончательное знакомство съ оцѣночной единицей и Гиляковъ и вообще всѣхъ нижне-амурскихъ инородцевъ состоялось еще позже при ближайшемъ знакомствѣ съ Гольдами. Хосіамбо — такъ звали моего проводника[3]) — опредѣлялъ стоимость предметовъ также точно, какъ и Гиляки, съ той разницей только, что соотвѣтственное числительное предпосылалъ глаголу *салé* (т. е. стоить, по гил. *чалхачъ*). При этомъ онъ еще иногда вмѣсто *ому* (одинъ) *салé* говорилъ — *ому янъ салé*, и т. д. Удаливъ, очевидно лишь въ видахъ созвучія, вставленную здѣсь букву *н*, я тогда же заключилъ, что единица, лежащая въ основѣ оцѣнки предметовъ у Ольчей и Гиляковъ, называется *я* — и что эта оцѣночная всличина вѣроятно китайскаго происхожденія. Догадка моя, какъ я уже говорилъ, не замедлила окончательно подтвердиться у Гольдовъ. У нихъ слово *я* ужъ не подразумѣвается только въ качествѣ оцѣночной единицы, а всякій разъ произносится вслѣдъ за соотвѣтственнымъ числомъ. Отъ Гольдовъ же я узналъ, что китайцы дѣлятъ *я* на 10 частей, которыя у нихъ, Гольдовъ, называются *дихами*. Одна диха дѣлится на 100 китайскихъ мѣдныхъ монетъ (по гольдски *цирикта диха*), 1000 штукъ послѣднихъ равняются одному *я*. Одна китайская серебряная унція (ліенгъ или таелъ), значитъ, заключаетъ въ себѣ два русскихъ серебряныхъ рубля. Въ пользу руководящей роли китайцевъ въ торговлѣ нижне-амурскаго края такимъ образомъ всего больше свидѣтельствуетъ фактъ, что ихъ единица стоимости служитъ здѣшнимъ инородцамъ общей основой при расцѣнкѣ товаровъ и имуществъ. Сунгарійскіе Гольды, которые всѣхъ ближе живутъ къ китайцамъ и ведутъ съ ними оживленную мелочную торговлю, не могутъ не принимать во вниманіе десятыя, можетъ быть даже сотыя части серебряной унціи или *я*, и потому обязательно должны при обозначеніи стоимости своего товара называть и соотвѣтственную единицу цѣнности (*я* или *диху*). Болѣе отдаленные отъ Китая инородцы, Ольчи и Гиляки, напротивъ, какъ мы увидимъ, получаютъ потребный для нихъ китайскій товаръ главнымъ образомъ оптомъ изъ Сан-синя на Сунгари, и потому десятыя и сотыя доли *я* не представ-

1) А не *някръ*, *мякръ*, *чакръ*, что составляетъ форму числительнаго для счета неодушевленныхъ предметовъ.

2) Соотвѣтственно тому, какъ *каукъ* означаетъ «нѣтъ», *каукра* значитъ «не есть»; или *нгалзкочъ* — «дурно», *нгалзкора* — «есть дурно».

3) Родомъ изъ деревни Уда въ странѣ Ольчей, онъ знаніемъ гиляцкаго языка былъ главнымъ образомъ обязанъ своей женитьбѣ на Гилячкѣ изъ Тебаха.

Digitized by Google

ляютъ для нихъ никакого практическаго значенія. Они имѣютъ дѣло только съ круглой единицей цѣнности и ея кратными—слѣдовательно, имъ нѣтъ надобности постоянно ее называть и они могутъ ограничиваться только соотвѣтственнымъ числомъ. Если бы я мои изслѣдованія по этому предмету началъ не съ Гиляковъ, а съ Гольдовъ, то я сразу усвоилъ бы себѣ единицу стоимости, лежащую въ основѣ расцѣнки ихъ товаровъ. Впрочемъ, заимствованная у китайцевъ единица, и у нихъ не изображаемая никакой монетой, остается для амурскихъ инородцевъ исключительно воображаемой величиной, о которой они имѣютъ только приблизительное понятіе по количеству или по числу штукъ того или другого товара. Въ Китаѣ, въ видѣ чеканной монеты вращается только тысячная доля серебряной унціи. Это мѣдный кружочекъ (по гил. *чха*) съ четырехугольной дырочкой по серединѣ, десятками и тысячами нанизываемый на снурокъ. По малой цѣнности своей, монетки эти совсѣмъ не пользуются уваженіемъ Гиляковъ и вмѣстѣ съ другими мѣдными пластинками разной формы употребляются ими какъ украшенія женской одежды, или какъ пуговицы для рубахъ и поясовъ. Русскія монеты, которыя Гиляки тоже называютъ *чха* (что значитъ «монета» по преимуществу) въ мое время не встрѣчались въ оборотѣ ни у Гиляковъ, ни у другихъ нижне-амурскихъ инородцевъ — и по полному незнанію ихъ цѣнности и потому, что китайскіе купцы съ своей стороны отказывались ихъ принимать[1]). Но съ тѣхъ поръ Гиляки, благодаря своимъ постояннымъ сношеніямъ съ русскими, уже успѣли вполнѣ освоиться съ ихъ деньгами[2]).

Существованіе у нижне-амурскихъ инородцевъ одной и той же единицы стоимости, заимствованной у китайцевъ, взаключеніе сообщаетъ ихъ мѣновой торговлѣ между собой и съ послѣдними твердо установленную норму. Довольно разнородные предметы этой мѣновой торговли лишь тогда считаются равными по количеству, объему и качеству, когда содержатъ въ себѣ или представляютъ собою равное число цѣнныхъ единицъ, и взаимный обмѣнъ ихъ можетъ такимъ образомъ совершаться безъ ущерба и покупателямъ, и продавцамъ. Мѣриломъ при оцѣнкѣ предметовъ торговли служитъ, съ одной стороны, большій или меньшій спросъ на нихъ китайцевъ, а съ другой, степень потребности въ нихъ Гиляковъ, Ольчей и Гольдовъ, и то наконецъ, насколько эта послѣдняя потребность обуслов-

---

1) Изъ звонкой монеты китайцы, во время моего пребыванія на Амурѣ, принимали только испанскіе (мексиканскіе) піастры, такъ называемые колоннадосъ. Но эту монету они предварительно вѣшали на ручныхъ вѣсахъ.

2) Въ настоящее время они охотно принимаютъ въ уплату за свой товаръ всякаго рода русскія деньги — не только звонкую монету, но и кредитные билеты. Въ доказательство ихъ сметливости и оборотливости въ торговыхъ дѣлахъ могу привести слѣдующій случай, относящійся ко времени моего пребыванія на Амурѣ. Не разъ уже помянутый мною Гиляк Позвейнъ изъ Куля, который съ самаго начала занятія края русскими находился въ близкихъ отношеніяхъ съ ними, отправился изъ Николаевска на Сахалинъ съ запасомъ мелкаго товара, намѣреваясь выменять на него у своихъ соотечественниковъ разныя цѣнныя вещи, въ томъ числѣ серебряныя и золотыя монеты, о существованіи которыхъ у нихъ провѣдалъ. Цѣнности эти достались Сахалинскимъ Гилякамъ отъ грабежа американскаго китоловнаго судна, экипажъ котораго почти весь подвергся избіенію. Доведя свое предпріятіе на Сахалинъ до благополучнаго конца, Позвейнъ вернулся въ Николаевскъ и съ большимъ барышемъ перепродалъ русскимъ привезенныя съ собой вещи.

Digitized by Google

ливается пригодностью данныхъ предметовъ къ дальнѣйшимъ торговымъ оборотамъ инородцевъ съ японцами. Но цѣны, установившіяся на товаръ во время исключительнаго преобладанія въ торговлѣ Амурскаго края китайцевъ, должны были сильно измѣниться послѣ того какъ Гиляки, а вслѣдъ за ними и другіе амурскіе инородцы, пришли въ соприкосновеніе съ русскими, и тѣ сдѣлались опасными для китайцевъ конкурентами. Итакъ, при обзорѣ торговли нижне-амурскихъ инородцевъ надо, болѣе чѣмъ когда либо, принимать въ соображеніе, что наблюденія мои относятся исключительно къ первому періоду сближенія ихъ съ русскими, результаты котораго тогда еще не были такъ очевидны, какъ теперь. Что же касается оцѣнки у Гиляковъ предметовъ, не входящихъ въ кругъ торговли, но составляющихъ принадлежность ихъ жизни и хозяйства, она регулируется ихъ нравами, понятіями, воззрѣніями, чему мы не замедлимъ представить доказательства.

Упорныя разслѣдованія и мои личныя торговыя и другія сношенія съ Гиляками дали мнѣ возможность добиться опредѣленія стоимости главныхъ предметовъ ихъ торговли съ китайцами, японцами и русскими, а также разныхъ вещей ихъ хозяйственнаго и домашняго обихода. Приводимъ здѣсь таблицу цѣнъ на эти предметы:

Соболья шкура, смотря по добротѣ	стоитъ	1— 3 *я*
Шкура красной лисицы *(паз-нга)*.	»	2 »
» темносѣрой лисицы *(пладфъ)*.	»	3 »
» чернобурой лисицы *(хэдфъ)*, смотря по добротѣ	»	10 » и больше
Рысья шкура съ головой, ногами и хвостомъ	»	8—10 »
Рысья шкура безъ головы, безъ ногъ и хвоста. . . .	»	5 »
Шкура рѣчной выдры цѣнится по величинѣ, причемъ одна пядь ее.	»	1 »
Шкура тюленя и *Phoca nummularis (пыхи)* и *Ph. barbata (кигичъ)* высшаго качества	»	1 »
Четыре сажени[1]) обыкновенной бумажной ткани *(пось)*	»	1 »
Двѣ сажени полубархата *(пойбрецъ-пось)*.	»	1 »
Полторы сажени сукна *(джангта)*.	»	1 »
Четыре сажени маньчжурской[2]) шелковой (очень пестрой) ткани *(чарпъ)*.	»	5 »

Отъ качества и цѣнности матеріала зависитъ и цѣна отдѣльныхъ частей гиляцкой одежды. Такъ:

Длинное верхнее платье съ широкими рукавами изъ маньчжурской шелковой ткани *(ухтъ)*.	стоитъ	5 *я*[3]).

1) Сами Гиляки мѣрятъ руками, распростирая ихъ во всю длину, что даетъ мѣру, равную сажени — и пальцами или, по нашему, пядями.

2) Вѣрнѣе сказать, китайской. Четыре такихъ саженей составляютъ кусокъ или штуку.

3) По меньшей мѣрѣ.

Digitized by Google

Такая же женская шапка *(чарпъ-хакъ)*	стоитъ	3 *я*
Женская шапка изъ шкурки съ рысьей головы *(члыги-хакъ)*	»	2 »
Боа изъ бѣличьихъ хвостовъ хорошаго качества *(толпъ)*	»	1 »
Женское платье изъ рыбьей шкуры *(чуркъ)* со множествомъ вышивокъ	»	1 »
Рысья шуба (приблизительно изъ шести шкуръ)	»	30 »

Цѣна собачьей шубы опредѣляется прежде всего цвѣтомъ, а затѣмъ качествомъ мѣха и возрастомъ собакъ. Такъ:

Собачья шуба сѣро-буро-желтаго цвѣта *(чабръ-окхъ)*	стоитъ	1 *я*
» » бѣлая съ коричневыми пятнами *(алхалх-окхъ)*	»	1 »
» » бѣлая *(чанг-окхъ)*	»	2 »
» » черная или темно-бурая *(ыгр-окхъ)*, отъ взрослыхъ собакъ	»	3 »
» » отъ щенковъ	»	2 »

Остальныя части одежды Гиляковъ: рубахи изъ обыкновенной бумажной ткани, полукафтанье суконное или полубархатное, штаны, передники *(коськи)* изъ тюленьей шкуры, простыя зимнія шапки, лѣтнія шляпы изъ бересты, нарукавники, наушники, рукавицы, и т. д. стоятъ даже меньше одного *я*, несмотря на то, что послѣдніе три предмета обыкновенно украшаются вышивками. Дальше:

Мѣшокъ муки	стоитъ	2 *я*
Четыре маньчжурскіе мѣшка (очень длинные и узкіе) пшена равняются 4 соболямъ, слѣдовательно стоятъ около 6 или	»	4— 8 »
Досчатый ящикъ *(кылмр-вакке)* съ водкой	»	10 »
Десять пачекъ табачныхъ листьевъ, а въ скудное время 5	»	1 »
Крупный осетръ *(тукки-чо)*	»	2 »
Крупная бѣлуга *(патх-чо)*	»	4— 5 »
Живой медвѣженокъ	»	25 »
» взрослый медвѣдь, смотря по величинѣ	»	30—40 »
Собака средней величины и качества	»	1 »
Простые сани	»	1 »
Пара тунгусскихъ лыжъ съ обшивкой изъ лосиннаго мѣха (по гил. *рдхы-ень*, т. е. самагирскія лыжи)	»	1 »
Туземныя лыжи съ обшивкой изъ тюленьяго мѣха	даже меньше 1 *я*	
Малой и средней величины лодка, смотря по размѣрамъ	стоитъ	3— 7 »
Большая новая лодка	»	13 »

Digitized by Google

Парусъ изъ рыбьихъ шкуръ	стоитъ	1 *я*
У рыболовной сѣти каждыя 10 саженъ	»	1 »
Лукъ, выложенный пластинками китоваго уса	»	1 »
Лукъ, выложенный пластинками изъ кости буйвола или носорога и съ серебряными скобками *(нгыниф-пунчь)*, смотря по числу послѣднихъ	»	8—10 »
Одноствольное ружье	»	2 »
Русско-сибирская винтовка	»	4 »
Двуствольное ружье	»	6 »
Пика безъ серебряныхъ украшеній въ локоть длины	»	1 »
Такая же съ серебряною насѣчкою	»	3 »
Копейное желѣзко длиною въ руку, отъ плеча до конца пальцевъ, безъ серебряныхъ украшеній	»	3 »
Такой же длины копейное желѣзко съ серебряными украшеніями, смотря по количеству послѣднихъ	»	8—10 »
Маньчжурскій топоръ	»	1 »
Старинный маньчжурскій панцырь *(выч-печь)*	»	30 »
» веревочный панцырь туземнаго издѣлія *(кэ-печь)*.	»	3— 4 »

Цѣна котловъ, вдѣланныхъ въ очагъ и ручныхъ, опредѣляется отчасти величиной, а главнымъ образомъ происхожденіемъ ихъ. Маньчжурскіе (китайскіе) считаются хуже японскихъ. Первые легко трескаются на огнѣ безъ воды, вторые нѣтъ. Итакъ:

Большой маньчжурскій котелъ для очага *(ормоч-вунь)*	стоитъ	4 *я*
Маньчжурскій котелъ малыхъ размѣровъ	»	3 »
» ручной котелъ *(мач-вунь)* съ ушками, смотря по величинѣ	»	3—7 »
Небольшой японскій котелъ (по гил. *куги-вунь*, т. е. аинскій котелъ)	»	7— 8 »
Такой же большой котелъ	»	20 »
Большой японскій котелъ съ тремя ушками или ручками	»	30 »

Въ высшей степени своеобразна оцѣнка гиляцкихъ жилищъ:

Зимняя юрта *(чадрыфъ)* съ двумя очагами	стоитъ	4 *я*
Лѣтняя юрта *(кэрыфъ)*	»	2— 4 »
Кладовая *(нё)*, смотря по числу отдѣленій	»	10 » и больше

Эта таблица даетъ намъ опредѣленное понятіе о торговлѣ Гиляковъ. По ея цифровымъ даннымъ можно вывести довольно точное заключеніе и объ ихъ нравахъ и обычаяхъ.

Digitized by Google

Но объ этомъ главная рѣчь еще впереди. Теперь остановимся на слѣдующихъ общихъ выводахъ.

1) Главный предметъ торговли Гиляковъ съ китайцами, какъ мы уже видѣли, — пушной товаръ. Цѣны на него относительно низкія, что безъ сомнѣнія объясняется обиліемъ звѣрей въ нижне-амурскомъ краѣ, которое до сихъ поръ еще не истощилось. Изъ всей массы мѣховъ здѣсь только два особенно выдаются: мѣхъ чернобурой лисицы и рыси. Первый высоко цѣнится между прочимъ и китайцами, благодаря своей несомнѣнной красотѣ, а также и рѣдкости. Что же касается рысьяго мѣха, его высокая воображаемая цѣнность въ глазахъ Гиляковъ сильно препятствуетъ его распространенію въ торговлѣ.

2) Но и помимо рысьяго мѣха еще нѣкоторые другіе предметы поражаютъ насъ своей высокой цѣной, мало соотвѣтствующей ихъ дѣйствительной стоимости. Таковы, напримѣръ, древне-маньчжурскіе кольчуги и шлемы и японскіе котлы о трехъ ушкахъ или ручкахъ. Къ сожалѣнію я не видѣлъ послѣднихъ. Но врядъ ли они настолько превосходятъ котлы того же происхожденія съ двумя ушками или съ другими легкими измѣненіями формы, чтобы оправдывать большую разницу въ цѣнѣ. Тутъ просто высказывается пристрастіе Гиляковъ, столь практичныхъ во всемъ остальномъ, къ отличіямъ и почету, связаннымъ съ богатствомъ.

3) Тотъ же мотивъ тщеславія руководитъ Гиляками и при высокой оцѣнкѣ ими живаго медвѣдя. Пріобрѣтеніе его не только не выгодно, а убыточно. Убиваютъ его и лакомятся его мясомъ всегда при торжественной обстановкѣ, связанной съ издержками Но зато этимъ пріобрѣтается лестная репутація человѣка зажиточнаго и достойнаго уваженія.

4) Изъ тканей, на которыя Гиляки главнымъ образомъ вымѣниваютъ свой товаръ у китайцевъ, они всего выше цѣнятъ шелковыя разноцвѣтныя матеріи, затканныя золотомъ и серебромъ или съ изображеніемъ драконовъ и другихъ китайскихъ узоровъ. Сами они впрочемъ ихъ мало употребляютъ, за исключеніемъ женскихъ нарядныхъ шапокъ, и очевидно цѣнятъ ихъ не столько потому, чтобы эти матеріи имъ особенно нравились и льстили ихъ вкусу къ роскоши, сколько потому, что онѣ въ свою очередь служатъ имъ предметомъ торговли съ японцами. Въ этомъ лучшее доказательство промышленнаго духа Гиляковъ и ихъ оборотливости въ торговыхъ дѣлахъ.

5) Тѣмъ же объясняется и высокая цѣнность водки *(араки)* въ мѣновой торговлѣ Гиляковъ съ китайцами. Ошибочно было бы думать, что Гиляки сами падки на водку, и потому легко даютъ себя въ этомъ отношеніи эксплоатировать. Если они и употребляютъ ее, то въ умѣренномъ количествѣ — по крайней мѣрѣ такъ было при мнѣ. Но крайне чуткіе ко всему, что касается наживы, они умѣютъ пользоваться пристрастіемъ къ этому, вообще столь излюбленному напитку, другихъ инородцевъ, болѣе удаленныхъ отъ источника его добыванія. Такимъ образомъ и водка тоже является въ числѣ предметовъ, возбуждающихъ предпріимчивый духъ Гиляковъ. Мы уже видѣли, что они посредствомъ нея извлекали для себя пользу даже въ мѣновой торговлѣ съ русскими матросами и казаками.

Digitized by Google

6) Хозяйственная утварь, разныя части одежды и другіе предметы домашняго обихода, какъ бы тщательна ни была ихъ отдѣлка и какъ бы они ни были разукрашены, разъ что они собственнаго издѣлія — всегда очень низко цѣнятся Гиляками. Стоимость ихъ возвышается тогда только, если въ ихъ составъ входитъ матеріалъ китайскаго происхожденія. Таковы, напримѣръ, луки, выложенныя пластинками буйволоваго рога, или копья и проч. съ серебряными украшеніями. Слѣдовательно, при оцѣнкѣ этихъ предметовъ Гиляки принимаютъ въ соображеніе не тонкость работы и не положенный на нихъ трудъ и время, а единственно пластинки рога и серебра, которыя на нихъ потрачены.

7) Всего несообразнѣе на первый взглядъ кажется оцѣнка Гиляками своихъ разнородныхъ построекъ. Трудно, напримѣръ, повѣрить, чтобы сложный, просторный зимникъ китайскаго образца, съ двумя очагами, большими окнами и четырьмя широкими нарами, нагрѣваемыми посредствомъ проложенныхъ подъ ними трубъ, могъ стоить всего половину цѣны кладовой, которая отличается самымъ незатѣйливымъ устройствомъ. Тѣмъ не менѣе я стою за достовѣрность вышеприведенныхъ цифръ, такъ какъ Гиляки мнѣ ихъ неоднократно подтверждали. Къ тому же я надѣюсь это еще лучше выяснить впередъ, на основаніи собственныхъ показаній Гиляковъ, при описаніи общественнаго быта Гиляковъ, проникнутаго коммунистическимъ духомъ, который обнаруживается и при постройкѣ и въ способѣ употребленія ихъ жилищъ.

8) Сравнимъ теперь мою гиляцкую оцѣночную таблицу съ гольдскою, которую составилъ Максимовичъ[1]). Онѣ въ большинствѣ случаевъ между собой сходны, очевидно потому, что мѣриломъ для обѣихъ служатъ цѣны, господствующія на китайскомъ рынкѣ на Сунгари. Въ иныхъ подробностяхъ только встрѣчаются различія, характерныя для названныхъ странъ и ихъ населенія. Мягкая рухлядь, напримѣръ, вообще цѣнится Гольдами дороже, чѣмъ Гиляками (высшій сортъ соболя стоитъ у нихъ 4 — 5 *я*; красная лисица 3 *я*; чернобурая 30 и даже 60 *я*). Это вѣроятно потому, что въ ихъ странѣ пушные звѣри водятся въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ болѣе сѣверныхъ лѣсныхъ пространствахъ. Но отчасти это можетъ быть обусловливается еще и тѣмъ, что Гиляки, въ качествѣ усердныхъ посредниковъ во всѣхъ торговыхъ предпріятіяхъ края, прибираютъ бо́льшую часть этого товара къ своимъ рукамъ. Между прочимъ Гольды не брезгаютъ и болѣе мелкими звѣрками, какъ: бѣлка, горностай, *Mustela sibirica*, и т. д. (10 шкурокъ первой стоятъ $^1/_2$ *я*; цѣлая бѣличья шуба 7 *я*). Гиляки же, какъ болѣе богатые въ этомъ отношеніи, презираютъ столь мелкій товаръ. Наконецъ, въ противоположность Гилякамъ, ограничивающимся ловлею и торговлею однихъ пушныхъ звѣрей, Гольды ревностно охотятся еще и за животными изъ породы оленей, шкурами которыхъ тоже торгуютъ съ китайцами (шкура козули стоитъ у нихъ $^1/_2$ *я*; шкура изюбря или лося, не дубленая 1 *я*, дубленая 2 *я*). Наравнѣ съ пушнымъ товаромъ, и главные продукты рыбной ловли тоже имѣютъ у Гольдовъ бо́льшую цѣнность, чѣмъ у Гиляковъ (крупный осетръ, напримѣръ, стоитъ у нихъ

1) Въ рукописныхъ показаніяхъ его, которыя были имъ предоставлены въ мое распоряженіе.

Digitized by Google

10 *я*). Это во первыхъ потому, что рыбныя богатства постепенно уменьшаются вверхъ по Амуру, а во вторыхъ, Гольды гораздо меньше Гиляковъ занимаются рыболовствомъ. Зато хлѣбныя растенія и овощи (разные виды стручковыхъ) у Гольдовъ цѣнятся меньше, чѣмъ у Гиляковъ, на томъ основаніи, что они живутъ ближе къ китайцамъ, у которыхъ уже процвѣтаетъ земледѣліе, а отчасти и сами занимаются разведеніемъ овощей. То же самое, но еще рѣшительнѣе, относится къ табаку, «шнурокъ» котораго въ 300 пачекъ стоитъ у нихъ 20 *я*[1]). Съ прибытіемъ русскихъ въ страну Гиляковъ цѣнность китайскаго (маньчжурскаго) табака сильно понизилась въ ихъ глазахъ, такъ какъ очень крѣпкій русскій (черкасскій) табакъ пришелся имъ больше по вкусу.

Итакъ, главный предметъ торговли амурскихъ инородцевъ съ китайцами — звѣриныя шкуры, а именно шкуры соболей, лисицъ, выдръ. Но Гиляки, какъ мы видѣли, народъ, вообще мало приспособленный къ охотничьимъ подвигамъ, увлекаемый промышленнымъ духомъ, и это, естественно, побуждаетъ его искать, помимо охоты, еще другихъ къ тому средствъ, менѣе противорѣчащихъ его вкусамъ и наклонностямъ. Такое средство — въ сближеніи съ другими народами, болѣе предпріимчивыми на охотѣ, напримѣръ съ Тунгусами. Гиляки предварительно вступаютъ съ ними въ сношенія и пріобрѣтаютъ значительную часть ихъ охотничьей добычи. Но главные поставщики пушнаго товара китайцамъ, амурскіе Гиляки, кромѣ того скупаютъ его еще и у своихъ болѣе отдаленныхъ соотечественниковъ на Охотскомъ побережьѣ и на островѣ Сахалинѣ. Они же, а отчасти Гиляки изъ Чоми, являются и проводниками китайскихъ товаровъ во всѣ уголки страны Гиляковъ и ихъ ближайшихъ сосѣдей Негидальцевъ, оленныхъ Тунгусовъ, Ороковъ и даже Аиновъ. Само собой разумѣется, на ихъ долю приходятся и главныя выгоды отъ этой торговли. На всемъ этомъ пространствѣ ни одного китайскаго купца. Самый сѣверный и восточный пунктъ въ нижне-амурскомъ краѣ, гдѣ онъ еще періодически появляется и болѣе или менѣе продолжительно остается — это деревня Пуль у Ольчей, на рубежѣ со страной Гиляковъ. Въ зимнее время мѣстечко это легко доступно даже Гилякамъ изъ Чоми — по вышеупомянутому Тыми-Газелахскому пути, который пересѣкаетъ Лиманъ. Изъ Пуля китайскій купецъ еще иногда украдкой пробирается къ Негидальцамъ на Амгуни, пользуясь для того пустыннымъ лѣвымъ берегомъ Амура. Праваго берега, населеннаго Гиляками, онъ всегда тщательно избѣгаетъ. Сами Гиляки разсказывали мнѣ, что не допускаютъ къ себѣ китайскихъ купцовъ, и когда, 25 лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ нихъ забрелъ къ нимъ, они даже его убили. Трудно рѣшить на чемъ основана эта вражда Гиляковъ къ китайскимъ купцамъ — на желаніи ли оградить себя отъ ига маньчжуро-китайцевъ или на стремленіи его низвергнуть. Во всякомъ случаѣ такой образъ дѣйствій очень для нихъ выгоденъ въ торговомъ отношеніи. Выше по Амуру, у Ольчей, Гольдовъ, Самагирцевъ, роль посредниковъ въ торговлѣ ихъ съ китайскими купцами, осѣдлыми на Сунгари, въ силу обстоятельствъ выпадаетъ на долю китайскихъ же торговцевъ. Здѣсь въ

1) А у Гиляковъ, согласно вышеприведенной таблицѣ, 30 *я*.

Digitized by Google

странѣ Гиляковъ и Тунгусовъ роль эта принадлежитъ амурскимъ Гилякамъ. И они выполняютъ ее чрезвычайно ловко, съ большой выгодой для себя. Уступая своимъ тунгусскимъ сосѣдямъ въ предпріимчивости и подвижности на охотѣ, они зато въ высшей степени обладаютъ этими свойствами въ торговлѣ. Они торгуютъ у себя дома табакомъ, водкой, хлѣбными произведеніями, тканями и другимъ китайскимъ, а за послѣднее время и русскимъ товаромъ, вымѣнивая его на звѣриныя шкуры у пріѣзжихъ Негидальцевъ, Тунгусовъ и своихъ собственныхъ соотечественниковъ съ Охотскаго побережья, съ Лимана, съ Сахалина. Кромѣ того они и сами предпринимаютъ путешествія къ этимъ инородцамъ съ запасами вышепоименованнаго иноземнаго товара и съ произведеніями собственной страны, какъ осетрина, бѣлужина и пр. Амурскіе Гиляки обыкновенно пользуются для того зимой, какъ временемъ, всего менѣе производительнымъ для рыбной ловли. Путешествуютъ они на собакахъ, которыхъ, благодаря изобилію въ Амурѣ рыбы, могутъ содержать въ большомъ количествѣ. Такимъ образомъ амурскіе Гиляки почти всю зиму проводятъ въ странствованіяхъ съ торговыми цѣлями. Первобытный способъ ихъ передвиженія, правда, не позволяетъ имъ перевозить товаръ большими партіями заразъ. Но поѣздки ихъ за нимъ и съ нимъ такъ часто повторяются, что въ заключеніе приводятъ къ довольно крупнымъ результатамъ. Главная задача ихъ путешествій къ тому же всегда одна и та же — пріобрѣтеніе звѣриныхъ шкуръ и мѣховъ для торговли съ китайцами, и это однообразіе цѣли въ итогѣ вполнѣ вознаграждаетъ за трудъ и время, которое иначе было бы потрачено на охоту. Такимъ образомъ и здѣсь на дѣлѣ оправдывается, что производитель того или другого предмета торговли всегда извлекаетъ изъ него меньше выгодъ, чѣмъ посредникъ, который умѣетъ ловко пускать его въ оборотъ.

Торговыя путешествія амурскихъ Гиляковъ предпринимаются преимущественно въ трехъ направленіяхъ: на западъ къ Негидальцамъ на Амгуни (по гил. *Хынкэ*) и къ Самагирцамъ на озерѣ Удылѣ; на сѣверъ къ собственнымъ ихъ соотечественникамъ на Охотскомъ морѣ и на востокъ на островъ Сахалинъ. Сношенія Гиляковъ съ Негидальцами очень давнишнія. Это подтверждается между прочимъ и тѣмъ, что послѣ Ольчей Негидальцы больше всѣхъ другихъ амурскихъ инородцевъ тунгусскаго племени слились съ Гиляками, или, такъ сказать, огилячились. На этомъ же основаніи они, какъ и Ольчи, больше прочихъ склонны къ обогащенію себя посредствомъ торговли, и географическое положеніе ихъ страны доставляетъ имъ не мало къ тому средствъ. Они уже въ рѣкѣ Амгуни имѣютъ прямой путь сообщенія съ китайскими купцами на Амурѣ. Затѣмъ втеченіе всей зимы лишь небольшое ледяное пространство отдѣляетъ ихъ отъ Самагирцевъ на Горинѣ, который тоже посѣщается китайскими торговцами. А на рубежѣ съ ихъ сѣверной границей наконецъ, за низкимъ бассейномъ рѣки Немилена, главнаго изъ сѣверныхъ притоковъ Амгуни — лежитъ мѣстечко Буруканъ, куда ежегодно стекаются въ декабрѣ русскіе и якутскіе купцы для торговли съ окрестными Тунгусами и преимущественно съ Негидальцами[1]). Потому

1) Ср. также: Fr. Schmidt, Histor. Bericht über die Sibir. Exp. der Russ. Geogr. Gesellsch. (Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reiches, Bd. XXV. p. 134 und 150).

Digitized by Google

Гиляки въ качествѣ торговыхъ посредниковъ всего меньше успѣха имѣютъ у Негидальцевъ. Исключеніе составляютъ развѣ только самыя захолустныя мѣстечки, всего ближе расположенныя къ странѣ Гиляковъ и вдоль пути, соединяющаго Амуръ съ южной частью Охотскаго побережья. Таковы, напримѣръ, уголки на озерахъ Орелъ и Чля, гдѣ между прочимъ существуетъ и одна гиляцкая деревня. Самагирцы тоже, хотя и живутъ преимущественно на Горинѣ (по гил. *Кыръ*), однако имѣютъ небольшія поселенія и по сосѣдству съ Гиляками, напримѣръ, на озерѣ Удылѣ, которое, какъ и Негидальскіе озера, не только зимой, но и лѣтомъ посѣщается для торговли амурскими Гиляками. Въ Патѣя самъ былъ свидѣтелемъ сборовъ въ такое путешествіе Гиляка Мезгуна. Происходило это 18 (30) Мая 1856 г. Лодка, нагруженная разнаго рода китайскимъ товаромъ, готовилась къ отплытію къ «Рдхы» (Самагирцамъ) на озерѣ Удылѣ, которое, впрочемъ, по географическому положенію и по языку своего населенія, имѣетъ болѣе общаго съ Ольчами, чѣмъ съ Гиляками.

Торговое посредничество амурскихъ Гиляковъ находитъ себѣ гораздо больше примѣненія у собственныхъ соотечественниковъ на Охотскомъ побережьѣ. Путь ихъ туда прямой и короткій изъ Пал-во по вышеупомянутымъ озерамъ въ Куль, или изъ Ваира въ Хиску и наконецъ черезъ Амурскій Лиманъ. Они тамъ единственные проводники китайскихъ, а, со времени упраздненія Петровскаго поста, и русскихъ товаровъ, взамѣнъ которыхъ пріобрѣтаютъ звѣриныя шкуры. Охотскіе Гиляки отчасти сами охотятся вдоль своего побережья и на Шантарскихъ островахъ, а частью скупаютъ пушной товаръ у тунгусскихъ охотниковъ съ Тугура и съ Мэвачанскаго хребта, которымъ сбываютъ взамѣнъ продукты своей рыбной и тюленьей ловли, а также разные предметы, передъ тѣмъ пріобрѣтенные у амурскихъ Гиляковъ. А послѣднимъ они, кромѣ того, продаютъ еще орлиныя перья, которыя амурскіе Гиляки въ свою очередь опять перепродаютъ японцамъ. Наконецъ Гиляки съ Амура на Охотскомъ же побережьѣ дешево запасаются тюленьими шкурами и жиромъ для собственнаго употребленія и для дальнѣйшей торговли съ южными своими сосѣдями, Ольчами и Гольдами.

Но свои главные запасы звѣриныхъ шкуръ для торговли съ китайцами амурскіе Гиляки и Гиляки изъ Чоми пріобрѣтаютъ на Сахалинѣ — первые преимущественно на сѣверѣ острова, на Лиманѣ и на берегу Тро, вторые на западѣ, къ югу отъ Погоби и по верховьямъ рѣки Тымы. Ни тѣ, ни другіе, впрочемъ, не держатся здѣсь строгаго разграниченія мѣстностей, которыя избираютъ полемъ своей дѣятельности. Странно, но Сахалинскіе Гиляки далеко не такъ подвижны, какъ ихъ земляки на Амурѣ. Сами они рѣдко посѣщаютъ материкъ и не предпринимаютъ дальнихъ путешествій для торговли. Они ограничиваются добываніемъ звѣриныхъ шкуръ у своихъ ближайшихъ сосѣдей, Ороковъ и Аиновъ, вымѣнивая ихъ на водку, табакъ и на другой китайскій товаръ, который и здѣсь тоже пользуется большимъ уваженіемъ. Сами же они, какъ сказано выше, получаютъ послѣдній не прямымъ путемъ, а все при посредствѣ тѣхъ же амурскихъ Гиляковъ. Ороки тоже лишь рѣдко посѣщаютъ материкъ для личныхъ сношеній съ китайскими купцами въ Пулѣ, куда проникаютъ по Тыми-Газелахскому пути. Аины наконецъ уже никогда не покидаютъ

Digitized by Google

своего острова. Такимъ образомъ торговля китайскими произведеніями на Сахалинѣ почти вся сосредоточивается въ рукахъ континентальныхъ Гиляковъ, которымъ и приноситъ большія выгоды. Островъ, какъ мы уже говорили, особенно богатъ тѣми видами пушныхъ звѣрей, на мѣхъ которыхъ всего больше спросу. Всѣ три племени, населяющія Сахалинъ, съ одинаковымъ успѣхомъ занимаются охотой, но продукты послѣдней главнымъ образомъ стекаются въ руки тамошнихъ Гиляковъ. Охота Ороковъ конечно самая производительная, такъ какъ они всю зиму проводятъ въ охотничьихъ странствованіяхъ. Но, благодаря всему складу своей жизни и вообще свойственной Тунгусамъ беззаботности, они склонны, а часто и принуждены, большую часть своей добычи дешево уступать осѣдлымъ и промышленнымъ Гилякамъ на рѣкѣ Тымы и въ другихъ частяхъ Сахалина. Скитальческая жизнь Ороковъ обрекаетъ ихъ почти на постоянный недостатокъ въ пищѣ, въ средствахъ къ наслажденію и въ кормѣ для собакъ. Сахалинскіе Гиляки обращаютъ это въ свою пользу, за дорогую цѣну снабжая ихъ этими предметами или изъ собственныхъ запасовъ, или изъ пріобрѣтенныхъ раньше отъ амурскихъ Гиляковъ. Кромѣ того они не отказываютъ Орокамъ и въ ссудахъ, конечно на выгодныхъ для себя условіяхъ, и такимъ образомъ держатъ ихъ въ рукахъ. Не меньше выгодъ извлекаютъ они и изъ Аиновъ. Эти послѣдніе рады всякому случаю уступить свою добычу имъ, а не японцамъ, которые берутъ ее, какъ должное, за небольшое количество саки или рису, а то и совсѣмъ задаромъ. Итакъ, сахалинскіе Гиляки, хотя и не обладаютъ предпріимчивостью своихъ соотечественниковъ на материкѣ, тѣмъ не менѣе вполнѣ оправдываютъ присущій ихъ племени духъ промышленности и корыстолюбія. Продавая амурскимъ Гилякамъ звѣриныя шкуры, которыя пріобрѣтаютъ вышеупомянутыми путями, они доставляютъ своимъ соотечественникамъ средства вести болѣе обширную торговлю съ китайцами, и тѣмъ самымъ увеличиваютъ собственное благосостояніе. Впрочемъ амурскіе Гиляки не у однихъ своихъ соотечественниковъ или при ихъ посредствѣ скупаютъ товаръ на Сахалинѣ. Они при случаѣ и сами, минуя долину рѣки Тымы, устраиваютъ свои дѣла прямо съ Ороками и Аинами. Наконецъ они пріобрѣтаютъ звѣриныя шкуры еще у японцевъ, но объ этомъ дальше, по обозрѣніи торговыхъ сношеній амурскихъ Гиляковъ съ китайцами, которые доставляютъ имъ средства къ торговлѣ и съ Японіей.

На нижнемъ Амурѣ, въ странѣ Ольчей и Гольдовъ, какъ мы уже говорили, существуетъ рядъ мѣстечекъ, куда по временамъ являются китайцы и гдѣ они болѣе или менѣе долго гостятъ. Они очень предусмотрительны въ выборѣ такихъ центровъ для торговли съ пограничными туземцами. Это ловкіе дѣльцы, которые не боятся ни трудовъ, ни лишеній и не гнушаются никакихъ средствъ, лишь бы извлекать какъ можно больше выгодъ для себя или для своихъ хозяевъ. Но во внѣшнихъ своихъ пріемахъ съ туземцами они крайне предупредительны и ласковы. Какъ то разъ въ Пулѣ я очутился въ юртѣ съ однимъ изъ проживавшихъ въ этой деревнѣ трехъ китайцевъ. Туда же вошли сопровождавшіе меня съ Лимана Ольчи и Гиляки. Китаецъ засуетился, помогая имъ стряхивать съ шубъ снѣгъ и предлагая каждому по листику табака. Затѣмъ, возвратясь къ своему мѣсту на

Digitized by Google

нарѣ, онъ туда же пригласилъ сѣсть и вновь прибывшихъ, закурилъ о горящіе возлѣ въ жаровнѣ уголья трубку и пустилъ ее по рукамъ. Завязался разговоръ. Китаецъ снялъ съ угольевъ сосудъ съ водкой, выстроилъ на маленькомъ столикѣ передъ собой рядъ фарфоровыхъ чашечекъ, наполнилъ ихъ соблазнительной влагой и принялся подчивать гостей. Слово за словомъ, китаецъ постепенно подходитъ къ своей цѣли. Соотечественники его, Неканы, внушительно завѣрялъ онъ своихъ слушателей и въ томъ числѣ меня, лучшіе друзья Ольчей, Гольдовъ и Гиляковъ. За каждую звѣриную шкуру они готовы платить имъ, по желанію, разными тканями, пшеномъ, водкой, табакомъ. Однимъ словомъ, они мирволятъ имъ — не то что ихъ общіе враги, маньчжуры, которые ихъ только грабятъ и притѣсняютъ. Мнѣ и потомъ не разъ приходилось слышать въ Нижне-Амурскомъ краѣ такія завѣренія, щедро подкрѣпляемыя водкой. Они всегда достигали цѣли, по крайней мѣрѣ съ Гольдами, которые, живя въ непосредственной близости съ маньчжурами и въ полной отъ нихъ зависимости, особенно терпятъ отъ ихъ насилія и жадности. Обиженные инородцы съ горькой ироніей называютъ своихъ притѣснителей «*сингаре*», крысами, подразумѣвая, что и тѣ, и другіе одинаково поглощаютъ ихъ запасы и имущество. Гиляки напротивъ, огражденные отъ грабительскихъ вожделѣній маньчжурскихъ чиновниковъ и сборщиковъ податей, доступъ которымъ закрытъ въ ихъ страну, остаются равнодушными къ вкрадчивымъ рѣчамъ китайскихъ купцовъ. Зато, въ свою очередь движимые корыстолюбіемъ, они не могутъ равнодушно относиться къ барышамъ, какіе эти купцы зарабатываютъ, дешево скупая оптомъ свой товаръ на Сунгари и затѣмъ дорого перепродавая его по мелочамъ амурскимъ инородцамъ. Не желая служить ихъ выгодамъ, Гиляки предпочитаютъ имъ подражать и сами получать барыши. Этимъ отчасти объясняется и упорство, съ какимъ они не допускаютъ китайскихъ купцовъ, и малый успѣхъ послѣднихъ съ ними. Центръ китайской торговли, по сосѣдству съ гиляцкой границей въ Пулѣ, который охотно посѣщается Ольчами, Самагирцами, Ороками,—изъ Гиляковъ привлекаетъ только проживающихъ въ Чоми. Находясь въ сторонѣ отъ Амура, послѣдніе въ этомъ мѣстечкѣ имѣютъ возможность пріобрѣтать средства для своей торговли съ сахалинскими Гиляками, преимущественно на рѣкѣ Тымы. Амурскіе же Гиляки, благодаря естественному пути, который имъ дала природа въ рѣкѣ Амурѣ, могутъ обходиться безъ хищныхъ посредниковъ, разсѣянныхъ по его берегамъ, и лично пріобрѣтать на Сунгари предметы, имъ нужные для собственнаго употребленія и для дальнѣйшей торговли.

Торговое путешествіе на Сунгари, какъ Гиляки говорятъ къ «Маньчжурамъ», составляетъ цѣль всѣхъ желаній и практическихъ стремленій ихъ. Для того главнымъ образомъ охотятся они за соболями, выдрами, лисицами и предпринимаютъ путешествія къ сосѣднимъ племенамъ, за пріобрѣтеніемъ драгоцѣнныхъ мѣховъ. Безъ большихъ запасовъ этого мѣноваго товара, который чуть ли не одинъ пользуется значеніемъ въ глазахъ китайцевъ на Сунгари, Гилякамъ было бы не только невыгодно но, въ силу неизбѣжныхъ задобриваній крупными взятками маньчжурскихъ чиновниковъ, просто немыслимо предпринимать столь дальнія путешествія. Но запасы такого рода вообще не легко составляются.

Digitized by Google

Гиляки обыкновенно отправляются за ними по нѣсколько человѣкъ сообща, подъ началомъ одного болѣе опытнаго дѣльца. А то и одинъ изъ болѣе бывалыхъ Гиляковъ предпринимаетъ путешествіе на свой страхъ и приглашаетъ къ себѣ въ помощники нѣсколько молодыхъ, за опредѣленную плату или за извѣстную долю въ барышахъ. Путешествіе на Сунгари нельзя, какъ въ ближайшія окрестности, совершать въ одиночку по зимнему пути, въ саняхъ на собакахъ. Этому между прочимъ препятствуетъ уже самая отдаленность путешествія. Путь Гиляковъ здѣсь, не говоря уже о продолжительности его, кромѣ дружественно расположенныхъ къ нимъ Ольчей, пролегаетъ еще по странѣ Гольдовъ, которые не всегда гостепріимно относятся къ нимъ и къ ихъ собакамъ. А между Уссури и Сунгари путешественникъ ѣдетъ по пустынѣ, гдѣ собаки его легко выбиваются изъ силъ и гибнутъ. Но и при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ одинокій купецъ перевозилъ бы слишкомъ мало товару заразъ, и ему даже не окупался бы его проѣздъ. Лучшій и единственный цѣлесообразный способъ для такого путешествія — это совершать его въ лодкахъ вверхъ по Амуру и Сунгари. Но и тутъ не обойтись безъ нѣсколькихъ рукъ, чтобы лодку, даже и не тяжело нагруженную пушнымъ товаромъ и съѣстными припасами, смотря по обстоятельствамъ, везти на веслахъ или тянуть на бичевой противъ быстраго теченія. Итакъ, путешествія эти обыкновенно совершаются, если и не большими, зато всегда хорошо организованными партіями, съ опытнымъ руководителемъ во главѣ.

Конечная цѣль всѣхъ путешествій Гиляковъ на Сунгари городъ Сан-синъ или, какъ его называютъ амурскіе инородцы, Іча-хотонъ, который лежитъ при впаденіи Хурхи или Мутуан-хо въ Сунгари. Дальше въ страну маньчжуро-китайское правительство ихъ не пускаетъ. Также точно воспрещаетъ оно имъ, какъ и всѣмъ другимъ нижне-амурскимъ инородцамъ, доступъ въ Амуръ поверхъ впаденія въ него Сунгари или въ, такъ называемую, рѣку Сахали. Въ Джангджу, при сліяніи этихъ рѣкъ, находится стоянка маньчжурскихъ чиновниковъ, обязанныхъ строго соблюдать запрещеніе. Здѣсь, слѣдовательно, крайніе западный и южный предѣлы, за которыми прекращается наглядное знакомство Гиляковъ съ Амурско-Сунгарійскимъ краемъ. Города «Кирк-хотонъ» и «Нунгды-хотонъ» (Нингута?), расположенные по Сунгари, выше Іча-хотона, на вышеназванномъ притокѣ его, который Гиляки называютъ «Ула» (на маньчжурскомъ и тунгусскомъ нарѣчіяхъ просто «рѣка»), а также «большой» городъ «Айхо» (Айгунъ) на рѣкѣ Сахали извѣстны Гилякамъ только по наслышкѣ, изъ разсказовъ амурскихъ и сунгарійскихъ китайцевъ, а отчасти можетъ быть и Тунгусовъ и Якутовъ въ Буруканѣ. Если же маньчжуро-китайское правительство допускаетъ Гиляковъ на Сунгари, куда закрытъ доступъ всѣмъ другимъ иноземцамъ, то это доказываетъ, что оно смотритъ на нихъ, какъ на народъ, себѣ подвластный. Но въ ихъ собственной странѣ оно не заявляетъ на нихъ никакихъ правъ, не посылаетъ къ нимъ ни военныхъ агентовъ, ни сборщиковъ податей, и потому сами Гиляки себя считаютъ отъ нихъ независимыми. Такое снисхожденіе маньчжуро-китайскаго правительства въ данномъ случаѣ можетъ быть не больше какъ уловка, во избѣжаніе сопротивленія, противодѣйствіе которому принесло бы больше хлопотъ и издержекъ, чѣмъ пользы. Но оно себя зато воз-

Digitized by Google

награждаетъ, облагая высокимъ налогомъ, пріѣзжающихъ торговать въ Сан-синъ Гиляковъ. И тѣ должны этому подчиняться, если не хотятъ, чтобы надежды ихъ на барышъ разлетались бы прахомъ, и путешествія ихъ оставались бы безплодными. Кромѣ того имъ приходится выносить такое же точно съ собой обращеніе, какому маньчжуро-китайцы подвергаютъ Гольдовъ и другіе народы, находящіеся отъ нихъ въ прямой зависимости. Гиляки должны вести себя съ ними также почтительно, какъ и тѣ. Приближаясь къ маньчжуро-китайцу съ просьбою или привѣтствіемъ они, по собственному свидѣтельству, преклоняютъ передъ нимъ колѣни, хотя это вообще не въ ихъ нравахъ и обычаяхъ. И такъ, являющіеся въ Сан-синь Гиляки, принимаютъ на себя, по отношеніи къ маньчжуро-китайскому правительству личину полной покорности. А правительство довольствуется этимъ и взиманіемъ въ видѣ дани взятокъ, которыя, должно полагать, преспокойно остаются въ карманахъ мѣстныхъ чиновниковъ.

Обращеніе маньчжурскихъ чиновниковъ и китайскихъ купцовъ съ нижне-амурскими инородцами, ежегодно являющимися торговать на Сунгари, въ высшей степени жестоко, грубо, унизительно. Всего хуже приходится смирнымъ и терпѣливымъ Гольдамъ. Согласно Хилковскому[1]) и Барабашу[2]), которые въ 1866 и 1872 годахъ поднимались по Сунгари до Пэ-туне (Бо-дуне), всякій пріѣзжій съ Амура купецъ прежде всего долженъ запастись пропускнымъ листомъ для проѣзда въ Сан-синъ и свидѣтельствомъ для свободной торговли тамъ. И то, и другое выдается ему въ деревнѣ Сусу, гдѣ стоянка маньчжурскаго чиновника. Съ Гольдовъ за такое свидѣтельство взимается значительное количество рыбьяго клея, бѣлужьихъ и осетровыхъ хрящей. Въ Сан-синѣ ихъ ожидаетъ новый налогъ или дань (*албанъ*) въ пользу китайскаго правительства. Съ каждаго торговца берутъ по соболиной шкурѣ лучшаго достоинства, выбирая которую приставленные для того чиновники безпощадно треплютъ и разбрасываютъ весь товаръ. Собственники же товара все время смиренно стоятъ на колѣнахъ, и это длится иногда цѣлый часъ и больше. Дѣло къ тому же, само собой разумѣется, никогда не ограничивается однимъ соболемъ. И все это приходится выносить молча, такъ какъ малѣйшее сопротивленіе безпощадно наказывается ударами бамбуковой трости. Вслѣдъ за чиновниками настаетъ очередь китайскихъ купцовъ. Но эти дѣйствуютъ уже не столько насиліемъ, сколько соблазномъ водкой, которому не можетъ противостоять ни одинъ Тунгусъ. А то китайскіе купцы еще преслѣдуютъ Гольдовъ мнимыми долговыми обязательствами, требуя съ нихъ извѣстнаго количества собольихъ шкуръ въ уплату за долгъ, который будто бы когда то былъ сдѣланъ отцомъ или дѣдомъ того или другого изъ нихъ. Гольды изъ страха наказанія и опасаясь, чтобы чиновники, которые большею частью дѣйствуютъ за одно съ купцами, не лишили ихъ права торговли, безпрекословно все отдаютъ.

---

1) Хилковскій. (Извѣст. Русск. Геогр. Общ., Т. II, 1866, отд. II, стр. 227. См. выдержки въ Petermann's Geograph. Mittheil., 1868, p. 345).

2) Я. Барабашъ. Сунгарійск. Экспед. 1872 г. (Военн. Сборн., 1874, № 3, стр. 141).

Digitized by Google

Кромѣ пушнаго товара, Гиляки, изъ произведеній своей страны, торгуютъ въ Сан-синѣ еще осетровыми и бѣлужьими хребтами, хрящами, клеемъ. Все это они вымѣниваютъ на предметы, потребные отчасти имъ самимъ, отчасти для торговли съ сосѣдними народами. Таковы между прочимъ хлѣбныя произведенія и овощи, составляющія одну изъ принадлежностей медвѣжьихъ празднествъ — пшено, ячмень, просо, бѣлые и желтые бобы; водка, табакъ и связанная съ употребленіемъ ихъ утварь: фарфоровыя чашечки и столь распространенныя повсюду китайскія трубки съ мѣдными, стеклянными, каменными (агатовыми, халцедоновыми) мундштуками; китайскія ткани: бумажныя сѣраго и синяго цвѣта, одинаково употребляемыя для мужской и женской одежды, черныя шерстяныя и бархатныя, пестрыя шелковыя, разноцвѣтныя шелковыя нитки, швейныя иглы, пуговицы; украшенія: серебряныя серьги, кольца, браслеты, бусы, мѣдныя и латунныя фигурки для женскихъ платьевъ и т. п.; наконецъ хозяйственныя принадлежности: большіе и малые котлы, и т. д. Но случается, что масса вымѣненнаго въ Сан-синѣ товара слишкомъ велика и громоздка для перевозки безъ порчи на мелкихъ судахъ, на которыхъ Гиляки передъ тѣмъ совершали трудное плаваніе вверхъ по Амуру и по Сунгари. Тогда они пріобрѣтаютъ болѣе крупное маньчжурское судно гольдскаго издѣлія и на немъ уже легко и быстро плывутъ обратно внизъ по теченію. Въ такихъ случаяхъ Гиляки обыкновенно держатся средины рѣки, гдѣ всего быстрѣе теченіе, и тѣмъ самымъ избѣгаютъ нападеній и новыхъ грабежей со стороны маньчжурскихъ чиновниковъ и китайскихъ купцовъ, постоянныя или временныя стоянки которыхъ еще кое гдѣ продолжаютъ имъ встрѣчаться на пути. Маньчжурскія суда, купленныя Гиляками въ Сан-синѣ, продолжаютъ имъ служить и по возвращеніи оттуда. Они предпринимаютъ на нихъ дальнѣйшія плаванія къ Сизамамъ (японцамъ), къ обозрѣнію торговли которыхъ мы теперь и перейдемъ.

Изъ всѣхъ вышеназванныхъ предметовъ, которые Гиляки вымѣниваютъ у китайцевъ въ Сан-синѣ, первое мѣсто занимаютъ шелковыя пестрыя матеріи, нерѣдко затканныя серебряными и золотыми нитями, съ изображеніемъ драконовъ и другихъ фигуръ. Матеріи эти поступаютъ въ продажу частью цѣлыми штуками, частью уже въ видѣ просторныхъ халатовъ съ широкими рукавами. Главный сбытъ ихъ за предѣлами Амурскаго края — у японцевъ. Такимъ образомъ китайскія ткани являются поводомъ къ прямымъ торговымъ сношеніямъ Гиляковъ съ японцами. Но торговля эта происходитъ не въ самой Японіи, а въ японскихъ поселеніяхъ на Сахалинѣ. О ней упоминается уже въ самыхъ древнихъ показаніяхъ объ этомъ островѣ, дошедшихъ до насъ со стороны японцевъ. Японскій толмачъ Каннемонъ, еще до 1652 года посѣтившій Ессо, уже упоминаетъ объ особаго рода шелковыхъ тканяхъ, которыя получаются на этомъ островѣ съ «Крато» или «Крафто» (Сахалина), вслѣдствіе чего онъ и называетъ ихъ «Крафт-ори»[1]). Еще болѣе опредѣленныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ находимъ мы въ сочиненіи Ринсифé «San kokf tsou ran to sets»,

1) Iesoki, ou Descr. de l'île de Jesso, traduit du japonais par feu M. Titsingh. (Annales des Voyages, publ. par Malte-Brun, T. XXIV, Paris 1814, p. 162, 164).

Digitized by Google

которое появилось въ Іедо въ 1785 или 86 г. Жители Ессо (Мацмая), гласитъ оно, посылаютъ продукты своей страны къ «Маньцю» на Карафуто и вымѣниваютъ ихъ тамъ на голубыя бусы и орлиныя крылья, на трубки для куренія табака, на шелковыя матеріи съ изображеніемъ драконовъ, на бумажныя и льняныя ткани разнаго цвѣта[1]). Здѣсь, безъ сомнѣнія, говорится о торговлѣ маньчжуро-китайцевъ, Гиляковъ и Ольчей на Сахалинѣ отчасти привознымъ, преимущественно китайскимъ товаромъ, отчасти туземными произведеніями Амурскаго края (орлиными хвостами, напримѣръ). Они вели ее съ тамошними Аинами и японцами, а два вышеназванныхъ народа Нижне-Амурскаго края, равно какъ и нѣкоторые Гольды, и по сихъ поръ еще ведутъ ее. Они, правда, не поименованы въ названныхъ показаніяхъ, но, при маломъ знакомствѣ тогда японцевъ съ нижне-амурскими инородцами, этого и ожидать нельзя было. Скорѣй надо предположить, что японцы, подъ общимъ названіемъ «Маньцю», подразумѣвали всѣхъ амурскихъ инородцевъ, пріѣзжавшихъ туда торговать китайско-маньчжурскими товарами. И въ позднѣйшихъ русскихъ показаніяхъ этого рода пріѣзжающіе торговать на Сахалинъ съ японцами Ольчи и Гиляки тоже иногда называются «Маньчжурами»[2]). Однако, ни эти послѣдніе, ни китайскіе купцы, которыхъ русскіе вообще называютъ именемъ маньчжуровъ, нынѣ не посѣщаютъ Сахалина. Но первыя русскія свѣдѣнія объ этой торговлѣ относятся почти къ тому же времени, какъ и показанія японца Ринсифе. Не далѣе какъ въ 1792 году, Адамъ Лаксманъ слышалъ отъ японцевъ на Ессо разсказы о «Сандапскихъ Аинахъ», которые привозятъ на «Карапъ» (Крафто, Сахалинъ) бусы и ткани и вымѣниваютъ ихъ тамъ на звѣриныя, собольи и лисьи шкуры[3]). Подъ именемъ «людей изъ Сандана», онъ, правда, подразумѣвалъ Корейцевъ, но такъ какъ японцы и Аины, какъ сказано выше, вообще примѣняютъ названіе «Сантана» къ Нижне-Амурскому краю, то не подлежитъ сомнѣнію, что дѣло тутъ идетъ о Гилякахъ, Ольчахъ и Гольдахъ, которые посѣщаютъ Сахалинъ съ торговыми цѣлями.

Центръ торговли Гиляковъ съ японцами — въ главномъ поселеніи послѣднихъ, на юго-западной оконечности острова — въ Сирануси. Тутъ, значитъ, крайняя цѣль путешествій Гиляковъ къ «Сизамамъ» для торговли не только съ японцами, но и съ Аинами. Путешествія совершаются и лѣтомъ, и зимой, въ лодкахъ и въ саняхъ. Въ морское плаваніе Гиляки пускаются то на пріобрѣтаемыхъ въ Сунгари маньчжурскихъ судахъ, то на своихъ вышеупомянутыхъ лодкахъ, къ борту которыхъ только съ обѣихъ сторонъ, для защиты отъ крупныхъ валовъ, прикрѣпляютъ еще по лишней доскѣ. Но туземныя лодки Гиляковъ не имѣютъ киля и, принимая въ соображеніе такое строеніе своихъ судовъ, они тщательно избѣгаютъ открытаго моря. Переплывъ не иначе, какъ при тихой погодѣ, про-

---

1) Klaproth, San kokf tsou ran to sets, ou Aperçu général des trois royaumes, Paris. 1832, p. 190. Ср. также Ritter, Asien, Bd. III, p. 487.

2) Такъ, напримѣръ, у Рудановскаго (ср. И. Тихменевъ, Истор. обозр. образованія Россійско-америк. Компаніи и дѣйств. ея до настоящ. врем., Ч. II, С.-Петербургъ. 1863, стр. 127), Буссе (Островъ Сахалинъ и Экспед. 1853 г., С.-Петерб. 1872, стр. 62, 72, 85), и т. д.

3) Ср. Полонскій, Курилы (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., по отд. Этногр., Т. IV, стр. 493, 541).

Digitized by Google

ливъ Маміа Ринсо, въ самомъ узкомъ его мѣстѣ между мысомъ Лазарева (по гил. *Пилянктхы*, т. е. Большой мысъ, на нарѣчіи Ольчей *Вазфунъ*) и Погоби, гдѣ онъ имѣетъ всего 4 морскихъ мили ширины, они достигаютъ западнаго берега Сахалина. Затѣмъ Гиляки все время стараются какъ можно ближе держаться послѣдняго. Но берегъ этотъ мѣстами, особенно къ югу отъ Дуи и до Пиля-во, крутъ и скалистъ, и потому тоже представляетъ не мало опасностей. Во избѣжаніи ихъ, Гиляки и здѣсь пользуются для своего плаванія только тихой погодой или легкимъ вѣтромъ. Плаваніе ихъ такимъ образомъ всегда затягивается на довольно долгое время, тѣмъ болѣе, что не желая обременять свои суда, они берутъ съ собой лишь мало съѣстныхъ припасовъ и для продовольствія своего во время пути полагаются исключительно на рыболовныя сѣти[1]). При благопріятныхъ условіяхъ имъ однако удается худшую часть пути отъ Дуи до Кусуная совершать нерѣдко въ 4 — 5 дней. Но зимнее путешествіе къ Сизамамъ въ саняхъ на собакахъ вдоль этого скалистаго берега представляетъ еще больше трудностей. Море тамъ не всегда замерзаетъ, а когда и застываетъ по краямъ, то часто не выдерживаетъ напора волнъ. Сильный вѣтеръ ломаетъ ледъ и разноситъ его по сторонамъ. Путешественники тогда продолжаютъ путь по сушѣ, а такъ какъ мѣстность въ этой части Сахалина гористая, то имъ приходится дѣлать большіе обходы. Покинувъ въ Аркаи близъ Дуи морской берегъ, они, по невысокимъ переваламъ, пробираются къ истокамъ рѣки Тымы. Отсюда они направляются къ Плыю или Поронаю и, слѣдуя внизъ по его теченію, достигаютъ залива Терпѣнія, гдѣ встрѣчаютъ поселенія изъ представителей всѣхъ трехъ народностей, населяющихъ Сахалинъ, Гиляковъ, Ороковъ и Аиновъ. Дальше путь ихъ лежитъ вдоль восточнаго берега острова до Мануэ, гдѣ черезъ невысокій и удобный перевалъ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ Сахалина, они снова перебираются на западный берегъ у Кусуная и наконецъ достигаютъ Сирануси[2]).

Предпринимая путешествія къ Сизамамъ, Гиляки, какъ уже сказано, не съ ними одними ведутъ торговлю, но и съ Аинами также. Предметъ ея тѣ же звѣриныя шкуры, за которыя Гиляки платятъ тѣми же бумажными тканями, табакомъ, трубками, бусами и другимъ товаромъ маньчжуро-китайскаго происхожденія. Торговля производится и на восточномъ, и на западномъ берегу Сахалина, повсюду, гдѣ Гиляки сталкиваются съ Аинами. Но центръ ея въ деревнѣ Найоро близъ Кусуная, куда Аины стекаются даже издалека, напримѣръ, съ залива Анивы и пр.[3]). Японцы неблагопріятно смотрятъ на эту торговлю и всячески стараются препятствовать ей. Они хотѣли бы удержать за собой весь пушной товаръ Аиновъ, но, торгуя съ ними, жестоко притѣсняютъ ихъ. Угрозами и вымогательствами они заставляютъ туземцевъ очень дешево уступать себѣ желаемый товаръ, а то и совсѣмъ даромъ забираютъ его подъ предлогомъ мнимыхъ долговъ[4]). Поэтому Аины вездѣ, гдѣ только могутъ, уклоняются отъ торговли съ японцами и скрываютъ отъ тѣхъ

1) Fr. Schmidt, Histor. Ber. etc., l. c., p. 54.
2) Fr. Schmidt, Histor. Ber. etc. l. c., p. 110.
3) Буссе, l. c., p. 84. Шмидтъ, l. c., p. 92.
4) Буссе, l. c., p. 71.

Digitized by Google

свои запасы звѣриныхъ шкуръ, которыя стараются сбывать Сахалинскимъ Гилякамъ, а еще того лучше Гилякамъ, пріѣзжимъ съ Амура, и Ольчамъ. И тѣ, и другіе платятъ имъ за соболью шкуру, смотря по добротѣ, отъ 2 до 3 саженей китайской бумажной матеріи и столько же за каждую четверть аршина (пядь) шкуры рѣчной выдры. Итакъ, если послѣдняя имѣетъ $^5/_4$ длины, что легко достигается при неизбѣжномъ вытягиваніи шкуры при дубленіи, то она оплачивается 10 саженями вышеназванной матеріи[1]). Цѣны, здѣсь установленныя Гиляками на пушной товаръ, почти тѣ же, что и въ ихъ краѣ.

Прибывъ въ Сирануси, гиляцкіе купцы прежде всего подвергаются церемоніи, нарочно для нихъ устаонвленной Сизамами. Каждый получаетъ, въ знакъ подвластности, два, три удара палкою по спинѣ изъ рукъ главнаго японскаго чиновника. Затѣмъ у нихъ отбираютъ товаръ и препровождаютъ для осмотра въ назначенное для того зданіе, недоступное постороннимъ лицамъ[2]). Должно полагать, что часть товара, и конечно лучшаго, оттуда уже не возвращается обратно къ хозяевамъ. Впрочемъ японцы не позволяютъ себѣ такъ дерзко грабить пріѣзжихъ Гиляковъ и Ольчей какъ Аиновъ. Черезчуръ грубымъ насиліемъ они боятся отвадить ихъ отъ посѣщенія своей страны и такимъ образомъ лишиться привознаго товара, который составляетъ предметъ ихъ пламенныхъ желаній. Торговля съ Гиляками во всякомъ случаѣ представляетъ для нихъ большія выгоды. Они сбываютъ имъ звѣриныя шкуры (соболей, лисицъ и рѣчныхъ выдръ), которыя, путемъ вымогательства пріобрѣтаютъ у Аиновъ, на Сахалинѣ и Ессо, въ большомъ количествѣ и почти даромъ. Въ собственномъ же ихъ отечествѣ пушной товаръ, благодаря извѣстному отвращенію японцевъ ко всякому мѣху, не пользуется никакимъ уваженіемъ. Не малый доходъ доставляетъ имъ еще пристрастіе Гиляковъ къ японскимъ котламъ съ ручками. Наконецъ рисъ, табакъ, саки, фарфоровая и деревянная лакированная посуда въ свою очередь являются предметами выгодной мѣновой торговли японцевъ съ Гиляками. Послѣдніе съ своей стороны снабжаютъ ихъ пестрыми, красными и голубыми шелковыми тканями и орлиными хвостами. Высокая цѣна, которую японцы платятъ за эти предметы, достаточно показываетъ ихъ склонность къ нимъ. По свидѣтельству Гиляка Позвейна изъ Куля, японцы за кусокъ шелковой матеріи, въ аршинъ ширины и въ семь саженей длины, даютъ 5 шкуръ рѣчной выдры и по столько же собольихъ и лисьихъ; за хвостъ *Haliaëtos pelagicus* 12 шкуръ рѣчной выдры, а за хвостъ гораздо менѣе цѣннаго *Hal. albicilla* рису по желанію. Фуругьельмъ, который въ то время былъ главнымъ управляющимъ конторъ и складовъ Россійско-американской компаніи въ Аянѣ, Николаевскомъ и Муравьевскомъ постахъ, въ своихъ показаніяхъ доводитъ общую сумму звѣриныхъ шкуръ, ежегодно пріобрѣтаемыхъ въ Сирануси пріѣзжими туда съ низовьевъ Амура купцами, до

---

1) Буссе, l. c., p. 84.

2) Согласно Рудановскому, см. Историч. обозр. образов. Россійско-америк. Компаніи, Тихменева. Ч. II, стр. 127. Въ этомъ сочиненіи, между прочимъ, названіе Сирануси неправильно произносится «Сиракуси».

Digitized by Google

2400 для шкуръ рѣчной выдры, до 1300 для собольихъ и до 640 для лисьихъ[1]). Пушныя богатства, которыя Гиляки и Ольчи привозятъ отъ Сизамовъ въ свое отечество, въ свою очередь служатъ имъ предметомъ мѣновой торговли съ китайцами на Амурѣ и преимущественно на Сунгари. Такимъ образомъ они существенно содѣйствуютъ оживленію общей торговой дѣятельности Нижне-Амурскаго края.

Пребываніе Гиляковъ и Ольчей у Сизамовъ на Сахалинѣ иногда затягивается на довольно продолжительное время. Прибывъ туда лѣтомъ, многіе возвращаются къ себѣ уже по зимнему пути на собакахъ черезъ Кусунай, Мануэ, вдоль Пороная и источниковъ рѣки Тымы. Иные, зазимовавъ у Сизамовъ, пускаются въ обратный путь только съ наступленіемъ слѣдующей весны или лѣта и совершаютъ его опять въ лодкахъ вдоль западнаго берега Сахалина. По дорогѣ они еще продолжаютъ, гдѣ можно, торговать съ Аинами и, по свидѣтельству Шмидта[2]), особенно стараются ловить медвѣжатъ, которыхъ потомъ воспитываютъ у себя дома.

Сирануси послѣднее мѣстечко на Сахалинѣ, куда проникаютъ торгующіе съ Сизамами нижне-амурскіе купцы. Имъ, между прочимъ, запрещенъ доступъ и въ Кусункотанъ на заливѣ Анива. Если на западѣ у китайцевъ Сан-синъ является крайнимъ предѣломъ наглядно знакомаго Гилякамъ міра, по направленію къ югу, то здѣсь на востокѣ, въ Японіи, такой предѣлъ составляетъ Сирануси. О настоящемъ же отечествѣ Сизамовъ имъ извѣстно только, что это небольшая земля, которую «маленькое море» (*мач-хэржкъ*) отдѣляетъ отъ Сахалина (*Лэр-міфъ*). Позже, съ занятіемъ Амурскаго края русскими, японцы перестали допускать пріѣзжихъ оттуда купцовъ и въ Сирануси, и въ Эндунгомо — второе по величинѣ японское поселеніе на западномъ берегу Сахалина. Одновременно они пытались распространить свою колонизацію и дальше на сѣверъ острова, въ надеждѣ положить предѣлы возраставшему могуществу русскихъ и сохранить за собой преобладаніе надъ Аинами съ правомъ попрежнему ихъ притѣснять и грабить. Гиляцкимъ купцамъ уже въ 1859 году былъ закрытъ доступъ въ Сирануси, а въ слѣдующемъ году явившіеся торговать на Сахалинъ Ольчи не были допущены и въ Эндунгомо. Часть ихъ осталась въ Кусунаѣ, другая перебралась на восточный берегъ острова въ Тарайку[3]). Запретъ этотъ между прочимъ коснулся и Гиляка Юдина изъ Тебаха, хотя онъ передъ тѣмъ уже неоднократно посѣщалъ Сирануси и былъ тамъ хорошо извѣстенъ. Благодаря знанію аинскаго языка, которому онъ научился у своей матери, Аинки, его даже не разъ употребляли въ качествѣ переводчика. Но все это, какъ и позднѣйшія перемѣны, происшедшія въ торговлѣ Амурскаго края послѣ занятія его русскими, уже выходятъ изъ рамокъ настоящаго обозрѣнія.

Въ итогѣ мы видимъ, что Гиляки — народъ въ высшей степени промышленный и

---

1) Тихменевъ. Истор. обозр. образов. Россійско-америк. Компаніи, Ч. II, стр. 128.

2) Histor. Ber. etc., l. c., p. 54.

3) Брылкинъ, Письма съ Сахалина. (Зап. Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., Кн. VII, стр. 22, 26) и Schmidt, Hist. Ber. etc., l. c., p. 107 и 108.

Digitized by Google

вполнѣ преданный интересамъ торговли. Плохіе охотники, они, правда, не могутъ собственной охотою добывать средства, которыя давали бы имъ возможность вести торговлю въ широкихъ размѣрахъ съ двумя культурными народами. Но этотъ пробѣлъ въ своей дѣятельности они съ избыткомъ пополняютъ неутомительностью и послѣдовательностью въ торговлѣ съ болѣе ловкими въ охотничьемъ промыслѣ сосѣдями. Заручившись достаточнымъ количествомъ товара, они, несмотря на первобытный способъ своего передвиженія, предпринимаютъ дальнія поѣздки къ берегамъ Сунгари и на югъ Сахалина — къ «Маньчжурамъ» и къ «Сизамамъ». Содѣйствуя такимъ образомъ обмѣну произведеній одной страны съ продуктами другой, Гиляки и являются торговыми посредниками между двумя главными культурными народами на востокѣ Азіи, т. е. между китайцами и японцами. Эта сторона торговой дѣятельности Гиляковъ невольно наводитъ на сравненіе ихъ съ другимъ палэазіатскимъ народомъ — Чукчами. Тоже плохіе охотники, но въ высшей степени одаренные торговой предпріимчивостью, Чукчи вдоль и поперегъ изрѣзываютъ сѣверные тундры, перебираются черезъ Беринговъ проливъ и пріобрѣтаютъ у Эскимосовъ шкуры пушныхъ звѣрей, за которыми тѣ охотятся на берегахъ Юконы. Взамѣнъ они предлагаютъ имъ товаръ русско-сибирскаго происхожденія, а возвратясь на Анюй опять скупаютъ послѣдній, платя за него пушнымъ товаромъ, вывезеннымъ отъ Эскимосовъ. Такимъ образомъ они на крайнемъ сѣверѣ являются торговыми посредниками между Европой, Азіей и Америкой [1]). Ни одни изъ сибирскихъ инородцевъ не могутъ, что касается торговой дѣятельности, идти въ сравненіе съ двумя вышеназванными палэазіатскими народами. Ольчи, правда, тоже отличаются большой предпріимчивостью въ торговыхъ дѣлахъ, но развитіе ихъ въ этомъ отношеніи, какъ мы сейчасъ увидимъ, состоялось исключительно подъ вліяніемъ Гиляковъ.

Самую обширную торговлю въ Нижне-Амурскомъ краѣ послѣ Гиляковъ ведутъ **Ольчи,** пользуясь тѣми же средствами и отчасти тѣми же путями сообщенія. Болѣе предпріимчивые, чѣмъ Гиляки, охотники, они однако, какъ и тѣ, не довольствуются для своей торговли продуктами собственной охоты, но ищутъ существеннаго дополненія къ ней на сторонѣ у сосѣднихъ охотничьихъ народовъ. Кругъ ихъ дѣятельности въ этомъ отношеніи однако иной, чѣмъ у Гиляковъ. Самагирскія поселенія на озерѣ Удылѣ единственные центры, гдѣ и Гиляки, и Ольчи торгуютъ совмѣстно. Но помимо этого, кромѣ торговли съ Негидальцами, вся посредническая дѣятельность первыхъ, какъ мы видѣли, устремлена на сѣверъ и востокъ къ Охотскимъ и Сахалинскимъ Гилякамъ, къ Орокамъ и къ Аинамъ. Посредничество Ольчей, напротивъ, распространяется на югъ, въ страну примор-

1) О торговлѣ Чукчей см. соотвѣтственныя и весьма обстоятельныя сообщенія Матюшкина (въ Wrangell's Reisebeschreibung, russ. Ausgabe, Bd. I. p. 331 ff.), Дитмара (Bull. de la cl. hist.-philol. de l'Acad. Imp. des sc. de St.-Pétersb., T. XIII, 1856, p. 129 ff.; Mél. russes, T. III, p. 39 ff.) и др.

Digitized by Google

скихъ Орочей и по устьямъ впадающихъ тамъ рѣкъ. На первый взглядъ кажется страннымъ, почему эта сфера дѣятельности Ольчей не направлена и на одноплеменныхъ съ ними Ороковъ. Но страна послѣднихъ уже по географическому положенію своему на сѣверо-востокѣ Сахалина всецѣло подлежитъ вліянію чуждыхъ имъ по языку Гиляковъ — и это не только въ торговомъ, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ.

Сношенія Ольчей съ Орочами тоже главнымъ образомъ обусловливаются естественными путями сообщенія, которыя, пролегая между ихъ странами, благопріятствуютъ такому порядку вещей. Съ залива де-Кастри, гдѣ находится единственное приморское мѣстечко Ольчей, они, слѣдуя на югъ вдоль берега, населеннаго приморскими Орочами, достигаютъ тамъ же расположенныхъ китайскихъ поселеній на материкѣ. Посѣтившій ту страну въ маѣ 1855 г. Дитмаръ встрѣтилъ партію Ольчей, которые на легкихъ судахъ, одного типа съ гиляцкими, возвращались домой изъ такого путешествія [1]). Кратчайшій естественный путь изъ центра страны Ольчей, съ Амура къ морю, ведетъ къ заливу Таба, на сѣверъ отъ залива де-Кастри. Путь этотъ пролегаетъ черезъ озеро Кидзи, на востокъ отъ Амура, и слѣдуетъ вдоль рѣчки Таба, которая впадаетъ въ это озеро съ сѣверо-востока и только узкой, отчасти болотистой полосой земли отдѣляется отъ залива Таба. Изъ рѣчки этого имени суда перетаскиваются въ море по рядамъ поперечно расположенныхъ бревенъ, которыя здѣсь настланы съ давнихъ временъ должно быть самими же Ольчами. Путемъ этимъ прибыли съ Амура на заливъ де-Кастри и тѣ «Бичи» (Гольды съ рѣки Бичи), изъ разсказовъ которыхъ Лаперузъ вывелъ невѣрное заключеніе, будто Сахалинъ у сѣвернаго конца Татарскаго пролива соединенъ съ материкомъ песчаными отмелями, выступающими во время отлива. Тѣмъ же путемъ въ 1809 г. пробирался съ Крафто (Сахалина) въ Сантанъ или Нижне-Амурскій край и Мамія Ринсо [2]). Но зимнія сношенія Ольчей съ Орочами происходятъ главнымъ образомъ посредствомъ болѣе обширной рѣки Тумджи. Этотъ путь они совершаютъ въ саняхъ или на лыжахъ, влача за собой сани съ собаками. Минуя горные перевалы у Пэ, Яи, Міэты, Хеласо, они по ледянсму покрову Тумджи достигаютъ ея устья близъ Императорской гавани.

Изъ вышесказаннаго видно, что пространство, на которомъ Ольчи подвизаются въ своей торгово-посреднической дѣятельности, довольно обширно, но все же не такъ широко раскидывается, какъ у Гиляковъ, и во всякомъ случаѣ представляетъ гораздо менѣе благодарную почву. Послѣднее обусловливается тѣмъ, что не одни Ольчи состоятъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ Орочами и пользуются звѣриными богатствами ихъ страны, но и Гольды также, которые даже находятся въ болѣе благопріятныхъ для того географическихъ условіяхъ. Живя по берегамъ Хонгара, Найхе, Мунаму и другихъ правыхъ притоковъ Уссури, они являются непосредственными сосѣдями Орочей и, хотя и отстоятъ

1) K. v. Ditmar, Reisen u. Aufenthalt in Kamtschatka in den J. 1854—1855, I. Theil. (Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reiches, 3. Folge, Bd. VII, p. 818).

2) Tô-tats kiko (Siebold, Nippon VII, p. 171).

Digitized by Google

дальше отъ вышеупомянутаго морского пути, тѣмъ не менѣе имѣютъ въ этихъ рѣкахъ болѣе или менѣе удобные пути сообщенія съ морскимъ берегомъ.

Пушной товаръ, который Ольчи пріобрѣтаютъ вышеуказанными путями, служитъ имъ, какъ и Гиляк амъ, предметомъ мѣновой торговли съ китайцами. Но они гораздо меньше, чѣмъ Гиляки, извлекаютъ изъ этой торговли выгодъ, уже потому, что, во избѣжаніе далекаго и труднаго путешествія на Сунгари, сбываютъ свой товаръ мелкимъ китайскимъ торговцамъ, которые посѣщая Пуль, Монголе, Кидзи, Ади и другія мѣстности въ ихъ странѣ, болѣе или менѣе долго тамъ остаются. Эти послѣдніе, хотя и не самостоятельно торгуютъ, а только служатъ посредниками между туземцами и крупными китайскими купцами, тѣмъ не менѣе отлично умѣютъ соблюдать свои личные интересы. Ольчамъ не хватило, какъ Гилякамъ, мужества и энергіи закрыть доступъ въ свою страну этимъ хищнымъ дѣльцамъ. Однако нельзя сказать, чтобы они вполнѣ находились въ ихъ рукахъ, какъ напримѣръ Гольды или Орочи (Тацзы) на югѣ своей страны. Ольчи стараются, гдѣ могутъ, ихъ избѣгать и лично вести свои дѣла съ китайцами на Сунгари.

Что касается путешествій Ольчей на Сунгари, то о нихъ можно только повторить уже сказанное выше о Гилякахъ. Они совершаютъ ихъ тѣми же способами и съ тѣми же цѣлями, имѣя главнымъ образомъ въ виду пріобрѣтеніе китайскихъ шелковыхъ тканей для дальнѣйшей торговли съ японцами на Сахалинѣ. Путь ихъ къ послѣднимъ тоже черезъ озеро Кидзи и рѣчку Таба. Торговая дѣятельность Ольчей на островѣ та же, что и Гиляковъ среди Сизамовъ, и потому распространяться о ней здѣсь было бы излишне.

Хотя Ольчи въ своей торговой дѣятельности вообще далеко уступаютъ Гилякамъ, тѣмъ не менѣе они ведутъ торговлю въ столь широкихъ размѣрахъ и такъ успѣшно, что ее, во всякомъ случаѣ, нельзя не признать замѣчательною, особенно въ силу ея посредническаго характера между двумя культурными народами. Это тѣмъ больше заслуживаетъ вниманія, что Ольчи чисто тунгусскаго происхожденія, слѣдовательно принадлежатъ къ племени, которое повсемѣстно отличается легкомысліемъ, пристрастіемъ къ кочевой охотничьей жизни и нигдѣ, даже въ слабой степени, не обнаруживаетъ спеціально промышленнаго духа. Но не слѣдуетъ забывать, что Ольчи, съ давнихъ поръ живя бокъ о бокъ съ Гиляками, успѣли, благодаря своему продолжительному соприкосновенію и смѣшенію съ ними, вполнѣ усвоить себѣ нравы, обычаи, весь складъ жизни своихъ сосѣдей. Слѣдовательно, и широкое развитіе въ нихъ промышленнаго духа, и ихъ оживленная торговая дѣятельность должны быть тоже исключительно приписаны воздѣйствію на нихъ Гиляковъ.

Вліяніе Гиляковъ въ данномъ случаѣ распространяется и дальше вверхъ по Амуру, гдѣ отъ Ольчей перешло на **Гольдовъ**, хотя и коснулось ихъ гораздо слабѣе. Мы уже говорили выше о торговыхъ сношеніяхъ послѣднихъ съ приморскими Орочами, съ китайцами на Сунгари и даже съ японцами на Сахалинѣ. Но торговую дѣятельность Гольдовъ вообще сильно стѣсняетъ зависимость ихъ отъ маньчжуро-китайцевъ. Гольды, благодаря притѣсненіямъ и грабительству маньчжурскихъ чиновниковъ и китайскихъ купцовъ, крайне не обезпечены въ своемъ имуществѣ. Это естественно притупляетъ въ нихъ энергію

Digitized by Google

и вкусъ къ пріобрѣтенію, и они, какъ и всѣ тунгусскія племена, вообще мало способныя къ сопротивленію, все больше и больше отдаются лѣни и апатіи. Это становится все очевиднѣе по мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ Сунгари, которая представляется исходной точкой маньчжуро-китайскаго владычества въ Нижне-Амурскомъ краѣ. Итакъ, хотя главный рынокъ для торговли нижне-амурскихъ инородцевъ именно на рѣкѣ Сунгари, тѣмъ не менѣе торговая дѣятельность ихъ все больше и больше оживляется по мѣрѣ удаленія ихъ отъ этого рынка — то есть съ постепеннымъ ослабленіемъ въ этомъ направленіи маньчжуро-китайскаго владычества — и наконецъ она достигаетъ высшей степени своего развитія у Гиляковъ, самыхъ независимыхъ и самостоятельныхъ изъ этихъ инородцевъ.

Въ такомъ положеніи находилась торговля въ Нижне-Амурскомъ краѣ во время моего пребыванія тамъ. Но стоитъ намъ заглянуть въ прошлое, всего за полвѣка тому назадъ, и мы увидимъ нѣчто иное. Весьма интересно провести паралель между этимъ прошлымъ и моими личными наблюденіями, тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ передъ нами между прочимъ раскроется и страничка изъ исторіи Нижне-Амурскаго края и его народовъ въ ближайшее къ намъ время. Матеріалъ для этого мы находимъ у Мамія Ринсо въ его показаніяхъ о Нижне-Амурскомъ краѣ, относящихся къ 1808 — 1809 годамъ. Мы уже говорили выше, что путешествіе его туда состоялось по порученію японскаго правительства. Опасаясь повторенія разгрома русскими японскихъ поселеній на Анивскомъ заливѣ въ 1807 г. желало оно точнѣе изслѣдовать положеніе вещей на Сахалинѣ и на Амурѣ, съ цѣлью поближе ознакомиться съ позиціей, занятой тамъ русскими. Еще не покидая острова, Мамія Ринсо узналъ, что на противоположной сторонѣ материка неподалеку отъ берега лежитъ весьма посѣщаемый торговый центръ — Деренъ [1]). Туда и направился онъ. Пользуясь путемъ, о которомъ говорено выше, онъ черезъ озеро Кидзи достигъ деревни того же имени, поплылъ вверхъ по теченію Амура и три дня спустя, 10 Августа, прибылъ въ Деренъ. Сначала его, какъ иноземца, встрѣтили недружелюбно, но потомъ маньчжурскіе чиновники, а по ихъ почину и всѣ остальные стали оказывать ему почетъ. Мамія Ринсо пробылъ въ Деренѣ не менѣе семи дней и подробно описалъ самое мѣстечко и тамошніе нравы [2]). Приведемъ здѣсь нѣкоторыя наиболѣе интересныя черты изъ его описанія. Деренъ лежалъ на правомъ берегу Амура на равнинѣ, которая вдали терялась среди густаго кустарника. Мѣсто для рынка имѣло видъ обширнаго четвероугольника, обнесеннаго двойнымъ частоколомъ. По сторонамъ и въ глубинѣ тянулись торговыя помѣщенія. Пространство по серединѣ, за такимъ же частоколомъ, съ однѣми воротами, вмѣщало караульню, и тамъ же

---

1) Mamia Rinsô, Tô-tats kiko (Siebold, Nippon, VII, p. 169).

2) L. c., p. 173—176.

Digitized by Google

хранились товары и подарки, которыми взаимно обмѣнивались маньчжурскіе чиновники и пріѣзжіе купцы. Чиновники не постоянно жили въ Деренѣ, но пріѣзжали туда только лѣтомъ на время торговли изъ «Итсьо-фотто». Послѣдній, по мнѣнію Маміа Ринсо, находился всего въ нѣсколькихъ «ри» отъ Дерена, вверхъ по Амуру, но мы въ немъ безъ труда узнаемъ Ича-хотонъ, т. е. Сан-синъ [1]). Чиновниковъ этихъ Маміа Ринсо раздѣляетъ на три класса. Въ первомъ, высшемъ, онъ насчитываетъ всего трехъ: на нихъ платье изъ камки или атласа и шляпа изъ «ротинга» (соломы) съ мѣдной шишкой и ниспадающей шелковой кистью. Ко второму онъ относитъ человѣкъ 50 — 60, одѣтыхъ въ выбойку. Третій заключаетъ ихъ столько, что Маміа Ринсо не находитъ возможнымъ опредѣлить ихъ числа, тѣмъ болѣе, что они одѣты также точно какъ «Сантаны» (Ольчи и Гиляки) и «Кордекке» (Гольды). Изъ этихъ нижнихъ «чиновниковъ», очевидно простыхъ полицейскихъ служителей, сторожей, и т. д., нѣкоторые и на ночь оставались въ караульнѣ. Высшіе же являлись туда только поутру и съ закрытіемъ торговли уходили на ночлегъ домой, то есть, на свои вытащенныя на берегъ лодки, которыя съ этой цѣлью всѣ имѣли на кормѣ или по навѣсу изъ древесной коры, или по каюткѣ изъ досокъ. Многочисленные пріѣзжіе купцы (изъ инородцевъ) жили, какъ и самъ Маміа Ринсо, въ шалашахъ изъ древесной коры, тоже расположенныхъ по берегу рѣки передъ рынкомъ. Обычай предписывалъ, чтобы каждый вновь прибывшій купецъ дважды являлся въ караульню къ маньчжурскимъ чиновникамъ — сначала на поклонъ, потомъ для поднесенія подарковъ. Въ первомъ случаѣ онъ съ непокрытой головой трижды преклонялся (вѣроятно, опускаясь на колѣни) передъ маньчжурскими чиновниками, а его, въ видѣ привѣтствія, угощали водкой [2]), рисомъ и пшеномъ. При вторичной явкѣ онъ подносилъ чиновникамъ «подарки», преимущественно изъ собольихъ шкуръ и получалъ взамѣнъ шелковую матерію, а гребцы съ его лодки выбойчатку. На этотъ разъ купецъ, тоже съ обнаженной головой, трижды преклонялся передъ маньчжурскими чиновниками и затѣмъ уже садился передъ ними на полу, между тѣмъ какъ они помѣщались на стульяхъ (должно полагать на высокихъ скамейкахъ). Всѣ эти предписанія распространялись только на иноземныхъ купцовъ. Китайцы [3]) же не подвергались никакимъ стѣсненіямъ и свободно могли торговать безъ предварительной явки у высшихъ чиновниковъ. Безъ сомнѣнія и «подарки», взимаемые только съ иноземцевъ (туземныхъ жителей Амурскаго края), были не иное что, какъ дань за право торговли. По исполненіи этихъ требованій они уже свободно вели свои дѣла. При многочисленномъ стеченіи покупателей и продавцовъ, говоритъ путешественникъ, на рынкѣ ежедневно «царила невообразимая сумятица; ругань и воровство обычныя тамъ явленія; по временамъ, правда, ударяютъ въ колоколъ (должно быть въ гонгъ), призывая къ порядку, но съ малымъ успѣхомъ, и толкотня и давка продолжаются до глубокой ночи». При всемъ томъ однако, какъ

1) Маміа Ринсо между прочимъ присутствовалъ при отъѣздѣ изъ Дерена туда, «въ Сансей», одного изъ маньчжурскихъ чиновниковъ.

2) Японецъ называетъ ее по своему «саки».

3) Маміа Ринсо называетъ ихъ, какъ и чиновниковъ, маньчжурами.

Digitized by Google

только дѣло касалось старинныхъ обычаевъ и правительственныхъ постановленій — соблюденіе ихъ строго требовалось и неукоснительно исполнялось. На глазахъ у Маміа Ринсо одинъ изъ высшихъ чиновниковъ осыпалъ палочными ударами иноземца, который не хотѣлъ подчиниться обычнымъ требованіямъ. Но послѣ наказанія и принесенія повинной этотъ самый иноземецъ попрежнему безпрепятственно продолжалъ свою торговлю. Пріѣзжіе купцы преимущественно торговали звѣриными шкурами. Они въ свертках носили ихъ подъ мышкою и предлагали желающимъ за водку, табакъ, матеріи, желѣзо, и т. д.

Итакъ мы видимъ, что въ то время на нижнемъ Амурѣ, всего на разстояніи трехдневнаго пути отъ Кидзи, существовалъ торговый центръ, куда ежегодно стекались лѣтомъ китайскіе купцы и множество нижне-амурскихъ инородцевъ для дѣятельной торговли подъ надзоромъ и администраціей маньчжурскихъ чиновниковъ, которые для того нарочно присылались изъ Сан-сина. Въ Деренѣ почти все происходило такъ же какъ теперь въ Сан-синѣ: маньчжурскіе чиновники и тамъ, какъ здѣсь, подвергали униженіямъ пріѣзжихъ туземцевъ, облагали ихъ данями, притѣсняли, и т. д.

Мѣстоположеніе Дерена можетъ быть съ точностью опредѣлено — хотя отъ караульни, о которой упоминаетъ Маміа Ринсо, въ настоящее время нѣтъ и слѣдовъ. Этотъ нѣкогда оживленный центръ лежалъ на слегка возвышенной плоскости на правомъ берегу Амура, гдѣ нынѣ находится деревня Дыра, которая состоитъ всего изъ двухъ юртъ, расположенныхъ на разстояніи версты одна отъ другой. Я не разъ посѣщалъ ее и лѣтомъ, и зимой. Одна изъ юртъ лежитъ на низменности въ глубинѣ бухты, другая немного выше по рѣкѣ, на слегка приподнятомъ берегу, по сосѣдству съ небольшимъ мысомъ. Хотя мѣстечко это еще въ предѣлахъ страны Ольчей, обѣ юрты однако принадлежали Гольдамъ. Хозяева обѣихъ называли мѣсто своего жительства Дырою, очевидно распространяя это названіе и на всю окружность [1]), т. е. на весь тотъ берегъ съ прилегающей къ нему равниной. Въ пользу того, что бывшій Деренъ находился именно здѣсь, отчасти свидѣтельствуетъ уже и сходство въ тогдашнемъ и нынѣшнемъ прозвищѣ мѣстности. Общій видъ страны къ тому же и разстояніе между Кидзи и нынѣшней Дырою вполнѣ согласны съ показаніями Маміа Ринсо о Деренѣ. Кромѣ того, всѣ мѣстечки, упоминаемыя японскимъ путешественникомъ на его пути между Кидзи и Дереномъ, какъ-то: «Сай, Хорупе, Куворе, Уругѣ», вполнѣ соотвѣтствуютъ нынѣ существующимъ и слѣдующимъ въ томъ же порядкѣ деревнямъ Ольчей: Джаи, Борби [2]), Кувты и Ырри.

Но тамъ, гдѣ полвѣка тому назадъ кипѣла дѣятельная торговля, гдѣ «въ смѣшанной толпѣ» маньчжуровъ, китайцевъ и многочисленныхъ туземцевъ «царила невообразимая сумятица», гдѣ маньчжурскіе чиновники звонкими ударами въ колоколъ призывали къ порядку — нынѣ, простирается пустынная, покрытая травою равнина всего съ двумя убогими юртами

1) Мой проводникъ, тоже изъ Гольдовъ, однако называлъ выше расположенную юрту еще Монгломай, вѣроятно въ отличіе ея отъ другой.

2) Мѣстоположеніе этой деревни японскій путешественникъ (l. c. p. 172) совершенно справедливо называетъ скалистымъ.

Digitized by Google

Во время моего пребыванія на Амурѣ и дальше по нижнему теченію его, уже больше не было ни одного торговаго центра, куда бы съ разныхъ сторонъ стекались купцы для торговли подъ покровительствомъ и администраціей маньчжуро-китайскаго правительства. На всемъ этомъ пространствѣ только изрѣдка встрѣчаются еще отдѣльные китайскіе и маньчжурскіе торговцы, и единственный центръ, куда нынѣ являются торговать нижне-амурскіе инородцы—это Сан-синъ на рѣкѣ Сунгари. Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что втеченіе полувѣка между путешествіемъ Маміа Ринсо и моимъ произошелъ упадокъ въ оффиціально-торговой дѣятельности маньчжуро-китайцевъ и что она съ Амура окончательно удалилась на Сунгари.

За одно съ торговлею, и маньчжуро-китайское могущество въ Нижне-Амурскомъ краѣ замѣтно ослабѣло. Причины тому тоже достаточно ясно изложены въ сочиненіи Маміа Ринсо[1]). Въ бытность этого путешественника на Сахалинѣ (1808), населяющіе островъ Аины и Гиляки состояли данниками маньчжуровъ. Послѣдніе избирали изъ ихъ среды *харата* или *казинта*, т. е. старшинъ, которые ежегодно должны были привозить въ Деренъ дань (по Маміа Ринсо, «подарки») изъ мѣховъ, подобно тому, какъ то дѣлали и пріѣзжіе туда съ Амура торговцы. Нѣкоторыхъ изъ такихъ старшинъ Маміа Ринсо самъ видѣлъ въ Деренѣ, напримѣръ, прибывшихъ изъ «Дамураво» и «Похокану» т. е., какъ не трудно догадаться, изъ гиляцкой деревни Тамля-во и аино-гиляцкой Поро-котана[2]) или Пиля-во. Когда японскій путешественникъ освѣдомился у островитянъ, какимъ образомъ они сдѣлались данниками маньчжуровъ, они сообщили ему слѣдующее: «Уже съ давнихъ поръ къ нимъ ежегодно приплывали маньчжурскія суда съ цѣлью пріобрѣтать пушной товаръ. Пришельцы притомъ очень грубо обращались съ туземцами, и дѣло часто доходило до ссоры и дракъ. Взаключеніе на островъ однажды высадился отрядъ маньчжуровъ, которые осмотрѣли его и заняли. Большинство испуганныхъ туземцевъ бѣжало въ горы. Оставшихся на берегу маньчжуры призвали къ себѣ, вступили съ ними въ переговоры и выбрали изъ нихъ одного *харата* или старшину. Все это произошло на западномъ берегу острова при Итоѣ (Итойкотанѣ, Итойе). Затѣмъ маньчжуры возвели въ старшины еще двухъ туземцевъ для сѣверной части аинской области на восточномъ берегу острова[3]) и кромѣ того учредили помощниковъ старшинъ, *казинта*. Ежегодный подарокъ (дань) маньчжурскимъ чиновникамъ въ Деренѣ долженъ былъ состоять изъ шкуры морской выдры чернаго цвѣта. Маньчжуры въ свою очередь отдаривали пріѣзжихъ Аиновъ кускомъ шелковой затканной золотомъ матеріи и обѣщались по дешевой цѣнѣ отпускать имъ остальной товаръ». Этотъ Итой, Итойкотанъ, Итойе, который на картѣ, составленной Зибольдомъ[4]) по оригинальнымъ рисункамъ Могами Ток'наи и Маміа Ринсо, лежитъ у мыса Отзизи

---

1) L. c., p. 179—181.

2) Похокану, какъ должно полагать, есть не иное, что, какъ искаженіе Порокотана. И у Маміа Ринсо, вслѣдъ за этимъ названіемъ стоитъ вопросительный знакъ. Дамураво же, это безъ сомнѣнія Тамля-во, такъ какъ въ японскомъ языкѣ буква *л* не существуетъ и замѣняется буквою *р*.

3) Маміа Ринсо извѣстны и имена этихъ трехъ харата.

4) См. Atlas zu Siebold's Nippon, Tab. XXV.

Digitized by Google

(южной оконечности залива де ла Жонкьеръ), безъ сомнѣнія не иное что, какъ гиляцкая деревня Дуи. Такимъ образомъ вышеприведенный разсказъ имѣетъ очевидное отношеніе къ покоренію или обложенію данью сахалинскихъ Гиляковъ маньчжурами.

Нѣчто подобное слышалъ Маміа Ринсо и о сахалинскихъ Аинахъ. Онъ обращался съ разспросами по этой части къ «почтеннымъ и свѣдущимъ людямъ» — къ четыремъ старцамъ 70 — 75 лѣтъ (имена которыхъ онъ приводитъ). Отъ нихъ узналъ онъ слѣдующее. «Во дни ихъ молодости въ Найоро жилъ старшина Яйебираканъ, человѣкъ злой и вспыльчивый. Когда подвластные маньчжурамъ Смеренкуры и Сантаны (Гиляки и Ольчи) пріѣхали торговать на Сахалинъ, онъ приказалъ ихъ умертвить, а привезенный ими товаръ присвоилъ себѣ. Нѣкоторые изъ нихъ однако успѣли спастись и, возвратясь въ Деренъ, принесли тамъ жалобу маньчжурскимъ властямъ. На слѣдующій годъ къ берегамъ Сахалина прибыли три маньчжурскія судна и высадили отрядъ Смеренкуровъ и Сантановъ. Участники помянутаго злодѣянія были взяты въ плѣнъ, а вмѣстѣ съ ними и нѣсколько старшинъ сосѣднихъ мѣстечекъ — послѣдніе за то, что не оказали злополучнымъ торговцамъ надлежащей помощи. Плѣнники предложили за себя выкупъ — все свое имущество, которое взаключеніе маньчжуры и приняли. Но злодѣйскій поступокъ Яйебиракана еще не былъ этимъ искупленъ. Маньчжуры, кромѣ того, увезли съ собою въ качествѣ заложниковъ двухъ сыновей этого старшины и потребовали, чтобы Крафтяне (сахалинскіе Аины) отнынѣ считали себя подвластными имъ и впередъ ежегодно доставляли въ Деренъ дань звѣриными шкурами. Взамѣнъ имъ были обѣщаны отвѣтный подарокъ, отпускъ товаровъ по дешевой цѣнѣ и покровительство на время пребыванія въ Деренѣ. Съ тѣхъ поръ какъ сыновья Яйебиракана были отправлены въ Татарію, установился обычай, въ силу котораго маньчжуры увозили съ собою сыновей и братьевъ тѣхъ, которые не могли выплачивать дани. По случаю же аккуратнаго ежегодно платежа дани, заложники возвращались обратно и назначались у себя харатами и казинтами, при чемъ получали отъ маньчжурскихъ властей рукописныя инструкціи». Маміа Ринсо между прочимъ видѣлъ такую грамоту у Найорскаго старшины Яйенкура, но, за незнаніемъ маньчжурскаго языка, не могъ ее прочесть. «Послѣдующіе хараты и казинты», продолжаетъ свой разсказъ Маміа Ринсо, «въ сопровожденіи еще нѣсколькихъ туземцевъ ежегодно отвозили въ Деренъ маньчжурскимъ чиновникамъ опредѣленные подарки. И по сихъ поръ харатами и казинтами назначаются самые достойные и наиболѣе смышленные изъ туземныхъ жителей. Число ихъ теперь ограничивается восемью — однимъ харатою для Найоро, тремя казинтами для западнаго и четырьмя для восточнаго берега (слѣдуютъ названія ихъ съ означеніемъ мѣстопребыванія въ предѣлахъ аинской области). Но за послѣдніе годы количество мѣховъ на Крафто уменьшилось, и старшины стали привозить въ Деренъ подарки уже не ежегодно, а въ три года и наконецъ въ пять лѣтъ разъ. Тогда маньчжуры черезъ Сантановъ предъявили туземцамъ свои требованія немедленной уплаты установленной дани. На этомъ основаніи въ настоящемъ году казинты изъ мѣстечекъ Узійоро, Найоро и Райтзизки самолично повезли въ Деренъ подарки». Ринсо встрѣтилъ этихъ людей на ихъ пути туда и разспраши-

Digitized by Google

валъ ихъ о томъ, какъ и при какой обстановкѣ подносятъ они свои дары. Подарокъ состоялъ изъ шкуры морской выдры чернаго цвѣта. Старшины между прочимъ сообщили Ринсо, что маньчжурскіе чиновники были очень недовольны задержкою дани втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ и теперь сдѣлали имъ строгое внушеніе, чтобы они впередъ лучше цѣнили благосклонное отношеніе къ нимъ маньчжуровъ и побольше заботились объ исполненіи своего договора.

Изъ этихъ показаній видно, что маньчжуры, которые сначала только ради торговли посѣщали Сахалинъ, не замедлили около половины прошлаго столѣтія обратить въ своихъ данниковъ тамошнее населеніе изъ Гиляковъ и Аиновъ. Такимъ образомъ послѣдніе очутились въ отношеніи ихъ въ такихъ же точно условіяхъ подчиненія, какъ и нижне-амурскіе инородцы, не исключая Ольчей и Гиляковъ. Маньчжуры и на Сахалинѣ избирали старшинъ, которыхъ обязывали ежегодно привозить въ Деренъ дань изъ звѣриныхъ шкуръ. Обязательство это, хотя и не всегда съ одинаковой точностью исполнялось, въ бытность на островѣ Маміа Ринсо однако было еще въ полной силѣ. Въ подтвержденіе этихъ показаній японскаго путешественника, который, какъ мы уже не разъ замѣчали выше, заслуживаетъ полнаго довѣрія, можно привести здѣсь нѣсколько данныхъ еще и изъ европейскихъ источниковъ. Такъ, напримѣръ, Крузенштернъ[1]) разсказывая о своей встрѣчѣ съ Гиляками («татарами») на заливѣ Надежды у сѣверной оконечности Сахалина (1805) — должно быть въ деревнѣ Нгывр-во — упоминаетъ объ одномъ туземцѣ въ кафтанѣ китайскаго покроя изъ красной шелковой матеріи съ золотыми цвѣтами. Безъ сомнѣнія то былъ старшина — одинъ изъ тѣхъ харата или казинта, которые, по свидѣтельству Маміа Ринсо, назначались маньчжурами. Еще болѣе опредѣленное показаніе въ этомъ родѣ встрѣчаемъ мы у Фр. Шмидта[2]). Онъ въ 1860 году познакомился въ Найоро съ однимъ изъ наиболѣе почтенныхъ Аиновъ, со старикомъ Сетакуреро, который въ качествѣ аинскаго старшины имѣлъ еще и саблю, дарованную ему японцами. У него между прочимъ хранилась грамота на маньчжурскомъ языкѣ съ назначеніемъ его отца въ аинскіе старшины. Послѣдній получилъ ее отъ маньчжурскихъ властей въ одну изъ своихъ поѣздокъ съ данью въ Сан-синъ. Эти показанія европейскихъ путешественниковъ окончательно ставятъ внѣ сомнѣнія сообщенія Маміа Ринсо. Но мнѣ кажется, что въ послѣдній разсказъ вкралось недоразумѣніе насчетъ мѣстности, куда ѣздилъ отецъ Сетакуреро. Поѣздка его очевидно имѣла цѣлью не Сан-синъ на Сунгари, а, согласно времени, къ которому относится, Деренъ на Амурѣ. Такое недоразумѣніе тѣмъ легче могло произойти, что самъ Сетакуреро, по собственному свидѣтельству, никогда не былъ въ Маньчжуріи.

Сравнимъ теперь факты, сообщаемые Маміа Ринсо, съ положеніемъ, какое маньчжуро-китайцы занимали по отношенію къ нижне-амурскимъ инородцамъ полвѣка спустя, во время моего посѣщенія этого края. Для болѣе яснаго уразумѣнія этого положенія припомнимъ здѣсь въ главныхъ чертахъ то, о чемъ намъ уже не разъ приходилось говорить прежде. Въ бытность мою на Амурѣ ни маньчжуры, ни китайцы уже больше не предпри-

1) Reise um die Welt, Bd. II, p. 176.

2) Histor. Bericht etc., p. 94.

Digitized by Google

нимали торговыхъ поѣздокъ на Сахалинъ[1]). Тамошніе Гиляки и Аины уже не состояли данниками маньчжуровъ и среди нихъ не было больше назначаемыхъ послѣдними старшинъ. Почти также точно и на материкѣ: амурскіе Гиляки не посѣщались не только маньчжурскими чиновниками, но и китайскими купцами, а у Ольчей, если временно кое гдѣ и появлялись китайскіе купцы, то не иначе какъ съ личными цѣлями. Что же касается дани звѣриными шкурами, то она и съ тѣхъ, и съ другихъ взималась только въ Сан-синѣ за право свободной торговли. Данниками маньчжуро-китайцевъ при мнѣ изъ нижне-амурскихъ инородцевъ состояли только Гольды. У нихъ близъ устья Горина въ Мылки даже существовала постоянная стоянка маньчжурскихъ чиновниковъ для взиманія дани. Изъ всего этого видно, что въ промежутокъ времени между посѣщеніемъ Амурскаго края Мамія Ринсо и моимъ состоялось полное освобожденіе Сахалина и низовьевъ Амура, то есть Аиновъ, Гиляковъ и Ольчей отъ маньчжуро-китайскаго владычества.

Но какимъ путемъ совершилось оно? За недостаткомъ соотвѣтственныхъ данныхъ нельзя допустить, чтобы такое отступленіе маньчжуровъ состоялось насильственно, благодаря усиліямъ самихъ туземцевъ или подъ давленіемъ японцевъ и русскихъ. Все, должно полагать, произошло мирно по собственному почину маньчжуро-китайскаго правительства. Поводъ къ тому могли подать опасенія враждебнаго наступленія со стороны сосѣднихъ народовъ, именно русскихъ, и возможности занятія ими края. Въ концѣ прошлаго столѣтія въ Татарскомъ проливѣ уже появлялись европейскія суда, напримѣръ подъ командою Лаперуза и Браутона, и вступали въ сношенія съ туземцами на западномъ берегу Сахалина и на заливѣ де-Кастри; въ 1805 году Крузенштернъ съ своимъ судномъ «Надежда» былъ на стоянкѣ въ сѣверныхъ водахъ Сахалина, у сѣвернаго прохода въ Амурскій Лиманъ. Въ два послѣдующіе года (въ 1806 и 1807 годахъ) Хвостовъ и Давыдовъ подвергли разгрому японскія поселенія на Анивскомъ заливѣ. Если объ этомъ послѣднемъ событіи маньчжуро-китайскія власти не слыхали раньше, то во всякомъ случаѣ узнали о немъ отъ Мамія Ринсо, поводомъ къ путешествію котораго на Амуръ и на Сахалинъ оно и послужило. Въ Деренѣ нашъ путешественникъ находился въ частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ маньчжурскими чиновниками. Отъ него же мы знаемъ, что русскіе суда, плавая по Амгуни («Хонго»), иногда заходили въ Амуръ и достигали Дерена. Въ виду всего этого весьма возможно, что китайское правительство, не довѣряя намѣреніямъ русскихъ относительно Амурскаго края, стало опасаться и за свое преобладаніе тамъ. Оно и рѣшило во избѣжаніе враждебнаго столкновенія, которое могло бы гибельно отразиться и на ихъ собственной странѣ, прибѣгнуть къ политикѣ, уже испытанной ими въ XVII столѣтіи по отношенію къ русскимъ на верхнемъ Амурѣ. Политика эта состояла въ удаленіи изъ области, непосредственно открытой нападенію врага, съ цѣлью оставить между

1) Уже Сетакуреро на разспросы Шмидта отвѣчалъ, что никогда не видалъ здѣсь (въ Найоро) маньчжуровъ: туда, по его словамъ, являлись торговать только «Санты» (Ольчи) или «Сумери» (Гиляки) (Schmidt, l. c., p. 94).

Digitized by Google

имъ и собою полосу земли, по возможности безлюдную и разоренную. На этотъ разъ однако дѣло шло еще только объ однихъ опасеніяхъ, и потому не требовалось такихъ радикальныхъ мѣръ, какъ при переселеніи Дауровъ и Дючеровъ на Нонни и Хурху, когда была предоставлена запустѣнію вся страна на Амурѣ, которая дотолѣ тщательно воздѣлывалась ими. Въ настоящемъ случаѣ маньчжуры сочли достаточнымъ порвать съ Сахалиномъ и съ низовьями Амура свою оффиціальную связь. Китайское правительство перестало посылать туда чиновниковъ съ цѣлью руководить торговлей и взимать подати, — но, какъ бы желая вознаградить себя за то, поспѣшило обложить данью пріѣзжавшихъ торговать въ Сан-синъ туземцевъ. Наконецъ было рѣшено и предоставить запустѣнію ту полосу страны, которая казалась наиболѣе открытой нападенію. То была полоса на прямомъ и кратчайшемъ пути между Дереномъ и Сахалиномъ по Амуру до Кидзи, черезъ озеро Кидзи и рѣчку Табу до моря — на пути, которымъ прежде и сами маньчжуры пользовались. О принятіи китайскимъ правительствомъ двухъ первыхъ мѣръ уже говорено выше и теперь остается только доказать, что оно въ то же время дѣйствительно прибѣгло и къ послѣднему средству, а именно предоставило запустѣнію указанное пространство на Амурѣ.

Но вернемся опять къ Маміа Ринсо, путь котораго лежалъ именно въ этомъ направленіи. Сравнивая его показанія, въ данномъ случаѣ впрочемъ весьма скудныя, съ моимъ личнымъ опытомъ 50 лѣтъ спустя, невольно приходишь къ заключенію, что въ указанной мѣстности за этотъ промежутокъ времени произошли большія перемѣны. Само собой разумѣется, я не придаю значенія разсказу Маміа Ринсо о существованіи на берегу озера Кидзи, въ мое время совершенно безлюдномъ, мѣстечка Нуккуранката. Его показаніе въ данномъ случаѣ тѣмъ меньше заслуживаетъ вниманія, что онъ не опредѣляетъ, была ли то деревня или просто излюбленное мѣсто якорной стоянки туземныхъ путешественниковъ. Гораздо важнѣе сообщенія Маміа Ринсо о деревнѣ Кидзи. Онъ насчитываетъ тамъ двойное противъ меня количество жилищъ (около 20)[1]). Тамъ между прочимъ жили маньчжурскіе чиновники — одинъ харата и два казинты; туда пріѣзжали китайскіе купцы, и тамъ, какъ говоритъ взаключеніе Маміа Ринсо, при случаѣ «происходили разнаго рода увеселенія и попойки, при чемъ играли на лютняхъ и били въ барабаны» — однимъ словомъ, то былъ значительный оживленный центръ. Но я, къ моему удивленію, приближаясь къ деревнѣ Кидзи по легкой покатости, къ ней ведущей, наткнулся на массу человѣческихъ череповъ и костей, какой дотолѣ не встрѣчалъ въ Амурскомъ краѣ. Чѣмъ это объяснить? Если эти черепа и кости происходили съ мѣстнаго кладбища (съ усыпальницами въ видѣ маленькихъ домиковъ), то послѣднее должно было быть очень обширно. Но здѣсь не было никакихъ слѣдовъ такихъ усыпальницъ, ни остатковъ одежды или другихъ предметовъ, какіе обыкновенно находятся при покойникахъ. Нельзя же допустить, чтобы кладбище, если таковое здѣсь существовало, могло быть разрушено людьми изъ Маріинскаго поста, незадолго передъ тѣмъ основаннаго по сосѣдству: чѣмъ было бы въ такомъ случаѣ объяс-

1) Онъ притомъ различаетъ жилыя помѣщенія отъ кладовыхъ и товарныхъ складовъ.

Digitized by Google

нить полную неприкосновенность усыпальницъ при двухъ юртахъ деревни Хото, ближайшихъ къ этому посту[1]). Да и видъ череповъ и костей свидѣтельствовалъ, что они уже давно подвергались вліянію атмосферныхъ явленій. Не обусловливалось ли ихъ присутствіе здѣсь иной причиной, которую я постараюсь сейчасъ выяснить.

Весьма важно для насъ въ данномъ случаѣ свидѣтельство Маміа Ринсо о томъ, что въ Кидзи и его окрестностяхъ существовало «особенно много фарфоровыхъ заводовъ». Я говорилъ выше и вкратцѣ повторю здѣсь: что самъ уже не засталъ ничего подобнаго ни въ Кидзи, ни въ какой другой мѣстности Нижне-Амурскаго края; что въ домашнемъ обиходѣ Ольчей и Гиляковъ вовсе не встрѣчалъ глиняной посуды ни ихъ собственнаго, ни китайскаго или японскаго издѣлія, и что единственное рѣдкое исключеніе здѣсь въ этомъ родѣ составляли маленькія фарфоровыя чашечки для водки. Упадокъ глинянаго производства на Нижнемъ Амурѣ значитъ совпадаетъ со временемъ принятія маньчжуро-китайскимъ правительствомъ вышеуказанныхъ мѣръ, т. е. съ прекращеніемъ его торговой, административной и политической дѣятельности въ краѣ. Такое совпаденіе нельзя объяснить простой случайностью. Въ немъ надо скорѣе видѣть прямой результатъ тѣсно связанныхъ между собой событій. Но за недостаткомъ положительныхъ данныхъ связь между этими событіями можетъ быть только условно возстановлена. Фарфоровое производство, безъ сомнѣнія, исконное китайское. Съ давнихъ поръ распространенное на Сунгари, оно китайцами же было занесено и въ Амурскій край, гдѣ они сами принимали въ немъ дѣятельное участіе. Должно полагать, что съ паденіемъ, подъ вліяніемъ страха русскихъ, китайскаго владычества на низовьяхъ Амура, оттуда были отозваны на Сунгари и тѣ китайцы, которые тамъ участвовали въ фарфоровомъ производствѣ. Нельзя сказать съ точностью, всѣ ли они повиновались приказу китайскаго правительства, хотя это всего правдоподобнѣе въ виду полнаго прекращенія на Амурѣ фарфороваго производства. Если же нѣкоторые изъ нихъ еще и оставались тамъ, то, лишенные поддержки своего правительства, были вполнѣ беззащитны. Такъ или иначе, но дѣло не могло обойтись безъ смутъ, разоренія и даже кровавыхъ столкновеній съ участіемъ туземцевъ. Такимъ образомъ и могло случиться, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ при Маміа Ринсо находилось «особенно много фарфоровыхъ фабрикъ», я нашелъ только пустыню, усѣянную человѣческими костями.

Само собой разумѣется, что событія, связанныя съ уничтоженіемъ единственнаго торговаго центра въ странѣ и съ ослабленіемъ въ ней торговыхъ сношеній, должны были повести къ ея обѣдненію и запустѣнію. И дѣйствительно, берега озера Кидзи съ окрестностью, гдѣ нѣкогда кипѣла торговая дѣятельность, теперь представляетъ самую пустынную часть страны Ольчей по низовью Амура. Самыя многочисленныя и наиболѣе населенныя деревни Ольчей на Амурѣ лежатъ нынѣ на сѣверъ отъ Кидзи и даже вторгаются тамъ въ предѣлы гиляцкой области[2]). Къ югу отъ Кидзи, напротивъ, на всемъ протяженіи

1) Изъ одной изъ этихъ усыпальницъ я самъ досталъ тотъ черепъ, который выше (Т. I. стр. 306, фиг. 6 таб. V—IX) изображенъ и описанъ.

2) Каковы Чильви и Тыръ.

Digitized by Google

страны отъ Кидзи до Ади, этого послѣдняго поселенія Ольчей, встрѣчаются только мелкія деревни въ двѣ, три, а то и въ одну юрту, и многія изъ нихъ населены не Ольчами, а Гольдами [1]). Вышеописанныя событія очевидно вытѣснили часть Ольчей съ юга на сѣверъ, а нѣкоторые изъ Гольдовъ напротивъ, стали, избѣгая маньчжурскаго гнета, селиться въ предоставленной запустѣнію странѣ. Передвиженіе это продолжалось еще и при мнѣ. Немудрено, слѣдовательно, послѣ этого, если жители Дыры — тоже Гольды, позже переселившіеся сюда — на мои разспросы о торговомъ мѣстечкѣ Деренѣ, которое нѣкогда здѣсь находилось, не могли сообщить мнѣ о немъ никакихъ свѣдѣній.

Что касается Верхне-Амурскаго края, то я знакомъ съ нимъ всего по одному путешествію, которое совершилъ вдоль рѣки. Въ виду этого, обращаясь теперь къ его торговлѣ, я долженъ ограничиться только общими наиболѣе характеристическими чертами, по сравненію съ тѣмъ, что намъ въ этомъ отношеніи представляетъ Нижне-Амурскій край. Возьмемъ прежде всего тѣхъ изъ верхне-амурскихъ инородцевъ, которые по образу своей жизни всѣхъ ближе подходятъ къ нижне-амурскимъ — **Бираровъ, Манегирцевъ, Орочоновъ:** предметы ихъ торговли и тѣ, которые они получаютъ въ обмѣнъ за нихъ, почти однородны у тѣхъ и у другихъ. Первые предметы, которые и здѣсь, и тамъ добываются посредствомъ охоты, представляютъ, какъ мы уже видѣли выше, только небольшія количественныя разницы. Что же касается послѣднихъ, то они вообще состоятъ изъ тѣхъ же тканей для одежды и изъ тѣхъ же средствъ къ пропитанію и къ наслажденію, которые, какъ мы уже столько разъ указывали, успѣли обратиться въ необходимость для первобытныхъ народовъ. Единственная существенная разница въ торговлѣ верхне-амурскихъ и нижне-амурскихъ инородцевъ та, которая находится въ зависимости отъ ихъ отношеній къ сосѣднимъ культурнымъ народамъ, въ свою очередь обусловливаемыхъ положеніемъ и другими географическими и политическими условіями страны. До занятія Нижне-Амурскаго края русскими, туземное населеніе его вовсе не было съ ними въ сношеніяхъ, если не считать рѣдкихъ встрѣчъ на Тугурѣ. Туземцы эти гораздо больше соприкасались съ японцами и китайцами, причемъ главный центръ ихъ торговаго тяготѣнія къ послѣднимъ находился на Сунгари. Оттуда китайскіе товары китайскими же купцами, а также Ольчами, Гольдами и Гиляками распространялись внизъ по Амуру, вплоть до Охотскаго моря, переходили на Сахалинъ и, направляясь къ югу, достигали японцевъ. Такимъ образомъ Нижне-Амурскій край, замыкаясь на западѣ рѣкою Сунгари, что касается своей торговли, находился въ полной зависимости отъ нее. Слѣдовательно, онъ нѣкоторымъ образомъ

---

1) Таковы деревни: Дыра, Хыввунда, Самахагду и др. Кстати повторяю здѣсь сказанное въ другомъ мѣстѣ, а именно, что въ мое время обѣ юрты, принадлежавшія къ деревнѣ Дырѣ, а не одна только, были населены Гольдами и что мѣстечко Самахагду лежитъ не выше, а нѣсколько ниже деревни Хыввунды.

Digitized by Google

являлся какъ бы продолженіемъ Сунгарійскаго края вплоть до самаго моря, со включеніемъ и расположеннаго тамъ на первомъ планѣ острова Сахалина.

Совсѣмъ иначе стояло дѣло у верхне-амурскихъ инородцевъ. Ихъ континентальное положеніе и отдаленность отъ моря дѣлало для нихъ невозможными сношенія съ японцами; съ другой стороны политическія мѣропріятія китайскаго правительства держали ихъ вдали отъ Сунгари и не допускали до близкаго общенія съ Нижне-Амурскимъ краемъ. Согласно политикѣ китайскаго правительства въ XVII вѣкѣ, направленной противъ русскаго вторженія, доступъ на Сунгари изъ Верхне-Амурскаго края былъ закрытъ. На этомъ основаніи оно и теперь не допускаетъ тамъ прямыхъ ни торговыхъ, ни судоходныхъ сношеній и препятствуетъ свободѣ взаимнаго общенія между собой туземцевъ, живущихъ по верховьямъ и по низовьямъ рѣки, ихъ соединяющей. Итакъ, въ силу географическихъ и политическихъ условій торговля верхне-амурскихъ инородцевъ, Бираровъ, Манегирцевъ и Орочоновъ, обращена главнымъ образомъ на западъ и на сѣверъ, въ страну по истокамъ Амура или въ, такъ называемую, русскую Даурію и Ленскую область. На югѣ же она вся сосредоточивается на культурномъ участкѣ Амура, расположенномъ между устьями Зеи и Буреи и принадлежащемъ маньчжурамъ, китайцамъ и Даурамъ. Здѣсь именно лежитъ и городъ Айгунъ, этотъ въ своемъ родѣ Сан-синъ на верхнемъ или, вѣрнѣе, на среднемъ Амурѣ. Онъ въ свою очередь тяготѣетъ къ Цицикару, административному центру, которому подчинена вся часть Верхне-Амурскаго края, входящая въ составъ китайской провинціи Хелонгкіангъ. Итакъ, не устье Сунгари, а расположенный на рѣкѣ Нонни Цицикаръ служитъ связующимъ звеномъ въ торговыхъ сношеніяхъ между собой Верхне-Амурскаго края съ Сунгарійскимъ.

Мы уже говорили выше о неопредѣленности и спутанности границъ, отдѣляющихъ вышеназванные народы одни отъ другихъ и отъ пограничныхъ съ ними на сѣверѣ русскихъ оленныхъ Тунгусовъ. Одновременно мы указывали и на то, какъ многочисленны, разнообразны и тѣсно переплетены между собой нити, связывающія торговую дѣятельность Орочоновъ, Манегирцевъ и Бираровъ съ тою же дѣятельностью и русскихъ, и Якутовъ на прилегающихъ окраинахъ Сибири. При фактическомъ отсутствіи опредѣленныхъ границъ между разсѣянными по Становому хребту тунгусскими племенами, которыя или находятся подъ властію Россіи, или состоятъ данниками Китая, и при невозможности, безъ насилія, посредствомъ политическихъ трактатовъ установить и поддерживать въ ихъ полной неприкосновенности границы между постоянно кочующимъ охотничьимъ населеніемъ, предметъ его торговли, пушной товаръ, естественно стекается туда, гдѣ на него наибольшій спросъ и гдѣ и въ связи съ этимъ существуютъ и самыя удобныя пути сообщенія. Не считая нужнымъ подробно взвѣшивать отношеніе между собой всѣхъ благопріятныхъ элементовъ, съ обѣихъ сторонъ идущихъ навстрѣчу торговлѣ названныхъ народовъ, я однако долженъ указать здѣсь вкратцѣ, по крайней мѣрѣ, на главнѣйшіе изъ нихъ.

Большая часть страны Орочоновъ лежитъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ самой населенной частью восточной Сибири, съ русской Дауріей. Немудрено значитъ, если она и

Digitized by Google

въ своей торговлѣ тяготѣетъ къ ней, имѣя притомъ въ большой рѣкѣ прямой путь сообщенія съ ней. Немало содѣйствуетъ этому и оживленная дѣятельность русскихъ въ торговлѣ пушнымъ товаромъ. Извѣстная по всей Сибири, она еще въ усиленной степени проявляется здѣсь, у этого преддверія въ Амурскій край, который, со времени вторженія въ него русскихъ казаковъ въ XVII вѣкѣ, не переставалъ слыть неистощимымъ въ этомъ отношеніи Эльдорадо. Въ дополненіе къ тому, что мы уже говорили выше объ этомъ[1]), прибавимъ, что въ странѣ Орочоновъ, кромѣ множества мелкихъ торговыхъ центровъ, которые, смотря по обстоятельствамъ, тамъ и сямъ возникаютъ и опять исчезаютъ — при впаденіи рѣчки Аяни въ Олдой существуетъ еще и постоянный центръ, куда ежегодно стекаются въ декабрѣ русскіе казаки и торговцы для пріобрѣтенія у Орочоновъ звѣриныхъ шкуръ[2]). Въ такихъ сношеніяхъ съ русскими впрочемъ состоятъ только Орочоны, живущіе на Амурѣ и къ сѣверу отъ него. Населяющіе же большой Хинганскій хребетъ, восточные склоны котораго обращены къ рѣкѣ Нонни, сбываютъ свой пушной товаръ тамошнимъ китайцамъ и Даурамъ. Послѣдніе даже нерѣдко сопровождаютъ Орочоновъ въ ихъ охотничьихъ кочеваніяхъ, съ цѣлью тутъ же на мѣстѣ повыгоднѣе запасаться пушнымъ товаромъ.

Гораздо рѣже посѣщаютъ русскіе купцы и охотники болѣе отдаленныхъ Манегирцевъ и Бираровъ. Зато къ послѣднимъ проникаетъ другой торговый элементъ, съ сѣвера изъ Ленской области и съ Уди, въ лицѣ Якутовъ. Пронырливые, опытные въ сношеніяхъ съ Тунгусами, бывалые купцы, они, то селясь среди нихъ, то слѣдуя за ними въ ихъ скитаніяхъ, ловко ведутъ съ ними мѣновую торговлю. Выше мы уже приводили сообщенія Миддендорфа[3]) о многочисленныхъ торговыхъ сдѣлкахъ, заключаемыхъ на берегахъ Зеи и Буреи. Хорошо знакомые съ нуждами и со слабостями кочевыхъ охотниковъ, якутскіе купцы умѣютъ снабжать ихъ всѣмъ потребнымъ, но зато и эксплоатируютъ ихъ и своевременными ссудами часто обращаютъ ихъ въ своихъ неоплатныхъ должниковъ[4]). Въ числѣ прочаго русско-сибирскаго товара Манегирцы и Бирары получаютъ отъ Якутовъ и столь цѣнимыя ими малокалиберныя винтовки, которыя, хотя и въ небольшомъ количествѣ, уже успѣли проникнуть и къ Самагирцамъ на нижнемъ Амурѣ, гдѣ съ ними не могутъ конкурировать длинныя тяжеловѣсныя фитильныя ружья китайскаго образца.

Но если часть охотничьей добычи Манегирцевъ и Бираровъ, благодаря Якутамъ, находитъ себѣ сбытъ на сѣверъ въ Ленскую область, ихъ главная торговля всетаки направлена на югъ къ Амуру. Значительная часть этихъ инородцевъ каждое лѣто временно перебирается на рѣку хотя бы то для рыбной ловли. Тамъ въ промышленныхъ земледѣльческихъ центрахъ, маньчжурское, китайское и даурское населеніе которыхъ занимается воздѣлываніемъ овощей и табака, Манегирцы и Бирары, какъ и въ городѣ Айгунѣ,

---

1) См. Томъ I, стр. 82.
2) Маакъ, Путеш. на Амуръ. стр. 316.
3) См. Schmidt, Histor. Ber. etc. (Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reiches, Bd. XXV, p. 36).
4) Schmidt, l. c., p. 133.

Digitized by Google

пріобрѣтаютъ изъ первыхъ рукъ матеріалъ для одежды и средства къ пропитанію и къ наслажденію гораздо дешевле, чѣмъ у купцовъ, являющихся торговать съ ними въ ихъ собственной странѣ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что китайское правительство и въ Айгунѣ, какъ въ Сан-синѣ и прежде въ Деренѣ, не забываетъ взимать съ пріѣзжихъ туземцевъ дань мѣхами за право свободной торговли. То же самое повторяется и въ Цицикарѣ съ «Бутханями» т. е. съ Солонами, Даурами, Орочонами и другими туземцами края, состоящими данниками Китая. По свидѣтельству Палладія, тамъ ежегодно въ іюнѣ—іюлѣ происходитъ «Чулхань», т. е. большая ярмарка, на которую стекается много вышеназванныхъ инородцевъ, временно располагающихся въ палаткахъ вокругъ города. Сначала приносится дань изъ собольихъ мѣховъ, получаются встрѣчныя подарки изъ хлѣбныхъ растеній, денегъ и т. д. и затѣмъ уже только открывается ярмарка, начинается торговля пушнымъ товаромъ, скотомъ, причемъ первая роль остается за китайскими купцами [1]).

Тѣмъ не менѣе главное мѣсто въ торговлѣ съ туземцами на верхнемъ Амурѣ принадлежитъ не китайцамъ, а **Даурамъ.** Въ ихъ рукахъ вся торговля съ Манегирцами на рѣкѣ Комарѣ и съ Орочонами по склонамъ Большаго Хинганскаго хребта. Дауры и съ собственными, и съ китайскими произведеніями, слѣдуя по теченію Зеи и Буреи съ ихъ притоками, достигаютъ Станового хребта и проникаютъ въ долины, гдѣ торгуютъ съ Манегирцами, Бирарами и другими тунгусскими племенами, успѣшно конкурируя съ Якутами, въ свою очередь прибывающими туда съ сѣвера. Иногда они, какъ сказано выше, съ истоковъ Буреи или Силимджи черезъ Ям-алинскія горы пробираются въ торговый центръ на Тугурѣ, Буруканъ, посѣщаемый также Негидальцами и Гиляками. Такимъ образомъ, склонные къ торговлѣ и ловкіе дѣльцы, Дауры могли бы показаться исключеніемъ изъ общаго правила насчетъ неспособности въ этомъ отношеніи всѣхъ народовъ тунгусскаго племени. Но не слѣдуетъ забывать, что они, вслѣдствіе своего переселенія съ верхняго Амура на Нонни, подверглись сильному смѣшенію съ монголами и китайцами и усвоили себѣ многое изъ ихъ нравовъ и обычаевъ, въ томъ числѣ ихъ ловкость и подвижность въ торговлѣ. Успѣху ихъ торговли въ Верхне-Амурскомъ краѣ кромѣ того сильно споспѣшествуетъ еще покровительство, оказываемое имъ маньчжурскими чиновниками предпочтительно передъ китайцами: имъ между прочимъ предоставляется право взимать дань съ Манегирцевъ и Бираровъ, хотя вѣроятно не иначе какъ подъ обезпеченіемъ крупныхъ залоговъ и взносовъ, за что они однако, благодаря своей оборотливости, умѣютъ вполнѣ вознаграждать себя. Торговая дѣятельность ихъ въ общей сложности можетъ быть приравнена къ дѣятельности китайцевъ и еще больше Гиляковъ на нижнемъ Амурѣ. Дауры, какъ и тѣ, распространяютъ свои и преимущественно китайскія произведенія далеко за предѣлы сосѣднихъ странъ и умѣютъ ловко пользоваться охотничьей добычей

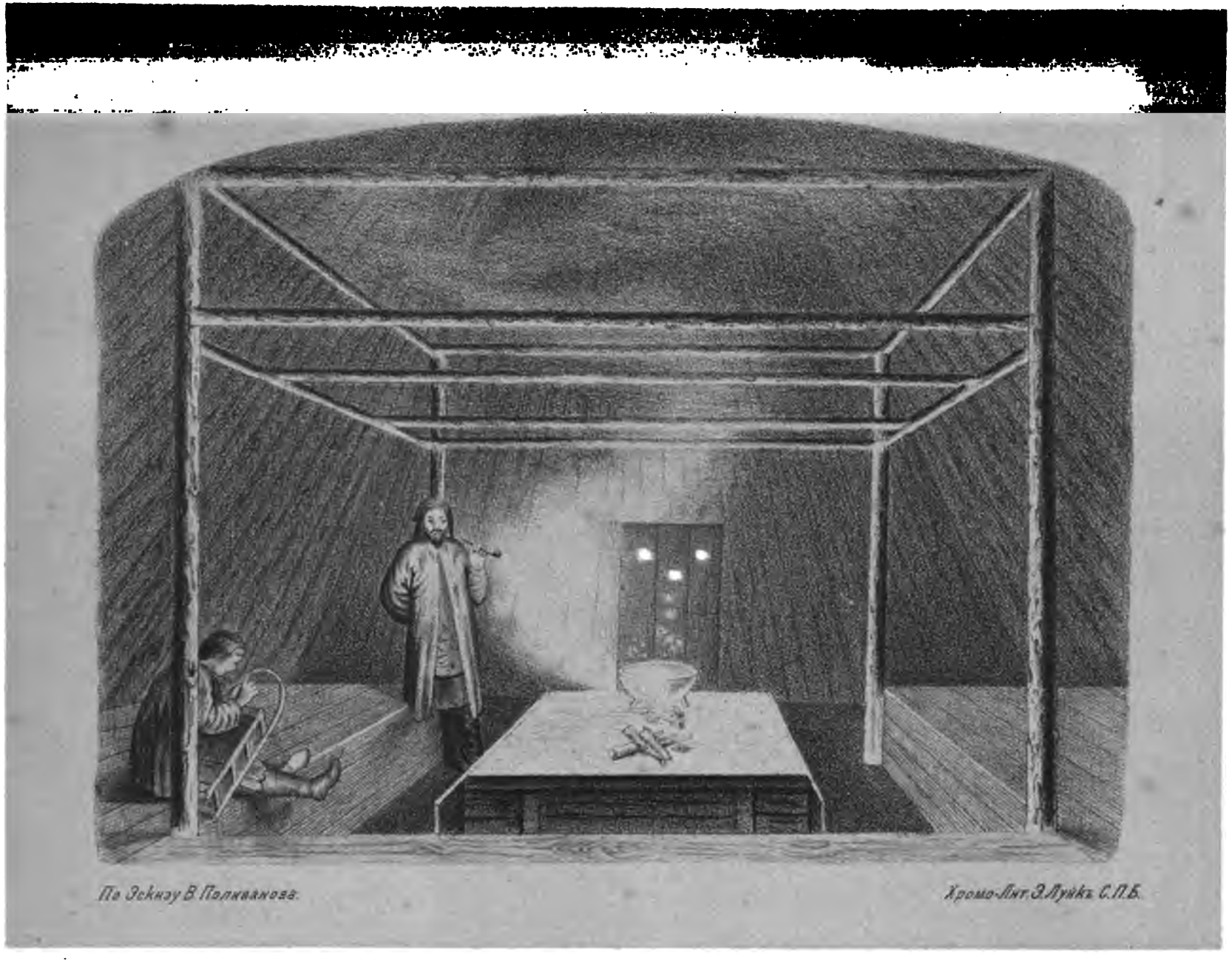
---

1) Архимандритъ Палладій, Дорожн. замѣтки на пути отъ Пекина до Благовѣщ. черезъ Маньчжурію. (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., по общ. Геогр., Т. IV, 1871, стр. 429). Общую сумму дани, взимаемой притомъ собольими мѣхами, Палладій опредѣляетъ въ 5500 шкуръ.

Digitized by Google

тамошнихъ туземцевъ. Во всякомъ случаѣ эти два народа, Дауры и Гиляки, самые выдающіеся въ этомъ отношеніи въ Амурскомъ краѣ — первые, въ качествѣ представителей на верхнемъ, вторые на нижнемъ Амурѣ. Но замѣчательно, что за исключеніемъ одного торговаго центра за предѣлами Амурскаго края на Тугурѣ, оба вышеназванные народа нигдѣ больше не приходятъ въ прямое соприкосновеніе. Это слѣдствіе той обособленности, которая, въ силу географическихъ и политическихъ условій Амурскаго края, лежитъ въ основѣ торговыхъ сношеній между собой разныхъ народовъ, его населяющихъ. Эта же обособленность создала и постоянно поддерживаетъ среди нихъ своеобразныя этнографическія условія, которыми они такъ рѣзко отличаются одни отъ другихъ.

Digitized by Google

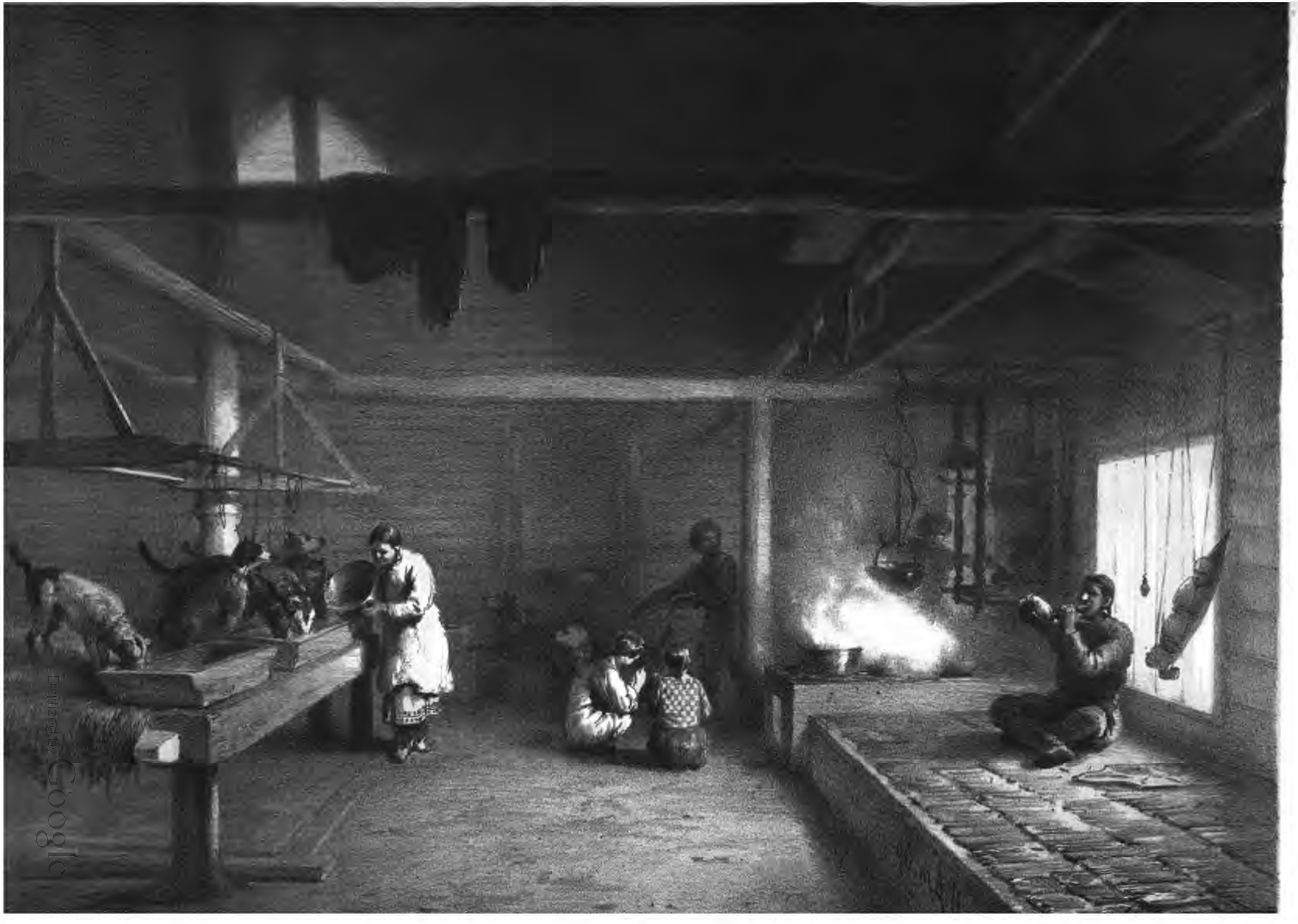


Внутренность Гиляцкаго зимника на Сахалинѣ

Digitized by Google

1 — Гиляцкіе зимники въ Тебахѣ на Амурѣ, разукрашенные для медвѣжьихъ празднествъ. 2 — Увеселенія передъ ними.

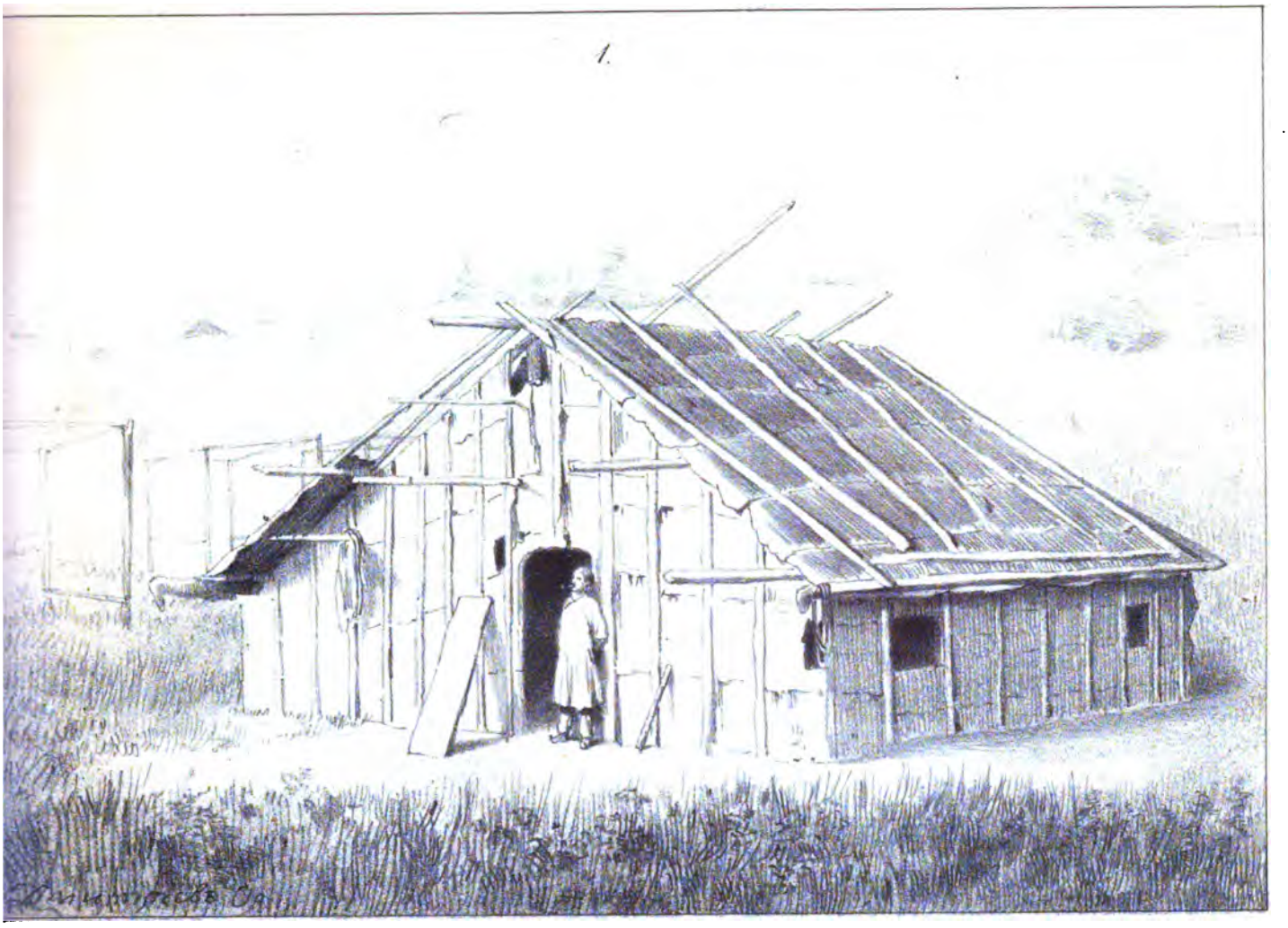
Digitized by Google



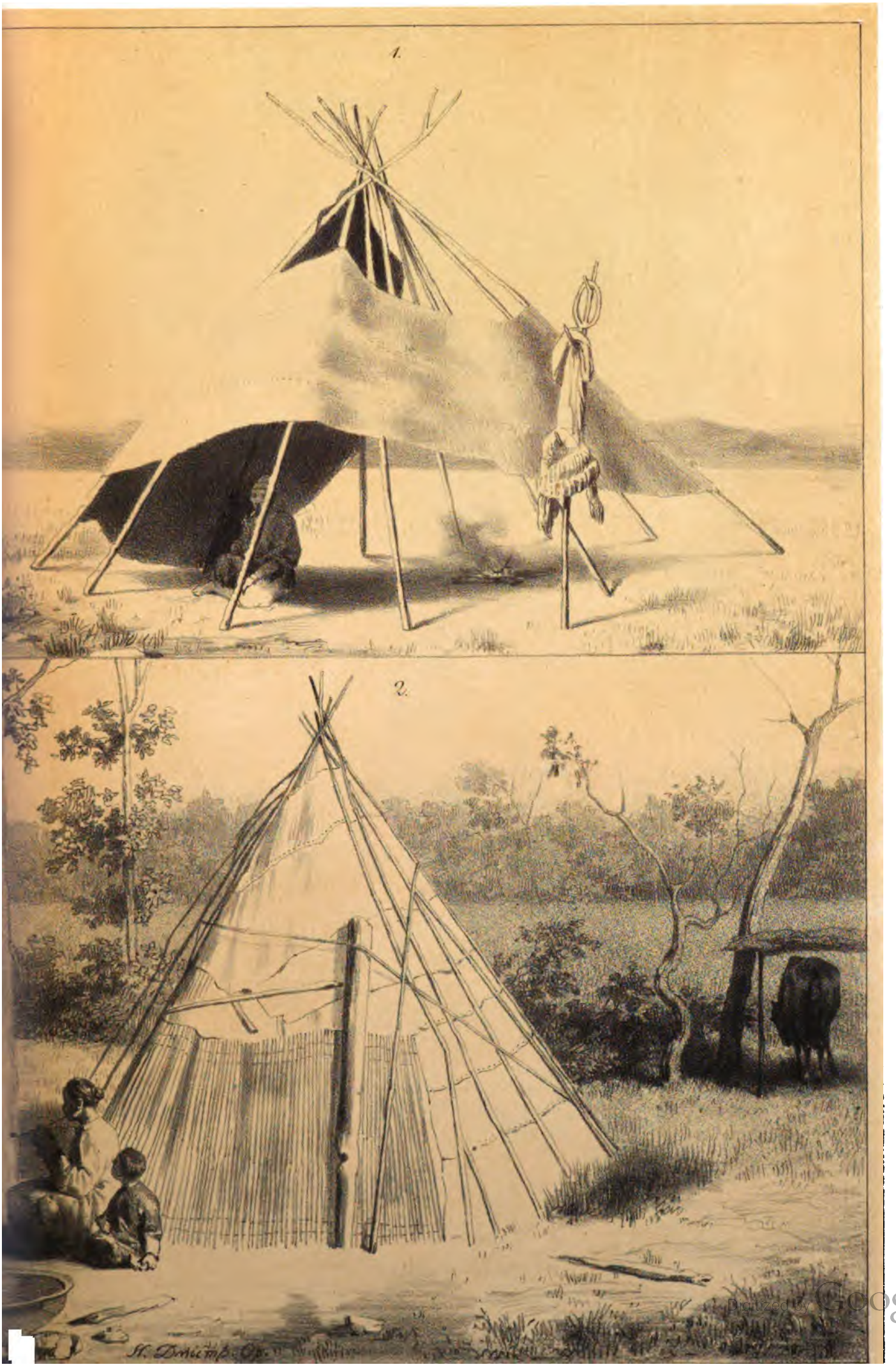
Digitized by Google

Гиляцкій лѣтникъ.

Digitized by Google



Digitized by Google



Digitized by Google

Лютникъ Орочей Императорской гавани.

Гиляки въ лѣтнемъ одѣяніи. Giljaken in Sommerkleidung.

Digitized by Google

Гиляки въ зимнемъ одѣяніи.

Digitized by Google

Гиляки въ зимнемъ одѣяніи.

Digitized by Google

Гиляцкая одежда: 1, 2 – лѣтняя шляпа, изъ бересты; 3, 4 – рукавицы; 5 – наушникъ.

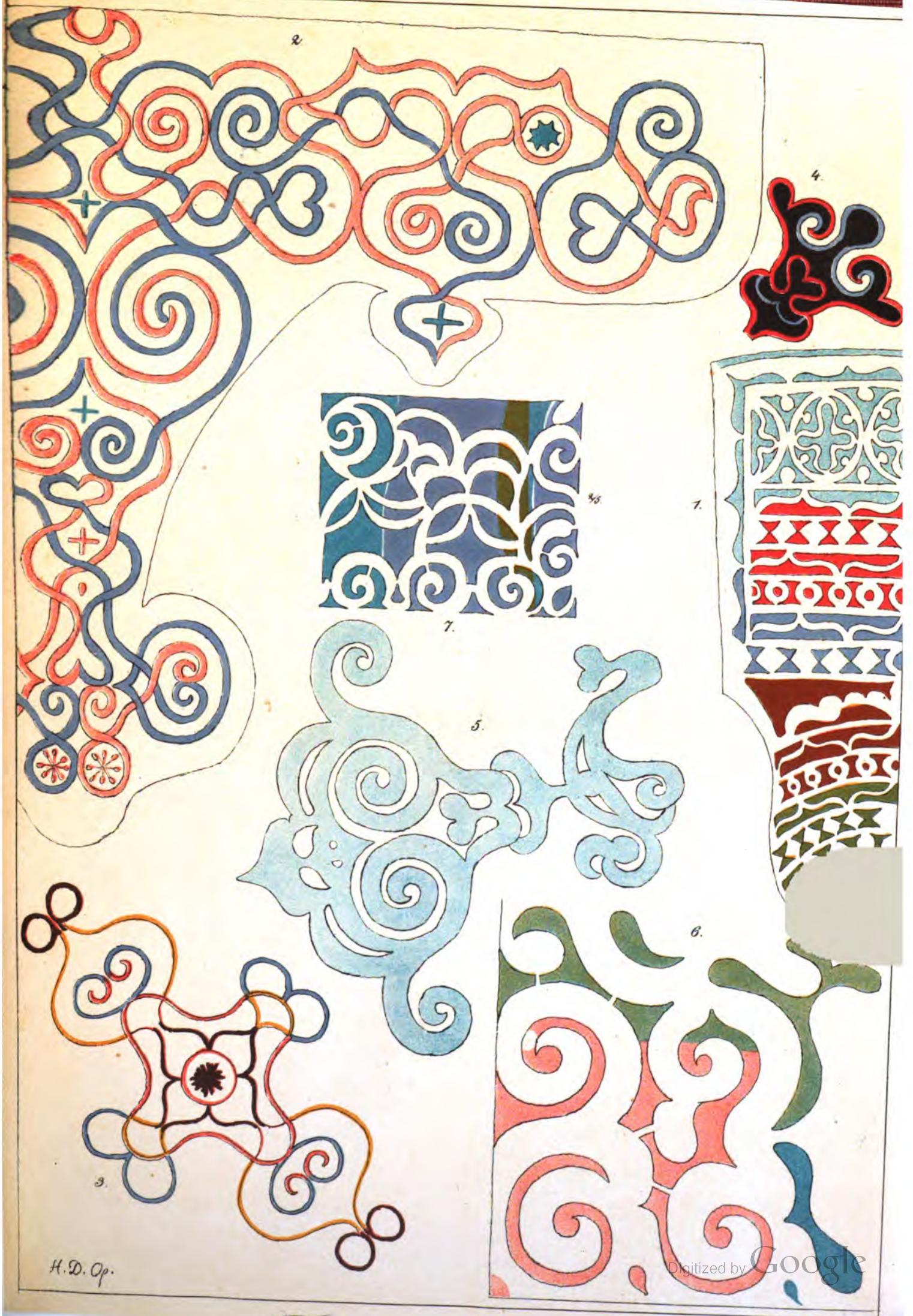
Digitized by Google

Гиляцкія зимнія шапки: 1_мужская, 2_женская, простая, 3_женская нарядная, изъ китайской матеріи, 4_тоже, рысья, съ соболью опушкою.

Digitized by Google

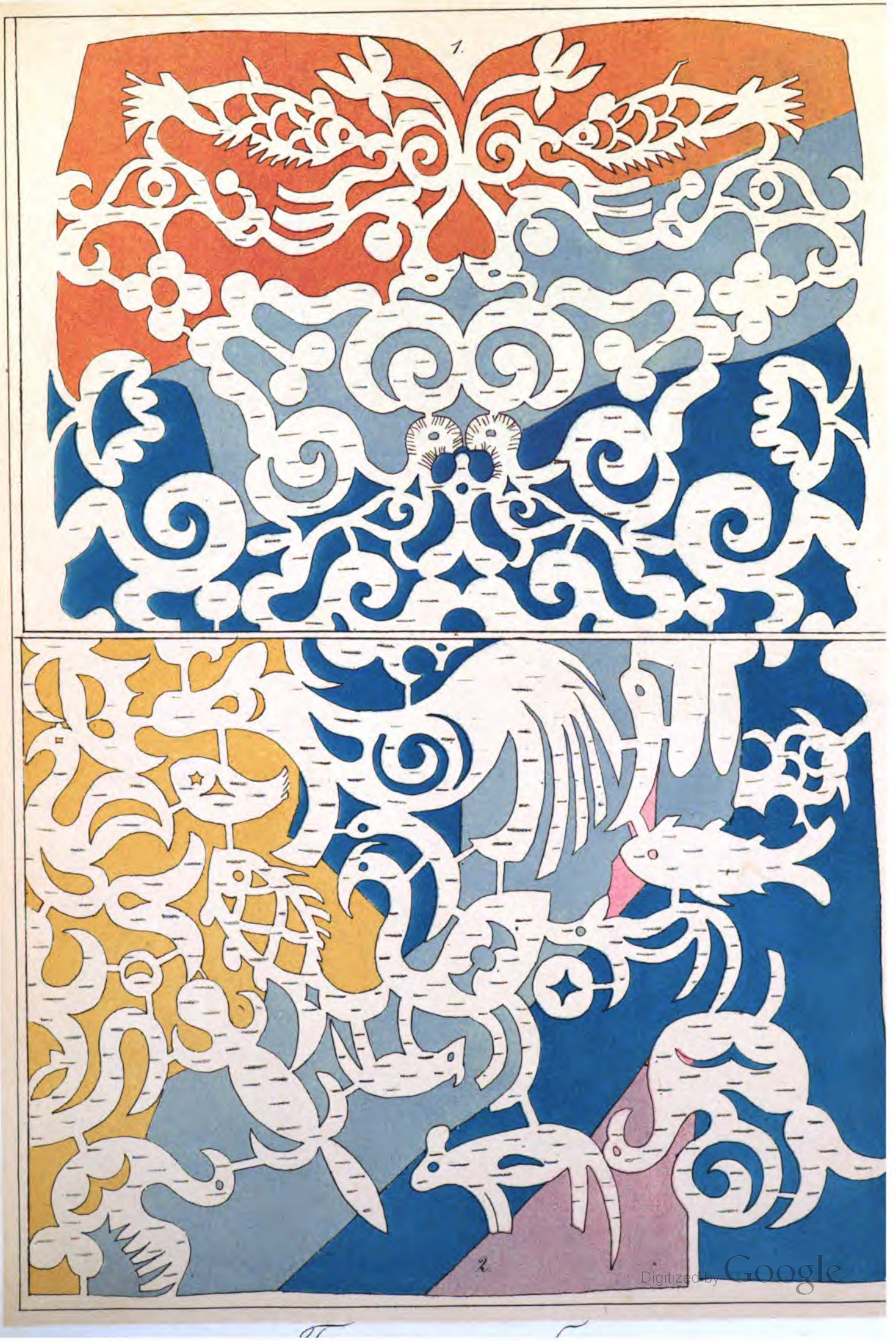
Гилячцкая одежда: 1, 2_наушники; 3_нагрудникъ; 4, 5_нарукавники.

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google



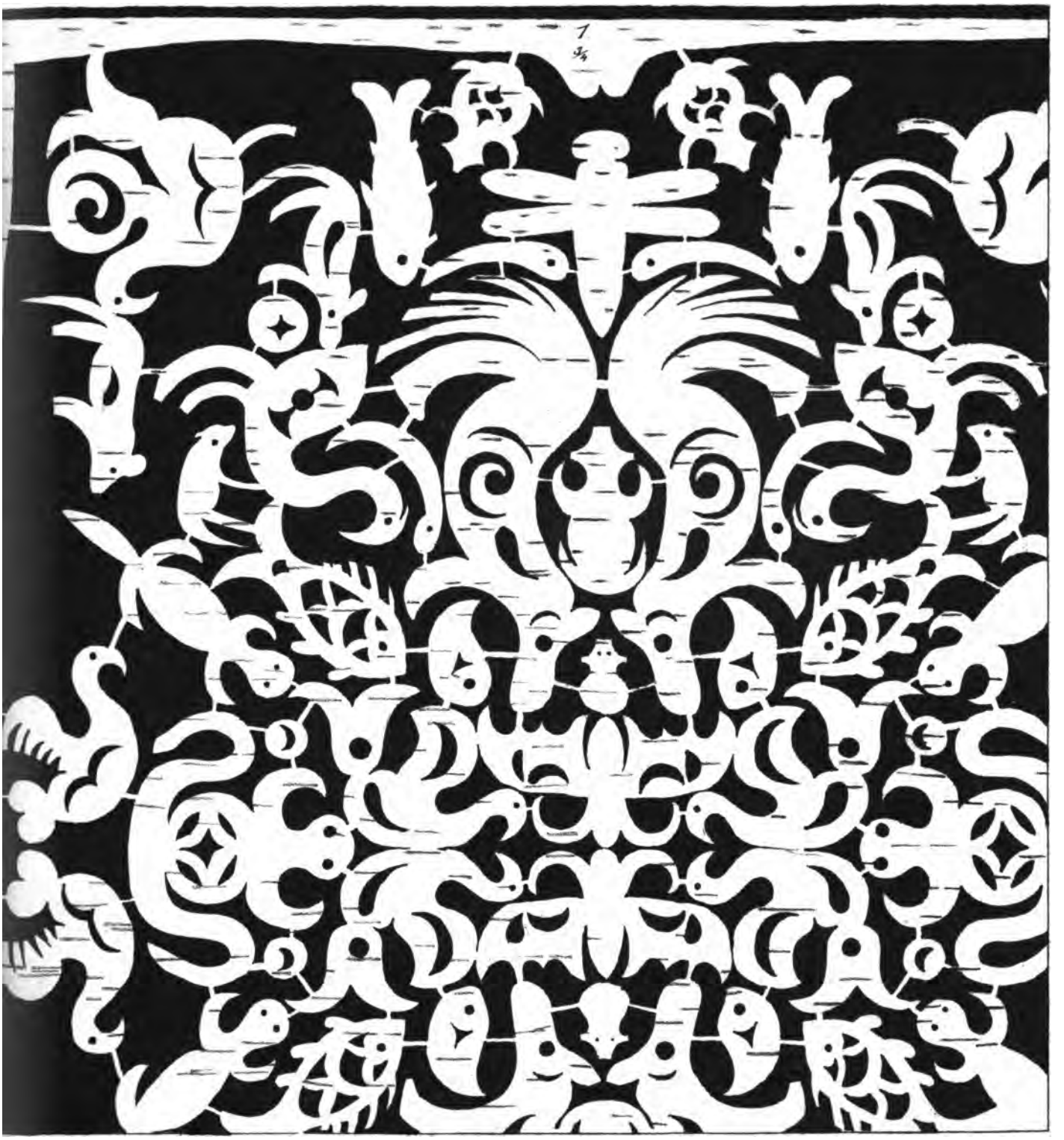
Digitized by Google

1/4.

Фотогр.

Гилякский узоръ изъ бересты.

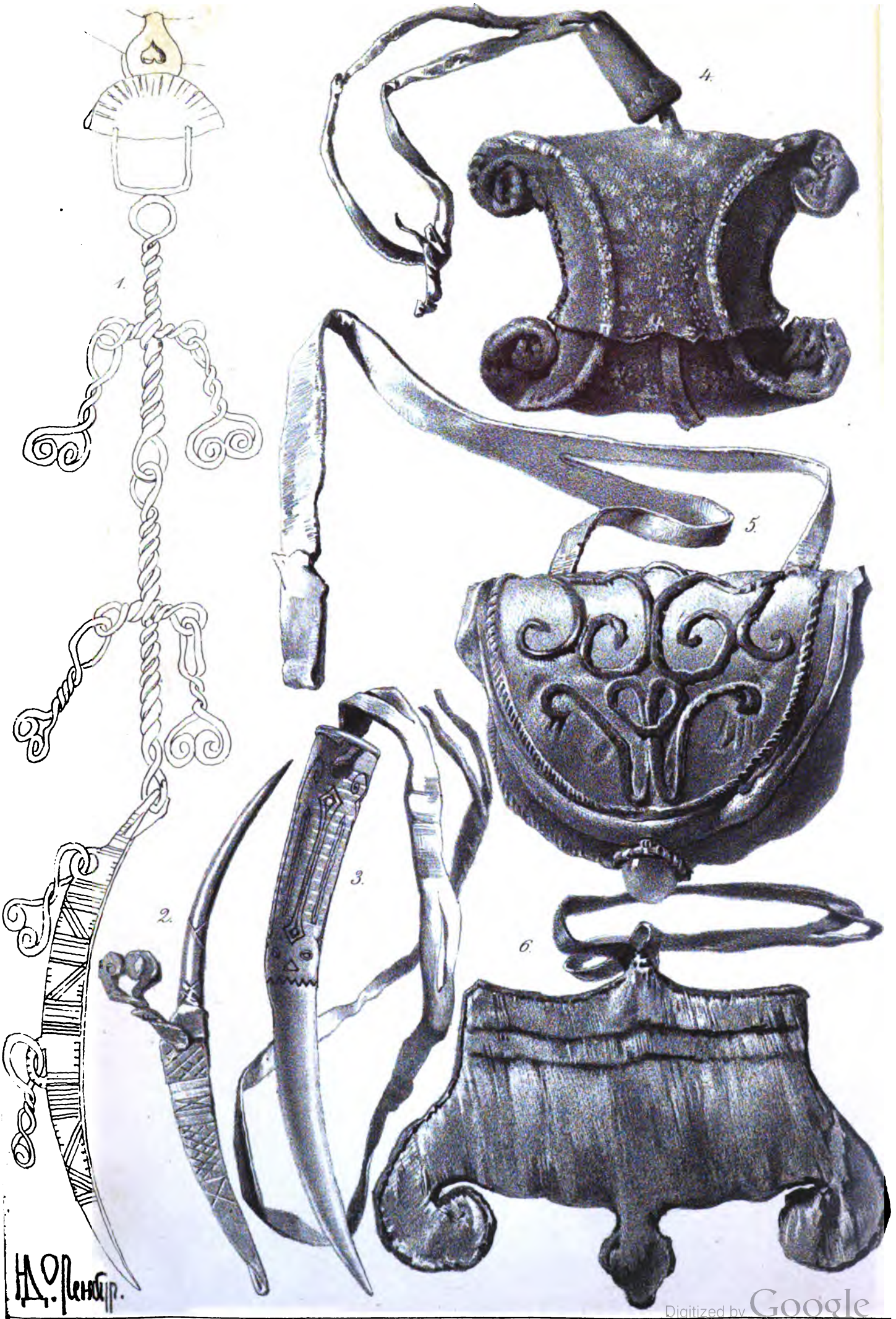
Digitized by Google



м. Оренбургъ.

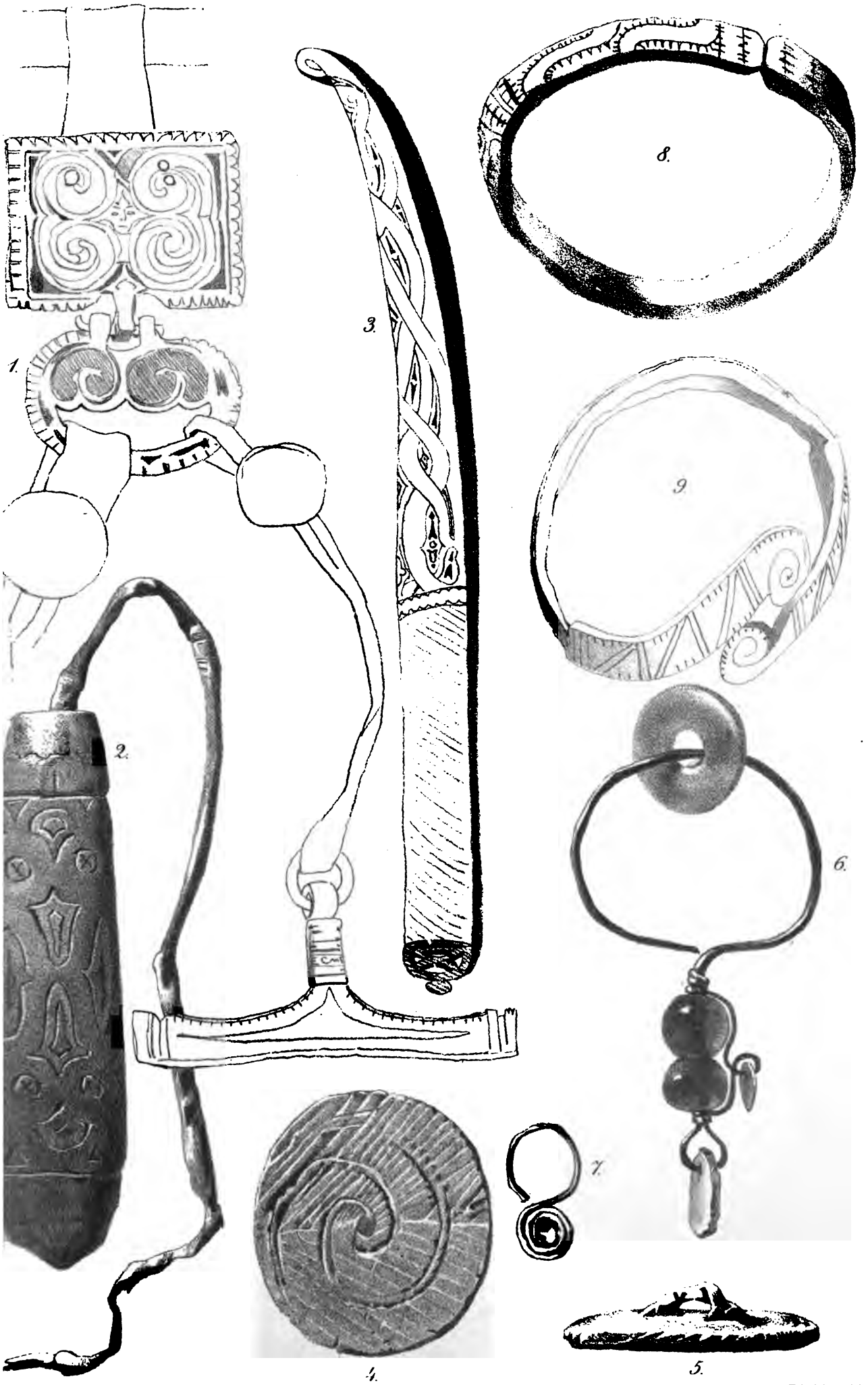
Гиляцкіе узоры изъ бересты.

Digitized by Google



Digitized by Google

Предметы Гиляцкаго обихода: 1, 2. Железное орудіе для чищенія трубки; 3. Тоже, кость



...ты. Тилячкаго обихода: 1. Огниво. 2. Игольникъ. 3. Снарядъ для глаженія дабы или рыбьей кожи,

Digitized by Google

Голодъ въ лѣтнемъ одѣяніи. Golde in Sommerkleidung.

Digitized by Google

Изд. Оренбур.

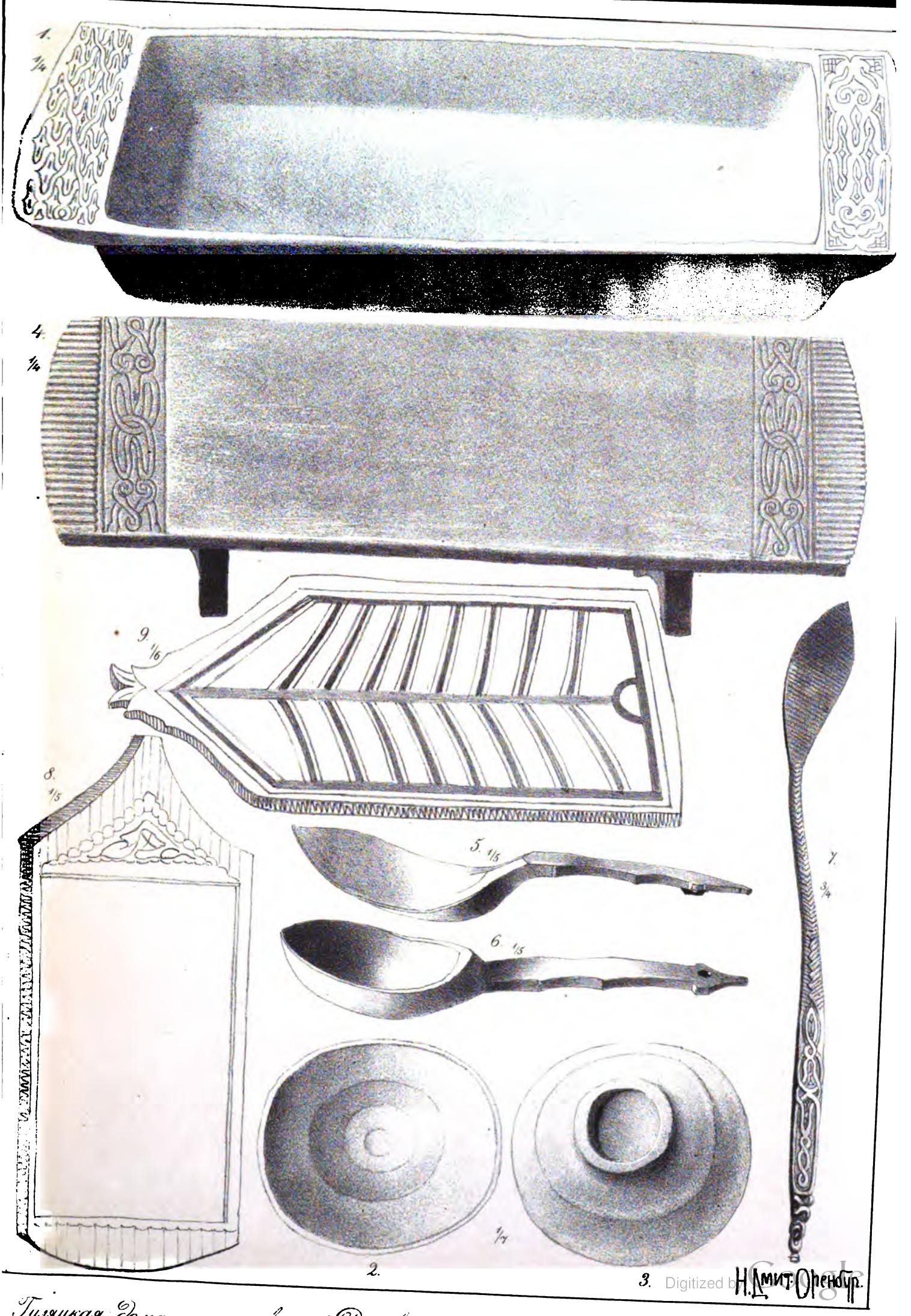
Digitized by Google

Гилячкіе ножи: 1_поясной, простой; 2_поясной, накладной работы; 3_ножикъ къ нему;

Digitized by Google

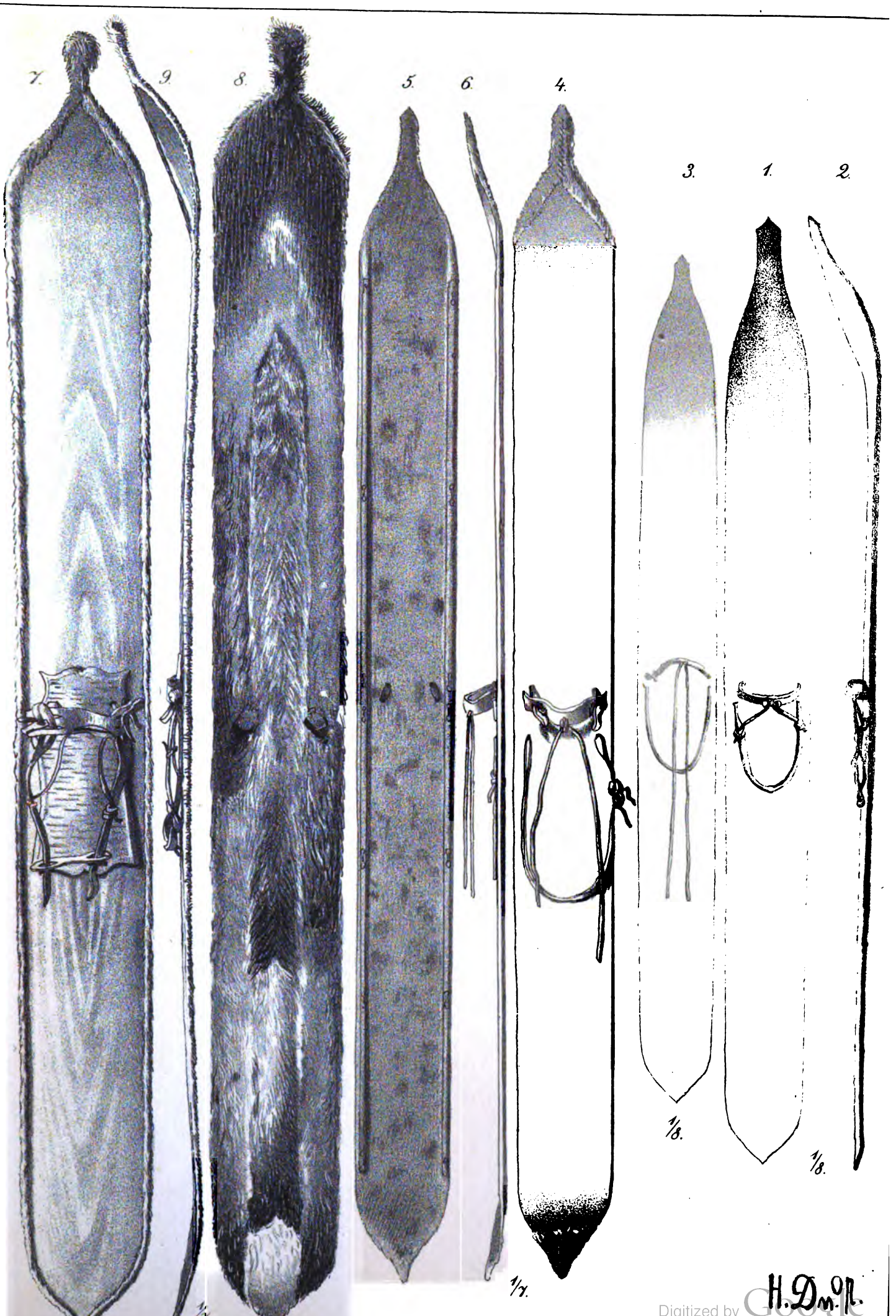
Digitized by Google

Гиляцкая домашняя утварь: 1. Берестяное ведро и 2. коромысло; 3. Железный котелъ,



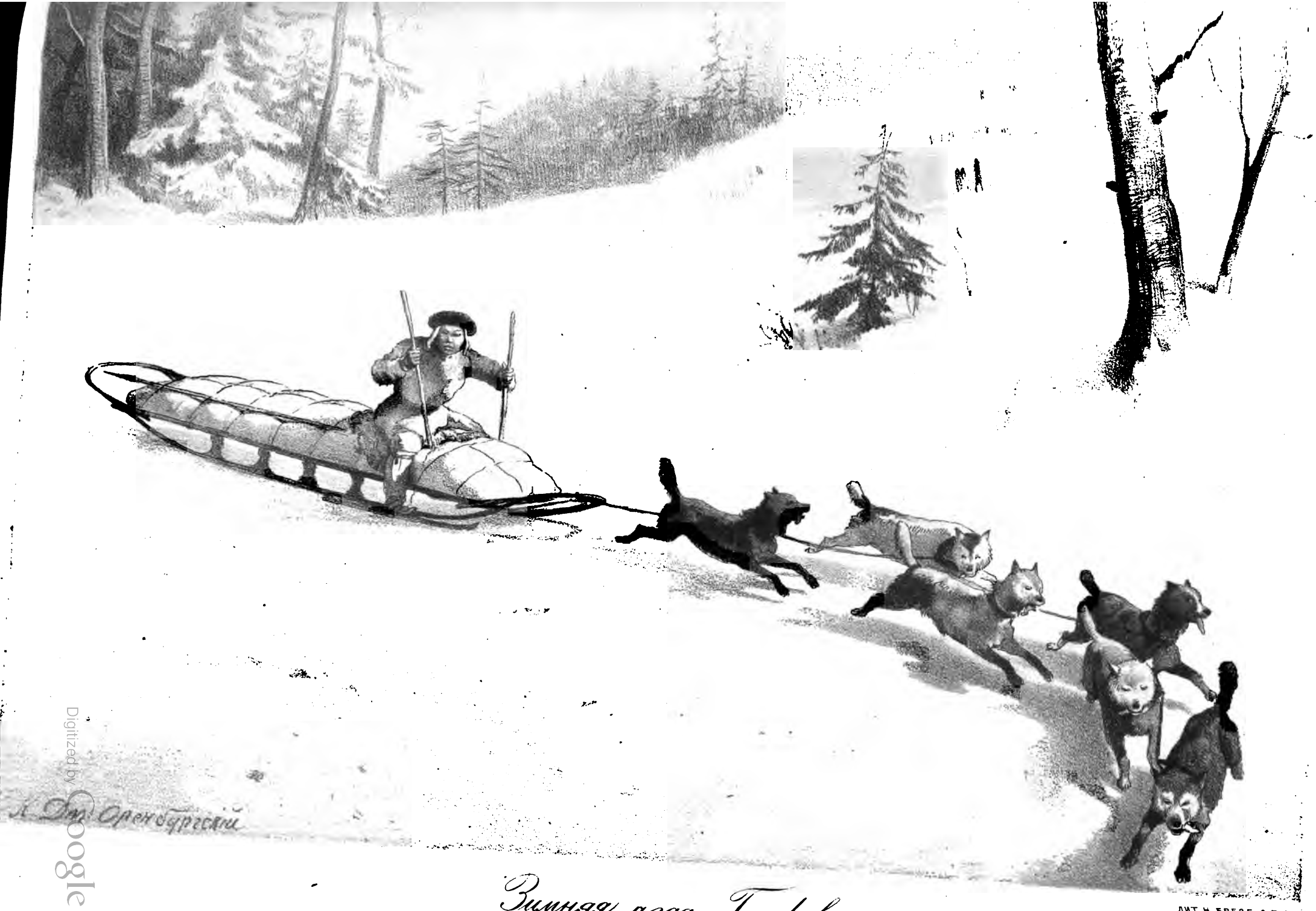
Гиляцкая домашняя утварь: 1. Деревянное корыто; 2. Большая деревянная чаша;
Она же снизу. 4. Ручной столик. 5.6. Дер...

Digitized by Google



Digitized by Google

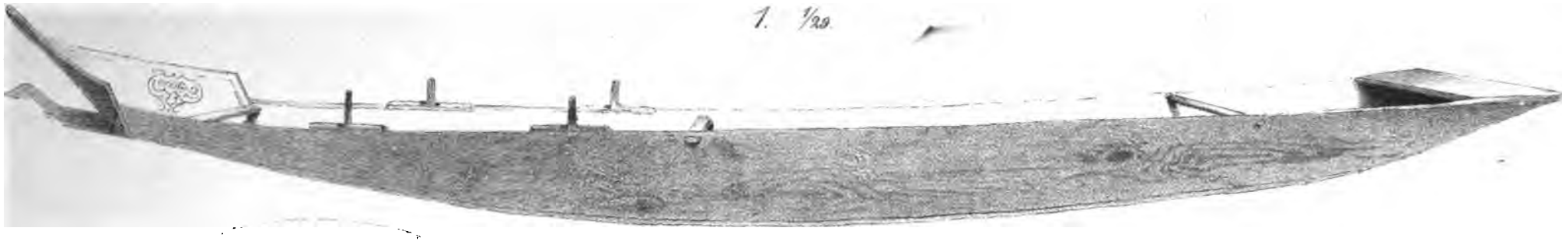
Digitized by Google



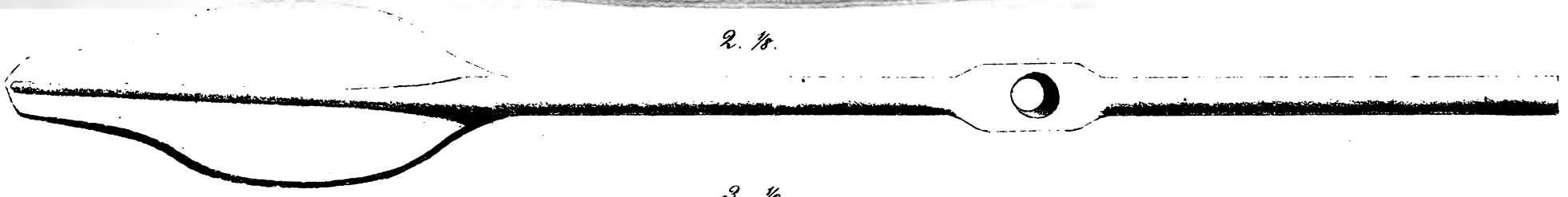
Зимняя езда Гиляков.

ЛИТ. Н. БРЕЗЕ, С. П. Б.

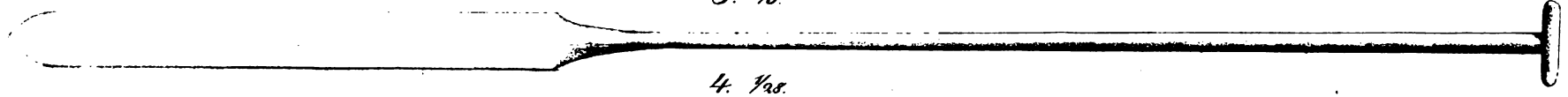
Digitized by Google



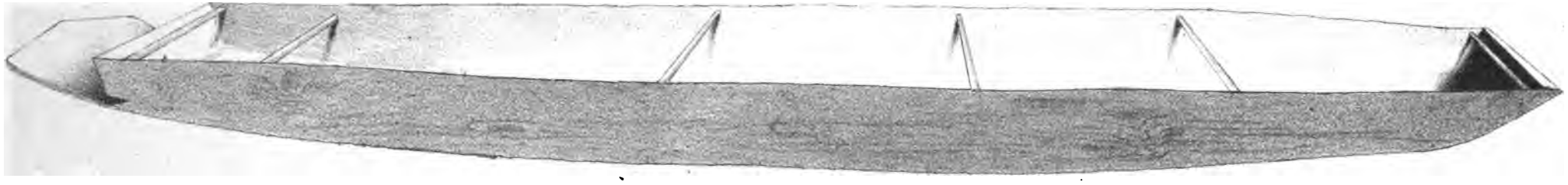
1. 1/20



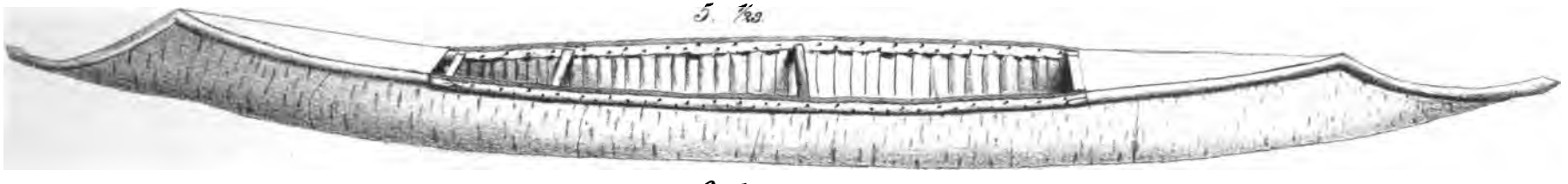
2. 1/8.



3. 1/9.



4. 1/28.



5. 1/20.

6. 1/32.

Digitized by Google

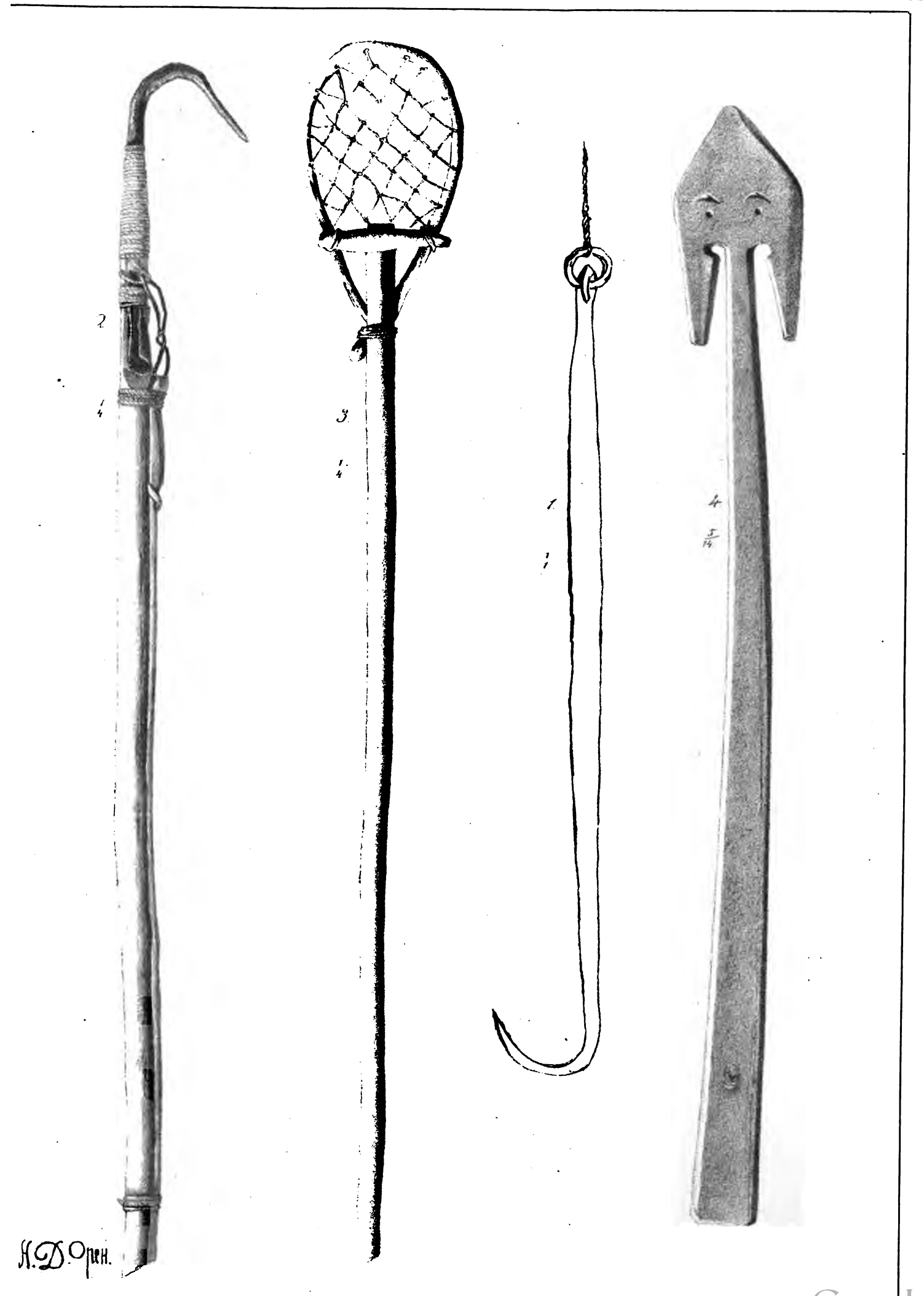
1-Обыкновенная Гиляцкая лодка; 2-Гребное и 3-Рулевое весло; къ ней; 4-Лодка сдланная изъ одного куска (-Голубевъ, Орочей), 5-Оморочка (Мангуновъ, Гольдовъ); 6-Тирарская лодка, сдл. изъ одного куска.

К. Дмитріевъ Оренб.

ЛИТ. Н. БРЕЗЕ, С.П.Б.

Празднованіе Гиляками вскрытія Амура.

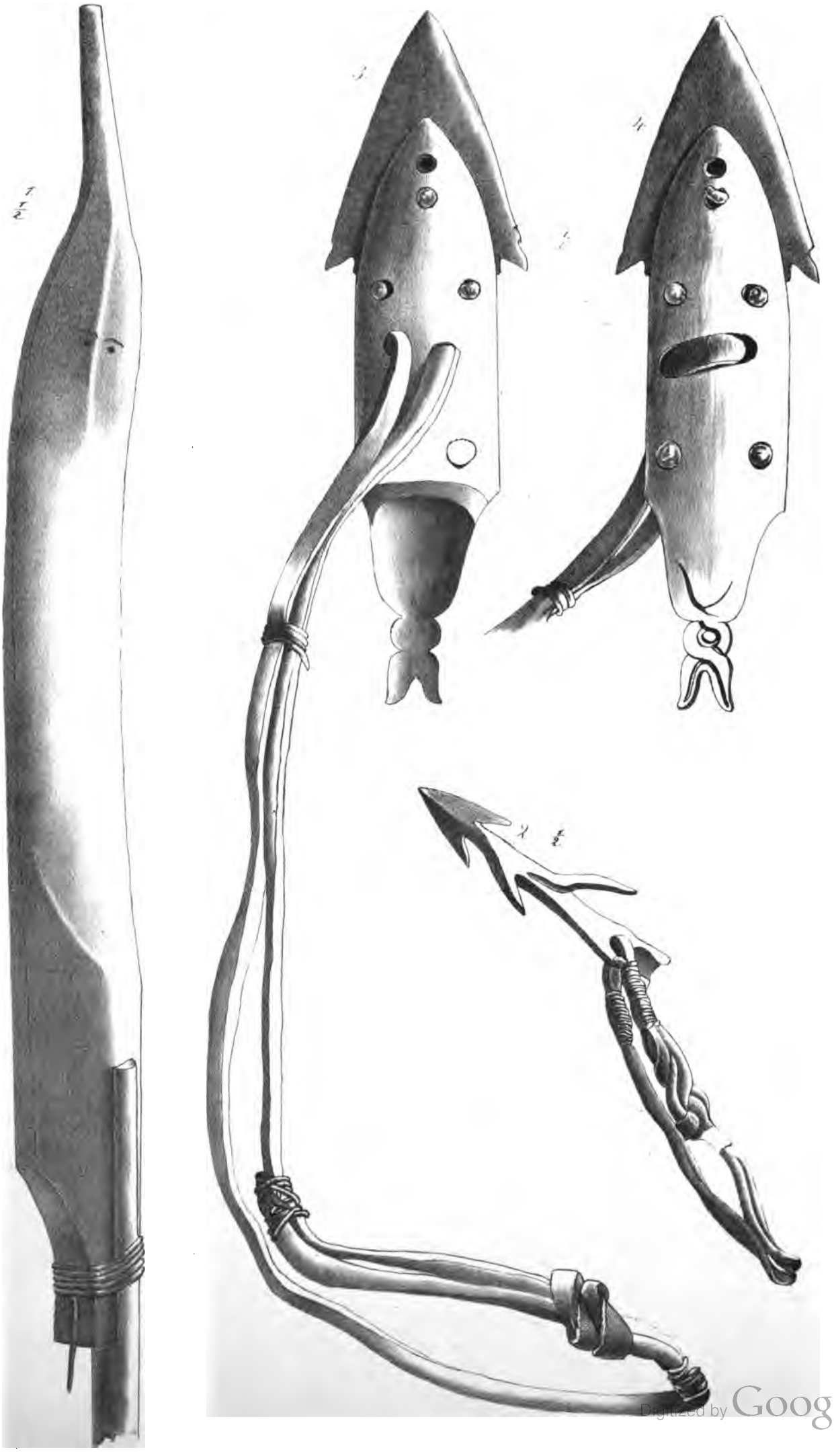
Digitized by Google



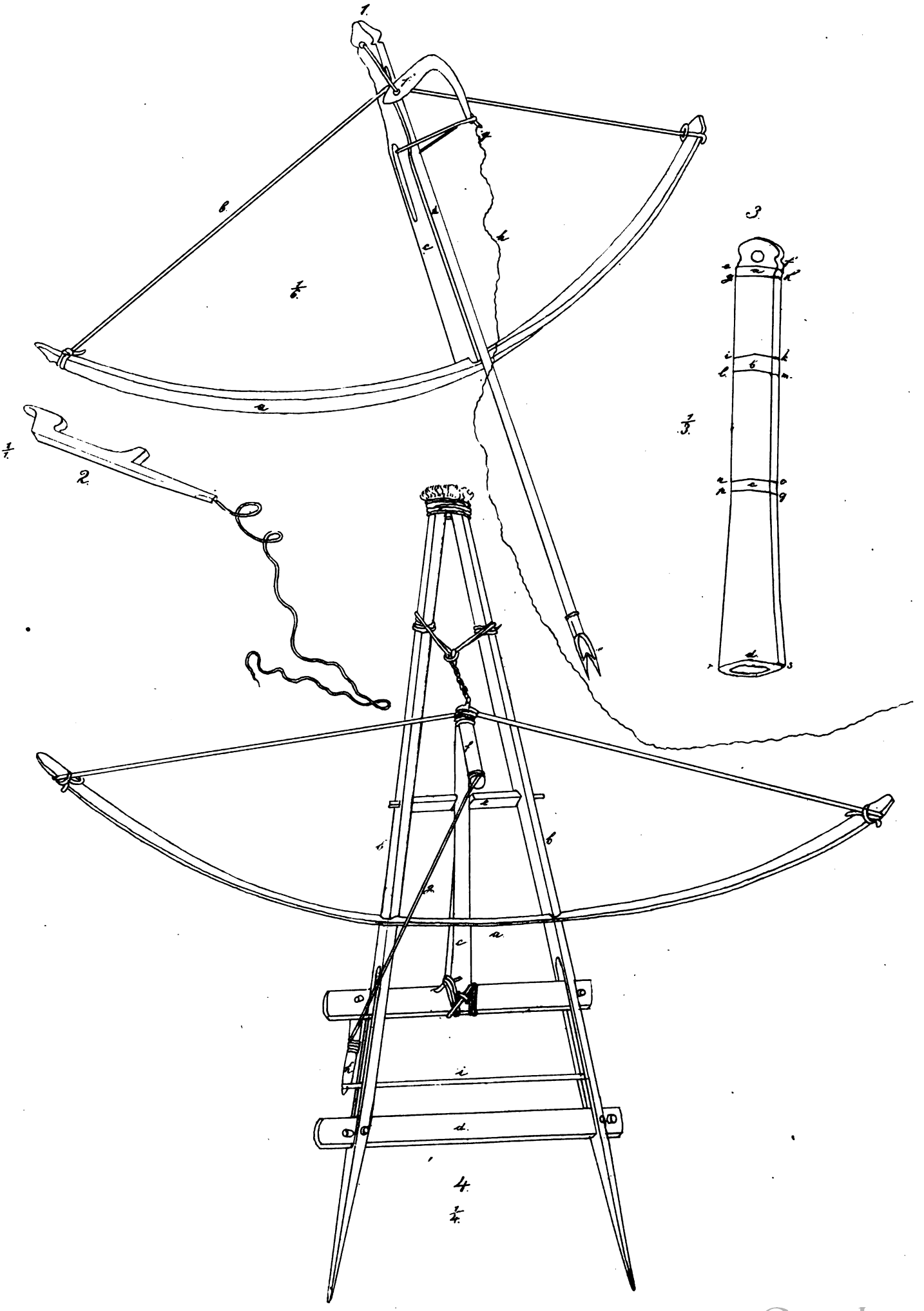
Digitized by Google

…кія рыбаловныя орудія. 1. Крючокъ для ловли вахни; 2. Крюкъ для вытаскиванія крупной

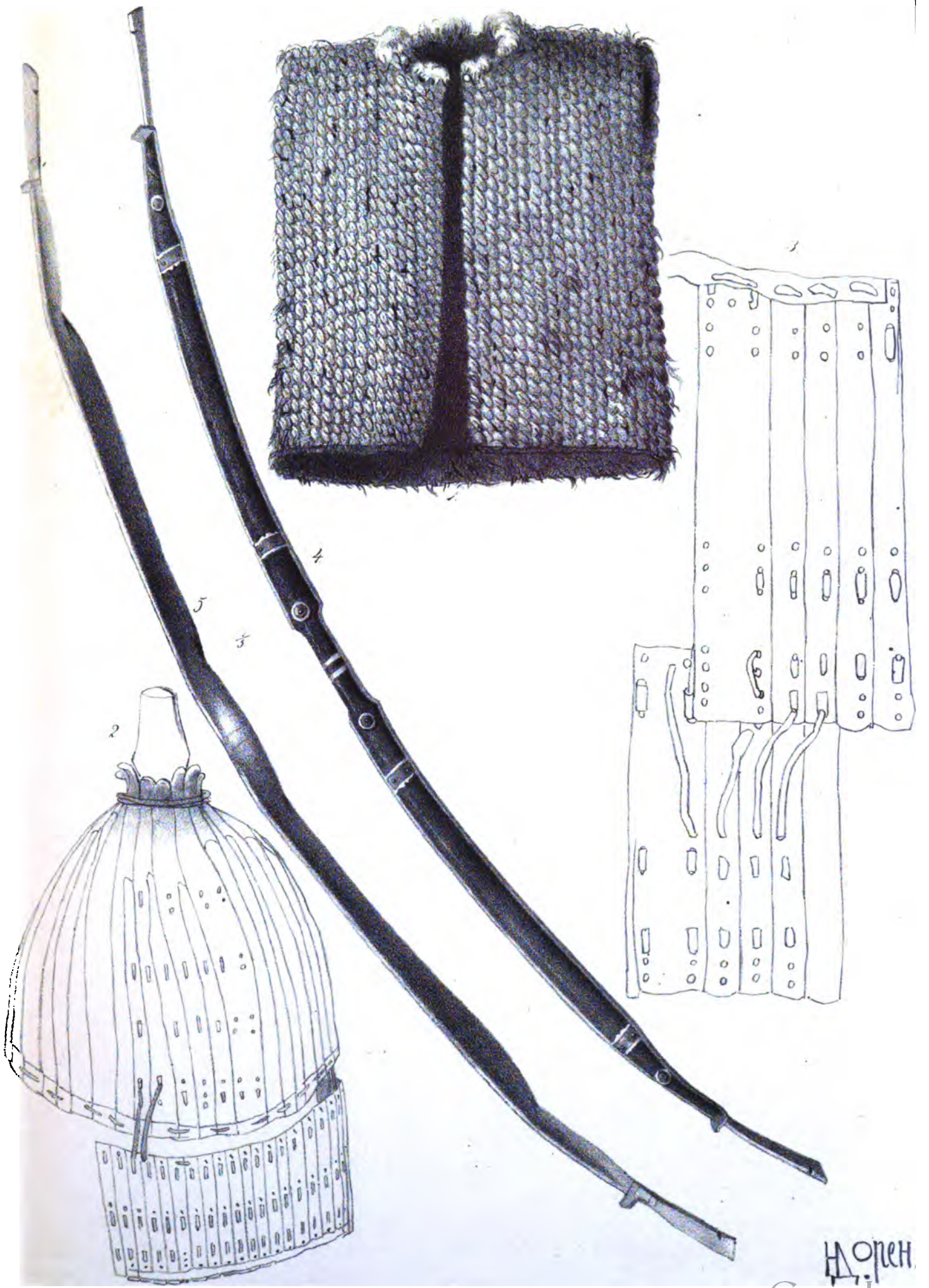
Digitized by Google



Digitized by Google

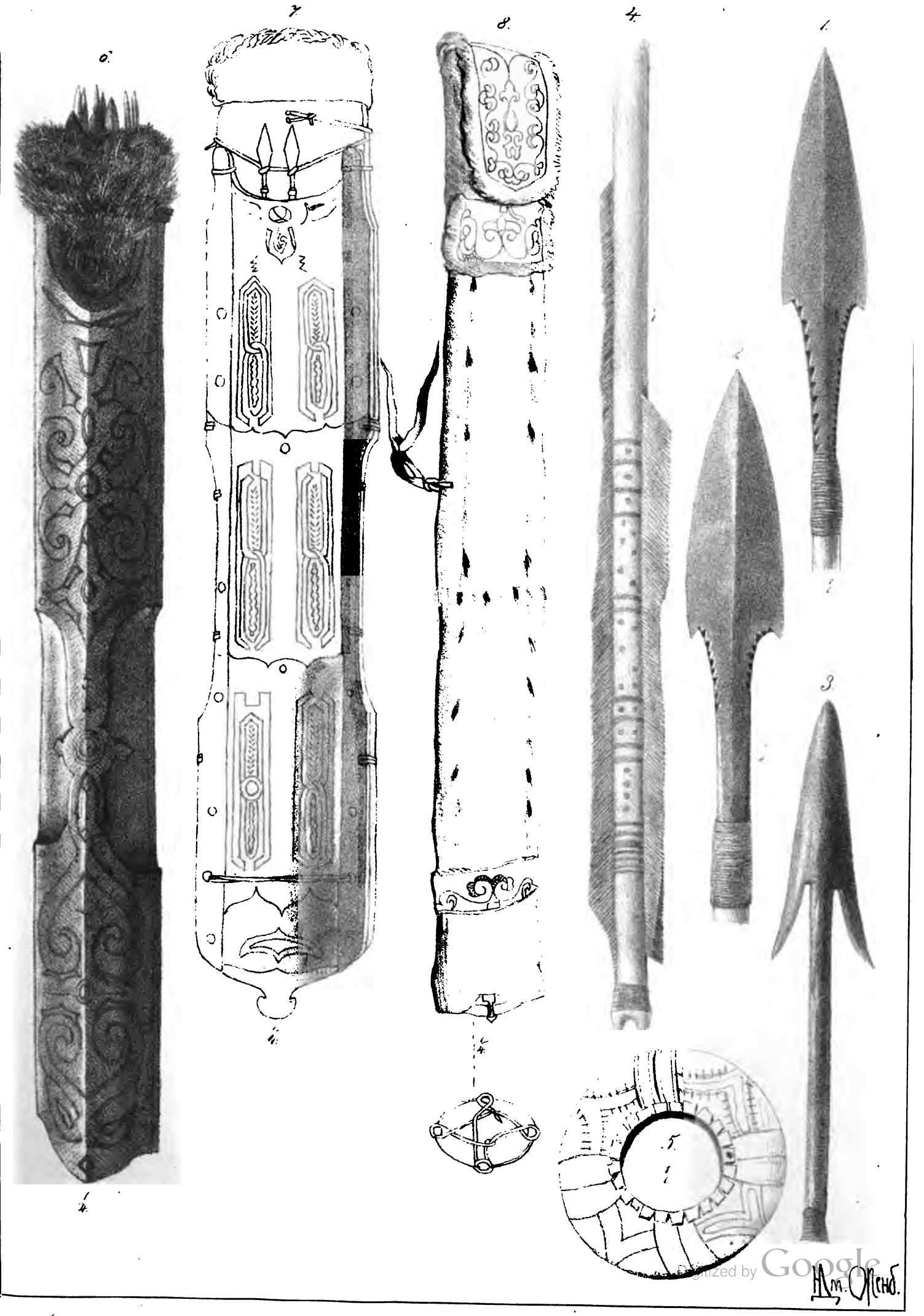


Digitized by Google



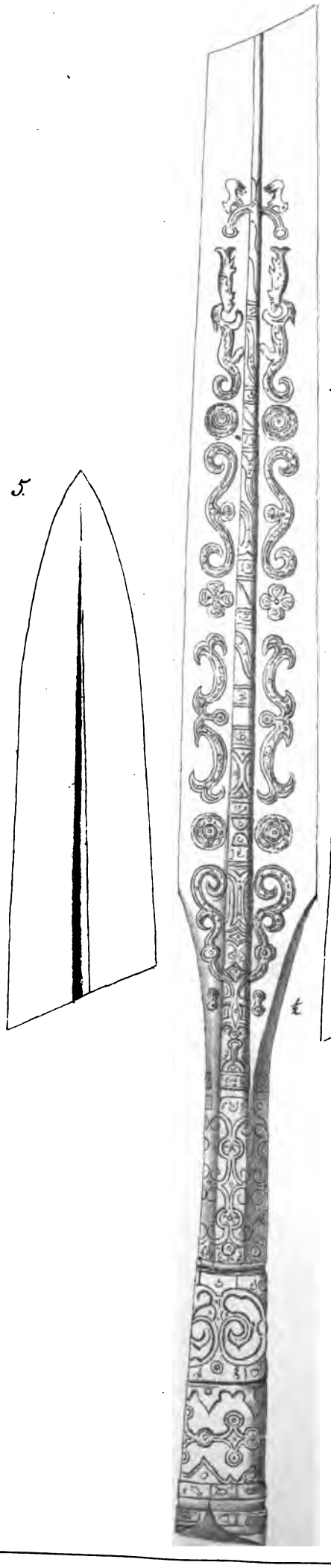
1 Древняя гиляцкая кольчуга; 2. Древний маньчжурский шлем; 3. Часть древней

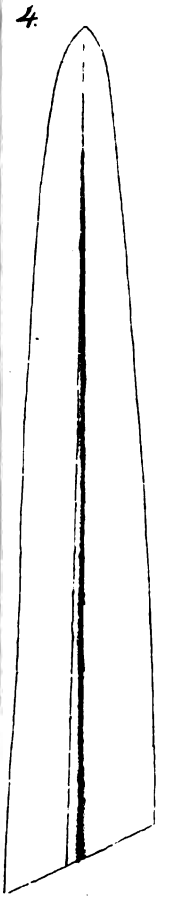
Digitized by Google

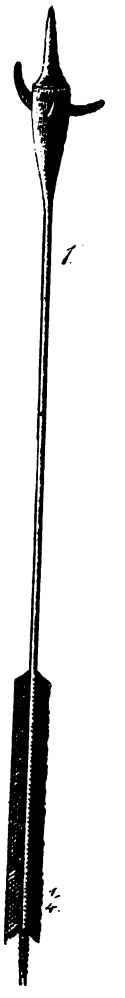


Digitized by Google

Гилянскія охотничьи орудія 13 Стр. 11







Digitized by Google